

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07019405 9

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

George Kennan

СБОРНИКЪ

ГАЗЕТЫ

„СИБИРЬ".

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ «СИБИРЬ».
1876.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
45097A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1922 L

Типографія Товарищества «Общественная Польза». Больш. Подъяч., д. № 39.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

	страп.
Магистръ. Романъ. Часть первая	1
Некультурныя расы. *Авесова*	189
Арестанты иркутскаго тюремнаго замка и ихъ содержаніе. Ст. 1. *С. С. Попова*	210
Блудный сынъ. Разсказъ *Кислозерскаго*	225
Письма изъ Пріаргунья. *П.В. Багашева*	237
Желчный тифоидъ въ Якутскѣ. *И. М. Пятухова*	269
Изъ воспоминаній старожила. Сила Бурдуковъ	289
Отъ Вѣрнаго до Каракола. *П. А. Галицкаго*	295
Нѣсколько мыслей о Камчаткѣ. *П. В. Громова*	305
Замѣтки о забайкальскихъ старообрядцахъ *Н. В. Ушарова*	313
Стихотвореніе «сонъ тунгуса» Z.	334
Реформы въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ. *Седьминца*	335
Стихотвореніе «въ Тайгѣ»	369
Скитанія сибирскаго прикащика по Китаю. *И. А-скаго*	371
Стихотвореніе «Нерѣзвою молоткой»	386
Очерки Нижнеколымскаго края. *А. В. Аргентова*	387
Чувства Сперанскаго къ Сибири. *Н. М. Ядринцева*	397
Остатки язычества у Якутовъ. *Ѳ. Соловьева*	409

Матеріалы къ исторіи Сибири.

Къ біографіи П. А. Словцова. *К. М. Голодникова*	423
Два письма Словцова. Сооб. *П. В. Громова*	432
Матеріалы для исторіи киргизской степи	435
Изъ бумагъ о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ	461

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ редакціи газеты «Сибирь», въ теченіи полугода, накопилось значительное количество такого матеріала, который не могъ уложиться въ газетныя рамки. Не желая оставить этотъ матеріалъ подъ спудомъ, редакція рѣшилась издать его въ видѣ особаго Сборника. Появятся ли за этимъ «первымъ» томомъ слѣдующіе,—будетъ зависѣть отъ того, какъ читатели примутъ настоящій опытъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МАГИСТРЪ.

I.

Мирное житіе тальянскаго клира.

Какъ хороша жизнь сельскихъ причтовъ, особенно гдѣ-нибудь вдали отъ большой дороги! Какая тишина, какое невозмутимое спокойствіе! Пріѣдетъ разъ въ годъ отецъ благочинный, употчуютъ его, ублаготворятъ елико возможно,—и опять на цѣлый годъ водворяется глубокій, ни чѣмъ не нарушаемый миръ. Все дышетъ здѣсь какою-то патріархальностью, все носитъ какой-то древній характеръ... Вотъ небольшая, почернѣвшая отъ времени церковь; обширная церковная ограда заросла высокой травой, изъ которой выглядываютъ тамъ и здѣсь деревенскіе мавзолеи, старыя, черныя домовища, представляющія собою въ миніатюрѣ цѣлую деревню. Въ оградѣ дружно пасутся овцы и телята, принадлежащія причту. А вотъ, тотчасъ за оградой и дома священнослужителей, стоящіе на—особицу и гордо выглядывающіе на неопрятныя крестьянскія избы, которыя, какъ бы стыдясь своего неряшества и низкаго происхожденія, раздались на обѣ стороны и образовали большую площадь, идущую прямо къ рѣкѣ... Тучныя свиньи, вдоволь наѣвшись мірскаго хлѣба и улегшись

*) Настоящія главы составляютъ первую часть романа. Онѣ написаны еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Болѣзнь автора и затѣмъ обстоятельства отвлекли его отъ занятій чисто литературныхъ, хотя и не совсѣмъ. Редакція надѣется, что изображаемыя здѣсь сцены не потеряли и нынѣ своего интереса. Быть можетъ, со временемъ появится и окончаніе романа.

Digitized by Google

подъ заборомъ, за солнышкомъ, лѣниво поворачиваются съ боку на бокъ и задумчиво похрюкиваютъ. Множество куръ роется въ навозѣ,— и тутъ же, въ красненькихъ рубашенкахъ возится цѣлая куча ребятъ—поповскихъ, дьяконскихъ и пономарскихъ дѣтей.

Небольшая рѣчка, Еловка какая-нибудь, неторопясь катитъ мимо села свои желтоватыя воды, а за ней, прямо противъ села, возвышается некрутая гора, на вершинѣ которой, изъ за рѣдкихъ кустовъ березняка выглядываютъ кресты деревенскихъ могилъ. Но, виноваты, эта рѣчка—вовсе не Еловка, и эта гора—не простая гора. Это потокъ Кедрскій, и гора—гора Елеонская, съ Геѳсиманіей. Такъ все въ глазахъ мирнаго сельскаго причта, постоянно вращающагося въ сферѣ библейскихъ событій, принимаетъ историческій, нѣкоторымъ образомъ священный характеръ. Въ самомъ селѣ и людямъ и даже зданіямъ часто усвоивается какое-нибудь старинное названіе. Есть тамъ и благообразный Іосифъ—старый, сѣдой мельникъ, безвозмездно мелющій хлѣбъ на причтъ; есть Марѳа и Марія—сестры лазаревы, двѣ одинокія, бойкія солдатки, которымъ всѣ молодые ребята деревни приходятся Лазарями и которымъ самъ о. Ефимъ всегда скажетъ, когда проходитъ мимо и онѣ съ лукавымъ смиреніемъ подходятъ къ нему подъ благословеніе:

— Ой, вы, Марѳа и Марія, сестры лазаревы!

Разговоры между духовенствомъ также почти всегда имѣютъ оттѣнокъ древности.

— Взыдемъ-ка, о. дьяконъ, въ Капернаумъ, говоритъ о. Ефимъ, выходя послѣ службы изъ церкви. И они величавыми шагами отправляются въ стоящій на самой площади домикъ съ надписью.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ, отче-святый, по красоулѣ, стомаха ради и частыхъ недуговъ! Идутъ и выпиваютъ на складчину.

Бываетъ иногда, что послѣ этого десница о. Ефима коснется шуей щеки о. дьякона.

— Сокрушу зубы грѣшниковъ! говоритъ въ такомъ случаѣ о. Ефимъ.

— Нѣтъ, врешь, о. Ефимъ, возражаетъ дьяконъ. Не сокрушишь!

— Сокрушу! повторяетъ о. Ефимъ,—и сокрушаетъ.

— Ты что, о. Ефимъ, дерешься? Вздурѣлъ, что ли, продолжаетъ о. дьяконъ.

— Дуракъ ты, дуракъ, дьяконъ! Развѣ я тебя бью? Я-те не бью, а добру учу!...

Digitized by Google

Бываетъ также, что самъ, о. Ефимъ, «пріобщившись пріискренне», изобразитъ собою праведнаго Ноя въ виноградникѣ и его ведутъ, еле-можаху, подъ руки, ведутъ, а може не хощетъ... Но всѣ эти событія, облеченныя въ такую почтенную форму, ни мало не нарушаютъ патріархально-мирнаго теченія жизни.

Такою-то спокойною, счастливою жизнью наслаждался, между прочими членами причта Николаевской церкви села Тальянъ, нѣкій Михайло—пономарь, по прозванью Поповъ. Увы, проходятъ теперь эти добрыя, старыя времена! Прогрессъ шибко проникаетъ всюду. Библейскія названія замѣняются другими, взятыми изъ новѣйшей исторіи и литературы: являются «селифаны», «облупы» и «разуван». Завелась между причтами строгая субординація, утонченная вѣжливость и амбиція; пошли ссоры и кляузы, въ поживу «дикастеріямъ». Русское питье стало замѣняться заморскимъ и вмѣсто дружной, душеполезной бесѣды о домовыхъ, лѣшихъ и оборотняхъ, честные отцы лупятся въ ералашъ и стуколку, проигрывая еще нескошенное сѣно и недѣленые доходы изъ кружки.

II.

Михайло-пономарь.

Въ 1830 году стукнуло ровно двадцать лѣтъ, какъ Михайло-пономарь унаслѣдовалъ мѣсто родителя своего, тоже Михайла и тоже пономаря, при тальянской церкви. Вмѣстѣ съ должностью досталось ему и все имѣнье отца, состоявшее изъ дома, выстроеннаго старикомъ еще въ годы его молодости, двухъ старыхъ подрясниковъ, одного китайчатаго, другаго черно-плисоваго, отъ времени пожелтѣвшаго, одной старой коровы, одной телушки, да разнаго мелкаго, домашняго скарба. Домъ былъ дотого малъ, что двоимъ нельзя было въ немъ пошевелиться, не задѣвъ другъ друга; по этому старый пономарь справедливо отвѣчалъ, когда при ревизіи, спросили его: отчего это у васъ, пономарей, всегда бываетъ много дѣтей? «эхъ, ваше пр—во, избенки у насъ маленькія,—и нехотѣлъ бы иной разъ, да невольно задѣнешь пономарицу!».

*

Digitized by Google

Чтобы получить все это наслѣдство, Михайло долженъ былъ исключиться изъ духовнаго училища, гдѣ онъ преуспѣвалъ уже въ то время, будучи осьмнадцати лѣтъ, въ изученіи латинскихъ и греческихъ спряженій. Но перспектива независимой жизни и—главное—скорой женитьбы была, вѣрно, плѣнительнѣе спряженій, и Михайло безъ сожалѣнія оставилъ бурсу и отправился въ родныя Тальяны «доить колокола». По настоянію старухи-матери, непротивному и его собственнымъ желаніямъ, онъ въ тотъ же годъ обзавелся «бабой» и зажилъ ни шатко, ни валко, по-пономарскому. Парень онъ былъ здоровый, могучій; широтой плечъ онъ неуступалъ любому протодьякону. Силища у него съ молоду была такая, что онъ заразъ уносилъ домой изъ магазиновъ по четыре мѣшка руги: по одному положитъ на плеча и по мѣшку возметъ подъ мышки, и несетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! По этому не мудрено, что онъ пользовался почетомъ во всей деревнѣ и внушалъ даже нѣкоторый страхъ мужикамъ, которые, какъ извѣстно, съиздавна имѣютъ весьма предосудительную, впрочемъ, привычку, при всякомъ удобномъ случаѣ поднимать на-смѣхъ «жеребячью породу». Тальянскія лѣтописи разсказываютъ по поводу необыкновенной силы Михайла-пономаря много занимательныхъ случаевъ. Такъ, возвращаясь однажды ночью домой изъ гостей, подъ хмѣльсомъ, Михайло вздумалъ еще выпить «на свои» и отправился въ кабакъ. Цѣловальникъ съ цѣловальницей уже заперлись и, зная, что пономарь «во хмѣлю не спокоенъ», не хотѣли его впустить.

— А, разбойникъ, каналья, ты не хочешь меня пустить? Меня—Михайлу пономаря пустить не хочешь? Ладно, ладно! Такъ я же тебѣ удружу!

Михайло отправился на мельницу, чуть не за версту отъ кабака, принесъ оттуда жорновъ, лежавшій безъ употребленія и завалилъ имъ двери кабака.

— Сиди же ты у меня тутъ, подлецъ, и съ цѣловальницей своей шельмой. По мнѣ хоть... сидите! промолвилъ нашъ силачъ и отправился домой, утѣшенный тѣмъ, что отмстилъ цѣловальнику. На завтра цѣловальникъ долженъ былъ сзывать людей, чтобы оттащить отъ кабака жорновъ; четверо добрыхъ пьяницъ едва оттащили его отъ дверей.

При всей однако могучей силѣ Михайло-пономарь былъ страшный трусъ. Во-первыхъ, всякій разъ, какъ пономарицѣ наступало время

Digitized by Google

родить, Михайло, позвавъ бабушку Евтифѣевну, самъ уходилъ ночевать въ церковную палатку, гдѣ и пробивался до тѣхъ поръ, пока таже Евтифѣевна не приходила звать его домой, поздравляя съ новорожденнымъ. Тогда нашъ пономарь смиренно, точно провинившійся блудливый котъ, плелся домой и первое время велъ себя тише воды, ниже травы. Во вторыхъ, Михайло ужасно боялся воровъ. Чуть что-нибудь ночью стукнетъ на дворѣ, — корова ли вздумаетъ почесаться объ уголъ или собака, лежа на крыльцѣ и тревожимая блохами, поцарапаетъ у себя ногою за ухомъ и произведетъ при этомъ учащенный стукъ, пономарь вскакиваетъ съ постели, чутко прислушивается и будитъ пономарицу.

— Мать, а, мать! Слушай-ка, кто-то какъ будто въ сѣняхъ ходитъ?

— Ну, кому тамъ ходить-то? Нѣту никого, отвѣчаетъ пономарица, которой вовсе не хочется вставать съ постели.

— Ой, нѣтъ, право, ходитъ! Не слышу я, что ли? Поди-ко ты посмотри, въ самомъ дѣлѣ!

Пономарица, дѣлать нечего, встаетъ съ постели и идетъ въ сѣни. Михайло, выпустивъ ее, скорѣе запираетъ за собою двери на крючокъ и снова прислушивается. Не случалось, чтобы серьозная опасность угрожала когда-нибудь пономарицѣ, потому что не на что было ворамъ и позариться у Михайла. Но выскочилъ ли бы онъ на улицу, если бы вдругъ на жену его кто-нибудь напалъ и она закричала бы лихимъ матомъ,—или бы онъ запрятался подъ кровать? вопросъ, за неимѣніемъ фактовъ, остающійся нерѣшеннымъ.

Хозяйство у нашего пономаря какъ то вообще не спорилось: такъ ужъ, счастья ни въ чемъ не было! Съ молоду еще былъ у него и конишко, водились коровенки и овцы. Желая какъ можно больше выгодъ извлечь изъ своего маленькаго хозяйства—желаніе, согласитесь, очень естественное — Михайло придумалъ особый способъ извлекать эти выгоды. Хитеръ на выдумки былъ нашъ пономарь! Онъ разсуждалъ, что промѣнявши молодую лошадь на старую и взявши полштофа водки въ придачу, онъ не только ничего не проиграетъ, но будетъ еще въ большомъ выигрышѣ. Такъ онъ и дѣлалъ постоянно, пока, подымаясь, какъ онъ выражался, «на франсы—курансы», не домѣнялся до кнутика и не остался при одной коровѣ, и то потому, что корова составляла собственность пономарицы, ибо дана ей была еще теленкомъ въ приданое. Между тѣмъ эти «придачи»,

Digitized by Google

«наддачи», а также даровыя угощенья, поминки и прочія «франсы—курансы» сильно изощрили въ Михайлѣ вкусъ къ хмѣльному. Онъ и никогда-то не былъ сильно охочъ до работы, а теперь и положительно все бросилъ. Теперь, если не начто ему выпить, онъ лежитъ растянувшись на лавкѣ и свѣсивъ козлиную бороду чуть не до полу. Лежитъ и мечтаетъ:

— А знаешь ли, мать, о чемъ я думаю?

— Ктожъ тебя знаетъ? Мало ли что вамъ, дуракамъ, лѣзетъ въ голову-то!

Михайло на этотъ разъ необидится прозвищемъ, которое даетъ ему пономарица: сильная мысль шевелится у него въ головѣ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! пристаетъ онъ къ женѣ.

— Да поди-ты отъ меня! Досугъ мнѣ тутъ отгадывать!

— Я думаю, знаешь, вотъ что: что, если бы я вдругъ сто рублей нашелъ? Шелъ бы по улицѣ, да и нашелъ! что бы я съ ними сдѣлалъ? а?

— Извѣстно, что! безъ затрудненія отвѣтила жена. Пропилъ бы, да и только! Мало добренькаго-то было, да все сплыло!

— Эка дура! Я, чтоли, это сдѣлалъ? Ты, вѣдь, все вотъ народила угланятъ-то. А кто ихъ кормитъ? Не я, развѣ?

— Ну, много укормилъ! отвѣтитъ пономарица и порывисто начинаетъ продолжать свою работу.

— Эхъ, а важно бы было, продолжаетъ фантазировать Михайло Перво—дѣло купилъ бы себѣ рысака, кованку бы завелъ, сани казанскіе. Эхъ, разлюли, покатывалъ бы по гостямъ!

Или вдругъ, тоже наскучивъ молчаніемъ, царствующимъ въ избѣ, когда ребята уже заснутъ и одно лишь веретено, спущенное рукою пономарицы, жужжитъ и вертится на полу, Михайло съ позѣвотой обратится къ женѣ.

— А что, мать, вѣдь я, однако, у Терехи жеребенка-то куплю? Славный меренокъ будетъ!

Пономарица только отплюнется.

— Ой ужъ! Не ты бы говорилъ, не я бы слушала. Купитъ онъ! А у самого—въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи. Тошно, право, слушать! Поди-ка, лучше, наколи дровъ-то!

— И сама наколешь, не велика барыня!

Digitized by Google

III.

Бачка-отецъ Ефимъ.

Чудный человѣкъ былъ о. Ефимъ! Какой веселый и разговорчивый! Тальянскіе мужики были просто безъ ума отъ него: ни одинъ штофъ вина не распивался у нихъ безъ о. Ефима. За то же и о. Ефимъ умѣлъ уважить своихъ прихожанъ: обращался съ ними запросто на «ты», любилъ куликнуть съ ними порядкомъ, любилъ покалякать на завалинкѣ или за чарочкой.

Преинтересно, бывало слушать, когда разсказываетъ, напримѣръ, о. Ефимъ, какъ ихъ съ Михайломъ-пономаремъ лѣшій водилъ.

— «Ѣхали мы, этта, съ престольнаго праздника изъ Таракашиной. Ѣдемъ, да покалякиваемъ о томъ, о семъ; а на дворѣ ночь, темень страшная—зги не видать; дорога лѣсомъ. Вдругъ телега наша задѣла за пень. А правитъ Михайло.—Вороти, говорю, вправо! Поворотилъ,—опять задѣло, ужъ за березу. Фу, ты, чортъ! Дорога, кажись, не узкая; какъ такъ? Взялъ я у пономаря возжи. Ворочу влѣво—пень; поворочу вправо—береза! Вылѣзли мы изъ телеги, давай шарить дорогу,—а дорога, какъ есть тутъ, и телега стоитъ на самой срединѣ—ни пня, ни березы никакихъ нѣтъ! Опять садимся и понужаемъ игренька. Игрень бросился впередъ—анъ, нѣтъ! Опять задѣло и—кракъ! Оборвалась подтяжка. «Ну, плохо дѣло, говорю я пономарю. Вылѣзай, братъ Михайло, опять! Снова вылѣзли: опять—дорога какъ дорога, телега на дорогѣ, а подтяжка лопнула! Чтожъ бы вы думали? Маялись, маялись мы, да такъ вѣдь и уснули. Утромъ, глядимъ: телега стоитъ на дорогѣ, а игренька приворотилъ не много къ березѣ и пошмыгиваетъ листья. Только хвать, гдѣ-же наши шляпы? Глядимъ около себя—нѣту! Терять, кажись, не теряли. Глядимъ по сторонамъ—тамъ, самъ; а шляпы наши висятъ на высокой—превысокой березѣ! Вотъ, братецъ ты мой, какъ онъ, подлецъ, подшучиваетъ»!

— «А то тоже вотъ, продолжаетъ о. Ефимъ, было со мной же. Я еще молодой былъ. Засидѣлся я какъ-то у Тимошина, у старика. Дѣло было зимой. Пошелъ я домой; поздно ужъ было. Только гляжу: что же это подъ ногами, точно гряды и снѣгъ такой глубокой? Смотрю—

Digitized by Google

съ одной стороны заборъ, и превысочайшій! Перескакиваю по бороздамъ, черезъ сугробъ на другую сторону—такой же заборъ. Какъ это, думаю-себѣ, угораздило меня въ огородъ-то попасть? Куда же теперь вылѣзти? А во дворѣ, слышу, собаки на-приступъ лаютъ. Знаю, и чьи собаки—Матренки Бугаевой! Закричать—пожалуй, выпустятъ собакъ—разорвутъ, стервы! Гляжу—у самаго забора—баня. Полѣзъ я на баню; гляжу съ кровли—улица, какъ есть улица и насупротивъ дома. Подобралъ я ряску и—бухъ! съ угла прямо на улицу. Чтожъ бы вы думали, сдѣлалъ онъ, таку-его?.. Вмѣсто улицы—гляжу, я соскочилъ опять въ Матренкинъ огородъ. Я снова на баню—ну, улица, улица внизу, вижу яснешенько!—Прыгъ!—опять въ огородѣ! Да такъ, братецъ мой, до утра вѣдь промаялся. Замерзъ, наконецъ, давай чураться, да креститься! Едва-то, едва вылѣзъ, да давай-Богъ ноги.—Хоть погрѣться дома; а тамъ къ заутрени надо. Такая, вѣдь, распротоканалья»!

Мужики ахаютъ, хохочутъ и, трепля по плечу о. Ефима, прибавляютъ:

— Ну, ходокъ же ты былъ съ молоду-то, о. Ефимъ!

— Гм! ухмыляется о. Ефимъ.

Съ другомъ нашимъ—Михайломъ пономаремъ о. Ефимъ былъ ласковъ и снисходителенъ. Оба они одну чашу пили: вмѣстѣ ихъ и лѣшій водилъ, вмѣстѣ и цаловальникъ угощалъ. Въ церкви они вели себя за-всяко-просто, по домашнему. Поетъ, бывало, Михайло на клиросѣ, подперши рукою правую щеку, а самъ поглядываетъ въ окошечко. Вытягиваетъ онъ-себѣ самыя высокія ноты, выводитъ самыя диковинныя варіяціи. А прямо противъ церкви, на рѣкѣ дѣвки рубахи полощатъ. Михайло только-что поднялся на самую высокую ноту: хе-е-е... и вдругъ, совершенно неожиданно разражается восклицаніемъ:

— Ахъ ты, будь ты проклята, анаѳема!

Потомъ сплюнулъ, вытеръ полой бороду и продолжалъ пѣніе. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время бойкая дѣвка, Малашка, приподняла съ одного конца доску, на другомъ концѣ которой другая дѣвка, Евлашка, колотила рубахи. Доска опрокинулась въ воду и Евлаха, какъ-небывало, бухъ верхъ-тормашкой въ воду и давай бултыхаться, какъ утка... Впрочемъ, о Ефимъ при подобныхъ, ужъ очень соблазнительныхъ уклоненіяхъ отъ текста, выглядывалъ изъ алтаря и строго замѣчалъ Михайлу:

Digitized by Google

— Эй, пономарь, заврался! Смотри у меня!

Съ своей приходской церковью Михайло до того освоился, что перенесъ туда изъ дому даже кое-какой домашній скарбъ. Разъ о. Ефимъ открылъ спрятанные между ризами сапоги съ онучами. Михайло, видите ли, купивши новые, козловые сапоги, предназначилъ ихъ для употребленія только на службѣ и не желая ихъ пачкать безъ надобности, приходилъ въ церковь въ своей обыкновенной обуви и тутъ ужъ переобувался. А чтобы трапезники несоблазнились, кой-грѣхъ, новенькими сапогами, онъ и замыкалъ ихъ въ ризничномъ шкафу, въ алтарѣ. О. Ефимъ строго замѣтилъ своему подчиненному все неприличіе подобнаго поведенія. Но нашъ пономарь отвѣчалъ:

— А ты-то самъ, о. Ефимъ, развѣ не пряталъ подъ престолъ деньги?

— Дуракъ! то деньги, а то сапоги! отвѣчалъ здраво о. Ефимъ и ужасно былъ сердитъ при этомъ.

Съ этими деньгами, надо сказать, случилась печальная исторія. Разъ пріѣзжаетъ въ Тальяны о. благочинный. Все осмотрѣлъ, обревизовалъ. Ладно. Мимоходомъ заглянулъ онъ и подъ жертвенникъ и подъ престолъ: пыли, дескать, нѣтъ-ли? Ничего какъ будто не замѣтилъ. О. Ефимъ въ попыхахъ мечется, суетится: радъ-радешенекъ, что все найдено въ порядкѣ.

— Ну, о. Ефимъ, теперь къ вамъ! говоритъ благочинный. Чай матушка угоститъ насъ и водочкой и закусочкой.

А самъ все поглядываетъ по стѣнамъ, по карнизамъ: паутина, дескать, не развелась-ли у васъ?

— А я сейчасъ, ваше в-ніе, побѣгу впередъ. Пожалуйте, милости просимъ, не отриньте! вызывается о. Ефимъ.

— Идите, идите съ Богомъ, говоритъ благочинный. А мы тихохонько приплетемся!

И пошутилъ еще: «мы вѣдь, говоритъ, старики, а вы помоложе: летите-ка»! И остался въ церкви. «Вы, говоритъ, трапезники, идите-ка насчетъ лошадей распорядитесь»! Лети и ты, пономарь! А я за вами!

Выпроводивъ всѣхъ, благочинный еще помѣшкалъ въ церкви и тихимъ шагомъ направился къ о. Ефиму. Угостили его, уложили въ экипажъ, проводили; ладно! Ну, послѣ благочиннаго извѣстно— отдыхъ! О. Ефимъ недѣли двѣ и въ церкви не бывалъ. А потомъ какъ сходилъ, такъ пришолъ самъ-несвой: блѣдный—лица-то на немъ нѣтъ! Шибко старикъ деньгу-то любилъ! Туда-сюда, трапезниковъ

Digitized by Google

за бока,—ничего, никакихъ слѣдовъ! Какъ стали трапезники все по порядку разсказывать, да на свѣжую воду выводить,—испугался о. Ефимъ пуще прежняго, да поскорѣе самъ же и дѣло все потушилъ. Пришлось старику снова начинать копить денежку, и куда ужъ онъ сталъ ее прятать, Богъ его знаетъ!

Такъ-то поживали члены тальянскаго клира, когда Михайлу—пономарю Богъ далъ сынка.

IV.

Первые шаги въ свѣтѣ.

О дѣтствѣ нашего героя сохранились лишь самыя скудныя свѣдѣнія, и то только благодаря услужливой памяти старухи Ѳедосѣевны, сосѣдки пономаря, ухаживавшей за больною пономарицей. Пользуемся этимъ драгоцѣннымъ источникомъ и съ удовольствіемъ передаемъ читателямъ то, что сообщила намъ старая Ѳедосѣевна. А сообщила она намъ только то, что герой нашъ родился въ банѣ, на полкѣ, въ самую что ни на есть великую субботу, что родился онъ черненькимъ и такимъ маленькимъ да худенькимъ, что онѣ съ бабушкой — повитухой положили его прямо подъ образа и, какъ только Михайло — пономарь воротится домой (читателю уже извѣстно, куда утекалъ въ это время нашъ другъ) хотѣли просить его стащить ребенка «на навозъ», да спасибо, пришла мать—попадья и шутя надъ старухами, купила у нихъ ребенка за грошъ, примолвивъ, «вы поглядите, вѣдь это парень, да еще какой живущій-то будетъ»! Дѣлать нечего: окстили ребенка, назвали Иваномъ. И вышелъ Иванъ Поповъ,—пономаренокъ. Попадьинъ грошъ долго сохранялся у пономарицы на божничкѣ, но однажды пономарь, отправляясь въ «капернаумъ» стянулъ его оттуда, потому что именно одного гроша недоставало у него до четушки.

Мать-попадья не объявляла, впрочемъ, претензій на свою покупку. Да и завидовать было нечему; парнишка вышелъ ужасно—дрянной. Съ самаго рожденія на него навалились всевозможныя болѣзни, такъ что цѣлый годъ онъ представлялъ собою одну живую коросту. И до-

Digitized by Google

рого же онъ стоилъ пономарицѣ! Чего—чего она съ нимъ не вынесла? На другомъ году, едва онъ началъ ходить, чуть не съѣла его свинья вмѣстѣ съ тѣмъ, что ей можно было съѣсть безнаказанно; на третьемъ году онъ увязъ въ гущѣ и чуть не захлебался. И можетъ быть поэтому-то именно, да еще развѣ потому, что это былъ парень, а не дѣвка, и парень «заскребышекъ», пономарица такъ сильно любила своего коростливаго, чумазенькаго Ванюшку.

Первый лучъ сознанія блеснулъ для нашего героя при обстоятельствахъ, очень для него прискорбныхъ. Парнишкѣ было уже года три слишкомъ, а то и всѣ четыре. Къ этому времени онъ, что называется, одыбѣлъ: бойко бѣгалъ по двору, лазилъ по заборамъ и однажды пойманъ былъ отцомъ на довольно отважнымъ подвигѣ, именно по углу избы онъ добрался до самой крыши и старался изловчиться попасть на самую крышу. Послѣдовало снятіе и приличное возмездіе. Но этого еще не помнилъ нашъ Ванюха. А помнилъ онъ ужъ слѣдующее обстоятельство.

Дѣло было въ какой то праздникъ, лѣтомъ. Пономарь возвращался домой поздно вечеромъ, закативши порядкомъ. А при такихъ данныхъ гроза была неминуема. Все казалось тогда Михайлу не ладно: и стульчикъ коровій середи двора брошенъ,—пономарь швырнулъ его ногой и разбилъ въ дребезги, ругнувъ, кого слѣдовало,—и сучка визжитъ—«безъ меня хоть умри собака, не накормятъ, такіясякія!» Ввалился Михайло въ избу съ превеликимъ шумомъ; ребята опрометью бросились въ уголъ, за печку.

— Что, что кинулись, какъ угорѣлые? Чортъ пришелъ, что ли? Отецъ пришелъ, не чортъ! Вишь, какъ уважаютъ родителя! Я вотъ васъ испугаю!

— Да что ты орешь-то? дернуло сказать пономарицу. Попало опять въ горло-то, пошелъ орать!

— Что, я орю? А васъ, небось, хвалить, что у васъ и собака не накормлена и по двору все разбросано? Я другаго такъ похвалю, что будетъ помнить! Давай ужинать!

— А что ты припасъ на ужинъ-то? Ужиналъ бы тамъ, гдѣ пьянствовалъ! продолжала неугомонная пономарица.

Пономарь не стерпѣлъ. Онъ вскочилъ съ лавки, на которой сидѣлъ, упершись руками и бросился къ печкѣ, около которой стояла пономарица. Но та успѣла уже принять оборонительныя мѣры. Она вооружилась ухватомъ и отмахиваясь имъ, медленно отступала къ

Digitized by Google

дверямъ. Дѣвчонки еще прежде устригнули на улицу, впрочемъ, не безъ урону: одну онъ успѣлъ пнуть ногой, а другую больно задѣлъ рукой, замахиваясь на жену. Выскочила наконецъ и пономарица. Неуспѣлъ ускользнуть только Иванъ.

— Ты куда? Туда же за шкурой-матерью? Не смѣй трогаться!

И Михайло схватилъ сына за шиворотъ. Малый рвался и метался, стараясь высвободиться.

— Ни, ни! не смѣй! Запорю шельмеца!

Однако мальчуганъ кое-какъ успѣлъ вырваться, бросился въ дверь и выбѣгая съ воплемъ послалъ своему родителю такое прощальное привѣтствіе:

— Пьяница! сукинъ-сынъ!

Михайло, какъ звѣрь, бросился въ дверп, но къ счастью нашего героя, запнулся за порогъ и хлопнулся во весь бокъ въ сѣнях. Брань полилась цѣлыми потоками, самая отборная и сильная брань, какою ругаются только ямщики, да пономари. Вставши на ноги, пономарь выглянулъ на дворъ. Но на дворѣ не слышно было ни малѣйшаго шороха. Теплая лѣтняя ночь царствовала на землѣ и все какъ бы заснуло въ ея объятьяхъ. На темносинемъ небѣ тускло мерцали далекія звѣзды. Въ воздухѣ пахло только-что скошенною травою. Все кругомъ было тихо и спокойно.

Небылъ покоенъ только нашъ пономарь. Какъ угорѣлый или ошеломленный внезапнымъ ударомъ, оглядѣлъ онъ дворъ. Потомъ сдѣлалъ два—три шага впередъ, поднялъ голову, понюхалъ воздухъ, рыгнулъ громко и воротился въ избу, бормоча:

— Ладно же, шельма ты эдакая, ладно!

Первое, на что упалъ гнѣвный взоръ пономаря, была прялка, съ куделью и заткнутымъ въ нее веретеномъ.

— Вотъ тебѣ! примолвилъ пономарь, бросая о полъ прялку. Прялка разлетѣлась въ дребезги. За прялкой полетѣли на полъ: горшокъ съ кашей, стоявшій на шесткѣ, какой-то ящикъ съ ребячьими куклами (каждую куклу Михайло даже пришлепнулъ ногой). Латки, горшки, кринки, стоявшія рядочкомъ за печкою—все полетѣло въ одну кучу, съ приговоромъ:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, курва, такая—сякая!

Вверху, на полкѣ, оказалось лукошко съ чѣмъ-то. Михайло всталъ на скамейку и хотя чуть не упалъ, потерявъ равновѣсіе, но все-таки,

Digitized by Google

сдѣлавъ антраша, досталъ лукошко. Посмотрѣлъ—яйца. Улыбка пробѣжала по лицу его.

— Гм! яйца!... яйца! А вотъ я вамъ покажу яица! На—те, на—те! Мойте уже завтра, мойте, разшельмы!

И Михайло, захватывая въ обѣ руки по парѣ яицъ, началъ бросать ихъ въ стѣны, въ потолокъ, на полъ. Яицъ было довольно много и пономарь бросалъ ихъ съ такимъ усердіемъ, что и самъ онъ перепачкался. По бородѣ и по волосамъ, вездѣ текла яичница. Совершая эти подвиги, онъ бормоталъ: я все пропилъ, я ничего не завелъ! Заводите сами, мнѣ ничего не надо!

Послѣднимъ подвигомъ пономаря въ этотъ вечеръ было раздраніе перины, какъ то неосторожно высунувшейся изъ подъ ветхаго одѣяла. На этомъ подвигѣ онъ, впрочемъ, и самъ видимо спутался: перья приставали къ его рукамъ, запачканнымъ въ яицахъ, приставали, разлетаясь, къ волосамъ, бородѣ, лѣзли въ ротъ, такъ что онъ долженъ былъ то и дѣло отплевываться и брань, съ пономарицы и дѣтей, перешла уже на перья. Но какъ перья—предметъ неодушевленный и сердиться на нихъ долго порядочному человѣку смѣшно, то и Михайло-пономарь наконецъ разсмѣялся самъ надъ собой.

— Ха, ха, ха! вишь ты какъ запатрался! Ну!. Это «ну» означало конецъ гнѣву и мщенію. Утомившись неровною борьбою съ пухомъ и перьями, онъ какъ былъ, весь въ пуху, растянулся поперегъ кровати и уснулъ сномъ праведника, изрѣдка лишь издавая глухіе звуки.

Какъ только притихло въ комнатѣ, пономарица и дѣти пробрались туда же. Въ попыхахъ они разбѣжались въ разныя стороны: кому куда любо. Меньшая дочь, славная бойкая дѣвчоночка залѣзла подъ крыльцо и пономарица, возвращаясь съ старшею дочерью изъ погреба, услышала ея голосъ. Дѣвочка, съ горя и досады, не смѣя зайти въ избу и боясь одна оставаться подъ крыльцемъ, въ полголоса говорила:

— Чортъ, чортъ, возьми Машку!

Пономарица высвободила ее и всѣ вошли въ избу. Не могли отыскать только маленькаго Ваньчурку. Пономарица обошла всѣ углы, навѣсы, заглянула въ огородъ, кликала его вездѣ, вполголоса, впрочемъ, чтобы, кой-грѣхъ, не разбудился опять пономарь,—парня нигдѣ не было: точно провалился! Мать рѣшила, что онъ убѣжалъ ночевать къ сосѣдямъ, что и всѣ они дѣлывали нерѣдко.

Digitized by Google

Не время было пономарицѣ, по приходѣ въ избу, любоваться работой пономаря, да притомъ же это было уже дѣло привычное. Великое дѣло привычка! Къ чему то человѣкъ не привыкаетъ! Пономарица только прошептала про себя: «ахъ, варваръ, что онъ опять надѣлалъ!» и по обычаю легла рядомъ съ «отцомъ» на кровать. По утру встали они оба съ супружескаго ложа, какъ ни въ чемъ не бывало! О, стократъ блаженная старина, о благодатная еще разъ привычка!

Описанный вечеръ такъ бы, вѣроятно, и прошелъ безъ всякихъ послѣдствій, какъ проходили сотни подобныхъ вечеровъ. Но судьбѣ угодно было, чтобы именно съ этого вечера впервые пробудилась умственная жизнь и открылось сознаніе въ нашемъ героѣ, и чтобы это пробужденіе произошло при довольно печальной для него обстановкѣ. Кто, какъ не судьба научили безсознательнаго ребенка сказать отцу два неуважительныя слова? Кто, какъ не она, подсказала ему, спасаясь отъ родительскаго гнѣва, спрятаться въ собачьемъ гнѣздѣ, гдѣ онъ скоро и уснулъ, обласканный дружественно хозяйкой, старой, лохматой «дамкой»?

Пономарь всталъ по-утру, повидимому, безъ всякаго сознанія о своихъ вчерашнихъ проказахъ. Но слѣды дебоширства были слишкомъ явны и, при взглядѣ на нихъ, пономаря, казалось, начинала немножко мучить совѣсть. Онъ охалъ, потягивался, старался не глядѣть по сторонамъ и видимо желалъ задобрить свою старуху. За чаемъ онъ вдругъ хватился сына.

— А гдѣ Ванька? спросилъ онъ.

И затѣмъ, вспомнивъ вчерашнее поведеніе сына, присовокупилъ:

— А, да! Давай-ка его сюда!

И остатокъ вчерашняго гнѣва выразился на лицѣ оскорбленнаго отца. Дѣлать было нечего. Какъ ни жаль было пономарицѣ своего дѣтища, а чувствовала она, что наказать его надо.

— Я сейчасъ, отецъ, приведу его. Да ты, пожалуста, ужъ не плетью, а, вотъ на! прутомъ.

И пономарица сама выдернула изъ голика прутъ, потоньше и отправилась искать сына. Было еще очень рано; дѣти еще спали; спалъ и Иванъ въ гостяхъ у пріютившей его въ своемъ гнѣздѣ «дамки». Тутъ его и открыла мать; вытащила изъ гнѣзда, умыла на крыльцѣ, вытерла подоломъ и повела въ избу. Парень упирался, какія-то рѣчи говорили они другъ другу, и мать и сынъ плакали. Представши передъ грозныя очи родителя, виноватый сынъ по наученію матери

Digitized by Google

упалъ отцу въ ноги и пролепеталъ слова, вѣроятно, тоже внушенныя матерью.

— Тятя, прости меня! Не буду!

Но простить было, конечно, нельзя. Тятя заворотилъ рубашенку кающагося грѣшника и отсчитавъ ему ударовъ десять, проговорилъ надлежащее родительское наставленіе.

— Съ этихъ поръ, щенокъ, отца тебѣ ругать! что изъ тебя большаго-то выйдетъ послѣ этого?

Ребенокъ, всхлипывая и глотая слезы, бросился къ матери и спряталъ свою виновную голову между складками ея платья.

V.

Нашъ юный герой пасетъ «стада отца своего».

Чѣмъ хуже какой-нибудь Аркадіи наши Тальяны? Вотъ предшествуемое зарею восходитъ надъ Тальянами весеннее солнце. Густой туманъ поднимается кверху съ болотной равнины, разстилающейся на много верстъ за деревней. Открывается картина совершенно въ греческомъ вкусѣ. Во всѣхъ дворахъ слышатся разнообразные звуки: говоръ людской, мычанье коровъ и телятъ, блеяніе овецъ и козъ— все тѣже любезные звуки, которые услаждали конечно и слухъ настоящихъ аркадянъ. Лѣниво выходятъ изъ воротъ дойныя коровы, останавливаясь по временамъ, и какъ бы соображая что-то; глупо потрясывая курдюками, перепрыгиваютъ черезъ подворотню лохматыя овцы. Начинается взаимный обмѣнъ вѣжливостей между сосѣдями, передача впечатлѣній, невинныя шутки, обнюхиванье, облизыванье.

А вотъ и они — тальянскіе пастухи и пастушки. Изъ каждаго двора, вслѣдъ за коровами и овцами, выползаютъ, вооруженные хворостинами подростки—мальчики и дѣвочки. Впрочемъ, о полѣ ихъ въ настоящее время судить трудно; всѣ они одѣты почти одинаково — въ старые азямишки, изорванные, заплатанные бѣлыми, сѣрыми и синими заплатами. Шапки на головахъ мальчиковъ очень похожи на безцвѣтныя отъ ветхости и грязи платки дѣвочекъ.

Digitized by Google

А вотъ и нашъ пономаренокъ выходитъ изъ родительскихъ воротъ, провожаемый матерью. И онъ тоже пастухъ, и по одеждѣ мало—чѣмъ отличается отъ прочихъ. Онъ все еще очень малъ, меньше всѣхъ ребятишекъ; но ему уже семь лѣтъ. И уже много-много коечего онъ знаетъ; многое уже запечатлѣлось въ его мозгу, что̀ бы можетъ быть и захотѣлъ онъ послѣ стереть и позабыть, но что не забудется, не сотрется, не смотря ни на какія усилія. Съ того утра, какъ, впервые, подъ розгой открылось его умственное зрѣніе, сколько прошло передъ его глазами сценъ, и смѣшныхъ, и жалкихъ, и отвратительно-гадкихъ, и поразительно-печальныхъ! Онъ, конечно, далеко неимѣлъ еще своей воли, живя или подъ страхомъ отцовскаго гнѣва, или подъ защитой материнскаго подола; но онъ ужъ хорошо знаетъ, напр., что многіе очень любятъ пить вино, что трезвые пьянымъ грубятъ и за то ихъ пьяные бьютъ. Не было отъ него тайною и то, что тятька его — пономарь, и потому ничего не дѣлаетъ, что онъ сильнѣе мамки и можетъ заставить ее все дѣлать, а иначе прибьетъ; что тятька изъ церкви деньги таскаетъ, а мамка ихъ у него, у пьянаго, воруетъ. А сколько уже было у него въ запасѣ крѣпко засѣвшихъ разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ, лѣшихъ и домовыхъ! Полудницу и чертовку онъ и самъ ужъ успѣлъ повидать—одну въ огородѣ, въ крапивѣ, а другую — нагую, чешущую волосы, на берегу рѣки. Дома, на улицѣ, отъ большихъ и отъ маленькихъ, отъ чужихъ и родныхъ онъ только и слышалъ: чортъ, дьяволъ, вѣдьма, кикимора! А какой богатый запасъ ругательствъ могъ зачерпнуть онъ отъ одного своего отца! Да не много лѣтъ, а сколько уже назидательныхъ уроковъ, сколько знаній въ головѣ маленькаго, шестилѣтняго ребенка!

Но возвратимся къ нашимъ пастухамъ. Вотъ шумною ватагой собрались они у околицы. Какой оживленный говоръ, какая непритворная веселость царствуетъ въ этой толпѣ. Все движется, говоритъ и поетъ. И откуда эти чертенята набираются вѣстей, какъ находятъ они, о чемъ говорить другъ съ другомъ. Ребятишки безъ умолка лепечутъ всю дорогу и не только не затрудняются въ выборѣ предметовъ для разговора, но перебиваютъ другъ друга и проглатываютъ слова, торопясь выгрузить неистощимый запасъ новостей! Но, боги! и тутъ сказываются мелкіе разсчеты самолюбія и своекорыстія, и тутъ видно различіе бѣднаго и богатаго, знатнаго и незнатнаго! Отчего это буянъ и вѣчный обидчикъ, Пахомка, не под-

Digitized by Google

ставитъ ноги и не хлестнетъ хворостиной Тереху Скоробогатаго, а роняетъ б-земь Семку Голопупова и хлещетъ хворостиной Мàсчу—трапезницу? Отъ того, что Тереха—сынъ богача и старосты, а Семка и Мàсча—голь перекатная. Однако и Мàсча не безъ защитника. Нашелся и у ней покровитель—косолапый Кирюха, безобразный, большеголовый карликъ, пользовавшійся во всей деревнѣ репутаціей дурака и служившій мишенью для деревенскихъ остряковъ.

— Ты что ее бьешь? обращается Кирюха къ буяну. Лѣзетъ она, что ли, къ тебѣ?

— А ты что пристаешь за нее, косолапый чортъ? Твоя, что ли она?

— Я-те дамъ, моя! Смѣй только еще тронуть; я-те дамъ такого вертыша, что будешь помнить!

— А вотъ же смѣю! Вишь нашелся защитникъ!

— Слышь, не смѣй, грозно отвѣчалъ Кирюха, подходя ближе къ забіякѣ.

Но забіяка успѣлъ-таки еще разъ хватить дѣвочку своей длинной хворостиной. Кирюха на своихъ косыхъ ногахъ погнался за обидчикомъ, но догнать его не могъ и только разсмѣшилъ прочихъ ребятъ.

— А ну, а ну, его, Кирюха! Вò—какъ летитъ. Глядит-ко-те, ребята! кричитъ одинъ.

— А ножки-то, ножки-то вывертываетъ; точно козачка пляшетъ! подхватываетъ другой.

— Помогите, братцы, поймать мнѣ его, шельму, проситъ Кирюха. Ужъ я-жъ ему намну бока-то!

— Да ты что, въ самомъ дѣлѣ, Киря, такъ шибко заступаешься за Мàсчу-то? спрашиваетъ Тереха. Родня она, что ли, тебѣ?

— Нѣтъ, братцы, отвѣчаетъ другой бойкій малый. Она ему невѣста. Мàсча, а, Мàсча, Кирюха—женихъ твой?.

— Подите вы отъ меня къ черту, будьте вы прокляты! сердито отвѣчаетъ дѣвочка и отходитъ подальше отъ парней.

— Женихъ, женихъ! подхватываютъ многіе голоса. Ай да Кирюха!

— Давайте его, ребята, женить!

— Шаль красну ему надѣнемъ!

— Я тысяцкимъ поѣду!

Дѣвочка присосѣдилась къ шедшимъ нѣсколько по-одаль «попятамъ». Одинъ изъ нихъ былъ нашъ знакомецъ Иванъ или «Ванька—пономарь», какъ называли его всѣ ребята, а другой «попенокъ», еще меньше его ростомъ, но одногодокъ съ нимъ, былъ Павелъ Ѳивейскій,

Digitized by Google

сынъ вдовы—дьяконицы, сосѣдки и, разумѣется, близкой знакомой нашей пономарицы. Паша былъ мальчикъ робкій, смиренькій и худенькій. Между своими сверстниками онъ слылъ за замѣчательнаго артиста. Съ необыкновеннымъ для его возраста искусствомъ онъ умѣлъ вырѣзывать изъ дерева и вылѣпливать изъ глины разныя игрушки: волынки, тавлинки, колески и т. п., которыми и снабжалъ товарищей. По этому никто никогда не обижалъ Пашу, а всѣ любили и дѣлились съ нимъ, чѣмъ могли. Какъ художникъ, Паша любилъ уединеніе. Между тѣмъ какъ товарищи его шумно бѣгаютъ, барахтаются, дерутся и опять мирятся, онъ сидитъ гдѣ-нибудь на берегу рѣчки, подъ деревомъ, и что нибудь вырѣзываетъ или плететъ изъ прутиковъ. Нерѣдко случалось, что товарищи оставятъ его и уйдутъ домой; Паша, кончивъ работу, увидитъ, что никого нѣтъ, соберетъ свои инструменты и работу и тихо плетется домой. Склонность къ художествамъ Паша получилъ отъ своего отца, который также въ своемъ родѣ былъ человѣкъ необыкновенный. Но какъ у насъ, на Руси, талантамъ вообще не климатъ, то и дьякону Ѳивейскому ничего, кромѣ зла, не принесъ его талантъ. Онъ былъ, что называется, мастеръ на всѣ руки. Самоукомъ выучился онъ почти всѣмъ мастерствамъ: отлично дѣлалъ мѣдныя и серебряныя вещи, вырѣзывалъ печати, переплеталъ книги, обдѣлывалъ картины, былъ и токарь, и слесарь, и мѣдникъ,—что угодно. Его искуства достало бы и на то, чтобы «вырѣзывать золотые кружки», но до этого онъ не дошелъ, а вмѣсто того со всѣмъ артистическимъ жаромъ предался пьянству. Онъ былъ постоянно пьянъ и въ этомъ видѣ любилъ удирать разныя штучки. Большею частію это были самыя невинныя штучки. Вынуть незамѣтно у сосѣда раму со стеклами, зимою, и запрятать ее куда нибудь подальше, спѣть пѣтухомъ, пожалуй, и въ церкви, вмѣсто «вонмемъ», подразнить жида свинымъ ухомъ, залѣзть на колокольню ночью и ударить набатъ, таковы были любимыя развлеченія и забавы Ѳивейскаго. Но никогда, въ самомъ разпьянѣйшемъ видѣ и при самомъ страшномъ безденежьи не рѣшился бы онъ сходить, напримѣръ, въ кружку съ поддѣльнымъ ключомъ, стянуть изъ алтаря какую-нибудь ложку или сдѣлать для какого-нибудь «пашпортныхъ дѣлъ мастера» фальшивую печать. А все это дьяконъ Ѳивейскій могъ сдѣлать весьма искусно, безъ всякой опасности быть пойманнымъ. И за это ужъ одно, читатель, да почтется память нашего дьякона «съ похвалою»!

Digitized by Google

Подъ старость, за лютое пьянство, дьяконъ Ѳивейскій попалъ въ монастырь, подъ смиреніе. О его монастырскихъ проказахъ не могъ безъ смѣху вспомнить ни одинъ монахъ. Такъ однажды настоятель, которому надоѣли подвиги Ѳивейскаго, заперъ его въ темную комнату для вытрезвленія. Въ комнатѣ было одно маленькое отверстіе, въ которое ужъ никакъ не могъ пролѣзть человѣкъ. Дверь заперта была снаружи замкомъ. Долго молился дьяконъ, что бы его не запирали, клялся, что отнынѣ, «лопни его глаза», не будетъ пить, но настоятель былъ неумолимъ. Заключивъ грѣховодника, настоятель успокоился. Вечеркомъ онъ вышелъ съ почетнѣйшею братіей въ монастырскій садъ, изъ котораго видна была улица посада. И чтоже? Посреди улицы, сопровождаемый цѣлой ватагой мальчишекъ, ѣдетъ на козлѣ «Пашечка—дьяконъ», весь выпачканный сажею. О. настоятель и братія подумали было не бѣсовское ли это навожденіе? но никакого сомнѣнія не было: то былъ, дѣйствительно, самъ дьяконъ Ѳивейскій. Настоятель сдѣлалъ строгое разслѣдованіе, какимъ образомъ могъ вырваться дьяконъ изъ «темной»? Оказалось, что онъ просто—вылѣзъ въ трубу. Кончина о. дьякона была печальная: его задавилъ хмѣль. Единственному сыну своему онъ оставилъ въ наслѣдіе — страсть къ механическимъ занятіямъ, да нѣсколько буравчиковъ, терпужковъ и напильничковъ...

Старуха дьяконица, оставшись одна съ малолѣтнимъ сыномъ, пробивалась кое-какъ, съ нуждой пополамъ: пекла просфоры, шила сарафаны и тѣлогрѣйки, не доѣдала, недопивала, и только берегла и лелѣяла свое милое дѣтище, свое ненаглядное сокровище — Пашу. Безалаберный мужъ, хотя и смирный, но вѣчно пьяный, конечно, не могъ доставить много радостей этой женщинѣ, и вся любовь ея сосредоточилась на сынѣ. До пяти лѣтъ она носила его на рукахъ и кормила грудью; въ полѣ и въ огородѣ, днемъ и ночью, онъ былъ съ нею неразлученъ. Малѣйшее нездоровье Паши подвергало ее въ величайшее безпокойство; малѣйшее отсутствіе пугало тысячами опасностей. «Ой, не свалился бы онъ въ рѣку! ой, не упалъ бы съ мосту! не забодала бы его корова!» И дьяконица бѣжала на улицу и, какъ угорѣлая, совалась по угламъ, ища своего любимца. «Паша, Пашенька! гдѣ ты, голубчикъ? охъ, мои матушки, гдѣ это у меня ребенокъ-то?« А Паша забивался куда-нибудь въ уголокъ, около амбара, и тамъ, въ сообществѣ любимой своей собаки, Пестри, вырѣзывалъ изъ толстой сосновой коры конька, или лѣпилъ что нибудь изъ глины.

Digitized by Google

— Ой, какъ ты меня испугалъ, Пашенька! А я ужъ и Богъ-знаетъ, что подумала!

— Я, мама, тутъ, близко. Я думалъ, что ты видишь меня. Вотъ, посмотри, какого я конька сдѣлалъ! Славненькій вѣдь?

— Дитятко ты мое! Да не порѣжься ты ножичкомъ то! Ой, Паша, берегись ты, ради Бога!

— Да я вѣдь, мама, тихонько!..,

У старушки нехватало духу отнять у сына опасный инструментъ.

— Ты хоть, Паша, при мнѣ имъ рѣжь-то! А то я все буду думать.

— Ладно, мама; теперь всегда буду при тебѣ. А безъ тебя вотъ изъ глины буду вылѣплять!..

Какъ ни жаль было дьяконицѣ своего ребенка, но когда пономарица стала посылать своего Ванюрку пасти корову, то и мать—дьяконица сдѣлала тоже;—платить пастухамъ было не чѣмъ. И вотъ такимъ-то образомъ и Иванъ, и Паша сдѣлались тальянскими пастухами.

Два духовныхъ лица, и съ ними Масча и Кирюха, составили особую отъ прочихъ пастуховъ группу. Такое отдѣленіе не обошлось, разумѣется, безъ насмѣшекъ.

Вонъ, вонъ, смотрите-ка, Кирюха-то куда присосѣдился! Вишь, и дьячка и дьякона нашелъ вѣнчаться-то! Попа только не достаетъ!

— Я, я за попа! кричитъ кто-то изъ толпы.

Но нападенія на этотъ разъ не послѣдовало. Скотъ подошелъ къ рѣчкѣ, напился и принялся усердно щипать траву. Ребята расположились на бережку въ живописныхъ группахъ. Кто подбѣгалъ къ рѣкѣ и, напившись изъ горсточки, начиналъ бросать камешки и «ѣсть блинки», кто просто развалился на травѣ и предавался отдыху; иные приносили съ собою удочки и, выбравъ тихую заводь, усаживались удить. Дѣвчонокъ откомандировали сторожить, чтобы скотъ не зашелъ слишкомъ далеко. Черезъ часъ кто-то подалъ сигналъ къ завтраку. Начали развязываться котомки и изъ нихъ посыпались на траву краюшки чернаго хлѣба, печеный картофель и, у рѣдкихъ, кусокъ вареной говядины. Все это было истреблено живо. Поѣвши, ребята сдѣлались веселѣе.

— А ну-те, братцы, надо теперь поиграть. Вставай, Тереха, что-ли? экъ, развалился, точно боровъ!

Digitized by Google

— Ну, не ругаться же у меня, полушутя, полусерьезно отвѣчалъ Тереха.

— Кто тебя ругаетъ-то? Идемъ!

— А какъ играть-то станемъ?

— Давайте, братцы, «табункомъ»! Эй, дѣвки, идите табункомъ играть! Шевелитесь, мокрохвостыя!

И зачинщикъ перебѣгалъ отъ одного къ другому и всѣхъ ставилъ на ноги.

— Ну, а вы, кутья, будете?

Но кутейники на этотъ разъ предпочли держаться особо. Паша усѣлся въ кусты и принялся за свое любимое занятіе — струганье прутиковъ, изъ которыхъ намѣревался, повидимому, сдѣлать корзину. Нашъ другъ Иванъ хоть и не мастеръ былъ на подобныя штуки и былъ не прочь поиграть, но на этотъ разъ не хотѣлъ оставить своего друга и товарища и усердно слѣдилъ за его работой. Къ нимъ присоединился и косолапый Кирюха, которому не по лѣтамъ и не по силамъ было «играть роль жеребчика» и загонять кобылъ въ стадо. Любимица его, Маша, также, какъ ни упрашивали ее идти играть, не пошла и всѣ усѣлись вокругъ нашего скромнаго художника.

VI.

Испорченный учитель.

Къ числу особенныхъ тягостей духовнаго званія, русское духовенство справедливо относитъ необходимость учить своихъ дѣтей грамотѣ, отвозить ихъ потомъ въ училище и, что всего хуже, содержать ихъ тамъ на своемъ коштѣ. Оно, конечно, было-бы и проще и легче, не уча, выводить ихъ въ родъ жизни,—въ крестьяне. Но духовенство тоже не слѣпо; оно видитъ, что не красна и крестьянская жизнь. Подати да поборы, тычки да подзатыльники, не говоря ужъ о тяжолой крестьянской работѣ, о солдатствѣ,—все это едвали можетъ кого заохотить идти въ крестьяне. Отцы, пожалуй, и не прочь были бы оставить своихъ сыновей въ крестьянахъ. «Будетъ съ него, что я его выкормилъ; чортъ съ нимъ, пусть мается въ крестьянахъ, чѣмъ во-

Digitized by Google

зиться съ нимъ, да тратиться»! такъ думали и даже говорили отцы. Но женская половина всегда протестовала противъ такого обскурантскаго образа мыслей. Въ однѣхъ говорила гордость касты, непозволявшая и думать о смѣшеніи съ простолюдинами.

— Поди ты, отецъ, что опять замололъ! возражала какая-нибудь мать-дьяконица. Что опять выдумалъ—въ крестьяне, въ мужики парня! Да есть ли въ тебѣ умъ-то? У меня и думать не моги! Я сама повезу его въ училище, къ архіерею пойду, выпрошу на казенное. А то выдумалъ! въ мужики!

Другія руководствовались болѣе практическими побужденіями. Страдая цѣлую жизнь то отъ нищеты, то отъ жестокости мужей, онѣ съ самаго младенчества своихъ сыновей смотрѣли на нихъ, какъ на будущихъ кормильцовъ-поильцовъ. «Выучится у меня, кончитъ курсъ; невѣсту ему найду хорошую. Будетъ онъ у меня лопомъ, а я брошу тебя, стараго пьяницу, и буду у сына дѣтей няньчить»! Увы, эти свѣтлыя мечты дьяконицъ и пономарицъ, какъ и всякія мечты, исполнялись рѣдко и будущій священникъ, промаявшись года два-три въ бурсѣ, являлся исключенцомъ и поступалъ на хлѣбы отца, начиналъ пить и гулять, и за ласки матери и за ея любовь нерѣдко платилъ бранью и даже побоями.

Приходила пора начинать ученье и нашимъ тальянскимъ друзьямъ. Прежде всѣхъ вздумала объ этомъ мать-дьяконица. Разъ послѣ обѣдни пришла она къ пономарицѣ. Посидѣли, попили чайку, потолковали кое-о-чемъ по домашности.

— А я вѣдь къ тебѣ, Марья Алексѣевна, за дѣломъ пришла, посовѣтоваться! сказала дьяконица.

— Что, мать моя? И пономарица поближе пододвинулась къ матери-дьяконицѣ.

— Да вѣдь ребятокъ-то, слышь, учить пора. Вотъ, вѣдь имъ ужъ по восьмому годку идетъ. Думай-ка!

— Что тутъ, матушка, думать? Думай, не думай, а учить въ самомъ дѣлѣ надо!

— Твой-то, поditка, и незаговариваетъ объ этомъ? Самъ, что ли, будетъ учить-то?

— Ой, ужъ самъ! Намъ бы только нить да драться. Станетъ онъ учить!

— То-то, то-то! Замаетъ онъ только ребятишекъ. Знаешь, мать моя, не попросить ли намъ Василья Ефимовича?

Digitized by Google

— Василья-то Ефимовича? Да я что-то боюсь, матушка. Вѣдь онъ, знаешь сама, испорченный! Какъ бы чего не случилось?

— Ужели пристанетъ? къ маленькимъ-то! что-ты!

Матушка-дьяконица однако задумалась. Но какъ ни судили наши матери, а учить было некому. Самъ о. Ефимъ, конечно, за такое пустое дѣло не возьмется; на Михайла-пономаря надежды тоже было мало. А Василій Ефимовичъ, хоть и порченой, но учить все-таки умѣетъ, да и дѣлать ему нечего, человѣкъ свободный.

— Сердитый только вотъ онъ такой! еще разъ въ раздумьи заговорила пономарица.

— И сама я тоже думаю. Да, Богъ дастъ, не съѣстъ же онъ ребятушекъ-то! Онъ вѣдь, мать моя, только мрачный такой завсегда, а вѣдь никогда не дерется. Не слыхивала я, чтобъ онъ кого-нибудь обидѣлъ!

— Видно, нечего дѣлать! согласилась пономарица и потомъ прибавила: сходи ты, матушка, къ нему; да и за-меня ужъ попроси. Заплатимъ ужо ему, чѣмъ можемъ!

Неоткладывая дѣла въ долгій ящикъ, мать-дьяконица отправилась къ о. Ефиму. Но мы обязаны прежде познакомить читателей съ личностью Василья Ефимовича. Василій Ефимовичъ—сынъ о. Ефима. Онъ учился въ училищѣ и учился, какъ слышно было, хорошо. Уже прошелъ онъ мытарства бурсы—приходскіе классы; прошелъ и чистилище—низшее отдѣленіе, и переведенъ былъ въ четвертый классъ, какъ вдругъ случилось съ нимъ великое злополучіе. «Пристала это къ нему, голубушка ты моя, разсказывала со слезами его мать, какая-то болѣзнь, и Богъ ее знаетъ! Измаяла парня совсѣмъ. Ужъ лечили—лечили они его тамъ,—ничего-то не помогло! Отдали его намъ на излеченіе. Ну, давай мы искать здѣсь знающихъ людей. Натакали этта намъ въ одной деревнѣ старуху; привезли... что тратъ-то было! Лечила, лечила она его,—и травами-то съ наговоромъ поила, и въ банѣ-то на дымокуръ садила,—ну, нѣтъ, ничего не помогаетъ! Слезъ-то, слезъ-то я сколько пролила!.. Стало это у него личико-то измѣняться: носикъ-отъ! Маленько погодя, косточка оттуда какая-то выпала,—и вотъ парень сталъ, какъ видишь: и голосокъ-то совсѣмъ другой сталъ. А такой ли онъ былъ у меня, голубчикъ»?

Дѣйствительно, если Василій Ефимовичъ былъ когда хорошъ, то теперь былъ далеко не казистъ. Отъ прежняго Василья Ефимовича остались только черные глаза, черные же, кудрявые волосы, да высо-

Digitized by Google

кій ростъ. Во всемъ прочемъ онъ глядѣлъ совершеннымъ уродомъ. Упавшій носъ придавалъ ему видъ сердитой собаки, готовой укусить перваго встрѣчнаго. Желто-блѣдный, или скорѣе пепельный цвѣтъ лица, глубокія морщины на лбу и около рта и наконецъ видъ всегда угрюмый, мрачный, никого не могли расположить въ пользу Василья Ефимовича.

Да онъ и самъ неохотно входилъ въ сношенія съ людьми. Никто не видывалъ его веселымъ или разговаривающимъ съ кѣмъ-нибудь. Даже отъ родныхъ онъ отдѣлывался одними безобразными, гнусливыми звуками. Булькнетъ что-то, точно рыгнетъ, и уйдетъ скорѣе въ свою берлогу. Единственнымъ удовольствіемъ его была трубка, а любимымъ занятіемъ—починка обуви и сбруи. И все это дѣлалось, по возможности, безъ разговоровъ: побродитъ онъ по отцовскому двору, все пересмотритъ, утащитъ къ себѣ все изорванное, починитъ и, не говоря ни слова, положитъ на мѣсто.

Выходилъ Василій Ефимовичъ только въ лѣсъ, да въ церковь. Въ церковь войдетъ прежде всѣхъ, станетъ въ глубинѣ клироса, чтобъ никто его не видалъ и уйдетъ послѣ всѣхъ, слѣдомъ за своимъ отцомъ. Такъ какъ подобный образъ жизни Василій Ефимовичъ велъ уже нѣсколько лѣтъ, то всѣ привыкли къ тому и оставили Василья Ефимовича вести себя такъ, какъ ему было любо. Онъ не жилъ въ одномъ домѣ съ отцомъ, но по собственному желанію занялъ особый флигелекъ или зимовье; самъ у себя топилъ, самъ мылъ, самъ готовилъ себѣ пищу.

Когда старая дьяконица входила во дворъ о. Ефима, Василій Ефимовичъ поднимался на крыльцо своей берлоги. Взглянувъ на него, старушка невольно подумала: «что, если и моего-то Пашеньку такъ изуродуютъ? не отдамъ я его туда»! Но тутъ во всей ясности представилось ей то положеніе, въ какое былъ бы поставленъ ея Паша, безграмотный, неученый, слабенькій и безпомощный... «Какой онъ будетъ мужикъ, какой онъ работникъ!.. Нѣтъ, ужъ знать, такъ Богу угодно! Надо идти»!

И она тутъ-же хотѣла зайти къ Василью Ефимовичу, но на крыльцѣ показался самъ о. Ефимъ. Старушка подошла подъ благословеніе.

— Что, святая мати, рѣчешь? спросилъ ее о. Ефимъ, благословивъ.

— Да я вотъ къ Василью Ефимовичу, батюшко!

Digitized by Google

— А, къ французу-то? ха, ха, ха! Это зачѣмъ? Не боишься, что онъ тебя съѣстъ.

Вообще о. Ефимъ не жаловалъ своего сына, какъ и самъ сынъ не былъ нѣженъ къ отцу. Неуспѣла еще дьяконица отвѣтить на вопросъ о. Ефима, какъ вышла сама мать-попадья и пригласила ее въ комнату.

Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ о здоровьѣ, о. Ефимъ снова обратился съ вопросомъ къ дьяконицѣ:

— На что же тебѣ, мать, француза-то нашего? Вотъ диво-то!

Мать-попадья при этомъ вопросѣ тоскливо посмотрѣла на своего мужа. Какъ ни былъ грубъ съ нею французъ, но обидное прозвище, данное ему отцомъ, кололо ее, можетъ быть болѣе, чѣмъ того, къ кому относилось. Дьяконица между тѣмъ изложила свою просьбу.

— Ну, на-врядъ онъ согласится, мать! Знаешь, какой онъ у насъ! Съ отцомъ, съ матерью ужъ не говоритъ, только рюхаетъ!

— Отчего же, отецъ? вмѣшалась попадья. Можетъ, Васенька и согласится. Попросить его хорошенько!

Она и сама отчаявалась, чтобъ какія-нибудь просьбы могли сломить нелюдимость ея сына, но все еще не теряла надежды примирить его съ людьми, ввести въ семью и—главное—самой стать къ нему поближе. Она рада была ухватиться за каждое, представлявшееся къ тому средство.

— Ну, ну, попробуйте! молодцы будете! замѣтилъ о. Ефимъ.

Рѣшено было позвать Василья Ефимовича. Послали за нимъ трапезника. Но Василій Ефимовичъ грубо отказался идти въ комнаты отца, сказавъ, что ему некогда. Тогда обѣ женщины сами отправились къ нему въ берлогу.

Василья Ефимовича онѣ дѣйствительно застали за работой. Онъ сидѣлъ у единственнаго окна своего жилища, на круглой, обтянутой кожей, табуреткѣ. Густые, кудрявые волосы его связаны были кожанной лентой; въ одной рукѣ онъ держалъ молотокъ, которымъ раскалачивалъ надѣтый на колодку сапогъ.

— Вотъ, Васенька, начала мать. Матушка-дьяконица къ тебѣ пришла съ просьбой!

— Ко мнѣ? какъ бы съ удивленіемъ, сердито спросилъ Василій Ефимовичъ.

— Къ тебѣ, голубчикъ Василій Ефимовичъ, осмѣлилась начать дьяконица. Вотъ, парнишечку-то моему восьмой годокъ пошелъ, да и пономарицыному-то тоже...

Digitized by Google

— Ну, а мнѣ-то что за дѣло? Хоть бы двадцатый! рыкнулъ французъ.

— Поучить бы ихъ надо маленько хоть... Совсѣмъ невому! Пономарь,—что онъ? какой учитель? Такъ, мы вотъ къ тебѣ, батюшко, Василій Ефимовичъ. Не оставь ты насъ...

— Учить? ребятъ учить? А потомъ вы ихъ, небось, туда? сердито заговорилъ Василій Ефимовичъ.

— Куда это, батюшка? въ недоумѣніи спрашивала дьяконица.

— Куда, куда? ну, туда... въ эту проклятую... бурсу! съ сердцемъ проговорилъ Василій Ефимовичъ и шибко стукнулъ молоткомъ.

— Какъ же, батюшка? куда-же иначе-то? Что они будутъ у насъ неученые-то?

А сама, ни-жива, ни-мертва, и жестокія мысли снова заходили въ ея головѣ...

— Дуры вы всѣ! вотъ что я вамъ скажу, гнѣвно продолжалъ Василій Ефимовичъ. Схороните вы ихъ лучше теперь же, въ воду бросьте,—подъ мельницу, въ лѣсъ—къ лѣшему сведите, все будетъ лучше! И Василій Ефимовичъ сильно ударилъ молоткомъ по колодкѣ, какъ будто хотѣлъ показать, что лучше убить ребятъ, чѣмъ отдавать ихъ «туда».

Дьяконица залилась слезами.

— Ну, что же ты, Васенька, такъ пугаешь мать дьяконину? вступилась попадья. Выходятъ же и оттуда живыми. И курсъ кончаютъ!

Василій Ефимовичъ долженъ былъ согласиться, что дѣйствительно и «оттуда выходятъ живыми».

— Конечно, выходятъ... да, выходятъ! сказалъ онъ и испустилъ тяжелый вздохъ, подобный рычанію звѣря.

Учить ребятъ онъ однакоже не согласился, и старушки ушли отъ него ни съ чѣмъ.

Въ сумерки того же дня кто-то осторожно постучался въ окно къ дьяконицѣ. То былъ Василій Ефимовичъ.

— Приводите ужъ не-то ребятъ-то! пробормоталъ онъ торопливо и быстро изчезъ, не давъ хозяйкѣ сказать слова.

На другой день ребятъ привели къ Василью Ефимовичу. Найдены были старыя азбуки, съ продранными листами; Василій Ефимовичъ только сказалъ: «живетъ!» и принялся за ученье. Деревянныя указки, довольно искусно сдѣланныя учителемъ и имѣвшія видъ лопать, да-

Digitized by Google

ны были каждому изъ учениковъ,—и новые звуки раздались въ берлогѣ Василія Ефимовича. Эти звуки, печальные и монотонные, и однообразномѣрные удары молотка о колодку,—все это сильно походило на то, какъ будто въ берлогѣ сколачиваютъ чей-нибудь гробъ, а дѣтскіе голоса читаютъ по комъ-нибудь псалтырь.

Хотя Василій Ефимовичъ и выговаривалъ вмѣсто «буки»—«муки» а вмѣсто «буди благочестивъ» выходило у него что-то ужъ совсѣмъ нехорошее, но, благодаря ли способностямъ и внимательности учениковъ, или усердію учителя, горячо принявшагося за новое дѣло, ученье пошло довольно успѣшно.

VII.

Михайло-пономарь, какъ педагогъ.

Хотя Михайло-пономарь, по отзыву своей сожительницы, и не въ состояніи былъ внушать своему сыну даже первыя начала книжной премудрости, да и самъ бы, вѣроятно, не взялся за этакое пустое дѣло, однако не скотина же какая-нибудь онъ былъ, чтобы оставить сына безъ всякаго съ своей стороны руководства. Религіозныхъ правилъ, конечно, нечего было и внушать ребенку, рожденному не только въ нѣдрахъ церкви, но, такъ сказать, въ нѣдрахъ самыхъ нѣдръ.

Что касается нравоученій, на которыя такъ падки всѣ родители и воспитатели и которыя, безъ всякаго сомнѣнія, составляютъ единственный фундаментъ нравственнаго развитія дѣтей, то Михайло-пономарь, хотя и небылъ такъ щедръ на нихъ, какъ болѣе его образованные родители, а все-таки и не пренебрегалъ этою педагогическою мѣрою. Главными же воспитательными средствами, по его воззрѣнію, основанному на высокихъ авторитетахъ, были: прутъ, бичъ, палка, или вообще, что случится, чѣмъ можно было исполнить мудрое правило: «не щадить жезла.» Замѣчательно, что хотя Михайло и мало учился самъ и вообще не любилъ предаваться никакимъ суетнымъ мудрованіямъ, а больше предавался хмѣльному, но въ дѣлѣ воспитанія поступалъ ни чѣмъ не хуже любаго, даже нѣмецкаго, пе-

Digitized by Google

дагога. До четырехъ лѣтъ онъ дѣйствовалъ на своихъ дѣтей больше ласками, нежели строгостью, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ минуты увлеченій или, какъ выражалась пономарица «когда, на немъ чертъ ѣхалъ», готовъ былъ разнести свою избу по бревешкамъ и когда оралъ и бѣсился, необращая вниманія на то, что грудной ребенокъ спалъ въ зыбкѣ и могъ испугаться. Впрочемъ тутъ очевидно угрозы и крики не относились къ младенцу. До самыхъ маленькихъ ребятъ Михайло никогда и не дотрогивался, даже старался не глядѣть на нихъ. При взглядѣ на нихъ онъ чувствовалъ какой-то непонятный стыдъ, можетъ быть по тому, довольно общему у духовенства убѣжденію, что самое рожденіе дѣтей, хотя бы въ законнѣйшемъ бракѣ, есть грѣхъ, такъ какъ и женщина есть нечистое созданіе, воплощенный чертъ, а новорожденный естественно напоминалъ родителю нѣкоторую связь его съ чертомъ.

Съ двухъ лѣтъ ребятишки дѣлались любимцами пономаря. Этихъ онъ носилъ на рукахъ, сажалъ къ себѣ на плеча, дозволялъ теребить себя за бороду, училъ говорить даже нѣжныя слова.

— А ну, Ваня, скажи: мама бя!

— Ма—бя, повторялъ ребенокъ.

— Скажи: мама дура!

— Ма—дю! лепетало дитя.

Но лишь только ребенокъ становился «на свои ноги», Михайло тотчасъ перемѣнялъ методу воспитанія, дѣлался строгъ и взыскателенъ при самомалѣйшемъ проявленіи духа самоволія или непослушанія. Съ этого времени нѣжныя уменьшительныя имена навсегда замѣнялись уничижительными и, кромѣ Варьки и Ваньки и лишь изрѣдка Ванюшки, дѣти не слыхивали другаго себѣ имени.

Всѣ эти ступени воспитательной гимнастики прошелъ другъ нашъ Иванъ. Мы уже имѣли случай разсказать, какой назидательный урокъ далъ пономарь своему чаду, когда оно, можетъ быть слѣдуя чьему-нибудь близкому примѣру (мы ни на кого, впрочемъ, не мѣтимъ!), вздумало нѣсколько критически отнестись къ поведенію своего родителя. Съ того достопамятнаго утра и до самаго отправленія въ школу довольно-таки толчковъ, пинковъ, подзатыльниковъ и настоящихъ потасовокъ досталось отъ родителя нашему юному герою. Прольетъ ли онъ вино, неся изъ кабака четушку, опрокинетъ ли солонку за обѣдомъ или просто попадется подъ руку пьяному пономарю,—ничто даромъ ему не проходило. Впрочемъ во всѣхъ по-

Digitized by Google

добныхъ случаяхъ особеннаго пристрастія къ кому-либо у пономаря не было: все семейство, и во главѣ его сама пономарица, получало приличную полу и возрасту порцію.

Служа для сына примѣромъ отмѣннаго поведенія въ жизни домашней, пономарь съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ пріучать его къ жизни общественной. Съ шести лѣтъ ребенокъ сталъ сопутствовать отцу и въ церковь, на службу, и со крестомъ о праздникахъ и наконецъ въ гости. На службѣ онъ отчасти замѣнялъ пономаря, подавая о. Ефиму кадило, теплоту и налой. Суета и перебѣганье изъ алтаря на клиросъ и съ клироса въ палатку сильно нравились ребенку, которому скучно было чинно стоять цѣлую обѣдню; кромѣ того, участіе въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обѣдня, льстило самолюбію Ивана, потому что ставило его очень высоко передъ крестьянскими мальчиками, которыхъ не всегда-то пускали и на клиросъ. Но сверхъ услажденія самолюбія были еще особенныя болѣе существенныя выгоды отъ посѣщенія церкви. Иногда о. Ефимъ, удобрившись, давалъ Ивану мѣдный пятакъ «на пряники», а въ великій постъ, по пятницамъ, ему дозволено было даже ходить вмѣстѣ съ отцомъ съ тарелочкой и прямо ужъ собирать деньги. Хотя на тарелочку клались только копѣйки, денежки и полушки, попадались и просто мѣдныя пуговицы, тѣмъ не менѣе двадцать полушекъ для нашего героя въ тѣ времена были огромнымъ капиталомъ и надо было видѣть его гордость и торжество когда, воротившись домой, онъ высыпалъ свое богатство передъ изумленными сестрами и съ чувствомъ самодовольствія объявлялъ имъ, что это «его собственныя денежки».

Крестные ходы съ образами, съ пѣніемъ и ликами, доставляли также не малое удовольствіе нашему другу и тоже были не безъ выгодъ. Вопервыхъ, онъ шелъ чуть не рядомъ съ о. Ефимомъ, подъ самыми образами и гордо поглядывалъ на все окружающее, почтительно колѣнопреклоненное передъ его особой,—а это очень не дурно для семилѣтняго; во-вторыхъ, опять-таки доходъ. Какъ членъ клира, онъ получалъ на пасхѣ свою долю яицъ, а на рождествѣ какую-нибудь ковригу хлѣба или пирогъ.

— Батюшко ты мой, говорила какая-нибудь старуха, цалуя молодаго пономаренка, какой же ты маленькій! А вѣдь, небось, ужъ учится?

Digitized by Google

— Учится, учится, бабушка; склады ужъ знаетъ, отвѣчалъ пономарь.

— Мой Василій учитъ, вмѣшивается о. Ефимъ.

— Да, вотъ тоже! продолжаетъ старуха. Какой милый-то былъ Василій Ефимычъ! Какъ теперь помню, также прихаживалъ съ батюшкой. Размилашечка такой былъ, и такой бойкій! И что это такое, Господи, приключилось?

И на долю Ивана достаются самыя алыя яйца и самые крупные пироги.

Но всего пріятнѣе было путешествовать съ матерью за сборомъ такъ называемаго «петровскаго» и «покровскаго». Для этого всѣ духовныя лица женскаго пола съѣзжались къ матери-попадьѣ и на двухъ-трехъ телегахъ отправлялись по домамъ крестьянъ. Пономарица, вмѣстѣ съ дьяконицей сообща нанимали самаго смирнаго коня и присоединялись къ свитѣ понадьи, ѣхавшей на своемъ конѣ. Нашему другу эти странствованія доставляли двойное удовольствіе. Съ одной стороны пріятно было сидѣть на телегѣ, обкладенному всякою деревенскою благодатью: яицами, коноплею, цыплятами, поросятами и т. д. и сознавать, что все это «наше». Съ другой стороны, во время этихъ поѣздокъ ему поручалось управленье лошадью, такъ какъ кляча давно извѣстна была своимъ мирнымъ характеромъ, а взрослый кучеръ занялъ бы слишкомъ много мѣста.

Путешествіе со старухами было выгодно еще и потому, что тутъ нечего было страшиться какихъ-нибудь неожиданныхъ катастрофъ и непріятностей, какія случались во время странствованій съ родителемъ. Что бы, казалось, пріятнѣе, какъ гулять по гостямъ? кто не любитъ ходить въ гости? А нашему другу вообще не нравилось сопровождать родителя въ подобныхъ странствованіяхъ. Читателю извѣстно уже, какая была слабая струна въ сердцѣ Михайла Михайловича. Ну, а за чѣмъ же и ходятъ въ гости, какъ не затѣмъ, чтобы выпить? И что же это за угощенье, коли подадутъ одну только рюмочку, да и закаются? Не такіе обычаи любилъ Михайло Михайловичъ. Ужъ выпить, такъ выпить порядкомъ! Но тутъ представлялось двѣ опасности. Если приходилось напиться въ полъ-пьяна, то пономарю вдругъ казалось, что кто нибудь изъ собесѣдниковъ или самъ хозяинъ разобидѣлъ его или насмѣхается надъ нимъ; пономарь лѣзъ «въ щеть» и слѣдствіемъ всего этого были непріятности или хозяину или самому пономарю (съ мо́лоду послѣдній не знавалъ подобныхъ

Digitized by Google

непріятностей, а подъ старость получалъ нерѣдко). Если же доводилось упиться «до-зѣла», то оказывалось, что бренныя ноги не несутъ бреннаго тѣла и, разумѣется, надо было дать имъ приличное отдохновеніе гдѣ нибудь въ мягкомъ и удобномъ мѣстѣ, напримѣръ: на навозной кучѣ или въ первомъ, лежавшемъ на пути скотскомъ пригонѣ.

Въ томъ и другомъ случаѣ спутнику пономаря приходилось плохо. Непріятно смотрѣть, когда колотятъ вашего батюшку (если батюшка остается побѣдителемъ,—куда еще ни шло!) и вы ничѣмъ не можете помочь ему; но также непріятно, когда батюшка вздумаетъ прилечь отдохнуть въ чужомъ заднемъ дворѣ или въ глухомъ переулкѣ подлѣ тыну, а вы должны или стоять и дожидаться, когда онъ проснется (разумѣется, утромъ!), или бѣжать домой по темнымъ, безлюднымъ улицамъ, съ опасностью быть изгрызену собаками, чтобы сказать мамкѣ, что пьяный тятька уснулъ у егорихина забора... Непріятно!

Одинъ только разъ путешествіе въ гости съ отцомъ доставило нашему другу истинное удовольствіе. Въ это время онъ уже учился грамотѣ. Михайло забрался къ одному богатому мужику. Подпивъ порядкомъ, мужикъ расхвастался.

— Ты, братъ, Михайло, что? расходился мужикъ. Ты хоть и священная особа, а вѣдь передо мной—тьфу! Вѣдь я тебя могу и продать и выкупить!.. Вотъ дамъ я тебѣ плюху и выложу двадцать-пять рублевъ; ну, что ты тожно запоешь? Небось, жаловаться пойдешь? а? Врешь, братъ; возьмешь лучше двадцать-пять рублевъ, ей-богъ, возьмешь. Вотъ что!

Михайлу Михайловичу хоть и не нравилось такое самохвальство и думалъ онъ про-себя, что «я-бы те, косолапый, не только-что плюху,—я-бы-те ребра всѣ переломалъ! да—чортъ съ тобой, годишься еще», — и молчитъ Михайло пономарь, только ухмыляется: «гм!» говоритъ.

— Ну, хошь, продолжаетъ мужикъ, я твоему парнишкѣ подарю ассигнацію? Славный парнишка, пьяница только такой же будетъ, какъ ты, пономарь! Эхъ, жаль, что у меня такого парня нѣтъ: грамотѣ бы выучилъ, въ купцы бы вывелъ! А знаетъ онъ грамотѣ?

— А то какъ же? учится! съ гордостью отвѣчаетъ пономарь.

— А ну-ка, ну-ка! Попробуемъ! Какъ его зовутъ?

— Ванька!

Digitized by Google

— А ну, Ванька. На-ко, прочитай, вотъ твоя, братъ, будетъ, коли прочитаешь!

И мужикъ досталъ синенькую бумажку.

Иванъ подошелъ къ столу, взялъ бумажку и съ разстановками прочелъ, что на ней было написано.

— Молодецъ, братъ, молодецъ! Твоя, возьми, братъ, и неси къ матери. Да не отдавай отцу твоему, пьяницѣ!

Иванъ, не помня себя отъ радости, схватилъ бумажку и хотѣлъ было бѣжать домой, но отецъ его остановилъ.

— Ты благодари, скотина этакой! Кланяйся въ ножки Пароену Иванычу, шельмецъ!

Поблагодаривъ пьянаго мужика, какъ наставлялъ родитель, Иванъ опрометью полетѣлъ домой съ мужиковымъ подаркомъ.

VIII.

Ребяты наши «совсѣмъ».

Аккуратно, изо дня въ день, наши друзья являлись въ зимовье о. Ефима; однообразно, какъ въ первый день ученья, усаживались за столъ и вооружившись указками, плаксивымъ голосомъ начинали вытягивать въ тактъ: «буки—вѣди—арцы—азра—бвра, буки—глаголь—арцы—азра—бгра». А Василій Ефимовичъ, починивая хомутъ или просто потягивая тютюнъ и поплевывая чрезъ зубы, терпѣливо поправлялъ своимъ гнусливымъ голосомъ, ошибки учениковъ. А время шло своимъ чередомъ. Буквари превратились въ какія-то мягкія тряпки, а на указки уже были потрачены цѣлые десятки полѣньевъ. Наконецъ, «буди благочестивъ» было совсѣмъ кончено, и торжествующій педагогъ вручилъ своимъ ученикамъ «псалтири». Вмѣстѣ съ псалтырью началось обученье письму.

— Ну, вотъ, говорилъ Василій Ефимовичъ. Осилите эту махинищу, да выучитесь писать,—тогда будетъ «совсѣмъ».

Ребята со страхомъ взглядывали на махину, вѣть бы думая про себя: «когда такую страсть осилишь»? Но все таки принялись.

Digitized by Google

— Ну, Ванюха, принимайся! Катай первый псаломъ: вотъ онъ: «м-л-а-женъ мужъ»...

— «Бла-женъ мужъ»....

Махина пошла въ ходъ. И надо отдать честь и ученикамъ и учителю, пошла довольно ходко. Буквы были крупныя, да еще нѣкоторыя и красныя, бравыя такія. Какъ ни былъ Василій Ефимовичъ озлобленъ на цѣлый міръ, но кротость учениковъ, совершеннѣйшее послушаніе и быстрые, по его понятіямъ, успѣхи обезоружили и его. Не любившій никого, грубый даже съ матерью, онъ мало помалу привыкъ къ своимъ ученикамъ, даже подружился съ ними. Вспомнилъ ли онъ, глядя на этихъ ребятишекъ, и свою рано-погибшую молодость и какъ-бы воскресалъ душою, видя въ своихъ ученикахъ прежняго себя, еще не обезображеннаго страшною болѣзнію, еще не «испорченнаго»;—или ужъ вообще дѣтское общество имѣетъ въ себѣ нѣчто примиряющее,—только Василій Ефимовичъ становился къ нимъ день ото дня ласковѣе и добрѣе. Лѣтомъ онъ водилъ ихъ съ собою купаться и показывалъ разныя хитрыя штуки, на которыя онъ былъ особенный мастеръ; выучилъ ихъ плавать сперва на пузыряхъ, потомъ «по-бабьи» и наконецъ — верхъ совершенства, «по-саженно» и «на спинѣ». Часто тоже ходили они въ лѣсъ, за ягодами и грибами. Весело бѣжали наши ребятки за своимъ невзрачнымъ учителемъ; весело перекликались въ кустахъ и въ лѣсу и съ радостью показывали ему найденные ими необыкновенные грибы. Но всего болѣе любили они ходить на рыбалку. Они уходили для этого на цѣлый день. Василій Ефимовичъ давалъ имъ по удочкѣ. Рано утромъ отправлялись они изъ дому и, отойдя отъ деревни версты двѣ, располагались подъ кустиками. Василій Ефимовичъ устраивалъ шалашъ, ребятишки натаскивали дровъ и раскладывали огонекъ. Затѣмъ Василій Ефимовичъ дѣлалъ наставленія, какъ удить: не шумѣть, не засматриваться по сторонамъ; училъ отличать клевъ разной рыбы; разсказывалъ, какъ пискарь клюетъ, какъ окунь, какъ елецъ. Не всегда, разумѣется, исполнялись наставленія Василья Ефимовича. Чуть наплавокъ удочки дрогнетъ, какъ нетерпѣливый рыбакъ уже кричитъ:

— Клюетъ, клюетъ, Василій Ефимовичъ! У меня клюетъ!

— Да тише ты; дай забраться-то! шопотомъ отвѣчаетъ Василій Ефимовичъ.

Digitized by Google

Когда же случалось вытащить рыбу, размѣрами превышающую обыкновенную добычу,—радостнымъ восклицаніямъ не было конца.

— Василій Ефимовичъ! Смотрите-ка, смотрите-ка! Окунище-то какой! Чуть удочку не откусилъ!

И счастливый рыбакъ, бѣжалъ показать Василію Ефимовичу свою добычу. Окунище, дѣйствительно, оказывался превеликимъ,—вершка въ два. Василій Ефимовичъ внимательно разсматриваетъ добычу, хвалитъ охотника и снова подтверждаетъ—не шумѣть и быть внимательнымъ.

Около полудня весело разгорался огонекъ у шалаша и варилась уха изъ только-что наловленной рыбы. Не смотря на то, что единственною приправою ея была соль, уха выходила чудесная и ловцы не могли ею нахвалиться. Къ вечеру начинался сильнѣйшій клевъ, и сердца рыбаковъ переполнялись живою радостью. Поздно возвращались рыболовы домой, неся въ одной рукѣ длинныя, тонкія удилища, а въ другой нанизанныхъ на прутикѣ рыбъ, и не безъ гордости показывали домашнимъ плоды своихъ дневныхъ трудовъ.

Зима прекращала эти экскурсіи. Еще осенью Василій Ефимовичъ, услышавъ крики летѣвшихъ журавлей, и показывая на нихъ своимъ ученикамъ, печально говорилъ:

— М-отъ, ребята, и журавли полетѣли! Смотри, какъ и снѣгъ начнетъ порошить!

Еще разъ по пожелтѣвшимъ нивамъ, по сухой травѣ сходятъ наши друзья въ лѣсъ, побѣгаютъ, порѣзвятся тамъ, прыгая около Василія Ефимовича, какъ прыгаютъ собаченки около своего хозяина, который собирается въ отъѣзжее поле.

— Ну, ребятушки, это послѣдній разъ; скоро-скоро запремся совсѣмъ! Скучно будетъ... скоро зима-зимушка! съ неподдѣльной печалью замѣчаетъ Василій Ефимовичъ.

— А мы, Василій Ефимовичъ, зимой, вечерами, будемъ къ вамъ ходить. Вы намъ будете что-нибудь разсказывать?

— Что вамъ я стану разсказывать, ребятушки? Ничего-то я и самъ не знаю! Эхъ-ма!

— Ну, учиться станемъ! замѣчаетъ нашъ другъ Иванъ.

— А я что нибудь «робить стану» прибавляетъ Паша Овивейскій, вообще болѣе склонный къ механической работѣ.

— Ладно, ладно; увидимъ, посмотримъ! ласково говоритъ Василій Ефимовичъ. Онъ и самъ радъ былъ предложенію своихъ учениковъ.

Digitized by Google

Въ два года своего учительства онъ до того свыкся съ ними, что безъ нихъ ему теперь было какъ-то скучно.

А между тѣмъ годы шли. Нашимъ сверстникамъ было уже около девяти лѣтъ. Псалтыри въ зиму уже порядочно поистерлись, и даже снаружи, по обрѣзу, было видно, что произойдены далеко за половину. На письменныхъ тетрадяхъ появилось много-значительное: «хотя корень ученья горекъ...» Стало быть, какъ говорилъ Василій Ефимовичъ, «дѣло скоро будетъ совсѣмъ».

Вотъ и зима перевалила на другую половину. Показалась оттепель. Василій Ефимовичъ былъ какъ-то особенно сумраченъ. Но то была не прежняя злость сердитой собаки, лающей на все, и на вѣтеръ, и на луну, и бросающейся на всѣхъ. То скорѣе была тихая грусть, сожалѣніе о жизни, вовсе не житой, неиспытанной. Онъ видимо хирѣлъ. Гнусливѣе прежняго началъ онъ говорить. Блѣднѣе и суше становилось его искаженное лицо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ его становился тише, ровнѣе и мягче. По временамъ, глядя на своихъ «птенчиковъ», какъ сталъ называть онъ учениковъ, онъ издавалъ болѣзненные вопли. Мать-попадья, у которой онъ былъ единственное дитя и которая горячо любила его, не смотря на прежнюю его грубость, долго и горько плакала, глядя на молчаливыя страданія своего дѣтища.

Однажды въ великій постъ, когда солнышко стало припекать сильнѣе и около зимовья уже высохла земля, Василій Ефимовичъ, цѣлую зиму сидѣвшій безвыходно въ комнатѣ, вышелъ съ учениками на улицу и сѣлъ на солнечномъ припекѣ, у своего жилища. Кротко смотрѣлъ онъ на окружающіе предметы: на отцовскій домъ, на куръ, высыпавшихъ погрѣться на весеннемъ солнцѣ, посмотрѣлъ, прищуривъ глаза и заслонивъ ихъ ладонью, на самое солнышко,—и заплакалъ. Ребятки робко стояли около него, не смѣя сказать слова не находя въ своемъ дѣтскомъ умѣ выраженій для утѣшенія, а можетъ быть и непонимая вовсе причины слезъ Василья Ефимовича. Матушка, завидѣвъ своего сына, тоже вышла и присоединилась къ этой печальной, некрасивой группѣ.

— Васинька, что это ты, дружечекъ? Что съ тобой?

— Ничего, маменька. Такъ что-то взгрустнулось! отвѣчалъ сынъ, съ любовью посмотрѣвъ на мать.

Потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, онъ сказалъ:

Digitized by Google

— Будетъ сидѣть-то, что-то холодитъ! Пойдемте домой. Зайдите ко мнѣ, маменька.

Всѣ вошли въ зимовье. Василій Ефимовичъ сѣлъ на свой круглый стульчикъ; матушка тоже присѣла. Василій Ефимовичъ, помолчавъ немного, пристально посмотрѣлъ на свою мать и тихо заговорилъ.

— Знаете что, маменька? Не хотѣлось бы мнѣ заранѣе пугать васъ: я знаю, какъ вы меня любите. Но все равно, не сегодня—завтра узнаете же! Скоро, скоро маменька, я оставлю васъ. Эта весна—послѣдняя для меня... Чувствую, что силы меня оставляютъ; не жилецъ я на этомъ свѣтѣ.

Матушка зарыдала.

— Что-ты, что-ты, Васенька, это говоришь? Нѣтъ, ты не оставишь меня! Ты знаешь, вѣдь ты у меня одинъ.... одинъ какъ свѣтъ въ очахъ. Что мнѣ нужды, что ты у меня больной, искалѣченный? Я мать тебѣ; ты мнѣ и больной дороже всего на свѣтѣ!

— Знаю, знаю, маменька! И потому-то прошу тебя, умоляю, прости меня за все то, что я тебѣ сдѣлалъ худаго. О, какой я былъ варваръ, какой извергъ! Какъ я жестоко поступалъ съ тобой! О прости меня, милая мамушка!

И Василій Ефимовичъ палъ къ ногамъ матери и цаловалъ ихъ. Мать съ рыданьями обхватила его шею, и они долго плакали вмѣстѣ, обнявъ другъ друга. Ребята тоже плакали. Хотя слово: «смерть» еще не было произнесено, но они чуяли, о чемъ идетъ рѣчь. Оправившись нѣсколько, Василій Ефимовичъ продолжалъ:

— Ты видѣла, маменька какимъ несчастнымъ явился я къ вамъ... А мнѣ было только семнадцать лѣтъ; я былъ молодъ; кругомъ меня все цвѣло, все радовалось. А я,—я былъ никуда негодный уродъ всѣ отъ меня отворачивались, никто не хотѣлъ со мной изъ одной чашки ѣсть. Я былъ всѣмъ противенъ. Ну, и мнѣ все опротивѣло; эти старушичьи сожалѣнія злили меня еще пуще, чѣмъ самое отвращеніе отъ моего сообщества. Я не вѣрилъ даже тебѣ, не вѣрилъ, что и ты плачешь обо мнѣ искренно. Я хотѣлъ тогда же наложить на себя руки, но удержался... Думалъ, авось выздоровлю... авось поправлюсь! Я золъ былъ на все; мнѣ противно было смотрѣть на здоровыя лица, на веселыхъ людей; такъ бы и хотѣлось разстроить ихъ веселье, заставить ихъ всѣхъ плакать, сдѣлать ихъ такими же уродами, какъ я! О, если-бъ мнѣ тогда попались эти, что сдѣлали меня несчастнѣйшимъ!

Digitized by Google

И Василій Ефимовичъ бросилъ сердитый, угрожающій взглядъ въ темный уголъ комнаты, какъ бы видя предъ собою какого-то врага, котораго считалъ виновникомъ своего злополучія. За тѣмъ онъ продолжалъ гораздо тише:

— Вотъ эти ребятишки меня спасли. Спасибо имъ; они совсѣмъ смирили меня, обезоружили меня. Съ ними-то я только и пожилъ, какъ будто самъ я сдѣлался съ ними такимъ же ребенкомъ, какъ они. Но какъ же и жаль-то мнѣ ихъ! Вѣдь и они туда же должны идти. И вижу я, вижу, что не сдобровать и имъ! Ты, бѣдный мой, бѣдный Пашута! тебѣ особенно достанется! Не жилецъ ты въ этой поганой ямѣ, съѣдятъ тебя, изуродуютъ тамъ; вши и крысы изъѣдятъ тебя, бѣдный парень! Посмотрите, какой онъ худенькій; ему ли вынести эти вѣчные побои, эти розги, эти карцеры?... О, неужели и теперь тамъ тоже самое? Да, должно быть! Жаль мнѣ смертельно ребятокъ. Лучше бы имъ не идти туда. Да какъ быть?

И Василій Ефимовичъ опустилъ голову на грудь. Эта крѣпкая, круглая голова, съ черными, разсыпчатыми кудрями была въ какомъ то непримиримомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорилъ ея владѣлецъ.

Спустя нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія Василій Ефимовичъ поднялъ голову.

— Хотя бы весну-то, весну-то прожить! Походить бы вотъ съ ребяточками по лѣску, по травонькѣ! А тамъ бы ужъ!... Василій Ефимовичъ взглянулъ въ единственное окно своего жилья. Солнце съ любовью заглядывало въ это окно, какъ бы радуясь примиренію человѣка съ его окружающимъ, и готовое совсѣмъ облить его за это своимъ теплымъ свѣтомъ.

Ребятки хоть смутно, но поняли смыслъ рѣчи Василья Ефимовича. Они поняли, что ихъ ждетъ что-то худое, но гдѣ, когда и отъ кого все это произойдетъ, они конечно не знали.

Василью Ефимовичу не суждено было сходить съ ребятками ни въ лѣсъ, ни въ поле. Какъ бы расплотившись со всѣмъ земнымъ, онъ уже не вставалъ съ постели. Бѣдная мать неотходила отъ него; часто заходилъ туда и о. Ефимъ, у котораго сынъ также со слезами просилъ прощенія; наши ребятишки, переставъ учиться, ежедневно навѣщали своего учителя. Они на цыпочкахъ прокрадывались въ его хижину и, прижавшись гдѣ нибудь въ уголкѣ, со страхомъ и жалостью смотрѣли на страдальческое лицо Василья Ефимовича.

Digitized by Google

Съ первыми распустившимися листьями Василью Ефимовичу сдѣлалось гораздо хуже. Какая-то косточка еще вышала у него, и онъ умеръ тихо, незамѣтно, безъ большихъ страданій. Его, какъ духовное лицо, какъ сына священника, схороиили близь церкви, подлѣ алтаря.—Наши мальчики со слезами провожали его и въ церковь, и на могилу.... Но и стоя въ церкви, подлѣ печальнаго гроба, и пристально глядя на безобразныя черты своего учителя, они все-таки не могли рѣшить: кто же тотъ злодѣй, который испортилъ Василья Ефимовича и которымъ онъ стращалъ и ихъ?.

IX.

Рѣшеніе судебъ.

Недоумѣніе, не рѣшенное нашими друзьями надъ гробомъ Василія Ефимовича, скоро рѣшилъ о. Ефимъ. Сельская почта однажды привезла къ нему цѣлую гору пакетовъ. То были предписанія благочиннаго, съ указами консисторіи за цѣлые полгода. Отецъ Ефимъ только что собрался на пашню.

— Будь оно проклято! Вотъ не было печали, да черти накачали! съ досадою сказалъ о Ефимъ, Ну, да полежатъ, не чертъ взялъ!

И о. Ефимъ отправился по своему дѣлу. Вечеромъ, по возвращеніи домой, онъ только посмотрѣлъ на кипу пакетовъ, но читать не сталъ; во первыхъ, пріѣхавъ домой, онъ выпилъ малую-толику «труда ради бдѣннаго», а во вторыхъ, безъ очковъ онъ и читать вечеромъ не могъ, очки же куда то завалились: не искать же ихъ ради такой дряни! Уже по утру, послѣ чаю, о. Ефимъ прпступилъ къ головоломной работѣ. Долго читалъ онъ молча, и молча откладывалъ одну бумагу за другой. Наконецъ, прочитавъ одну изъ бумагъ, онъ воскликнулъ:

— А-га, и до насъ добрались! Мать, а мать! Погляди-ко. Вотъ нашихъ студентовъ требуютъ «во едикуль»!

— Въ какой опять «едикуль»?

— Да въ училище!

Digitized by Google

— Бѣдные! отозвалась мать-поподья. То-то слезъ-то будетъ у пономарицы съ дьяконицей!

— Пошли-ко за Михайлой.

Михайло явился передъ своимъ набольшимъ, какъ листъ передъ травой. Подошелъ подъ благословенье и сталъ у косяка, своего обыкновеннаго мѣста.

— Экъ отъ тебя, братъ, везетъ! замѣтилъ о. Ефимъ, ничего еще сегодня не выпивавшій.

— Въ огородѣ пахалъ, ваше благословеніе!

— Видно, что пахалъ! А что, косушки двѣ, чай, ужъ вспахалъ?

Михайло только почесалъ бороду.

— А вотъ, братъ, тебѣ отъ Фильки грамотка! На, читай!

Михайло подошелъ съ бумагой къ окну и началъ было по складамъ разбирать. Но руки его дрожали, буквы бѣгали какъ муравьи; онъ то мигалъ, то зажмуривалъ одинъ глазъ и подносилъ бумагу къ самому носу, — бумага не давалась. — Наконецъ онъ долженъ былъ отказаться отъ возможности прочесть благочинническія каракули.

— Не могу, бачка, разобрать.

— А еще пономарь! Просто-на-просто, братъ, вотъ что: велятъ везти парня въ городъ,—девять лѣтъ! Собирайся, братъ, и чтобъ къ сентябрю доставить!

— Да у меня содержать его нечѣмъ, вы знаете сами! возразилъ было пономарь.

— Ну, братъ, разсуждать намъ, знаешь, не велятъ. Вези, да и только. Ну, на полуказенное примутъ, ты пономарь! Поди, и дьяконицѣ скажи. И ея Пашутку тоже велѣно доставить.

Михайло вышелъ отъ о. Ефима, ошеломленный, словно кто ударилъ его по головѣ дровокольной палкой. Онъ до сихъ подъ и представить себѣ не могъ, чтобъ когда-нибудь его потребовали въ городъ, или что его парня когда-нибудь надо будетъ везти туда. Не веселъ пришелъ онъ домой и сообщилъ печальную новость женѣ. Та какъ будто сперва чего то испугалась, но скоро оправилась.

— Ну, чтоже? надо было давно ждать. Пора, такъ пора! Собирать надо.

А у самой ужъ закипѣло на сердцѣ. Она отвернулась отъ мужа и, сѣвши за печку на прилавокъ, начала утирать передникомъ слезы.

— Пора, пора! Самъ знаю, что пора. А кто повезетъ?

Digitized by Google

— Кто же повезетъ, что не ты? Не я же сама поѣду тамъ мыкаться? И рада бы, да что я сдѣлаю? я и съ роду то не бывала въ городѣ.

— Ладно, братъ! И я тоже не поѣду. Я самъ забылъ, какъ городъ-то зовутъ.

— Ну, пошелъ городить!

— Чего городить-то? Тамъ, братъ, эти лѣшіи-консисторскіе. Попадись только имъ нашъ братъ! Да и чѣмъ я его содержать-то буду? Развѣ на казенное примутъ? О. Ефимъ говорилъ же, правда.—Да вотъ что, надо и дьяконицѣ сказать. И ея Пашку тоже велятъ представить.

Это послѣднее извѣстіе какъ будто обрадовало пономарицу. Увидѣла ли она, что теперь есть съ кѣмъ поплакать, есть кому раздѣлить съ ней горе, или заговорилъ эгоизмъ, что «вотъ-де не я одна разстанусь съ ненаглядным дѣтищемъ»,—сказать неумѣемъ. Только пономарица какъ будто въ половину утѣшилась при этомъ извѣстіи и послала старшую дочь за матерью-дьяконицей. Она скоро пришла и повидимому приняла печальную вѣсть довольно хладнокровно, только сказала: неужели? и заторопилась домой: опара, что-ли, у ней поднялась тамъ... На этотъ разъ, значитъ, горе пономарицы осталось нераздѣленнымъ, и обѣ матери выплакались на-особицу.

О. Ефимъ старался всегда аккуратно исполнять благочинническія предписанія, особенно, если они не касались его лично. А потому при каждомъ свиданіи, онъ напоминалъ пономарю о томъ, чтобъ тотъ ладилъ своего парнишка. Весна промелькнула быстро, а за нею и торопливое, сѣверное лѣто. Наши ребята едва успѣли побѣгать въ полѣ, накупаться и вообще насладиться прелестями лѣта, особенно огородными, въ которыхъ теперь имъ небыло отказа отъ матерей, потому что «теперь-то имъ, дитяткамъ, и понѣжиться, а тамъ и вшито ихъ заѣдятъ, и блохи-то искусаютъ»,—какъ стали желтѣть листья, полетѣли журавли и какъ-разъ на Преображеніе выпалъ иней, погубившій большую часть огородныхъ овощей. Печально сидѣли двѣ матери (онѣ теперь почти неразлучались), торопясь дошить халатики и порточки, въ которыхъ ихъ сыновья должны были явиться на чужую сторону. По временамъ онѣ перебрасывались между собой фразами, содержаніемъ которыхъ былъ одинъ и тотъ же предметъ, занимавшій ихъ, и днемъ и ночью, въ теченіе по крайней мѣрѣ, трехъ мѣсяцевъ. Изъ слезъ, пролитыхъ ими за это время, могло бы

Digitized by Google

составиться цѣлое озеро, а еслибъ всѣ вздохи ихъ восходили къ небу, то, конечно, сыновья ихъ были бы счастливѣйшими изъ смертныхъ.

Наконецъ и рубашечки и порточки были дошиты, и халатикъ готовъ у нашей пономарицы, и все это укладывалось въ небольшой голубой ящичекъ, принесенный ею еще въ приданое. Небыли принесены еще только одни сапоги, о которыхъ уже года два мечталъ нашъ Иванъ, и которые въ первый еще разъ заказывались для нашего героя. Мы должны здѣсь сознаться, что всѣ эти наряды, въ особенности сапоги, такъ вскружили ему голову, что онъ забылъ и о школѣ, куда его скоро повезутъ, забылъ и о скорой разлукѣ съ матерью. Такова ужъ юность. Она поетъ и веселится, когда у стариковъ, глядя на нее, льются слезы и вырываются тяжелые вздохи. И все ни по чемъ веселой молодости: впереди разстилается гладкая, какъ скатерть, и окаймленная цвѣтами дорога жизни; воображеніе рисуетъ въ будущемъ разнообразныя, пріятныя сцены, и—прочь всякая мысль о неизбѣжныхъ терніяхъ, горестяхъ и разочарованіяхъ; Веселись и мечтай, юность!

Ребенокъ нашъ наслаждался послѣдними теплыми днями. Весело гонялся онъ за утятами, загоняя ихъ домой съ рѣчки; весело бѣгалъ по бороздамъ огорода, выбирая любой изъ овощей и вдоволь угощая ими и себя, и сестеръ. Между тѣмъ отецъ его не шутя готовился къ поѣздкѣ и крѣпко по временамъ задумывался. Его кручинила, разумѣется, не разлука съ сыномъ, не тѣ, могущія постигнуть его зло нолучія, которыя пономарь самъ хорошо зналъ по опыту. Нѣтъ; какъ философъ, онъ рѣшилъ, что «слезами горю не поможешь», и можетъ быть справедливо называлъ жену свою дурой, за ея слезы; его тревожила практическая сторона дѣла. Во первыхъ, гдѣ взять лошадь? Мужики, бестіи, всегда дорожатся, когда нуждаешься въ чемъ нибудь. Если нельзя взять у кого-нибудь даромъ, то хоть нельзя-ли нанять подешевле какъ-нибудь. Но больше всего мучила пономаря мысль: что, если парнишка не примутъ хоть на полуказенное содержаніе? Тогда, просто, хоть умирай! Шутка-ли; квартиренка, самая худенькая, стоитъ рублей шесть въ мѣсяцъ ассигнаціями, и надо платить года два, пока сынъ не будетъ имѣть права исключиться съ надеждой получить дьяческое мѣсто. Вотъ дьяконица, такъ той нечего хлопотать: взять отъ о. Ефима свидѣтельство о смерти мужа,—и парнишка безъ разговору примутъ на казенное! Не пойти ли

Digitized by Google

къ о. Ефиму посовѣтоваться и попросить написать прошеніе? Да не зайти ли, за попутьемъ, выпить? Охъ, эти ребята, ребята!

Такъ разсуждалъ пономарь и немедленно приступилъ къ дѣлу, начавъ съ ближайшей его стороны. Онъ сходилъ, выпилъ, спросилъ у цѣловальника, не ѣдетъ ли кто въ городъ на простыхъ, и направилъ стопы къ о. Ефиму, захвативъ съ собой про-запасъ четушечку.

О. Ефимъ сидѣлъ, по обыкновенію, на заваленкѣ и балякалъ съ церковнымъ старостой.

— До вашей милости! процѣдилъ пономарь, подошедши подъ благословеніе.

— А за пазухой-то что? весело спросилъ о. Ефимъ, мигнувъ однимъ глазомъ.

— Ничего нѣтъ! отвѣчалъ пономарь; однако поправилъ кушакъ и поглубже задвинулъ то, что хранилось за пазухой.

— Поговорить бы надо о дѣлѣ, продолжалъ пономарь, показывая видъ, что хотѣлъ поговорить въ комнатѣ.

— Для-че не поговорить, особенно коли у тебя есть что-нибудь хорошее за пазухой? Прощай, староста, сказалъ о. Ефимъ, вставая.

Старостѣ тоже, казалось, надо было о чемъ-то поговорить съ о. Ефимомъ: онъ очень неохотно простился съ «бачкой» и пошелъ прочь.

О. Ефимъ, введя пономаря во дворъ и затворивъ за собой ворота, приложилъ руку къ пазухѣ пономаря и съ особенною нѣжностью произнесъ, подражая нѣсколько меланхолическому ржанію лошади, радостно привѣтствующей кучера, несущаго ей знакомую, любезную порцію овса.

— О-го-го-го! душечка ты моя, любезная! Попочтиваешь, что-ли, пономарь?

— Поподчиваю, бачка, только помогите, отвѣчалъ пономарь. Не знаю, что и дѣлать! Прошеньице пришелъ попросить васъ написать.

— А! о парнишкѣ-то? Что же? ладно! А вотъ, сперва выпьемъ по маленькой! Эй, мать, дай что-нибудь закусить!

Выпивъ и закусивъ груздочками, священнослужители приступили къ дѣлу. О. Ефимъ досталъ листъ бумаги, надѣлъ на носъ очки и, обложившись письменными принадлежностями, уставилъ глаза на пономаря.

Digitized by Google

— Ну, что же писать станемъ, Михайло? Давно, братъ, я ничего этакого не писывалъ.

— Вы лучше знаете. Что я могу придумать? Право, ничего не могу. Пожалостливѣе-бъ надо, бачка.

— Какъ бы это... того?.. Ну, ваше тамъ, какъ его... смотрителя-то?.. А потомъ?.. «Имѣя»... что имѣя?.. Стой, братъ, сперва выпьемъ!

Выпили, и о. Ефимъ снова взялся за перо.

— Такъ «имѣя»... началъ снова о. Ефимъ, имѣя... имѣя... Да! «многочисленное семейство»... У тебя хоть и немногочисленное... ну, да кто станетъ повѣрять?.. и сучку тутъ же считай... тоже семейство!.. «Имѣя многочисленное семейство»... Теперь для жалости чтобы?.. Постой... «обуреваемое холодомъ и голодомъ»... вотъ братъ, какъ жалобно! Ха, ха, ха! «холодомъ и голодомъ»... Совсѣмъ, почитай-молъ, пропали! Ладно, вѣдь, Михайло?

— Ладно, шибко ладно, бачка! отвѣчалъ обрадованный Михайло.

Въ такомъ духѣ написано было все прошеніе. Подавая его пономарю, о. Ефимъ замѣтилъ:

— Ну, братъ, теперь хоть чорта, такъ и того разжалобишь! Да вотъ что, неопоздай! Совсѣмъ собрался?

— Собрался-то собрался, да вотъ коня не могу найти.

— Вотъ! а староста-то на что? Ему надо же ѣхать за виномъ. Вотъ и довезетъ. Кони у него славные. Эхъ, давича невдомекъ!

— Да я его отыщу и вашимъ именемъ скажу, чтобы взялъ насъ.

— Ну, пожалуй... А теперь на радостяхъ выпьемъ-ка!

Такъ какъ косушка была уже давно кончена, то о. Ефимъ досталъ изъ шкафика своей настоечки, на тысячелистникѣ, полезной отъ сколькихъ-то недуговъ и добродушно поподчивалъ ею пономаря.

— Лети, братъ, пономарь, лети, да и въ городъ... Не зѣвай. А то, пожалуй, и мнѣ выговоръ будетъ.

— До пріятнаго свиданія. Прощай, матушка.

И пономарь направился отыскивать старосту.

Староста скоро нашелся. Сначала онъ было заартачился, но имя о. Ефима подѣйствовало сильнѣе всякихъ просьбъ, и пономарь со старостой рѣшили ѣхать въ будущій вторникъ.

Digitized by Google

X.

Сборы и дорога.

Приближался и назначенный для поѣздки вторникъ. Все было готово къ отъѣзду: подорожники напечены и сложены въ мѣшокъ; въ другой мѣшокъ положено парадное одѣяніе самого пономаря: извѣстные читателю козловые сапоги, желто-плисовый подрясникъ и пара бѣлья. Завѣтный голубой ящикъ туго-на-туго набитъ имуществомъ будущаго бурсака; туда-же секретно положена полтина мѣдныхъ денегъ и кулекъ орѣховъ; все это было смочено слезами и замкнуто, а ключъ повѣшенъ на шею владѣльца, вмѣстѣ съ крестомъ. Но хотя и все уже было готово, и не предвидѣлось ни препятствій къ поѣздкѣ, ни средствъ избѣжать ея,—но въ умѣ Михайла Михайловича все еще шевелилась мысль, нельзя-ли ѣзамнить себя кѣмъ-нибудь въ этой поѣздкѣ? Вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго для поѣздки, за ужиномъ, онъ еще разъ (уже не первый и не вторый) обратился къ женѣ.

— А я однако, мать, не поѣду; смерть, какъ не хочется! Поѣзжай-ка, братъ, ты!

— Выдумалъ опять!—Ну, что болтать-то по пустому? Все ужъ изложено, а онъ опять за свое! отвѣчала пономарица.

— Такъ вотъ что: вѣдь староста и одинъ можетъ ихъ увезти; ну, тамъ и сдастъ! Онъ лучше меня и городъ-атъ знаетъ, заговорилъ Михайло, обрадованный новою и счастливою мыслью.

— Мели опять! Горячо возразила пономарица. А прошеніе-то кто подастъ? Развѣ у старосты-то примутъ? Охота, видно, тебѣ на своемъ счету содержать: богатый, вишь, мужикъ-то!

Послѣдній аргументъ такъ подѣйствовалъ на пономаря, что онъ ужъ больше не возражалъ и окончательно покорился своей злой судьбинѣ.

Настало и утро вторника. Старухи наши поднялись, чѣмъ свѣтъ; шибко суетились онѣ, затопляя печи, ставя самовары и вообще хлопоча по хозяйству. Но самая эта торопливость была какъ-то

Digitized by Google

подозрительна; видно было, что онѣ не то бы желали дѣлать, что дѣлали, и суетились только для того, чтобъ отвлечь свои мысли отъ какого-то тяжелаго предмета. Вотъ и староста, ни свѣтъ, ни заря, подъѣхалъ въ своей кованой телегѣ: куда это онъ торопится? Могъ бы, кажется, и обождать маленько! Вотъ и мать-дьяконица,—пасмурная, какъ ненастная ночь—лица незнать,—несетъ такой же ящичекъ, какъ ванинъ и кладетъ на телегу, въ которую пономарица уже укладываетъ пожитки своего Вани.

— Здравствуешь, Марья Алексѣевна! печально здоровается дьяконица. Ужъ пріѣхалъ!

— Здравствуй, матушка! Пріѣхалъ... только и могла сказать пономарица, и обѣ, какъ бы по знаку какому, принялись рыдать.

— Охъ, изныло-то у меня все сердечушко! Голубчикъ ты мой!.. причитаетъ мать-дьяконица.

— Надорвала-то я всѣ свои животики, плачучи!—подхватываетъ пономарица. О-о-хъ-ти мнѣ!

— Не придетъ-то онъ ко мнѣ, не скажетъ: милая маменька! Непридетъ-то онъ ко мнѣ, голубчикъ мой!...

— Не ласкать-то мнѣ тебя, дитя мое милое; не услышу-то я больше мой соколикъ, голосочка-то твоего!... и т. д.

Діалогъ этотъ продолжался бы, можетъ быть, очень долго, къ удовольствію автора (смерть люблю, гг., патетическія сцены!), потому что въ это время подошло еще нѣсколько старухъ, готовыхъ подтянуть плакальщицамъ, если бы староста, мужикъ, лишенный всякой способности сочувствовать горю ближняго, не прервалъ его самымъ прозаическимъ образомъ.

— Ну, будетъ вамъ тутъ, старухи, кудахтать-то! Пора ѣхать; до жару-то и успѣть лишнюю версту!

Дѣлать было нечего; опять засуетились наши старухи и окончательно все уложили; да и укладывать-то почти было нечего: вся укладка состояла въ перестановкѣ одного ящика вмѣсто другаго, въ подстилкѣ соломы и войлоковъ, чтобъ сидѣть было мягче, и въ утрепываніи не очень, правда, мягкихъ подушекъ. Между тѣмъ на проводины, какъ на событіе, въ деревняхъ необыкновенное, собралось много народу; пришла мать-попадья, пришелъ и самъ о. Ефимъ. Старухи-сосѣдки корчили печальныя рожи, выражая тѣмъ полное сочувствіе печальнымъ матерямъ. О. Ефимъ съ трапезниками завели споръ о томъ, добѣжитъ-ли старостинъ конь, не ѣвши, до городу и т. п.

Digitized by Google

Сыпались замѣчанія, остроты, въ родѣ того, что конь добрый и добѣжалъ бы, еслибъ не сѣлъ въ телегу Михайло-пономарь и еслибъ не было на дорогѣ перепутьевъ съ печатными вывѣсками и т. д.

Михайло-пономарь былъ сердитъ, неразговорчивъ и разсѣянъ; онъ—то не могъ отыскать шапку, то запамятовалъ, куда положилъ табакерку съ платкомъ, словомъ, былъ въ тревожномъ состояніи. Наконецъ, все было готово и отговариваться было нечѣмъ. Всѣ, бывшіе въ избѣ, сѣли, куда кому случилось. Черезъ минуту, по знаку о. Ефима, всѣ встали и помолились Богу. Старухи, державшія своихъ сыновей на колѣнахъ, подвели ихъ къ священнику. О. Ефимъ благословилъ ихъ.

— Ну, ребята, учитесь, не лѣнитесь! сказалъ онъ. Да пріѣзжайте къ намъ поповать!

Пошло всеобщее прощанье; снова раздались рыданія и полились слезы. Даже самъ пономарь прослезился и, устыдясь своего ребячества, заторопилъ старосту.

— Ну, ну, староста, ѣдемъ! у нихъ конца не будетъ. Эхъ, а гдѣ же у меня опять табакерка-то?

Рѣшено однако до околицы идти пѣшкомъ. Печальное шествіе имѣло видъ настоящей похоронной процессіи. У насъ, въ городахъ, надъ покойниками никогда такъ не плачутъ, какъ плакали наши матери, провожая своихъ дѣтей въ школу мудрости. И онѣ еще далеко не знали, что ждетъ ихъ впереди! То ли было бъ, если бы онѣ сами видѣли тѣ мѣста, куда везли ихъ милыхъ сыновей? Что было за околицей, сколько пролито было слезъ, сколько стоновъ, объятій и причитаній досталось на долю нашихъ друзей, мы не можемъ и изобразить. Помянута была вся прежняя жизнь нашихъ героевъ, ихъ младенческій лепетъ, ихъ дѣтскія игры и шалости, необыкновенно-умныя изрѣченія—все припомнилось тутъ, все вспомянулось среди рыданій и жестокихъ біеній въ грудь. «Чужая сторона» и «городъ» представлены были въ такомъ омерзительномъ видѣ, что тамъ ужъ некому и «приласкать-то дѣтушекъ», некому и «въ головкѣ-то поискать», такъ что можно было подумать, что въ городѣ живутъ вовсе не люди, а какіе-то разбойники.

Но всему бываетъ конецъ, даже и причитаньямъ. Надо было когда нибудь разставаться, и староста, уже извѣстный читателю своимъ грубымъ характеромъ, положилъ конецъ рыданіямъ. Онъ сѣлъ въ телегу, и натянувъ возжи, сказалъ: «ну, пора». Мальчиковъ посадили

Digitized by Google

въ телегу, въ центрѣ которой усѣлся Михайло. Подушечки очутились по сторонамъ его широкаго сѣдалища и дѣтей посадили подлѣ пономаря, такъ что онъ уподобился нѣкоему кокошу (общипанному пѣтуху), окруженному цыплятами.

— Ну, ну, простите! сказалъ староста, и телега покатилась. Михайло гнѣздился, стараясь половчѣе усѣсться. Ребята заворотили головы назадъ и выли. Обѣ старухи лежали на землѣ...

— Мама, мама! закричалъ Павлуша. Я тебя больше не увижу! прости, мама!

Слышала-ли старуха-дьяконица послѣднее восклицаніе,—неизвѣстно; ей же лучше, если не слыхала! Пусть хоть годъ, хоть мѣсяцъ живетъ она еще надеждой и утѣшается, строя воздушные замки для своего милаго сына. И пусть горе, если суждено ему постигнуть бѣдную женщину, поразитъ ее ужъ вдругъ, и сразу порветъ нить ея жизни, оборвавъ послѣднюю связь ея съ міромъ!

Но оставимъ женщинъ плакать и томиться, и займемся нашими путешественниками. До города отъ Тальянъ было всего верстъ восемьдесятъ, и добрымъ порядкомъ можно было бы къ вечеру прикатить и на мѣсто. Но конь-ли у старосты былъ не выт-ный, или пономарь очень тяжелъ (да къ тому-же оба они со старостой были жалостливы къ животнымъ), только какъ-то такъ случалось, что едва усматривали они вдали крыши домовъ, или деревеньку какую, какъ тотъ, либо другой начиналъ поговаривать:

— А что, вѣдь, однако конь-то пріусталъ у насъ? Неостановиться-ли тутъ у околицы? Пусть, бѣдный, отдохнетъ, да травки пощиплетъ! И они останавливались, разпрягали коня и, оставивъ ребятъ караульщиками, уходили въ деревню и возвращались болѣе прежняго разговорчивы. Если же деревни были уже черезъ-чуръ близки одна отъ другой, то оказывалось, что у обоихъ ихъ есть тутъ знакомый мужичекъ, съ которымъ надо кое-о чемъ поговорить.

— Вы, ужо, ребятушки, тутъ посидите, подождите; а мы живо, только повидаемся!

И уходили къ знакомому мужичку и возвращались еще разговорчивѣе и веселѣе. Путешествуя такимъ образомъ, они должны были ночевать въ полѣ, близь одной деревни. Тутъ ужъ, чтобъ не скучно было сидѣть и караулить коня, который былъ пущенъ на траву спутаннымъ, отложены были прочь всякіе предлоги и оказіи (и къ чему они придумывались прежде, мы не понимаемъ!) и принесенъ былъ

Digitized by Google

бурачекъ, наполненный влагой, поддерживающей бодрость и теплоту въ тѣлѣ. Ребятки уснули въ телегѣ, накрытые старостинымъ тулупомъ, а пономарь со старостой цѣлую ночь гуторили и подогрѣвали себя изъ бурачка. Что бы, на грѣхъ, не уснуть къ утру и непрокараулить коня, староста запрягъ его въ телегу, пустилъ по дорогѣ, а самъ, сѣвши поперегъ телеги, въ передкѣ, уснулъ крѣпкимъ сномъ. Примѣру его послѣдовалъ и другъ нашъ пономарь. Привычный конь, какъ подобаетъ степенному коню церковнаго старосты, долго тащился шагомъ, пока неостановило его препятствіе, совершенно непреодолимое для самаго умнаго коня,—т. е. ворота деревенской городьбы. Здѣсь онъ волей-неволей остановился и простоялъ до тѣхъ поръ, пока не разбудился его хозяинъ.

Такимъ образомъ вмѣсто одного дня наши путешественники ѣхали три, и прибыли въ городъ Дребедень какъ разъ въ благовѣстъ вечерни.

Навѣрное доводилось вамъ, гг., читывать, какое впечатлѣніе производятъ на грубыхъ дикарей, перенесенныхъ изъ ихъ родины, изъ ихъ бамбуковыхъ гамаковъ или изъ земляныхъ норъ въ какой-нибудь европейскій городъ, эта невиданная ими доселѣ жизнь, эти громадныя зданія, мосты, улицы, освященныя тысячами фонарей, всѣ эти плоды многовѣковыхъ усилій ума, опытности и образованія. Если читатель имѣлъ счастіе еще, такъ сказать, въ утробѣ матери вкусить плодовъ образованія и при самомъ первомъ взглядѣ на міръ былъ пораженъ монументальными зданіями, «дивами искусства», предметами довольства и роскоши, то по этимъ описаніямъ онъ можетъ составить себѣ хотя слабую идею о томъ, какъ поражены были наши юные тальяновцы при въѣздѣ въ городъ, правда, довольно грязненькій и невзрачный на взглядъ человѣка бывалаго, но который все-таки, въ сравненіи съ Тальянами, могъ почесться хотя двѣнадцатымъ чудомъ. Именно такимъ чудомъ и показался онъ нашимъ друзьямъ. Удивленію ихъ не было предѣловъ и восклицаніямъ не было конца. Все казалось имъ дико, необыкновенно; зданія пугали ихъ своею громадностью, множество церквей, безконечно-длинныя улицы, люди, попадавшіеся имъ на встрѣчу и одѣтые «не по-нашему»,—все это било по глазамъ, приводило въ недоумѣніе и сильно пугало дѣтское воображеніе. Они ощущали какой-то непонятный страхъ передъ этими огромными зданіями, среди этого многолюдства, точно боялись, что вотъ-вотъ эти громады обрушатся на нихъ и эти незнакомыя существа, одѣтыя

Digitized by Google

такъ странно и все-такія сердитыя, выхватятъ ихъ изъ телеги, утащатъ въ свои домины, гдѣ, конечно, набито ихъ цѣлыя тысячи, и съѣдятъ ихъ за своимъ каннибальскимъ ужиномъ! Пораженные страхомъ, ребята ближе прижимались къ своему естественному покровителю, пономарю, и крѣпче надвигали шапки на свои глупыя деревенскія головы.

Но вотъ, наконецъ, телега остановилась, и они въѣхали въ какія-то ворота одной изъ отдаленнѣйшихъ улицъ города, которая, пожалуй, была не лучше тальянскихъ улицъ, и очутились на постояломъ дворѣ, принадлежавшемъ какой-то мѣщанкѣ. Нашимъ путникамъ отведена была для ночлега маленькая комната и приготовленъ скромный ужинъ. Шибко хотѣлось нашему пономарю «дернуть» съ дороги, и староста тоже не прочь былъ отъ этого; но предстоящая перспектива явленія къ властямъ и пугавшая пономаря встрѣча съ «идолами» окончательно отшибли въ немъ аппетитъ и храбрость. «Нѣтъ!» сказалъ онъ отрывисто и сухо, въ отвѣтъ на соблазнительное предложеніе старосты, поѣлъ очень не много, уложилъ ребятъ и самъ повалился спать.

XI.

Дребеденскій вертоградъ.

Назавтра, по городскому еще очень рано, часовъ въ семь, Михайло разбудилъ своихъ спутниковъ.

— Вставайте, вставайте, ребята! Надо идти въ училище. Ну, живо, живо!

Мальчики торопливо вскочили съ общей постели, засуетились и скорехонько одѣлись въ новенькіе нанковые халатики. Покушавши чайку, Михайло взялъ ихъ за руки и направился въ ту сторону города, гдѣ стояло училище. Проходя по знакомымъ когда-то улицамъ, онъ началъ вспоминать старину и свою молодость. Многое пришло ему на память, — и молодые годы на минуту какъ-бы воскресли въ его умѣ. Но—увы, не много отраднаго было въ этихъ воспоминаніяхъ, и они, промелькнувъ въ отупѣвшей головѣ пономаря, быстро изчез-

Digitized by Google

ли и смѣнились давящимъ чувствомъ ничтожества, нищеты и безпомощности. Еще дома, и потомъ въ продолженіе всей дороги, его мучила мысль, какъ бы не попасть въ городѣ на какого-нибудь «идола дикастеріи». И теперь, приглядываясь къ улицамъ и зданіямъ, онъ тщательно выбиралъ такіе переулки, по которымъ хотя и вдвое дальше было идти до училища, но которые шли подальше отъ «дикастеріи». Страхъ пономаря былъ совершенно напрасенъ и даже неоснователенъ. Очень нужно было такому почтенному мѣсту, какъ дикастерія, и такимъ важнымъ лицамъ, какъ ея члены, обращать вниманіе на какого нибудь смиреннаго пономаря тальянской церкви! Но, впрочемъ, живя въ глуши, и немогъ знать нашъ пріятель Михайло, что въ эти, почти тридцать лѣтъ, какъ онъ не бывалъ въ городѣ, нравы, служащихъ въ дикастеріи лицъ, достигли такой высокой степени безукоризненности, что не только пономаря, они не изобидятъ теперь и курицы

Напрасно провилявъ по закоулкамъ города цѣлый часъ, Михайло, наконецъ, дошелъ со своими спутниками до ограды училища.

— А вотъ и училище! сказалъ онъ. И при этихъ словахъ не только маленькія сердчишки будущихъ бурсаковъ, но и громадное сердце самого пономаря какъ будто дрогнуло и сжалось болѣзненно.

Дребеденская бурса съ-издавна пользовалась громкою извѣстностью, не только во всей дребеденской эпархіи, но и далеко за ея предѣлами. Не то, чтобы зданія бурсы были блестящи и черезъ-чуръ удобны,—нѣтъ, этимъ ни одна бурса не можетъ похвалиться до сего дня. Дребеденская бурса въ этомъ отношеніи даже поотстала отъ другихъ бурсъ. Зимой, напримѣръ, полагалось отапливать въ ней только пять жилыхъ комнатъ, да и то черезъ день (исключая комнатъ, занимаемыхъ начальствомъ), а классы не топились вовсе; и ученики и учителя сидѣли въ шубахъ. Чистоты въ зданіяхъ не полагалось также: полы не мылись и не мелись по цѣлымъ годамъ, а на столахъ, гдѣ обѣдали ученики, образовались такія кочки, что нельзя было поставить чашки, не проливши половины. На задахъ бурсы образовались за зиму цѣлыя горы навозу и всякой бурсацкой дряни; весною же самъ полиціймейстеръ не могъ проѣхать мимо нея, не заткнувши носа и невыругавшись свойственнымъ ему образомъ.

Содержаніе бурсаковъ пищей, одеждой и обувью также не было роскошно. На каждаго отпускалось денегъ ровно столько, сколько нужно, чтобы человѣкъ не умеръ съ голоду и холоду, не будучи

Digitized by Google

однако никогда сытымъ и одѣтымъ. Но и изъ этой суммы начальство умудрялось ежегодно дѣлать экономію, ибо за экономію его награждали. Понятно, что совсѣмъ этимъ сопряжены были маленькія неудобства для бурсаковъ. Многіе изъ нихъ не могли выдерживать спартанскаго образа жизни. Проклятыя болѣзни, скарлатина или корь, какъ заберутся, бывало, въ бурсу, такъ ужъ ихъ не скоро оттуда выживешь! Цѣлыми десятками отвозилъ тогда на гору маленькіе гробики злополучный савраска. Скорбутъ тоже былъ въ числѣ привиллегированныхъ бурсацкихъ болѣзней. Весной около заборовъ бурсы постоянно бродили десятки инвалидовъ, на костылях, согнувшихся, блѣдныхъ, какъ тѣни... Словомъ, всевозможныя немочи, когда-либо ниспосланныя на благочестивый городъ Дребедень, находили раздолье въ дребеденской бурсѣ. Разъ явилась даже такая болѣзнь, что всѣ медики города пришли въ тупикъ и единогласно рѣшили, что это какая-то новая болѣзнь, которую они и назвали: lepris bursacensis. Другимъ слѣдствіемъ спартанскаго воспитанія въ бурсѣ было изобиліе разнаго рода насѣкомыхъ, питающихся человѣческою кровью: есть преданіе въ дребеденской бурсѣ, что одного бурсака самыя паршивыя изъ этихъ животныхъ заѣли положительно до смерти.

Но ужъ за-то тѣ, кто выносилъ всѣ эти испытанія, тѣ выходили настоящими молодцами. Ихъ ужъ ничто впослѣдствіи не могло пронять—ни огонь, ни жупелъ.

И такъ, не внѣшними, и стало быть второстепенными достоинствами прославилась дребеденская бурса. Будущій оффиціальный историкъ, конечно, отыщетъ въ закоптѣлыхъ архивахъ ея писанные на синей бумагѣ списки ея питомцевъ и съ умиленіемъ передастъ міру, что записанный первымъ ученикомъ перваго класса дребеденской бурсы въ 180* году Иванъ Святодубинскій достигъ впослѣдствіи высокаго сана и былъ украшенъ за свои добродѣтели такими-то орденами. Безпристрасный историкъ не приминетъ также повѣдать, что другой ученикъ этой бурсы, Преестественскій, былъ потомъ кафедральнымъ въ г. Дребедени, ревностнымъ и приснопоминаемымъ пастыремъ, отцомъ многочисленнаго, благословеннаго семейства, что дочерей выдалъ онъ все за людей высокочиновныхъ, а сыновья его и доселѣ подвизаются на избранныхъ ими поприщахъ и т. д. и т. д. Но вы, краса и гордость дребеденской бурсы, вы всѣ, начиная съ третьяго ученика по списку, развеселые, разбитные ребята, на-

Digitized by Google

водившіе ужасъ на цѣлый городъ, которымъ ни-почемъ было разбить кабакъ, положить лоскомъ цѣлый обходъ десятскихъ и стѣной выйти на кулачный бой съ крупоѣдами или съ пріѣзжающими ямщиками или съ честью выдержать пари, съѣвши дюжину калачей, полковриги ржанаго хлѣба, дюжину соленой рыбы и запивъ все это полведеркомъ квасу,—вы не найдете мѣста на страницахъ будущей оффиціальной исторіи своей бурсы и васъ скоро забудетъ тщедушное поколѣніе новѣйшихъ бурсаковъ, рѣшительно никуда негодныхъ! Какихъ молодцовъ не было среди ея питомцевъ? По семи лѣтъ сиживали иные въ одномъ первомъ классѣ, безъ надежды перейти во второй. Усы и бороды вылѣзали у нихъ густымъ всходомъ; въ рукахъ чувствовалась сила богатырская: въ уличной ли схваткѣ, на базарѣ-ли, наши бурсаки всегда были первыми, вездѣ побѣдителями; у иныхъ даже за оградой бурсы заводились семейства, пищали ужъ свои ребята, и казенный хлѣбъ и полуобглоданныя кости таскались украдкой черезъ заборъ для прокормленія семьи, а подъ мышкой все носился непобѣдимый, непроходимый часословъ и дальше «утъ-ре-ми» не давалось нотное пѣніе...

Какая среда общества не получила изъ бурсы образцовыхъ, трудолюбивыхъ дѣятелей. Не говоря ужъ о томъ, что колокола всей дребеденской епархіи стонали подъ ударами рукъ, окрѣпшихъ на бурсацкомъ хлѣбѣ, нижніе этажи присутственныхъ мѣстъ кишмя кишили выводками бурсы; въ мѣщанахъ, въ солдатахъ, въ крѣпостяхъ и рудникахъ слышалась бурсацкая латынь; бывали даже изъ бурсаковъ славные заплечные мастера!

О, гдѣ вы теперь, любезные птенцы, рыцари и герои бурсы? Что сдѣлалось съ вашей удалью? На что потратилась эта сила богатырская? Гдѣ ты, незабвенный Комедо, наѣдавшійся до-синя-пупа и заставлявшій товарищей послѣ каждаго обѣда бить себя по брюху сальной свѣчкой или катать по полу? Гдѣ ты, знаменитый Квикунквe, любившій съносна хватить о-земь лихаго татарина, предводитель «архаровцевъ», гроза квартальныхъ и любимый архіерейскій басъ, знакомый всѣмъ дребеденскимъ купцамъ? Доите ли вы свои родные колокола, плодясь и множась на просторѣ, или наскучила вамъ однообразная пѣсня деревенскаго колокола, и вы избрали «родъ жизни» и сложили удалыя головы въ молодецкомъ бою, либо подъ вывѣской?...

Digitized by Google

Подумаешь, какая это была наивно-мудрая, простосердечно-разумная старина! Какъ умѣли они, наши старые менторы, приготовить своихъ питомцевъ ко всѣмъ превратностямъ жизни, ко всѣмъ передрягамъ и передѣлкамъ, въ какія подъ-часъ попадаетъ человѣкъ на свѣтѣ! Какъ умѣли они, въ самой нѣжной юности, отучить человѣка отъ глупой роскоши и изнѣженности и пріучить его ко всяческимъ лишеніямъ, обидамъ и оскорбленіямъ! И какой невинный видъ и голубиныя сердца имѣли они и ихъ питомцы! Какія, напримѣръ, благозвучныя, многознаменательныя прозвища носили дребеденскіе бурсаки! Благонравовы, Добросердовы, Сердцеумиленскіе, Нерыдайменематенскіе. Стоило только бурсакамъ понять смыслъ данныхъ имъ фамилій и соотвѣтствовать имъ, что бы сдѣлаться совершеннѣйшими изъ земнородныхъ. И какъ это было нетрудно! Попечительное начальство съ своей стороны уже этими фамиліями указывало, кому какимъ слѣдовало быть. Конечно, природа человѣческая, злая и испорченная, брала свое. Сами ребята никогда не называли себя этими сладкозвучными именами. У нихъ всякій (въ томъ числѣ и учители) имѣли свою особую кличку: Телка, Саламашка, Сучка, Пепка, Наложница, Болтливый-Брадобрѣй, Тяпъ, Кобыла и т. д. Да и само начальство сознавалось, что его ожиданія никогда не исполнялись, что ученики не соотвѣтствуютъ даннымъ имъ фамиліямъ и даже иногда переименовывало Добронравовыхъ въ Злонравовыхъ, Вѣрномудровыхъ въ Скверномудровыхъ. Но за то же оно не жалѣло никакихъ средствъ къ ихъ исправленію; оно трудилось въ потѣ лица, не покладывая рукъ, не щадя молодыхъ березъ, а подъ конецъ года десятками исключало бурсаковъ изъ училища, кого «за великовозрастіемъ», кого «за приверженность къ спиртнымъ напиткамъ», за «буйство и пьянство» и т. д. И шли эти исключенные въ архіерейскій домъ и потомъ разносили по городамъ и селамъ свои бурсацкія замашки, свою удаль и молодечество... О, бурса, бурса! Ты еще далеко не оцѣнена; твои заслуги русской землѣ еще не взвѣшены и часъ воздаянія еще не насталъ!

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія дребеденскою бурсою, на правахъ полновластнаго владыки, управлялъ нѣкто Иванъ Павловичъ Струфіевъ, изъ магистровъ Тьмутараканской академіи. Онъ не отступалъ въ своемъ управленіи отъ системы своихъ предшественниковъ. И какое имѣлъ онъ право измѣнять порядки, среди которыхъ воспиталось столько свѣтилъ, столько великихъ дѣятелей,

Digitized by Google

препрославленныхъ мудростью и добродѣтелями? Иванъ Павловичъ, по своимъ понятіямъ, неусыпно радѣлъ о процвѣтаніи ввѣреннаго ему заведенія. Аккуратно обходилъ онъ классы; аккуратно несли за нимъ пукъ березнику и онъ тоже аккуратно, безъ пристрастія и пустаго снисхожденія, сыпалъ удары на извѣстныя части учениковъ, научая ихъ прилежанію и благоповеденію. Чего же больше? Какіе же могутъ быть еще тамъ порядки, лучше бурсацкихъ? Ни о какихъ такихъ порядкахъ не слыхивалъ Иванъ Павловичъ, учась въ семинаріи и академіи всевозможнымъ «истикамъ» и «ологіямъ». По окончаніи, съ отличными успѣхами въ «ологіяхъ», академическаго курса, послали его управлять дребеденскою бурсою на такихъ правахъ, которымъ бы позавидовалъ самъ алжирскій дей. Вырвался человѣкъ на волю послѣ двадцатилѣтней бурсацкой жизни, полной лишеній, пытокъ и уродованій.... Неужели ему еще учиться? Но вѣдь онъ — divinarum et humanarum scientiarum magister, что значитъ, если не ошибаемся «божескихъ и человѣческихъ наукъ учитель». Ясно, что однажды и заразъ онъ зачерпнулъ въ свою голову такую пропасть премудрости, что могъ бы насытить ею цѣлый міръ, если бы только міръ догадался обратиться къ такому источнику. Если и было на свѣтѣ что-нибудь такое, чего онъ не зналъ и чему его не учили, то все это, по понятію его учителей, было вздоръ, ересь, богохульство, и всѣ люди, кромѣ учившихся въ бурсахъ,—дураки. Воскресай же бурса и держись вѣчно, не смотря на нападки еретиковъ и богохульниковъ!

Замѣчательно, что въ бурсахъ всегда царствуетъ полнѣйшее единодушіе и единогласіе между служащими. Система вѣчная и неизмѣнная господствуетъ надъ всѣмъ и могущественно покоряетъ себѣ всѣ частныя воли. Отъ начальника до послѣдняго служителя, всѣ дышатъ однимъ духомъ; такъ и кажется, что всѣ эти дѣятели отливаются гдѣ нибудь по одной формѣ и разсылаются потомъ по обширному русскому царству готовые, совсѣмъ отдѣланные. Въ предѣлахъ бурсы—въ оградѣ, въ корридорахъ, въ комнатахъ, всѣ—и учители и инспекторы, и смотрители и служители одинаково грозны, одинаково страшны. Иной отъ природы человѣкъ добрый, мягкій: иной франтъ, повѣса, ходитъ себѣ по большой улицѣ, тросточкой помахиваетъ и бѣлую манишку, злодѣй, всѣмъ показываетъ, словомъ — ера престрашнѣйшій,—а придетъ въ классъ,—Боже ты мой милостивый!—гроза, ураганъ, Аттила какой-то, бичъ Божій! И грязенъ-то

Digitized by Google

онъ, и тучи на его челѣ, и чего-то чего онъ не дѣлаетъ съ ребятами, для внушенія дѣтямъ божьяго страха, чтобы они не забрали себѣ въ головы «чортъ знаетъ чего»!

Въ учителяхъ, впрочемъ, бываетъ разница, но незначительная. Одинъ, напримѣръ, задаетъ «отсюда и досюда» и ежедневно половину класснаго времени спрашиваетъ урокъ, а другую употребляетъ на расправу съ незнающими; другой тоже задаетъ уроки ежедневно «досюда», но расправу чинитъ прежде, нежели начнетъ спрашивать урокъ, что оказалось и практичнѣе: ибо товарищъ его не успѣвалъ въ теченіе второй половины со всѣми расправиться; третій—добрѣйшій человѣкъ, священникъ, задавалъ урокъ на цѣлую недѣлю и приходилъ только однажды—спросить урокъ и расправиться, а въ прочіе дни или посылалъ вмѣсто себя мѣшокъ рѣпы, или просто заказывалъ, что боленъ, зубы болятъ. Ребяты, конечно, были рады и рѣпѣ и зубной боли и пріятно проводили классъ, распрашивая посланнаго батрака о разныхъ домашнихъ дѣлахъ о. Митрофана, о томъ, напримѣръ, одинъ ли онъ ходитъ въ баню, или съ матушкой, за кого изъ курсовиковъ собирается за-мужъ дочь о. Митрофана и т. п.

Таковы были столпы дребеденской бурсы. Должно удивляться той святой ревности, съ которою они вбивали въ дѣтей правила доброй нравственности, склоненія, спряженія, герундіи и супины. Должно удивлятся тому постоянству, съ которымъ они изо дня въ день корчили угрюмыя лица и холодно слушали вопли дѣтей, извивавшихся подъ ударами гибкихъ прутьевъ. И ужъ, конечно, не ихъ вина, если оставались безплодными всѣ ихъ труды, если послѣ всѣхъ заботъ, изъ подъ ихъ ферулы выходили отъявленные негодяи, которымъ послѣ розогъ нипочемъ ужъ былъ и кнутъ.

XII.

Введеніе въ храмъ премудрости.

Вступивъ въ ворота бурсы, Михайло-пономарь снялъ шапку и тоже велѣлъ сдѣлать своимъ спутникамъ. Прямо противъ воротъ было, такъ называемое, парадное крыльцо. Тутъ наши путники встрѣтили

Digitized by Google

мальчика лѣтъ тринадцати, который несъ только-что вычищенные сапоги.

— Послушай, паренекъ, а гдѣ тутъ г. смотритель живетъ? въ которой комнатѣ? спросилъ пономарь.

— Иди за мной, отвѣчалъ мальчикъ; я къ нимъ же иду.

— А позволь спросить, какъ ихъ в-діе зовутъ?

— Иванъ Павловичъ, отвѣчалъ мальчикъ, не оборачиваясь.

— А фамилія ихняя какъ-съ? допрашивалъ пономарь.

— Струфіевъ! Иванъ Павловичъ Струфіевъ; уже довольно сердито отвѣтилъ мальчикъ.

По высокой, покрывшейся и сильно шатавшейся лѣстницѣ взошли посѣтители въ верхній этажъ.—Мальчикъ съ сапогами шелъ впереди, указывая дорогу по темному и узкому корридору, идущему вдоль всего зданія. По временамъ, въ видѣ предостереженія, онъ говорилъ пономарю:

— Смотри, не оступись! Тутъ одна доска совсѣмъ провалилась. Вчера еще одинъ ученикъ сломалъ объ нее ногу.

Или:

— Смотри, нагни тутъ голову-то: фонарь виситъ,—ушибетъ!

Михайло-пономарь медленно и осторожно, оправляя тѣмъ временемъ свой костюмъ, подвигался по темному корридору. Наконецъ, путеводитель ихъ, отворивъ одну изъ дверей, сказалъ:

— Сюда! Да напередъ оботри ноги-то!

Хотя ноги пономаря были и такъ чисты, потому что у параднаго крыльца Михайло тщательно вытеръ свои козловые сапоги, да и грязи никакой на дворѣ не было, однако онъ все-таки потеръ подошвы о голый полъ передней, въ которой остановился, между тѣмъ какъ проводникъ его вошелъ въ боковую дверь. Квартира смотрителя состояла изъ одной большой комнаты, раздѣленной ширмами на четыре части. Пономарь стоялъ въ передней. За ширмами между тѣмъ кто-то заговорилъ сиплымъ басомъ.

— Гдѣ ты тамъ пропадалъ, чортовъ сынъ? Небось, у повара маслаки подъѣдалъ? Дамъ я ужо тебѣ маслаки!

Отвѣта на эти слова не было слышно. Сиплый басъ опять заговорилъ:

— Кто?.. И затѣмъ, какъ будто въ отвѣтъ на чьи-то слова:

— Ну, чортъ съ нимъ, подождетъ!

Digitized by Google

Въ это время въ комнату смотрителя вошелъ новый посѣтитель, священникъ. По смѣлости, съ которой онъ, поставивъ въ уголъ переднюю свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, вошелъ въ залу, а также и по отличной шелковой рясѣ, Михайло заключилъ, что это, должно быть, городской священникъ.

— Эка, подумалъ пономарь, жаль, что не успѣлъ подойти подъ благословеніе!

Какъ скоро бойкіе шаги раздались въ залѣ, изъ за ширмъ выскочилъ тотъ же рыженькій мальчикъ и увидѣвъ священника, снова скрылся. Минутъ черезъ пять, все изъ за тѣхъ же таинственныхъ ширмъ вышелъ въ залу мущина среднихъ лѣтъ, въ сильно—потертомъ, неопредѣленной матеріи и цвѣта халатѣ, съ взъерошенными волосами и бакенбардами. Онъ имѣлъ круглое, красное лицо, съ густыми, почти сросшимися бровями и шишкообразнымъ, подозрительно-краснымъ носомъ. Лицо это мало было похоже на ликъ ученаго мужа и педагога; скорѣе оно могло принадлежать какому-нибудь запивохѣ—квартальному или винному приставу. Но читателю извѣстна, конечно, старая истина, что наружность часто бываетъ обманчива. Есть необыкновенно великіе ученые, которые имѣютъ совершенно поросячьи физіономіи, и тѣмъ не менѣе они уже подарили міру великія открытія, а подарятъ, богъ-дастъ, еще большія; есть необыкновенно-воздержные люди, которые по недѣлямъ ничего не берутъ въ ротъ и однако, какъ боровья, расплылись отъ жиру; есть обширныя палаты, въ которыхъ помѣщается микроскопически-малый умъ, и есть ангельскія физіономіи, служащія представительницами самой адской злобы. Неправда ли, читатель, какъ часто обманываетъ наружность? И потому мы просимъ не судить объ учености и педагогическихъ способностяхъ Ивана Павловича (ибо это онъ самъ вышелъ изъ за ширмъ) по его красному лицу и шишкообразному носу. Мы, впрочемъ, и не будемъ настаивать, что Иванъ Павловичъ былъ совершенный ангелъ или чудо учености, не сравнимъ его съ Ньютономъ или Песталоцци, но надѣемся, что, лучше познакомившись съ Иваномъ Павловичемъ, читатели сами согласятся, что онъ былъ далеко не рядовой человѣкъ между духовными учеными и педагогами, какъ онъ и самъ скромно о себѣ думалъ.

Комнаты смотрителя совершенно отвѣчали наружности хозяина. Стѣны едва ли когда были бѣлены, а полы мыты; стулья стояли въ самомъ живописномъ безпорядкѣ и на нихъ развѣшаны были разныя

Digitized by Google

статьи мужскаго туалета. Все свидѣтельствовало о томъ, что мудрость избрала себѣ жилищемъ эту комнату и, живя въ нечистотѣ и неряшествѣ, посмѣвается надъ всѣми суетными и скоропреходящими прикрасами человѣческихъ жилищъ.

При появленіи смотрителя въ залѣ, Михайло-пономарь отвѣсилъ ему, изъ прихожей, поясной поклонъ; но поклонъ не попалъ въ смотрителя, или тотъ не счелъ нужнымъ замѣтить его. Иванъ Павловичъ дружественно поздоровался съ священникомъ, усадилъ его на облупленный диванъ, и они долго о чемъ-то бесѣдовали въ полголоса. По тону разговора можно было однако догадываться, что священникъ о чемъ-то просилъ смотрителя. Авторъ, знающій всю подноготную своихъ героевъ и всѣхъ упоминаемыхъ имъ лицъ, не вдаваясь въ подробности, не относящіяся прямо къ нашей исторіи, можетъ сообщить читателю, что священникъ просилъ Ивана Павловича—принять сына его на казенное содержаніе, но Иванъ Павловичъ, какъ ни желалъ-бы съ своей стороны услужить такому почтенному лицу, какъ его благословеніе, рѣшительно объявилъ, что никакъ не можетъ этого сдѣлать, потому что есть много кандидатовъ на казенное содержаніе изъ сиротъ и дьяческихъ дѣтей. Священникъ приводилъ примѣры, что онъ же, Иванъ Павловичъ, принималъ дѣтей священниковъ, болѣе его состоятельныхъ. Но Иванъ Павловичъ былъ неумолимъ.

— Съ величайшимъ бы удовольствіемъ, ваше благословеніе; но чтоже дѣлать, когда столько кандидатовъ? Конечно, были примѣры принятія священническихъ дѣтей, но тогда небыло кандидатовъ. Будьте же увѣрены; ужели вы во мнѣ сомнѣваетесь, батюшка?

Дѣйствительно, оба разговаривающіе не вѣрили другъ другу ни на волосъ. Священникъ невѣрилъ, ибо зналъ, что Иванъ Павловичъ можетъ кого угодно и когда угодно принять въ казну и упирается лишь потому, что желаетъ «приложенія». Смотритель же, зная состояніе священника, думалъ весьма справедливо, что «какъ ты ни вертись, попъ, а разступишься!»

— Да и что вамъ непремѣнно хочется помѣстить его въ бурсу? искушаетъ Иванъ Павловичъ.

— Избаловался, Иванъ Павловичъ, совсѣмъ избаловался дома! Мнѣ за нимъ смотрѣть некогда—приходъ: требы да поминки, именины да то-да-се. Мать—попадья. Боюсь, Иванъ Павловичъ, какъ бы сов-

Digitized by Google

сѣмъ не отбился отъ ученья и не довелъ бы себя до исключенія. Стыдъ и срамъ тогда!

— А у насъ то, что вы думаете, не балуются? О-го-го! Поглядите-ка! Ужъ, батюшка, кто такимъ родился, такъ его ничѣмъ не исправишь! Горбатаго одна могила исправитъ. Конечно, порешь ихъ, какъ сидоровыхъ козъ,—ужъ нечего сказать, не даю, канальямъ, потачки, никто не упрекнетъ...

— Помилуйте, Иванъ Павловичъ, всѣмъ извѣстно; потому-то и обращаюсь къ вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою, подхватилъ священникъ.

— Ну-съ, это такъ; а что изъ этого выходитъ-то? Ничего! Вы неповѣрите, какіе скоты мои бурсаки! Ничего положить нельзя плохо,—сейчасъ стянутъ! Можете себѣ представить: поваръ приготовитъ лишь что-нибудь хорошенькое на кухнѣ,—вѣдь съѣдятъ, непремѣнно съѣдятъ, подлецы, какъ богъ-свитъ, съѣдятъ! Знаютъ вѣдь, что ужъ я отыщу виноватаго и немилосердно вздую,—нѣтъ, съѣдятъ-таки! Вотъ они бурсаки-то мои! Ужъ это такое поганое племя, скажу вамъ!

— Да вотъ, послѣ небольшой паузы, продолжалъ Иванъ Павловичъ, указывая за ширмы, у меня живетъ рыжій,—видѣли? Учится, бестія, отлично, и я лажу его высоко. А плутъ страшнѣйшій,—вотъ подите!

Но чѣмъ больше Иванъ Павловичъ чернилъ свое заведеніе, тѣмъ, казалось, больше хотѣлось священнику помѣстить въ него свое дѣтище.

— Все-таки, Иванъ Павловичъ, не возможно ли? заискивающимъ голосомъ говорилъ священникъ.

Иванъ Павловичъ, видя, что попъ претъ лишь на казенное и отнюдь не хочетъ облегчить принятіе, отвѣчалъ:

— Все, что я могу сдѣлать для вашего благословенія, это принять вашего сына «со взносомъ» на полуказенное содержаніе!

— Сдѣлайте милость, хоть такъ! сказалъ священникъ, вставая. А тамъ, быть можетъ, откроется вакансія, такъ ужъ будьте добры!

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Отчего же? отвѣчалъ Иванъ Павловичъ. А самъ между тѣмъ думалъ: «какъ же, жди! жидоморъ эдовій! одного сына имѣетъ, и того хочетъ спихнуть на казенное!»

Раскланявшись очень вѣжливо со священникомъ и проводивъ его до дверей, Иванъ Павловичъ презрительнымъ окомъ окинулъ нашего пономоря. И дѣйствительно, не больно красивъ былъ нашъ другъ-

Digitized by Google

Михайло. Кто изъ городскихъ жителей не видывалъ трущихся около архіерейскихъ домовъ, около дикастерій и шляющихся по базарамъ лохматыхъ, неуклюжихъ, похожихъ на жидковъ, съ пейсиками или съ завязанной назади косичкой и съ рѣденькой бородкой, немолодыхъ деревенскихъ дьячковъ? На кого не производили они непріятнаго впечатлѣнія своимъ неряшествомъ, своими странными ухватками, своимъ низкопоклонничествомъ, своимъ высокопарнымъ, но безграмотнымъ говоромъ, наконецъ своею нерусскою, всегда оборванною одеждою? Въ комъ не возбуждалъ видъ этихъ жалкихъ паразитовъ чувства жалости, смѣшаннаго съ какимъ-то невольнымъ омерзѣніемъ? Но прошу васъ, господа; не презирайте этихъ бѣдныхъ людей! Не смотрите на нихъ, какъ на паріевъ, какъ на отребіе человѣчества... Не они достойны презрѣнія!

Да, не казистъ былъ нашъ пономарь, и, по своей наружности, не могъ возбудить къ себѣ особеннаго респекта. Конечно, говоря строго, и Иванъ Павловичъ былъ не очень казистъ, и мы не ручаемся, чтобы онъ могъ на кого-нибудь произвести особенно выгодное впечатлѣніе. Но онъ былъ, помилуйте, какая же разница!—смотритель училища, и кто же усомнится, что онъ не можетъ сдѣлаться казистымъ или одѣваться лучше теперешняго? Можетъ быть онъ даже щеголяетъ своимъ неряшествомъ: «можемъ, де-скать, отлично одѣться, да не хотимъ,—не тѣмъ беремъ!» Михайло-пономарь совсѣмъ другое дѣло. Онъ ужъ не можетъ одѣваться лучше, не можетъ сдѣлаться казистѣе. Какъ же не станешь презирать эдакую дрянь?

— Ты что? важно спросилъ Иванъ Павловичъ пономаря, становясь въ дверяхъ, отдѣлявшихъ переднюю отъ залы.

— Мальчиковъ, ваше в-діе, привезъ, отвѣчалъ пономарь, кланяясь. Одинъ—сирота, а другой.. мой сынъ. Не...

— Что-о?!

— Явите божескую милость! Нагъ... и... жажду! бухнулъ Михайло.

— Что ты за чепуху городишь? Кажи, что это у тебя?

Дрожащими руками подалъ пономарь свое прошеніе и документы Овивейскаго. Смотритель мѣдленно развернулъ прошеніе и пробѣжалъ его.

— Ты просишь сына на полуказенное?

— Неоставьте, отецъ! трепещущимъ голосомъ сказалъ Михайло и повалился въ ноги смотрителя.

Digitized by Google

— Надо прежде проэкзаменовать: стоитъ ли еще принять? Учились они чему—нибудь?

— Какъ же, в. в. по мѣрѣ силъ. Все стараніе употреблялъ!

— Самъ училъ, что ли?

— С.. съ помощію, ваше в-діе, съ помощію добрыхъ людей!

— А вотъ, посмотримъ! Маршъ сюда!

И смотритель мановеніемъ руки пригласилъ пономаря и его спутниковъ войти въ залу.

— Ну, живѣй же! Рыжій, подай экзаменаторскую!

Наши тальянцы вошли въ комнату, имѣвшую претензію называться залой. Рыженькій мальчикъ принесъ какую-то засаленную книжонку.

— А, ну-тка, прочитай, сказалъ смотритель, тыча пальцомъ въ случайно раскрывшуюся страницу.

Ваня зачиталъ скоро.

— Тпрру! Стой! куда побѣжалъ? Не скоро! Ну, читай!

Ваня опять началъ читать.

— Ну, ладно. Можешь учиться. Постой, напиши что-нибудь! Рыжій, пробную тетрадь!

Рыжій принесъ тетрадь, сложенную въ листъ, разграфленную очень широко.

— Ну, пиши что-нибудь! Пиши хоть это: «будите цѣли, яко голуби и мудри, яко змія.»

Ваня взялъ дрожащими руками перо и не смѣя взглянуть на будущаго начальника, къ которому уже успѣлъ проникнуться величайшимъ уваженіемъ, началъ выводить аршинныя буквы.

— Довольно! сказалъ смотритель. А какъ зовутъ?

— Иваномъ-съ, в. в., вступился пономарь.

— Что за имя Иванъ?—Болванъ! возразилъ смотритель. Говори фамилію!

— Иванъ Михайловъ Поповъ, поправился пономарь.

— Много чести! еще и Михайловъ! Просто—Иванъ Поповъ. Чертовское это имя! Эй, рыжій, сколько у насъ Ивановъ Поповыхъ?

— Двадцать, Иванъ Павловичъ, отвѣчалъ рыжій.

— Ну, значитъ: двадцать первый. Запиши въ спискѣ: Иванъ Поповъ—двадцать первый! Ну, ты, другой!

Паша, который стоялъ доселѣ, потупившись, взялъ книгу и хоть не очень бойко, но складно прочиталъ строки двѣ—три.

Digitized by Google

— Будетъ! сказалъ смотритель. Да что ты эдакимъ чертомъ-то глядишь? У, должно быть бестія, какъ я погляжу на тебя! Вижу, братъ, по харѣ вижу: распробестія будетъ! Да и лѣниться, вижу, гораздъ. Да нѣтъ, шалишь у меня! Я, небось, лѣнь то лишнюю выбью. Вонъ у меня больше половины—лѣнтяевъ, да я ужо ихъ выучу лѣниться-то! Березняку то въ лѣсу много; будетъ съ васъ. А что молитвы знаютъ?

Послѣдній вопросъ относился къ пономарю.

— Какъ же-съ: Богородицу, Отче нашъ, Вѣрую-съ и заповѣди, отвѣчалъ пономарь.

— Живетъ! сказалъ смотритель. Могутъ во второмъ классѣ болтаться! Подожди, пономарь, я одѣнусь и сведу ихъ въ классъ.

Между тѣмъ пробило восемь часовъ и въ корридорѣ послышались шумъ, визгъ и стукъ. По временамъ чѣмъ то тяжелымъ били въ стѣну, отдѣлявшую квартиру Ивана Павловича отъ класса, точно хотѣли пробить брешь въ смотрительскую квартиру.

— Эки черти, какъ вѣдь возятся! Нѣтъ имъ уйму! ворчалъ Иванъ Павловичъ за ширмами. Я-жъ съ ними опять расправлюсь сегодня!

Скоро Иванъ Павловичъ вышелъ изъ логовища, въ потертомъ сюртукѣ табачнаго цвѣта и въ желто-бланжевыхъ штанахъ. Онъ повелъ нашихъ друзей по тому же темному корридору, по которому они и вошли; только смотритель не дѣлалъ никакихъ предостереженій и Михайло самъ держался поближе къ стѣнѣ и ногою ощупывалъ полъ, прежде чѣмъ ступалъ твердо.

Спустились въ нижній этажъ и вышли на задній дворъ. Здѣсь вниманіе ребятъ обратила на себя большая чугунная доска, висѣвшая на столбахъ, у самаго крыльца. Смотритель замѣтилъ, что мальчики пристально посмотрѣли на доску.

— Что смотрите? Доска-то? Это для вашего брата. Кто лѣнится, того головой объ доску... тукъ—тукъ—тукъ! Сколько ошибокъ сдѣлаетъ въ урокѣ, столько разъ и стукнутъ! сказалъ Иванъ Павловичъ, очевидно приспособляя свою рѣчь къ дѣтскимъ понятіямъ.

Вошли наконецъ въ классъ. Учителя еще не было, но ученики сидѣли смирно и только поднявшаяся «коромысломъ» пыль доказывала, что тишина эта была чистымъ обманомъ. Дѣло въ томъ, что ученики обыкновенно высылаютъ одного изъ своей среды караулить на углу, нейдетъ ли учитель или смотритель? Чуть только появится вдали ожидаемая фигура, караульный стремглавъ бросается въ классъ

Digitized by Google

и возившіеся на свободѣ ученики—кто черезъ столъ, кто по подстолью, кидаются на свои мѣста. Входящій застаетъ уже всѣхъ на мѣстахъ, довольствуясь пылью—за поздній приходъ.

Когда смотритель, сопровождаемый нашими друзьями, вошелъ въ классъ, мальчики поднялись съ своихъ мѣстъ. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій первымъ на первомъ столѣ что-то забормоталъ; прочіе заболтали руками. Это читалась молитва. Смотритель, впрочемъ, недалъ окончить чтеніе и закричалъ:

— Экъ вы, черти, тутъ напылили! Быть нельзя! И въ доказательство того, что въ классѣ нельзя было быть, смотритель зачихалъ. Всѣ молчали, смиренно и безсмысленно смотря въ глаза своему начальнику.

— Пошли на колѣна!

При этихъ словахъ поднялся страшный шумъ. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и съ быстротой и, казалось, съ радостью посыпали къ порогу и выстроились рядами на колѣнахъ. Смотритель былъ видимо доволенъ, и съ торжественнымъ видомъ полковаго командира, когда его солдаты ловко отбрякиваютъ ружьями по командѣ, на генеральномъ смотру, поглядывалъ на пономаря.

Въ это время вошелъ учитель, еще очень молодой человѣкъ. Онъ весьма низко поклонился смотрителю и, недожидаясь вопроса, сталъ объясняться, почему онъ опоздалъ въ классъ.

— Мнѣ нужно было на базаръ сходить. Сказали, что горохъ привезли и дешево продаютъ. Я и пошелъ поскорѣе, чтобы застать. У насъ почти весь вышелъ.

Учитель былъ вмѣстѣ и экономомъ училища и нерѣдко классное время проводилъ на базарѣ или въ кухнѣ. Пока онъ хлопоталъ о желудкѣ своихъ питомцевъ, питомцы въ свою очередь прилагали старанія, чтобы хорошенько промяться, и потомъ сдѣлать надлежащую честь учительскимъ покупкамъ.

Принявъ съ должною важностью объясненіе юнаго питателя душъ и тѣлесъ бурсацкихъ, смотритель указалъ нашимъ тальянцамъ скромныя мѣста на концѣ послѣдняго стола, у самыхъ дверей. Мѣсто это, впрочемъ, не осталось за ними по той причинѣ, что оно было для нихъ «слишкомъ жирно», какъ послѣ говорили ученики. Выгода этого мѣста состояла въ томъ, что обладатель его имѣлъ право выходить изъ класса, когда угодно, по первому стуку въ двери. Стоило только подговорить кого нибудь постучать въ дверную скобу или самому ногой поколотить о подножку стола (стукъ долженъ быть неп-

Digitized by Google

ремѣнно — для ушей учителя) и отправляться изъ класса, на сколько угодно.

По выходѣ изъ класса, смотритель обратился къ пономарю:

— Ну, пономарь, если ужъ ты такъ бѣденъ, то нечего дѣлать, оставь обоихъ ребятъ здѣсь. Объ одномъ-то и толковать нечего. А о твоемъ надо еще представленіе сдѣлать. А пока пусть остается тутъ!

Михайло счелъ своевременнымъ проститься, но напередъ испросилъ позволеніе придти вечеркомъ еще разъ повидаться съ сыномъ и принести пожитки будущихъ бурсаковъ.

— Можешь, величественно изрекъ Иванъ Павловичъ. И потомъ, протянувъ руку какъ бы для принятія чего-то и вмѣстѣ какъ бы приказывая что-то пономарю, сказалъ:

— Ну!

— Не оставьте, ваше в-діе, своими милостями!

— А ты?

— Вѣчно буду Бога молить!

— Нищіе!.. сквозь зубы проговорилъ Иванъ Павловичъ и, необращая вниманія на поклоны пономаря, пошелъ по классамъ.

XIII.

Первые уроки бурсацкой мудрости.

Юный учитель втораго класса и общій кормилецъ заведенія не удостоилъ вниманіемъ нашихъ друзей, въ первый день поступленія ихъ въ училище. Тѣмъ не менѣе въ этотъ же день было положено начало ихъ школьному образованію. Должность учителя замѣнили на этотъ разъ ученики. По выходѣ учителя, они совершили извѣстный въ бурсахъ обрядъ—торжественнаго введенія новичковъ въ классъ. Для этого двое самыхъ рослыхъ ребятъ, такъ называемые «подъдьяконы», взяли новичковъ за шиворотъ и вывели ихъ изъ класса, оставивъ дверь не затворенною. Прочіе выстроились въ два ряда отъ дверей и до противоположной стѣны. «Подъдьяконы», съ возгласомъ «повелите», втолкнули нашихъ пріятелей одного за другимъ въ классъ; всѣ прочіе дали имъ каждый по толчку,—и они очутились у про-

Digitized by Google

тивоположной стѣны; при чемъ одинъ ссадилъ себѣ лобъ, а другой получилъ порядочную саргу на носъ. Съ этими ссадинами они, къ несчастью, попались смотрителю, который, назвавъ ихъ шалунами и повинтивъ за уши, велѣлъ остаться «на первый разъ» безъ обѣда. Но кромѣ этого, много и другихъ, болѣе или менѣе назидательныхъ уроковъ получили новички отъ своихъ товарищей. Такъ они узнали, кому и какъ надо кланяться; узнали, кто у нихъ старшій, кто цензоръ, авдиторъ, кто секуторы; узнали даже, что нѣтъ ничего лучше, какъ быть секуторомъ, потому что секуторъ не учитъ уроковъ, а только сѣчетъ своихъ товарищей. Имъ сообщено было также, что сегодняшній учитель прозывается «сукой», потому что «сучитъ» передъ смотрителемъ, и что всѣ ученики также носятъ особыя, характеристическія названія.

Когда наступило время обѣда и прозвонилъ звонокъ, призывавшій учениковъ къ столу, цензоръ объявилъ нашимъ друзьямъ, что они оставлены безъ обѣда и велѣлъ имъ оставаться въ классѣ. Съ шумомъ воротились бурсаки изъ столовой.

— Что, новички, узнали бурсу? подсмѣивались сытые надъ голодными. Небось, урчитъ въ брюхѣ-то? То-ли еще увидите! Это еще цвѣтки; ягодки-то будутъ впереди!

Но нашелся и между бурсаками какой-то добрый самарянинъ, вѣрно, по опыту знавшій, что такое голодъ. Этотъ благодѣтельный самарянинъ принесъ нашимъ друзьямъ по тоненькому ломотку кислаго, казеннаго хлѣба, и, отдавая имъ, сказалъ:

— На-те, съѣшьте тихонько, чтобъ не видалъ цензоръ! А не-то, постойте, пойдемте со мной!

И самарянинъ увелъ ихъ въ ограду и здѣсь, укрывъ ихъ отъ любопытныхъ взоровъ, предложилъ скудную трапезу. Наши земляки не умѣли даже поблагодарить своего благодѣтеля. Да врядъ-ли онъ и нуждался въ этомъ; онъ, вѣдь, былъ изъ простыхъ, а не изъ великосвѣтскихъ самарянъ. Ребята машинально взяли ломтики кислаго хлѣба и съѣли ихъ пополамъ со слезами.

Послѣ обѣда былъ классъ пѣнія. Со втораго часу началось слушанье уроковъ у авдиторовъ. Что-то дикое и странное представляла эта церемонія. Представьте себѣ около пятидесяти человѣкъ пѣвцовъ, которые въ разныхъ углахъ голосили на разные манеры, стараясь показать передъ авдиторами свое пѣвческое искусство. На одной партѣ раздавалась «всемірная слава»; ученикъ старался пѣть

Digitized by Google

какъ можно, громче, чтобы видны были смѣлость и ловкость въ пѣніи. Но чѣмъ смѣлѣе онъ бралъ, чѣмъ громче кричалъ, тѣмъ дичѣе выходило пѣніе и тѣмъ очевиднѣе было, что онъ поетъ фальшиво. На другомъ столѣ тоже «всемірная» отдергивалась по «утъ-ре-ми». Въ одномъ углу шелъ споръ съ авдиторомъ изъ-за отмѣтки; въ другомъ учинялась драка уже по совершенно частному дѣлу и т. д. Наши новички совсѣмъ растерялись въ этомъ омутѣ и сидѣли, смирнехонько прижавшись въ уголъ.

Къ счастью, учитель пѣнія не явился въ классъ и ученики весело провели время и радостно привѣтствовали звонокъ.

Послѣ вечерни явился Михайло-пономарь съ пожитками новыхъ бурсаковъ. Старшій той комнаты, въ которую поселили ихъ, какъ лицо начальственное, принялъ отъ пономаря ихъ имущество и отвелъ имъ двѣ порожнія койки. На нихъ положены были привезенные изъ Тальянъ войлочки и подушки (одѣялъ не полагалось), а ящички поставлены подъ койки. Попросивъ старшаго наблюдать за ребятами и не позволять имъ ни шалить, ни лѣниться, Михайло сталъ прощаться. Не красно жилъ самъ пономарь, не былъ онъ человѣкомъ ни очень избалованнымъ роскошью, ни слишкомъ чувствительнымъ, но глядя на обстановку бурсацкой жизни и на этихъ блѣдныхъ, оборванныхъ и грязныхъ дѣтей,—ему стало жаль своего ребенка и двѣ крупныя слезы скатились на его рѣдкую, щетинистую бороду. Ребята въ слезахъ проводили его до воротъ училища.

— Ну, дѣти, учитесь... учитесь! Радуйте насъ, стариковъ. Ужо вотъ на вакацію пріѣдете домой, утѣшалъ ихъ, сколько могъ, пономарь. Затѣмъ еще разъ поцаловалъ обоихъ, и отправился на свою квартиру, гдѣ староста дожидался его, чтобы ѣхать домой.

По возвращеніи новичковъ въ комнату, приступлено было къ освидѣтельствованію ихъ имущества. Все съѣдобное рѣшено было тотчасъ-же истребить для предупрежденія порчи и мышеястія; при чемъ старшій, какъ сила, получилъ большую долю, а прочее раздѣлено было по соразмѣрности роста и силы учениковъ.

Между тѣмъ какъ бурсаки по-свойски управлялись съ тальянскими гостинцами, въ комнату ввалился инспекторъ. По нетвердой походкѣ и по безпорядку въ одеждѣ было замѣтно, что блюститель благонравія былъ не совсѣмъ трезвъ. Сначала онъ довольно грозно прикрикнулъ на учениковъ, приказывая имъ сѣсть по мѣстамъ; но скоро сердитое настроеніе его духа замѣнилось элегическимъ, и ин-

Digitized by Google

спекторъ, нетвердыми шагами расхаживая по комнатѣ и волоча за собою полы своей шинели, началъ отрывисто говорить:

— Вы и въ самомъ дѣлѣ, ребятушки, испугались? Вѣдь это я такъ.. Вы.. вы думаете... я здѣсь какой? Вы думаете... это я васъ... все.. дую? Я.. я, ребятушки... ей-богу, не виноватъ! Я—добрый.. я.. несчастный! Пожалѣйте меня!

И инспекторъ заплакалъ.

— Вотъ что, ребятушки! Уведите меня скорѣе домой! Я... лягу, усну! Ей-богу, усну!

И старшій со своимъ помощникомъ увели инспектора въ его квартиру.

Часовъ въ восемь вечера позвонили къ ужину. Всѣ побросали свои книжки и опрометью бросились въ столовую, перегоняя другъ друга и надѣляя одинъ другаго пинками и подзатыльниками. Когда всѣ вошли въ столовую и заняли свои мѣста, спѣта была молитва. Но ученикамъ было не до молитвы; всякій съ любопытствомъ и участіемъ заглядывалъ въ стоявшую передъ нимъ миску и держалъ на-готовѣ деревянную ложку. По окончаніи молитвы, поднялась страшная возня и стукотня. Кто просилъ хлѣба, кто ссорился съ сосѣдомъ, по поводу спрятанной ложки. Нашимъ друзьямъ опять пришлось сидѣть на концѣ послѣдняго стола. Но одному изъ нихъ, вѣрно, судьбою рѣшено было проголодать цѣлый день. Едва только Иванъ взялъ въ руки ложку, какъ дверь въ столовую съ шумомъ отворилась и вошелъ смотритель. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ. Начальникъ прошелся взадъ и впередъ вдоль залы и сказалъ: садитесь! Снова защелкали ложки и зазвенѣли миски, хотя уже и не съ прежнею силою.

Не успѣлъ нашъ Ваня хлебнуть ложки щей, какъ смотритель подошелъ прямо къ нему и устремилъ на него начальническій взглядъ. Товарищи толкнули его подъ-бокъ, сказавши: встань! Иванъ всталъ.

— Ну-тка, чѣмъ васъ сегодня кормятъ? сказалъ смотритель.

И заглянулъ въ миску.

— Дай-ка ложку-то сюда!

Иванъ отдалъ свою ложку.

— А, щи! сказалъ смотритель, зачерпнувъ ложку. Каковы-то? дай, отвѣдать! И началъ отвѣдывать, и отвѣдывалъ до тѣхъ поръ, пока въ мискѣ осталось, какъ говорится, «на днѣ въ ведрѣ».

— Важныя щи! сказалъ смотритель, передавая ложку Ивану и утирая свой вспотѣвшій лобъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно-ли щи были славныя, мы сказать не можемъ, потому что нашему герою отвѣдать ихъ не удалось. Едва онъ успѣлъ взять у смотрителя ложку, какъ служитель схватилъ миску и—былъ таковъ! Явилась каша.

— А, и каша есть? сказалъ смотритель, не отходившій отъ стола. Да еще и съ масломъ!

И опять иванова ложка очутилась въ рукѣ смотрителя и Ивану оставалось, какъ голодной собачонкѣ, только слѣдить глазами, какъ ложка совершала путешествіе отъ блюда ко рту начальника. Когда и каша была уже на исходѣ, смотритель положилъ ложку.

— Что за чудная каша! На, ѣшь братъ! сказалъ онъ нашему голодному другу.

Но ѣсть уже было нечего, да и некогда. Всѣ встали съ мѣстъ и запѣли молитву.

Печально, понуривъ голову, тащился герой нашъ изъ столовой. Въ довершеніе несчастія, какой-то головорѣзъ на пути изъ столовой выдумалъ перескочить черезъ его голову и больно ушибъ, задѣвъ его каблукомъ. По возвращеніи изъ столовой, въ комнатахъ поднялась страшнѣйшая возня. Послѣ ужина ученикамъ давалась полная свобода. Старшіе уходили къ начальнику съ донесеніями о благосостояніи училища и затѣмъ отправлялись еще на кухню, уже по собственной надобности—доѣдать остатки отъ ужина, покурить и поболтать съ служителями.

Ученики оставались безъ надзора. И чего-чего не совершили въ это время изобрѣтательные бурсаки! Одни ѣздили верхомъ на товарищахъ, другіе дѣлали курбеты и вертѣлись черезъ голову, третьи подносили другъ другу «гвоздики» въ горсткѣ; словомъ, не было конца разнымъ увеселительнымъ выдумкамъ и забавамъ.

Нашимъ землякамъ, особенно голодному Ивану, было однако совсѣмъ не до курбетовъ. Хотя ихъ неразъ выталкивали на средину комнаты, съ намѣреніемъ посвятить въ таинства школьнаго волтижорства, но видя, что малые упираются и плачутъ, бурсаки оставили ихъ, наконецъ, въ покоѣ.

Послѣ получасоваго роздыха, снова раздался звонокъ. То приглашали на молитву, которая совершалась всѣми вмѣстѣ, въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ. Одинъ изъ очередныхъ читалъ молитвы, всѣ прочіе стояли кучей—кое-кто дѣйствительно молился, но большая

Digitized by Google

часть занималась своимъ дѣломъ; кто почесывалъ у себя за халатомъ, кто прицѣплялъ бумажки къ спинѣ стоявшаго впереди товарища.

Въ заключеніе, одинъ изъ самыхъ взрослыхъ учениковъ сѣлъ верхомъ на плеча другаго и такимъ оригинальнымъ манеромъ выѣхалъ изъ молитвенной комнаты и отправился въ свою.

Послѣ молитвы заниматься уроками было строго запрещено. Огни гасились, но шумъ и гвалтъ долго еще продолжались въ темнотѣ, такъ что комнаты походили въ это время на какіе-то темные омуты, въ которыхъ, въ непроницаемомъ мракѣ, возились цѣлые легіоны чертей.

Съ полчаса продолжалась свалка. Наконецъ бурса успокоилась.

Долго не могъ заснуть нашъ юный другъ—Иванъ, мучимый голодомъ и смутнымъ предчувствіемъ, что не радости ждутъ его въ училищѣ. Онъ не могъ, конечно, отдать себѣ яснаго отчета во всемъ что видѣлъ, слышалъ и испыталъ. Но, тѣмъ не менѣе, грозно, одинъ за другимъ, вставали передъ нимъ во мракѣ образы прошедшаго дня. Впечатлѣнія были такъ тяжелы, такъ не радостны, что онъ заплакалъ. И плакалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не заснулъ. Но и во снѣ не оставляли его страшныя образы. Вотъ, видитъ онъ, что ужасный смотритель является въ классъ, вызываетъ его на средину, называетъ лѣнтяемъ и шалуномъ,—и вдругъ схватываетъ за ноги бѣжитъ съ нимъ на дворъ и бьетъ головой о чугунную доску: «тукъ-тукъ-тукъ»! Товарищи окружили его, и пляшутъ, и кривляются отвратительнѣйшимъ образомъ!.. Едва кончился этотъ сонъ,—какъ снова является передъ нимъ смотритель, садится на него верхомъ и—ѣдетъ, ѣдетъ на немъ, то понуждая кнутомъ, то тпрукая. Наконецъ, особенно сильный ударъ тяжолаго ѣздока пробуждаетъ его... Онъ открываетъ глаза: передъ нимъ стоитъ старшій, съ линейкой въ рукѣ, которою онъ уже успѣлъ съѣздить по спинѣ нашего героя, стараясь его разбудить. Звали на утреннюю молитву. Начинался второй день школьнаго житья.

Digitized by Google

XIV.

Злополучія.

Послѣ молитвы и завтрака, состоявшаго изъ ломтя чернаго хлѣба, въ которомъ закалецъ былъ, какъ говорится, «въ палецъ», позвонили въ классъ. Тамъ уже были въ сборѣ своекоштные, пришедшіе изъ домовъ и квартиръ. Началось «слушанье»; авдиторы, лучшіе въ классѣ ученики, выслушивали прочихъ и ставили отмѣтки «въ нотатѣ». Самыми счастливыми считались тѣ изъ авдиторовъ, у которыхъ слушались «квартирные», потому что послѣдніе, маменькины сынки или дѣти богатыхъ деревенскихъ священниковъ, носили имъ «скупки» и «ѣдички». Горе, если квартирный не приносилъ надлежащаго дара. Зналъ онъ урокъ, или нѣтъ,—авдиторъ влѣплялъ ему «неститъ» или «нонбене»,—и тогда дувка была неизбѣжна. Хорошая «ѣдичка» изъ «нестита» могла сдѣлать если не «ститъ», то по крайней мѣрѣ «erравитъ». Вообще, этихъ молодыхъ франтовъ, да и всѣхъ «не нашихъ», бурсаки терпѣть не могли. Они пачкали ихъ сажей, рвали у нихъ одежду и дѣлали изъ нихъ классныхъ посмѣшищъ. Самое названіе франта считалось обиднымъ и позорнымъ какъ у бурсаковъ, такъ и въ мнѣніи начальства. Бурса, вообще, любила щегольнуть больше неряшествомъ и презрѣніемъ ко всякой внѣшности: «мы-де богаты духомъ»!

Дошла очередь «слушаться» и нашимъ новичкамъ.

— Вы что же, новички, нейдете слушаться? спросилъ ихъ цензоръ.

— Чего? спрашиваютъ наши ребята. Они хоть и видѣли церемонію слушанья, но полагали, что она до нихъ не касается.

— Че-го! Развѣ такъ отвѣчаютъ цензору? Деревня! Эй, Шепелиха, твои вѣдь они; что не слушаешь?

— Да что ихъ слушать-то? Конечно «нестить»!—вѣдь у нихъ и книжекъ нѣтъ! Я ужъ имъ поставилъ безъ тебя. Отваливай, плѣшивый воробей!

— Эхъ ты, Василиса—сѣдая крыса!

Digitized by Google

Едва исполненъ былъ обрядъ слушанья, какъ явился учитель, такой же безбородый юноша, какъ и вчерашній «кормилецъ» бурсы. Важно сѣлъ онъ на стулъ и потребовалъ «нотату». Просмотрѣвъ послѣднюю графу съ верху до низу, онъ началъ выкликать всѣхъ незнающихъ, начиная съ «ерравитъ» до «нестить» и отправилъ ихъ на колѣна. Ученики повскакали съ скамей и, какъ овцы на водопой, отправились къ печкѣ и стали на колѣна. За партами остались только авдиторы да нѣсколько человѣкъ, якобы знающихъ уроки. Наши птенцы, еще мало знакомые съ училищными порядками, также остались на мѣстахъ. Они начинали—было уже успокоиватьсѧ, что «вотъ-де всѣхъ на колѣна согнали, насъ—ничего; стало быть здѣсь не совсѣмъ худо»! Но не долго голубчики оставались въ счастливомъ забвеніи. Цензоръ, полицейскій чиновникъ класса, увидѣвъ ихъ сидящими, подскочилъ къ учителю (онъ одинъ имѣлъ право сходить съ своего мѣста) и указывая на нашихъ друзей, сказалъ:

— Это, Прокопій Васильевичъ, новички! Они тоже не знаютъ-съ уроковъ!

— Э, голубчики! сказалъ учитель; лѣниться сюда пріѣзжаютъ, да хлѣбъ казенный ѣсть даромъ! Туда же! Вотъ я васъ поздравлю съ пріѣздомъ! Въ первый? спросилъ онъ у цензора.

— Въ первый разъ, Прокопій Васильевичъ, отвѣчалъ цензоръ. Вчера сами Иванъ Павловичъ только безъ обѣда, оставили-съ!

— Поздравлю, поздравлю! Доберусь вотъ! наговаривалъ учитель, провожая глазами нашихъ земляковъ, шедшихъ къ печкѣ. Они уже начинали предвкушать что-то очень горькое, и слезенки невольно навернулись у нихъ на глазахъ.

— Семка, розогъ! закричалъ учитель.

У Семки, секутора, все было уже готово. Учитель снова взялъ въ руки «нотату», и первое «нонбене» повалилось на полъ...

Долго продолжалась расправа, съ разными болѣе или менѣе интересными эпизодами. Иной неукротимый малый ни за что не хотѣлъ поддаваться секутору, и его надо было «валить». Тѣ-же ученики, стоявшіе на колѣнахъ, до которыхъ еще не дошла очередь сѣченія, живо вскакивали съ мѣстъ и (какая похвальная, истинно-русская черта!) помогали секутору. Поднималась возня: кто схватывалъ чередного за ноги, кто держалъ сзади, кто развязывалъ кушакъ. Несчастный употреблялъ послѣднія усилія; пускалъ въ ходъ и руки, и ноги, и зубы. Наконецъ, самъ учитель, видя такое явное непослушаніе и

Digitized by Google

пылая гнѣвомъ, подскакивалъ къ виновному и смирялъ его личнымъ единоборствомъ. Иные пробовали протестовать противъ отмѣтокъ авдиторовъ и рѣшались «переслушаться» у самого учителя, но подобныя попытки только усиливали мѣру наказанія, ибо свидѣтельствовали о духѣ продерзости и непокорливости протестовавшаго и ни въ какомъ случаѣ поощряемы быть не могли.

Дошелъ наконецъ учитель и до нашихъ друзей. О, какъ тяжело въ первый разъ испытывать и стыдъ и боль тѣлеснаго наказанія! Въ особенности, тяжело было маленькому Пашѣ, выросшему на ласкахъ нѣжно-любящей матери, ребенку, до котораго никогда не дотрогивалась ничья бьющая рука, который никогда не слыхивалъ сердитаго слова, не испытывалъ угрожающаго взгляда.

— Хорошенько ихъ на первый-то разъ! хорошенько! приговаривалъ учитель, нелюбившій давать потачку лѣнтяямъ.

Слезы и вопли, читатель! Вопли, раздирающіе душу! И цѣлые годы истязаній, этихъ слезъ и воплей, издаваемыхъ дѣтьми, не имѣющими даже яснаго сознанія о томъ, за что ихъ истязуютъ! Счастливъ тотъ, кто, вынесши всѣ эти муки, не окаменѣлъ сердцемъ, въ комъ осталась еще способность что-нибудь понимать, чувствовать, любить что-нибудь! Но много-ли такихъ счастливцевъ? И что удивительнаго, если послѣ многихъ лѣтъ (самыхъ счастливыхъ лѣтъ человѣческой жизни), проведенныхъ дѣтьми въ этой смрадной, удушливой атмосферѣ розогъ и всякаго рода униженій, въ наготѣ, холодѣ и голодѣ, изъ нихъ выходили въ жизнь дикіе уроды, мрачные фанатики и черствые эгоисты? Что удивительнаго, что эти люди, ставъ на мѣста своихъ воспитателей, цѣлую жизнь мстили на дѣтяхъ за свою погибшую молодость, губя и слѣдующее поколѣніе?

Впрочемъ, чтоже это мы ударились въ элегію? вѣдь все это дѣлалось для нашего же блага и для блага нашихъ дѣтей, и самые современнѣйшіе педагоги рѣшили, что если для взрослыхъ можно отмѣнить тѣлесное наказаніе, то при воспитаніи дѣтей оно ничѣмъ незамѣнимо! Зачѣмъ же намъ съ вами убиваться, читатели? Мы избавлены отъ позора тѣлеснаго наказанія, и слава Богу! Пусть дуютъ нашихъ ребятишекъ; выростутъ они,—и ихъ перестанутъ дуть и, пріобыкшіе къ казнямъ, они непреминутъ доставить намъ истинное утѣшеніе своимъ послѣдующимъ поведеніемъ. Восхвалимъ же человѣческую логику и здравый человѣческій смыслъ, и будемъ, какъ при-

Digitized by Google

лично нашему степенному возрасту, хладнокровно продолжать нашъ разсказъ.

Попробовавши въ этотъ день «березовой каши», наши земляки по крайней мѣрѣ не были оставлены безъ обѣда. Вечеромъ, когда всѣ ученики сѣли «за упражненіе» и затянули «жидовскую обѣдню», зубря уроки, кто вслухъ, кто въ полголоса, наши друзья смутно стали сознавать, что и имъ надо было что-то дѣлать; но что именно, они ни сами не знали, ни рѣшались спросить у товарищей. Вчерашній самарянинъ и тутъ подоспѣлъ къ нимъ на помощь.

— Вы что же, ребята, не учите уроковъ? спросилъ онъ. Вѣдь завтра опять выдерутъ, что вы?

— Какіе уроки? спрашиваютъ наши наивные друзья.

— Какъ, какіе уроки? да къ завтрему-то что заданы? Вѣдь вотъ! И самарянинъ показалъ имъ какую-то книжку.

— Постойте, я попрошу для васъ у старшаго книгу!

И онъ побѣжалъ къ старшему. Но тотъ хладнокровно отвѣчалъ, что до утра книги не выдадутъ, потому что ночью никто не пойдетъ въ библіотеку. Дѣлать было нечего; самарянинъ далъ ребятамъ свою книгу.—

— На-те вотъ, поучите! Вотъ «отсюда и досюда»! пояснилъ самарянинъ.

Книга оказалась «Начатки». Принялись наши друзья долбить. Читать они умѣли, но ученье наизустъ крайне ихъ затрудняло. Иванъ еще кое-какъ одолѣлъ заданное и хоть безъ смысла и съ пропусками могъ «пропороть»: «единъ-Богъ-во-святой-троицѣ-есть-ни-начала-ни-конца своего-есть-былъ-и-будетъ!» Но Паша положительно не могъ уйти дальше: «единъ Богъ»...

— Ну, что, выучили? спросилъ черезъ часъ благодѣтельный самарянинъ. Ну-тка, читайте!

Иванъ пробормоталъ свою выучку. Самарянинъ кивнулъ головой.

— На первый разъ живетъ! Только, смотри, не останавливайся! Ну, а ты?

— Единъ... единъ... Богъ единъ!

И Паша залился слезами. Самарянинъ попробовалъ-было помочь; подсказывалъ первые слоги, давалъ даже посмотрѣть въ книжку — ничего не помогало.

— Нѣтъ, Паша, плохо. На, еще поучи до ужина.

Digitized by Google

Но сколько ни бился Өивейскій, а такъ-таки больше «единъ Богъ» не могъ ничего запомнить.

— Жаль мнѣ тебя, сказалъ самарянинъ. А завтра опять тебя, бѣднаго вздуютъ! Вотъ что: нѣтъ ли у тебя чего авдитору дать? Все же хоть «ерравитъ» поставитъ; хоть на колѣняхъ только постоишь, или безъ обѣда останешься!

Полѣзли въ ящикъ и достали одну изъ завѣтныхъ гривенъ, привезенныхъ изъ дому. Авдиторъ на-завтра умилосердился и поставилъ «ерравитъ». Но не могъ же и авдиторъ все ставить «ерравиты, когда слѣдовало постоянно ставить «нести»? И вотъ, между тѣмъ какъ Ваня мало по малу «въѣлся въ зубряжку» и начиналъ бойко «пороть отсюда и досюда», — Пашѣ то-и-дѣло приходилось «хлѣбать кашу».

Вечерами, во время упражненія, истомившись отъ безполезнаго усилія заучить непонятный ему урокъ, онъ тоскливо наклонялся надъ книгой и наконецъ, забывши и объ урокѣ, и объ учителѣ и объ неизбѣжной «кашѣ», начиналъ на этой же самой книгѣ или на лоскуткѣ бумаги вычерчивать карандашомъ любимые фигуры: маленькіе, красивые (конечно, по понятію художника) домики, въ которыхъ, вѣрно, живутъ счастливые люди; великолѣпные храмы, съ высоковозносившимися къ небу куполами, въ которыхъ эти счастливые люди благодарятъ небо за ниспосланные имъ дары... и мало ли чего не было на этихъ картинкахъ! Едва взявъ въ руки карандашъ, Паша оказалъ уже такіе успѣхи въ рисованіи, въ теченіе немногихъ дней, проведенныхъ имъ въ бурсѣ, что товарищи не могли налюбоваться на его произведенія. Всѣ они полюбили тихаго, скромнаго художника, жалѣли, что ему не дается ученье, но—«не подставишь же за него свою спину»?...

Однажды, въ то время, какъ Паша изнывалъ въ напрасныхъ усиліяхъ выдолбить урокъ, какой-то изъ «отчаянныхъ», долго наблюдавшій за нимъ, подошелъ къ нему, и ударивъ по плечу сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, Өивейскій; напрасно ты мучишься! Вижу, братъ, что тебѣ ничего не подѣлать. Одна дорога тебѣ—убѣжать и потомъ исключиться!

Паша зналъ уже, что значатъ слова: убѣжать и исключиться; на этотъ разъ однако гибельный совѣтъ показался ему совершенно невыполнимымъ. Но разговоръ этотъ тѣмъ не менѣе не остался для него безъ послѣдствій. Къ его горю, въ то время, какъ «отчаянный»

Digitized by Google

давалъ ему свой совѣтъ, мимо нихъ проходилъ Васька рыженькій. Желая подслужиться своему патрону и оправдать его довѣріе, онъ тотчасъ полетѣлъ къ Ивану Павловичу и доложилъ ему, что одинъ изъ учениковъ хочетъ «бѣжать». Немедленно самъ Иванъ Павловичъ явился въ комнату и приказалъ подать къ себѣ Овивейскаго.

— А, это ты-то и есть! Я тебя давно знаю, голубчика! При первомъ взглядѣ я узналъ, что изъ тебя выйдетъ. Вотъ я тебѣ покажу, какъ бѣгаютъ! Розогъ!

Паша ничего не понималъ, онъ не смѣлъ ни оправдываться, ни просить о помилованьи; могъ только плакать, пока секуторъ управлялся съ нимъ съ свойственною этимъ господамъ безцеремонностью и проворствомъ.

По окончаніи сѣченья смотритель приказалъ Пашѣ слѣдовать за нимъ, сказавъ:

— Вотъ я тебя ужо отучу бѣгать, постой!

По темнымъ корридорамъ, предшествуемый сторожемъ, несшимъ сальный огарокъ, Иванъ Павловичъ увелъ Пашу въ самый дальній уголъ училищнаго дома, совершенно необитаемый. Отъ прочихъ комнатъ этотъ уголъ отдѣлялся капитальной стѣной и нѣсколькими, темными даже днемъ, переходами. Вышедши въ холодныя сѣни, Иванъ Павловичъ приказалъ сторожу отворить единственную, бывшую здѣсь комнату. Съ трудомъ отворились тяжелыя двери и всѣ трое вошли въ огромную, низкую, со сводами залу. Сыростью и холодомъ пахнуло на вошедшихъ. Слабый свѣтъ отъ сальнаго огарка, ударивъ въ стекла единственнаго окна съ желѣзными рѣшетками, отразился на сѣнахъ, на потолкѣ и на полу и освѣтилъ совершенно пустую комнату, съ грязнымъ поломъ и почернѣвшими и заплеснѣвѣвшими стѣнами и потолкомъ. Свѣтъ этотъ казался какимъ-то краснымъ и зловѣщимъ; такими же зловѣщими смотрѣли и лица пришедшихъ. Единственнымъ украшеніемъ этой комнаты служила громадная печь, тяжелою массою выступавшая изъ угла и образовавшая темное и узкое запечье.

— Вотъ твое жилище, мерзавецъ! сказалъ смотритель, тыча пальцемъ въ пространство пустой комнаты. Не скоро ты у меня вырвешься отсюда, скорѣе сгніешь здѣсь, какъ собака!

Паша молчалъ. Но когда смотритель, сказавъ послѣднія слова, вышелъ вонъ вмѣстѣ со сторожемъ, оставивъ его одного въ совершенной темнотѣ, когда замокъ щелкнулъ въ дверяхъ, раздались по

Digitized by Google

корридору шаги уходившихъ людей и затѣмъ все смолкло,—Паша съ страшнымъ крикомъ бросился къ двери.

Долго и безполезно онъ толкалъ ее, силясь отворить; наконецъ силы его оставили и онъ упалъ безъ чувствъ....

Одинъ изъ великихъ западныхъ богослововъ, помнится, Азиніусъ, прозванный за свою ученость «серафимскимъ», въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ твореній говоритъ, что земныя наказанія своею строгостью и характеромъ должны напоминать преступнику ожидающія его вѣчныя муки. Если это такъ, то никакая инквизиціонная тюрьма не могла такъ живо напоминать адскія муки, никакое описаніе, хотя бы то была сама «божественная комедія», не могло дать такого наглядnаго понятія о лютости будущихъ мученій грѣшниковъ въ преисподней, какъ напоминала ихъ комната дребеденской бурсы, называвшаяся «карцеромъ», въ которую теперь заперли одного изъ нашихъ земляковъ. Можетъ быть, для человѣка взрослаго, для какого-нибудь убійцы это была бы такъ-себѣ, довольно сносная тюрьма; но для девятилѣтняго ребенка, съ дѣтства напуганнаго домовыми, банными и прочими духами и привидѣніями, ничего не могло быть ужаснѣе этой пустой, мрачной и сырой комнаты, совершенно удаленной отъ жилыхъ покоевъ. И дѣйствительно, самые отчаянные бурсаки боялись этого проклятаго мѣста и охотно выносили лишнюю сотню розогъ, лишь бы не попасть въ карцеръ, а маленькіе даже днемъ обходили тотъ уголъ, гдѣ помѣщался этотъ карцеръ. Между учениками ходили страшные слухи объ этой ужасной комнатѣ. Говорили, что въ темныя осеннія ночи, когда гудетъ буря и вѣтеръ со свистомъ гуляетъ по корридорамъ училищнаго дома, въ этой комнатѣ является привидѣніе когда-то засѣченнаго въ ней мальчика и жалобно стонетъ, умоляя о мщеніи...

Каково же было остаться одному въ этой комнатѣ ребенку, съ живымъ, пылкимъ воображеніемъ, доведеннымъ истязаніями до состоянія близкаго къ сумасшествію? И дѣйствительно, когда Паша очувствовался и пришелъ въ себя, на него напалъ невообразимый ужасъ. Въ его разстроенномъ воображеніи вдругъ воскресли всѣ эти фантастическіе образы злыхъ существъ, которыми воображеніе народа населило и небо и землю, и лѣса и воды, и которыя знакомы были ему изъ разсказовъ деревенскихъ товарищей и старухъ. Во всѣхъ

Digitized by Google

углахъ ему мерещатся привидѣнія; въ окна заглядываютъ огромныя чудовища; изъ за громадной печи вылѣзаютъ черти и показываютъ свои огненные языки.. Напрасно онъ зажмуриваетъ глаза; еще хуже! Страшныя чудовища начинаютъ ходить по комнатѣ, сверкая глазами; вотъ они приближаются къ нему, онъ ясно отличаетъ ихъ очертаніе. Они идутъ все ближе и ближе; простираютъ къ нему свои мохнатыя лапы и, вотъ-вотъ, схватятъ его и утащатъ съ собой! Онъ опять съ воплемъ бросается въ двери, и снова падаетъ въ изнеможеніи! Такъ провелъ Паша въ самомъ мучительномъ состояніи часа три. Наконецъ усталый и обезсиленный, онъ уснулъ неспокойнымъ, лихорадочнымъ сномъ: онъ то вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, то пронзительно вскрикивалъ. Страшныя видѣнья не оставляли его и во снѣ. И вотъ, видится ему, что посреди его тюрьмы вдругъ поднялись половицы и тѣнь засѣченнаго мальчика вышла изъ подъ пола и манитъ его рукою и снова проваливается подъ полъ! Но вотъ другое видѣнье, мгновенное, но отрадное: его мать, блѣдная и разстроенная, прибѣгаетъ въ бурсу и спрашиваетъ: гдѣ ея милый сынъ? «Я здѣсь, мама!» восклицаетъ онъ изъ своего заточенія такъ громко, что голосъ его, казалось, проникъ сквозь всѣ затворы, и стѣны, и двери, и слышался далеко-далеко! Мать слышитъ его и вбѣгаетъ въ корридоръ, гдѣ помѣщается карцеръ. Онъ чуетъ ея шаги и радостно бьется его сердце. Замокъ самъ собою спадаетъ съ дверей; онѣ широко растворяются, и его милая мать является передъ нимъ, окруженная свѣтомъ, беретъ его въ свои объятья, выноситъ на воздухъ и—они уносятся въ какую-то далекую, свѣтлую область, гдѣ зеленѣютъ поля, цвѣтутъ и благоухаютъ цвѣты и чистые ручьи такъ весело журчатъ, отражая въ себѣ вершины наклонившихся надъ ними кудрявыхъ ивъ!....

Утро не принесло Пашѣ ничего утѣшительнаго. Комната заключенія по прежнему была темна и холодна; окно глядѣло въ высокую стѣну и какъ бы для увеличенія мрака, прямо передъ нимъ были устроены отхожія мѣста. Но по крайней мѣрѣ хоть на время прекратились ночные страхи. Онъ сдѣлался нѣсколько спокойнѣе. Но что же остается ему теперь дѣлать? Остается одно—плакать. И долго, и горячо плакалъ бѣдный ребенокъ, сидя въ углу, на полу своей тюрьмы!

Но вотъ, послѣ полудня раздались шаги по корридору и сторожъ принесъ узнику ломоть хлѣба и жбанъ съ водой.

Digitized by Google

— А это, угрюмо сказалъ тюремщикъ, вынимая что-то изъ за пазухи и отдавая Пашѣ, товарищъ просилъ тебѣ отдать. Да смотри, какъ бы не увидѣли!

То было приношеніе земляка,—Вани—мясной пирожокъ, который онъ купилъ по совѣту извѣстнаго намъ самарянина, весьма знакомаго съ бурсацкими «свычаями и обычаями». Паша молча принялъ принесенное; не высказавъ ни радости, ни благодарности. Такъ собачонка, только-что запертая въ глухое гнѣздо,—какую бы роскошную подачку ни подали вы ей, не ластится, не виляетъ радостно хвостомъ и не дотрогивается до лакомаго куска, потому что никакое лакомство и ей не замѣнитъ, видно, свободы! Нашъ заключенный печально отложилъ въ сторону все принесенное и снова заплакалъ, когда сторожъ вышелъ и двери снова заперлись на замокъ.

Но вотъ чья-то тѣнь показалась въ окнѣ тюрьмы. Кто и зачѣмъ пришелъ въ это отвратительное мѣсто? Кто это припалъ лицомъ къ стеклу и пристально всматривается въ сумракъ карцера? А вотъ и другое лицо у другаго стекла!.. Свѣтлый лучъ, чище и краше солнечнаго, заглянулъ въ тюрьму,—то лучъ дружбы! Два дѣтскихъ личика, припавшія къ окну,—это нашъ Ваня и добрый самарянинъ. Они улучили свободное время между обѣдомъ и классами и пришли хоть поглядѣть на своего несчастнаго товарища. Ужъ не корыстные ли какіе виды привели ихъ сюда?

Порадуйтесь, читатель, что хоть теперь, въ этихъ дѣтяхъ, съ опасностью для себя пришедшихъ заглянуть въ мрачную тюрьму и не подозрѣвая того, какое утѣшеніе приносятъ они заключенному въ ней, хоть въ эту минуту, въ этихъ дѣтяхъ мы съ вами не можемъ видѣть ничего, кромѣ чистой, святой любви и неподдѣльнаго, ничѣмъ неруководимаго, божественнаго чувства! О, зачѣмъ они не могутъ придти сюда ночью, чтобы прогнать эти страшныя видѣнья?.. А зачѣмъ, чертъ возми, не зайдутъ сюда Струфіевы, о.о. Митрофаны, Ѳеофаны, Колумваны et tutti quanti?

Преступные посѣтители тюрьмы не могли принести какой либо радостной вѣсти для узника; да и переговариваться черезъ стекло и рѣшетку было трудно. Кое-какъ самарянинъ растолковалъ Пашѣ, чтобъ онъ не унывалъ, что больше трехъ дней его не продержатъ въ карцерѣ и что они завтра, въ это же время, опять придутъ. Три дня—большое утѣшеніе! тогда какъ и одна ночь, проведенная среди ужасныхъ привидѣній, въ тяжелыхъ грезахъ и мукахъ одиночества,

Digitized by Google

была слишкомъ достаточна, чтобы свести съ ума ребенка, вѣрившаго отъ всего сердца во всѣхъ этихъ чертей и чудовищъ (гг., имѣющіе въ своемъ распоряженіи карцеры! пожалуйста, ради человѣколюбія, сдѣлайте хоть эту милость—разувѣрьте ввѣренныхъ вамъ дѣтей въ этихъ кикиморахъ и чертяхъ!).

А ночь между тѣмъ была ужъ близка. И опять тѣже страшные призраки начинаютъ выходить изъ мрака пустой и холодной комнаты, и злосчастный мальчикъ снова жмется въ уголъ и напрасно закрываетъ глаза, чтобы не видать этихъ ужасовъ, гнѣздящихся въ его собственномъ воображеніи!..

Въ такомъ положеніи провелъ нашъ заключенный три дня. На четвертый день утромъ явился сторожъ и объявилъ Пашѣ, чтобъ онъ выходилъ. На это утѣшительное извѣстіе Паша могъ отвѣчать только слезами. Въ эти три дня онъ утратилъ даже способность радоваться и когда увидѣлъ своего товарища, Ваню, то сказалъ только:

— Ахъ, Ваня, какъ страшно!

Возвращеніе свободы не было для Паши возвращеніемъ радости и счастья. Уроки по прежнему не давались. И добро бы учителя считали его идіотомъ и на этомъ основаніи оставили въ покоѣ, какъ это дѣлали они со многими другими учениками. А то нѣтъ!

— Вѣдь ты, шельма эдакой, способенъ и преспособенъ; вѣдь я по глазамъ твоимъ, по рожѣ твоей это вижу! А лѣнь вѣдь все это, лѣнь одна! Выбью же я эту лѣнь-то изъ тебя, подлецъ! говоритъ проницательный педагогъ.

И снова наказаніе, и снова вопли и слезы! Когда же будетъ конецъ всему этому? Подождите, читатель, скоро!

XV.

Публика и секуція.

Къ числу священныхъ обычаевъ бурсы, наслѣдованныхъ ею отъ глубочайшей древности, должно отнести такъ называемую «публику». Публика обыкновенно назначалась послѣ перваго числа каждаго мѣсяца, когда начальство бурсы сводило итоги всѣмъ прегрѣшеніямъ,

Digitized by Google

содѣянныимъ бурсаками въ теченіи мѣсяца и чинило имъ издовоздаяніе. Въ день публики ворота бурсы крѣпко затворялись съ самаго утра, дабы кто изъ виновныхъ не избѣгъ достодолжнаго наказанія.

Публика, которую мы хотимъ описать здѣсь, особенно пугала воспитанниковъ. Незадолго до нея кто-то нанесъ смотрителю смертельнѣйшую обиду, вымазавъ скобу у его дверей самою что ни-есть гадостью. Всѣ попытки инспектора и смотрителя открыть виновныхъ оказались напрасны. Грознѣй и грознѣй день ото дня становился смотритель. Еще до публики цѣлую недѣлю раздавались по училищу жалобные вопли. Иванъ Павловичъ съ ожесточеніемъ слѣдилъ за успѣхами и поведеніемъ воспитанниковъ и порол ихъ за каждую вину, доходя часто до изумительной изобрѣтательности въ этомъ случаѣ: порол ихъ на полу, порол на скамьяхъ, порол въ лежачку, въ стоячку, на воздусѣхъ, даже заставлялъ сѣчь самихъ себя. Ни одна ошибка въ склоненіи, ни одинъ необдуманный шагъ неоставался безъ наказанія. Иванъ Павловичъ придирался ко всему; подкарауливалъ, когда ученики, отпросившись у учителя, выходили изъ класса «до-вѣтру», тащилъ ихъ въ классъ и за мнимое бѣгство сѣкъ ихъ дотолѣ, пока иной, не впору возвращенный съ дороги и подвергнутый сильному ощущенію на сытый желудокъ, не учинялъ мерзопакостія, которое и убиралъ собственными руками. Съ отчаянія неопытные бурсаки прямо съ полу убѣгали иногда въ сосѣднюю съ бурсой архіерейскую ограду, являлись передъ владыку и показывали ему растерзанную спину. Ивана Павловича тотчасъ-же призывали ко владыкѣ; дѣло объяснялось, правый безъ сомнѣнія оставался правымъ и жалобщику доставалось вдвое: ибо нельзя же въ дѣтяхъ поощрять ябедничество! Секуторы въ теченіе послѣдней передъ публикой недѣли выбивались изъ силъ; престарѣлый саврасъ проклиналъ свою бурсацкую службу, ежедневно потѣя подъ тяжестью привозимыхъ имъ прутьевъ.

— Запорю васъ, мерзавцы, скоты! приговаривалъ Иванъ Павловичъ, вспоминая при каждой экзекуціи о своей обидѣ.

Если такъ гнѣвенъ былъ Иванъ Павловичъ при посѣщеніи классовъ, то чего же нужно было ожидать на публикѣ, на этомъ судилищѣ, которое собственно и предназначалось только для расправы? Ученики трепетали; подкупали секуторовъ, ссорились между собой, обличая другъ друга въ подучиваніи къ разнымъ шалостямъ.

Digitized by Google

— Вотъ ты научилъ меня прошлый разъ показать кукишъ этому пьяницѣ, а теперь я отдувайся! Непремѣнно вздуютъ! жаловался одинъ.

— Ну, вздуютъ, такъ вздуютъ! Развѣ въ первый разъ? утѣшалъ подстрекатель. И меня вѣдь тоже взъерихонятъ. Да ничего: на спинѣ-то не рѣпу сѣять, на бокахъ не рѣдьку тыкать!

— А вотъ что, ребята, отзывается въ это время бойкій бурсакъ откуда-то изъ угла. Я узналъ,—лекарство такое есть,—совсѣмъ не больно бываетъ! Мнѣ давнось сказывалъ нашъ дьячекъ; у нихъ въ старину употребляли. Кто хочетъ со мной доставать?

— Я, я, я! кричали со всѣхъ сторонъ. Какое лекарство? Куда идти? Идемъ всѣ; всѣмъ надо!

Одинъ только голосъ пробунчалъ сердито:

— Знаемъ мы эти лекарства! Я прошлый разъ цѣлыхъ полчаса читалъ: «помяни, Господи, царя Давыда», да такъ, братъ садко было, что хошь бы и безъ «давыда»!

— Лекарство простое, продолжалъ знатокъ; только наловить надо!

— Въ водѣ оно, что-ли, растетъ? Лѣземъ хоть на самое дно!

— Нѣтъ, не въ водѣ. Наимать надо!

— Что? кого поймать? Поймаемъ; хоть черта за рога и того поймаемъ!

— Воробьевъ, братцы, наловить надо. Воробьинымъ мозгомъ надо намазываться.

Хотя ребятамъ было и не до смѣха, но при этомъ всѣ захохотали.

— Эка, парень; воробьиный-то мозгъ на другое идетъ, возразилъ одинъ изъ отчаянныхъ. Съ воробьинаго-то мозгу шибко растетъ... знаешь что?

. — Нѣтъ, братцы; говорятъ, и на это хорошъ. Я непремѣнно попробую!

— И я, и я! Попробовать все-таки не мѣшаетъ!

— А я ужъ, отозвался дѣтина, сомнѣвающійся въ лекарствахъ, ничего нехочу пробовать. Пусть ихъ дуютъ, а я все-таки исключусь! Подуютъ, да перестанутъ, мрачно заключилъ онъ и углубился въ занятіе, самое обыкновенное у бурсаковъ, но приличное только будочникамъ.

Digitized by Google

Поутру, въ день публики всѣ собрались по классамъ, въ страхѣ и трепетѣ. Уроковъ не было. Старшіе, какъ особы чиновные, небоящіеся сѣченія, выглядывали особенно важно; то былъ день церемоніальный, день ихъ торжества: по ихъ доносамъ будетъ чиниться расправа. Еще торжественнѣе казались секуторы,—хотя и первые разбойники и коноводы, но тоже освобожденные отъ наказаній за ихъ полезное ремесло. Одни изъ нихъ съ готовыми розгами расхаживали по классу, поигрывая своими инструментами; другіе усердно занимались вязаніемъ розогъ, иногда вплетая въ нихъ тоненькія мѣдныя проволоки, выдергиваемыя изъ помочей. Связавъ пучокъ, они примѣривали его на полу; стараясь выказать при этомъ свою ловкость и проворство, причемъ на лицахъ ихъ выражалось истинно-артистическое наслажденіе.

— Смотри-ка, смотри, Богоявленскій. Вотъ эдакъ я буду Срѣтенскаго—за то, что надулъ, подлецъ, прошлый разъ: обѣщалъ и непринесъ ничего! А вотъ этакъ... ну хоть тебя, если Богъ приведетъ... Вишь, оно какъ будто я изо всѣхъ силъ жарю, а не больно! Тоже, братъ, и въ нашемъ дѣлѣ надо снаровку! А то, пожалуй, замѣтятъ, такъ и самъ съѣшь затрещину. А что, ловко вѣдь? а?

— Ловко, отвѣчалъ Богоявленскій, а у самого стучали зубы и морозъ подиралъ по кожѣ.

Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ, что это еще не было верхомъ ловкости секутора—показывать видъ, что «жаритъ» изо всѣхъ силъ, а въ сущности не жарить. Верхомъ совершенства этой профессіи считалось то, когда секуторъ изловчался задѣть концами лозъ стоящаго сзади инспектора или смотрителя и дѣлалъ это съ такимъ невиннымъ простодушіемъ, что начальство приписывало эту неосторожность отнюдь не злому намѣренію, а особенному усердію секутора.

Прочая братія была въ самомъ дурномъ настроеніи. Разговоры не клеились. Въ одномъ углу крошечный мальчуганъ съ досадой говорилъ Васькѣ-рыженькому, любимцу смотрителя.

— Вотъ я-те говорилъ тогда, что попадусь! Ты хотѣлъ всячески заступиться. Меня поймали, а ты правъ! Я вотъ скажу Ивану Павловичу, какъ поведутъ меня, что ты посылалъ меня за виномъ-то!

— Пхэ, пхэ! Такъ тебѣ Иванъ Павловичъ и повѣритъ! Про кого-бы другаго, а то про меня,—дудки! Никогда неповѣритъ. Тебѣ-же будетъ хуже: жизни своей тогда не радъ будешь!

— А что же ты не заступился-то?

Digitized by Google

— Неуспѣлъ, что же дѣлать? Послѣ когда-нибудь, другой разъ заступлюсь, утѣшалъ рыженькій.

— Послѣ... послѣ... твердилъ мальчуганъ. Не тебя, видно, сегодня драть-то будутъ!.. Свинья эдакая, заключилъ онъ, ужъ про-себя.

На другомъ концѣ класса шла торговля съ секуторомъ. Маменькинъ сынокъ, сынъ городскаго протоіерея, одѣтый щеголески, прилизанный и довольно благообразный, выкладывалъ изъ кармана разныя разности, принесенныя изъ дому въ умилостивленіе «бога секуціи». Чего-чего тутъ не было! И съѣдобное—пирожки, сухари, конфекты; и предметы роскоши—табакъ, деньги и проч. И все это перекладывалось въ огромныя лапы секутора.

— Все, сказалъ щеголь, умильно поглядывая на секутора.

— Мало; давай еще! Вѣдь тебѣ отсыплютъ двѣсти. Изволь тутъ исхитряться! Все норовить, да норовить,—пожалуй и влопаешься! Давай!

Малый тоже былъ видно дошлый: не все принесенное отдавалъ сразу. Онъ началъ опрастывать другой карманъ. Опять въ подставленныя верзилою пригоршни повалилась всякая благодать: мѣдные гроши, ломаныя сережки, какая-то пуговица съ гербомъ, серебрянный наперстокъ, отрывокъ цѣпочки и т. п. Дѣло очевидно состояло не въ качествѣ, а въ количествѣ.

— Теперь ей-богу все! уже почти со слезами говорилъ щеголекъ.

— Мало! отвѣчалъ невозмутимо-холодный мздовоздаятель. Знаешь, что мнѣ тоже дѣлиться надо. Много-ли мнѣ достанется?

— На, вотъ возьми еще платокъ. Я скажу папенькѣ, что потерялъ.

— Еще что есть? Все давай; иначе—горе!

— Ейже-богу, ничего нѣтъ! Вотъ-те истинный Христосъ!

Но верзила еще не вѣрилъ. Онъ самъ началъ ощупывать карманы франта, выворотилъ ихъ, но ничего не нашелъ. Наконецъ рука его задѣла за ленточку, на которой висѣлъ серебрянный образокъ, который и выкатился изъ-за рубашки.

— Давай и это! сказалъ секуторъ и началъ снимать образъ.

— Оставь, пожалуйста! Маменька.... завопилъ было малецъ.... Но въ это время раздался въ корридорѣ звонъ колокольчика, возвѣщавшій наступленіе публики и роковаго часа...

Публика происходила въ большой, мрачной залѣ, изъ которой на этотъ разъ вынесена была вся мебель. До двухъ сотъ учениковъ собралось теперь въ эту комнату, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ поло-

*

Digitized by Google

вина ждали себѣ «секуціи», а треть непремѣнно была высѣчена. Старшіе устанавливали учениковъ по классамъ. Секуторы, расположившись у дверей, осматривали свои инструменты, пробовали ихъ толщину и гибкость, не безъ основанія опасаясь за самихъ себя, еслибы оказалось, что розги приготовлены не надлежащей пропорціи. Впрочемъ, такъ какъ это опасеніе существовало и прежде, да къ нему еще присоединялась злоба секуторовъ на нѣкоторыхъ учениковъ, то сильно бояться за тонину розогъ было нечего; да и не на этомъ, какъ мы видѣли, выѣзжали секуторы.

Около получаса продолжалось трепетное ожиданіе начальства.

— Ужъ скорѣе бы, право! шептали ученики.

— Ахъ, какъ бы вдругъ да ему, чорту, что нибудь приключилось! Хоть бы брюхо заболѣло! нерѣшительно говорили нѣкоторые, внутренно неувѣренные въ возможности этого «какъ бы».

Поставленные на часахъ мальцы, изъ самыхъ конечно бойкихъ, возвѣстили наконецъ «пришествіе антихриста». Тихимъ, размѣреннымъ шагомъ, съ важностью, приличною такому торжественному случаю, шествовалъ Иванъ Павловичъ, въ сопровожденіи инспектора и учителей. Инспекторъ несъ въ рукахъ какія-то бумаги. При входѣ его въ залу, ученики цѣлымъ хоромъ запѣли: «днесь благодать св. духа насъ собра...» Чувствовали-ли они въ душѣ, что ихъ дѣйствительно собрала сюда благодать,—положительно утверждать не можемъ, но что мурашки бѣгали у всѣхъ подъ кожей,—это вѣрно. При видѣ грознаго лика начальника многіе поблѣднѣли, какъ полотно; другіе усердно молились. Одинъ какой-то мальцъ палъ на колѣна и преусердно клалъ земные поклоны. Вообще пѣніе молитвы старались какъ можно растянуть, чтобы выиграть хоть минуту времени. Учителя перешептывались и посмѣивались между собою, иногда лукаво мигая и указывая пальцами на нѣкоторыхъ воспитанниковъ. Но Иванъ Павловичъ былъ грозенъ, какъ громовая туча и теменъ, какъ осенняя ночь. Онъ, какъ прилично его сану, положилъ при началѣ и концѣ молитвы по одному умѣренному поклону и по окончаніи пѣнія, обратился лицомъ къ ученикамъ. Тѣ низко поклонились.

— Григорій Ивановичъ! важно сказалъ смотритель, обращаясь къ инспектору, начинайте!

Григорій Ивановичъ медленно, съ разстановкою прочелъ сначала списокъ учениковъ, отличившихся чѣмъ нибудь въ теченіе мѣсяца.

Digitized by Google

Качества, за которыя восхваляли учениковъ были все самыя высокія, которыя бы сдѣлали честь самому добродѣтельнѣйшему изъ людей. И, конечно, стоило похвалить тѣхъ, кто въ младыя еще лѣта усвоилъ эти качества. Одни отличались «благопокорливостью и почтительностью» къ своему старшему (старшіе дѣлали и самыя отмѣтки); другіе отличились исполнительностью по должности (напр. секуторы); третьи—«сообщительностью»—качествомъ, которое подвергало отличившихся имъ всеобщимъ насмѣшкамъ и даже злобѣ учениковъ. Одни толковали эту «сообщительность» очень подозрительно, находя въ самомъ словѣ слишкомъ житейскій смыслъ; другіе разумѣли подъ нимъ просто шпіонство. Наибольшая часть благонравныхъ отличались, какъ и подобаетъ духовнымъ воспитанникамъ, «усердіемъ къ богослуженію». Въ числѣ первыхъ между отличившихся стояло имя смотрительскаго любимца, Васьки-рыженькаго. Имени нашего героя, должны мы сказать съ прискорбіемъ, не было въ этомъ спискѣ.

Отличившіеся, упомянутые въ спискѣ, выходили на средину. Когда умолкъ инспекторъ, Иванъ Павловичъ кашлянулъ и, обратясь къ отличившимся, произнесъ:

— Ну, благодарю васъ. Старайтесь всегда отличаться. А вы, обратился онъ къ прочимъ, берите съ нихъ примѣръ! Ты чѣмъ, Добронравовъ, отличался?

— Смиренномудріемъ-съ! бойко и далеко не смиренномудро отвѣчалъ спрошенный.

— Ну, и всегда будь смиренномудръ. Это весьма хорошая добродѣтель; и въ писаніи сказано: Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. А ты, Кедроливанскій?

— Усердіемъ къ богослуженію-съ!

— А, это очень... очень похвально. Бога никогда ненадо забывать; Онъ, братъ, всегда заплатитъ. Что ученье? не въ томъ штука, чтобъ быть ученымъ тамъ какимъ-нибудь. Это вздоръ. А вотъ въ церковь надо ходить чаще... Церковь, братъ, насъ кормитъ. Ходите чаще въ церковь; отъ классовъ всегда уволю въ церковь... Ну, а ты, Нерыдайменематенскій?.. А знаю, знаю! Славно, братъ, паришь. Самъ вижу и... цѣню! Преуспѣвай и впредь! Григорій Ивановичъ, продолжайте!

И Иванъ Павловичъ снова принялъ, елико-возможно грозный видъ.

Digitized by Google

Григорій Ивановичъ началъ читать теперь списокъ провинившихся въ чемъ-нибудь воспитанниковъ. Боже, какихъ преступленій и пороковъ не водилось за воспитанниками дребеденской бурсы! Тысячу разъ желали бы мы умолчать объ этой печальной сторонѣ училищной жизни, но—правда, господа, выше всего. Къ тому же, собственно бурсу и ея начальство, мы увѣрены, никто не станетъ обвинять въ проступкахъ ея питомцевъ. Бурса, ея уставы и инструкціи—сама по себѣ, а мальчишки, вѣдь, сами по себѣ! Училищное начальство непотакало же, вѣдь, этимъ проступкамъ: виновато-ли оно въ развращенности человѣческой природы? Большая часть «худыхъ по поведенію» провинились въ ужасномъ преступленіи—непочтительности къ старшимъ, въ грубости къ начальству; далѣе слѣдовали не менѣе изрядные грѣшки, какъ-то: «винопитіе», «табакокуреніе», «воровство», бѣгство изъ училища, буйство въ пьяномъ видѣ и т. под.

Виноватые тоже вышли на средину. Большая часть ихъ впрочемъ сохраняли полнѣйшее спокойствіе, точно ожидали получить богатые подарки. Но были рыцари и очень печальнаго образа; особенно маленькіе были по истинѣ жалки.

Дувка началась съ воспитанниковъ верхняго класса. Эти выносили наказаніе вообще очень мужественно, имъ, впрочемъ, и секуторы больше мирволили. Одни изъ нихъ, густымъ басомъ, довольно сердито и какъ бы нехотя, говорили, обращаясь къ смотрителю:

— Простите... не буду! И больше не продолжали, можетъ быть уже зная по опыту, что всякія мольбы напрасны. Другіе во все время секуціи раза два-три издавали густые гортанные звуки: о-о-охъ! о-о-хъ! А иные даже и вовсе не кричали, а только кряхтѣли. Опытный наблюдатель замѣтилъ бы безъ труда, что эти «охи» сильно смахивали на «хи-хи»; но смотрителю и въ мысль не приходило усумниться въ добросовѣстности его секуторовъ. Онъ лично слѣдилъ за секуціей. По временамъ онъ приговаривалъ: «вотъ такъ, вотъ такъ! Прибавь горяченькихъ!» Иногда онъ доходилъ до такого увлеченія, что размахивалъ руками и безсознательно дѣлалъ видъ, что и самъ какъ будто сѣчетъ. Быть можетъ, впрочемъ, что онъ когда нибудь и самъ исправлялъ эту респектабельную обязанность.

По окончаніи сѣченья, большаки живо надергивали штанишки и злобно посмотрѣвъ на все собраніе, уходили въ уголъ.

Пріятное зрѣлище праведнаго воздаянія наконецъ нѣсколько разсѣяло мрачныя тѣни на лицѣ начальника; онъ даже какъ будто по-

Digitized by Google

веселѣлъ, и секуція стала принимать умилительный видъ собѣдованія между «сѣкущимъ и сѣкомымъ».

— Гряди, гряди во имя господне! приговаривалъ смотритель иному мальцу, неохотно шедшему «на мѣсто мученія».

— Батюшка, отецъ родимый, Иванъ Павловичъ! Ваше высокоблагородіе! Ей-ей не буду, ей-богу въ послѣдній разъ. Вотъ-те матерь божія, не буду! молился виновный, стараясь словами и жестами разжалобить начальника.

Смотрителя ничего не брало.

— Гряди, гряди отъ Ливана!

— Другъ мой, Иванъ Павловичъ! продолжалъ на колѣнахъ умаливать виновный, отстраняя отъ себя секуторовъ, валившихъ его на полъ. Иванъ Павлычъ, душечка, милочка! Спаси и помилуй!

Но и «другъ» и «милочка» не дѣйствовали.

— Гряди... и лядвія твоя наполнятся поруганія!

Иной, видя безуспѣшность всякихъ просьбъ, объявлялъ, что у него «короста» на спинѣ; другой клялся, что не можетъ развязать гашника и т. п. Ничего не помогало: опытные секуторы припадали на колѣни и зубами развязывали узелъ, можетъ быть нарочно въ тотъ день покрѣпче завязанный, а коростливому самъ Иванъ Павловичъ приговаривалъ:

— Ничего, ничего! Легче будетъ! Ложись, голубчикъ; больница-то у насъ есть,—снесемъ! Да еще не обманываешь ли? А то прибавлю!

Но вотъ одинъ дѣтина совершенно и на отрѣзъ отказывается лечь.

— Не дамся, Иванъ Павлычъ, ей-богъ не дамся. Хоть что хотите, дѣлайте! говоритъ онъ твердо и грубо. Не велите имъ лѣзти,—разобью! Слышите!

Иванъ Павловичъ конфузится. «Чортъ его знаетъ, думаетъ онъ, какъ бы всю секуцію не испортилъ; пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ разобьетъ. Бывалое дѣло!» Иванъ Павловичъ смягчается и прибѣгаетъ къ хитрости.

— Да, ложись же, братецъ. Хоть немного! Ну лягъ же!

— А сколько дадите? спрашиваетъ дѣтина.

— Ну пятьдесятъ только велю дать; вѣдь тебѣ по настоящему двухъ сотъ мало! Тебя надо до тѣхъ бы поръ дуть, пока на войлокахъ не понесутъ!

Digitized by Google

— Коли такъ, такъ не дамся! Продолжаетъ дѣтина. Двадцать пять—куда ни шло!

— Ну, хоть тридцать пять!

— Нѣтъ; я ужъ сказалъ.

— Ну, чортъ съ тобой, ложись!

Очередь дошла наконецъ до нашего пріятеля, Өивейскаго. На него взведены были самыя ужасныя вины, чуть не чернокнижіе. Кромѣ лѣности, онъ обвинялся въ непокорливости, въ намѣреніи убѣжать и наконецъ въ сдѣланіи пасквиля на начальство. Пасквилемъ была названа грубо начерченная на книжной коркѣ не то углемъ, не то карандашомъ картинка. Рисунокъ изображалъ какое-то чудовище съ огромнымъ туловищемъ на тоненькихъ ножкахъ, съ длинными, всклокоченными волосами, съ сверкающими, круглыми глазами и открытой пастью. Можетъ быть никто бы и недогадался, что скрывалось подъ этой аллегоріей, но какой-то услужливый компиляторъ подписалъ подъ картиной огромными буквами: бурса. Нашелъ ли Иванъ Павловичъ въ чудовищѣ, созданномъ нашимъ пріятелемъ какое нибудь сходство съ собственной особой, или онъ оскорбленъ былъ посягательствомъ на честь ввѣреннаго ему заведенія, или, наконецъ, всякое проявленіе насмѣшливости напоминало ему обиду, нанесенную его дверямъ,—только Иванъ Павловичъ ужасно разсвирѣпѣлъ, когда вывели Өивейскаго.

— А, это ты-то и есть насмѣшникъ? Тебѣ пасквили писать! Лѣнтяй, карапузикъ, и уже пасквили пишетъ! Я ужъ тебѣ дамъ пасквили! Вали его!

Что было и валить-то! Легкимъ движеніемъ могучей руки секуторъ бросилъ Пашу Өивейскаго на полъ, и свѣжія прутья захлестали съ такою силою по тщедушному тѣлу, что не слыхать было и тѣхъ воплей, которыя издавалъ нашъ Павелъ.

— Вишь, вѣдь, какая упрямая каналья, и не кричитъ. Прибавь ему! кричалъ озлобленный смотритель.

Секуторъ дралъ, дралъ и наконецъ самъ сжалился.

— Некричитъ ужъ, Иванъ Павлычъ. Какъ бы не пересобачить!

— Ну, брось его къ чорту! А вы, Григорій Ивановичъ, надѣньте на него еще рога: пусть онъ служитъ позоромъ для всѣхъ учениковъ за свои мерзскія качества!

Какъ новичекъ, Паша былъ послѣднимъ въ спискахъ, и его сѣкли послѣдняго. Публика вончилась. Ученики снова пропѣли священную

Digitized by Google

пѣснь—похвалу Богородицѣ, снова поклонились въ поясъ смотрителю, и онъ также величественно вышелъ изъ залы, какъ и вошелъ въ нее.

— Важную порку задали мы сегодня, гг.! сказалъ онъ, обращаясь къ учителямъ и выходя въ сѣни.

— Превосходную, сытную, сказалъ учитель-экономъ.

— В-великолѣпную! з-знаменитую въ лѣтописяхъ нашего вертограда! подхватилъ учитель, отличавшійся своими краснорѣчивыми проповѣдями.

— У меня забудутъ, подлецы, двери мазать! заключилъ смотритель, и потомъ прибавилъ:

— Вечеркомъ, гг., приходите-ка ко мнѣ!

И съ самодовольнымъ видомъ человѣка, исполнившаго самую святую и вмѣстѣ пріятную обязанность, Иванъ Павловичъ изволилъ уйти въ свои аппартаменты.

А сзади, за его спиной, ученики высовывали языки и пантомимами показывали, что даютъ Ивану Павловичу сытныхъ подзатыльниковъ и знаменитыхъ пинковъ.

XVI.

Послѣ секуціи.

Иванъ Павловичъ, натѣшившись секуціей, сдѣлалъ, какъ мы видѣли, честь своимъ подчиненнымъ, пригласивъ ихъ къ себѣ вечеромъ. Бурсаки, надо отдать имъ справедливость, тоже скоро утѣшились послѣ секуціи, и когда фаворитъ Ивана Павловича, Васькарыженькій сдѣлалъ имъ подобную же честь, пригласивъ ихъ въ тотъ же вечеръ въ гости, въ одинъ изъ нумеровъ, который находился подальше отъ квартиры смотрителя, почти никто не отказался отъ этого предложенія.

Мы знаемъ, гг., чего требуетъ субординація; мы твердо помнимъ мудрую пословицу: «чинъ чина ночитай». И потому, само собой разумѣется, прежде опишемъ пиръ Ивана Павловича, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, на этомъ пиру будутъ подаваться не тѣ протухлыя блюда,

Digitized by Google

какія обыкновенно подаются бурсакамъ. Относительно свѣтскости нашего «генерала in potentia,» мы надѣемся, читатели уже составили надлежащее понятіе, да и учитель—экономъ, выдающій провизію къ смотрительскому столу, имѣя въ виду и свой желудокъ и желудокъ начальника (о, сколько благъ и золъ истекаетъ изъ желудка начальника!), не ударитъ въ грязь лицомъ. Дѣйствительно все готовилось въ наилучшемъ видѣ. Двое служителей цѣлый день бѣгали по городу, исполняя порученія по заготовленію пиршественныхъ принадлежностей. Бурсаки съ завистію смотрѣли на этихъ оборванныхъ меркуріевъ, возвращавшихся изъ города съ болѣе или менѣе тяжелою ношею и все сносившихъ въ начальническія комнаты. А, впрочемъ, неугодно ли читателямъ самимъ взглянуть на реестръ, хотя и неполный, необходимыхъ для пира припасовъ, собственноручно написанный Иваномъ Павловичемъ (мы почему-то думаемъ, что все, касающееся Ивана Павловича, сильно интересуетъ читателей), съ отмѣтками, свидѣтельствующими о нѣкоторыхъ пріятныхъ качествахъ его характера? Вотъ этотъ реестръ.

Купить:

1) Говядины лучшей	20 ф.	2 р. 50 к.	(асс.) взять у *нашего* мясника.
2) Языковъ коровьихъ	5 —	1 р. 25 к.	— — тожъ.
3) Тожъ копченыхъ	3 —	1 р. 50 к.	— — тожъ.
4) Масла коровьяго	5 ф.	2 р. — »	достать изъ *собственнаго* погреба.
5) Водки лучшей полведра		8 р. — »	выписать на больницу.
6) Мадеры 1 бут.		2 р. 50 к.	тожъ, для выздоравливающихъ.
7) 2 игры картъ		» — »	попросить у Н.
8) Паюсной икры	1 ф. —	1 р.	дѣлать нечего; купить.

Въ концѣ концовъ надо было издержать 1 р. асс. Но Иванъ Павловичъ вспомнилъ, что у учителя экономa должны быть еще деньги изъ выданныхъ ему на казенныя покупки. Деньги, дѣйствительно, были, но юный экономъ не безъ основанія разсчитывалъ хоть на половину ихъ; жестоко обманутый въ своихъ надеждахъ, онъ съ грустью разстался съ безгрѣшнымъ доходцемъ, рѣшившись во что бы то ни стало наверстать его при будущихъ покупкахъ.

Къ пяти часамъ вечера «чертогъ сіялъ» можно было сказать, если не обо всемъ зданіи бурсы, по крайнѣй мѣрѣ о комнатахъ, занимае-

Digitized by Google

мыхъ Иваномъ Павловичемъ. Въ корридорѣ, ведущемъ въ эти комнаты, зажжено было два фонаря, испускавшихъ ослѣпительный блескъ; на каждомъ изъ трехъ оконъ квартиры Ивана Павловича горѣло по свѣчѣ и на каждомъ столѣ, въ комнатахъ, по двѣ свѣчи. Необыкновенныя благоуханія разлились даже въ корридорѣ и, смѣшавшись съ обыкновеннымъ запахомъ корридоровъ въ учебныхъ заведеніяхъ, образовали изящно—благовонное соединеніе «россійской пхи» и восточныхъ ароматовъ.

Иванъ Павловичъ величественно расхаживаетъ по своей залѣ, гдѣ уже сидятъ его скромные гости—подчиненные. Онъ поднимаетъ кверху свою «собачью титьку» (такъ называютъ бурсаки нюхательный аппаратъ Ивана Павловича) и, потянувъ въ себя благоухающій воздухъ, не безъ чувства самодовольствія говоритъ своимъ гостямъ:

— Вотъ, гг., учитесь жить по-свѣтски! Смотрите, какъ все изящно и деликатно! Желалъ бы я узнать, какая бы образованная дама не вошла съ удовольствіемъ въ эдакую залу? Гм!

— Помилуйте, Иванъ Павловичъ, отвѣчаютъ скромные гости. Гдѣ же намъ! (т. е. дивья тебѣ, псу эдакому, на всемъ-то казенномъ такъ роскошничать! Съумѣли бы и мы на твоемъ мѣстѣ тоже сдѣлать!).

Замѣтно, что не для однихъ учителей устроенъ этотъ пиръ. Иванъ Павловичъ, очевидно, ждетъ кого-то поважнѣе, а скромные педагоги приглашены только для обстановки, для приданія большаго блеска величію Ивана Павловича. Около шести часовъ, дѣйствительно, начали сходиться посторонніе посѣтители. Явились три—четыре учителя семинаріи, въ томъ числѣ семинарскій экономъ и секретарь правленія; пришелъ какой-то совѣтникъ палаты, изъ духовныхъ, выглядывавшій не меньше, какъ директоромъ департамента и имѣвшій обыкновеніе начинать рѣчь словами: «когда я служилъ секретаремъ въ сенатѣ...» Было и еще нѣсколько болѣе или менѣе презентабельныхъ лицъ изъ мѣстной чиновной братіи. Но Иванъ Павловичъ все еще былъ въ ожиданіи кого-то. Наконецъ къ парадному крыльцу съ шумомъ подкатился возокъ, запряженный парою отличныхъ вороныхъ лошадей. По докладу сторожа, въ попыхахъ вбѣжавшаго въ комнату Ивана Павловича, послѣдній выбѣжалъ въ корридоръ и спустившись съ лѣстницы, почти у самаго крыльца встрѣтилъ новыхъ гостей съ почтительнымъ поклономъ. То были о. ректоръ и о. инспекторъ семинаріи.

Digitized by Google

— О, какъ я вамъ благодаренъ, ваше в-біе! заговорилъ Иванъ Павловичъ, подходя подъ благословеніе къ о. ректору. Покорнѣйше прошу пожаловать! О. инспектору мое нижайшее почтеніе!

— Очень, очень пріятно! Почему же, помилуйте, не навѣстить? Вотъ по пути и училище посмотрю, замѣтилъ о. ректоръ.

Иванъ Павловичъ, сдѣлавъ совершенно великосвѣтскій полуоборотъ, немножко въ наклонку, очень ловко, обѣими руками, указалъ важнымъ гостямъ дорогу впередъ, а самъ пошелъ бочкомъ, семеня ножками и наклонивъ впередъ голову, такъ чтобы видно было, что онъ изъ почтенія идетъ позади, но въ тоже время и внимательно прислушивается, не прикажетъ ли что начальство? Въ верхнемъ корридорѣ Иванъ Павловичъ какъ будто такъ-себѣ, случайно понюхалъ воздухъ. О. ректоръ тоже понюхалъ воздухъ и сказалъ.

— Хорошо у васъ здѣсь пахнетъ!

И о. инспекторъ тоже понюхалъ, и тоже сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ славно пахнетъ!

У самыхъ дверей своей квартиры Иванъ Павловичъ съ необыкновеннымъ искуствомъ, невыдаваясь однако нисколько впередъ, успѣлъ широко растворить двери, такъ что казалось, будто онѣ отворились сами собою, и о. ректоръ вдругъ упалъ, точно съ неба, и очутился въ сіяющей комнатѣ, среди изумленныхъ гостей. Гости, дѣйствительно, какъ бы ужаленные тарантуломъ, повскакали съ мѣстъ, и когда Иванъ Павловичъ, съ свойственною ему ловкостью снялъ съ высокаго посѣтителя дорогую шубу, почтительно подошли подъ благословеніе. О. ректоръ каждаго встрѣчалъ какою-нибудь ласкою. Семинарскимъ учителямъ онъ говорилъ съ любезною шутливостью: «давно же мы съ вами невидались! всего два часа!»; учителямъ училища ласково замѣчалъ, избѣгая, впрочемъ, мѣстоименій: «что, небось скоро во священники?» Свѣтскимъ гостямъ онъ ничего не говорилъ, но за то, благословлялъ ихъ болѣе торжественно и не спѣша. По окончаніи этой церемоніи, Иванъ Павловичъ попросилъ о. ректора занять подобающее ему мѣсто—на диванѣ, за круглымъ столомъ. Началось чаепитіе. Разговоръ не клеился. Никто изъ младшихъ гостей нерѣшался начать рѣчи; свѣтскіе люди, занявъ уголъ подальше отъ дивана, старались принять независимыя позы, свидѣтельствовавшія о томъ, что «они-де, вотъ, вовсе не боятся какого-нибудь ректора семинаріи и смѣло кладутъ нога—на—ногу, громко сморкаются; ну, словомъ, могутъ держать себя совершенно самостоятельно.» Кажется,

Digitized by Google

и о. ректоръ былъ не въ маломъ затрудненіи, о чемъ бы повести рѣчь; но, наконецъ, жалѣя хозяина, который суетился и краснѣлъ, чувствуя, что разговоръ не удается, онъ рѣшился открыть бесѣду.

— А что, были, гг., на прошедшей службѣ его в...ства? спросилъ онъ, обращаясь къ учителямъ.

— Какъ же-съ, ваше в-біе! были-съ! (никто, злодѣи, не былъ!).

— Какую умилительную проповѣдь изволили сказать его в-ство! Какое краснорѣчіе! Какая сила убѣжденія! Это, можно сказать, в-нѣйшій Филаретъ и в-шій Иннокентій вмѣстѣ; высокій умъ одного и сердечная теплота другаго! продолжалъ о. ректоръ.

— Да-съ! могли только сказать учители, смиренно склонивъ головы.

Но одинъ изъ учителей семинаріи, одѣтый весьма неопрятно, косоногій, съ огромнымъ хохломъ на головѣ, видимо былъ несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Онъ встряхнулъ своей огромной головой, сжалъ кулаки и, вставъ на средину комнаты, горячо произнесъ съ значительнымъ малороссійскимъ акцентомъ:

— Не то вы кажите, о. рехтуръ. То росположеные предыки не правильно було. Владыко хотивъ прыступъ зробыть по ахвоньевой хрыи, онъ вона и не вирна вышла, а отъ сего и уся предыка пустрадала. Було бъ гарно на сію тиму прыступъ зробыть черезъ хрыю превращенну! То гарно було бы. А то що вы брешите: Хвиларетъ, Иннокентій! Ще бо далико намъ до Хвиларета!

Смѣлый протестъ не понравился всѣмъ присутствующимъ. Къ кому ни обращался запальчивый критикъ, всѣ отъ него отворачивались. Хозяинъ былъ какъ на иголкахъ; но вступить въ споръ съ ярымъ противникомъ никто не рѣшался; ибо хохолъ считался умнѣйшимъ человѣкомъ и слишкомъ не церемонно обращался съ своими оппонентами, называя ихъ дурнями, брихалами, а иногда даже пускалъ въ ходъ кулаки. Но съ о. ректоромъ конечно онъ не смѣлъ этого сдѣлать. И потому о. ректоръ съ оттѣнкомъ укоризны замѣтилъ ему:

— Вы вѣчно, Самуилъ Филиповичъ, съ своей критикой, и всегда не правы, особенно въ сужденіяхъ о проповѣдяхъ его в—ства. Вы могли и не замѣтить при слушаніи, соблюдены или не соблюдены его пр—вомъ реторическія правила. А я вамъ скажу, что всѣ соблюдены, даже болѣе, чѣмъ соблюдены.

Digitized by Google

О. ректоръ не объяснилъ, что значитъ выраженіе: «болѣе, чѣмъ соблюдены», но тѣмъ не менѣе слушатели наклоненіемъ головъ совершенно съ нимъ согласились. Лица всѣхъ просвѣтлѣли. Однако хохолъ не унимался.

— Якъ же вы кажите, о. рехтуръ, соблюдены? Та я жъ вамъ докажу, что нп. Чи тима у него була о свиньяхъ гадарынскихъ и отчего биси просылысь влизть въ нихъ?...

И хохолъ входя въ бо̀льшій и бо̀льшій пафосъ, кажется намѣренъ былъ подробно распространиться о гадаринскихъ свиньяхъ и о проповѣди его пр—ства, но о. рѐкторъ прервалъ его.

— Послушайте, Самуилъ Филиповичъ! Я вамъ рѣшительно запрещаю говорить при мнѣ объ этомъ предметѣ. Наживете вы себѣ бѣды съ вашими дерзскими мнѣніями, да и намъ изъ за васъ бѣда будетъ. Говорите, пожалуйста, объ чомъ нибудь другомъ, а не то я уѣзжаю сейчасъ же!

При этой узрозѣ хозяинъ поблѣднѣлъ. Онъ схватилъ хохла за рукавъ и потащилъ его въ другую комнату. Казалось, онъ и прочіе гости готовы были растерзать дерзкаго.

— Та ну, я вже мовчу, мовчу! щобъ вамъ лыхо було, твердилъ хохолъ, уходя. Та давай же горилки!

По удаленіи неукратимаго хохла, въ залѣ воцарилось молчаніе.

— А па-азвольте спросить, ваше в—біе, вдругъ обратился къ ректору одинъ изъ чиновныхъ гостей (не изъ духовныхъ.) Проповѣдь его пр-ва была въ назидательномъ, или нравоучительномъ родѣ?

О. ректоръ улыбнулся, внутренно удивляясь невѣжеству свѣтскаго человѣка въ такихъ простыхъ для него вещахъ, но однако снисходительно отвѣчалъ:

— Видите ли, м. г. оба сіи качества въ церковныхъ поученіяхъ означаютъ почти одно и тоже. И назиданіе и нравоученіе должны быть въ каждомъ поученіи: ибо для того мы и проповѣдуемъ, чтобы назидать, а потому каждое назиданіе есть нравоученіе и каждое нравоученіе есть назиданіе!

— Тэкъ-съ! отвѣчалъ совершенно удовлетворенный чиновникъ и спрятался въ свой галстухъ.

Между тѣмъ чаепитіе кончилось и подана была водка и закуска. Въ уваженіе только усиленныхъ просьбъ Ивана Павловича, о. ректоръ выкушалъ рюмочку мадеры и закусилъ икрой. О. инспекторъ сдѣлалъ тоже.

Digitized by Google

— Ну-съ, мы не хотимъ, гг., вамъ мѣшать. Вы люди свѣтскіе, а мы—анахареты: волей-неволей должны сидѣть въ своей келіи. О. Инспекторъ поѣдемъ-те.

И о. ректоръ значительно посмотрѣлъ на свѣтскихъ людей, какъ бы давая понять, что «если бы не они, пожалуй, можно бы и остаться». Тѣмъ не менѣе онъ вздохнулъ и сталъ собираться. О. инспекторъ вздохнулъ еще глубже, и тоже сталъ собираться. Всѣ просьбы Ивана Павловича были напрасны.

— Вотъ видите ли, намъ надобно еще заѣхать къ купцу Смятошину, замѣтилъ о. ректоръ. Супруга ихъ сегодня именинницы. Прощайте, благодарю васъ!

По удаленіи высокихъ посѣтителей какъ будто чудо какое совершилось надъ гостями. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, бойко зашагали по комнатѣ, шибко замахали руками, точно они до сихъ поръ были заколдованы

— Ну, уѣхали... Теперь можно и продернуть!

И всѣ повалили къ сталу, на которомъ стояло веліе утѣшеніе. Хозяинъ между тѣмъ разставлялъ столы и вскорѣ образовались двѣ партіи играющихъ; въ первой участвовали гражданскіе чиновники и самъ хозяинъ,—большой любитель «зеленаго поля». Тутъ шла игра дѣльная, серьозная, только что вошедшій тогда въ моду преферансъ. На другомъ столѣ ученая братія пріютилась играть,—ужъ сказывать ли во что, читатель? Но вы, я надѣюсь, не осудите ученую братію; во первыхъ по тому, что она, т. е. ученая братія, съ нѣкоторымъ упорствомъ идетъ противъ всякихъ свѣтскихъ модъ и поддается этимъ искушеніямъ послѣ значительнаго сопротивленія (что конечно дѣлаетъ ей честь); во вторыхъ ученая братія не можетъ выдержать продолжительной и правильной игры, ибо весьма скоро хмѣлѣетъ, а ужъ какой тутъ преферансъ, когда карты валятся изъ рукъ и любопытный сосѣдъ сколько угодно можетъ заглядывать въ ваши руки? Итакъ ученые люди усѣлись играть «въ три листика». Нѣкоторые предлагали играть на деньги, но оказалось, что у многихъ нѣтъ въ карманахъ ни гроша, а потому стали играть просто «въ носки». Впрочемъ и играли не долго. Не прошло и часу, какъ многіе начали раздавать «носы» на право и на лѣво, недожидаясь розыгрыша; однимъ словомъ «языцы смѣсились», и въ добавокъ неукротимой злобы дѣтина—хохолъ, презиравшій всякія забавы, весь-

Digitized by Google

ма впрочемъ кстати, разбросалъ по полу всѣ карты и разразился страшными проклятіями противъ игроковъ.

О-то, дурни вы эдакіе! Ученыя головы играютъ въ карты! Винъ тимъ только то треба, гусямъ!

Свѣтскіе люди вообще вели себя самымъ приличнымъ образомъ. Они черезъ каждую четверть часа регулярно подходили къ столу, солидно выпивали по рюмкѣ и, возвращаясь къ картамъ, значительно посматривали на бушующую ученость, причемъ невольно должны были сознаться «что, вотъ и ученые люди, а какъ себя ведутъ! вотъ она и ученость! что жъ въ ней послѣ этого?»

Дѣйствительно, ученость вышла наконецъ изъ всякихъ границъ. Мудрые профессоры философіи, элоквенціи и даже богословскихъ наукъ натянулись, какъ пауки, и начали выдѣлывать самыя не богословскія штуки. Умнѣе всѣхъ сдѣлалъ хохолъ. Онъ уходилъ себя почти съ разу и, удалясь въ другую комнату, завалился спать; изрѣдка лишь раздавались оттуда отрывистые восклицанія, въ родѣ такихъ: оце, кулугеръ! бачу, куда ты митишь! Та я жъ тобе не боюсь чортова батьку. Бр!... Хвиларетъ... Хвиларетъ! Що бо до Елпыдихвора не доихавъ! Затѣмъ ученый хохолъ помянулъ еще какую-то Хвидорку или Хвидорка, но какую связь имѣла Хвидорка съ предъидущими, понять было невозможно. Прочая ученая братія расходилась страшно; затѣвала споры (разумѣется, ученые); безъ церемоніи клеймила другъ друга «дураками» и «свиньями» и т. д. Впрочемъ все это кончилось мирно; обыкновенно conclusio всякаго ученаго спора было: выпьемъ, что-ли?.

Къ концу вечера только немногіе были въ состояніи сѣсть за столъ и ужинать. Учителя училища держались потрезвѣе; только инспекторъ, по обыкновенію, закатилъ порядкомъ, да и тотъ, по добру, по здорову, убрался во-свояси.

Такъ какъ теперь главными дѣйствующими лицами на пиру Ивана Павловича остались люди свѣтскіе, до которыхъ намъ нѣтъ пока никакого дѣла, то мы и нестанемъ докучать читателю описаніемъ великосвѣтскаго ужина, заданнаго Иваномъ Павловичемъ. Можетъ ни кто, впрочемъ, не сомнѣваться, зная Ивана Павловича, что ужинъ его былъ великолѣпенъ!

Digitized by Google

Не менѣе сильно кутили и ученики; только они начали пирушку часомъ позже учителей, когда сдѣлалось извѣстно, что о. ректоръ уѣхалъ и ближайшее начальство уже упилось, а слѣдовательно не представлялось опасности «влопаться». Стеченіе «бурсы» было многочисленное, и немудрено: то былъ не простой вечеръ—карточный, танцовальный, или какой-нибудь тамъ еще. То была лоттерея, которую разыгрывала цѣлая компанія, имѣя во главѣ своей Ваську рыженькаго. Можетъ казаться нѣсколько страннымъ, какимъ образомъ на приглашеніе рыжаго, извѣстнаго шпіона (самое отвратительное существо въ свѣтѣ, по мнѣнію бурсаковъ) собралось такое множество гостей—почти вся бурса. Но когда мы хорошенько взвѣсимъ и сообразимъ всѣ данныя, когда вспомнимъ, какъ часто мы сами кланялись и пожимали руки тѣмъ людямъ, которымъ желали бы наплевать въ лицо, то едвали осудимъ поведеніе бурсаковъ! Не видимъ-ли мы, что, начиная съ самыхъ крупныхъ людей и кончая будочникомъ, все на свѣтѣ лжетъ и обманываетъ ближняго? Городскія общества, имѣвшія счастіе вытерпѣть отеческое управленіе какого-нибудь сановника, наперерывъ одно передъ другимъ задаютъ обѣды при прощаніи съ его пр-вомъ и гордятся честью записать имя его въ книгу своихъ согражданъ. Ученыя общества вѣнчаютъ лаврами столѣтнихъ юбиляровъ, во всю свою жизнь написавшихъ только двѣ странички «о навозѣ» и почти превратившихся въ навозъ. Мы съ вами, читатель, почтительно сторонимся при встрѣчѣ съ «особою» и внутренно остаемся довольны, когда особа подастъ намъ два костлявыхъ пальца своей руки (а если еще да намъ однимъ?); Лука Лукичъ низко кланяется пустившему его по міру Семену Семеновичу, который сдѣлался теперь милліонеромъ и городскимъ головою. Наконецъ Марья Ивановна—милѣйшая и пріятнѣйшая особа изо всего женскаго пола, не смотря на извѣстныя всѣмъ и почти нескрываемыя интимныя отношенія свои къ г. П., ласково треплетъ (и гдѣ же, незабудьте? въ собраніи) по щечкѣ своего милаго Сашу (супруга)... О, дребеденскіе птенцы, слетѣвшіеся на пирушку рыжаго, да вы еще ангелы въ сравненіи съ нами!

Вечеръ въ седьмомъ нумерѣ былъ открытъ розыгрышемъ лоттереи. Промышленная компанія въ совершенствѣ угадала вкусъ и потребности своей публики; она не помѣстила въ число разыгрываемыхъ ею вещей ни одного предмета, ни одной вещички, которыя не имѣли бы приложенія въ бурсацкой жизни: какихъ-нибудь роскошныхъ одеждъ,

Digitized by Google

экипажей, туалетныхъ принадлежностей и т. п., можетъ быть и дорогихъ, но негодныхъ для бурсака вещей. Разыгрывались вещи, за которыя съ радостью хватался всякій, которыя годились на всякую потребу, а именно:

1) «русская» или рукописный переводъ Корнелія Непота (безъ начала и конца);
2) перламутровый черешокъ отъ ножичка;
3) три пуговицы золоченыхъ, разныхъ;
4) нотный обиходъ, немного подержанный;
5) гребенка роговая; половина зубьевъ цѣлы;
6) трубка въ мѣдной оправѣ, и
7) голенищи отъ сапоговъ.

Въ особенности зарились бурсаки на первый и шестой выигрыши: первый избавлялъ счастливаго его обладателя отъ многихъ сотенъ розогъ, а второй доставлялъ неизъяснимое, понятное только бурсаку удовольствіе затянутся тютюномъ изъ собственной трубочки. Словомъ, или польза или удовольствіе непремѣнно соединялись съ каждымъ выигрышомъ. Пуговицы, напримѣръ; что негоднѣе трехъ разрозненныхъ мѣдныхъ пуговицъ? а и тѣ были для бурсака богатствомъ: онъ или пришивалъ ихъ къ брюкамъ (непремѣнно спереди) и хоть день одинъ ходилъ вслѣдствіе этого съ сіяющимъ лицомъ и веселымъ сердцемъ, или дѣлалъ изъ нихъ «жостки» и могъ и самъ наиграться вдоволь и выручить порядочныя деньги. Да вѣдь, гг., и билетъ-то этой лоттереи стоилъ всего три копѣйки!

Къ розыгрышу были допущены всѣ подписавшіеся; но когда лоттерея была кончена, маленькіе были вытурены изъ нумера и началось «пированье великое». Много было тутъ съѣдено и даже выпито; много выкинуто уморительныхъ фарсовъ, много сказано веселыхъ и невинныхъ шутокъ.... Къ сожалѣнію, и здѣсь, на самомъ интересномъ мѣстѣ, мы должны прервать описаніе пиршества. И такъ ужъ мы чувствуемъ себя виноватыми передъ героями нашей исторіи. Увлекшись описаніемъ пиршествъ (и кто же бы не увлекся?), мы оставили ихъ въ совершенномъ забвеніи. (То-то, ужъ всегда таковъ человѣкъ: пока везетъ ближнему, мы и друзья ему и пріятели, а отвернись счастье,—мы и знать его не хотимъ и на улицѣ узнавать перестаемъ!). А бѣднымъ друзьямъ нашимъ приходится плохо. Паша Ѳивейскій послѣ секуціи подверженъ былъ новому

Digitized by Google

позору, который стоилъ секуціи и доставлялъ не меньше ея удовольствія училищному начальству. По приказу смотрителя, на него надѣты были «рога», родъ особеннаго головнаго убора, искусно сдѣланнаго изъ козлиныхъ роговъ. Украшеніе это надѣвалось на голову и замыкалось замкомъ такъ, что снять его самому украшенному имъ не представлялось никакой возможности. Въ этомъ уборѣ, едва живой, пришелъ Өивейскій въ свою комнату. Весь день онъ былъ, словно убитый, но не плакалъ, не жаловался. Къ вечеру съ нимъ произошло что-то необыкновенно-странное. Онъ очень оживился; живой румянецъ разлился по его блѣднымъ щекамъ, глаза сіяли, руки замѣтно дрожали, но голосъ былъ твердъ. Долго рылся онъ въ своемъ ящичкѣ; потомъ выбралъ оттуда всѣ свои инструменты и бездѣлушки и роздалъ ихъ своимъ товарищамъ. Наконецъ, онъ отозвалъ земляка своего Ваню въ уголъ и сжавъ его руку въ своихъ горячихъ рукахъ сказалъ:

— Ваня, возьми себѣ мой ящикъ. Мнѣ ужъ его больше не надо!

— Какъ такъ, не надо? спросилъ удивленный Ваня.

— А ты никому не скажешь?

— Что ты, что ты? Я то!

— Ну, такъ слушай: я убѣгу! Видишь, мнѣ ужъ тутъ не житье: все равно... Мнѣ никогда не выучить ни одного урока! Прощай, Ваня!. Если я не дойду до дому, ты, когда пріѣдешь на вакацію, скажи мамѣ....

Но тутъ голосъ его порвался... онъ не могъ продолжать. Горячей головой онъ прижался къ холодной каменной стѣнѣ—и молчалъ...

Ваня въ свою очередь взялъ его за руку и съ твердостью заговорилъ:

— Я не пущу тебя, Паша, одного! Ты такой худой... больной! куда ты одинъ пойдешь? Я тоже съ тобой убѣгу: бѣжать, такъ вмѣстѣ!

— Что ты, что ты, Ваня? Тебѣ-то зачѣмъ бѣжать? ты ужъ началъ хорошо учить уроки: тебѣ легко будетъ здѣсь. Нѣтъ, что ты? оставайся!

Но земляк рѣшительно уперся.

— Если ты не хочешь взять меня съ собой,—я сейчасъ же за тобой убѣгу! Пойдемъ лучше вмѣстѣ!

И въ доказательство своей рѣшимости, Ваня сталъ надѣвать свою овчинную шубенку, лежавшую въ изголовьи кровати. Паша былъ въ своей крестьянской шинелишкѣ.

45097A

*

Digitized by Google

И вотъ, когда и въ верхнемъ и въ нижнемъ этажѣ училищнаго дома раздавались клики пирующихъ и слышались то «херувимская пѣснь», то «рукавички барановыя»,—два безразсудные мальчика потихоньку выбрались изъ своей комнаты и никѣмъ незамѣченные, видимые только небомъ да тускло-мерцавшими на немъ звѣздами, осторожно вышли за ворота бурсы...

XVII.

Рогатый мальчикъ.

Втораго декабря 183* года городъ Дребедень былъ встревоженъ странною, необычайною новостью. Разсказывали, что дворникъ купца Гамигуева, ѣдучи рано по утру за водой, нашелъ на устьи рѣчки Камышевки замерзшаго рогатаго человѣка. Въ десятомъ часу утра объ этомъ зналъ уже весь городъ, а въ двѣнадцатомъ уже прибавляли, что этотъ рогатый человѣкъ весь покрытъ шерстью. Необыкновенное волненіе охватило всѣ слои дребеденскаго населенія, даже высшую аристократію. Спеціалисты по части новостей ѣздили изъ дома въ домъ и были въ страшныхъ попыхахъ. Люди, наиболѣе разсудительные, люди мыслящіе, какихъ не мало было въ городѣ Дребедени, не могли остановиться, такъ сказать, на поверхности факта. Они старались углубиться въ него, разсмотрѣть его всесторонне. Умнѣйшіе люди собирались въ кружки и дѣлали догадки, отвуда могъ забраться въ Дребедень такой необыкновенный феноменъ? Было очевидно, что онъ зашелъ съ юга; ибо замерзъ. Но почему же онъ замерзъ именно въ Дребедени, а не въ Сухорѣцкѣ или гдѣ-нибудь около? Или онъ очень быстро бѣгаетъ? Не занесло-ли его теченіемъ воды? Порѣшили на томъ, что дѣло это въ высшей степени курьезное и что вѣрно, человѣка этого отправятъ сперва во врачебную управу, а потомъ, закупоривъ въ банку со спиртомъ, отошлютъ въ академію наукъ.

Въ городѣ Дребедени, впрочемъ, не въ первый разъ проявлялись подобныя диковины. Лѣтъ десять назадъ одинъ земскій чиновникъ представилъ губернатору тоже необыкновеннаго монстра: жеребенка,

Digitized by Google

рожденнаго женщиной. Тогда тоже суматохи и разговоровъ было много. Большая часть жителей Дребедени не полюбопытствовали, впрочемъ, узнать, чѣмъ разрѣшилась эта исторія? «Жеребенокъ, такъ жеребенокъ, разсуждали мирные граждане. Что же? Мало-ли чего не бываетъ на свѣтѣ необыкновеннаго»? Было въ памяти дребеденскихъ жителей событіе, даже очень сходное съ настоящимъ: въ партіи ссыльныхъ проходилъ по дребеденской губерніи попъ съ козлиными рогами и козлиной шерстью, которыя приросли къ нему за какія-то прегрѣшенія. Многіе помнили очень хорошо, что тогда изъ отдаленныхъ мѣстъ любопытные съѣзжались посмотрѣть на диковиннаго попа, но видѣли-ли его дѣйствительно, разскащики не упомнятъ.

Рогатый человѣкъ, дѣйствительно, представленъ былъ въ дребеденскую полицію. Но и сама полиція пришла въ величайшее затрудненіе. Доложено было губернатору. Губернаторъ покачалъ головой и приказалъ немедленно пригласить въ полицію инспектора врачебной управы и потомъ опять доложить ему. Пріѣхалъ инспекторъ. Самъ полиціймейстеръ повелъ его туда, гдѣ лежалъ трупъ.

— Такъ рогатый, вы говорите? не безъ иронія спрашивалъ инспекторъ городничаго. И человѣкъ?

— Помилуйте, Ѳедоръ Ивановичъ! Неужели бы я сталъ попусту безпокоить его пр-во? Я самъ видѣлъ: человѣкъ—и съ рогами!

— Не одинъ-ли это изъ нашихъ мужей? продолжалъ шутить инспекторъ. До сихъ поръ изъ людей рогатыми бывали только мужья!

— Увидите! отвѣчалъ обидѣвшійся при этомъ городничій. Не извѣстно почему, онъ принялъ намекъ инспектора на свой счетъ.

Вошли въ какой-то темный подвалъ. Въ углу, на лавкѣ, лежалъ замерзшій.

— Да, человѣкъ, т. е. мальчикъ, замѣтилъ инспекторъ. Вдругъ въ глаза ему бросились рога, настоящіе козлиные рога. Инспекторъ, было, опѣшилъ. Но чтобы не дать городничему замѣтить свое смущеніе, онъ, какъ человѣкъ, навыкшій возиться съ трупами безъ особыхъ церемоній, быстро наклонился къ головѣ умершаго, потомъ поднялъ ее за одинъ изъ роговъ, ощупалъ со всѣхъ сторонъ и бросивъ назадъ, захохоталъ.

— Ха, ха, ха! дѣствительно рогатый мальчикъ. Только, видите-ли, рога-то у него не свои, а приставные, да еще и съ замкомъ, замѣтилъ инспекторъ, обращаясь къ городничему.

Digitized by Google

Тотъ сконфузился за свою недогадливость; ибо считалъ себя человѣкомъ, далеко не отсталымъ.

— Это, должно быть, ученикъ какой-нибудь, продолжалъ инспекторъ. Постойте, да это изъ бурсы. Посмотрите на одежду-то!

— Вы навѣрное ручаетесь? спросилъ полиціймейстеръ строго. Мнѣ сейчасъ же надо доложить объ этомъ его пр-ву!

— Бурсакъ, непремѣнно бурсакъ! Вотъ посмотрите, и вши ползаютъ по немъ. А вотъ и корка казеннаго хлѣба за пазухой: вишь, запасся! Видно, удралъ изъ училища! И должностные люди поѣхали каждый по своему дѣлу.

Рогатый человѣкъ въ самомъ дѣлѣ былъ не кто другой, какъ одинъ изъ нашихъ бѣглецовъ, Паша Ѳивейскій. По выходѣ изъ бурсы, не имѣя никого въ городѣ, ни родныхъ, ни знакомыхъ, бѣглецы долго блуждали по улицамъ спящаго города безъ мысли, безъ цѣли. Зайти куда-нибудь въ домъ они не смѣли. Пуститься въ дорогу, прямо на протесъ, домой,—они боялись: было уже темно, да къ тому же начиналась метель и мелкій снѣгъ засыпалъ глаза. Морозъ сталъ пробирать ихъ. Наконецъ они рѣшились спрятаться между бревнами, наваленными на устьѣ Камышевки. Кое-какъ выбрали они мѣстечко, защищенное отъ вѣтра; свернувшись, они легли рядышкомъ и крѣпко прижались другъ къ другу... Сонъ сталъ одолѣвать ихъ..... и—они заснули... Говорятъ, нѣтъ пріятнѣе грезъ замерзающаго человѣка... Грезилось-ли что нашимъ бѣглецамъ? Видѣлись-ли имъ родимыя мѣста? встрѣчали-ли ихъ родные съ радостными слезами и нѣжными ласками? Или снились имъ Струфіевы и краснорѣчивые проповѣдники, авдиторы и секуторы, пуки розогъ, карцеръ, публика и надѣваніе роговъ?...

Тутъ-то между бревнами и нашелъ ихъ дворникъ. Ѣдучи мимо, онъ увидѣлъ, что лежитъ что-то темное. Знай онъ, что это такое лежало, онъ ни-за что бы не подъѣхалъ и не полюбопытствовалъ посмотрѣть, а настегалъ-бы лошадь и безъ оглядки ускакалъ домой. Но ему пришло на мысль, не лежитъ-ли тутъ какая находка, либо вещи, брошенныя ворами. Разглядѣвши, что за вещи лежали, полузаваленныя снѣгомъ, дворникъ остолбенѣлъ, перепугался, хотѣлъ поскорѣе бѣжать. Но по-счастью, это былъ старикъ, человѣкъ разсудительный и жалостливый. Раскапывая свою находку, онъ замѣтилъ, что лежатъ два мальчика и что одинъ изъ нихъ какъ будто пошевелился подъ его рукой. Что было дѣлать? Не далеко была

Digitized by Google

будка и въ ней—знакомый будочникъ. Старикъ живо сбѣгалъ за пріятелемъ, сообщилъ ему о своемъ открытіи и потащилъ на мѣсто. Тутъ они внимательно разсмотрѣли лежавшихъ и дѣйствительно увидѣли, что одинъ изъ мальчиковъ еще тепелъ, тогда какъ другой уже совсѣмъ окоченѣлъ.

— Эхъ, бѣдные, бѣдные! сказалъ старикъ. Да смотри-ка, служивый, одинъ то еще съ рогами!

— Съ рогами, такъ съ рогами, хладнокровно отвѣчалъ будочникъ. Начальство тамъ разберетъ! Надо тащить въ часть. Ну, старина за водой-то ты послѣ пріѣдешь, а теперь подвези-ка ихъ до части.

— Нѣтъ, служба; этого-то, что живой, надо пооттереть немного, пока не умеръ. Можетъ, оживетъ!

Старикъ принялся, какъ умѣлъ, оттирать замерзшаго. Будочникъ между тѣмъ столкнулъ съ саней бочку и заворотилъ коня.

— Ну, нечего много-то возиться; ѣдемъ. Этого, мерзлаго, я повезу въ часть, а своего-то ты бери, да оттирай ужъ дома!

Домъ купца Гамигуева былъ недалеко и въ часть надо было ѣхать мимо его. Дорогой старикъ все еще теръ своего полузамерзшаго паціента. У воротъ дома будочникъ остановился и сказалъ:

— Ну, снимай, да тащи, коли живой! А я нопру этого.

Старикъ, было, задумался. Онъ боялся явиться къ своему хозяину съ своей необыкновенной находкой. Но жалость наконецъ взяла свое. «Будь, что будетъ! сказалъ онъ. Ну, поругаетъ, да не съѣстъ же! А то, пожалуй, тамъ доморозятъ, а не то и добьютъ еще бѣднаго»! Старикъ бережно снялъ съ саней все еще безчувственнаго мальчика и понесъ въ кухню. А служивый повезъ рогатаго въ полицію, обѣщаясь скоро вернуться съ лошадью.

Извѣстіе о рогатомъ мальчикѣ, обѣжавъ весь городъ, дошло наконецъ и до бурсы. Не заговори объ этомъ весь городъ, училищное начальство долго бы, можетъ быть, незнало ничего о судьбѣ нашихъ земляковъ. Оно бы рѣшило весьма благоразумно, что «убѣжали, такъ убѣжали; когда-нибудь вернутся или будутъ пойманы и представлены гражданскимъ начальствомъ». Бѣгство есть явленіе весьма обыкновенное въ бурсахъ, неизчезнувшее и донынѣ. Въ особенности весною и осенью бурсаки бѣгутъ цѣлыми ватагами, уходятъ въ родимыя деревни, или, бывъ пойманы, представляются чрезъ земскія полиціи обратно въ бурсу. Бывали примѣры, что бурсаки терялись и пропа-

Digitized by Google

дали безъ вѣсти; о такихъ начальство справедливо говорило, вычеркивая ихъ изъ списковъ: «худая трава—изъ поля вонъ»!.

Иванъ Павловичъ, съ совершеннѣйшимъ хладнокровіемъ выслушалъ извѣстіе объ открытіи своего рогатаго воспитанника. Онъ не хотѣлъ даже самъ ѣхать въ полицію, чтобы выручить его оттуда, но какъ разъ въ это время установилась хорошая санная дорога и ему хотѣлось проѣхаться на новенькихъ фасонистыхъ саночкахъ и щегольнуть своимъ рысакомъ.

Бойко подкатилъ онъ къ крыльцу полицейскаго дома, съ необыкновенною ловкостью спрыгнулъ съ саней и, приказавъ кучеру провести лошадь, сталъ подниматься по лѣстницѣ, напаранкивая такой-то веселенькій мотивъ.

Иванъ Павловичъ относительно гражданскихъ чиновниковъ считалъ себя особою немаловажною, ибо, имѣя по своей ученой степени право на чинъ высшаго класса и состоя около пятнадцати лѣтъ на училищной службѣ, онъ по числу годовъ давно выслужилъ на генеральскій чинъ и даже называлъ себя, будто шутя, «генераломъ».

Съ чувствомъ достоинства вошелъ онъ въ полицію, широко распахнулъ двери; важно сбросилъ съ себя «енотъ», громко и неуважительно кашлянулъ и потребовалъ къ себѣ квартальнаго.

Но и квартальный, дежурившій въ это время при полиціи, въ отсутствіи частнаго пристава считалъ себя въ правѣ поважничать. Поэтому, хотя онъ и ничего въ это время не дѣлалъ, и просто ковырялъ у себя въ зубахъ, но для важности отвѣчалъ докладчику.

— Пусть подождетъ!

Иванъ Павловичъ переминался, кашлялъ, сморкался, какъ можно громче и говорилъ, будто бы про-себя, но такъ, что его слышалъ сидѣвшій неподалеку унтеръ-офицеръ: «какое невѣжество! не имѣютъ никакого понятія о людяхъ!... не понимаютъ, кого можно заставлять себя ждать и кого нѣтъ!» Какъ ни было утѣшительно хоть то, что унтеръ полиціи слышалъ такія смѣлыя выраженія, а все-таки надо было ждать. Наконецъ минутъ, черезъ двадцать квартальный лѣниво вышелъ въ переднюю и продолжая ковырять въ зубахъ, спросилъ: что вамъ угодно?

— М... м... У васъ тутъ есть мертвый мальчикъ, съ нѣкоторою небрежною важностью началъ смотритель.

— Ну, есть! а вамъ на что?

— Прикажите препроводить его ко мнѣ?

Digitized by Google

— Что?! куда къ вамъ? кто вы такой?

— Препроводите, въ училище такое-то! нетерпѣливо отвѣчалъ смотритель, оскорбленный невѣжественными вопросами квартальнаго. Нужно же его похоронить!

— Позвольте однако, какъ же похоронить? Вѣдь это замерзшій, трупъ, стало быть. Вѣдь, можетъ быть, онъ убитъ и вывезенъ; на трупѣ же есть признаки побоевъ...

— Что вы городите, милостивый государь? Какіе побои? Это просто лѣнтяй, бѣжавшій изъ моего училища,—и только. Прошу васъ незадерживать меня: я человѣкъ должностной. Распорядитесь или я пришлю казенную лошадь...

— Да помилуйте, какъ же можно выдать вамъ трупъ? Да вы сами, можетъ быть, еще замѣшаны тутъ и можете отвѣчать, а я вамъ выдай!

— Я отвѣчать? Да какъ вы смѣете сказать мнѣ это? вскричалъ Иванъ Павловичъ, съ негодованіемъ оскорбленной невинности.

Квартальный также началъ горячиться, или только смѣялся надъ Иваномъ Павловичемъ.

— Да просто такъ же смѣю! Вотъ еще: какъ смѣю! Экая важная птица!

— Знаете ли, м. г., въ изступленіи гнѣва заревѣлъ Иванъ Павловичъ, съ кѣмъ вы говорите? Вы знаете ли, кто я?

— Кто ты, знаю ли я?

— Да!

— Знаю: ни больше, ни меньше, какъ архіерейская курица! вотъ ты кто! дерзко сказалъ квартальный и еще прямо и упорно поглядѣлъ въ глаза Ивану Павловичу.

Благородное сердце смотрителя не могло вынести этой двойной обиды—его, какъ начальника заведенія и какъ «генерала» и обиды нанесенной высокому сану. Иванъ Павловичъ отъ полноты гнѣва не могъ вымолвить ни слова въ отвѣтъ квартальному. Онъ быстро изчезъ изъ полиціи и, пылая негодованіемъ, отправился прямо къ преосвященному. Отвѣсивъ почти земной поклонъ владыкѣ и облобызавъ съ благоговѣніемъ его руку, Иванъ Павловичъ смиренно доложилъ его в—ву, что-де «случилось въ бурсѣ прискорбное происшествіе—убѣжалъ воспитанникъ, конечно изъ самыхъ негоднѣйшихъ (благонравный и прилежный побѣжитъ ли?), многократно уже замѣченный въ неблагоповеденіи и лѣности и совершенно неиспра-

Digitized by Google

вимый и потому напрасно пользовавшійся казеннымъ содержаніемъ,— убѣжалъ, не смотря на бдительный надзоръ и... найденъ на улицѣ (порокъ всегда наказуется!); что онъ (т. е. Иванъ Павловичъ) хлопоталъ о христіанскомъ погребеніи сего недостойнаго ученика, заказалъ уже по немъ панихиду, но полиція не выдаетъ тѣла умершаго, мало того,—на справедливое требованіе его о выдачѣ тѣла умершаго, полиція не только оскорбила его, но... но... (онъ едва смѣетъ сказать!) осмѣлилась объ особѣ вашего в—ва (что? что такое? полиція что? осмѣлилась...) отозваться непочтительно назвавъ меня.. (не смѣю выразиться!) архіерейскою курицею!» Послѣднія слова были сказаны почти шопотомъ и при этомъ докладчикъ готовъ былъ плакать и вѣчно каяться, что осквернилъ уста свои повтореніемъ такой безбожной хулы.

Владыко ужасно вознегодовалъ на такое явное непочитаніе къ его сану со стороны городской полиціи. Онъ тотчасъ же приказалъ подать карету и изволилъ лично отправиться къ губернатору. Слѣдствіемъ этого свиданія было то, что всей полиціи сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ; трупъ рогатаго мальчика (чортъ съ нимъ! стоитъ заводить дѣла съ этимъ п..... вѣдомствомъ!) выданъ смотрителю и съ подобающими христіанскими обрядами преданъ землѣ. А въ училищныхъ спискахъ противъ имени Павла Овсѣйскаго рукою Ивана Павловича отмѣчено: «умеръ отъ горячки».

XVIII.

Тузы и крали дребеденскаго общества.

Если для земнаго счастья людямъ необходимы только двѣ вещи: богатство и образованность, то дребеденскіе купцы, поистинѣ, счастливѣйшіе люди въ мірѣ. Они обладаютъ этими благами въ такомъ количествѣ, что незнаютъ, куда съ ними и дѣваться. Богатства ихъ таковы, что обладатели ихъ даже не ведутъ счета своимъ деньгамъ и еще наканунѣ банкротства считаютъ себя первѣйшими милліонерами въ свѣтѣ. Но и какія же это умныя головы! Чтобы, напримѣръ, упасть духомъ при какой-нибудь коммерческой неудачѣ, или уро-

Digitized by Google

нить себя при подпискѣ на обѣдъ какому-нибудь знатному лицу,—ну, ужъ нѣтъ! ни за что! Мы скорѣе отцу родному надѣнемъ петлю на шею, скорѣе поклонимся въ ножки первѣйшему подлецу въ свѣтѣ, чѣмъ допустимъ себя до какого-нибудь униженія. Если же, паче чаянія, и постигнетъ насъ такое несчастіе, какъ внезапное банкротство, по милости каналій—прикащиковъ, которымъ вѣришь какъ роднымъ, то мы всегда съумѣемъ за благо-время припрятать малу-толику, а потомъ по-маленечку, глядишь, опять и лѣземъ въ гору, да эдакъ иной разъ изловчаемся разочковъ пять-шесть въ жизни-то! Вотъ какой мы народъ! А опять на счетъ образованія: кому мы уступимъ? у кого въ домѣ богаче убрано? у кого лошади красивѣе, жены наряднѣе? кто выписываетъ фраки чуть не изъ Парижа? чьи сорочки бѣлѣе снѣга, тоньше паутины? на комъ брюки сидятъ фасонистѣе? На этихъ, голоколѣнцахъ то, чтоли? Да они рады, чортъ ихъ возьми, на заднемъ столѣ у насъ обѣдать!

Бываетъ, конечно, и отъ нихъ иногда жутко нашему брату, купечеству, особенно отъ тѣхъ, что повыше, какъ сплошаешь что-нибудь иной разъ, канцелярію тамъ какую-нибудь не ублажишь. У, расхорохорится иная бестія! «Въ острогъ!» кричитъ. «Въ Камчатку упеку, гдѣ Макаръ телятъ не пасетъ!» Бываетъ, на все общество налетитъ эдакій егерь московскій: «сотру, кричитъ, весь городъ съ лица земли! Сокрушу—и мѣсто солью посыплю!» Чтожъ бы вы думали? Струситъ дребеденское купечество? Гм! какъ же! Ну, конечно, пока тотъ ерепенится, промолчатъ тогда, кланяются только. А послѣ—обѣдище такой ему закатятъ, что любо! Нажрется до того, что инда изъ него лѣзетъ! (дюжи вѣдь они всѣ на даровщину-то!) И потомъ ничего,—какъ шелковой станетъ!

О, дребеденское общество трудно упрекнуть въ какомъ-нибудь невѣжествѣ или незнаніи свѣтскихъ приличій! Вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ объ образованности, оно нетолько не отстало отъ этого хвастливаго дворянскаго сословія, но, пожалуй, будетъ и почище его. И гдѣ это они, злодѣи, нахватаются этого свѣтскаго лоска? Вѣдь иной, разбойникъ, всю жизнь только ходилъ съ обозами, получалъ теребачки отъ хозяина да дебоши учинялъ по неприличнымъ мѣстамъ. А глядь-ка на него теперь,—графъ, чистѣйшій графъ или иностранецъ какой-нибудь, англичанинъ, въ Оксфордѣ учился! Бакенбарды себѣ этакія отпустилъ, подбородокъ выскоблитъ чисто—на—чисто; шляпа тамъ, фракъ съ иголочки, ну и прочее. «Про-о-шу, говоритъ,

Digitized by Google

покорно!» Гляди, да дивись только: откуда что берется! Такая ужъ, значитъ, врожденная, можно сказать, элегантность и комфортеція! Одно вотъ только не дается нашимъ благовоспитаннымъ дребеденцамъ—русская грамота. Всѣмъ бы иной взялъ,—и манерами и образованностью,—а какъ брякнетъ вдругъ: «энто ужъ, сударь, мое вамъ почтеніе» или: «не по нашей эфто, выходитъ, части,»—ну и видно, что въ граматикѣ-то молодецъ хромаетъ. Впрочемъ, въ сущности, это составляетъ самые пустяки!

Дамы купеческаго званія въ Дребедени представляютъ въ высшей степени пріятное соединеніе свѣтскаго образованія съ самой искренней набожностью. Боже мой, что это за женщины! Это просто очарованіе,—прелесть и очарованіе! Губернаторскіе чиновники очень ихъ уважаютъ и не иначе называютъ въ холостяцкихъ бесѣдахъ, какъ «пышечками», «интересными дамочками» и тому подобными нѣжными именами. На счетъ образованія всѣ онѣ до тонкости знаютъ модные свѣтскіе пріемы, даже необходимыя французскія слова знаютъ: мерши, мушье; бон-журъ, машеръ. А позы-то вѣдь какія умѣютъ принимать, головой-то какъ эдакъ умѣютъ сдѣлать, ножку тамъ поджать, ну, просто, таетъ молодежь, да и только! А теперь съ этой свѣтской молодежью какъ держатъ себя! Болтаютъ всякій вздоръ, что только на умъ взбредетъ, подлѣ себя посадятъ, ручку дадутъ поцѣловать, даже плечико, но ужъ больше—ни—ни! И что за веселенькія созданія! Ни за что не замѣтишь, что иная пріѣхала въ собраніе прямо отъ потасовки! хохочетъ—себѣ и пляшетъ безъ ума, точно невинная институтка! Относительно умѣнья держать себя въ обществѣ самыя чиновницы,—бабы вообще бойкія,—и тѣ уступаютъ нашимъ купеческимъ дамамъ. Выѣдутъ это онѣ въ собраніе,—чего-то чего только на нихъ нѣтъ! какихъ цвѣтовъ не сочетаютъ онѣ въ своемъ туалетѣ! У иной, напримѣръ, платье желтое, на головѣ что-ни будь красное, а на плеча небрежно накинуто эдакое зеленопестрое: прелесть! А то затѣяли какъ-то чиновницы семейные вечера въ собраніи, что бы эдакъ за-просто пріѣзжать: «не все же, дескать, купчихамъ блестѣть нарядами». Что же? вѣдь наши купчихи и тутъ перещеголяли ихъ: явились въ самыхъ что ни на-есть простыхъ платьяхъ, въ блузахъ, ну, и точно деревенскія молодухи на посидѣлкахъ, давай по-свойски распоряжаться! Молодые люди безъ ума; отъ радости только хвостиками повиливаютъ.

— Давайте, говорятъ, деревенскія пѣсни пѣть!

Digitized by Google

— Давайте! отвѣчаютъ наши комерсантки.
— Марьюшку! кричитъ молодежь.
— Ну, Марьюшку, такъ Марьюшку! поддерживаютъ комерсантки. И запѣли:

«Эхъ, Марьюшка!
Душа Марья моя,
Разтпрунды—тпрудны—тпрундырила меня!»

Особенно прелестенъ былъ въ устахъ прекраснаго пола послѣдній стихъ. А купчиха Огурешникова, желая показать, что она нисколько не женируется, какъ «нѣкоторыя важныя особы», такъ обворожительно стпрундыкнула въ послѣднемъ куплетѣ, что все собраніе покатилось со-смѣха.—

И умѣли же эти барыни какъ то соединить съ такою утонченною свѣтскостью самое непритворное, можно сказать, благочестіе! Господи, какъ онѣ были богомольны! Чтобы онѣ стали ѣсть скоромное въ постъ, или пропустили всенощную въ домовой,—боже упаси! Всѣмъ духовнымъ онѣ интересовались ничуть не менѣе, какъ и послѣдними новостями въ магазинѣ м—мъ Кроши. Онѣ досконально знали, гдѣ и когда престольный праздникъ и гдѣ когда служитъ преосвященный, и сколько у какого дьякона дѣтей, и кто живетъ въ стряпкахъ у ключаря? Въ церковь онѣ являлись всегда первыя и становились у самаго амвона, разодѣтыя и раздушенныя, всегда розовыя, какъ херувимы. Кто горячѣе ихъ молится? кто граціознѣе становится на колѣни и подходитъ подъ благословеніе архипастыря? Кто щедрѣе упитываетъ и ублаготворяетъ духовное сословіе, всѣхъ странниковъ, странницъ и Христа-ради юродивыхъ? Въ церковномъ уставѣ онѣ до того были свѣдущи, что когда случалась у нихъ «богословская причина» или другая важная повинка, онѣ не только не смѣли входить въ церковь, но и дома не смѣли зажигать лампадку своими грѣшными руками, а поручали это кому-нибудь изъ маленькихъ. О, какія изящныя, какія святыя дамы!

А купеческія дочки въ Дребедени? что это такое?—медъ, сахаръ, бульдегомчики перваго сорта—и только! Э, да что и говорить!...

Къ числу именитѣйшихъ купеческихъ домовъ въ Дребедени принадлежалъ домъ купца Гамигуева. Домъ этотъ, правда, не былъ изъ

Digitized by Google

старинныхъ. Отецъ настоящаго, знаменитаго представителя этого дома былъ ни больше, ни меньше, какъ обыкновенный суздалецъ, разъѣзжавшій съ возомъ товаровъ по всѣмъ уголкамъ русскаго царства. При помощи божіей, терпѣніемъ и ловкостью Егоръ Кондратьевичъ сколотилъ порядочный капиталъ и уже на старости лѣтъ записался въ дребеденскіе купцы и выстроилъ въ Дребедени большой каменный домъ, съ подвалами, сараями и всевозможными службами. Впрочемъ, Егоръ Кондратьевичъ какъ былъ, такъ и остался до конца жизни мужикомъ—бородачемъ; ѣлъ щи съ кислой капустой и гречневую кашу запивалъ квасомъ; тщательно соблюдалъ посты и по субботамъ ходилъ въ баню; ворота держалъ всегда на замкѣ, ложился спать въ восемь часовъ, всѣхъ своихъ домашнихъ держалъ въ страхѣ божіемъ, прикащиковъ, безъ различія лѣтъ называлъ Васютками и Гришутками и наказывалъ изъ собственныхъ рукъ, чтобы не баловались. Подъ конецъ жизни, во искупленіе своихъ грѣховъ, Егоръ Кондратьевичъ отлилъ для своей приходской церкви пятисотный колоколъ. Въ городѣ небыло ему другаго имени, какъ Егорка—Косой; подъ этимъ именемъ знала его вся губернія.

У Егора Кондратьевича было двое дѣтей,—сынъ и дочь. Среди страннической жизни ему некогда было подумать (да едвали онъ и могъ думать) объ образованіи своего единственнаго сына. Сынъ родился и выросъ, такъ сказать, на возу; помогая отцу, онъ выучился орудовать аршиномъ, владѣть счетами, да съ грѣхомъ по-поламъ написать лавочный счетъ или дѣловое письмо.

Но въ то время, какъ Дмитрій Егоровичъ выходилъ изъ отроческихъ лѣтъ, сильно повѣяло на Руси гнилымъ европейскимъ запахомъ,—и вотъ старикъ Гамигуевъ, хоть и съ досадой, нарядилъ своего Митьку въ сюртукъ; потому что видѣлъ, что сюртучникамъ вездѣ больше ходу и вѣры. Такимъ образомъ Митенька былъ пущенъ въ свѣтъ ужъ настоящимъ бариномъ, и всѣ стали звать его Дмитріемъ Егоровичемъ. Съ сюртукомъ въ купеческомъ сословіи неразлучны, какъ извѣстно, и разныя другія вольности. И потому, чтобы не отстать отъ другихъ, а также слѣдуя и собственному влеченію, Дмитрій Егоровичъ считалъ необходимымъ посѣщать трактиры, театры и другія увеселительныя заведенія; выучился курить, пить и другимъ шалостямъ, за которыя жестоко бывалъ битъ батюшкой. Впрочемъ, общество разнообразной молодежи не осталось безъ пользы для Дмитрія Егоровича. Всѣмъ вѣдомо, что нѣтъ народа на свѣтѣ смышленѣе

Digitized by Google

нашего брата, русака. Выдумать,—онъ пожалуй и невыдумаетъ ничего умнаго, но за то перенять—всякія штуки перейметъ живо, безъ всякаго ученья. Особенно относительно свѣтскихъ манеръ и умѣнья жить на какую-угодно широкую ногу,—русскій человѣкъ хоть кого за-поясъ заткнетъ! Если только дѣло идетъ о томъ, чтобы «давнуть» или «завихорить» или на счетъ чего-нибудь подобнаго, то ужъ это вѣрно, что лучше насъ на это мастеровъ нѣтъ: претонкіе художники и преискусные аматеры!

Толкаясь между молодежью, Дмитрій Егоровичъ живымъ манеромъ усвоилъ всѣ тонкости изящнаго туалета и свѣтскаго обращенія, и хотя эта школа и дорогонько стоила ему и въ финансовомъ отношеніи и въ отношеніи къ ребрамъ, спинѣ и прочему, но за то онъ вышелъ изъ нея совершеннѣйшимъ образцомъ умѣнья жить на большую ногу и казаться образованнымъ человѣкомъ.

Когда Дмитрію Егоровичу исполнился двадцать одинъ годъ, батюшка нашелъ ему приличную партію, женилъ его и отошелъ въ вѣчныя обители, оставивъ единственнымъ обладателемъ всего нажитаго. Супруга Дмитрія Егоровича была женщина добрѣйшая; по пяти разъ въ день пила чай, хозяйничала, родила дѣтей, откармливала ихъ, защищала отъ всѣхъ враговъ, отъ отца въ особенности, принимала на себя слѣдовавшее имъ наказаніе, бывала и кромѣ того много разъ бита и «таскана», и на тридцать восьмомъ году своей счастливой жизни скончалась, оставивъ Дмитрію Егоровичу троихъ дѣтей. Надъ могилой ея супругъ поставилъ великолѣпный памятникъ.

Въ это время Дмитрій Егоровичъ казался мущиной весьма солиднымъ; любилъ водится только съ ровней, т. е. съ купцами только первыхъ двухъ гильдій и съ чиновниками не ниже восьмаго класса; любилъ блеснуть тѣмъ или другимъ и задать тонъ хотя бы и любому барину, видавшему и Петербурги и Парижи. Благодаря видной наружности, умѣнью одѣться всегда со вкусомъ и природной способности догадываться, гдѣ можно говорить, а гдѣ лучше и смолчать, Дмитрій Егоровичъ пользовался репутаціей дѣльнаго, умнаго и образованнаго человѣка.

Въ образѣ сужденій онъ нисколько неотставалъ отъ самой высшей чиновной братіи. Конечно, по французски онъ не говорилъ и наукамъ тамъ разнымъ не обучался, но когда же въ хорошемъ обществѣ и говорятъ о наукахъ? А о тѣхъ интересныхъ предметахъ, о которыхъ любили разсуждать образованные чиновники, какъ то: о карточной

Digitized by Google

игрѣ, о лошадяхъ, о поварахъ, и о хорошенькихъ, Дмитрій Егоровичъ могъ судить не хуже всякаго профессора.

Старшею изъ троихъ дѣтей Дмитрія Егоровича была дочь, Глаша. О ней мы не можемъ сказать многаго, такъ какъ всѣмъ уже извѣстно, что наши дѣвицы, и купеческія въ особенности, отличаются скромностью, молчаливостью и послушаніемъ; онѣ разговорчивы бываютъ только въ кухнѣ и выказываютъ свой настоящій характеръ только передъ горничными. Рекомендуемъ это принять къ свѣдѣнію женихамъ. Глаша была дѣвушка красивая, круглолицая, съ сѣрыми глазами и каштановыми волосами. Зубы ея значительно почернѣли отъ сластей, и въ разговорѣ она немножко шепеляла.

Грамотѣ Глаша училась вмѣстѣ съ братомъ у какого-то кантониста, которому за это платилось пять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Сестрина Дмитрія Егоровича, бывшая хозяйкой въ домѣ послѣ его жены нынялась было заговорить съ «братцомъ», чтобы Глашу поучить на фортупьянѣ, но получила такой отвѣтъ:

— Это опять что за выдумки, фортеплясы? это къ чему? Полно ты сестра, молоть-то! Я тебѣ скажу: было бы у дѣвки приданое,—дурака—жениха найдемъ, да еще во—какого! военнаго. Ты думаешь на вашу образованность смотрятъ? какъ же! Держи карманъ! Рожица бы была посмазливѣе, а главное—деньги, такъ ихъ дубиной не отобьетъ отъ воротъ,—жениховъ то! Вотъ ты и образованная, сама себя образовала, а какъ нѣтъ ни кожи, ни рожи, ни видѣнья, да и денегъ-то не-ма, такъ на тебя никто и глядѣть то не хочетъ. Глашутка дѣвка приглядная; дать ей въ придачу тысченокъ двадцать,—гм! да тогда мы генерала подцѣпимъ! Ты вотъ, сестра, честь то ея береги наставительно и въ полголоса заключилъ Дмитрій Егоровичъ. Честь то бы она не потеряла!—

Погодкомъ Глаши былъ сынъ Дмитрія Егоровича, Николай Дмитріевичъ. Оба они съ Глашей были любимцами покойницы—матери, и оба избалованы ею до-нельзя. Когда Николенькѣ минуло восемь лѣтъ, Дмитрій Егоровичъ рѣшилъ, что сына надо учить грамотѣ. Среди плача и воплей сына и матери, засадили дѣтину за азбуку. Долго бился съ нимъ кантонистъ, на на одинадцатомъ году Николенька одолѣлъ-таки азбуку и началъ писать прописи. Дмитрій Егоровичъ не удовольствовался однакоже этимъ. Въ это ревия онъ пріі-

Digitized by Google

обрѣлъ уже значительный вѣсъ въ обществѣ и былъ принятъ въ лучшемъ кругу. Къ нему ѣздили на пирогъ самыя значительныя лица, а потому онъ желалъ и сына своего поставить на самую образованную ногу. Сначала онъ отдалъ-было его въ гимназію, но Николенька дальше перваго класса никакъ не могъ ушагать. Тогда знакомые присовѣтовали Дмитрію Егоровичу отдать сына одному нѣмцу, случайно забредшему въ Дребедень и обучавшему дѣтей у себя на дому.

Отправился Дмитрій Егоровичъ къ нѣмцу, вмѣстѣ съ Николенькой. Нѣмецъ оказался очень любезнымъ нѣмцомъ.

— Вотъ, Карлъ Ивановичъ, парнишку бы поучить немного надо заговорилъ Дмитрій Егоровичъ.

— Карашо, карашо! зачѣмъ не паучить! Съ полнымъ маимъ тавольствіемъ, отвѣчалъ нѣмецъ.

— Ну, знаете, всему понемногу: и французскому тамъ, и еографіи, ну, и всему, что образованные учатъ!

— Можно, можно! всему можно!

Нѣмецъ подошелъ въ Николенькѣ и погладилъ его по головѣ.

— Милій мальшикъ! Ви не бойсь мене! ласково говорилъ нѣмецъ. А посвольте фамиль?

— Гамигуевъ. Здѣшній первой гильдіи купецъ, Дмитрій Егоровъ Гамигуевъ, солидно отвѣчалъ глава фамиліи.

— Хам... Хам...

Нѣмецъ подавился.

— Какой трудни фамиль! Хам... Хам... хопфъ! А имешко?

— Николай.

— Николяй Хамхопфъ! Карашо!

— Ну, а какъ плата, Карлъ Ивановичь? спросилъ Дмитрій Егоровичъ.

— Пятдсятъ рубль въ мѣсяцъ. Абикнавени цѣнъ! отвѣчалъ нѣмецъ.

— Что вы, что вы, Карлъ Ивановичъ! дорого! ожогся Дм. Егоровичъ.

— Цѣнъ абикнавени. Савсѣхъ беремъ аднъ цѣнъ!

— Ну, для меня-то, Карлъ Ивановичъ, уступите! Вѣдь это, посудите сами, шестьсотъ рублей въ годъ: раззоренье! Вѣдь это, батюшка, пару лошадей можно какихъ купить!

Digitized by Google

— Всѣ тоше платятъ, отвѣчалъ нѣмецъ. Вотъ каратски—колофъ туше цѣнъ платитъ, и еще презентъ посылаетъ. Генералъ Аслапинъ—тоше...

— Ну, добрѣйшій Карлъ Ивановичъ, съ меня-то! Возмите пятьсотъ: это будетъ круглымъ числомъ полтысячи. Можно? Я небуду, пожалуй, и говорить этого другимъ: зачѣмъ цѣну сбивать? Буду говорить, что плачу тоже шестьсотъ. Такъ можно?

— Исвинить мене, каспадинъ Хамхопфъ,—не магу, отвѣчалъ упорный нѣмецъ.

«Проклятый нѣмчура, какой тугой!» думалъ Дмитрій Егоровичъ и готовъ былъ разсердиться, разругать и нѣмцевъ и эту подлую образованность, но вспомнилъ, что нѣмецъ всего въ городѣ одинъ и у него учатся и головинскій сынъ и генеральскія дѣти. «Не отставать же, чертъ возьми, моему сыну отъ головинскаго! По крайнѣй мѣрѣ съ генеральскими дѣтьми поучится,» рѣшилъ Дмитрій Егоровичъ и согласился на всѣ условія нѣмца.

Оказалось однако, что или нѣмецъ былъ глупъ, или Николенькѣ не по нраву пришлось его общество и общество генеральскихъ дѣтей. Не смотря на то, что нѣмецъ какъ-бы облагородилъ грубую русскую фамилію, окрестивъ Николеньку Хамхопфомъ, юная отрасль этой фамиліи не улучшилась отъ этого нисколько. Какъ ни желалъ нѣмецъ сохранить шестьсотъ рублей и какъ ни старался ради этого вдолбить въ Николеньку разныя вокабулы, хорошаго ничего невыходило. Наконецъ Николенька самъ нашелъ нѣмца не хорошимъ и въ одно прекрасное утро сбѣжалъ отъ него и, какъ ни въ чемъ небывало, явился домой. Дома нѣсколько дней скрывали бѣглеца, не показывая отцу на глаза. Но испуганный нѣмецъ явился самъ и все объяснилъ родителю. Наряжено было строгое слѣдствіе; пострадалъ весь домъ; нѣкоторыя особы лишились половины косы, а Николенька былъ немилосердно высѣченъ и снова отправленъ къ нѣмцу. Однако и на этотъ разъ пробылъ онъ недолго. Еще не зажила спина, какъ онъ снова удралъ и скрылся въ какой-то деревнѣ... Земская полиція представила его въ городъ, и Дмитрій Егоровичъ долженъ былъ отказаться отъ любимой мечты воспитать сына на ряду съ генеральскими дѣтьми. Онъ уже не рѣшился отдавать Николеньку къ нѣмцу, и, поколотивъ собственноручно, засадилъ за прилавокъ. Тѣмъ и кончилось воспитаніе Николая Дмитріевича.

Digitized by Google

Младшая дочь Дмитрія Егоровича, Елена осталась отъ матери еще въ пеленкахъ. Она росла на попеченіи старой дѣвственницы, Маріи Егоровны, сестры Гамигуева. Какъ ни нѣжно, повидимому, заботилась Марѳа Егоровна о ребенкѣ, но, видно, ласки старой дѣвы были далеко не то, что ласки матери (а, впрочемъ, это было, можетъ быть, и къ лучшему): маленькая и худенькая, Елена росла какъ бы въ загонѣ; страшно боялась отца, худо понимала свою тетку; братъ и сестра не обращали на нее никакого вниманія: оба они были гораздо ея старше. Къ четыремъ годамъ она умѣла складывать пальцы для креста, читала «богородицу» и «отче нашъ» и поминала тятеньку, тетеньку, братца и сестрицу за здравіе, а маменьку за упокой. Къ началу нашего разсказа Глаша была дѣвица лѣтъ шестнадцати, а Еленѣ пошелъ пятый годъ.

XIX.

Новый фазисъ въ жизни нашего героя.

Иванъ Павловичъ, схоронивъ съ подобающими обрядами недостойнаго сына бурсы, Ѳивейскаго, не обратилъ большаго вниманія на то, что въ его цвѣтущемъ вертоградѣ недоставало еще одной юной лѣторосли, именно нашего друга, Ивана Попова 21-го. Иванъ Павловичъ зналъ, впрочемъ, что его нѣтъ на лицо, но какія же онъ могъ принять мѣры къ отысканію бѣглеца? Употребить для этого служителей бурсы? но они едва справлялись съ своими обязанностями; да и искать бѣглеца въ городѣ, спустя два дня послѣ бѣгства, было безполезно: мальчишка, какъ деревенскій уроженецъ, конечно, не остался въ городѣ, ему незнакомомъ, а убѣжалъ въ деревню. Просить содѣйствія полиціи? но, во-первыхъ, у Ивана Павловича и такъ ужъ много было съ нею возни, по поводу Ѳивейскаго; а вовторыхъ, и оглашать подобныя вещи вовсе не годится, ибо дѣла такого рода могутъ бросать невыгодную тѣнь на все заведеніе и даже на цѣлое сословіе: стоило ли изъ за одного негодяя марать и себя и другихъ? Итакъ, въ ученическихъ спискахъ противъ имени Ивана Попова

Digitized by Google

21-го ставилось «б» (что означало и «болѣнъ» и «бѣжалъ»). А между тѣмъ Поповъ нашелъ себѣ нежданныхъ друзей и покровителей.

Дворникъ Дмитрія Егоровича Гамигуева, котораго мы оставили съ драгоцѣнной находкой у воротъ гамигуевскаго дома, не осмѣлился тотчасъ же сообщить о своей находкѣ хозяину дома. Онъ не безъ основанія боялся, что разгнѣванный хозяинъ въ туже минуту прогонитъ его изъ дому, вмѣстѣ съ находкой. Поэтому Савелій запряталъ своего найденыша въ самый дальній уголъ кухни. Кухарка, которую онъ засталъ одну въ кухнѣ, видя, съ какой ношей воротился онъ домой, встрѣтила было его не очень ласково.

— Это опять съ чѣмъ явился? Батюшки, да не какъ мертваго притащилъ! Господи, да гдѣ ты это нашелъ?

Кухарка пристальнѣе заглянула на руки Савелью, осторожно укладывавшему свое бремя.

— Мальчикъ; бо́льшо. Ахъ ты, Господи! Да гдѣ это онъ замерзъ-то?

Потомъ, видя, что Савелій не отвѣчаетъ, кухарка продолжала:

— Да ужъ и ты! Зачѣмъ это ты въ кухню-то его къ намъ затащилъ? Не какъ ты сдурѣлъ? Ну, что хозяинъ-то тебѣ скажетъ? а?

— Ужъ что сдѣлалъ, то сдѣлалъ! Теперь ужъ я не отдамъ его имъ, отважно отвѣчалъ дворникъ. Не отдамъ, пока неотвожусь. А ты помолчи-ка, вотъ, не болтай! да пособи мнѣ.

— А верховой-то лѣшій придетъ? возразила кухарка.

— Ну, пока придетъ, да что,—мы, авось, отводимся.

И оба принялись приводить въ чувство все еще бездыханнаго мальчика. Кухарка предложила было подержать его противъ топившейся печи, но Савелій, какъ человѣкъ бывалый, воспротивился этому, сказавъ, что отъ тепла хуже бываетъ и что лучше снѣгу ничего нѣтъ въ этихъ случаяхъ. Долго возился онъ, оттирая снѣгомъ то грудь, то руки замерзшаго. По временамъ онъ щупалъ руками то голову, то сердце своего паціента. Послѣ долгихъ усилій замерзшій наконецъ сталъ отходить. Савелій несказанно обрадовался, когда теплота стала распространяться по тѣлу мальчика. Онъ удвоилъ свои старанія. Кухарка только и знала, что бѣгала за снѣгомъ. Больной медленно открылъ глаза, но тотчасъ же опять закрылъ ихъ и черезъ минуту зашевелилъ ногами и слабо, но болѣзненно простоналъ:

— Охъ, ноги, ноги!

Тутъ только Савелій вспомнилъ, что на ноги-то онъ не обратилъ никакого вниманія, тогда какъ на морозѣ онѣ первыя всегда зябнутъ и чаще всего отмораживаются.

Digitized by Google

— Эхъ, я, дурень, дурень! Ноги-то и забылъ потереть.

И онъ хотѣлъ поскорѣе стащить бывшія на мальчикѣ сапожишки. Но оказалось, что снять сапоги уже невозможно; отмороженныя ноги распухли и сильно натянули кожу. Савелій схватилъ ножъ и распоролъ обувь.

— Господи! что я надѣлалъ! Матрена, а, Матренушка! бѣги ты, христа-ради къ Марьѣ Егоровнѣ, достань какъ нибудь водочки, хоть съ рюмочку. Да неговори пока на что; скажи хотъ, что я самъ озябился!

Матрена, хотя еще ворчала про-себя что-то, но ослушаться Савелья Даниловича не смѣла (она чувствовала къ этому анаѳемскому человѣку необыкновенно-нѣжное расположеніе, хотя анаѳемскій и мало обращалъ на нее вниманія). Она побѣжала въ горницу и возвратилась оттуда съ чайной чашкой водки.

— Что, встали? спросилъ Савелій.

— Встали. Пожалуй, скоро придетъ. Да вонъ и лѣшій-то заходилъ: гляди, тоже сейчасъ спустится, отвѣчала Матрена.

— Ну, теперь чортъ съ нимъ, пускай приходитъ. Не умретъ мой парень. А тамъ пусть ругаютъ,—не съѣдятъ! А ты лей-ка мнѣ на руку-то!

— Ну, тебя съ нимъ! Мнѣ стряпать надо, сказала кухарка. Но все-таки помогла Савелью.

Больной мучительно стоналъ. Оказалось, что пальцы ногъ у него совсѣмъ побѣлѣли и если бы Савелій еще промѣшкалъ полчаса, то мальчикъ, пожалуй, остался бы безъ ногъ. Скорая помощь спасла его. Послѣ обильныхъ примачиваній водкою, онъ немного успокоился и только охалъ.

— Щецъ-бы ему, Васильевна, хоть вчерашнихъ, съ необычною нѣжностью обратился Савелій къ кухаркѣ. Нѣтъ ли, а? Не хочешь ли, милый, щецъ похлебать? ласково спросилъ онъ больнаго.

Иванъ могъ только покачать головой.

— Ну, не надо, такъ не надо. А что не такъ больно теперь?

— Лучше теперь, едва проговорилъ Иванъ.

— Ну, такъ усни теперь. Я вотъ закрою тебя! заключилъ Савелій.

Въ это время въ комнату вошелъ прикащикъ Дмитрія Егоровича, жившій въ особой свѣтелкѣ, надъ бухней. Его-то кухонные обитатели и звали лѣшимъ. Это былъ мущина лѣтъ сорока,—такъ-себѣ, ни худой, ни жирный, ни высокій, ни очень низенькій. Физіономія этого

Digitized by Google

господина имѣла такое выраженіе, какъ будто обладатель ея сейчасъ проглотилъ что-нибудь ужасно отвратительное или понюхалъ страшнѣйшую мерзость. Маленькіе рысьи глаза бѣгали, точно имъ было тѣсно на своихъ мѣстахъ. Полное имя этого господина было: Флегонтъ Тихоновичъ Титкинъ.

При входѣ прикащика, Савелій загородилъ было собою своего паціента, надѣясь, что, можетъ быть, тотъ ничего не замѣтитъ, но кухня была такъ мала, что нельзя было не замѣтить лишняго предмета. Къ тому же мальчикъ по временамъ поохивалъ.

— Это что опять такое? грубо спросилъ прикащикъ.

— Флегонтъ Тихонычь, это... я... запинаясь отвѣчалъ Савелій.

— Знаю, что ты! Кромѣ тебя кто же будетъ распоряжаться? Ты, вѣдь, у насъ хозяинъ-то! Вотъ ужо, что скажетъ Дмитрій Егоровичъ, какъ узнаетъ. Самъ, братъ, ты ему поди и докладывай, а я не видалъ: мое дѣло сторона. Мнѣ изъ за тебя не побои принимать.

Мы должны здѣсь замѣтить, что прикащикъ Титкинъ вообще не жаловалъ Савелья и даже завидовалъ ему, потому что Савелій пользовался ужъ слишкомъ большимъ, по его мнѣнію, довѣріемъ хозяина, которое по настоящему должно было всецѣло принадлежать ему, Титкину. Впрочемъ, сильно придираться къ Савелію онъ тоже не смѣлъ; потому что небезъизвѣстно ему было, что Савелій знаетъ за нимъ кое-какіе грѣшки. Такимъ образомъ оба они не любили другъ друга, но и не ссорились явно, — одинъ изъ осторожности, другой по добротѣ.

Савелій надѣялся обдѣлать дѣло постепенно, только бы «самъ» не узналъ о немъ прежде, чѣмъ онъ доложитъ. А чтобы какъ-нибудь «самъ-то» не зашелъ въ кухню, отправляясь по обычаю изъ дому, Савелій взялъ метлу и до самаго выхода Дмитрія Егоровича подметалъ снѣгъ около крыльца. Наконецъ, хозяинъ вышелъ. Заботливость Савелья о чистотѣ двора понравилась хозяину.

— Ну, что ты тутъ размелся? ласково сказалъ онъ. Мерзнешь только напрасно: и такъ ужъ чисто!

— Не мѣшаетъ, баринъ, почище-то, отвѣчалъ Савелій, загораживая собой дорогу въ кухню.

Дмитрій Егоровичъ чрезвычайно любилъ, когда его называли «бариномъ» свои ли то люди, или хоть чужіе кучера. Онъ еще ласковѣе заговорилъ съ Савельемъ.

Digitized by Google

— Вотъ что, Савелій. Уберешься, такъ пріѣзжай-ка за мной въ лавки, часовъ въ двѣнадцать!

— Слушаю, баринъ, смиренно отвѣчалъ Савелій, провожая Дмитрія Егоровича за ворота и держа метлу такимъ образомъ, что она загораживала окна кухни.

— Ну, теперь слава богу, ушелъ. Дѣло идетъ ладно. А послѣ дорогой уломаю ужъ какъ-нибудь! разсуждалъ Савелій.

Съ Маѳой Егоровной онъ объяснился скоро; онъ зналъ, какъ и чѣмъ на нее дѣйствовать. Проводивъ хозяина, Савелій отправился прямо къ ней.

— Матушка, Маѳа Егоровна! заговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ. Какое горе-то!

Маѳа Егоровна испугалась. Ей почему-то представилось, что или у нихъ отелилась корова и замерзъ теленокъ, или обокрали погребъ.

— Что, что такое, Савельюшка?

— Пожалѣйте вы, матушка; не дайте ребенку погибнуть!

У Маѳы Егоровны немного отлегло отъ сердца. Ребенка у ней небыло, стало быть, что-нибудь не лично до нее касающееся имѣетъ сообщить Савелій.

— Что, какому ребенку?

— Мальчику, Маѳа Егоровна, мальчику, жалобнѣе прежняго говорилъ Савелій. Совсѣмъ замерзъ было въ снѣгу,—хорошенькій такой мальчикъ. На устьрѣчкѣ нашелъ.

— Да гдѣ, какой мальчикъ? въ недоумѣніи спрашивала Маѳа Егоровна.

— Въ куфнѣ, матушка, въ куфнѣ, простоналъ Савелій. Ужъ не выгоняйте, сдѣлайте милость! А барину-то я самъ, вотъ поѣду, доложу. Авось, богъ дастъ, умилосердится!

Маѳа Егоровна, отъ части разжалобленная, отчасти движимая любопытствомъ, пожелала видѣть сама такимъ необыкновеннымъ образомъ найденнаго мальчика и отправилась вмѣстѣ съ Савельемъ въ кухню. Дорогой Савелій все еще продолжалъ разжалобливать чувствительную дѣву.

— Гляжу, разсказывалъ онъ, разводя руками,—лежитъ,—вижу... живъ еще. Жалость меня взяла; ну, и привезъ. Кому будетъ не жалко: понапрасну дитя погибаетъ!

Digitized by Google

Марѳа Егоровна вошла въ кухню, уже довольно растроганная и предрасположенная къ состраданію. Когда же она увидѣла блѣдное, худое лицо нашего героя (который, увы, далеко не былъ такимъ хорошенькимъ, какъ говорилъ Савелій), то сердце ея окончательно растопилось и даже слезы показались на глазахъ. Марья Егоровна до того удобрилась, что спросила, не надо ли чего для ребенка?

— Ничего теперь, матушка, не надо, отвѣчалъ Савелій. Только милостью вашей не оставьте. Пусть отдохнетъ хоть. А ужъ Дмитрію Егоровичу я доложу-съ; вы ужъ не трудитесь.

— Что же, я думаю, братецъ не откажетъ. Ты только самъ ужъ, Савельюшка, поговори. Онъ тебя лучше послушаетъ. Знаешь вѣдь, онъ у насъ какой!

Савелій былъ доволенъ. Впрочемъ, труднѣйшая часть дѣла была еще впереди. Въ двѣнадцать часовъ онъ поѣхалъ за Дмитріемъ Егоровичемъ, обдумывая дорогой, какъ приступить къ нему съ своей просьбой. Разжалобить Дмитрія Егоровича было бы пустой мечтой. «Не такой это человѣкъ, чтобы надъ чѣмъ-нибудь сжалился, разсуждалъ Савелій. Хоть умри человѣкъ передъ его глазами,-ни-ни, слезинки не выронитъ, денежки пожалѣетъ! А на вѣтеръ бросать, чтобы только похвастаться,—это наше дѣло!» Савелій рѣшился дѣйствовать прямо и открыто. Къ счастію, Дмитрій Егоровичъ былъ въ тотъ день веселъ. Видя его въ пріятномъ расположеніи духа, Савелій рѣшился заговорить.

— А у меня къ вамъ, сударь, просьбица есть!

— Что, братъ Савелій? только чуръ не денегъ!

— Какія деньги-съ? куда намъ съ деньгами? Слава богу, сыты.

— Если только не денегъ, изволь все, что угодно!

— Вотъ, и покорнѣйше благодарю-съ. Значитъ, и рѣшено-съ?

— А однако, чтоже такое?

— Да вотъ-съ, батюшка Дмитрій Егоровичъ. Позвольте въ кухнѣ, въ уголочкѣ ножить денька два-три сиротѣ-мальчику, родственникъ еще будетъ мнѣ, дальній.—Замерзъ-было совсѣмъ парень; изъ деревни, вишь, учиться привезли...

Савелій изъяснялся неопредѣленно, боясь сказать правду. Онъ даже начисто совралъ, назвавъ Ивана своимъ родственникомъ. Но слово это такъ удачно подвернулось подъ языкъ, что онъ немогъ удержаться, чтобы не употребить его въ числѣ аргументовъ для убѣжденія Дмитрія Егоровича.

Digitized by Google

— Ну, чтожъ? пусть поживетъ мальчишка! Не объѣстъ насъ, отвѣчалъ Дмитрій Егоровичъ.

Савелій торжествовалъ и возвратясь домой, былъ веселъ, какъ можетъ быть никогда въ жизни.

XX.

Нечаянная гостья.

Прошло пять дней, какъ нашъ юный другъ водворился въ купеческомъ домѣ. Онъ почти совсѣмъ поправился и сталъ похаживать по кухнѣ, даже выглядывать на дворъ. Хотя въ «барскія хоромы» онъ еще не проникалъ, но зналъ уже все семейство Дмитрія Егоровича; видѣлъ и самаго «барина», какъ онъ выйдя изъ дому, садился въ сани и еще шибко ругалъ кого-то. Вслѣдствіе этого Иванъ проникся величайшимъ уваженіемъ къ Дмитрію Егоровичу. Объ училищѣ, казалось, Иванъ вовсе не думалъ.

Однажды, когда онъ безпечно похаживалъ по кухнѣ и, въ ожиданіи обѣда, который онъ раздѣлялъ съ прислугою, съ любопытствомъ приглядывался къ разной сдобнинѣ, напеченной кухаркою, послѣдняя, выглянувъ въ окошко, сказала:

— Бабёнка какая-то идетъ сюда. Не кума-ли то моя?

И затѣмъ, протеревъ хорошенько окно и пристальнѣе взглянувъ на пришедшую, прибавила:

— Нѣтъ, кажись, не она. Да что это, матушки, не какъ полоумная какая! Глите-ка, какъ заметалась! Ой, да сюда!

Иванъ тоже было припалъ къ стеклу. Но въ это время дверь отворилась и не успѣлъ онъ оглянуться, какъ очутился въ объятіяхъ своей матери.

— Дитятко ты мое! могла только выговорить наша пономарица и, невыпуская изъ объятій свое дитятко, залилась слезами.

Савелій, встрѣтившій Марью Алексѣевну на дворѣ и успѣвшій уже переговорить съ нею, сообщилъ между тѣмъ кухаркѣ краткія свѣдѣнія о пономарицѣ. Кухарка, глядя на рыданія пономорицы, подвинулась къ ней и тоже всплакнула. Самъ Савелій, мущина солидный и

Digitized by Google

уже пожилой, чувствуя, что слезы къ нему также идутъ, какъ коровѣ хомутъ, не могъ однако оставаться хладнокровнымъ зрителемъ этой сцены. Онъ засыпалъ въ носъ необыкновенную порцію нюхательнаго и отдѣлался чиханьемъ.

Какъ скоро прошли первыя изліянія материнской нѣжности, посыпались со всѣхъ сторонъ разные вопросы. Но и отвѣчая на вопросы и сама спрашивая, пономарица то и дѣло принималась плакать и обнимать своего сына. Когда же Савелій, разсказывая о томъ, какъ и гдѣ онъ нашелъ ея Ваню, дошелъ до того чувствительнаго мѣста, гдѣ говорилось о двухъ мальчикахъ, занесенныхъ снѣгомъ и т. д. то какъ онъ ни сокращалъ своего разсказа и ни старался казаться равнодушнымъ, пономарица завопила снова и вдругъ бросилась къ нему въ ноги, съ восклицаніемъ:

— Батюшко, Савелій Данилычъ, чѣмъ я тебѣ заплачу?

— Полно, полно, Марья Алексѣевна, что ты это? какое тутъ!.. что!.. бормоталъ Савелій. Но тутъ ужъ не помогла и самая сильная порція. Онъ долженъ былъ уткнуть носъ свой въ полу своей шубы и что-то долго теръ его...

— Охъ, не говори ты, не говори! Что бы это безъ тебя то было? Вѣкъ то я тебя не забуду! возражала пономарица.

— Перестань, перестань, Марья Алексѣевна, торопливо отвѣчалъ Савелій. Далъ бы вотъ Богъ поправиться парню. А вотъ другого то жалко! Что чай мать—дьяконица сильно убивается? Знаетъ она?

— Ой, голубчикъ Савелій Данилычъ, не знаешь ты, родной, ничего! Вѣдь мать-то наша дьяконица Богу душу отдала! Такъ-таки трехъ дней не прожила. И пускай бы больна, что ли, была? А то нѣтъ; все съ этого-то горя! Послали этта мы съ ней съ однимъ мужичкомъ гостинечковъ, вотъ имъ-то. Только дня черезъ два—пріѣзжаетъ нашъ мужикъ,—назадъ все привезъ. У меня такъ и екнуло сердечушко. Гляжу, и мать-дьяконица идетъ: завидѣла мужика-то! Какъ онъ сказалъ это намъ,—ужъ не знаю, что съ нами и было! Моя дьяконица какъ всплеснетъ руками-то, да какъ ударится о землю!.. Господи!.. Ой, ужъ не говори ты!

Тутъ снова пономарица поплакала. Потомъ, утеревшись передникомъ, продолжала:

— Были это мы, были... Сдѣлалась это она, моя матушка, такая, словно не хорошая... Говоритъ, и не такъ все что-то. Ушла домой. Со мной ужъ и не знаю, что сдѣлалось. Ну, горитъ моя душа;

Digitized by Google

такъ бы вотъ и бѣжала сюда!... Вечеромъ пошла къ ней. А она, голубушка, сидитъ, перебираетъ это разныя тряпочки да лоскуточки. Поздоровалась я съ ней, а она и говоритъ мнѣ: «вотъ, говоритъ, Марья Алексѣевна, нагрудочку хочу сшить моему Пашенькѣ; теплѣе то чтобъ ему было моему ненаглядному! Всплакала я; думаю, какъ бы она, грѣхомъ, чего надъ собой не сдѣлала! И осталась у ней ночевать. По утру будто и ничего: только ходитъ, да шепчетъ: «холодно-то ему, голубчику, холодно!» Сходила я къ матушкѣ-попадьѣ; а у самой такъ и ноетъ: идти, да идти, сюда-то... На ночь послали къ ней старушку одну, а я стала собираться; утромъ думала и итти. Только чуть свѣтъ, прибѣгаетъ эта старушка. «Иди ты, говоритъ, Марья Алексѣевна; вѣдь мать-то дьяконица не какъ упокоилась! Прибѣгаю это я, гляжу: а она сердечная, какъ сидѣла этакъ за столикомъ, со своими тряпочками, да такъ и Богу душу отдала: точно спитъ!»

Слушатели были поражены ужасомъ. Кухарка, рыдая, могла только проговорить:

— Вишь, материнское сердце-то! не могло вынести этакого горя! Шутка ли, одинъ сыночекъ, да и того... Оборони Богъ!

А Савелій съ своей стороны прибавилъ:

— Умомъ-то бѣдная, тронулась, вишь! Вотъ оно каково! Сказано: мать! А впрочемъ, присовокупилъ онъ, немного помолчавъ, оно пожалуй, и лучше, чѣмъ маяться-то! Ничего вишь у ней не осталось близкаго-то! Ну, что же, и схоронили?

— Не дождалась я, Савелій Даниличъ, похоронъ-то, отвѣчала пономарица. Не до похоронъ мнѣ ужъ было. Вотъ такъ и тянетъ, и тянетъ; такъ бы вотъ и улетѣла! Въ тотъ же день, только положили ее, бѣдную, на столъ, я и ушла.

Ужъ какъ узнала пономарица, гдѣ скрывается ея Ванюшка и какъ нашла домъ Гамитуева, Богъ ее знаетъ.

— Вѣстимо дѣло! отвѣчалъ Савелій на ея послѣднія слова. Усидится ли тутъ на мѣстѣ? А у бѣдной дьяконицы, значитъ, теперь и въ домѣ пусто?

— Пусто, Савелій Даниличъ, пусто! Кто въ него пойдетъ? Маленькій вѣдь онъ такой да и старый!

— Вѣтры, видно, гуляютъ буйные! заключилъ Савелій. Вотъ тебѣ и жизнь,—были хозяева—и сплыли!

Digitized by Google

Между тѣмъ кухарка не утерпѣла, чтобы не сообщить объ интересной гостьѣ въ хозяйскія комнаты. «Самого» не было дома. Кухарка чему и рада была; она обратилась къ Мареѣ Егоровнѣ.

— Ой, барышня, вѣдь ваньчина-то мать пришла. Пѣшкомъ прибѣжала за сто верстъ. Страсти-то какія разсказываетъ!

Марѳа Егоровна была большая охотница до всего необыкновеннаго и страшнаго. Она сама отправилась въ кухню. Пономарица и ей бросилась въ ноги, что сильно расположило ее въ пользу пономарицы. Когда же кухарка пересказала ей печальную повѣсть о кончинѣ матери-дьяконицы, чувствительная барышня изъявила живѣйшее прискорбіе и тутъ же приказала кухаркѣ поставить самоваръ и напоить чаемъ деревенскую гостью.

— Да ты останься здѣсь пока; переночуй хоть у насъ, сказала она. Братецъ, я думаю, ничего не скажетъ!

Пономарица поблагодарила, и Марѳа Егоровна, довольная собой и разсказанной исторіей, возвратилась въ свои покои.

За чаемъ Савелій обратился къ пономарицѣ.

— А какъ же ты теперь Марья Алексѣевна? Надо вѣдь съ дѣтинкой-то что нибудь дѣлать?

— Пономарицѣ, казалось, этого вопроса и не представлялось доселѣ? Она поставила на столъ блюдечко съ чаемъ, поглядѣла на Савелья и какъ бы не хотя отвѣчала:

— Надо-то, надо, Савельюшко!

— Что же, домой его, али опять тудаже? допрашивалъ Савелій.

— Домой то, Савелій Данилычъ, я бы и всей душой рада. Натерпѣлся ужъ онъ, мой голубчикъ. Да вѣдь безъ позволенья-то какъ же? вѣдь опять предпишутъ представить! Ужъ я и сама не знаю.

— Ну, такъ, значитъ, тебѣ надо сходить туда, къ ихнему-то набольшему, да поговорить. А ты бы, малюга, обратился онъ къ Ивану, чай бы и домой! Нѣтъ, братъ не пущу я тебя скоро-то! Ты вѣдь мой теперь, а?

Иванъ ничего не отвѣчалъ.

— Шутки въ сторону, сказалъ Савелій, а надо сходить: ну, чѣмъ тамъ рѣшатъ! А теперь, Марья Алексѣевна, съ дороги-то ты вотъ отдохни-ка!

Digitized by Google

На завтра, чуть-свѣтъ, отправилась наша пономарица въ училище; Ворота бурсы были еще заперты, и наша путница, не смѣя постучаться (да это было бы и напрасно), долго стояла, въ ожиданіи, что кто нибудь отворитъ эти ворота. Но вотъ по маленьку начали собираться квартирные ученики всякаго вида и возраста: были тутъ и одѣтые въ лисьи шубы, крытыя тонкимъ сукномъ, въ теплыхъ калошахъ и бархатныхъ шапочкахъ, опушенныхъ соболемъ; были и наряженные въ некрытые ничѣмъ нагольные овчинные тулупы эти ужъ не прятали своихъ ногъ въ теплыя калоши, на нихъ были огромные, самодѣльные деревенскіе сапоги, со множествомъ онучъ для тепла; были, наконецъ, и такіе, на которыхъ было одѣто Богъ— знаетъ что: тятина ли, какъ говорится, рубаха, или маминъ сарафанъ. Переминаясь съ ноги на ногу, и дрожа отъ холода, ребята ожидали открытія священныхъ воротъ.

— Тебѣ, матушка, чего надо? спросилъ у пономарицы одинъ изъ любознательныхъ юношей.

— Да вотъ, батюшко, начальника здѣшняго надо бы, отвѣчала Марья Алексѣевна. Тутъ онъ живетъ?

— Тутъ, тутъ, тетушка. Ивана Павловича, значитъ, тебѣ самого надо.

— Да, голубчикъ, видно его...

— Струфіендуса, подсказалъ одинъ изъ ребятъ.

— А на что его тебѣ?

Пономарица сказала.

— Такъ это ты мать, что-ли, Попова-то 21-го?

— Мать, голубчикъ.

— А онъ гдѣ-же? Мы слышали, что онъ живъ остался; гдѣ же онъ, домой, что ли, убѣжалъ?

— Нѣтъ, не домой, отвѣчала пономарица. Добрые люди пріютили его.

— Такъ ты что-же не привела его? Иванъ-то Павловичъ что тебѣ скажетъ? а?

Пономарица испугалась.

— Да ты, тетка, скажи, что болѣнъ-молъ. Скажи, что отчаянно, молъ, болѣнъ. Напугай его! посовѣтовалъ какой-то боецъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ, дитятко, пугать! Хоть бы съ Ваней-то моимъ ничего не сдѣлали!

— Ну, тетка, это наврядъ! Ужъ такъ не обойдется! Развѣ, развѣ умаслишь какъ-нибудь!

Digitized by Google

— А все-таки скажи, что болѣнъ Ваньча-то; не показывай скоро-то! А тамъ авось умнется!

Между тѣмъ сторожъ лѣниво отворилъ тяжелыя ворота и замершіе ученики опрометью разбѣжались по классамъ. Пономарица просила сторожа указать ей путь къ Ивану Павловичу. Тотъ указалъ на окна комнаты, занимаемой смотрителемъ.

— Войди, вотъ, прямо-то, да подымись кверху, а потомъ поверни налѣво; тутъ другая дверь налѣво же, вотъ эти окошки-то. Тутъ они и живутъ, Иванъ Павловичъ-то. Да однако рано еще; спятъ, поди; вчера поздненько воротились.

Со страхомъ вошла пономарица въ парадную дверь училища и поднялась вверхъ. Тутъ въ темнотѣ она совсѣмъ потерялась и въ недоумѣніи остановилась въ корридорѣ. По счастью скоро явился другой служитель со звонкомъ въ рукѣ и началъ сильно и продолжительно звонить. Когда онъ кончилъ свое занятіе, пономарица подошла къ нему и освѣдомилась о жилищѣ смотрителя. Служитель указалъ ей на двери въ квартиру Ивана Павловича. Двери были не заложены, и пономарица робко вошла въ знакомую намъ прихожую. Пріятель нашъ, Васька-рыженькій выскочилъ изъ-за перегородки и шепотомъ спросилъ: кого надо?

— Кто тамъ? раздался изъ другой комнаты сиплый голосъ Ивана Павловича. Не дадутъ покою, черти!

Затѣмъ послышались потягиванье и позѣвота, свидѣтельствовавшія о томъ, что Иванъ Павловичъ изволилъ еще нѣжиться въ постели. Минутъ черезъ десять онъ вышелъ въ переднюю, въ халатѣ и туфляхъ.

— Что тебѣ надо, баба?

Пономарица бухнула въ ноги.

— Что валяешься-то? Говори, зачѣмъ?

— Мать Попова 21-го, подсказалъ рыженькій.

— А, этого негодяя? Гдѣ же онъ? Нарожаете вотъ лѣнтяевъ, а тутъ майся съ ними, образуй ихъ!

Кое-какъ объяснила пономарица, гдѣ находится сынъ ея; прибавила, по наставленію учениковъ, что въ настоящее время онъ еще болѣнъ и наконецъ осмѣлилась спросить:

— Какъ прикажете потомъ, привести его? или...

— Что, ужъ не думаешь-ли, что я приму его опять на казенное? Шалишь, матушка! И не думай! Лѣнтяя и бѣглеца... Что, развѣ двѣ

Digitized by Google

у меня головы-то, отвѣчать за нихъ. Учиться, пускай учится, а ужъ тамъ какъ знаешь!

Пономарица опять въ ноги.

— Помогате!

— Ни—ни! ни подъ какимъ видомъ! Годъ по крайней мѣрѣ твой сынъ долженъ жить на своемъ содержаніи. Я и сначала принялъ его только изъ жалости,—и обманулся! Эй, рыженькій! которымъ стоитъ Поповъ?

— Въ послѣднихъ спискахъ пятымъ ученикомъ, отвѣчалъ рыжій.

— Ну, вотъ видишь; вѣдь можетъ бестія, учиться, утѣшалъ Иванъ Павловичъ пономарицу, и хорошо можетъ учиться. Дуритъ только. Это все тотъ его!

Пономарица еще разъ упала въ ноги Ивану Павловичу и со слезами просила простить ея сына. Но ни поклоны, ни слезы не могли разжалобить мужественное сердце строгаго педагога.

— Напрасно, матушка, ты безпокоишься. Знаемъ мы эти штуки-то! На ваши слезы смотрѣть, такъ и васъ самихъ на казенное надо принять. Самъ каѳедральный, и тотъ тоже заплачетъ. Ступай, ступай матушка; не разжалобишь, не таковскіе! Ищи сыну квартиру, и пусть является въ классъ!

И Иванъ Павловичъ хотѣлъ было выйти изъ передней.

— О чемъ я васъ хочу попросить?.. поспѣшно заговорила пономарица.

— Что еще?

— Будьте ужъ отцомъ роднымъ, простите его на первый разъ! И такъ ужъ натерп...

Иванъ Павловичъ не далъ договорить Марьѣ Алексѣевнѣ, и грубо прервалъ ее словами:

— Отъ своей глупости!

— Точно такъ, батюшка. Ребячье дѣло-то; умокъ-то еще слабенькій. Простите, родной!

— Ну, ступай; такъ и быть, прощу. А о казенномъ—и не заикайся!

Пономарица рада ужъ была и тому, что ея сыну обѣщано прощеніе и дѣло обойдется безъ розогъ.

Digitized by Google

— Ну, что, какъ, Марья Алексѣевна, спрашивалъ Савелій, когда пономарица воротилась изъ училища. Была?

— Была то была, Савелій Даниловичъ. Да вѣдь вотъ что, родимый... И пономарица передала Савелью ультиматъ, съ которымъ отпустилъ ее Иванъ Павловичъ.

— Плохо, Марья Алексѣевна. Какъ бы это поправить дѣло-то? Припади-ка ты, слышь, къ нашей-то изгиленной, къ Марѳѣ-то Егоровнѣ. Не объѣстъ ихъ парнишка-то! Тутъ же бы съ нами колотошился: много-ли ему надо? А ужъ съ «самимъ-то» я, чàсомъ, сдѣлаюсь!

Рѣшено было подождать, не придетъ-ли въ кухню сама Марѳа Егоровна. Часовъ въ двѣнадцать она дѣйствительно пришла,—сдѣлать ревизію приготовленнаго обѣда, чтобы быть въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ, когда «братецъ» спроситъ: что сегодня готовлено?

— Вотъ, Марѳа Егоровна, къ вамъ мать-то наша, съ просьбой, началъ Савелій.

— Что такое? изволь, матушка, ласково отвѣчала Марѳа Егоровна.

Пономарица кое-какъ разсказала о своемъ неудавшемся походѣ въ училище и прибавила кланяясь въ поясъ.

— Будьте вы ему, матушка, второю матерью. Не оставьте вы насъ! Заставьте вѣчно за васъ Бога молить!

— Да я не знаю, какъ братецъ, что скажетъ? нерѣшительно отвѣчала Марѳа Егоровна. Я бы съ своей стороны... мнѣ что же? лепетала старая дѣва.

— Да ужъ барину-то я какъ-нибудь, вмѣшался Савелій. Ужъ съ нимъ я самъ какъ-нибудь. Будьте увѣрены, Марѳа Егоровна!

— Не знаю, не знаю; я бы рада....

— Я сегодня же, М. Е. съ бариномъ поговорю. Пущай ужъ Марья-то Алексѣевна поживетъ до утра.

— Пускай, пускай подождетъ! соглашалась Марѳа Егоровна.

Дѣйствительно, Савелій нашелъ случай подъѣхать въ тотъ же день къ Дмитрію Егоровичу. Онъ чѣмъ-то такъ успѣлъ умаслить его, что когда завелъ рѣчь объ Иванѣ, Дмитрій Егоровичъ небрежно отвѣчалъ:

— Ну, что жъ? пускай болтается въ кухнѣ, да чтобъ не пакостилъ только!

Digitized by Google

— Ужъ будьте спокойны, отвѣчалъ Савелій. Смирнѣющій парнишка!

Успокоивъ пономарицу и устроивъ судьбу своего найденыша, Савелій по утру подыскалъ Марьѣ Алексѣевнѣ попутчика и проводилъ ее домой, совершенно увѣренную, что сынъ ея на хорошихъ рукахъ. Марѳа Егоровна, по добротѣ души своей, при прощаньи наградила пономарицу двумя засыпочками чаю и нѣсколькими кусочками сахару.

Иванъ велъ себя тише воды. Вся кухня была имъ довольна. Одинъ только Титкинъ не взлюбилъ его почему-то. При каждой встрѣчѣ, въ кухнѣ или на дворѣ, онъ щипалъ его за ухо и приговаривалъ: «что, кутья»! Иванъ старался какъ можно рѣже попадаться ему на глаза или прятался отъ него. Титкинъ рѣшился даже сказать Дмитрію Егоровичу, что, вотъ-де, «лишняго пустокорма держимъ теперь», но Дмитрій Егоровичъ строго замѣтилъ ему на это:

— Не твое дѣло! Я такъ хочу!

XXI.

Роковое приглашеніе.

Савелій, считая Ивана, по праву находки, нѣкоторымъ образомъ своею собственностью, принялъ надъ нимъ верховную опеку и въ качествѣ опекуна почиталъ себя обязаннымъ заботиться о благосостояніи нашего друга. Давъ ему оправиться отъ болѣзни, онъ рѣшилъ, что пора теперь парню приниматься и за ученье. Видя, что Иванъ и не поминаетъ о школѣ и весело попархиваетъ по кухнѣ, въ ожиданіи подачки отъ добросердой Матрены, старикъ сталъ нѣсколько подозрѣвать его въ лѣности и въ наклонности «лодырничать; впрочемъ, изъ деликатности не говорилъ ничего. Онъ ласково и какъ бы стороною замѣтилъ только:

— А что, милый другъ, не пора-ли намъ и за ученье приниматься?

— Чего, дѣдушко! спросилъ Иванъ, не подозрѣвая злаго умысла.

— А въ школу-то? Вѣдь надо, чай, идти когда-нибудь?

— Да я, дѣдушко, не знаю, гдѣ она; мнѣ ее не найти! Да...

Digitized by Google

Иванъ не договорилъ. Едва вздумалъ онъ о школѣ, какъ въ его памяти воскресли прожитые въ ней дни; съ поразительною ясностью представились ему обстоятельства, сопровождавшія его бѣгство изъ бурсы. Образъ Паши, съ которымъ онъ былъ неразлученъ втеченіе всего дѣтства, какъ живой предсталъ теперь передъ нимъ. Онъ заплакалъ. Савелій снова подумалъ, не обманываетъ-ли его парнишка, не хочетъ-ли отвертѣться отъ ученья.

— Ну, какъ не найти вашей школы? сказалъ онъ. Вѣдь она и не далеко. Да я, пожалуй, сведу тебя.

— Ладно, дѣдушка. Пойдемъ!

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Савелій велѣлъ Ивану тотчасъ-же собираться, и они отправились въ бурсу. Шумно встрѣтили бурсаки нашего друга, точно выходца съ того свѣта, и забросали было вопросами; но Савелій не далъ имъ много распространяться, спросилъ, гдѣ живетъ нàбольшій и отправился къ Ивану Павловичу, ведя за руку своего найденыша. Къ счастью, Иванъ Павлычъ былъ въ тотъ день въ отличномъ расположеніи духа; у него только что кончился экзаменъ и владыка, удостоившій его своимъ посѣщеніемъ, остался отмѣнно доволенъ успѣхами учениковъ.

— Вотъ, батюшко, ваше благородіе, говорилъ Савелій, малютка, тотъ, что я нашелъ намеднись. Мать его еще приходила къ вамъ,..

— А, Поповъ 21! сказалъ Иванъ Павловичъ.

— Онъ и есть самый, Поповъ, значитъ.

— Надо бы тебя, канальо, проучить хорошенько, чтобъ ты не бѣгалъ! продолжалъ Иванъ Павловичъ, уже обращаясь къ Ивану. Ну, да на этотъ разъ прощаю; ты и такъ довольно наказанъ. Ступай, да смотри у меня!

— Онъ, ваше благородіе, теперь, стало быть, будетъ жить у насъ т. е. у Дмитрія Егоровича, а сюда будетъ только ходить учиться, началъ было распространяться Савелій.

— А мнѣ какое дѣло, гдѣ онъ будетъ жить. По мнѣ, хоть на берегу подъ лодкой, отвѣчалъ Иванъ Павловичъ. Убирайтесь!

«Экой какой сердитый! бормоталъ про себя Савелій, выходя отъ смотрителя. Никакой нѣтъ у него ласковости-то; звѣрь какой-то, право звѣрь! Недаромъ же... Савелій не договорилъ; можетъ быть, какъ старикъ тонкій, онъ разсудилъ, что не слѣдуетъ чернить начальство при подчиненныхъ.

Digitized by Google

Итакъ Иванъ поступилъ теперь въ разрядъ квартирныхъ учениковъ, счастливѣйшихъ людей на свѣтѣ, по понятіямъ настоящихъ бурсаковъ, сдѣлался предметомъ ихъ зависти и злобы и долженъ былъ принять на себя новую обязанность приносить бурсакамъ «ѣдичку», т. е. недоѣденные дома остатки калачей, кусочки сахару и т. п. привлекательные для бурсы предметы. Но вскорѣ оказалось другое, болѣе важное неудобство: у него не было учебныхъ книгъ. Казенныя книги были у него отобраны послѣ его бѣгства, а списывать уроки изъ всѣхъ предметовъ, какъ дѣлывали многіе ученики, онъ не могъ, потому что писалъ еще очень плохо. По совѣту стараго своего друга, самарянина, онъ рѣшился каждый день послѣ классовъ оставаться въ бурсѣ и тамъ выучивать уроки.

Савелій, какъ опекунъ самый бдительный, скоро однако замѣтилъ, что Иванъ слишкомъ поздно возвращается изъ класса.

— Что это, Ваня, сказалъ онъ, кажись, у васъ въ вечерню кончаютъ уроки-то! Гдѣ же это ты каждый день пропадаешь до сего времени? Вотъ и чай-то ты прогулялъ!

— У меня, дѣдушка, книгъ нѣтъ; такъ я остаюсь въ классѣ учить урокъ, отвѣчалъ Иванъ.

— Нешто и выучилъ къ завтраму-то?

— Выучилъ, дѣдушко.

— А ну-ка прочитай!

Иванъ бойко, безъ запинки прочиталъ урокъ изъ «Начатокъ».

— Славно, братъ, славно!

— Да я, дѣдушко, еще изъ грамматики выучилъ!

— Ну-ка, ну-ка!

Иванъ также бойко прочиталъ что-то изъ «Греча».

— Отхваталъ, братъ, важно! молодецъ! что за молодецъ! А я, братъ подумалъ, что ты балуешь гдѣ-нибудь съ ребятами. Молодецъ!

Савелій былъ весьма доволенъ, что всѣ его предположенія на счетъ лѣности и лодырничества Ивана оказались несправедливыми. «Эдакаго парня да... э-эхъ! Пусть бы у этихъ-то богачей были такіе ребята!» подумалъ онъ.

— Теперь, братику, пора напиться чайку! Вотъ я для тебя и чайникъ въ печку поставилъ. Не хотѣлъ было совсѣмъ давать, какъ бы узналъ, что баловалъ! Вотъ и булочка, и сахарокъ. Выпей-ка на здоровье!

Иванъ расположился чаевать.

Digitized by Google

— Какъ же бы это намъ вотъ съ книгами-то быть? разсуждалъ между тѣмъ Савелій. Вѣдь, чай, лучше бы учить здѣсь, по своимъ книжкамъ? а?

— Какъ же, дѣдушка! По своимъ-то гораздо лучше! Тамъ еще какъ дадутъ! У меня есть, правда, добрый товарищъ.

— А, добрый? Бѣдный, поди-ка?

— Бѣдный-пребѣдный! у него никого нѣтъ; такъ завсегда въ бурсѣ живетъ.

— Ты, Ваня, приведи-ка его когда нибудь, знаешь, сюда. Мы его хоть чайкомъ попоимъ, бѣднаго!

— Ладно, дѣдушка!

— А вотъ о книжкахъ-то опять. Тутъ, знаешь, на вышкѣ много этого добра-то! Посмотрѣть развѣ? Ужо, я завтра слазаю, да притащу, а ты поглядишь! Забросовыя онѣ, а можетъ годятся! Хозяйскій-то сынъ по нимъ учился, ну, и сбросали потомъ на вышку!

На завтра, испросивъ надлежащаго разрѣшенія, Савелій досталъ съ вышки и принесъ въ кухню цѣлую охабку книгъ. Книги оказались самыя разнообразныя. Были тутъ и учебники, и стародавнія романы, и «возванія россійскаго библейскаго общества», и «превосходнѣйшее твореніе знаменитѣйшаго Ерузалема» и «Ключъ къ таинствамъ натуры» и календари; были корешки безъ книгъ, и книги безъ корешковъ и безъ заглавныхъ листовъ. Долго рылся Иванъ, разбирая эти сокровища и внутренно разсуждая: «ахъ, какъ бы всѣ эти книги, да мнѣ!» Наконецъ онъ нашелъ, что ему было нужнѣе всего именно «Начатки»!

— Вотъ, дѣдушко, эту у насъ учатъ! съ радостью обратился онъ къ Савелью, держа въ рукахъ книгу.

— Ну, вотъ и ладно; откладывай ее!

Еще порылся Иванъ и открылъ грамматику Востокова.

— Граматика-то, граматика; учатъ у насъ ее, сказалъ онъ въ раздумьи; да что-то на нашу-то не походитъ.

— Ну, попробуй; можетъ, и годится! Тамъ спросишь!

Иванъ дѣйствительно послѣ спросилъ учителя, можно-ли учить по Востокову. Но учитель отвѣчалъ: нѣтъ! И еще выругалъ Ивана, присовокупивъ, что по этой-де учатъ только въ какой-нибудь гимназіи и что съ чужимъ уставомъ въ свой монастырь не суются. Иванъ сообщилъ объ этомъ Савелью.

Digitized by Google

— Да что же, сказалъ Савелій, развѣ плохо ужъ она не подходитъ? Ты вѣдь говорилъ, что подходяща?

— Да совсѣмъ подходяща! отвѣчалъ Иванъ; только слова не тѣ!

— Чудно что-то, замѣтилъ Савелій. Тоже-да не то: и подходяща и не подходяща! Эхъ вы, ученые! А что та-то ваша стоитъ?

Иванъ отвѣчалъ, что въ казнѣ, онъ слышалъ «Гречь» стоитъ пятдесятъ копѣекъ, а у ребятъ, старую, можно его купить и за гривну.

— Ну, такъ и купимъ! рѣшительно сказалъ Савелій. Не разоритъ насъ гривна-то: найдемъ ужъ!

Не оказалось еще «Нотнаго Обихода», но эта штука стоила такъ дорого, что для покупки ея не хватало у Савелья и капиталовъ, и потому друзья наши рѣшили: «обихода» не покупать, а по нотному пѣнью, дѣлать нечего,—готовиться въ классѣ.

— Ну, это добро-то, сказалъ Савелій по окончаніи разбора книгъ, ты бы тоже подобралъ, авось пригодятся! Сгніетъ же по пусту на вышкѣ-то!

Иванъ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ вдругъ сдѣлался обладателемъ такого множества книгъ, что едвали ихъ столько было у самого смотрителя! Онъ тщательно, рядочкомъ уложилъ ихъ въ свой ящикъ. Ящикъ оказался полонъ.

Впрочемъ, литературное образованіе нашего героя началось не съ этихъ книгъ. Оно началось съ чтенія, или лучше сказать, съ слушанія романа,—и—удивительно, какъ справедливо, что романы преждевременно развиваютъ дѣтей и воспламеняютъ ихъ воображеніе!—тогда же начался его собственный первый романъ. Героинею этого романа была Марѳа Егоровна, съ которой намъ давно пора познакомить читателей.

Марѳа Егоровна была уже дѣвица довольно пожилая, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма благочестивая, весьма любознательная и довольно начитанная. Правда, въ ея дѣвической библіотекѣ находились только три книги, и кромѣ нихъ она едва ли что прочитала во всю свою жизнь, но за то эти книги были самыя разнообразныя по содержанію и потому вполнѣ удовлетворяли умственнымъ потребностямъ любознательной дѣвы. По части научной Марѳу Егоровну вполнѣ удовлетворялъ «Сонникъ»; по сердечной части усладою для нея служилъ: «Алонзо и Ельвира», романъ самаго жестокаго свойства, наконецъ, для душевнаго спасенія она читала «Маргариты» или избран-

Digitized by Google

ныя сочиненія знаменитыхъ россійскихъ проповѣдниковъ. Всѣ эти книги Марфа Егоровна читала съ равнымъ увлеченіемъ.—Сонникъ ежедневно, по утрамъ, «Маргариты»—въ великіе праздники и въ посты, а жестокій романъ—постоянно по вечерамъ. Таково было прелестное созданіе, плѣнившее сердце нашего неопытнаго друга.

Недѣли двѣ спустя послѣ водворенія Ивана въ его новомъ, теплomъ гнѣздѣ, т. е. въ кухнѣ Дмитрія Егоровича, за печкой,—какъ-то разъ вечеромъ кухарка послала его въ хозяйскія комнаты попросить у Марѳы Егоровны свѣчку. Иванъ зналъ уже входъ въ эти комнаты съ надворья, видѣлъ даже обѣ переднія, парадную, откуда обыкновенно выходилъ «баринъ», и черную, гдѣ сновали домашніе и прислуга. Въ потемкахъ Иванъ едва нашелъ двери задней прихожей; робко отворивъ ихъ, онъ вошелъ въ темную комнату. Но дальше онъ ужъ не зналъ, куда идти. Онъ остановился въ испугѣ, не смѣя ни итти далѣе, ни закричать. Но вотъ гдѣ-то вблизи раздался голосъ Марѳы Егоровны. Иванъ сталъ прислушиваться: Марѳа Егоровна что-то читала, и такъ выразительно, съ такими повышеніями и пониженіями въ голосѣ, что Иванъ отъ удивленія какъ бы приросъ къ мѣсту: въ первый еще разъ въ жизни случилось слышать женское чтеніе и притомъ такое жалостливое. «Это лучше моего тятьки»! подумалъ онъ, и опять сталъ слушать. «Нѣтъ; это не то-что тятька, а и о. Ефима лучше»! Тутъ онъ шага на два, ощупью подвинулся впередъ. Ему страхъ какъ хотѣлось послушать, что это такое читаетъ хозяйка. Вдругъ Марѳу Егоровну прервалъ грубый мужской голосъ. Иванъ сейчасъ узналъ голосъ прикащика Титкина и могъ слышать каждое его слово.

— Это вы, Марѳа Егоровна, говорилъ Титкинъ, все вздоръ какой-то читаете! Отъ эфтаго умнѣе, право, не будете, ей—Богу-съ! Вы бы лучше по хозяйству-съ больше присматривали, чѣмъ эфтакой вздоръ читать-съ!

— Ахъ, Флегонтъ Тихоновичъ, томно отвѣчала Марфа Егоровна. Неужели васъ это нисколько не трогаетъ? Въ васъ послѣ этого нѣтъ никакого чувства!

— Есть ли, нѣтъ ли чувство, не знаемъ-съ, отвѣчалъ Флегонтъ. А это, что вы читаете,—право, вздоръ-съ! такъ, пустяки какіе-то!

— Вамъ, мущинамъ, все пустяки! возражала Марья Егоровна. А намъ, бѣднымъ созданіямъ — не вздоръ; мы чувствуемъ, что это

Digitized by Google

правда—все, что тутъ написано про мущинъ, что они жестокіе сердцу тираны и все такое...

— Э, Марѳа Егоровна! Вольно же вашему брату клянчить да взывать; кто проситъ!

— О, не говорите этого, Флегонтъ Тихоновичъ! Сердце женщины... есть... есть... окіянъ... Ахъ, вотъ забыла, какъ это тутъ хорошо написано!

— Замололи-съ опять; грубо прервалъ Титкинъ. Какъ вамъ это охотно-съ? Это все-съ враки! такое же сердце и у васъ, какъ и у насъ. Иной разъ, случается, осердитесь на кухарку, такъ тоже-съ всякъ обзовете, не хуже нашего, а пожалуй и того-съ...

— Да вѣдь здѣсь не о томъ пишется, Флегонтъ Тихоновичъ, защищалась романическая дѣва. Здѣсь о чувствахъ, о любви говорится...

— Любовь, Марѳа Егоровна, что-съ? флегматически отвѣчалъ Титкинъ. Извѣстно, что такое есть любовь-съ. Ну, полюбилъ кто кого-съ сойдутся,—ладно-съ, а не сходится, ну, и баста, плевать-съ. Чего тутъ! Это дѣло коммерческое, любовь-съ: сторговались—по рукамъ; не сошлось—мое почтеніе-съ? Извѣстно-съ!

— Ахъ, Флегонтъ Тихоновичъ! А страданія? Какъ пріятно... это... страдать! Тутъ это чувствуешь... чувствуешь... страданіе... Вотъ, какъ тутъ описано!

— Ей-богу, я же вамъ говорю, все враки-съ! Чего тутъ страдать! Плюнулъ, да и къ опросткѣ! Не стало развѣ нашего или вашего брата: есть этого добра-то! Это все самъ на себя человѣкъ напускаетъ-съ, я вамъ скажу.

— Нѣтъ, Флегонтъ Тихоновичъ, вы, я вижу, безжалостный человѣкъ, у васъ мало сердца! приставала Марѳа Егоровна.

Иванъ все стоялъ и слушалъ. Ему жаль стало Марѳу Егоровну. «Правду его, чорта, здѣсь никто не любитъ! какой онъ грубый! А какая, должна быть, добрая Марѳа Егоровна! Я ее непремѣнно буду любить! такъ думалъ Иванъ, стоя въ темной комнатѣ и почти забылъ и свой страхъ и то, за чѣмъ онъ сюда пришелъ.

Въ это время задвигали стульями въ сосѣдней комнатѣ и послышался голосъ Титкина.

— Идти мнѣ лучше, счеты сводить!

— Ахъ! сказала Марѳа Егоровна. Видно, наше общество вамъ непріятно, Флегонтъ Тихоновичъ! Вы и посидѣть съ нами не хотите.

— Нѣтъ-съ; почемуже-съ! Въ другое время можно и подольше-съ.

Digitized by Google

А теперь мнѣ надо-съ. Спокойной ночи-съ, Марѳа Егоровна. Глафирѣ Дмитріевнѣ мое почтеніе-съ!

Дверь отворилась и освѣтила Ивана. Титкинъ, увидѣвъ его, спросилъ сердито:

— Ты что, кутья, тутъ дѣлаешь?

— Меня Матрена послала за свѣчкой, да я заблудился!..

— Ну, и спросилъ бы, какъ пришелъ. А то стоитъ, какъ пень. Вышла Марѳа Егоровна.

— А, Ванюшка, что тебѣ надобно?

— Матрена свѣчки просила!

— Сейчасъ достану, сказала Марѳа Егоровна и вынувъ изъ шкафа свѣчу, прибавила.

— На, Ванюшка, отнеси Матренѣ, да какъ отдашь, приди сюда!

И Марѳа Егоровна при этомъ съ нѣжнымъ упрекомъ взглянула на Титкина. Хотѣла ли старая дѣва кольнуть прикащика, пригласивъ къ себѣ въ комнату нашего друга, или такъ сорвалось у ней съ языка это приглашеніе—не знаемъ. Но съ этой минуты сердце нашего героя навѣки отдалось во власть Марѳы Егоровны: участь его была рѣшена. Досадно было ему только, зачѣмъ это она посмотрѣла на этого отвратительнаго Титкина такимъ умоляющимъ взглядомъ? Зачѣмъ эта нѣжная, добрая душа такъ унижается передъ такой скотиной?

Титкинъ не обратилъ вниманія ни на взгляды Марѳы Егоровны, ни на приглашеніе Ивана въ горницу (а, вѣдь, долженъ бы понять, чѣмъ это пахнетъ!). Онъ равнодушно вышелъ изъ комнаты и пошелъ вмѣстѣ съ Иваномъ.

— Гдѣ ты тамъ, кутья? съ насмѣшкой говорилъ онъ, идя по темному двору и оглядываясь на Ивана.

— Здѣсь, откликнулся Иванъ, догоняя прикащика, который отворялъ въ это время кухонныя сѣни.

«Ладно, думалъ Иванъ, входя въ кухню! Ругайся; ругайся, а я... Вотъ же я не боюсь тебя и буду любить Марѳу Егоровну и она... она тоже не будетъ любить тебя, а меня. Вѣдь она сейчасъ же меня звала, значитъ...»

Отдавъ свѣчу кухаркѣ, Иванъ снова направился вонъ изъ кухни.

— Ты куда опять? спросила Матрена.

— Марѳа Егоровна велѣла приходить.

— За чѣмъ?

— Не знаю; такъ.

Digitized by Google

— Вона-ка! Ну, ступай, ступай; вотъ я тебѣ посвѣчу.

Марѳу Егоровну Иванъ засталъ въ столовой, смежной съ переднею.

— А, Ванюша, иди, иди. Ты еще здѣсь не бывалъ?

— Ну, посмотри, посмотри!

И Марѳа Егоровна ввела его въ слѣдующую комнату. Смотрѣть, дѣйствительно, было на что. Въ первый еще разъ видѣлъ Иванъ внутренность богатаго купеческаго дома; комнаты, оклеенныя обоями, устланныя коврами и уставленныя богатою мебелью. Въ переднемъ углу стоялъ огромный кіотъ, съ потолка до полу уставленный иконами въ серебряныхъ ризахъ. Иконы были распредѣлены согласно съ семейными преданіями Гамигуевыхъ. Въ самомъ верху помѣщался образъ св. мученицы Драсиды, ангела бабушки Марѳы Егоровны, нарочно заказанный въ Суздалѣ; къ серебряному вѣнцу этого образа привѣшено было на голубой лентѣ изъ серебра же сдѣланное изображеніе человѣческой ноги,—въ ознаменованіе исцѣленія отъ ревматизма покойнаго Егора Кондратьича; дальше, книзу, стоялъ образъ великомученика Георгія—ангела отца Марѳы Егоровны. Въ срединѣ кіоты вдѣланъ былъ образъ «всѣхъ скорбящихъ радости» и противъ него висѣла неугасимая лампадка, тогда какъ къ прочимъ прилѣплены были разволоченныя восковыя свѣчи.

У одной стѣны стояла высокая кровать, съ взбитымъ чуть не до потолка пуховикомъ и разнообразными подушками, складенными въ видѣ пирамиды. Это было дѣвственное ложе самой Марѳы Егоровны. Напротивъ двѣ небольшія кроватки ея племянницъ. У изголовья кровати Марѳы Егоровны стоялъ огромный коммодъ, съ зеркаломъ на верху и на коммодѣ безчисленное множество флаконичковъ, помадныхъ банокъ и прочихъ туалетныхъ вещей. Глаза разбѣжались у нашего Ивана. Онъ стоялъ, выпучивъ глаза, пораженный окружающею его роскошью.

— Иди, сядь вотъ тутъ! ласково сказала Марѳа Егоровна. Я вотъ принесу вамъ гостинцевъ.

Иванъ сѣлъ на ближайшій стулъ. Дѣвушки дико посмотрѣли на него, какъ бы недоумѣвая, зачѣмъ это тетка пригласила сюда такого неотесаннаго деревенскаго болвана? Старшая изъ нихъ сидѣла около коммода и что-то вязала длинными иголками; маленькая, усѣвшись въ уголкѣ на низенькую скамеечку, разбиралась съ своими куклами. Немного погодя, Марѳа Егоровна принесла корзинку съ конфетами и дала нѣсколько штучекъ Ивану. Бывшій бурсакъ вскочилъ

Digitized by Google

съ мѣста и по деревенскому обычаю упалъ въ ножки Марѳѣ Егоровнѣ, причемъ разронялъ по полу данныя ему конфеты. Марѳа Егоровна только улыбнулась, видя неловкость нашего героя; Глаша громко разсмѣялась. Оправившись отъ своего смущенія, Иванъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто и робко поглядывая по сторонамъ, тихонько положилъ въ ротъ ягоду изюма. Разжевавъ ее, онъ почувствовалъ необыкновенную сладость и снова мысленно поблагодарилъ Марѳу Егоровну и рѣшился всѣми силами защищать ее отъ этого злодѣя, Титкина. «Какая добрая она!» думалъ Иванъ. «И какой извергъ этотъ Титкинъ!... Однако зачѣмъ она смотрѣла на него такъ умильно?..»

Дѣвушки живо расправились съ конфетами. По временамъ онѣ взглядывали на Ивана—Глаша съ насмѣшливой улыбкой, а Елена съ наивнымъ, ребяческимъ любопытствомъ. Но ни у одной изъ собесѣдницъ не нашлось для него ни вопроса, ни ободрительнаго слова. Изрѣдко перебрасывались онѣ между собою незначительными фразами. Чаще всего начинала Глаша. То, зѣвая во весь ротъ, она лѣниво спрашивала: «скоро ли ужъ ужинать-то?» то, поглядѣвъ куда-нибудь на стѣну или на потолокъ, вдругъ восклицала: «ахъ, тетенька, тараканъ!» Тетенька, какъ бы обрадовавшись живому человѣческому голосу, спѣшила спросить: «гдѣ тараканъ?» и по указанію племянницы, искала глазами рѣдкаго звѣря. Увидѣвъ его, она замѣчала: «и то тараканъ!» И разговоръ прекращался. Одна маленькая Елена, не обращая ни на кого вниманія, шушукала съ своими куклами. И не странно ли, что жизнь этихъ мертвыхъ куколъ, движимыхъ рукою четырехлѣтней дѣвочки и разговаривавшихъ между собою при помощи ея языка, казалась болѣе дѣятельною и разнообразною, чѣмъ жизнь этихъ взрослыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна уже довольно пожила на свѣтѣ и набралась опытовъ, а другая была въ полномъ прыску жизненныхъ силъ?

Съ этого достопамятнаго вечера нашъ юный другъ вступилъ въ опасный водоворотъ любви, сомнѣній, ревности и разочарованій. Съ этого времени всѣ лучшіе помыслы его принадлежали ей, Марѳѣ Егоровнѣ, зрѣлой дѣвѣ Матрешкина-переулка. Хитрая дѣва съ своей стороны употребляла все свое кокетство, чтобы окончательно свести съ ума нашего героя. Вслѣдъ за описаннымъ вечеромъ она предложила ему проводить ее съ Глашей ко всенощной, а затѣмъ всѣ они вмѣстѣ отправились къ обѣднѣ. Богъ мой, съ какимъ торжествомъ шелъ нашъ Иванъ рядомъ съ двумя разряженными дѣвицами! Какою

Digitized by Google

гордостью наполнялось его сердце при мысли, что обѣ онѣ, нѣкоторымъ образомъ, находятся подъ его охраной и покровительствомъ!

XXII.

Герой нашъ лѣзетъ въ гору.

На святкахъ Дмитрій Егоровичъ имѣлъ обыкновеніе задавать великолѣпное пиршество для всей дребеденской знати. Эта была дань тому высокому положенію, которое онъ занималъ въ средѣ общества. И хотя Дмитрій Егоровичъ и называлъ все это общество вкупѣ—«паршивымъ» и каждаго, болѣе замѣтнаго члена его—кого подлецомъ, кого канальей, а кого крохоборникомъ, но чтожъ дѣлать?—и самъ пользовался гостепріимствомъ этихъ каналій и считалъ себя обязаннымъ раза три въ годъ задавать «великое кормленіе» всему знатному дребеденскому люду. И если ужъ говорить правду,—превеликое удовольствіе доставляло ему не только присутствіе въ его домѣ значительныхъ особъ, но и зрѣлище безчисленнаго множества экипажей, загромождавшихъ въ эти дни Матрешкинъ-переулокъ, котораго лучшимъ украшеніемъ былъ домъ Дмитрія Егоровича. Съ какимъ удовольствіемъ, выходя на крыльцо, чтобы проводить высопочтенныхъ гостей, онъ слушалъ громогласные возгласы: «карету его пр-ва! карету его преосв-ва!» и т. д. При этомъ даже видъ уличныхъ зѣвакъ, толпившихся около его дома, производилъ на Дмитрія Егоровича препріятное впечатлѣніе.

И никто не умѣлъ такъ хорошо угостить, такъ угодить изысканному вкусу избалованной знати, «потрафить т. е. имъ въ самую масть», какъ Дмитрій Егоровичъ. «Какую я, небось, добылъ мадерку для его превосходительства, говаривалъ онъ какому-нибудь закадышному пріятелю; самъ, батюшка, изъ Питера везъ зимой, а чтобъ, каналья, не замерзла, постоянно подъ собой держалъ! За то же какъ и расхвалилъ его пр-во! Ну, братъ, говоритъ, только у тебя, да у князя Замухранскаго въ Петербургѣ и пивалъ такую!» «Ужъ ничего не пожалѣю, но чтобъ было хорошо!» заключалъ не безъ самодовольствія Дмитрій Егоровичъ.

Digitized by Google

Понятно, что приготовленія къ торжественному дню должны были сильно занимать Дмитрія Егоровича. «Боже сохрани, не забыть бы чего! Бѣда, если чего-нибудь не хватитъ, или что-нибудь выйдетъ не такъ! «Надо подумать, да и подумать!» Приготовленія начинались чуть не съ перваго дня праздника. Дмитрій Егоровичъ самъ любилъ хорошо покушать чего-нибудь рѣдконькаго, послаще и подороже и потому считалъ себя знатокомъ въ этихъ дѣлахъ. Онъ мысленно перебиралъ всѣ когда-нибудь ѣденныя имъ блюда; но наконецъ сознавался, что для такого великого дѣла его одного ума мало. Посылали за первымъ въ городѣ поваромъ. Часа три толковалъ съ нимъ Дмитрій Егоровичъ; перебирали всевозможные «фрикасе» и «бламанже», «бешемели» и «канцинели» и наконецъ составляли карту.

По заведенному однажды порядку и въ описываемое нами время все шло, какъ слѣдуетъ. Дмитрій Егоровичъ потолковалъ съ поваромъ, остался отмѣнно доволенъ выборомъ блюдъ, въ особенности же тѣмъ, что поваръ уступилъ изъ выпрошенной за приготовленіе цѣны цѣлыхъ два съ полтиной, сказавъ, что дѣлаетъ это только изъ уваженія къ Дмитрію Егоровичу, а что намеднись и не за такой обѣдъ, а такъ-себѣ, обѣдишко, онъ взялъ съ купца Кулагина вдвое дороже.

Слѣдовало позаботиться на счетъ приглашеній. Передъ Дмитріемъ Егоровичемъ явился Титкинъ, по обыкновенію, молчаливый и загадочный, какъ сфинксъ.

— Что прикажете-съ? спросилъ онъ, поклонившись и ставъ почтительно у дверей.

— Вотъ что, Флегонтъ. Надо разослать билеты на послѣзавтра, озабоченно сказалъ Дмитрій Егоровичъ. Гдѣ у тебя прошлогодній списокъ?

Флегонтъ скоро сбѣгалъ къ себѣ и подалъ своему хозяину засаленную бумажку, кругомъ исписанную именами. Но едва Дмитрій Егоровичъ взглянулъ на списокъ, какъ откинулся въ креслахъ и ударилъ себя по лбу.

— Эхъ, и забылъ съ поваромъ-то поговорить на счетъ этой проклятой постницы! Вотъ вѣдь завяжутся тутъ... Особый столъ имъ изволь готовить! съ досадой проговорилъ Дмитрій Егоровичъ. Ну, гдѣ теперь найдешь хорошей свѣжей рыбы?

— Для кого-съ? спросилъ Титкинъ.

Digitized by Google

— Да на, вотъ, читай! отвѣчалъ Дмитрій Егоровичъ, показывая списокъ и тыча въ него пальцемъ.

— Да нельзя ли обойтись, не звать-съ, рѣшился замѣтить прикащикъ.

— Съ ума ты сошелъ? не звать! Ты, братъ, вѣчно дичь какую-нибудь сгородишь. Не звать! Всегда звали, и вдругъ—не звать! Да что подумаютъ. Чортъ съ нимъ, надо повару сказать. Сбѣгай за нимъ, да объ рыбѣ-то похлопочи!

— Хорошо-съ.

— Его пр-во... читалъ между тѣмъ Дмитрій Егоровичъ въ спискѣ. Ну, это само собой. «Его высокородіе, Трифонъ Ивановичъ Перетычкинъ!»—«Ну!»—«Его в-діе, Сидоръ Ивановичъ Недотычкинъ..»—пошли!.. А вѣдь все подлецы! комментировалъ Дмитрій Егоровичъ. И что это у насъ за общество здѣсь? Господи!.. Ну, вотъ хоть этотъ—какой-нибудь Попадейкинъ,—вѣчно напьется какъ стелька, никакого приличія не умѣетъ соблюсти, да еще и куражится: у меня, говоритъ, связи въ Петербургѣ! жена, говоритъ, у меня тамъ живетъ,—министру двоюродная сестра! А поди-ка, просто подстегa какая-нибудь; таскается по Невскому, какъ брошеная тряпка!» Какъ же! Къ высшему обществу вѣдь онъ принадлежитъ!.. Хорошо высшее общество: иной пьяница кабацкій лучше!—Ну, или хоть вотъ этотъ, продолжалъ пересчитывать Дмитрій Егоровичъ,—тоже вѣдь высокоблагородіе, надворный, поди, какой-нибудь, небось, Анна на шеѣ,—а того и гляди стянетъ что-нибудь, ложку или салфетку. Эдакая сволочь народъ! А нельзя не звать! Что станешь дѣлать? Не позови, такъ тебѣ напакостятъ, что и не отвертишься!

— Теперь эти военные! И нужды-то въ нихъ никакой не случится тебѣ никогда, а зови! Шушера вѣдь такая, прости Господи; штанишки-то всегда одни у иного въ житьѣ, и весь въ долгу, какъ въ шелку,—а зови! Да къ другому, шельмѣ, еще самъ поѣзжай звать: въ амбицію вломится! Не звать,—виду никакого нѣтъ безъ военныхъ; обѣдъ—точно похоронный выйдетъ,—это первое. А другое, ну, какъ генералъ вдругъ спроситъ: «а что же моего Васеньки нѣтъ? Чай Дмитрій Егоровичъ не забылъ пригласить?» Что тогда?

И разсуждая такимъ образомъ вслухъ, Дмитрій Егоровичъ дѣлалъ отмѣтки карандашомъ противъ каждаго имени. Кончивъ перекличку, онъ отдалъ списокъ прикащику и прибавилъ:

— На, вотъ напиши билеты. Да опять не сдѣлай по прошлогоднему. Не срами ты меня, Христа-ради!

Digitized by Google

— Вѣдь вы сами же изволили когда-то браниться, что много издержано денегъ на билеты. Я и сообразилъ, какъ по экономнѣе, отвѣчалъ Титкинъ.

— По экономнѣе! передразнилъ его хозяинъ. Ты такъ дѣлай, чтобы экономія—экономіей, а приличіе чтобы все было соблюдено! А то вдругъ чуть не на сахарной бумагѣ, на тряпицѣ какой то, что въ карманъ кладутъ, разослалъ билеты! Срамъ, да и только. Ты вотъ попусту то свѣчъ не жги, опурки тамъ разные, пакеты старые не бросай въ печь, а умѣй собрать, да въ дѣло употребить, продать съ пользою—вотъ это экономія! Тутъ никто тебя не осмѣетъ, никто не увидитъ, а глядишь—копеечка!

Прикащикъ равнодушно слушалъ нотацію. Было замѣтно, что слышать эти нотаціи было для него дѣломъ привычнымъ. Давъ хозяину кончить проповѣдь, онъ сказалъ:

— Денегъ-съ пожалуйте!

— Какихъ опять денегъ? Гдѣ я ихъ взялъ? сердито произнесъ Дмитрій Егоровичъ.

— На что же я покупать буду, что нужно? возразилъ прикащикъ.

— Покупать, покупать! Денегъ! Чего-нибудь не хочешь ли? Нѣтъ у меня тебѣ денегъ! продолжалъ хозяинъ.

— На нѣтъ и суда нѣтъ-съ! Для чего же и пиры заводить, коли...

Но Дмитрій Егоровичъ недалъ кончить Титкину. Онъ былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что прикащикъ смѣетъ его учить.

— Что?.. Ты учить меня вздумалъ! закричалъ онъ въ гнѣвѣ, вскочивъ съ кресла. Забываться! Вонъ пошелъ, скотина, мерзавецъ! Хамы проклятые! Васъ погладь только разъ по головкѣ, вы рады ужъ и на шею сѣсть!

Прикащикъ сухо поклонился и направился къ дверямъ. Дмитрій Егоровичъ далъ ему пройти до передней и воротилъ.

— Эй, ну! Воротись, что-ли?

Титкинъ, не показывая ни смущенія, ни досады воротился на прежнее мѣсто.

— Сколько тебѣ?

— Рублевъ двѣсти, чай, надо будетъ, флегматически отвѣчалъ прикащикъ.

Дмитрій Егоровичъ досталъ бумажникъ и отсчиталъ деньги.

— Да вотъ что, прибавилъ онъ, подавая деньги; вечеромъ будетъ своя братья, такъ ужъ ты тамъ изладься! Чтобъ столы, карты и мѣл-

Digitized by Google

ки были готовы. Скажи сестрѣ, что бы прибрала, что останется отъ обѣда и оставила къ вечеру на закуску: неготовить же снова! Да чтобъ за поваромъ и стольниками глядѣла въ оба: воры—народъ! Да какого бы къ вечеру мальчишка позвать,—подавать, что нужно. Нѣтъ ли у кого изъ стольниковъ? А, да попенокъ-то нашъ что?

— Куда ему? замѣтилъ Титкинъ. Кутья, такъ кутья и есть! Перебьетъ, пожалуй, всю посуду!

— Ну, приглядѣть за нимъ, отвѣчалъ Дмитрій Егоровичъ. Все, хоть трубки подастъ!

— Да, вѣдь, у него и одеженки никакой нѣтъ? настаивалъ прикащикъ. Стыдъ и въ горницу-то пустить!

— Гм.! пожалуй, что такъ, сказалъ хозяинъ. Да нѣтъ ли тамъ какихъ обносковъ отъ Никольчи? спросить ужо у сестры. А то что ему даромъ-то хлѣбъ ѣсть: пріучать надо!

По уходѣ прикащика Дмитрій Егоровичъ заглянулъ въ лежавшій передъ нимъ бумажникъ, обревизовалъ всѣ его отдѣленія и съ досадой сказалъ.

— Эхъ, скверно, чортъ возьми! Что-то маловато осталось! а до полученья-то еще фю-ю! Занять придется. А тутъ еще эти проклятые векселя на шеѣ!.. Ну, да отсрочатъ, черти. Не охота же имъ будетъ двадцать копѣекъ на рубль взять! Отсрочатъ, живодеры! А тѣмъ временемъ»... Но что случится тѣмъ временемъ, Дмитрій Егоровичъ не договорилъ. Впрочемъ, мы сами, можетъ быть, увидимъ, что случится «тѣмъ временемъ». Теперь-же утѣшимся вмѣстѣ съ нимъ пріятною перспективой великолѣпнаго банкета.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, Дмитрій Егоровичъ спросилъ у сестры объ обноскахъ для нашего друга. Марѳа Егоровна обѣщалась поискать.

— Найдешь, такъ покажи прежде мнѣ! замѣтилъ ей Дмитрій Егоровичъ.

Тотчасъ послѣ обѣда Марѳа Егоровна отправилась въ чуланъ, гдѣ хранились такіе вороха всякаго стараго тряпья, что ими можно было бы одѣть полгорода. Чего-чего тутъ не было! женскіе капоты, тѣлогрѣйки и шушуны, какіе нашивали еще наши прабабушки; мужскіе халаты, архалуки, сибирки и сюртуки изъ всевозможныхъ матерій,—все это развѣшено было по нашестямъ и гвоздикамъ и разъ въ годъ вывѣшивалось на дворѣ для просушки, а потомъ снова уносилось въ чуланъ. Хламье это хранилось съ-испоконъ вѣка, не про-

Digitized by Google

давалось и не отдавалось; потому что изобиліе его считается однимъ изъ несомнѣнныхъ доказательствъ богатства и знатности купеческаго дома.

Долго рылась Марѳа Егоровна и перебирала разное тряпье и наконецъ открыла суконную дѣтскую пару, запыленную и выпачканную, и понесла показать братцу. Братецъ внимательно разсматривалъ принесенное; поглядѣлъ на сукно къ свѣту, попробовалъ, на сколько сбитъ форсъ и нашелъ, что эдакую пару носить кутейнику «еще жирно будетъ»! Марѳѣ Егоровнѣ велѣно посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ, въ чуланѣ, чего-нибудь похуже? Оказалась еще пара — кизенетовая.

— Вотъ и ладно! Замѣтилъ Дмитрій Егоровичъ. Велѣть ему вычистить; да тутъ вотъ призашить — и мететъ! Вели же, сестра, примѣрить, да чтобы послѣ завтра вечеромъ являлся въ горницу служить. Да чтобы эту пару надѣвалъ только, когда сюда позовутъ! Не обязанъ я его одѣвать. И того довольно, что однимъ пустокормомъ больше!

Радость Ивана при полученіи неожиданнаго подарка была неописанна. Савелій вполнѣ раздѣлялъ съ нимъ эту радость. Онъ взялъ на себя и вычистить и починить обнову для своего вскормленника.

— Ну, братъ, Ванюха. За эдакой подарокъ ты долженъ въ ножки поклониться Дмитрію Егоровичу, да и Марѳѣ Егоровнѣ—тоже, сказалъ въ видѣ совѣта Савелій.

Относительно Марѳы Егоровны Иванъ въ тотъ же день буквально исполнилъ дружескій совѣтъ Савелья. При первомъ же ея появленіи въ кухнѣ, онъ бухнулъ ей въ ноги, едва она переступила черезъ порогъ; такъ что даже перепугалъ невинную дѣву. Когда-же она спросила, что это значитъ и за что онъ кланяется, то Иванъ уже не нашелся, что сказать, и за него отвѣчалъ Савелій, съ улыбкой удовольствія глядѣвшій на эту сцену. Дмитрія же Егоровича Иванъ ни за что не рѣшился благодарить: шибко ужъ стыдно было!

Насталъ наконецъ и торжественный день пиршества. Весь домъ съ ранняго утра былъ на ногахъ. Титкинъ то и дѣло сновалъ изъ своего логовища въ большой домъ и обратно, переговаривался съ Марѳой Егоровной и въ столовой, и въ сѣняхъ, и въ чуланахъ (при чемъ необходилось безъ вздоховъ съ одной стороны и безъ «ну, ужъ рады» съ другой). Самъ Дмитрій Егоровичъ всталъ рано, тщательно выбрился, вымылся и облекся въ лучшее платье. Хотя онъ и не

Digitized by Google

охотникъ былъ пуститься въ разговоры съ своими домашними, дабы не уронить черезъ это своего достоинства, но на этотъ разъ не утерпѣлъ, чтобы по временамъ не освѣдомиться о той или о другой статьѣ. Ходя мѣрными шагами по залѣ, онъ вдругъ вспоминалъ что-нибудь и, заглянувъ въ столовую, спрашивалъ:

— А что, пріѣхали стольники?

И получивъ утвердительный отвѣтъ, снова начиналъ ходить, какъ будто что-то обдумывая, и снова вспоминалъ что-нибудь.

— А что, поваръ не пьянъ?

— Нѣтъ, не замѣтно, отвѣчала Марѳа Егоровна.

— Да ты бы сама посмотрѣла хорошенько. Не пережарилъ бы чего?

— Не въ первый разъ, братецъ. Еще станешь указывать, такъ нарочно испортитъ что-нибудь!

— Ну!

И Дмитрій Егоровичъ снова начинаетъ ходить. И вотъ опять свѣтлая мысль озаряетъ его важную голову.

— Да вотъ что, сестра! Да гдѣ тамъ она? Провалилась! Никогда васъ нѣтъ, когда надо! Ты дѣвченокъ-то принаряди же: не равно кто спроситъ и захочетъ увидѣть. Да чтобъ сами не смѣли высовывать своихъ рожъ! А то у васъ привычка—выглядывать изъ за печи! И сама-то ты не изволь плясться тутъ. Начнешь глаза-то къ небу запускать,—а тамъ глядишь, что-нибудь и не такъ!

Марѳа Егоровна хоть нѣсколько и обидѣлась замѣчаніемъ брата, но возражать, разумѣется, не смѣла: это не было въ ея характерѣ. Она вполнѣ сознавала свою зависимость и какъ ни горько ей приходилось иногда отъ гордаго и самовластнаго нрава ея братца, но старая дѣва ангельски сносила его грубое обращеніе. За то число сундуковъ ея годъ отъ году увеличивалось и они все туже и туже запирались...

Къ двѣнадцати часамъ сердечное волненіе Дмитрія Егоровича достигло крайнихъ предѣловъ. «Кажется, все перебралъ, все передумалъ, разсуждалъ онъ вслухъ. Ну, а какъ что-нибудь? Господи!» И Дмитрій Егоровичъ снова принимался думать, осмотрѣлъ всѣ углы, передвинулъ нѣсколько стульевъ, даже попробовалъ переднюю дверь,— ладно ли отворяется и сдѣлалъ при этомъ видъ, какъ онъ отворитъ ее при входѣ значительнаго посѣтителя. Но поваръ, поваръ!

Digitized by Google

При этомъ имени Дмитрія Егоровича забирала сильная охота самому отправиться въ кухню и посмотрѣть все тамъ. Но въ тоже время и не хотѣлось показать, что его такъ сильно занимаютъ какіе-нибудь превосходительные гости. «Нѣтъ, не пойду, неловко!»

— Сестра, а, сестра!

— Что?

— Что, ладно тамъ, въ кухнѣ-то?

— Кажись, ладно, братецъ.

— Кажись! кажись! Вамъ все ни-по-чемъ! Вотъ оно, невѣжество-то! Ты не понимаешь, что одно испорченное блюдо можетъ все испортить, можетъ на всю жизнь сдѣлать человѣка несчастнымъ. Ты погляди, поди, сама. Все погляди, да приди, скажи мнѣ!

Марѳа Егоровна бѣжала въ кухню. Осмотрѣла она тамъ все, или нѣтъ, но пришла и доложила, что все хорошо....

Наконецъ стали съѣзжаться и гости. Первый пріѣхалъ блюститель порядка и хозяинъ города. Онъ былъ встрѣченъ чуть не объятіями, потому что избавлялъ Дмитрія Егоровича отъ тягостныхъ думъ, съ утра волновавшихъ его душу. Поздоровавшись съ хозяиномъ, полиціймейстеръ безъ церемоніи спросилъ водки.

— Чертовски усталъ за обѣдней, сказалъ онъ и, увидѣвъ на столѣ рядъ разнообразныхъ графиновъ и бутылокъ, съ воинственнымъ видомъ и гремя саблею, подошелъ къ столу. Быстро пройдя по рядамъ непріятеля указательнымъ пальцомъ, онъ остановился на одномъ графинѣ, налилъ рюмку и сдѣлалъ первый залпъ.

— Ну, теперь можно и покурить!

Дмитрій Егоровичъ засуетился и приказалъ стольнику подать трубку.

— А его пр во изволили быть у обѣдни? спросилъ онъ вкрадчиво.

— Какъ же, былъ! Къ молебну самому пріѣхалъ. Народу было, скажу вамъ, гибель. И что лѣзутъ? Особенно это бабье. Чуть архіерейская служба,—ихъ какъ воронъ налетитъ! Едва очистили дорогу для генерала. У меня на это впрочемъ мастеръ Тулунбасовъ,—засучитъ рукава и давай—на право и на лѣво! Тутъ хоть кто попадись ему,—не посмотритъ! Прошлый разъ чуть въ азартѣ-то саму губернаторшу не затолкалъ къ порогу. Бѣшеная голова,—въ дѣлѣ, такъ чортъ ему не братъ; выпучитъ глаза и ужъ тутъ—хоть на стѣну готовъ лѣзть!

Digitized by Google

— Бравый паренекъ, нечего сказать! поддакнулъ Дмитрій Егоровичъ.

— И, батюшка! Голова! Я бы пропалъ безъ него, замѣтилъ полиціймейстеръ.

— Куда же его пр-во изволили послѣ обѣдни? поддѣлывался Дмитрій Егоровичъ.

— Онъ мнѣ сказалъ, не безъ достоинства отвѣтилъ полиціймейстеръ, что сперва заѣдетъ къ м-мъ Шлехвортъ, потомъ домой заѣдетъ на минуту и затѣмъ ужъ къ вамъ. Нарочно остановился на крыльцѣ, чтобы сказать. Я знаете, ему напомнилъ, что сегодня къ вамъ.

— Благодарю васъ, привставъ со стула, отвѣчалъ Дмитрій Егоровичъ.

— Да, оно, знаете, не мудрено, что и забудетъ. Мы вѣдь только должны все помнить. У насъ вѣдь только и дѣла, что бѣгать на побѣгушкахъ!.. Не знай, у кого больше дѣла-то?

— Что говорить-съ. Полиція—одно слово! Всему городу глава-съ. Что мы безъ васъ? пропадшіе совсѣмъ-съ! съ необыкновенною искренностью сказалъ Дмитрій Егоровичъ.

— Однако, почтеннѣйшій мой Дмитрій Егоровичъ, мнѣ еще надобно побывать въ десяти мѣстахъ. Выпить на дорожку, да и въ походъ! сказалъ блюститель порядка, вставая.

— Посидите немного; вѣдь теперь праздникъ! упрашивалъ хозяинъ.

— Э, батюшка, у насъ праздниковъ нѣтъ! Чуть оплошай, такъ того и гляди, нахлобучку съѣшь. Ни-ни-ни! Да вотъ кто-то на смѣну пріѣхалъ.

И хозяинъ города выпилъ рюмку и уѣхалъ.

Часъ обѣда приближался, и сани за санями подъѣзжали къ дому Дмитрія Егоровича. Удивительно, какъ строго соблюдается въ губернскихъ городахъ самая тонкая вѣжливость и субординація даже во времени пріѣзда въ гости, на обѣдъ. Ни одинъ надворный совѣтникъ не позволитъ себѣ пріѣхать позже статскаго совѣтника и ни одинъ статскій позже генерала. Боже упаси, если случится кому опоздать минутой. Всякій согласится лучше улепетнуть отъ воротъ и остаться безъ обѣда, чѣмъ явиться послѣ генерала. Да и самъ генералъ не проститъ себѣ, если случится ему пріѣхать раньше какого-нибудь статскаго. Одни военные не соблюдаютъ этихъ правилъ,

Digitized by Google

во-первыхъ, потому, что считаютъ себя неизмѣримо выше штаторовъ, а во-вторыхъ, вѣдь всѣ военные вообще страшные либералы!

Первые пріѣхали купцы. Этихъ Дмитрій Егоровичъ безъ церемоніи толкалъ впередъ, приговаривая: ну, лѣзь впередъ, чортъ эдакой!» или: «проваливай что-ли, бочка; и безъ тебя тѣсно»! Затѣмъ появились коллежскіе ассесоры и надворные совѣтники (замѣтимъ кстати, что Дребедень—городъ, по преимуществу, чиновный); съ ними Дмитрій Егоровичъ вѣжливо здоровался на срединѣ залы и указывалъ путь впередъ. Статскихъ совѣтниковъ онъ встрѣчалъ у передней, нѣжно пожималъ имъ руки и провожалъ до двери гостиной, освѣдомляясь о ихъ здоровьи, о здоровьи ихъ женъ и дѣточекъ, а самъ при малѣйшемъ звукѣ экипажа вздрагивалъ и поглядывалъ въ окно. Статскіе совѣтники, плавно ступая по гладкому полу, мягкимъ голосомъ (у всѣхъ статскихъ непремѣнно мягкій голосъ!) благодарили Дмитрія Егоровича и затѣмъ, обращаясь къ кому-нибудь изъ знакомыхъ гостей, заводили рѣчь, примѣрно такую:

— А какова сегодня погодка-съ! Ясно, тепло! какъ на масляницѣ.

— Да-съ! отвѣчалъ счастливецъ, удостоенный собесѣдованія почти съ генераломъ. Пріятная погода!

Затѣмъ статскіе совѣтники, какъ мужи государственные, заботящіеся пуще всего о благѣ народномъ, и къ тому же мужи опытные, задавали вопросъ поважнѣе.

— А вотъ къ урожаю, или неурожаю, такая теплая погода?

Собесѣдникъ поспѣшалъ утѣшить патріотическое сердце государственнаго мужа и отвѣчалъ:

— О непремѣнно-съ къ урожаю!

— Ну, не говорите! отвѣчалъ статскій съ важностью. Можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Это зависитъ, я полагаю, отъ температуры воздуха. А впрочемъ, какъ вѣдь Богу будетъ угодно, заключалъ онъ, дабы не подать низшимъ себя примѣра, что онъ слишкомъ много довѣряетъ человѣческой мудрости.

Но вотъ съ шумомъ подкатились разомъ двѣ кареты. Дмитрій Егоровичъ опрометью кинулся въ переднюю, изъ передней на улицу и разомъ встрѣтилъ двухъ высшихъ сановниковъ города—преосвященнаго и губернатора. У преосвященнаго онъ принялъ благословеніе, а его пр-во ласково сказалъ ему: «здравствуйте!» и подалъ цѣлыхъ два пальца.

Digitized by Google

Мы не беремся описывать всѣхъ подробностей торжественнаго обѣда. Скажемъ кратко, что гости ѣли и пили, какъ слѣдуетъ, ртами и каждый сообразно съ своимъ чиномъ. Купцы хлебали, чавкали и жевали громко; надворные ѣли скоро, но безъ всякихъ особенныхъ звуковъ; статскіе—тихо, важно и долго жевали и вообще ѣли не торопясь. Что до военныхъ, то эти просто глотали, не жевавши и производили страшное опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ бутылокъ (благо, имъ винцо-то поставлено было поплоше!). Какъ изволили кушать сановники—говорить объ этомъ считаемъ неприличнымъ. Впрочемъ, они и кушали немного, а больше бесѣдовали. Его пр-во долго и подробно передавалъ преосвященному правила кавалерійскаго ученія, причемъ очень искусно подражалъ звукамъ трубы и ржанію лошадей и разительными примѣрами доказывалъ необыкновенную смышленность этихъ животныхъ. Его пр-во заключалъ, что хотя онъ, конечно, и не вѣритъ, чтобы у лошадей была разумная душа, но въ то же время готовъ допустить существованіе изумительнаго инстинкта. Преосвященный на это замѣтилъ, что нечего удивляться изумительному инстинкту нѣкоторыхъ животнымъ, потому что онъ данъ имъ тѣмъ же всеблагимъ творцомъ, который даровалъ намъ разумъ, и что за все надобно благодарить Господа Бога.

Обѣдъ кончился, и высокіе посѣтители уѣхали. Проводивъ ихъ, Дмитрій Егоровичъ почувствовалъ необыкновенное облегченіе.

— Ну, батюшки, точно гора съ плечь свалилась. Слава тебѣ, Господи! сказалъ онъ, когда всѣ гости разъѣхались.

Веселый и довольный пошелъ онъ въ свой кабинетъ отдохнуть часикъ-другой. Онъ даже погладилъ по головѣ понавшуюся ему въ корридорѣ младшую дочь, Елену, и удостоилъ ее ласковаго слова.

— А, Еленьча! А что, братъ, архіерея видѣла?

— Нѣтъ, папа. Сегодня не видала.

— Эхъ, ты! А я еще хотѣлъ тебя подъ благословенье подвести!

— Не надо, папа. Я его не люблю: у него борода большая и онъ съ большой палкой ходитъ! Я видѣла только, папа, какъ его повезли: должно быть, папа, онъ тяжолый-претяжолый! Четыре коня едва увезли; ужъ ихъ стегали-стегали кучера!

— Ой ты, дурочка! На четверкѣ онъ потому ѣздитъ, что важная особа. Вотъ и ты, когда будешь у меня генеральшей, тоже будешь на четверкѣ ѣздить!

Digitized by Google

— Нѣтъ, папа, не буду. Я не хочу быть генеральшей. Я, папа, буду булочницей: булочки буду стряпать-такія, маленькія! И Елена показала рукой, какія она будетъ стряпать булочки.

— Да ты видѣла хоть генерала-то?

— Видѣла, папа. Онъ послѣ садился. Страшный такой, сердитый: я его боюсь!

— Отчего же боишься? Вѣдь онъ мой другъ?

— Что,—что другъ? боюсь. Вотъ ты, папа, Титкина боишься же!

Дмитрій Егоровичъ обидѣлся послѣднимъ замѣчаніемъ Елены и грубо сказалъ ей:

— Пошла къ тетѣ, дура эдакая! Да впередъ не смѣй у меня молоть подобныхъ глупостей!

И Дмитрій Егоровичъ величаво направился въ свой кабинетъ. Скоро онъ погрузился въ сладкій сонъ. Въ домѣ воцарилась совершенная тишина; никто не смѣлъ шевельнуться и только густой первогильдейскій храпъ раздавался по комнатамъ.

Часовъ около пяти Дмитрій Егоровичъ проснулся, освѣжилъ себя умываньемъ и сталъ поджидать новыхъ гостей. Много онъ теперь не безпокоился, потому что ждалъ своего брата—купцовъ и только самыхъ короткихъ знакомыхъ изъ чиновниковъ. Предполагался карточный вечеръ и легкая закуска изъ того, что осталось отъ обѣда. Титкинъ, по обыкновенію молча, готовилъ карточные столы, поправлялъ ковры и мебель.

— А что, попенка нарядили? спросилъ его Дмитрій Егоровичъ, вспомнивъ объ Иванѣ.

— Наряжаетъ Савелій-съ, отвѣчалъ прикащикъ. Да никакого, кажется, толку-съ изъ него не будетъ! Вислоухой-съ какой-то парнишка-съ!

— Ну, все же лишній человѣкъ! отвѣчалъ хозяинъ.

Около шести часовъ начали собираться гости. Это былъ цвѣтъ дребеденскаго купечества,—все тузы первѣйшихъ гильдій, изящнѣйшіе образцы великосвѣтскихъ манеръ и наиделикатнѣйшаго обращенія. Не теряя драгоцѣннаго времени, гости скоро усѣлись за столы, и только немногіе, отказавшись отъ игры, бродили по комнатамъ, или подсѣвъ къ играющимъ, давали имъ умные совѣты, за которые этимъ пятымъ игрокамъ предлагали приличное мѣсто подъ столомъ, или же безъ церемоніи брали за шиворотъ и выталкивали въ другую комнату. Вечеръ, начавшись тихо и важно, мало по малу

Digitized by Google

оживился, а когда подана была водка, то и совсѣмъ оживился. Подкрѣпленные «прикупкой», партнеры начали заводить споры, угощать другъ друга разными болѣе или менѣе остроумными прозвищами: елуфимовъ-сидоровичей, растегаевъ-захаровичей и т. п. Все заговорѣло и зашумѣло, какъ и быть должно на карточномъ вечерѣ съ водкой.

Нашъ другъ Иванъ, облекшись въ новую одежду, былъ внѣ себя отъ радости. Хотя сюртукъ былъ ему порядочно тѣсенъ, а брюки покрывали только половину голенищъ, но это обстоятельство не уменьшало его удовольствія: все же это—сюртукъ и брюки, а не нанковый халатъ и деревенскіе штанишки изъ синей дабы! Впрочемъ, хотя, надѣвши сюртукъ, Иванъ и поднялся весьма значительно въ собственныхъ глазахъ, но явясь въ ярко-освѣщенныя комнаты и озадаченный видомъ множества важныхъ гостей, онъ порядочно сробѣлъ и былъ вообще крайне неловокъ. Къ вящшему его горю, этой неловкостью онъ обратилъ на себя вниманіе праздно-сидѣвшихъ гостей.

— Это что у тебя, братецъ, за птица? спросилъ одинъ изъ нихъ у Дмитрія Егоровича.

— Э, птица, да еще какая! отвѣчалъ Дмитрій Егоровичъ. Кутейникъ! Помните, исторія-то...

И Дмитрій Егоровичъ разсказалъ, какимъ образомъ Иванъ попалъ къ нему въ домъ и какъ онъ, изъ состраданія, пріютилъ его у себя.

— Важнецъ, братъ, птица! замѣтилъ гость, выслушавъ разсказъ. А ну-ка, птица, иди сюда!

И гость, съ видомъ знатока разставилъ ноги и, упершись руками въ колѣна, поманилъ къ себѣ Ивана. Тотъ, переваливаясь съ ноги на ногу и почесывая затылокъ, чтобы дать занятіе своимъ рукамъ, которыя видимо ему мѣшали, подошелъ къ гостю, впрочемъ, не очень близко.

— Э, да какой же ты, братецъ, неотесанный! сказалъ гость. Иди-ка, братъ, ближе. Я у тебя зубы-то посмотрю!

Иванъ, думая, что въ самомъ дѣлѣ хотятъ смотрѣть у него зубы, какъ у лошади, упорно стоялъ на мѣстѣ и глядѣлъ въ полъ. Гость притянулъ его къ себѣ и поставилъ между колѣнъ.

— Да смотри же прямо-то! Чего кобенишься? кутья, такъ кутья и есть: никакого обращенія! Ну, умѣешь расшаркиваться? а? умѣешь?

— Не умѣю! глухо отвѣчалъ Иванъ.

Digitized by Google

— Ну, попробуй, расшаркайся! Вотъ такъ!

И гость показалъ Ивану, какъ расшаркиваются. Иванъ—ни съ мѣста.

— Да ну же! Вотъ, вотъ такъ! Ничего, небойся, братецъ; смѣлѣй!

Дѣлать нечего, Иванъ попробовалъ расшаркаться: вышло ужасно неудачно, ноги совсѣмъ какъ-то не слушались. Одна сильно бойко ускочила впередъ, а другая, точно деревянная, не трогалась съ мѣста. Иванъ сконфузился и горько заплакалъ.

— Оставь его, братецъ, сказалъ Дмитрій Егоровичъ, которому отчасти досадно было, что «его» мальчикъ не умѣетъ расшаркиваться. Онъ у меня такъ недавно. Выучится еще, выправится! Что жъ отъ него требовать, отъ деревенскаго мальчишки?

Иванъ ускользнулъ въ заднія комнаты—выплакаться и просморкаться.

Между тѣмъ игра шла своимъ чередомъ. Дмитрію Егоровичу не везло. Онъ проигралъ довольно значительную сумму въ бостонъ. Когда же подъ концомъ игры кто-то заложилъ порядочный банчишка, и Дмитрій Егоровичъ не утерпѣлъ, чтобы не загнуть уголокъ дамочкѣ, то оказалось, что онъ очень и очень продулся. Въ это время нашъ Иванъ случайно проходилъ мимо карточнаго стола. Дмитрій Егоровичъ, какъ бы вспомнивъ что, или осѣненный вдохновеніемъ, остановилъ его.

— Э, постойка, братъ; давай сюда руку! Попробую еще на твое счастье.

Какъ на зло, съ этой минуты Дмитрію Егоровичу повезло страшно. Онъ не только отыгралъ свои деньги, но и остался въ большомъ выигрышѣ. А нашъ другъ, благодаря этому случаю, попалъ въ большую милость къ Дмитрію Егоровичу.

Во время закуски гости расходились страшно. Наши тузы, державшіеся до сихъ поръ чинно, показали теперь, что они еще не вовсе оставили дѣдовскіе обычаи. Подъ звонъ рюмокъ и бакаловъ слышались теперь такія вещи, которыя были бы подъ стать и любому извощику, а не то, что образованному дребеденскому первогильдейцу. Гостепріимный хозяинъ, на радостяхъ, что выдался такой счастливый день, что все идетъ у него, какъ по маслу.—и генераловъ отлично угостилъ, да еще и въ карты выигралъ, и самъ не отставалъ отъ гостей. Къ концу ужина онъ порядочно подгулялъ и началъ терять обычную величавость и вельможескую осанку. Онъ за-просто под-

Digitized by Google

саживался то къ одному, то къ другому изъ своихъ гостей и предлагалъ выпить вмѣстѣ.

— Алеша, другъ мой, выпьемъ вмѣстѣ!

Алеша выпивалъ.

— Ну, другую! Выпей еще! уважь хозяина!

Гость отказывался.

— Да уважь же, душечка! Будь другъ! Ну, выпьемъ!

Гость рѣшительно не хотѣлъ пить.

— Подлецъ же ты послѣ этого! Г...! заключалъ хозяинъ, разсердившись.

Одинъ изъ гостей, все собиравшійся домой и не могшій собраться, воспользовался громкимъ восклицаніемъ Дмитрія Егоровича и сказалъ:

— Господа, пора домой! Мы безпокоимъ семейство?

— Что? вскричалъ Дмитрій Егоровичъ. Семейство? смѣетъ безпокоиться? Сестрица-то моя любезная? Да хочешь, я пойду со всѣми вами туда къ нимъ, въ спальну, раздѣну ихъ и всѣхъ покажу, какъ мать родила? На сестрицу-то мою, правда, никто не позарится: какъ есть кошка ободранная. Еленка—еще пузырь. А Глашка у меня дѣвка сдобная—хоть куда! Однако скромные гости отказались отъ такого зрѣлища. Въ замѣнъ того хозяинъ распорядился вынести на свѣтъ громадную пуншевую чашу съ такими же ставками. Чаша до краевъ была наполнена шампанскимъ, съ малой—толикой рома. Хозяинъ предложилъ гостямъ «по-старинному» сѣсть всѣмъ на полъ, спѣть удалую русскую пѣсню и «выкачать голубушку». Такъ и сдѣлали. Дружно, хоть и не совсѣмъ стройно грянули «внизъ-да по матушкѣ, да по Волгѣ» и за тѣмъ въ десять минутъ осушили «богоявленскую.»

Послѣ такого подвига многіе уже не въ состояніи были подняться; другіе только разнѣжились, обнимались, и цѣловались и плакали. Титкинъ, какъ всегда, безмолвный, равнодушный и безупречный, бережно одѣлъ гостей, довелъ ихъ до экипажей и выпроводилъ по домамъ. Потомъ раздѣлъ своего сильно охмѣлѣвшаго хозяина, уложилъ его спать и на цыпочкахъ отправился въ свою каморку.

Digitized by Google

XXIII.

Переселеніе въ хоромы.

На другой день послѣ знаменитаго банкета, Дмитрій Егоровичъ, все еще веселый и сіяющій подъ вліяніемъ превосходительнаго рукопожатія и архипастырскаго благословенія, вспомнилъ о невинной услугѣ нашего героя и милостиво изволилъ приказать Марѳѣ Егоровнѣ перевести его на житье въ горницу.

— Вели ему перетащиться вонъ туда, въ канурку у прихожей. Да только, чтобъ не пакостилъ, а не то—и со двора долой. Вы у меня, обратился Дмитрій Егоровичъ къ дочерямъ, не якшайтесь съ нимъ! Онъ вамъ не пара. Я беру его собственно для услугъ: подать, тамъ, трубку, или что-либо... Не все же Титкину есть время!

Переселеніе совершилось въ тотъ же день, при дружескомъ содѣйствіи Савелья, весьма довольнаго повышеніемъ своего любимца. Кухарка Матрена, баба ехидная, только сказала, слѣдя за ходомъ переселенія:

— Вона, нашъ мерзлякъ-то, большо, въ честь попалъ! Залетѣла ворона въ высокія хоромы.

Титкинъ, узнавъ о необыкновенномъ повышеніи Ивана, дернулъ его, при встрѣчѣ за ухо и проворчалъ сквозь зубы.

— Ишь, чертенокъ, куда лѣзетъ! Необорвись, смотри!

Самаго Ивана переходъ въ горницу поставилъ въ странное положеніе. Съ одной стороны ему и пріятно было поселиться вблизи обожаемой Марѳы Егоровны. Такое блаженство ему и во снѣ не снилось. Онъ будетъ теперь слышать каждое ея слово, видѣть каждое движеніе, будетъ служить ей,—о, служить со всѣмъ усердіемъ и готовностью,—какое счастіе! При этомъ онъ мысленно готовъ былъ поставить шишъ ненавистному Титкину и смѣло сказать ему въ глаза:

«— Что, братъ, взялъ! Кого, братъ въ горницу-то взяли? Не тебя же, а меня! Стало быть, меня же больше любятъ, и я же, зна-

Digitized by Google

читъ, лучше тебя! Злись, злись, сколько угодно; теперь я тебя не боюсь!»

Конечно, ничего этого Иванъ не сказалъ. И почему ему казалось, что Титкинъ завидуетъ ему и злится, мы не знаемъ. Но нерасположеніе къ прикащику росло въ немъ больше и больше.

Какъ ни пріятенъ былъ для нашего героя переходъ въ барскія комнаты, но и кухню жаль было тоже оставить: тамъ онъ ѣлъ первые, только что вынутые изъ печи сладкіе пирожки, облизывалъ тарелки и мутовки. Словомъ, и тамъ было житье важное, купеческое!

Впрочемъ, чтожъ? Съ Савельемъ онъ всегда можетъ видѣться, а сладкихъ пирожковъ навѣрное дастъ ему Марѳа Егоровна (и—гм! гм! даже прежде, можетъ быть, чѣмъ племянницамъ!). Вѣдь давала же она ему конфетъ! О, эти конфеты, улыбки; косвенные взгляды!... О вы, въ особенности старѣющіяся дѣвы, будьте, ради-христа, осторожнѣе въ раздачѣ этихъ конфетокъ, въ метаніи косвенныхъ взглядовъ и вообще въ невинныхъ выходкахъ невиннаго кокетства. Примѣръ нашего героя да будетъ для васъ назидательнымъ урокомъ; какъ легко этими штучками сгубить человѣка на вѣки вѣковъ. Не жалко ли смотрѣть, какъ отъ вашихъ убійственныхъ взглядовъ и смертоносныхъ улыбокъ гибнетъ не тотъ, для кого они предназначались, а какой-нибудь неопытный юноша, подобный нашему Ивану?

Первая часть приказанія Дмитрія Егоровича исполнилась, но высочайшее повеленіе его относительно не смѣшенія человѣческихъ расъ, увы, не исполнилось. Марѳа Егоровна и ея племянницы, должны мы сказать съ прискорбіемъ, были чужды аристократическихъ пріемовъ высшаго общества, хотя и имѣли передъ глазами изящнѣйшій образецъ высшаго тона, и за свою непонятливость нерѣдко получали отъ этого образца поучительное прозвище дурищъ и мужичекъ. Онѣ довѣрчиво приняли нашего Ивана въ свой кругъ (конечно, въ отсутствіи Дмитрія Егоровича). Ванюха скоро сдѣлался между ними, какъ свой. Трепетъ и благоговеніе онъ ощущалъ только тогда, когда былъ у себя Дмитрій Егоровичъ; безъ него съ Иваномъ обращались какъ съ членомъ семейства. У самоварчика ли, вечеркомъ ли, за орѣшками, для него всегда находилось мѣстечко, хотя и на уголкѣ, подальше, но все же за однимъ столомъ съ хозяйками. Глаша охотно пользовалась его услугами, когда нужно было нагрѣть утюгъ, подержать мотокъ нитокъ или сбѣгать въ лавочку купить на три копѣйки румянецъ для нея и для тетеньки. Скорѣе всѣхъ и ближе

Digitized by Google

всѣхъ сошлась съ Иваномъ маленькая Елена! Между ними скоро устроилось что то въ родѣ взаимныхъ посѣщеній. То она забиралась къ нему въ кануру и подпершн ручонками свою головку, глядѣла, какъ онъ по вечерамъ, зажмуря глаза, зубрилъ—въ полголоса свои уроки и, схвативъ на лету какую-нибудь непонятную ни для нея, ни для читавшаго фразу, принималась сама твердить эту фразу или передавала ее сестрѣ, которая гнала ее отъ себя съ этими глупостями. То самъ Иванъ, сперва не смѣло, а потомъ все съ большею и большею развязностью, подходилъ къ ней, когда она играла своими куклами и начиналъ разговоръ какимъ-нибудь остроумнымъ замѣчаніемъ въ родѣ того, напримѣръ, «какая вонъ эта кукла бравенькая!» Разговоръ завязывался самый интимный; оба они усаживались рядкомъ. Елена давала ему пару куколъ и учила, какъ этихъ куколъ онъ долженъ вести въ гости и гдѣ посадить, и что онѣ должны говорить... Не знаемъ ужъ, право, читатель, что было полезнѣе для обоихъ: вызубренныя ли изъ «Начатковъ» фразы, или эти кукольныя комедіи?

И какъ же это однако случилось, что нашъ вѣтренный другъ полюбилъ не одну изъ этихъ молоденькихъ дѣвочекъ, не Глашу, съ ея розовыми щечками, съ пышной косой и премилымъ выговоромъ на «вто»; не эту крошечную, худенькую, но недурную собой Елену, которой онъ былъ почти ровесникъ и съ которой онъ такъ скоро подружился? Почему полюбилъ онъ Марѳу Егоровну, которая была и немножко рыжевата и вообще, какъ говорилъ ея братецъ, была похожа на ободранную кошку? На этотъ вопросъ, читатель, мы можемъ отвѣтить только пословицей: «любовь зла, влюбляется и въ чорта и въ козла!»

О любовь, любовь!.. Въ комъ это слово не возбуждаетъ самыхъ дорогихъ и трогательныхъ воспоминаній? Какой смертный не испыталъ ея могучихъ чаръ? Какую земную тварь не заставляешь ты, о любовь, и ныть, и блаженствовать, и чувствовать всю сладость бытія, страдать, мучиться неизвѣстностью, разочарованіемъ, ревностью и отчаяніемъ?..! Вотъ теплый лѣтній вечеръ, и садъ, густо разросшійся надъ водою, и берегъ отлого спускающійся къ рѣкѣ, и плакучая ива, вѣтви которой купаются въ холодной струѣ; тамъ заходящее солнце, и соловей, и роза; и—она! О!! А не то, такъ уютная комнатка, устланная мягкими коврами, таинственный полусвѣтъ и столько же таинственный диванъ; и сладкій шопотъ и нѣмые, но краснорѣчивые взгляды, и трепетъ груди, и жаркія лобзанья... О!! Но; о, читатель, не

Digitized by Google

чаще ли всего это магическое слово напоминаетъ нѣчто совсѣмъ иное, далеко не такъ поэтическое и таинственно-роскошное? Не чаще ли всего при этомъ словѣ воскресаютъ въ памяти печальная обстановка бѣдности, униженія и позора, и какъ горькій упрекъ рисуется въ воображеніи бѣдная лачуга, съ удушливымъ воздухомъ, и всѣми признаками нищеты и праздности; тамъ и здѣсь въ безпорядкѣ разбросанныя, измятыя платья; безобразная, переломанная мебель, «самоваръ и чашки на скамейкѣ»; дальше—какія то глупо-улыбающіяся, немытыя рожи и въ заключеніе всего неизбѣжный Карлъ Иванычъ, нѣмецкая рожа, отвратительнымъ своимъ: «неменъ-зи черезъ часъ по столова ложка!» О, любовь!

Говорятъ, въ жизни русскаго человѣка любовь играетъ самую ничтожную роль! Боже правый! Да способенъ ли какой другой народъ такъ рано начинать любить и такъ часто предаваться этой роковой страсти. Деревенскіе ребята, едва начинаютъ ползать, какъ уже разыгрываютъ комедію любви; наши дѣвушки, наши милыя «барышни» во снѣ и на яву только и грезятъ о любви, поютъ про любовь, читаютъ про любовь и нехотятъ ничего знать, что не напоминаетъ про любовь и не рисуетъ картинъ любви. Про нихъ ужъ истинно можно сказать: «для любви одной природа ихъ на свѣтъ произвела! «А барыни наши, великолѣпныя свѣтскія барыни—о, какъ они много любятъ, какъ легко и разнообразно предаются нѣжной страсти! Живутъ ли онѣ хоть день, хоть часъ одинъ безъ любви? Онѣ, милыя, любятъ даже тогда, когда вовсе нехочется любить; любятъ изъ жалости, изъ состраданія, любятъ для денегъ, для орденовъ и чиновъ (мужьямъ), для воспитанія дѣтей, любятъ просто отъ скуки, «пуръ—пассэ—лепетанъ»! Онѣ мѣняютъ любовь, какъ надоѣвшее платье и, право, не меньше счастливы, какъ и тѣ легкомысленные мечтатели, которые воспѣваютъ какую-со страсть до гробовой доски. О нашихъ юношахъ и «мужахъ» по части любви и говорить нечего: всѣ они, можно сказать, отъ младыхъ когтей самые ревностные жрецы Венеры, и стрѣлы Купидона у иныхъ изрѣшетили не только сердца, но и все тѣло, такъ что никакія врачебныя средства, никакіе декокты и бальзамы уже не въ состояніи исцѣлить русскихъ ранъ, нанесенныхъ коварнымъ языческимъ божкомъ. Русскій человѣкъ не умѣетъ любить? Да онъ способенъ любить по крайней мѣрѣ однажды въ день! У насъ мало любви? Скажите, у насъ нѣтъ несчастной любви! Несчастно у насъ любятъ развѣ только бородатыя женщины, которыхъ равно боятся

Digitized by Google

оба пола, да восьмидесятилѣтніе старички—ярунчики, но и тѣ если ужъ не въ силахъ сами любить, такъ нанимаютъ вмѣсто себя для этого другихъ, а сами только смотрятъ, да чмокаютъ губами!... О, любовь, любовь!

Недивитесь же, читатель, что и нашъ герой уже любитъ. Да, онъ уже любитъ, любитъ искренно и горячо, какъ могутъ любить десятилѣтніе герои сорокалѣтнихъ дѣвицъ, немножко рябоватыхъ и немножко рыжеватыхъ.

Но вотъ что тоже несомнѣнно: любовь, особенно у десятилѣтнихъ, неразлучна съ ревностью; она—мать подозрительности и сомнѣній. Все это испыталъ на себѣ нашъ пылкій, влюбчивый другъ. Уже съ того самаго вечера, когда его сердечко поступило въ услуженіе къ романтической дѣвѣ, демонъ сомнѣнія залезъ въ его невинную душу, и въ прикащикѣ Титкинѣ онъ почуялъ своего соперника и врага. Теперь слѣдить за Титкинымъ и Марѳой Егоровной подслушивать ихъ разговоры, подглядывать ихъ движенія, ловить взгляды сдѣлалось мучительнымъ, но постояннымъ занятіемъ Ивана! Правда, Марѳа Егоровна, по всему было замѣтно, его, т. е. нашего героя, любила, но .... Титкинъ! Она была къ нему всегда ласкова, по временамъ даже нѣжна (особенно когда хотѣла куда-нибудь выпроводить), но.... Титкинъ все-таки злодѣй!

Мало по малу нашъ другъ сталъ убѣждаться въ основательности своихъ подозрѣній. И какое же скверное его положеніе: ничѣмъ и помочь нельзя своему горю! Вотъ, напримѣръ, Дмитрій Егоровичъ уѣзжаетъ куда-то съ Глашей въ гости. Марѳа Егоровна напоила чаемъ его и Елену. Она такъ ласкова, такъ внимательна! Кухарка убираетъ самоваръ. Вдругъ Марѳа Егоровна обращается къ Ивану:

— Ты бы, Ванюшка, шелъ теперь въ кухню, да и Елю съ собой взялъ. Тамъ вамъ Савелій сказку скажетъ! А я здѣсь помолюсь...

Дѣлать нечего; надо идти. Марѳа Егоровна сама со свѣчкой заботливо провожаетъ ихъ до кухни. А между тѣмъ уже слышитъ Иванъ, слышитъ ясно,—вверху надъ кухней отворяется дверь, кто-то тихонько спускается съ лѣстницы и пробирается черезъ дворъ... И знаетъ онъ, какому богу молится теперь Марѳа Егоровна! Чтожъ? развѣ бѣжать туда, убить или прогнать этого Титкина и пристыдить невѣрную? Или не разсказать ли обо всемъ Дмитрію Егоровичу? То-то онъ задастъ ему, да и ей тоже! Но... ухъ страшно! Непосовѣто-

Digitized by Google

ваться ли лучше съ другомъ, Савельемъ? Нѣтъ, стыдно какъ-то! Какъ повѣрить ему свою завѣтную тайну? Положеніе въ самомъ дѣлѣ незавидное: досада и мученье! И плохо слушается Савельева сказка о еретикѣ и прекрасной царевнѣ... Знаетъ только Иванъ, что еретикъ — это никто другой, какъ Титкинъ и Марѳа Егоровна, кажется, ужъ не царевна...

И какъ это она могла полюбить этого грубаго, необразованнаго мужика? Развѣ можно любить женщину и такъ дерзко помыкать ею, какъ это *онъ* дѣлаетъ съ *нею*? Такъ ли онъ любитъ ее? И неужели она никогда не пойметъ этого? Не можетъ быть!

XXIV.

Новые жильцы.

Однако, любовь любовью, а въ бурсу все-таки надо было ходить. И Иванъ аккуратно ходилъ въ нее и поучался всему, чему могла научить сія разсадница образованія. Предметы втораго класса, въ которомъ прозябалъ нашъ другъ, не были многосложны и очень затруднительны. «Начатки» да часть греческой грамматики, да первые четыре дѣйствія—все это безъ труда превозмогъ Иванъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тысячу тысячъ разъ твердилъ онъ одно и тоже; заучивалось, казалось бы твердо, но черезъ часъ какимъ-то образомъ выскакивало изъ головы, и снова зубрилось и заучивалось, и еле-то-еле наконецъ засѣдало въ головѣ довольно прочно. Совершенно недавалось ему только нотное пѣніе: голосъ ли былъ у него фальшивый, слухъ ли не вѣренъ,—только изъ «нотнаго» то и дѣло получалъ онъ «нонбене». И не разъ, и не два приводилось ему «разстилаться» и оглашать стѣны бурсы жалостливыми воплями. Само собою разумѣется, что о послѣднемъ обстоятельствѣ тщательно умалчивалось въ домѣ Гамигуевыхъ, и даже искреннему другу, Савелью, не показывались печальны слѣды нотнаго недуга.

Возвратившись разъ изъ бурсы послѣ утреннихъ классовъ, Иванъ встрѣтилъ у Гамигуевыхъ лицо, появленія котораго въ этомъ домѣ никакъ не ожидалъ. То была маленькая чумазенькая дѣвченка изъ

Digitized by Google

Тальянъ, которую видѣли мы, въ началѣ нашего разсказа между тальянскими пастухами. Увидавъ ее, Иванъ и удивился и обрадовался.

— Масча, вскричалъ онъ, чуть не бросившись цѣловать свою землячку.

Масча, до сихъ поръ угрюмо жавшаяся въ уголъ, тоже какъ будто ожила.

— Ты съ кѣмъ? не съ мамой ли? спрашивалъ Иванъ.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвочка. Мужики привезли!

— Зачѣмъ?

— Я почемъ знаю! Послали.

— А наши здоровы?

— Ничего; отецъ-то пьяный все. Вонъ тебѣ что-то послала мамка-то! У дяди Савелья.

Иванъ съ умоляющимъ видомъ обратился къ своему другу.

— А вотъ я и не отдамъ, трунилъ Савелій. Да не тебѣ и прислали, а мнѣ! Я и съѣмъ одинъ.

— Дѣдушко, отдай! умолялъ Иванъ.

— А урокъ хорошо отвѣтилъ? а?

— Отвѣтилъ! Да вѣдь я его тебѣ вчера читалъ! Также и учителю прочиталъ!

— Ну, ужъ такъ и быть! Постой, вотъ я достану.

И Савелій досталъ съ полки небольшой холщевый мѣшочекъ. Тутъ была напичкана всякая всячина: и пироги и орѣхи; ситцевая рубашка и нагрудничекъ на заячьемъ мѣху; и шерстяные чулки и сушеныя ягоды. И странно; не смотря на то, что Иванъ ѣлъ и пилъ теперь чуть не на серебрѣ и имѣлъ уже въ сердцѣ зазнобу, — онъ съ страстнымъ увлеченіемъ бросился на деревенскіе гостинцы. Черный-черный пирогъ, къ которому пристала шерсть, такъ что трудно было догадаться, чѣмъ онъ начиненъ,—ягодами или заячьимъ пухомъ, этотъ пирогъ, обтершійся и полузасохшій, онъ ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ будто пирогъ этотъ сдѣланъ былъ изъ само-лучшаго тѣста и начиненъ не черникой съ заячьей шерстью, а первѣйшими сластями въ мірѣ. И цѣлыхъ двѣ недѣли, отобѣдавъ, какъ слѣдуетъ или напившись чаю съ сладкими пирогами изъ крупичатой муки, Иванъ тихонько доставалъ изъ своего ящика черный тальянскій калачикъ и всласть грызъ его, «на верхосытку», точно самую дорогую конфетку.

Digitized by Google

Появленіе маленькой Масчи въ домѣ Гамлетуевыхъ объяснялось очень просто. Давно уже сварливая Матрена, возясь съ горшками и квашенками, жаловалась на «каторжную жизнь» и угрожала отойти, если не наймутъ ей хоть какую-нибудь помощницу.

— Будь оно проклято, и съ житьемъ этимъ поганымъ! ворчала Матрена. Все успѣй: и корову-то подой, и хлѣбы-то, и мягки-то испеки и обѣдъ-то приготовь! И все-то сдѣлай одна; да еще и этимъ толстобрюхимъ-то особо. Отойду, ей-богъ, отойду! Докуда мнѣ маяться?

Добрѣйшая Марѳа Егоровна вполнѣ соглашалась съ резонами своей кухарки и давно обѣщалась уговорить братца нанять хоть какую-нибудь дѣвченку въ помощь Матренѣ. Въ бытность у нихъ ивановой матери, Марѳа Егоровна спросила у ней мимоходомъ, нѣтъ-ли у нихъ въ деревнѣ какого-нибудь подростка, дѣвчонки, которая могла бы служить на кухнѣ. Марья Алексѣевна, подумавъ, отвѣчала, глядя больше на Савелья, чѣмъ на Марѳу Егоровну:

— Развѣ Машутку трапезникову послать? Она же и сирота, и живетъ, христа-ради, гдѣ день гдѣ недѣлю.

— Похлопочи, матушка, пожалуйста, просила Марѳа Егоровна.

Савелій также одобрилъ такое предложеніе. И вотъ Масчу привезли. Дѣвочка была сначала совсѣмъ, какъ дикая: уткнувшись въ уголъ, ни какого не глядѣла, даже не хотѣла ничего ѣсть. Савелій, въ качествѣ земляка и еще какого-то дальняго родственника сироты, принялъ дикарку подъ свое покровительство. Сначала онъ уговорилъ ее садиться съ ними за столъ, но потомъ мало по малу пріучилъ и пособлять Матренѣ. Скоро Масча исполняла уже большую часть работъ, лежавшихъ на кухаркѣ. Матрена рада была все свалить на дѣвочку, а что бы она не зазнавалась, старалась держать ее въ постоянномъ страхѣ. Она называла ее не иначе, какъ какимъ-нибудь эпитетомъ, дававшимъ понять дѣвочкѣ, «что ты-де и дрянь и прочее»; называла ее и «куцей» и «курнавой», а по временамъ, разумѣется въ отсутствіи Савелья, угощала и тумаками.

Нашъ юный герой безъ скуки проводилъ время-то въ кухнѣ, въ сообществѣ Савелья и маленькой землячки, то въ горницѣ, вблизи своей ненаглядной Мирры Егоровны. И трудно сказать, гдѣ ему было лучше и веселѣе,—въ бесѣдѣ ли съ старымъ другомъ и молодой землячкой, или при безмолвномъ созерцаніи совершенствъ своего предмета.

Digitized by Google

Скоро явился и еще жилецъ въ домѣ Дмитрія Егоровича. Однажды вечеромъ, когда Иванъ, вызубривши уроки, наслаждался обществомъ прекраснаго пола, на дворъ въѣхалъ тяжолый возокъ. Въ домѣ поднялась страшная суета. Пріѣхалъ молодой хозяинъ, Николай Дмитріевичъ, котораго родитель посылалъ на ярмарку. Старика-отца не было дома. Изъ возка бойко выпрыгнулъ бѣлокурый юноша, съ крупными чертами лица. Не обращая вниманія на привѣтствіе Савелья, онъ спросилъ только:

— Тятенька дома?

И получивъ отрицательный отвѣтъ, быстро вошелъ въ домъ. Сестры и тетка бросились обнимать и цаловать пріѣзжаго. Но Николай Дмитріевичъ довольно холодно поздоровался съ ними и распорядился поскорѣе вытаскивать изъ воза свои чемоданы. Когда поданъ былъ самоваръ и всѣ усѣлись около круглаго стола, Николай Дмитріевичъ обратилъ вниманіе на Ивана, стоявшаго на порогѣ и съ удивленіемъ смотрѣвшаго на вновь пріѣхавшаго гостя.

— Это что у васъ за мальчишка? небрежно спросилъ Николай Дмитріевичъ.

— Ахъ, Николенька, отвѣчала Марея Егоровна. Ты и не знаешь, вѣдь. Это...

И Марея Егоровна не безъ эффекта разсказала исторію открытія Ивана.

— Вотъ, очень было нужно всякую сволочь принимать! съ достоинствомъ и довольно сердито замѣтилъ пріѣзжій юноша.

— Онъ сперва въ кухнѣ жилъ, продолжала Марея Егоровна, какъ бы оправдываясь передъ племянникомъ, да братецъ приказалъ о-праздникахъ сюда его помѣстить.

— Батюшка вѣчно дуритъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ необыкновенною для его лѣтъ самостоятельностію.

Презрительный отвѣтъ молодаго хозяина сильно задѣлъ за живое нашего героя. «Сволочью называетъ, да еще при всѣхъ! Самъ-то сволочь!» подумалъ Иванъ и юркнувъ въ свою комнату, уткнулъ носъ въ лежавшую на столѣ книжку. Слезы обиженнаго самолюбія, набѣжали на глаза нашего бѣдняка и закапали на книгу...

Впрочемъ Николенька, также, какъ и его высокочтенный родитель были страшны для Ивана больше въ воображеніи. Правда юный Гамлетъ продолжалъ презрительно обращаться съ нимъ, и заставлялъ безъ зазрѣнія совѣсти исполнять самыя унизительныя поруче-

Digitized by Google

нія, за которыя не считалъ нужнымъ и поблагодарить, но такъ какъ и онъ, подобно родителю, мало водился дома, то спокойствіе нашего друга съ пріѣздомъ Николая Дмитріевича нарушено почти не было.

XXV.

Экзаменъ.

Настала весна. Бурса, весело празднуя рекреаціи, призадумывалась и объ экзаменахъ. Годъ былъ переводный и рѣдкому хотѣлось остаться еще на годъ въ томъ же классѣ. Больше было охотниковъ исключиться, чѣмъ сидѣть лишній годъ въ классѣ. Поговаривали даже, что въ этотъ годъ будетъ ревизія; стало быть экзамены самые строгіе. Ревизовать бурсу назначался или самъ о. ректоръ, или кто-нибудь изъ семинарскихъ профессоровъ. Впрочемъ, жутко приходилось только бурсакамъ. Начальство бурсы, пользуясь благоволеніемъ свыше, ничего не трусило. Если какой-нибудь изъ бойкихъ молодыхъ профессоровъ, назначенный въ ревизоры, совалъ носъ, куда не слѣдуетъ, напримѣръ въ экономію и рѣшался замѣтить смотрителю, что «щи неудовлетворительны» или «каша отзываетъ горечью», то получалъ отвѣтъ, что «сами ихъ в—біе изволили видѣть все и одобрить» и что «неугодно ли г. ревизору на свой счетъ улучшить содержаніе бурсаковъ», ибо положеннаго по штату далеко недостаточно. Ревизоръ оставался съ носомъ, а не рѣдко еще получалъ нагоняй свыше, за излишнюю придирчивость.

Зато на бурсакахъ онъ могъ проѣзжаться, сколько душѣ было угодно. И обыкновенно ревизоры проѣзжались страшно; выказывали удивительное знаніе склоненій и спряженій латинскихъ и греческихъ и приводили бурсаковъ въ стыдъ и смятеніе. Утѣшившись тѣмъ, что успѣли заявить о своей необыкновенной учености и заставивши почти каждаго бурсака повторить незабвенное изреченіе: «знаю, что я ничего не знаю», ревизоры, въ заключеніе представленія, «признавали достойными перевода въ слѣдующій классъ всѣхъ тѣхъ, кого считалъ достойными смотритель училища.

*

Digitized by Google

Однажды квартирные ученики большой гурьбой возвращались изъ училища по домамъ. Между ними былъ и нашъ Иванъ. Весело чирикали между собою ребята, подталкивали другъ друга, кормили подзатыльниками и т. д. Вдругъ одинъ изъ нихъ шепнулъ товарищамъ.

— Тише, смотрите-ка кто идетъ?

По противоположной сторонѣ улицы тихо шелъ мущина въ сѣрой шинели, опираясь на трость.

— Смотрите, смотрите, ребята! Это вѣдь новый профессоръ Остросмысловъ. Говорятъ, его къ намъ нынѣ ревизоромъ пошлютъ. Бѣда, говорятъ, какой строгій! Семинаристы его «старикомъ» прозвали.

Профессоръ былъ дѣйствительно старообразоватъ. Худое, желтое лицо, длинные волосы и сгорбившійся станъ придавали ему стариковскій видъ. Нашъ Иванъ уже видалъ этого человѣка. Онъ хаживалъ съ нимъ по одной дорогѣ. Видалъ онъ его и прогуливающимся мимо дома Гамигуевыхъ. Это блѣдное, старческое лицо, не смотря на свою некрасивость, давно уже нравилось Ивану; нравился и этотъ вѣчно-задумчивый видъ и тихая, важная походка. Онъ старался даже подражать этой походкѣ и представлялъ изъ себя въ это время преинтересную особу. Но до настоящей встрѣчи онъ не зналъ, что это былъ профессоръ. Уваженіе, смѣшанное со страхомъ къ этому незнакомому знакомцу еще болѣе увеличились въ нашемъ героѣ, когда онъ узналъ, кто былъ этотъ незнакомецъ.

— Говорятъ, ребята, продолжалъ ученикъ, сообщившій о профессорѣ, этакого профессора въ семинаріи еще и не бывало. Въ классѣ, говорятъ, бѣда, какой! не дастъ, небось, надуть или проѣхаться на фу-фу; до всего доберется! А потомъ къ себѣ созоветъ, посадитъ, чаемъ поитъ. Даже предлагаетъ трубку ученикамъ-то! Съ ректоромъ такъ, говорятъ, ничью и бьетъ. Дока!

Послѣднія двѣ фразы ученикъ произнесъ почти съ ужасомъ.

— Бѣда, ребята, будетъ на экзаменѣ! заключилъ разсказчикъ.

— Бѣда, бѣда! хоромъ подтвердили ученики.

Пришелъ и экзаменъ. Тотъ самый профессоръ, котораго семинаристы прозвали «старикомъ», назначенъ былъ ревизоромъ. Пока экзаменовались старшіе классы, второприходскіе старались подслушать у дверей, каково «допираетъ» ревизоръ, какъ «даютъ столбовъ»

Digitized by Google

высшеотдѣленскіе и есть-ли какая надежда отвѣтить. Наконецъ дошла и до нихъ очередь. «Старикъ» съ виду показался совсѣмъ смирнымъ. Особенно диво только казалось ребятамъ, что онъ каждому говоритъ «вы». Что это такое? Это непремѣнно какой-нибудь обманъ! штуки какія-нибудь! Пытаетъ, значитъ, что-нибудь! рѣшили ребяты.

Но вотъ вызвано трое. Первый ученикъ «пронороль» за одинъ духъ цѣлую страницу и ждетъ, что ему поставятъ наилучшій баллъ. Учитель тоже въ восхищеніи: хоть этотъ сразу-то не срѣзалъ, думаетъ учитель.

Ревизоръ разбиралъ бумаги.

— Что, что такое вы сказали? спросилъ онъ, поднявъ голову, уже когда ученикъ кончилъ. Повторите, пожалуйста!

Ученикъ завелъ машину.

— Позвольте, позвольте! Это о чемъ вы хотите сказать? спросилъ снова ревизоръ.

Ученикъ опять завертѣлъ машиной.

— Да о чемъ это все-таки? допрашивалъ ревизоръ.

Ученикъ молчалъ.

— О человѣкѣ какомъ, что-ли? или о событіи какомъ вы хотите разсказывать? Говорится здѣсь о комъ-нибудь?

— Древле...

— Что же «древле»—человѣкъ это какой, или что?

— Человѣкъ!

И первенецъ потупилъ глаза, потому что и самъ чувствовалъ, что совралъ.

— Ну, вы, слѣдующій! О комъ онъ прочиталъ?

— О древле....

— Ну, третій!

Третьимъ стоялъ нашъ Иванъ. Пока ревизоръ допиралъ двухъ первыхъ, онъ успѣлъ оправиться и нѣсколько поразмыслить; вспомнилъ, что эту исторію онъ читалъ Савелію, причемъ Савелій еще говорилъ: «такъ это, стало быть, святые люди были, пророки-то; ну, и предрекали»... И Иванъ съ увѣренностью отвѣчалъ ревизору.

— О пророкахъ!

Ревизоръ, казалось, и самъ радъ былъ утвердительному отвѣту. Онъ ласково посмотрѣлъ на Ивана своими добрыми карими глазами и мягче прежняго спросилъ:

Digitized by Google

— Что же они дѣлали?

— Пророчествовали...

Иванъ безъ затрудненія отвѣчалъ на вопросы ревизора, который въ заключеніе сказалъ ему.

— Хорошо; вотъ такъ и слѣдуетъ учить. А то что же это,—читать, и незнать, что читаешь. И самому скучно!

И ревизоръ пустился въ пространныя объясненія о томъ, какъ надо приниматься за урокъ и какъ легче всего заполнить его. Отъ «начатковъ», по которымъ шелъ экзаменъ, онъ перешелъ къ грамматикѣ, потомъ къ ариѳметикѣ, потомъ къ книжкамъ вообще; говорилъ, какъ надо ихъ читать. Ревизоръ говорилъ довольно долго,— и не одинъ второклассникъ изъ спрошенныхъ послѣ этого обязанъ былъ ему тѣмъ, что получилъ не нуль, а хоть двойку или тройку...

— А чей этотъ маленькій, что сейчасъ отвѣчалъ, спросилъ ревизоръ у учителя.

— Иванъ Поповъ—21-й.

— Подойдите-ка сюда, Поповъ.

Иванъ подошелъ робко и не смѣло.

— Не бойтесь, идите; я вѣдь не кусаюсь, говорилъ ревизоръ.

Потрудитесь прочесть вотъ это!

Ревизоръ раскрылъ лежавшую на столѣ книгу. Иванъ прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ.

— Ну, что же тутъ разсказывается?

— О мальчикѣ одномъ разсказывается.

— Сколькихъ онъ лѣтъ былъ?

— Восьми.

— Если теперь этому мальчику восемь лѣтъ, то въ которомъ году онъ родился?

Иванъ замялся.

— Сколько лѣтъ-то мальчику?

— Восемь.

— Значитъ, сколько лѣтъ назадъ тому онъ родился?

— Тоже восемь!

— А теперь у насъ 184...

— Вычесть изъ этого числа восемь... Въ 183... году родился, вдругъ бы обрадовавшись, проговорилъ Иванъ.

Ревизоръ однако не унимался.

— Ну, теперь сколько лѣтъ будетъ этому мальчику въ 185... году?

Digitized by Google

— 20 лѣтъ! съ увѣренностью отвѣчалъ Иванъ.

— А четвертая часть этого числа какая будетъ?

— Пять!

Но и эти отвѣты не удовлетворили «старика».

— Теперь идите къ доскѣ и напишите, что помните объ этомъ мальчикѣ.

Иванъ взялъ мѣлъ, и такъ какъ онъ думалъ, что ужъ это, значитъ, ревизоръ не экзаменуетъ его (ибо кто же [illegible] на экзаменѣ спрашиваетъ?), а такъ просятъ написать, отъ себя, то и написалъ въ двухъ строкахъ, что узналъ изъ книги о мальчикѣ.

— Ну, и довольно. Вотъ вы заразъ отвѣтили и по ариѳметикѣ и по грамматикѣ. Идите на мѣсто!

Иванъ недоумѣвалъ, какъ такъ онъ отвѣтилъ и по ариѳметикѣ и по грамматикѣ, когда его не спрашивали ни склонять, ни спрягать, ни вычитать и множить милліоны, недописанные одни подъ другими? Не менѣе удивленъ былъ послѣдними словами и самъ учитель.

Послѣ этого ревизоръ, какъ-бы утомившись, предоставилъ учителю самому спрашивать учениковъ. Ученики снова начали пороть наизусть, стараясь за одинъ духъ прочитать весь билетъ, чтобы какъ-нибудь не забыть какого-либо слова и не спутаться. Ревизоръ, не прерывая учениковъ, очень скоро отправлялъ ихъ на мѣста, не давъ дочитать билеты, и только при самомъ бѣломъ чтеніи, когда ученикъ городилъ совершенную безсмыслицу, онъ судорожно схватывалъ бинокль у него въ рукахъ списокъ и крѣпко ударялъ карандашемъ о столъ. Учитель полагалъ, что это ревизоръ бьетъ такъ отъ удовольствія и что онъ скоро отпускаетъ учениковъ потому, что видитъ, какъ они все прекрасно выучили. Учитель былъ наверху блаженства. Экзаменъ кончился скоро; ревизоръ всталъ и, не давъ кончить молитву и не простившись съ учителемъ (какъ требовалъ буржуазный этикетъ), вышелъ изъ комнаты, сказавъ при самомъ выходѣ:

— Послать ко мнѣ Ивана Попова!

Иванъ высморкался.

— Иванъ, кажется, не нужно домой-то. Бери-на шапку, да пойдемъ скорѣй.

Иванъ безъ ума схватилъ шапченку и опрометью бросился за ревизоромъ.

— Ты вѣдь, кажется, живешь у Гамигуевыхъ? спросилъ дорогой ревизоръ. По выходѣ изъ класса онъ началъ говорить Ивану «ты».

Digitized by Google

— Да.

— А какъ ты попалъ туда? Родня, что-ли?

Иванъ разсказалъ, какъ умѣлъ.

— Такъ ты-то и есть это былъ! Слышалъ я что-то! Чтожъ, ласковы къ тебѣ хозяева-то?

— Ласковы, отвѣчалъ Иванъ, и ужасно сконфузился, вспомнивъ свои отношенія къ Марѳѣ Егоровнѣ.

— Ну, и барышня ласкова?

«Бѣда! подумалъ Иванъ. Онъ, вѣрно, все знаетъ! Но какъ же? вѣдь я никому не сказывалъ? Ужъ не замѣтилъ-ли онъ, какъ мы вмѣстѣ въ церковь-то ходимъ»?

— Ласковы, отвѣчалъ Иванъ, уже не разспрашивая, про которую барышню говоритъ профессоръ.

— Мы вѣдь сосѣди съ тобой, продолжалъ «старикъ». Вотъ я гдѣ живу. Хочешь зайти ко мнѣ? Познакомимся!

Оказалось, что профессоръ живетъ въ улицѣ, параллельной Матрешкину переулку и что съ крыльца его квартиры видны окна гамигуевскаго дома. Разстояніе между домами по прямой линіи было такъ близко, что можно было видѣть лица въ комнатахъ купеческаго дома.

— Вотъ видишь, какъ близко, сказалъ профессоръ, когда они поднялись на крыльцо. Вонъ окна вашего дома!

Нельзя сказать, чтобы Ивану на этотъ разъ была пріятна такая близость. Какъ ни говори, а вѣдь онъ профессоръ и ревизоръ: ну, что какъ подглядитъ что-нибудь, да смотрителю! Иванъ молчалъ.

— Ну, милости просимъ, продолжалъ ревизоръ, отпирая дверь. Гость, будешь!

Они вошли въ квартиру, занимавшую верхній этажъ маленькаго мѣщанскаго домика. Въ ней всего было двѣ комнаты, съ передней. Вездѣ было чисто и свѣтло. По столамъ разложено множество книгъ: такого обилія ихъ Иванъ еще не видывалъ, такъ что его собственная библіотека теперь казалась ему уже совершенно ничтожною. Какихъ только книгъ тутъ не было! и большія-пребольшія, въ коленыхъ переплетахъ, съ краснымъ обрѣзомъ и маленькія-премаленькія, меньше «начатковъ».

Иванъ глуповато оглядывалъ и комнату и книги.

— А что, ты любишь книги? спросилъ профессоръ.

— Люблю, отвѣчалъ Иванъ.

Digitized by Google

— А читалъ что-нибудь кромѣ учебниковъ?

— Читалъ-съ: «Алонзо и Ельвиру»...

Профессоръ усмѣхнулся.

— Гдѣ же ты этакое сокровище досталъ?

— Марѳа Егоровна все читаетъ; а я слушаю.

— Это которая?

— Тетушка ихняя-съ.

— Ну, еще слава-Богу. А другая-то барышня читаетъ-что нибудь?

— Нѣтъ-съ; онѣ только стишки любятъ, что на конфетахъ бываютъ!

— Бѣдная дѣвушка, сказалъ профессоръ. Вотъ познакомимся, я дамъ тебѣ кое-что почитать.

Иванъ хотѣлъ поблагодарить,—и не умѣлъ. Онъ только привсталъ на стулѣ.

— А теперь чѣмъ-бы тебя угостить? Обѣдать будешь со мной?

— Покорно благодарю-съ; меня ждать будутъ.

— Ну, не стану тебя удерживать. Приходи почаще. На вакаціи поѣдешь?

— Поѣду-съ!

— Кѣмъ у тебя отецъ-то?

— Пономаремъ-съ.

— Вотъ на вакаціи-то я и дамъ тебѣ книгу-то. Приходи-ка хоть дня черезъ два. А теперь прощай. Жаль, что у меня ничего нѣтъ, угостить-то тебя!

Дома Иванъ разсказалъ о новомъ своемъ знакомствѣ одному Савелью. Старикъ, выслушавъ разсказъ, замѣтилъ:

— Что-жъ? это дѣло. Да ты хорошо отвѣчалъ на экзаменѣ-то?

— Какъ же отвѣчалъ! не безъ гордости сказалъ Иванъ. Ахъ, дѣдушко! Знаешь, вѣдь я вспомнилъ на экзаменѣ-то, какъ мы съ тобой читали изъ священной-то исторіи. Еще помнишь, ты спрашивалъ меня о пророкахъ-то?.. Какъ-бы не это,—ни за что бы не отвѣтилъ!

И Иванъ пустился подробно разсказывать о ходѣ экзамена: и о томъ, какъ «допиралъ» ревизоръ и какъ срѣзались первые ученики. Савелій только ахалъ и удивлялся.

Digitized by Google

XXVI.

Вакація.

Экзамены кончились; отошелъ и публичный. Иванъ, какъ отличившійся предъ ревизоромъ, былъ записанъ вторымъ ученикомъ и на публичномъ испытаніи изъ рукъ самого владыки получилъ въ подарокъ книгу: евангеліе на чувашскомъ языкѣ. Его перевели въ третій классъ.

Теперь всѣ заботы бурсы обратились на изысканіе средствъ отправиться на вакатъ. Тѣ, которые были побольше, не задумывались долго: составивъ партію человѣкъ въ двѣнадцать, они отправлялись пѣхтурой, пробавляясь въ пути мародерствомъ; другіе нанимали лодки и отправлялись водой. У нашего Ивана неоказывалось, ни земляковъ, ни попутчиковъ. Тальяны лежали въ сторонѣ отъ всѣхъ трактовъ, въ глуши проселка. Крѣпко задумался нашъ парень.

— Пріѣдутъ-то ли за мной? говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собою, сидя въ кухнѣ, на лавочкѣ.

— Кто пріѣдетъ? зачѣмъ? спросилъ Савелій.

— Да за мной-то, на вакацію-то!

— А хочется, небось, маму-то посмотрѣть? подсмѣялся старикъ.

Иванъ заплакалъ. Онъ убѣжденъ былъ, что за нимъ никто не пріѣдетъ и только утѣшалъ себя своимъ вопросомъ.

— Ну, молчи, молчи! успокоивалъ его Савелій. Пріѣхать-то, ужъ не пріѣдутъ,—не жди! А вотъ я схожу на базаръ, да поищу развѣ попутчика?

И дѣйствительно Савелій на завтра-же нашелъ попутчика, какого-то мужичка изъ Тальянъ. Мужикъ и самъ уже отыскивалъ гамигуевскій домъ, потому что пономарица прислала его изъ милости отыскать и привезти ея Ванюшу. Живо собрался Иванъ: уложилъ въ свой голубой ящичекъ все имущество и когда попутчикъ заѣхалъ, онъ выскочилъ на дворъ уже совсѣмъ готовый въ дорогу.

— Дѣдушко, я поѣду? спросилъ онъ у Савелья.

Digitized by Google

— Постой, постой, братикъ. Да ты простился тамъ, въ горницѣ-то? а?

Ивану стало стыдно.

— Нѣ...тъ; Дмитрій Егоровичъ спитъ.. а...

— Ахъ, Ваня, не хорошо! съ укоризною сказалъ Савелій. Они тебя поятъ—кормятъ, а ты—сѣлъ, да поѣхалъ! И не простившись! что ты это, голубчикъ?

И Савелій воротилъ своего друга и научилъ его, какъ онъ долженъ поклониться въ ножки Дмитрію Егоровичу и Маремѣ Егоровнѣ, поблагодарить ихъ «за хлѣбъ-соль и за не оставленіе» и попросить, чтобы не отказались принять къ себѣ и послѣ. Иванъ воротился въ горницу. Въ ножки онъ поклонился, и «покорно-благодарю» сказалъ, но ужъ больше не могъ ничего объяснить.

Телега двинулась. Савелій, провожая путниковъ за ворота, сунулъ Ивану узелочекъ съ подорожниками и наказывалъ мужику беречь ребенка.

Мы забыли упомянуть, что еще за день до отъѣзда Иванъ сбѣгалъ къ новому своему знакомому, профессору. Тотъ угостилъ его чаемъ и далъ нѣсколько книжекъ, посовѣтовалъ прочесть ихъ съ толкомъ, чтобы послѣ разсказать ему, что прочтетъ.

Едва наши тальяновцы выѣхали, за городъ, какъ Иванъ забылъ все: и бурсу, съ ея страшилищами, и зимнюю вьюгу и бревна на устьи рѣчки, занесенныя снѣгомъ; забылъ теплую кунеческую кухню и друга своего, Савелья; забылъ, наконецъ, о, легкомысленный юноша, и свою любовь къ Маремѣ Егоровнѣ и злобу противу жестокаго врага своего, Титкина. Полной грудью вдыхалъ онъ свѣжій, живительный воздухъ и летѣлъ мыслію въ родныя Тальяны. И вотъ воображаетъ онъ какъ встрѣтятъ его родные, какъ мать со слезами обниметъ и разцѣлуетъ его; выскочатъ босоногія сестренки и нѣчно—растрепанный тятька лѣниво поднимется съ лавки и скажетъ: «а, Ванька пріѣхалъ! какой выросъ!» Живо представлялся ему и о. Ефимъ, который непремѣнно назоветъ его студентомъ, и Сидя, и староста съ пряникомъ и всѣ... всѣ. Вотъ Василья-то Ефимовича нѣтъ, да Наши-то—побѣгать-то... Какъ жаль! Ну, да только бы поскорѣй доѣхать!

Вскорѣ началъ покрапывать дождикъ и нѣсколько охладилъ пылкія мечты нашего друга. Сначала мелкій дождикъ даже понравился ему. Чувствовалась какая-то особенная свѣжесть! Но чѣмъ ближе къ ночи, тѣмъ дождь становился крупнѣе и холоднѣе; но временами онъ

Digitized by Google

какъ будто совсѣмъ переставалъ, но потомъ вдругъ, какъ бы накопившись, проливался откуда-то цѣлымъ потокомъ. Плохо приходилось нашему Ивану. Единственнымъ одѣяніемъ его былъ халатикъ, уже поизносившійся въ теченіе года. Хоть бы рогожкой прикрыться сверху,—и той небыло. Скоро сдѣлалась страшная грязь. Мужикъ слѣзъ съ телеги и брелъ подлѣ оглобли, понукая уставшую лошадь огромной орясиной и изрыгая тысячи проклятій. Иванъ сидѣлъ, съежившись, въ пустой телегѣ, одной рукой придерживая свой ящикъ, другой прижавъ лежавшій за пазухой узелокъ съ подорожниками. Никакого жилья не было по крайней мѣрѣ на разстояніи шестидесяти верстъ.

Скоро Иванъ промокъ до костей. Мужикъ, обломавъ о свою клячу не одинъ десятокъ березинъ, кликнулъ наконецъ и сказалъ.

— Не везетъ, одрань этакая: хоть ты что ее! Дѣлать нечего; надо остановиться!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ своротилъ съ дороги. Саженяхъ въ пяти отъ нея начиналась непроходимая чаща.

— Зги не видать! Ну, ужъ ночка! говорилъ самъ съ собою мужикъ.

Дождь продолжалъ литъ какъ изъ ведра.

— Ишь вѣдь дьяволъ! И вѣтру-то на него нѣтъ! продолжалъ ворчать мужикъ. Эй, паренекъ, паренекъ! Ты чего?

— Замерзъ! провизжалъ Иванъ! Мокро все стало!

— Какъ не будетъ мокро? Э-эхъ! огонька хоть бы достать! Вотъ, постой, отпряжу, да поищу, нѣтъ ли дупла пустаго близко?

Отложивъ лошадь и пустивъ ее спутанную, на траву, мужикъ, началъ осматривать и ощупывать близъ стоявшія деревья и наконецъ нашелъ одну огромной толщины сосну, съ выгорѣвшимъ около корня дупломъ. Густая, кудрявая вершина дерева и безъ того защищала нѣсколько отъ дождя; выгорѣвшее же дупло образовало внутри дерева цѣлую палатку, совершенно сухую, въ которой двое могло помѣститься съ удобствомъ.

— Эй, парнишка, лѣзь, братъ сюда! закричалъ мужикъ. Хоть маленько вздохнешь. А я попробую огонекъ развести. Вотъ только не вымокло ли у меня огниво?

Иванъ кое-какъ расправилъ окоченѣвшіе члены, слѣзъ съ телеги и побрелъ къ мужику. Тотъ между тѣмъ собиралъ горстью оставшіеся внутри дупла угли и соръ, не замоченный дождемъ и потомъ, доставъ огниво, высѣкъ огня. Съ трудомъ развелъ онъ огонь подлѣ

Digitized by Google

самого дупла, подкладывая сухія сосновыя вѣтви, которыя хотя и были смочены дождемъ, но скоро подсохли на огнѣ и загорались, треща и коробясь, живымъ и веселымъ огнемъ. Скоро Ивана пригрѣло огонькомъ, и онъ уснулъ сладкимъ сномъ.

Громкая ругань мужика, запрягавшаго лошадь, которая порывалась похватать еще мокрой травы и недавала ему затянуть супонь, разбудила Ивана. Онъ теперь совсѣмъ отогрѣлся и обсохъ. Замѣтивъ, что спутникъ его проснулся, мужикъ заговорилъ:

— Собираться, братюга, надо, да дальше. Просохъ, что ли?

— Просохъ!

— Ѣсть, поди, хочешь?

При этомъ вопросѣ Иванъ вспомнилъ о своихъ подорожникахъ. Ѣсть ему, дѣйствительно, захотѣлось сильно.

— У меня есть за пазухой, отвѣчалъ онъ мужику.

Оказалось, что подорожники превратились почти въ кашу.

— Охъ, какіе стали! печально сказалъ Иванъ, развязавши узелъ.

— А что?

— Размокли совсѣмъ, и не высохли.

— А ты подержи ихъ около огня-то! подсохнутъ, присовѣтовалъ мужикъ.

Иванъ разложивъ свои булочки около огня; онѣ дѣйствительно, скоро высохли и показались Ивану слаще бетъ-знаетъ какихъ печеній.

Трое сутокъ тащились такимъ образомъ наши путники до Тальянъ; три раза останавливались они въ лѣсу такимъ же образомъ, какъ въ первый разъ. Дождь, съ небольшими перерывами, продолжался и совершенно перестали уже тогда, когда до деревни осталось всего верстъ пятнадцать.

Домой нашъ Иванъ пріѣхалъ чуть живой. Слезамъ и восторгамъ Марьи Алексѣевны конца не было. Плача и цалуя свое дѣтище, пономарица тотчасъ же перемѣнила на немъ бѣлье, дала напиться чего-то теплепькаго; засіяло солнце, теплота и свѣжесть разлились въ воздухѣ,—и вотъ уже нашъ горемычный другъ забылъ и дождь, и слякоть, и всѣ претерпѣнныя недавно бѣдствія, и въ тотъ же день весело бѣгалъ по двору, заглянулъ въ огородъ, добѣжалъ до самой рѣчки,—все оглядѣлъ, осмотрѣлъ. Ничего не перемѣнилось,—только какъ будто все,—и церковь и дома сдѣлались меньше, ниже, чернѣе и бѣднѣе... А вотъ и домъ матери—дьяконицы... Онъ стоитъ, въ

Digitized by Google

сторонкѣ, совершенно пустой; ворота отвалились, окна выбиты, ограда поросла высокой травой и вѣтеръ свободно гуляетъ по комнатамъ. А давно ли тутъ жили люди, и минуты счастья, хотя и рѣдко, но выпадали же и на ихъ долю!..

Домъ отца показался Ивану чуть не бѣднѣе всѣхъ. И что то особенно горькое и непріятное почувствовалъ нашъ бурсакъ, когда вечеромъ все семейство собралось ужинать, и на черномъ и грязномъ столѣ появилась коврига чернаго хлѣба и крынка молока, которую семья принялась расхлебывать обкусанными деревянными ложками!... То ли онъ видѣлъ у Гамигуевыхъ? даже въ бурсѣ,—и тамъ все было какъ будто поприглядиѣе! Ужели же его отецъ и мать хуже всѣхъ людей? Но вѣдь мать его работаетъ съ утра до ночи, не покладая рукъ? Чтожъ это? отчего? и кто тутъ виноватъ?

Послѣ ужина, когда всѣ улеглись спать, пономарица долго еще сидѣла на лавкѣ, на которую она уложила своего сына.

Долго-долго глядѣла еще она на свое дитятко и то плакала радостными слезами, то ощупывала его своими жесткими руками, какъ бы стараясь увѣриться, что передъ нею лежитъ не призракъ, а ея милый сынъ...

Первымъ дѣломъ бурсацкихъ матерей, по пріѣздѣ ихъ сыновъ на вакацію, бываетъ обмываніе ихъ грѣшнаго тѣла въ банѣ; за этимъ слѣдуетъ выжиганіе въ банѣ же ихъ бѣлья и одежды и наконецъ истребленіе въ ихъ головахъ безчисленнаго множества «коровъ», съ которыми тщетно воюетъ горемычная бурса.

Когда всѣ эти операціи совершены были надъ Иваномъ (хотя оказалось, что пожившии на квартирѣ, Иванъ не навезъ ни достаточнаго слоя грязи на тѣлѣ, ни равносильнаго количества чужеядныхъ въ рубашкѣ и въ головѣ) и когда онъ, на третій день послѣ пріѣзда, явился въ церковь, въ обѣднѣ, въ своемъ кашинетовомъ сюртукѣ, въ бриджахъ и даже при манишкѣ, то онъ глядѣлъ настоящимъ молодцомъ. Самъ о. Ефимъ обратилъ на него вниманіе.

— Да какой же, братъ, ты сталъ! сказалъ батюшка. Настоящій студентъ! А что многому выучился? Знаешь «quousque tandem, Catilina»?

Иванъ не зналъ еще «quousque», но не сконфузился. Онъ видалъ уже высшее общество, и о. Ефимъ казался ему даже немножко смѣшнымъ. Пономарь не безъ гордости сказалъ о. Ефиму, отвѣчая за сына:

Digitized by Google

— Перевели, бачка, въ низшее отдѣленье! Книгу подарили!

— Молодецъ, Ванюха! А вотъ бѣдный Паша-то и не того... Счастливъ, братъ, ты; отвертѣлся. Не на роду, значитъ! замѣтилъ о. Ефимъ.

Михайло-пономарь, на радостяхъ, хватилъ въ этотъ день крѣпко, но дома велъ себя довольно тихо: не ругался и не дрался. Онъ скоро улегся спать и сквозь сонъ все что-то пѣлъ и разговаривалъ. И какую-то странную, уродливую смѣсь представлялъ бредъ пьянаго пономаря. То начиналъ онъ какую-нибудь священную пѣснь, то затягивалъ хороводную пѣсню и прерывалъ ее рѣчитативомъ, въ которомъ ужъ рѣшительно ничего нельзя было разобрать. И не разъ, не два въ теченіе пяти недѣль, проведенныхъ Иваномъ въ родномъ домѣ, пономарь являлся домой въ непрезрѣнномъ обрѣзѣ. Ивану и жаль было своего отца, но въ тоже время закрадывалось въ душу иное чувство. Привязанность къ своему, родному и сознаніе долга почтенія къ отцу боролись съ зарождавшимся строгимъ сужденіемъ о нравственномъ достоинствѣ людскихъ поступковъ. Видя унизительное положеніе отца, Иванъ съ досадой говорилъ самъ себѣ: ахъ, зачѣмъ онъ у меня такой!

Живо промелькнули веселые дни. Иванъ постоянно былъ въ дѣйствіи; то уходилъ на цѣлый день удить, то отправлялся со всѣми домашними на сѣнокосъ, то участвовалъ въ церковныхъ службахъ и процессіяхъ.

— А что, говорили мужики, пожалуй годъ—другой, и парнишка поступитъ на мѣсто отца! Плохъ ужъ больно старикъ-то становится.

Вотъ и «спасы» прошли; надо было подумать о городѣ. Ни пономарю, ни пономарицѣ ѣхать туда самимъ было не на чѣмъ, да и не за чѣмъ. И потому опять стали искать для Ивана попутчика.

Какъ-то передъ отъѣздомъ, когда Иванъ бродилъ по огороду, одна изъ сестеръ кликнула его со двора.

— Эй, Ваня! Вонъ Киря тебя на что-то спрашиваетъ.

Завидѣвъ Ивана, Киря, стоявшій въ воротахъ, поманилъ его къ себѣ.

— А, Киря, здравствуй!

— Здравствуй, Ванька. Вотъ что: пойдемъ-ка; я тебѣ что—нибудь скажу!

— Да говори!

— Эка! говори! Ты, слышь, пойдемъ!

И Кирюха схватилъ Ивана за рукавъ и увелъ за уголъ.

Digitized by Google

— Что тебѣ, Киря, надобно?

Киря, не глядя прямо на собесѣдника, отвѣчалъ:

— Что, Масча-то тамъ? у васъ?

— Масча? у насъ!

— Ладно житье-то?

— Ничего. Ее дѣдушко Савелій любитъ.

— Савелій? А, знаю! Любитъ? Не бьетъ?

— Нѣтъ; кухарка иногда и толкнетъ, да Савелій пристаетъ.

— Ну! ты, братъ, тоже приставай! Махонькая она, не обижайте!

— Ладно, ладно, Киря!

— Да во-что. Вотъ отдай-ка ей. Скажи—Киря послалъ!

И Киря вытащилъ изъ грязной тряпицы огромнѣйшую рѣпу, желтую, чистую и сочную,—лучшую изъ всѣхъ тальянскихъ рѣпъ!

— Отдай ей, да скажи: пусть не балуетъ!

И передавъ свой подарокъ, Киря опрометью пустился прочь, оставивъ Ивана съ рѣпой. Впрочемъ, онъ свято исполнилъ порученіе Кири и вручилъ диковинный подарокъ по принадлежности.

Попутчикъ кое-какъ нашелся и за рубль мѣди согласился отвезти Ивана въ городъ. Много было слезъ у пономарицы и на этотъ разъ, но послѣ страшнаго испытанія, которому подвергался ея сынъ въ прошломъ году, и отъ котораго онъ такимъ чудеснымъ образомъ спасся, она уже какъ-то вѣрила въ его счастливую судьбу. Къ тому же она отправляла его теперь не въ бурсу, а къ доброй Марѳѣ Егоровнѣ. Туда-то Марья Алексѣевна посылала самый низкій поклонъ, съ обѣщаніемъ по—гробъ молить Бога о ея здоровьи и съ желаніемъ всѣческихъ благъ, крѣпко наказывая сыну слушаться Марѳу Егоровну и угождать всѣмъ отъ мала до велика.

— Поклонись ты ей, моей матушкѣ; и барышнямъ то, и скажи: прислала бы гостинчиковъ, да нечего. Вотъ всего собрала два туесочка ягодокъ. На больномъ пусть не осудитъ насъ, деревенскихъ. А Богу, скажи, всегда молить буду, денно и нощно!

И вотъ опять потащился герой нашъ по дорогѣ въ городъ. Осень совсѣмъ наступила. Деревья пожелтѣли. Видъ увядающей природы наводилъ грусть, но нашъ юный другъ вспоминалъ, что ѣдетъ онъ почти-что домой, въ свою теплую каморку, въ которую, какъ свѣтлое солнце, заглядываетъ иногда и сама Марѳа Егоровна. При этомъ имени воображеніе начинало разыгрываться; герой нашъ уносился въ заоблочныя страны и не замѣчалъ пути. Благодаря сухой погодѣ,

Digitized by Google

мужикъ въ сутки доѣхалъ до города и съ рукъ на руки сдалъ Ивана Савелью Данилычу.

XXVII.

Искушеніе двухъ невинностей.

Въ домѣ Гамигуевыхъ, по пріѣздѣ съ вакаціи, Иванъ не нашелъ никакой перемѣны. По прежнему поселился онъ въ отведенномъ ему крошечномъ уголкѣ, между передней и задней прихожей; по прежнему ласкова была къ нему (и къ злодѣю Титкину, увы, тоже!) Марѳа Егоровна; по прежнему читала она—по утрамъ «Сонникъ», а по вечерамъ «Эльмиру». И Дмитрій Егоровичъ также величественно представлялъ изъ себя барина и для пущей важности, почти не говорилъ съ домашними. Молодой тузикъ приходилъ домой только вечеромъ, и Иванъ его видѣлъ рѣдко. Масча отлично освоилась съ домомъ и преусердно шныряла изъ кухни въ горницу и обратно. Другъ Савелій, какъ домовой, котораго ничѣмъ не огорчаетъ хозяинъ, царствовалъ во дворѣ и въ кухнѣ, заплеталъ гривы лошадямъ и по ночамъ видѣлся во снѣ и душилъ ересливую Матрену.

Началось снова хожденіе ко всенощнымъ и обѣднямъ, въ качествѣ провожатаго гамигуевскихъ барышенъ для безопаснаго возвращенія домой въ темные осенніе вечера. По этому поводу Иванъ сдѣлался предметомъ зависти и нѣкотораго даже почтенія для всей бурсы. Завистники стали даже подшучивать надъ нимъ, но шуточки ихъ до того пахли бурсой, что и передавать ихъ на обыкновенномъ языкѣ какъ-то трудновато.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что бурсаки знали всѣхъ барышенъ, ходившихъ въ соборъ и въ домовую, и трактовали ихъ по своему. Для нихъ придуманы были особыя названія «чеплашекъ, безчулошницъ, кособолонныхъ и т. п. Были между бурсаками и платоническіе поклонники этихъ барышенъ. Болѣе отважные рѣшались иногда даже дѣлать декларацiи, въ видѣ записочки на сѣрой бумагѣ, подложенной подъ церковный коверъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ становилась

Digitized by Google

извѣстная особа. Случалось, что исторія выходила наружу, и бурсака крѣпко вздували...

Конечно, и сопровожденіе барышенъ, и модный костюмъ (осенью для Ивана отыскана была старая Николенькина шинель на ватѣ) не защитило бы нашего друга отъ притязаній коммунистовъ бурсы, питавшихъ непримиримую ненависть къ богатымъ, если бы Иванъ не нашелъ сильной поддержки и покровительства въ бывшемъ ревизорѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ изъ деревни Иванъ отправился къ нему съ книгами, которыя онъ почти выучилъ наизустъ. Профессоръ встрѣтилъ его по-прежнему ласково; спросилъ, какъ-бы мимоходомъ, понравились ли ему книги и—кстати—есть ли у него книги для третьяго класса. Оказалось, что нѣтъ, и «старикъ» обѣщалъ поискать у себя; причемъ, пересчитывая разныя греческія и латинскія грамматики и христоматіи, присовокуплялъ, какъ-бы про-себя, и рекомендаціи этимъ книгамъ.

— Вотъ греческую грамматику надобно,—чортъ бы ее побралъ!— Латинскую христоматію,—провалиться бы имъ съ этой проклятой латынью!

«Старикъ» при этомъ стискивалъ зубы и ворчалъ:

— Дѣлать, братъ, нечего; надо все учить: положено! А помаешься-таки! Ну, да станешь ходить ко мнѣ: авось побѣдимъ вдвоемъ-то! А что, ваши здоровы?

Такой неожиданный переходъ отъ ученыхъ предметовъ къ здоровью купеческаго семейства обратилъ на себя вниманіе даже такого неопытнаго наблюдателя, какъ нашъ юноша.

— Дмитрій Егоровичъ здоровъ; уѣхали изъ дому, отвѣчалъ онъ.

— Ну, а другіе?

— Другіе тоже здоровы. Вчера у всенощной были.

— Да, я видѣлъ. А что барышня-то молодая, по прежнему, ничего?

— Ничего. Все любитъ наряжаться, да въ окошки глядѣть.

— Гм! жаль. И не читаетъ ничего?

— Ничего. Не любитъ совсѣмъ.

— Ты бы, братецъ, посовѣтовалъ ей что-нибудь почитать? сказалъ, улыбаясь, профессоръ. Вотъ, постой, я тебѣ дамъ книжку. Ты прочитай, и потомъ, какъ-бы отъ себя, и предложи ей: не понравится ли?

Digitized by Google

— Хорошо-съ.

Профессоръ порылся у себя на столѣ и отыскалъ томъ сочиненій Пушкина, въ которомъ помѣщены были его поэмы.

— А за учебниками приди дня черезъ два. Эту книгу можете держать, сколько угодно, сказалъ профессоръ, провожая Ивана.

«Что это онъ такъ часто поминаетъ нашу барышню? думалъ Иванъ, возвращаясь домой. Ужъ не того ли? Вотъ, стóитъ»! Читателю извѣстно, что нашъ герой самъ былъ уже влюбленъ. Извѣстно также, что нѣтъ на свѣтѣ людей, проницательнѣе влюбленныхъ. Нашъ влюбленный юноша сейчасъ смекнулъ, что не даромъ ученый ревизоръ такъ часто вставляетъ въ разговоръ молодую барышню; не даромъ также онъ такъ часто прогуливается по Матрешкину-переулку, тогда какъ прогуливаться всего пріятнѣе по большому проспекту или по городскому саду. Само собою разумѣется, что Иванъ не смѣлъ никому и пикнуть о своихъ догадкахъ.

Въ тотъ-же день онъ принялся за Пушкина: благо, классы еще не начинались и уроковъ не было. Едва прочиталъ онъ нѣсколько строкъ, какъ уже не могъ оторваться отъ книги. До ужина успѣлъ онъ прочитать «Бахчисарайскій фонтанъ». Наслажденіе, испытанное имъ при этомъ чтеніи, было такъ велико, что закрывая книгу, чтобы идти за столъ, онъ не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть, съ чего начинается слѣдующая поэма. На другой день, едва успѣвъ сбѣгать въ бурсу узнать, когда начнутся классы, онъ снова засѣлъ за Пушкина. Вечеромъ онъ рѣшился подѣлиться своимъ наслажденіемъ съ другими, но прямо предложить чтеніе онъ не смѣлъ, а началъ читать у себя, въ каморкѣ, сперва въ полголоса, а потомъ и вслухъ. «Авось, думалъ онъ, услышатъ, такъ позовутъ къ себѣ читать»! Но оказалось, что или онъ плохо читалъ, или талантъ Пушкина былъ не по вкусу гамигуевскихъ дѣвицъ: на тонкое приглашеніе Ивана отозвалась только маленькая Елена, но и ту больше занимали краснорѣчивые жесты чтеца, чѣмъ содержаніе «Полтавы». Однако надо же было исполнить порученіе ученаго друга. И вотъ, улучивъ минуту, когда Марѳа Егоровна ушла зачѣмъ-то въ кухню, Иванъ подъѣхалъ съ книгою въ рукахъ, къ Глашѣ, сидѣвшей у окна и глядѣвшей на собачью драку.

— Вамъ, Глафира Дмитріевна, не надо ли книжку, почитать? хорошая! Мнѣ профессоръ далъ.

— Какой профессоръ? Молодой, хорошенькій?

*

Digitized by Google

— Молодой! Онъ часто мимо насъ ходитъ...

— Ужъ это не тотъ ли, сутулый, въ шинели гутъ ходитъ, да въ окна глядитъ? Ну, ужъ, какая-то смерть голанская! Тьфу! Я вотъ въ него скорлупъ орѣховыхъ когда-нибудь брошу.

— Что вы? что вы, Глафира Дмитріевна, вскричалъ Иванъ, вообразившій, что если случится подобная оказія, то во всемъ виноватъ будетъ онъ.

— Что, что вы? Брошу, да и брошу! Что онъ мнѣ сдѣлаетъ, уродъ эдакой?

Иванъ, желая задобрить Глашу, рѣшился на послѣднее средство.

— Да онъ васъ, Глафира Дмитріевна, любитъ!

— Ха, ха, ха! весело захохотала Глаша. Вотъ диво-то! Да я плевать на него хочу, скажи-ка ему! Онъ самъ, что ли, это тебѣ сказалъ?

— С... нѣтъ! Я думалъ... могъ только выговорить Иванъ.

Барышня продолжала хохотать. Разумѣется, теперь нечего было и заикаться о Пушкинѣ, и Иванъ, не солоно хлебавши, а только испортивъ дѣло, поплелся въ свою кануру; ему до того было скверно, что онъ самъ не могъ въ этотъ день читать Пушкина, а принялся за «превосходнѣйшее твореніе знаменитѣйшаго Ерузалема».

Глаша выполнила-таки свою угрозу. Въ какой-то праздникъ она, по обыкновенію, пялилась въ окнѣ. Вдругъ она увидѣла на противоположной сторонѣ улицы своего вздыхателя. Онъ шелъ, какъ всегда, тихо и поверставшись съ окнами гамигуевскаго дома, будто нечаянно поднялъ голову. Можетъ быть, онъ думалъ увидѣть предметъ своей любви сидящимъ у окна, съ книжкою Пушкина.... Глаша дѣйствительно стояла у окна; но, увы, не Пушкинъ у нея былъ въ рукахъ. Вѣтренная дѣвица, увидѣвъ нашего профессора и досадуя, что такой невзрачный господинъ вздумалъ за нею ухаживать, подняла руку и показала ему—фигу! Профессоръ потупился и быстрѣе зашагалъ по улицѣ. Глаша, сочинивъ эту штуку, прибѣжала въ столовую, и увидѣвъ Ивана, съ торжествомъ сказала ему:

— А вотъ же я твоему паршивому жениху кукишъ показала! Не будетъ много мечтать-то о себѣ!

Послѣ такой жестокой обиды Иванъ возненавидѣлъ Глашу и цѣлую недѣлю не рѣшался идти къ профессору. Наконецъ тотъ встрѣтилъ его на улицѣ.

Digitized by Google

— Ты что же это, Поповъ, нейдешь ко мнѣ? съ прежнимъ ласковымъ видомъ спрашивалъ профессоръ.

Иванъ никакъ не ожидалъ подобнаго обращенія. Онъ ожидалъ, что профессоръ разразится надъ нимъ страшнымъ гнѣвомъ. Видя, что тучу пронесло морокомъ и что профессоръ не подозрѣваетъ его вины, Иванъ ободрился. Но зато теперь «старикъ» нравился ему вдвое больше прежняго, и онъ всячески старался заслужить благоволеніе такого добрѣйшаго человѣка. Онъ слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ, затверживалъ его рѣчи и старался подражать ему во всемъ, однимъ словомъ, ставилъ его своимъ образцомъ, считалъ идеаломъ всего наилучшаго.

Долго профессоръ незаговаривалъ о Глашѣ, и бесѣдовалъ больше о предметахъ ученыхъ: растолковывалъ Ивану разную бурсацкую мудрость, училъ по-латыни и по-гречески и т. п. Однако видно не на шутку былъ онъ заинтересованъ нашей барышней.

— Ну, что, какъ у васъ въ домѣ? опять стороной начиналъ онъ заговаривать.

— Ничего; всѣ здоровы.

— Ну, а наши книги нейдутъ въ ходъ? Никто не хочетъ читать? пробовалъ ты предлагать?

— Какъ же, предлагалъ, да не понимаютъ онѣ ничего! Эта наша барышня—настоящая дура! съ желчью сказалъ Иванъ. Знаетъ только зубы скалить, да франтить!

Иванъ нарочно безъ жалости отзывался о Глашѣ самымъ дурнымъ образомъ, думая угодить своему собесѣднику. «Она его обидѣла, и онъ, вѣрно, золъ на нее. По дѣломъ ей!» Разсчетъ однако оказался не вѣренъ. Профессоръ сказалъ:

— Не вини ее, Ваня. Она еще такъ молода! И не она тутъ виновата, а воспитатели, окружающіе! То-ли могло бы выйти изъ нея, если бы она была въ другихъ рукахъ. Э-эхъ!

Иванъ хотя и не раздѣлялъ послѣдняго мнѣнія, а думалъ по-своему, что «изъ этой гадкой Глаши никогда бы не вышло ничего путнаго, и что не стоило бы такому человѣку, какъ его другъ, и думать объ такой дряни, но, конечно, не рѣшился высказать своего мнѣнія.

Частыя бесѣды съ профессоромъ, его помощь при изученіи разной тарабарщины и особенно книги, которыя онъ давалъ Ивану, замѣтно подвинули нашего героя впередъ. Въ классѣ онъ скоро занялъ первое мѣсто и даже не боялся соперничества Васьки—рыженькаго,

Digitized by Google

не смотря на то, что послѣднему покровительствовалъ самъ смотритель. Впрочемъ, зубреніе разной неудопонятной премудрости, упражненія въ окупаціяхъ, отъ которыхъ не могъ спасти его и ученый его другъ, и крутые переходы отъ Ерузалема къ Пушкину и отъ Экскаргаузена къ Робинзону,—все это производило еще порядочный сумбуръ въ головѣ нашего одинадцати-лѣтняго героя.

Вотъ какъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни выражалъ свои мысли и чувства.

Любезные родители,

тятенька и маменька!

«Посылку вашу пущенную 28 марта я ее получилъ 1 апрѣля за которую приношу вамъ благодарность которая столь во мнѣ благопріятствовала столь она во мнѣ чувствительна столь мои мысли возбуждались къ самой откровенности и утѣшаясь онымъ что моему еще счастію служитъ прибыткомъ что моя еще судьба благопріятствуетъ мнѣ, что Богъ утѣшаетъ и награждаетъ меня всѣми предметами и не удѣляетъ счастіе мое отъ меня, о признательнѣйшая любовь! еще существуетъ въ насъ о владычица сердецъ служитъ намъ откровенностію...»

Тутъ ораторъ видимо подавленъ былъ обиліемъ мыслей и наставивъ точекъ, а въ концѣ письма кратко выражалъ надежду скоро пріѣхать на вакацію и «пролить бальзамъ» и подписывался: «вашъ другъ и благодѣтель Иванъ Поповъ—21-й.»

Какъ бы то ни было,—хотя слогъ нашего героя еще видимо находился въ это время въ колебательномъ состояніи между тривіальнымъ и торжественнымъ, и намеки его на владычицу сердецъ (о, Марѳа Егоровна, это ты!) еще очень неопредѣленны, но, надѣемся, читатели согласятся съ нами, что иди нашъ герой по этой дорогѣ, онъ далеко бы ушелъ въ писаніи диссертацій и поученій... Вѣдь онъ въ это время еще не нюхалъ ни Бургія, ни Кошанскаго.

Годъ прошелъ для нашего Ивана очень скоро. На рождественскихъ экзаменахъ онъ оказался успѣвшимъ лучше всѣхъ своихъ товарищей, даже лучше старичковъ, сидѣвшихъ въ классѣ два-три года. Учители его почти не спрашивали, а Струфіевъ, хотя и не любилъ, какъ болтуна и выскочку и пророчествовалъ даже, что «такъ бойко идетъ,—значитъ будетъ пьяница!»—но долженъ былъ вездѣ ставить его первымъ ученикомъ.

Digitized by Google

Около пасхи сильное искушеніе постигло нашего друга. Регентъ архіерейскаго хора выбиралъ пѣвчихъ. Собрали всю бурсу и всѣхъ квартирныхъ. Регентъ перебиралъ всѣхъ, испытывая голосъ каждаго. Испытаніе производилось тѣмъ извѣстнымъ способомъ, которымъ собачники узнаютъ щенятъ, сердиты ли изъ нихъ выйдутъ собаки? Стоитъ только поднять кверху за уши. Запищитъ—значитъ, дрянь; молчитъ,—будетъ толкъ.» Только здѣсь результаты были обратные.

— Вотъ, запищитъ, шельма, говорилъ регентъ, такъ сейчасъ откроется голосъ! А то притворяются, подлецы!

Нашъ Иванъ, поднятый на воздухъ могучими руками регента, отъ злобы и боли, заревѣлъ страшно.

— Э, братъ, да тебя давно слѣдовало забрать! Какъ фамилія?

— Иванъ Поповъ—21-й.

— Пиши, сказалъ регентъ одному изъ старыхъ пѣвчихъ. А ты, являйся, братъ, на спѣвки!

Ивану хотя и льстило званіе архіерейскаго пѣвчаго и отдаленная надежда, что онъ можетъ быть исполатчикомъ и выходить въ стихарѣ на средину церкви (то-то Марѳа-то Егоровна полюбовалась бы!), но съ другой стороны и пѣвчимъ подъ часъ приходилось жутко. Регентъ дрался страшно: въ артистическомъ азартѣ онъ не только на спѣвкахъ, но и въ церкви, страшно щипалъ пѣвчихъ, билъ ихъ камертономъ, дралъ за волосы и даже откусывалъ уши. Иванъ трусилъ не на шутку.

Но не даромъ писалъ онъ о себѣ, что «судьба ему еще благопріятствуетъ». Едва онъ сообщилъ своему другу профессору о своемъ выборѣ въ пѣвчіе, какъ тотъ разразился проклятіями.

— Эго они въ пьяницы-то тебя завербовали? Небывать этому! Вздоръ! Они и лучшихъ-то учениковъ хотятъ сгубить. Нѣтъ, шалятъ! Я завтра же все обдѣлаю, а ты не ходи къ нимъ на спѣвки. Ни-ни-ни! Вишь, что выдумали!

Профессоръ, хоть и не безъ труда, отстоялъ таки Ивана и онъ избавился отъ пѣвческой. Спустя нѣсколько времени, регентъ, встрѣтивъ его въ корридорѣ, съ упрекомъ и сожалѣніемъ сказалъ ему:

— Эхъ, ты! Не умѣлъ счастьемъ своимъ воспользоваться! Былъ бы пѣвчимъ,—преосвященный, пожалуй, къ себѣ бы взялъ—жить: любимцомъ бы сдѣлался! А тамъ, глядишь, и всю епархію бы въ руки забралъ! Эхъ, дурачина, дурачина!

Digitized by Google

XXVIII.

Герой нашъ все лѣзетъ въ гору, а Михайло-пономарь шибко подымается на франсы—курансы.

Иванъ попалъ въ низшее отдѣленіе, говоря языкомъ бурсы, «не подъ курсъ» и долженъ былъ сидѣть въ немъ три года, потому что изъ втораго класса переводили ежегодно, а въ низшемъ отдѣленіи курсъ былъ двугодичный. Но по ходатайству Остросмыслова, ему дозволено было держать экзаменъ «со старичками» прямо въ высшее отдѣленіе. И Иванъ со славой выдержалъ этотъ экзаменъ, опять получилъ въ награду книгу, изъ числа того никуда негоднаго хлама, который накопляется въ бурсахъ отъ подарковъ разныхъ отъѣзжающихъ особъ. Съ торжествомъ отправился нашъ герой на вакацію. Теперь ужъ могъ смѣло поддержать репутацію бурсы передъ о. Ефимомъ,—и на счетъ латыни и греціи, можетъ быть, зналъ по больше и самого бачки. До Цицерона онъ, конечно, не доѣхалъ еще, но уже отлично зналъ ту обиходную бурсацкую латынь, которой бойкіе ученики выучиваются въ первые же латинскіе классы. Въ курсъ этого языкознанія входятъ разнообразныя ругательства, нарицательныя имена, даваемыя учениками другъ другу, разные физіологическіе термины и цѣлыя орацiи, въ родѣ: «носъ играмусъ» или: «аще педагогосъ». Впрочемъ, на этотъ разъ обошлось съ о. Ефимомъ безъ экзамена.

Но большое горе ожидало нашего героя дома. Михайло—пономарь дошелъ до крайней степени пьянственной слабости и ужъ самъ благочинный отмѣчалъ его «пристрастнымъ къ винопитію». Пономарь безъ удержу пилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Жена билась изъ послѣднихъ силъ и не могла остановить его. Онъ пропивалъ все, что только попадалось ему на глаза, и наконецъ дошелъ «до чертиковъ». Самыя странныя вещи стали ему мерещиться на яву. Заберется ли онъ съ страшнаго похмѣлья въ церковь, ему чудится, что въ то время, какъ онъ поетъ священную пѣснь,—подъ сводами церкви, вверху, какіе то веселые голоса хоромъ затягиваютъ «Сѣни». Михайло запоетъ громче, чтобы заглушить неприличное пѣніе,—и «сѣни» раздаются

Digitized by Google

громче. Плюнетъ пономарь и заоретъ во все горло,—заорутъ и подъ сводами громче и веселѣе прежняго: «ахъ вы, сѣни, мои сѣни! сѣни новыя мои!» Дома то и дѣло чудятся ему диковинныя вещи. То собирается къ нему въ гости Николай-чудотворецъ со всѣми святыми,—и пономарь суетится, прибираетъ въ комнатѣ и проситъ пономарицу «послать за четушечкой», угостить дорогихъ гостей. То опять кажется ему, что безчисленные сонмы чертей явились къ нему въ избу и хотятъ протащить его сквозь оконное отверстіе. Бѣдный пономарь вскакиваетъ съ постели, кричитъ благимъ матомъ, отмахивается отъ нечистой силы, или бѣжитъ на улицу и съ крикомъ: «утекай, утекай! окаянныхъ гонятъ!» пускается по деревнѣ....

Невесело было нашему герою смотрѣть на этакую жизнь. Бѣдность и грязь; сестры въ оборванныхъ рубашенкахъ и полуголодныя, старуха—мать—въ безустанной работѣ, не приносящей ничего, кромѣ куска черстваго хлѣба! И нѣтъ никакихъ средствъ ни остановить безумство отца, ни помочь матери и сестрамъ! А между тѣмъ молодой умъ начинаетъ уже работать довольно сильно. Яснѣй и яснѣй начинаетъ представляться ему вся эта жизнь отъ пеленокъ до бурсы, и самая бурса со всѣми ея ужасами,—жизнь безотрадная, безсмысленная, располагающая только къ лѣни и пьянству... И проклинаетъ онъ свою судьбу, и даетъ себѣ клятвы, исполненіе которыхъ, можетъ быть, будетъ не въ его власти... «Буду учиться еще лучше; кончу курсъ, и.... Главное—скорѣе, скорѣе, чтобы помочь матушкѣ и сестрамъ!»

Быстро проходитъ время нашей молодости. Не успѣешь оглянуться, а ужъ нѣтъ многаго, что и хотѣлъ бы послѣ воротить, да не воротишь! Только для безполезной старости да для горя безконечно долгими кажутся дни, мѣсяцы и годы.

Давно ли мы видѣли нашего героя еще ребенкомъ, въ кругу тальянскихъ пастуховъ? давно ли долбилъ онъ еще псалтырь въ зимовьѣ Василья Ефимовича? Давно ли приняла его въ свои холодныя, каменныя объятія дребеденская бурса? А вотъ онъ уже сталъ почти юношей,—настоящимъ героемъ. Хотя ему все еще не болѣе тринадцати лѣтъ, но онъ уже далеко ушолъ и въ книжной премудрости, и въ опытности житейской. Онъ уже оканчиваетъ курсъ въ бурсѣ и готовится перейти въ семинарію. Два года прилежнаго ученья, дол-

Digitized by Google

гихъ бесѣдъ съ ученымъ другомъ—профессоромъ и столь-же долгихъ разсказовъ объ этихъ бесѣдахъ Савелію сдѣлали изъ него отличнѣйшаго ученика бурсы, какого въ ней, можетъ быть, еще не бывало.

Послѣдній экзаменъ сданъ такъ же отлично, какъ и прежніе. На публичномъ испытаніи самъ преосвященный обращаетъ особенное вниманіе на «первенца» бурсы и можетъ быть провидитъ въ немъ будущую опору церкви. «Старикъ-профессоръ, не нарадуется на своего любимца, Струфіевъ тоже ликуетъ, потому что получитъ благодарность за свою отеческую заботливость о «дѣтяхъ». Посторонніе посѣтители одобрительно улыбаются и киваютъ головами въ отвѣтъ на похвалы владыки. «Первенецъ» высоко поднимаетъ голову и съ торжествомъ идетъ на мѣсто со средины залы. Завтра онъ не будетъ ужъ бурсакъ; завтра онъ будетъ семинаристъ!

Прощай, бурса! Не помянутъ бы тебя лихомъ,—добромъ тебя помянуть не чѣмъ!

Назначенные къ переводу въ семинарію, въ послѣдній разъ являются въ бурсу на завтра публичнаго экзамена. Послѣ благодарственнаго молебна Иванъ Павловичъ ведетъ ихъ черезъ весь городъ, въ семинарію, чтобы сдать о. ректору.

Достигнувъ семинарской ограды, Иванъ Павловичъ увидѣлъ на дворѣ самого о. ректора. Онъ приказалъ своей командѣ снять шапки и, выстроивъ въ рядъ, самъ направился къ о. ректору.

О. Ректоръ стоялъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, который держалъ за поводъ вороную лошадь. Иванъ Павловичъ благословился.

— Лошадку изволите смотрѣть, в. в—біе! сказалъ, кланяясь, Иванъ Павловичъ.

— Да, вотъ, для монастыря надо бы мнѣ... производителя хорошенькаго.

— Гм! да!

Иванъ Павловичъ съ умиленіемъ сталъ разглядывать жеребчика.

Хорошъ, в. в—біе; во всѣхъ статьяхъ хорошъ.

Жеребчикъ въ это время высоко поднялъ голову и хвостъ. Иванъ Павловичъ торопливо забѣжалъ сзади.

— И кладется хорошо,—чистенько, в. в—біе.

А сколько проситъ?

— Дорого проситъ! сказалъ о. ректоръ.

Digitized by Google

— А сколько-съ?

— Двѣсти рублей.

— О, дорого, дорого, сказалъ Иванъ Павловичъ, видя, что о. ректоръ недоволенъ цѣной, запрашиваемой продавцемъ. Да я вамъ за сто рублей такого-ли найду! Дорого, братецъ, сказалъ онъ, обращаясь къ продавцу.

— Хорошъ конекъ-съ, ей-богу. Благодарны будутъ! сказалъ продавецъ.

— Позвольте, в. в—біе, посмотрѣть зубы!

— Смотрите, смотрите! снисходительно сказалъ о. ректоръ.

Иванъ Павловичъ обратился къ продавцу.

— Покажи-ка, братецъ, зубы!

— Да вы поосторожнѣе, баринъ! Лошадь молодая, не ушибла-бы!

Но усердіе Ивана Павловича было такъ велико, что онъ не побоялся ничего и смѣло подскочилъ къ мордѣ лошади. Но только что онъ протянулъ руку, чтобы отворотить ей губы и посмотрѣть зубы, какъ лошадь бойко мотнула головой и такъ хватила Ивана Павловича по физіономіи, что онъ полетѣлъ въ сторону и повалился на спину.

Такое усердіе не могло не тронуть о. ректора.

— Ахъ, Иванъ Павловичъ. Не ушибъ ли онъ васъ? Пожалуйста проходите ко мнѣ прямо, а я вотъ только дойду до конюшни, и съ нимъ вотъ кончу.

— Ничего-съ, ничего-съ, в. в—біе. Помилуйте! Не больно. Я подожду-съ здѣсь.

Иванъ Павловичъ хотя и чувствовалъ порядочную боль въ челюстяхъ, но думалъ: «а однако, это хорошо, что жеребецъ-то меня ушибъ немного: легче пріемъ будетъ.

Иванъ Павловичъ не ошибся. Пріемъ учениковъ совершился скоро и легко, и о. ректоръ еще угостилъ его чаемъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НЕКУЛЬТУРНЫЯ РАСЫ *).

Американскіе рабовладѣльцы создали въ европейской наукѣ ученіе о низшихъ расахъ, которыя будто бы по природѣ своей не способны къ усвоенію европейской культуры и должны или оставаться въ вѣчномъ рабствѣ у бѣлыхъ или вымереть, не смотря ни на какія мѣры; въ европейской культурѣ для этихъ народовъ заключается смертельный ядъ и даже одного соприкосновенія съ европейцами достаточно, чтобъ народецъ низшей расы началъ вымирать; до такой степени велика органическая разница между ними. «Фактъ, несомнѣнный, говоритъ нѣмецкій путешественникъ по Америкѣ, Пеппигъ, что мѣднокрасный человѣкъ не переноситъ распространенія европейской цивилизаціи въ своей близи, но, какъ будто *отъ ядовитаго дыханія*, вымираетъ въ ея атмосферѣ, охваченный пьянствомъ, эпидеміями или войной. Попытки правительствъ никогда не могли насадить мирные нравы и гражданственность въ этихъ расахъ, потому что имъ не доставало необходимаго влеченія къ совершенствованію. Этотъ недостатокъ обращалъ обдуманные и человѣколюбивые планы въ ничто и приравнивалъ эти расы къ тѣмъ растеніямъ, которыя возникали на вышедшемъ изъ-подъ океана материкѣ, но исчезали на вѣки, вытѣсненныя высшими формами. Какъ это ни возмущаетъ человѣческое чувство, но нужно согласиться, что американцы *отъ самой природы* опредѣлены къ вымира-

*) Über das Aussterben der Naturvölker, von Dr. Georg Gerland, Leipzig 1868.

Digitized by Google

нію. Въ образующееся пустое пространство вступаетъ духовно выше одаренная раса, возникшая на востокѣ. Послушная своему призванію, она распространяется и покоряетъ себѣ пустыню, а между тѣмъ аборигены подчиняются своему смертному приговору и исчезаютъ изъ памяти новаго народа. Менѣе, можетъ быть, чѣмъ въ столѣтіе изслѣдованія о первыхъ обитателяхъ цѣлой части свѣта будутъ принадлежать къ области археологіи и тогда только будетъ понято и глубоко почувствовано трагическое и загадочное въ ихъ судьбѣ». Послѣ такой философіи, что же оставалось дѣлать, какъ не ускорять ходъ дѣлъ, не споспѣшествовать тому, чтобъ пространство пустѣло поскорѣе, чтобъ поскорѣе въ этомъ пространствѣ на развалинахъ жизни низшихъ расъ основать другую, лучшую жизнь людей высшей расы. Изъ рабовладѣльческой Америки это ученіе пришло въ Европу, изъ Европы къ намъ подъ названіемъ реализма, хотя собственно подъ этимъ названіемъ скрывался мистицизмъ. Васъ хотятъ убѣдить въ существованіи какого-то *ядовитаго дуновенія* европейской культуры, тогда какъ дѣло, при добросовѣстномъ изслѣдованіи могло бы объясниться безъ всякихъ дуновеній, реальными причинами. Сначала «реалисты» фактъ вымиранія приписывали только войнамъ, дѣтоубійствамъ и эпидеміямъ; изъ всеобщности факта они выводили свое ученіе о «вредномъ дуновеніи» совершенно также грубо, какъ другіе естественники выводили ученіе о жизненной силѣ и т. п. Тогда имъ можно было возражать, что противъ всего этого есть мѣры, дѣйствительную силу которыхъ мы испытываемъ внутри европейскаго общества. Новое обобщеніе, сдѣланное въ пользу ученія о вымираніи инородцевъ отъ одного соприкосновенія съ европейцами, даетъ «реалистамъ» возможность ускользнуть отъ этихъ возраженій. Это новое обобщеніе состоитъ въ томъ, что европейцы, будучи сами здоровы, носятъ однакожъ около себя атмосферу міазмовъ, которая оказывается вредною для инородца и послѣднему нужно только постоять вблизи перваго, какъ онъ заболѣваетъ, тогда какъ европеецъ остается здравъ и невредимъ. Дарвинъ разсказываетъ, что однажды въ Лондонѣ два констебля проѣхали вмѣстѣ съ преступникомъ въ закрытой каретѣ отъ тюрьмы до суда; вскорѣ оба констебля умерли отъ горячки, а преступникъ, который можетъ быть былъ причиною ихъ смерти, остался цѣлъ. Изъ случаевъ эпидемій съ шропширскими овцами Дарвинъ вывелъ, что ввозъ животныхъ, которыя долго были заперты, въ свободную среду

Digitized by Google

дѣйствуетъ на послѣднюю, какъ ядъ, особенно если расы при этомъ различны. Эти факты Дарвинъ обобщилъ съ записанными путешественниками случаями вымиранія дикарей на какомъ нибудь островѣ послѣ прибытія европейскаго корабля, экипажъ котораго былъ однакожъ здоровъ. Онъ вывелъ изъ подобныхъ фактовъ, что всякое прикосновеніе низшихъ и высшихъ расъ, даже народовъ одной расы, но живущихъ въ разныхъ мѣстахъ, заставляетъ страдать преимущественно туземцевъ отъ пришельцевъ, людей низшей расы отъ людей высшей, жителей теплыхъ странъ отъ жителей холодныхъ; явленіе это, по его мнѣнію, похоже на то, какъ сильныя расы животныхъ искореняютъ слабыхъ.

Обобщеніе это однакожъ принадлежитъ къ числу нерацiональныхъ и чуть-ли даже не имѣетъ свою генеалогію въ народномъ суевѣріи. Приводимъ для примѣра нѣкоторыя доказательства въ ея пользу, которыя мы нашли у Герланда. Гумбольдтъ говоритъ, что въ Панамѣ и Калао начало желтыхъ лихорадокъ бываетъ отмѣчено прибытіемъ корабля изъ Чили, хотя Чили здоровая мѣстность и желтой лихорадки тамъ не знаютъ. «Страшная эпидемія» 1794 г. въ Веракруцѣ принесена прибывшими тремя кораблями, и т. п. Чѣмъ это отличается отъ доказательствъ, которыя приводятъ люди вѣрующіе въ сновидѣнія—приводятся нѣсколько поразительныхъ случаевъ совпаденія и десятки приходовъ кораблей, не принесшихъ эпидемій, опускаются изъ виду. Дальше мы увидимъ, что теорія «мистическаго дуновенія» имѣетъ съ суевѣріемъ не одно подобіе, но какъ будто и историческую связь. Обитатели Египта, сообщаютъ ея сторонники, приписываютъ чуму прибытію греческихъ кораблей, обратно—жители Греціи и Константинополя—прибытію эгипетскихъ; въ обоихъ случаяхъ не подразумѣвается привозъ больныхъ. Жители Питкаирна вѣрятъ, что приливъ крови (plethora) и нарывы происходятъ отъ обрященія съ экипажами прибывшихъ кораблей Одному кораблю приписываютъ головныя боли, другому скорбутъ, третьему вереда и т. д. Тэрнеръ разсказываетъ о Танна, что они лихорадку, поносъ, кашель и пр. называютъ по той же причинѣ «чужими вещами». На Целебесѣ, Маріанскихъ островахъ, на о. С. Кильда существуетъ то же мнѣніе. Жители Никобарскихъ острововъ думаютъ, что кокосовые орѣхи падаютъ съ деревъ, коль скоро миссіонеръ вступитъ на островъ. Послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, за что слѣдуетъ считать подобные разсказы дикарей. У

Digitized by Google

путешественника Бичи есть даже и намекъ, изъ какихъ естественныхъ фактовъ могло возникнуть это суевѣріе. Онъ приписываетъ мелкія болѣзни, кашель, простуду и пр. при сношеніи дикарей съ здоровыми европейцами измѣненію гигіеническихъ условій—туземцы, ходившіе до того безъ одѣянія, обвѣшиваются безъ нужды шерстянымъ платьемъ, ѣдятъ у матросовъ непривычные пищевые продукты и пр. Не есть ли въ самомъ дѣлѣ «теорія духовенія» слишкомъ широкое обобщеніе, возникшее въ невѣжественныхъ умахъ дикарей и прокравшееся потомъ въ европейскую науку.

По всей вѣроятности всѣ эти мистическія теоріи сводятся просто къ тому, что дикіе народы менѣе выносливы къ измѣняющимся гигіеническимъ условіямъ, къ которымъ организмы ихъ не пріучены, что обстановка ихъ менѣе обезпечиваетъ отъ распространенія заразы, что имъ недостаетъ медицинской помощи, словомъ, если заразы ихъ и истребляютъ болѣе, то по той же причинѣ, по которой онѣ и въ средѣ самаго европейскаго общества предпочитаютъ извѣстные классы. Все дѣло можно проще объяснить тѣмъ, что эти будто бы «низшія расы» просто *бѣдные* люди. Начните въ самомъ дѣлѣ сравнивать эти «низшія расы» съ европейскимъ пролетаріатомъ, и вы найдете много общаго; разница будетъ только въ томъ, что низшія расы, этотъ общечеловѣческій пролетаріатъ, отдѣляется отъ своихъ эксплоататоровъ національностью и низшей культурой. Герландъ различаетъ двѣ группы условій, ведущихъ дикарей къ вымиранію: группа тѣлесныхъ и группа психическихъ условій, при чемъ послѣднимъ онъ приписываетъ большее значеніе, чѣмъ первымъ. Удары на физическую жизнь дикарей дѣйствуютъ острѣе и позволяютъ себя сравнивать съ пораненіемъ; психическое поврежденіе похоже на отравленіе цѣлаго оранизма, и приноситъ медленное, но глубокое, трудно излечимое и всеобщее нездоровье. Къ физическимъ причинамъ вымиранія относятся дурныя гигіеническія условія, въ которыхъ содержатся дѣти, тяжкое положеніе женщинъ, непосильный трудъ и изнеможеніе мужчинъ. Отъ бѣдности дѣтей держатъ нагими, таскаютъ ихъ за плечами во время отдаленныхъ переходовъ, кормятъ дурно, невѣжественно обращаются съ ними (пеленаютъ въ доски) и пр. На всѣ эти условія, какъ на гибельно дѣйствующія на населеніе, жалуются и тѣ публицисты, которые занимаются положеніемъ европейскихъ *бѣдныхъ* людей. Въ Новой Голландіи женщины много кормятъ грудью щенятъ изъ необходимости, потому что со-

Digitized by Google

бака есть драгоцѣнность для звѣролова; благоденствію взрослыхъ въ этомъ случаѣ приносится въ жертву здоровье и жизнь дѣтей. Развѣ это не параллель съ нашимъ русскимъ явленіемъ, указаннымъ г. Энгельгардтомъ въ его статьѣ о сыроварняхъ, гдѣ благоденствіе большака семьи и правильный взносъ податей понижаетъ качество пищи дѣтей. Женщина у дикарей обременена трудами и лишеніями; беременная она должна слѣдовать за мужемъ съ вьюкомъ на спинѣ, вести все хозяйство, будучи еще не совершеннолѣтней, ставить шалашъ, собирать корни, раковины, ходить за дѣтьми и при всемъ томъ быть третированною отъ мужа самымъ скотскимъ образомъ. Лучшая пища идетъ мужу и сыновьямъ; жена ѣстъ что останется. Все это повторяется можетъ быть въ менѣе рѣзкихъ чертахъ и въ нашемъ пролетаріатѣ и имѣетъ тѣ же послѣдствія — быстрое паденіе силъ и преждевременную смерть. Мужчины у дикарей — главная рабочая сила — поставлены въ такое положеніе, что должны также все болѣе терять свои силы. До прихода европейцевъ ущербъ, наносимый экономіи природы туземцами звѣроловами, можетъ быть былъ въ равновѣсіи съ ея востановительной силой или по крайней мѣрѣ близокъ къ нему; годичная потребность туземцевъ въ мясѣ и шкурахъ не превышала годичный приростъ звѣрей; но съ приходомъ европейцевъ положеніе дѣла измѣняется: стада буйволовъ или оленей начинаютъ истребляться не ради мѣстной потребности, а для продажи; можетъ быть звѣрь убивается не столько для мяса, сколько для шкуръ, такъ что много мяса пропадаетъ безполезно; огнестрѣльное оружіе, доставленное европейцемъ дикарю, облегчаетъ ему истребленіе звѣря; тогда какъ до того времени истребленіе звѣря если и увеличивалось, то очень медленно, теперь оно пошло быстро возрастать, потому что торговля не знаетъ границъ; она съ каждымъ годомъ развивается сама и развиваетъ истребленіе звѣря. Съ уменьшеніемъ звѣря увеличивается районъ, который долженъ выходить охотникъ, чтобъ убить одну штуку; къ тому же и звѣрь сталъ пугливѣе; обѣ эти причины увеличиваютъ напряженіе силъ дикаря. Понятно, что силы его будутъ падать и вести къ вымиранію или медленнымъ путемъ или путемъ эпидемій. И тутъ все естественно, ничего пока мистическаго, все такое, чему мы найдемъ параллели и въ жизни нашихъ европейскихъ *бѣдныхъ* людей. Развѣ не въ такомъ же положеніи оказываются рабочіе какого-нибидь производства, которое въ упадкѣ и продуктовъ котораго болѣе нетребуется обществу; цѣ-

Digitized by Google

продукта падаетъ и рабочій, чтобъ заработать дневное пропитаніе, принужденъ тогда болѣе напрягать силы и болѣе работать, чѣмъ прежде. Во всѣхъ отношеніяхъ можно провести параллели, только у дикарей темныя явленія будутъ сильнѣе, рѣзче, а въ европейскомъ пролетаріатѣ слабѣе и въ болѣе тайныхъ формахъ; гдѣ у дикарей дѣтоубійство будетъ открытый и всеобщій обычай, въ нашемъ пролетаріатѣ это будетъ тайное преступленіе; гдѣ у дикарей ранняя выдача женщинъ замужъ 11 лѣтъ и кормленіе грудью дѣтей въ теченіи 3, 4 и 6 лѣтъ, въ нашемъ пролетаріатѣ все-таки ранняя же выдача, только ужъ не такая; у дикарей запрещеніе ѣсть извѣстные священные продукты (кобонги и тотемы), въ нашемъ пролетаріатѣ посты, которые только имъ и соблюдаются. И, разумѣется, послѣдствіе этихъ причинъ то же, какъ и у дикарей, т. е. извѣстныя семейства или цѣлые ряды семействъ вымираютъ, какъ и дикари, но только ихъ вымираніе для насъ незамѣтно, потому что нашъ пролетаріатъ не выдѣленъ изъ общей массы населенія національно и послѣднее постоянно пополняетъ убылые ряды его.

Большое значеніе въ дѣлѣ вымиранія Герландъ приписываетъ меланхолическому характеру, который замѣчается почти во всѣхъ низшихъ расахъ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ и въ Австраліи; (только негры Африки составляютъ исключеніе, и этому единственно обстоятельству Герландъ приписываетъ ихъ устойчивость и размноженіе). Американскіе дикари извѣстны своимъ меланхолическимъ характеромъ, но его не чуждъ и такой веселый, повидимому, народъ, какъ Полинезійцы. Эта психическая черта столько же причина вымиранія, сколько вѣроятно и слѣдствіе его. Сознаніе постепеннаго упадка народнаго богатства и вымиранія своего племени необходимо должны порождать меланхолію и апатію. Желаніе имѣть потомство врожденно человѣчеству; оно волновало евреевъ въ теченіе всей ихъ исторіи; для еврея казалось позоромъ, признакомъ гнѣва Божія, не имѣть дѣтей; и идеѣ объ удовлетвореніи этого желанія еврейскій народъ обязанъ сверхъестественнымъ спасеніемъ своей національности и особности въ теченіе тысячелѣтій. Въ то время, какъ надежда имѣть потомство, укрѣпляетъ народный духъ, сомнѣніе ослабляетъ его энергію. Какъ тяжело, напримѣръ, слышать подобную рѣчь сѣвероамериканскаго дикаря, обращенную къ европейцамъ: «я даже думалъ совершенно поселиться между вами, но одинъ человѣкъ мнѣ сдѣлалъ зло. Полковникъ Сгезар въ одну весну хладнокровно убилъ

Digitized by Google

изъ собственныхъ побужденій всѣхъ моихъ родственниковъ, даже не пощадилъ моихъ женъ и дѣтей. Ни одна капля моей крови теперь не течетъ въ жилахъ живаго существа» *). Эта самая мысль что никогда ни одна капля крови племени не будетъ течь въ жилахъ живыхъ существъ, можетъ сдѣлаться всеобщей для цѣлаго народа и разрушительно дѣйствовать на его энергію. Таитяне съ грустью, но безъ протеста предаются своей судьбѣ вымиранія, говоря: Hibiskus будетъ расти, кораллы будутъ распространяться, но человѣкъ вымретъ. Грустно слушать, говоритъ Дарвинъ, когда прекрасные энергическіе туземцы Новой Зеландіи говорятъ вамъ, что земля не будетъ наслѣдіемъ ихъ дѣтей. Черты подобной меланхоліи приводятъ путешественники о камчадалахъ и алеутахъ. Кажется, звѣроловный бытъ, упадокъ котораго не сопутствуется равномѣрнымъ возрастаніемъ скотоводства или земледѣлія, нужно считать главнымъ условіемъ для образованія меланхолическаго характера. Съ меланхоліей въ самой близкой связи находятся лѣнь и пьянство. Въ Микронезіи лѣнь доходитъ до того, что человѣкъ, одержимый проказой въ страшной формѣ, остается совершенно безпечнымъ, хотя болѣзнь въ началѣ даже легко изцѣлима, послѣ же становится смертельной; больной сначала смотритъ на свою болѣзнь совершенно спокойно, хотя хорошо знаетъ ея конецъ, а потомъ уже и помощь оказывается запоздалою. Меланхолія убиваетъ въ дикаряхъ тѣ остатки жизни въ больномъ человѣкѣ, которые необходимы для ея возстановленія. Многіе дикари, впавши въ болѣзнь, умираютъ преждевременно отъ одной меланхоліи. У насъ въ Алтаѣ однажды какъ-то между инородцами была замѣчена эпидемія самоубійствъ. Герландъ не приводитъ цитатъ, но указываетъ страницы у разныхъ писателей: Диффенбаха, Броуна, Эллиса, Грея и Вайтца, гдѣ говорится о дикаряхъ, которые умерли отъ одного страха передъ волшебными силами.

Сѣвероамериканскіе индѣйцы считаются самымъ меланхолическимъ народомъ, они же и страшнѣйшіе пьяницы. Ихъ считаютъ такими отъ природы, между тѣмъ до прихода европейцевъ они не знали никакихъ горячихъ напитковъ. Они даже противодѣйствовали ввозу водки и часто въ ихъ договорахъ съ европейцами первой статьей было запрещеніе ввоза «огненной воды», но европейцы силой ввозили

*) Gerland, стр. 93.

Digitized by Google

этотъ товаръ, отчасти чтобъ дать ему сбытъ, отчасти чтобъ обмануть инородца въ пьяномъ видѣ, отчасти чтобъ споспѣшествовать вымиранію дикарей, чтобъ поскорѣе образовалось «пустое пространство» для бѣлыхъ, носителей новой жизни. Часто дикаря принуждаетъ къ пьянству недостатокъ пищи, а больше желаніе изъ безграничной бѣдности очутиться въ обманчивомъ счастьѣ или отуманить себя въ отчаяніи. Половыя излишества (обыкновенное явленіе у дикарей, особенно въ Полинезіи, а здѣсь особенно на островѣ Таити), также какъ и пьянство, усиливаютъ меланхолію, имѣя послѣдствіемъ распространеніе сифилиса, безплодіе женщинъ и вымираніе.

Особенно должно сильно повліять на образованіе меланхолическаго характера и разрушительно подѣйствовать на духъ народа разрушеніе политической и религіозной организаціи, которое производилъ европейскій завоеватель тамъ, гдѣ онѣ были, какъ наприм. въ Мехикѣ и Перу. Какъ бы безобразна ни была такая организація, она все-таки служитъ опорой соціальной жизни народа и щитомъ противъ внѣшней эксплоатаціи. Но европейцы часто находили у тузенцевъ и такія учрежденія, которыя можно назвать вполнѣ раціональными; и все таки изъ политическихъ видовъ, именно чтобы тѣмъ лучше укрѣпить свою власть въ краѣ, европейцы разрушали подобныя учрежденія. Такъ, въ Мехикѣ европейцы нашли общинное устройство. Три рода земель было въ Мехикѣ до испанцевъ: господскія земли, дворцовыя и общинныя. Община или calpulli владѣла своей землей, какъ неотчуждаемымъ общимъ достояніемъ или скорѣе какъ общимъ наслѣдственнымъ леномъ въ такомъ родѣ, что при вымираніи одного семейства надѣлъ его долженъ быть переданъ другому семейству той же калпулли; кто оставлялъ свою калпуллю, тотъ терялъ свою землю, а равно и тотъ, кто оставлялъ свою землю не обработанною въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Пустопорожнюю землю калпулли никто изъ постороннихъ не могъ обработывать и даже только въ исключительныхъ случаяхъ допускалась сдача въ аренду, но кто вступалъ въ составъ калпулли, тотъ получалъ землю, остававшуюся до сихъ поръ безъ пользователя и передавалъ въ наслѣдство обыкновеннымъ образомъ. Старшины общинъ были, какъ и нынѣ, избираемы народомъ и составляли въ государствѣ третье дворянство (первымъ была царская фамилія, вторымъ землевладѣльческая аристократія). Это общинное устройство было разрушено, земли общинъ были объявлены частной собственностью отдѣльныхъ завоевателей

Digitized by Google

(конквистадоровъ) и у мехиканцевъ была порвана какъ связь ихъ съ землей, такъ и связь, которая существовала въ средѣ общинниковъ между собой.

Извѣстна быстрота, съ которою исчезла мехиканская цивилизація послѣ паденія царства Монтезумы, и едва ли исторія человѣчества представляетъ другой примѣръ подобнаго явленія. Быстрая и всеобщая деморализація охватила мехиканское общество и причину этой быстроты, вѣроятно, слѣдуетъ искать въ разрушеніи общины. Чтобъ не найти въ этомъ ничего удивительнаго, нужно только представить себѣ, что люди, живущіе въ общинѣ, находятся въ такой зависимости другъ отъ друга, что отдѣльно самостоятельно жить могутъ съ трудомъ. Вытолкнутые изъ общины, они теряются и гибнутъ. Представимъ, что въ Россіи вдругъ община разрушена; мы не можемъ вообразить какая всеобщая деморализація постигла бы тогда наше крестьянство; его неумѣлость бороться съ капиталомъ безъ общины выкажется во всеобщемъ паденіи крестьянскихъ хозяйствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разстройствѣ государства. Европейскіе рабочіе, иначе воспитанные, и тѣ находятъ невозможнымъ бороться съ капиталомъ безъ организаціи, а русскій крестьянинъ привыкъ искать защиты въ мірѣ и общинѣ. Не мудрено, что всѣ слѣды мехиканской культуры — водопроводы, дворцы, храмы, письменность, корпораціи и традиціи литераторовъ, художниковъ и ремесленниковъ быстро исчезли.

Вмѣстѣ съ соціальными испанцы разбивали и политическія учрежденія страны. Изъ дворянства пережили только немногіе паденіе столицы и эти немногіе были—дѣти. Петиція почетныхъ индѣйцевъ императору Карлу V показываетъ, до чего доведены были остатки дворянства, которые, будучи смѣшаны съ народомъ, погибали въ бѣдности. Дочь Монтезумы умерла въ крайней нищетѣ. Вся внѣшняя жизнь, вся блестящая культура народа, богатая столица, цвѣтущіе сады, колоссальные храмы и водопроводы—все это было разрушено и притомъ разрушено съ выраженіемъ презрѣнія къ творческому генію туземцевъ; не понятно ли, что ужъ и этимъ однимъ побѣдитель наносилъ смертельный ударъ духу побѣжденнаго народа. Глубокое иносказаніе заключается въ словахъ, сказанныхъ однимъ краснокожимъ индѣйцемъ президенту сѣвероамериканской республики о народѣ бѣлыхъ: «одной ногой онъ оттолкнулъ краснокожаго человѣка за *Okonnee*, другой попралъ могилы нашихъ отцовъ»; дѣйствительно, европейцы разрушали и матеріальный и нравственный бытъ

Digitized by Google

дикарей. Въ этихъ словахъ кромѣ иносказанія есть и буквальный смыслъ: бѣлые разграбляли могилы ради содержавшихся въ нихъ богатствъ; лимскій совѣтъ запретилъ этотъ грабежъ, но испанское правительство въ лицѣ «Высшаго совѣта Индіи» разрѣшило его въ пользу испанской казны; такимъ образомъ высшее правительственное учрежденіе государства не могло стать выше страстей простаго бугровщика. Но европейцы не только равнодушно относились къ тѣмъ чувствамъ, которыя туземный народъ питалъ къ своимъ мертвымъ: они также равнодушно относились и къ живымъ. Какъ для нихъ легко было лишить туземца его живаго любимаго существа, показываетъ вышеприведенный поступокъ полковника *Crevaр'a*. Съ безчувственной холодностью доктринеръ-европеецъ оскорблялъ и истреблялъ всѣ предметы любви инородца, къ которымъ стремились чистѣйшіе, безкорыстнѣйшіе, невинные его помыслы — его боговъ, его женъ, его дѣтей. Предметы, къ которымъ дикари имѣли почтеніе, уваженіе къ которымъ морализировало ихъ, соединяло ихъ въ человѣческое общество — предавались осмѣянію и уничтожались. И политическая организація и религіозное чувство разрушались — и только ради личныхъ карманныхъ интересовъ завоевателей, ради барышей патеровъ и іезуитовъ. Можно ли надѣяться, что народъ, такимъ образомъ третируемый, не впалъ бы въ меланхолическое состояніе. Что было бы съ нами, спрашиваетъ Герландъ, если бъ пришелъ непріятель и уничтожилъ всѣ наши культурныя произведенія, наши храмы, наши университеты, наши библіотеки и музеи; еслибъ онъ насмѣялся надъ всѣмъ, что мы создали и что любили, разбилъ наши надежды въ будущее Европы, свѣтилъ нашей науки впрягъ бы въ колесницу тріумфатора и дѣтей вырывалъ бы изъ нашихъ объятій съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ вырывалъ въ другой разъ корзину съ хлѣбомъ — что было бы съ нами тогда?

Ни въ чемъ другомъ можетъ быть параллель между европейскимъ и этимъ общечеловѣческимъ пролетаріатомъ такъ ни велика, какъ именно въ этомъ меланхолическомъ настроеніи, въ этомъ отсутствіи вѣры въ хорошую будущность на землѣ, которое заставляетъ тосковать сердце и лондонскаго пролетарія. Это положеніе, изъ котораго человѣкъ не можетъ самъ выйдти; онъ можетъ быть только выведенъ другимъ; тутъ самопомощь безсильна и проповѣдь дѣло безплодное; тутъ нужна опека и посторонняя рука помощи.

Digitized by Google

Факты, которые намъ представляетъ исторія, подтверждаютъ то, что мы только что сказали. Въ европейской политикѣ въотношеніи къ инородцамъ можно видѣть двѣ различныя системы: голландско-англійскую и испанскую. Испанскіе конквистадоры, завоевавъ страну, объявляли почву собственностью короны или церкви, а покоренныхъ инородцевъ подданными короля. Этимъ актомъ корона становилась de facto эксплоататоромъ физическихъ силъ инородцевъ, и de jure опекуномъ ихъ. Отсюда вытекало двуличіе испанскаго правительства; оно издавало прокламаціи, въ которыхъ являлось защитникомъ индѣйцевъ, издавало для нихъ законы, производившіе даже бунты въ рядахъ тѣхъ, для которыхъ было лучше отсутствіе правительственной защиты для инородцевъ. И въ то же время испанское правительство не могло отдѣлить съ великодушіемъ, приличнымъ величію короны, судьбы инородцевъ отъ судьбы испанской казны. Черезъ всю исторію испанскихъ правительственныхъ мѣръ какъ будто проходитъ правило: величайшая гуманность къ инородцамъ, но только безъ ущерба для казны. Казенные интересы поставлены были на первый планъ почти съ первыхъ дней открытія Америки. Колумбъ писалъ испанской королевѣ о жителяхъ острова Испаньолы: «увѣряю ваше величество, что нѣтъ въ мірѣ лучше народа, какъ этотъ, нѣтъ дружелюбнѣе, гостепріимнѣе и мягче. Они любятъ своихъ ближнихъ, какъ самихъ себя и вѣчно улыбаются, когда говорятъ» и, не смотря на то, этотъ «вѣчно улыбающійся народъ» былъ обращенъ къ принудительнымъ работамъ на казенныхъ рудникахъ; возстанія его усмирались опустошительными походами и все это вмѣстѣ, война и особенно физическія изнуренія на рудничныхъ работахъ истребили «улыбающійся» народъ безслѣдно. Двойственность испанской политики: съ одной стороны состраданіе къ инородцамъ, съ другой забота о казенномъ сундукѣ, какъ будто была олицетворена въ лицѣ королевы Изабеллы и короля Фердинанда, при которыхъ была открыта Америка. Изабелла оставила послѣ себя одинъ изъ симпатическихъ улыбающихся образовъ въ исторіи; корона не могла стѣснить ея женственную любовь, и въ восторженномъ увлеченіи героемъ подданнымъ она нарушала и декорумъ своей власти и ея политическія прерогативы. Она встрѣчала возвращающагося изъ Америки Колумба съ публичными почестями, приличными только вѣнценоснымъ особамъ, и отправляя его въ Америку, облекала его чуть не королевской властью надъ вновь открытымъ материкомъ. Мужъ Иза-

Digitized by Google

беллы, Фердинандъ не имѣлъ привлекательныхъ чертъ своей жены; это былъ честный, но сухой доктринеръ, первымъ долгомъ короля считавшій обязанность настойчиво оберегать прерогативы королевской власти. Изабелла внушала всѣмъ начальникамъ новыхъ земель ласковое обхожденіе съ индѣйцами, по поводу привезенныхъ изъ Америки въ Испанію рабовъ велѣла произвесть строгое слѣдствіе, продажу рабовъ въ Испаніи запретила и въ посмертномъ своемъ завѣщаніи высказалась, чтобъ отношенія между испанцами и индѣйцами были установлены на взаимной любви. Но Фердинандъ, по смерти жены, поставилъ на первый планъ интересы казны. Уже при жизни Изабеллы онъ былъ недоволенъ королевскими полномочіями, дарованными Колумбу передъ его отправленіемъ въ Америку, на которыя Фердинандъ смотрѣлъ, какъ на оскорбленіе испанской короны и благодаря которымъ Колумбъ началъ получать отъ эксплуатаціи вестъиндскихъ рудниковъ большіе доходы. Колумбъ былъ смѣненъ; преемникъ его, пожалованный несравненно меньшими полномочіями, умѣлъ однакожъ и казнѣ доставить больше, чѣмъ Колумбъ, и самъ больше нажиться—этого онъ достигъ обращеніемъ туземцевъ къ принудительнымъ работамъ. Такъ началась испанская политика въ Америкѣ и такою осталась до самаго позднѣйшаго времени. Инородцы были или обращены въ крѣпостныхъ рабовъ или обязаны были энкоміендой, принудительной барщиной, право на которую правительство продавало и раздавало въ награду конквистадорамъ, испанцамъ колонистамъ и даже лицамъ, вовсе не жившимъ въ Америкѣ. Энкоміенды раздавались обыкновенно на двѣ жизни (отцу и сыну); въ колоніяхъ возникла армія энкомендеровъ, эксплоататоровъ инородческаго труда, которые старались только о томъ, чтобы какъ можно больше извлечь для себя выгодъ изъ инородца. Миссіонеръ Las Casas, какъ очевидецъ, разсказываетъ, что каждый испанецъ получалъ на Кубѣ 300 индѣйцевъ, изъ которыхъ черезъ три мѣсяца оставалось только 30 человѣкъ. Судьба инородцевъ была плачевна; индѣйцы прибѣгали къ самоубійству, къ истребленію хлѣбныхъ засѣвовъ (за которыми слѣдовалъ, конечно, голодъ), чтобъ только избѣжать страданій, которыя они должны были испытывать на барщинѣ; матери убивали своихъ дѣтей или вытравляли ихъ въ утробѣ, чтобъ не видѣть ихъ въ той злой участи, которая имъ предстояла. Изъ 600,000 цвѣтнаго населенія, которое давалъ

Digitized by Google

Кубѣ Гонара, черезъ 50 лѣтъ, именно въ 1550 г., осталось только 500 человѣкъ.

Правительство, въ качествѣ опекуна инородцевъ, принуждено было вести съ энкомендерами непрерывную, но тщетную борьбу, потому что никогда не могло само явиться настолько великодушнымъ, чтобъ отказаться отъ системы энкомiендъ. Въ его воззванiяхъ и оффиціальной дѣятельности, правда, жилъ духъ Изабеллы. Карлъ V, Филиппы II, III и IV издавали законы въ пользу индѣйцевъ, имѣвшіе цѣлью доставить имъ благосостоянiе. Въ 1542 г. были изданы такъ называемые «новые законы», которые повсемѣстно въ Новой Испанiи произвели неудовольствiе въ рядахъ энкомендеровъ; правительство постоянно стремилось энкомiенды замѣнить оброкомъ. Но энкомендеры или обращали новыя постановленiя въ мертвую букву, или при настойчивости вице-королей поднимали знамя бунта. Правительство принуждено было довольствоваться только изданiемъ нѣкоторыхъ ограниченiй въ произволѣ энкомендеровъ, которые не были послѣдними никогда исполняемы. Будучи само лицемѣрнымъ, оно чувствовало себя безсильнымъ; въ исторiи Новой Испанiи испанское правительство не является честнымъ борцомъ за угнетенныхъ; исторiя его мѣръ есть просто борьба его фискальныхъ интересовъ съ интересами частныхъ кармановъ конквистадоровъ (завоевателей). Интересы эти еще столкнулись, какъ мы видѣли, въ лицѣ перваго конквистадора Колумба; когда адмиралъ отправлялся въ неизвѣстныя страны, не находили нисколько неразумнымъ даровать ему королевскую власть надъ вновь открытымъ материкомъ, который существовалъ, какъ казалось, только въ воображенiи безумца; но когда обширный и богатый материкъ былъ открытъ, и притомъ послѣ почти благополучнаго плаванiя, показалось, что Колумбъ совершилъ преступленiе, равное чуть не святотатству; для Фердинанда вступать съ подданнымъ въ торговыя сдѣлки о королевской власти было немыслимо; всякiй договоръ, ведущiй къ ея ограниченiю, заключалъ въ самомъ себѣ уже его кассацiю, и Колумбъ былъ развѣнчанъ. Но конквистадоръ, даже питай онъ роялистскiй пiэтизмъ, не могъ вполнѣ отказаться отъ своей личности—онъ сознавалъ свои услуги, оказанныя коронѣ. Всѣ испанскiе конквистадоры состояли, правда, изъ подонковъ общества и большею частью вели себя въ Америкѣ, какъ разбойники, но они перенесли лишенiя войны, трудности походовъ и требовали вознагражденiя въ энкомiендахъ и притомъ безъ тѣхъ

Digitized by Google

ограниченій, къ которымъ стремилось гуманное правительство въ видахъ защиты инородцевъ. Конквистадоры думали въ душѣ: да, хорошо вамъ тамъ въ Мадридѣ мягкіе законы издавать, а вѣдь вотъ вы не откажетесь же отъ обладанія новымъ свѣтомъ. Корона посылала въ Америку Laz-Casas'овъ и другихъ съ возвышенными чувствами миссіонеровъ для установленія мирныхъ отношеній у индѣйцевъ, но и это она дѣлала вѣдь за тѣмъ, чтобъ только пріобрѣсть новыхъ подданныхъ, слѣдовательно, опять таки хлопотала ни о чемъ другомъ, какъ о собственныхъ выгодахъ. Если корона не отказалась великодушно отъ земель и не распространяла миссій безъ завоевательныхъ видовъ на заднемъ планѣ (хоть бы и мирнымъ путемъ), могъ ли конквистадоръ, который часто чувствовалъ свои завоевательныя способности и то, какъ онъ для короны былъ незамѣнимъ,—могъ ли онъ хладнокровно лить свою кровь для того только, чтобъ все, добытое имъ, досталось рисующейся въ отдаленномъ туманѣ Изабеллѣ. До какой степени правительство было въ безвыходномъ положеніи отъ конквистадоровъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ Перу лиценціату Педро-де-ла-Гаска удалось ввести нѣкоторый порядокъ; конквистадоръ Гонзало Пизарро, предводитель возставшихъ энкомендеровъ, попался ему въ плѣнъ и умеръ болѣе, чѣмъ заслуженной смертью отъ руки палача; но, усмиривъ непокорныхъ энкомендеровъ, недовольныхъ новыми законами, покровительствовавшими индѣйцамъ, Педро-де-ла-Гаска роздалъ все-таки 150 энкоміендъ своимъ сподвижникамъ; другаго средства не было удовлетворить коронныхъ слугъ, а изъ индѣйцевъ корона боялась составить войско.

Находясь въ такомъ положеніи, корона никогда не смѣла приступить къ радикальнымъ мѣрамъ въ отношеніи энкомендеровъ: королевскія повелѣнія запрещали часто порабощеніе индѣйцевъ, но въ то же время требовали принужденія ихъ къ торговлѣ съ христіанами, къ работѣ за плату, къ земледѣлію и особенно добыванію золота. Очевидно, испанское правительство никогда недумало серьезно объ уничтоженіи энкоміендъ. Были придуманы разныя мѣры въ защиту индѣйцевъ: запрещено было индѣйцевъ употреблять для завоеванія новыхъ земель, запрещено пятнать плѣнныхъ изъ нихъ каленымъ желѣзомъ въ лицо, запрещено давать энкоміенды живущимъ внѣ Америки, употреблять индѣйцевъ вмѣсто вьючнаго скота, строго было запрещено употреблять ихъ въ работу безъ платы—и все-таки энко-

Digitized by Google

міенды не были уничтожены, и король рекомендовалъ ихъ необходимыми для просвѣщенія и христіанизаціи индѣйцевъ. Король испанскій въ одно и то же время посылалъ миссіонера Laz-Casas'a изслѣдовать истину о положеніи инородцевъ и запрещалъ его книгу, содержавшую достовѣрное описаніе фактовъ. Филиппъ II, нуждаясь въ деньгахъ, чуть было даже не продалъ энкоміенды ихъ арендаторамъ на вѣчныя времена; его удержалъ Laz-Casas.

Если мы обратимся въ Сѣверную Америку, мы здѣсь встрѣтимъ совершенно другую политику въ отношеніи къ дикарямъ. Здѣсь не было ни золота, какъ въ Южной Америкѣ, ни соболя, какъ въ Сибири, которые увлекли бы народъ сразу занять всю территорію; сюда влекла піонеровъ колонизаціи почва, способная къ земледѣльческой культурѣ. Южная Америка была завоевана конквистадорами во имя испанскаго короля и папы, Сѣверная была занята мирными колонистами посредствомъ покупки земель у инородцевъ при помощи частныхъ колонизаціонныхъ компаній; «булатъ взялъ» Южную Америку, «злато купило» Сѣверную. Въ Южной Америкѣ испанцы и португальцы не столько гнались за захватомъ воздѣлываемыхъ земель и очищеніемъ ихъ отъ инородцевъ, сколько объ обращеніи этихъ послѣднихъ въ рабочую силу, посредствомъ которой безъ собственныхъ усилій можно было вырабатывать сокровища почвы; съ одной стороны мы здѣсь находимъ тяжелое угнетеніе инородцевъ и массу мѣстныхъ рабовладѣльцевъ, съ другой правительство и церковь, старающихся взять угнетенное населеніе подъ свою опеку, и соединеніе свободныхъ инородцовъ въ миссіонерскія колоніи. Въ Сѣверной Америкѣ причиною паденія туземцевъ была потребность въ поземельной собственности и сила, съ которою распространялись цвѣтущія англійскія колоніи. Правительственная власть въ Сѣверной Америкѣ признала инородцевъ независимыми и оставила неприкосновенною ихъ политическую жизнь; она продолжаетъ ихъ признавать независимыми и тогда, когда ихъ осталось только 200,000, когда они со всѣхъ сторонъ окружены европейской жизнью и желѣзными дорогами, когда фактически они принуждены исполнять всѣ требованія американской администраціи; это признаніе дикарей независимыми доставило выгоду только американскому правительству; оно избавило его отъ тяжелой опеки, отъ отвѣтственности предъ судомъ общественнаго мнѣнія за участь дикарей; оно знаетъ одну только мѣру въ отношеніи своихъ инородцевъ: форты и пушки; за тѣмъ

Digitized by Google

оно предоставляетъ самимъ дикарямъ защищать себя отъ экономическаго ига, въ которое они могутъ попасть со стороны передовыхъ постовъ колонизаціи, и твердо держится здѣсь правила невмѣшательства въ чужія дѣла. Здѣсь мы не видимъ ни поголовныхъ истребленій инородцевъ путемъ войны, ни обращенія ихъ въ тяжелое рабство, но безъ энкомендеровъ жизнь обойтись нигдѣ не можетъ; явились они и здѣсь—это тѣ піонеры безъ общаго имени, тѣ мелкіе промышленники, которые приходили прежде всѣхъ къ инородцамъ съ торговымъ обманомъ, съ гнилымъ товаромъ, съ водкой и пр. Благо дикари не были сплочены въ одну обширную и сильную политическую организацію; будь такая при началѣ сѣверо-американской колонизаціи, колоніальное правительство, вѣроятно, отмѣтило бы начало своего существованія истребительной кровавой войной; но инородцы были разбиты на отдѣльныя, находившіяся въ междоусобіи племена, немногочисленные союзы которыхъ даже въ родѣ самаго сильнѣйшаго изъ нихъ—ирокезскаго союза—не могли представить сильный отпоръ разрушительному «дуновенію» европейской цивилизаціи. Племена сами протестовали противъ ввоза водки, и водку ввозили силою; при покупкѣ земель инородцевъ обманывали, пользовались ихъ невѣдѣніемъ европейскихъ денегъ или просто грубо обсчитывали при уплатѣ. Эти піонеры, по степени своей нравственности, были нисколько не выше испанскихъ конквистадоровъ; это были также подонки общества, разные «гуляющіе люди». Разница была въ томъ, что конквистадоры отличались крупными, грандіозными пороками, а скваттеры будутъ помельче. То наши каринцы, *) а это петербургскіе карманьщики. А извѣстно, что землетрясенія не производятъ такихъ опустошеній въ корѣ земной, какъ мелкія дождевыя капли. Въ результатѣ мы видимъ слѣдующее: въ колоніяхъ Испаніи инородцы составляютъ часто значительное большинство (такъ, напримѣръ, въ Новой Испаніи по Вайтцу $^4/_7$ общаго числа жителей индѣйцы, $^2/_7$ помѣси и $^1/_7$ бѣлыхъ); общее число индѣйцевъ здѣсь значительно увеличилось со второй половины прошлаго столѣтія; инородческая масса давно уже (послѣ революціи 1820 г.) признана равноправною съ націей—завоевателемъ и даетъ многихъ политическихъ и ученыхъ дѣятелей и даже президентовъ республикѣ (какъ

*) Бродяги, бѣжавшіе съ карійскаго золотаго промысла.

Digitized by Google

напримѣръ Хуаресъ въ Мехико, Каррера (Carrera) въ Гватемалѣ). Въ Сѣверной же Америкѣ нѣкогда считалось краснокожихъ 16 милліоновъ, а теперь едва насчитывается два милл., собственно же въ Соединенныхъ Штатахъ 270,000; и убыль эту, конечно, слѣдуетъ приписать политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, политикѣ невмѣшательства.

Если мы обратимся въ другія части свѣта, мы увидимъ и тамъ подтвержденіе нашей мысли. Капская колонія представляетъ второй примѣръ быстраго исчезновенія туземной массы, и здѣсь, какъ и въ Сѣверной Америкѣ, политика невмѣшательства правительства господствовала уже во времена голландцевъ, этихъ учителей англичанъ въ колоніальной политикѣ.

Въ настоящее время самое поражающее вымираніе происходитъ въ Новой Голландіи и Полинезіи. Герландъ, обозрѣвая отдѣльныя страны вымиранія и опредѣляя специфическія мѣстныя причины его, вездѣ обвиняетъ европейцевъ, но гибель Полинезіи находитъ необходимымъ приписать самимъ туземцамъ. Сюда не являлся европеецъ въ качествѣ истребителя съ мечомъ въ рукѣ, говоритъ Герландъ, онъ не разрушалъ мѣстной политической организаціи, не обращалъ туземцевъ въ рабовъ; европейцы пришли сюда послѣ французской революціи прошлаго столѣтія, послѣ того какъ въ Европѣ распространилось ученіе Руссо о равенствѣ людей, не смотря на цвѣтъ лица и языкъ; много долженъ былъ содѣйствовать установленію гуманной политики въ отношеніи къ полинезійцамъ Форстеръ, извѣстный путешественникъ по Тихому океану и послѣдователь Руссо. И однако полинезійцы охвачены общимъ закономъ «низшихъ расъ» и при томъ дѣйствіе этого закона оказывается здѣсь могущественнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это явленіе, намъ кажется, легко объясняется тѣмъ же, чѣмъ мы объяснили болѣе быстрое исчезновеніе сѣверо-американскихъ дикарей — совершеннымъ отсутствіемъ правительственнаго покровительства. Австралійскій архипелагъ не состоитъ въ вѣдѣніи одного общаго хоть туземнаго, хоть иноземнаго владычества, и такимъ образомъ масса представляетъ еще болѣе удобное поле для безнаказанной эксплоатаціи ничтожныхъ, но многочисленныхъ хищниковъ чужой жизни, чѣмъ это мы видѣли въ Сѣверной Америкѣ; тамъ по крайней мѣрѣ инородцы могли послать депутацію къ «великому отцу», т. е. президенту республики, воззвать къ общественной совѣсти американской націи, наконецъ, призывать къ суду въ мѣстныя

Digitized by Google

судебныя учрежденія. Здѣсь ничего этого нѣтъ. На Полинезію набѣгаютъ тучи торговыхъ обманьщиковъ и даже работорговцевъ, людей безъ родины, безъ воспитанія и можетъ быть безъ подлиннаго имени, а между тѣмъ островный характеръ доступнѣе для этихъ эксплоататоровъ, чѣмъ сплошной материкъ; тутъ масса инородцевъ какъ будто пульверизована предварительно самой природой, чтобъ европеецъ на своемъ кораблѣ разомъ могъ достигнуть въ самое сердце ея и чтобъ разложеніе чрезъ то началось вдругъ по всей массѣ. Фактъ вымиранія въ Полинезіи не только не стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ французской революціи, но находится съ нимъ въ полнѣйшемъ согласіи. Французская революція, эмансипировавъ личность отъ феодальныхъ авторитетовъ и недавъ взамѣнъ ихъ ничего, чтобы могло ограничивать стремленія отдѣльной личности расширять свою дѣятельность во вредъ другимъ, сдѣлала личный эгоизмъ единственнымъ двигателемъ человѣчества и феноменальное вымираніе въ Полинезіи, безъ военныхъ и т. п. катастрофъ, при помощи однихъ мелкихъ агентовъ формальной цивилизаціи, служитъ только одной лишней чертой въ характеристикѣ буржуазнаго послѣреволюціоннаго періода европейской исторіи.

При взглядѣ на эту печальную судьбу дикарей, въ нашемъ умѣ является вопросъ, имѣетъ ли человѣчество интересъ задержать обыкновенный ходъ вещей и если да, то какимъ образомъ?

Если мы будемъ искать оправданій для своей гуманной дѣятельности съ этой цѣлью въ непосредственно практическихъ выгодахъ для матеріальнаго прогресса человѣчества, мы очутимся на шаткой почвѣ, гдѣ насъ легко могутъ поразить. Все, что инородцы могли бы внести въ прогрессъ, какъ собственный вкладъ, все это будетъ внесено и самими европейцами. Если въ нихъ что оригинальнаго воспиталось вслѣдствіе особенностей климата, то развѣ бѣлые подъ тѣмъ же климатомъ не создадутъ опять вновь ту оригинальность? Мало ли оригинальнаго погибло въ разныхъ частяхъ свѣта, прежде чѣмъ возникла европейская цивилизація — но вѣдь мы не жалѣемъ его. При томъ маленькій материкъ Европы отличается гораздо большимъ разнообразіемъ, чѣмъ міръ дикарей — этотъ часто представляется однороднымъ на огромныхъ пространствахъ. Прогрессъ европейской колонизаціи создастъ гораздо больше оригинальнаго разнообразія въ области человѣческаго творчества и идей, чѣмъ медленная прививка цивилизаціи къ дикарямъ; между тѣмъ гуманность, недопускаю-

Digitized by Google

щая однимъ взмахомъ истребить остатки дикарей, чтобъ сразу образовать «пустое пространство» для европейскихъ колонистовъ, только затрудняетъ прогрессъ. Практическая польза въ мускульныхъ услугахъ инородцевъ то же второстепенная.

Но за то гуманное разрѣшеніе инородческаго вопроса имѣетъ важное значеніе для нравственности. Спасать ихъ есть потребность нашего духа, и только доктринеръ можетъ равнодушно разсуждать о томъ, стоитъ или не стоитъ для прогресса замедлить ходъ ихъ исчезновенія. Вы боитесь сказать, что нужно поскорѣе отдѣлаться отъ этого слѣпаго или этого хромаго, потому что онъ лишній для прогресса (хотя и было время, когда люди старцевъ и т. п. лишнихъ людей торжественно убивали); вы боитесь даже сказать, что преступникъ, нанесшій вредъ обществу, долженъ быть уничтоженъ, какъ лишній (а еще недавно вы не бѣлись этого), а между тѣмъ не боитесь еще то же самое сказать о «низшихъ расахъ» и потому только дѣлаете это, что между вами существуетъ различіе въ расѣ. Вопросъ о «низшихъ расахъ»—это послѣдніе остатки неравенства людей наравнѣ съ рабочимъ и тюремнымъ вопросами. Всѣ они — вопросы общественной морали. Не идти на помощь угнетеннымъ, хотя бы и дѣйствительно принадлежащимъ къ «низшей расѣ», неспособной къ культурѣ, это значило бы совершить преступленіе противъ собственной личности. Для будущаго человѣчества дѣйствительно все равно, доживутъ до него или нѣтъ какіе нибудь Чирокезы или Гварани, но для него небезразлично: совершитъ или нѣтъ относительно этихъ народцевъ преступленіе та часть современнаго человѣчества, которая въ своихъ умахъ носитъ зародыши будущаго; потому что всякое дѣйствіе его имѣетъ значеніе для воспитанія будущаго человѣчества, а говорятъ, что для воспитанія самый важный возрастъ — дѣтскій, мы же, современные люди, есть человѣчество въ дѣтскомъ возрастѣ.

Что касается до самаго средства поднять дикарей до уровня европейской культуры, то Герландъ остановился на очень скромной программѣ. Симпатизируя искренно угнетеннымъ дикарямъ, онъ однакожъ не высказалъ другаго желанія, какъ только развитіе миссіонерской дѣятельности, вспомоществуемой покровительствомъ законодательства. Препятствія полезной дѣятельности на этомъ полѣ такъ велики, что человѣкъ, въ сознаніи своего безсилія, добровольно ограничивается маленькой программой и обрекаетъ себя пока только на

Digitized by Google

скромную дѣятельность въ тѣхъ рамкахъ, какія уже допускаются жизнью, не думая и не вѣря, чтобъ въ настоящее же время эти рамки можно было расширить. Правда, если что сдѣлано до настоящаго времени гдѣ-нибудь для дикарей, то, конечно, миссіонерами; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ масса миссіонеровъ имѣла право на признательность за это, чтобъ славу этихъ дѣяній слѣдовало связывать съ профессіей миссіонера; миссіонеры, какъ и купцы, болѣе эксплоатировали народы, чѣмъ хлопотали о ихъ возрожденіи; подобно тому, какъ нѣкоторыя вещи, принесенныя къ дикарямъ торгашами, оказались полезными для первыхъ, хотя торгаши имѣли въ виду одни собственные карманы, такъ и дары миссіонеровъ, которые они несли дикарямъ, имѣли полезныя свойства; но также, подобно тому, какъ торгаши, принося маленькую пользу, наносили дикарямъ во сто разъ больше вреда, и миссіонеры болѣе разрушали, чѣмъ создавали жизнь между дикарями. Были нѣкоторые миссіонеры, память о которыхъ будетъ, конечно, сохранена человѣчествомъ, но дѣятельность ихъ имѣетъ столь мало общаго съ миссіонерской дѣятельностью вообще, какъ научныя занятія средневѣковыхъ монаховъ съ занятіями монаховъ вообще. Дѣятельность миссіонеровъ была инстинктивнымъ указаніемъ того, что требовалось отъ европейской политики въ отношеніи дикарей, т. е. внѣшняго покровительства, но понималось это покровительство подъ формой узкой опеки; думали, что достаточно для спасенія физіологической сытости и католической идеи. Примѣры самой блестящей миссіонерской дѣятельности показываютъ, что для того чтобъ создать прочный бытъ, недостаточно только удовлетворить хоть и но-горло животныя потребности, что человѣкъ нуждается кромѣ того въ интеллектуальномъ развитіи, въ прогрессѣ идей и чувствъ. Если же вы будете ревниво оберегать своихъ опекаемыхъ отъ участія въ общей жизни европейской мысли, если развитіе своихъ учениковъ будете ограничивать, убивая проростаніе въ инородческой массѣ оригинальныхъ мыслей и чувствъ, вы этимъ хотите добиться, чтобъ воспитываемое вами растеніе дало бы обильную листву, но ни цвѣтовъ, ни плодовъ.

Примѣровъ безплодности опеки въ узкомъ смыслѣ исторія представляетъ не мало; преимущественно за опеку дикарей брались миссіонеры, но были также учреждаемы опеки и свѣтскаго начальства, какъ, напримѣръ, голландцами на Молуккахъ. Типомъ всѣхъ этихъ опекъ, къ которому онѣ всѣ болѣе или менѣе приближаются, можетъ

Digitized by Google

служить Парагвай, цѣлое государство, устроенное іезуитами изъ обращенныхъ дикарей и жившее подъ мирной опекой духовенства. Миссіонерскія деревни были построены здѣсь по одинаковому плану; церкви хотя небольшія, деревянныя и построенныя безвкусно, но обременены были золотомъ и серебромъ; роскошь тузенцамъ была запрещена, но церковнымъ благолѣпіемъ хотѣли обольстить массу. Съ этой же цѣлью богослуженіе отправлялось съ музыкой и вообще съ пышностью, особенно въ праздники. Каждая деревня имѣла выборныхъ чиновниковъ, избиравшихся общиной подъ вліяніемъ духовенства. Наказанія состояли въ молитвахъ, постахъ, заключеніи, иногда въ бичеваніи. Дѣятельность и жизнь каждаго индѣйца была регламентирована до мелочей въ пищѣ, одеждѣ и работѣ, при чемъ стремились къ равенству; каждому индѣйцу было назначено поле для обработки; женщины и дѣти получали хлопокъ для пряденья. Ѣда и питье, сонъ и молитва совершались въ опредѣленные часы. Такъ какъ общинными запасами, ломившими амбары, распоряжались только духовные и при томъ безконтрольно, то всѣ излишки шли только на роскошь церквей, на снабженіе ихъ драгоцѣнностями и праздничными одеждами для процессій. Магазины, кромѣ продуктовъ земледѣлія, имѣли произведенія ремеслъ, въ которыхъ индѣйцы дѣлали большіе успѣхи—починяли даже органы и часы; больные, сумасшедшіе и вдовы получали пріютъ отъ общины. Никто не терпѣлъ недостатка, но всѣ были бѣдны; каждый работалъ для всѣхъ, но никто не могъ пріобрѣсть больше, чѣмъ на свое пропитаніе. Правда, іезуиты превратили грубыхъ каннибаловъ въ мирныхъ стадныхъ животныхъ, но правда также, что они не воспитывали изъ нихъ людей, учили только молитвамъ и работамъ, держали намѣренно своихъ учениковъ въ постоянномъ несовершеннолѣтіи (запрещая подъ страхомъ строгаго наказанія учиться испанскому языку), такимъ образомъ лишали ихъ собственной энергіи и сдѣлали ихъ въ духовномъ отношеніи еще тупѣе, чѣмъ они были прежде.

Въ этихъ общинахъ недоставало высшаго образованія и контроля массы надъ своими опекунами. Христіанская проповѣдь была доведена до такого совершенства, что парагвайскій индѣецъ допускалъ иногда скорѣе убить себя, чѣмъ позволялъ себѣ нанесть вредъ противнику; и однакожъ не было охотниковъ умирать за общину.

Изъ очерка, какой мы представили о дикаряхъ, сначала совершенно лишенныхъ внѣшняго покровительства, а потомъ слишкомъ

Digitized by Google

облагодѣтельствованныхъ опекой миссіонеровъ, можно, кажется, сдѣлать такой выводъ, что и та и другая системы должны быть оставлены; одна ведетъ къ истребленію инородцевъ, другая заглушаетъ жизнь; хотя опека миссіонеровъ и представляетъ совершенную противуположность отсутствію всякаго производительнаго покровительства, но послѣдствіе ея то же самое: эксплоатація, только въ пользу не купца, а монаха; разница между ними только та, что эксплоатацію послѣдняго можно назвать интенсивною, а перваго экстенсивною. Исторія дикарей, оставленныхъ безъ всякаго покровительства, указываетъ, что нужно сдѣлать для нихъ; опыты опеки, произведенные миссіонерами, предостерегаютъ, чего слѣдуетъ избѣгнуть при этомъ. Инородцы, предоставленные самимъ себѣ и не сплоченные въ организацію, какъ мы видѣли, представляетъ легкую добычу для многочисленныхъ отдѣльныхъ хищниковъ, которыхъ напускаетъ на нихъ европейская болѣе цивилизованная раса; въ этомъ духѣ долженъ дѣйствовать законодатель, отрѣшившись при томъ прежде всего самъ отъ роли эксплоататора и отъ національныхъ или расовыхъ предразсудковъ; далѣе, мѣры покровителя должны имѣть цѣлью не заглушеніе умственной дѣятельности въ средѣ инородцевъ, а, напротивъ, пробужденіе въ нихъ самостоятельной жизни; для этого нужны не двѣ, три каѳедры индѣйскихъ языковъ, какъ это учреждено въ Лимѣ и Мехико, или не однѣ только элементарныя школы, какъ въ миссіонерскихъ колоніяхъ, а тѣ и другія вмѣстѣ, представляющія связную систему. Во первыхъ оградите ихъ отъ хищниковъ, дайте имъ матеріальное обезпеченіе, положите конецъ этому меланхолическому настроенію, которое убиваетъ въ народѣ расположеніе къ труду и къ измѣненію своей жизни; во вторыхъ, не стѣсняйте жизни, если она начнетъ пускать ростки, не держите ее въ состояніи искусственнаго парагвайскаго застоя; пусть она изъ себя начнетъ вырабатывать идею о будущемъ, о прогрессѣ — эта идея также необходима для жизни общественной, какъ свѣтъ солнца для органической; только подъ лучами этой идеи общество окрашивается хлорофиломъ жизни.

Digitized by Google

АРЕСТАНТЫ ИРКУТСКАГО ТЮРЕМНАГО ЗАМКА И ИХЪ СОДЕРЖАНІЕ СЪ 1866 ДО 1875 ГОДА.

Статья 1-я.

Старая Иркутская тюрьма, — каменное небольшихъ размѣровъ зданіе, построенное въ 1799 г., — по ветхости и крайней тѣснотѣ его, сломано и на томъ же мѣстѣ въ 1856—61 год. выстроенъ, существующій нынѣ, тоже каменный, тюремный замокъ, постройка котораго обошлась до 62 тысячъ рублей.

Этотъ новый острогъ, при постройкѣ его, разсчитанъ былъ на 450 арестантовъ и соотвѣтственно этому разсчитаны въ немъ больница, баня и кухня. Но вскорѣ и это зданіе оказалось несоотвѣтствующимъ возрастающему числу арестантовъ, которое постоянно и въ значительныхъ размѣрахъ превышало цифру 450 и порою достигало до 2,000 чел. При такомъ скопленіи заключенныхъ, приходилось, для удовлетворенія насущныхъ ихъ потребностей, почти безпрерывно топить печи въ кухнѣ и банѣ, отъ чего и печи и зданія подвергались порчѣ, а это вело къ неизбѣжнымъ и экстреннымъ расходамъ. Къ тому же и самое зданіе замка, построенное на болотистомъ мѣстѣ, и, какъ полагаютъ, само по себѣ непрочное, нерѣдко подвергалось поврежденіямъ: то отваливалась штукатурка, то портились балки потолковъ, такъ что ихъ приходилось поддерживать подпорками; даже каменная ограда замка два раза обрушивалась *).

*) Непрочность постройки острога объясняютъ тѣмъ что строился онъ наскоро, арестантами и, еще въ концѣ 1857 года, по мѣрѣ выстройки какой либо его части, безъ просушки, замѣщался арестантами; по той же причинѣ нѣторыя печи клались зимой, причемъ каморы нагрѣвались желѣзными печками.

Digitized by Google

Наконецъ наплывъ арестантовъ до того увеличился, что оказалось невозможнымъ оставить въ зданіи замка больницу и женское отдѣленіе. Больница переведена по близости въ ветхое деревянное зданіе, гдѣ прежде помѣщался рабочій домъ, а для помѣщенія женскаго отдѣленія нанятъ на задахъ замка домъ, принадлежащій частному лицу. Попеченіе о продовольствіи арестантовъ иркутскаго тюремнаго замка и хозяйственная часть по ремонтировкѣ, отопленію и освѣщенію замка лежитъ на обязанности иркутскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, учрежденнаго въ 1856 году.

Арестанты дѣлятся на двѣ главныя категоріи: 1-я) подсудимые и присужденные къ временному заключенію и 2-я) пересыльные. Мущины и женщины одной категоріи получаютъ и одинаковое содержаніе.

Вотъ какое количество арестантовъ обоего пола подсудимыхъ, приговоренныхъ къ заключенію и пересыльныхъ ежегодно перебывало въ Иркутскомъ острогѣ съ 1866 по 1874 годъ, включая сюда остатокъ отъ предшествовавшаго года.

	Подсудимыхъ и осужденныхъ къ заключенію.	Пересыльныхъ.	Итого.
въ 1866 г. . .	889 чел.	6,920 ч.	7,809 ч.
» 1867 »	892 »	5,929 »	6,821 »
» 1868 »	1,431 »	6,904 »	8,335 »
» 1869 »	638 »	6,027 »	6,675 »
» 1870 »	851 »	4,828 »	5,679 »
» 1871 »	1,334 »	7,544 »	8,874 »
» 1872 »	1,475 »	7,134 »	8,609 »
» 1873 »	1,403 »	6,130 »	7,533 » *)
» 1874 »	1,198 »	7,584 »	8,782 »

Свѣдѣнія же о количествѣ вновь прибывшихъ въ замокъ арестантовъ и выбывшихъ изъ него мы можемъ дать только за 1874 годъ. Въ этомъ году прибыло подсудимыхъ и присужденныхъ къ заключенію мущ. 533, женщ. 38, всего 571 чел. Пересыльныхъ мущ.

*) Цифры эти не за одиннадцать ли мѣсяцевъ 1873 года? Если такъ, то къ нимъ нужно прибавить за декабрь до 50 подсудимыхъ и осужденныхъ и до 566 пересыльныхъ, всего до 600 челов. Провѣрить же эти цифры намъ не съ чѣмъ.

Digitized by Google

5,853, женщ. 913, всего 6,766; выбыло 1 категоріи и переведено на пересыльный дворъ мущ. 644, женщ. 58, всего 702; выбыло пересыльныхъ мущ. 6,232 женщ. 916 всего 7148.

Среднее же суточное число заключенныхъ въ замкѣ, основанное на количествѣ дневныхъ дачъ плаката, было слѣдующее:

		Въ томъ числѣ подсудимыхъ привилигированныхъ званій.
въ 1866 году ...	1,259 чел.	5 ч.
» 1867 » ...	712 »	5 »
» 1868 » ...	821 »	3 »
» 1869 » ...	621 »	4 »
» 1870 » ...	616 »	6 »
» 1871 » ...	801 »	6 »
» 1872 » ...	994 »	6 »
» 1873 » ...	985 »	7 »
» 1874 » ...	1,277 »	4 »

Къ 1 января 8674 г. состояло налицо подсудимыхъ и приговоренныхъ къ заключенію мущинъ 571, женщинъ 56, пересыльныхъ мущинъ 751, женщинъ и ихъ дѣтей 61, всего 1,445 челов., а къ 1 января 1875 г. ихъ оставалось по 1 категоріи 460 мущ., и 35 женщ. и по 2-й категоріи, т. е. пересыльныхъ 375 мущ. и 58 женщ., всего 928 чел. По однодневной переписи 8 марта 1875 г. оказалось въ острогѣ: мущинъ 879, женщинъ 109, всего 988 челов. арестантовъ *). При этомъ кстати укажемъ на мнѣніе Иркутской санитарской комиссіи, высказанное въ докладѣ, представленномъ 16 ноября 1873 г. иркутской городской думѣ. Комиссія эта пришла къ тому заключенію, что чрезмѣрное скопленіе арестантовъ въ иркутскомъ острогѣ

*) Такое значительное число арестантовъ въ 1866 г. объясняется забайкальскимъ возстаніемъ поляковъ, которыхъ, какъ извѣстно, привезено было изъ за Байкала въ послѣдней половинѣ года и заарестовано до 680 челов., изъ нихъ помѣщалось въ участническихъ казармахъ числомъ до 400, слѣдовательно, собственно въ замкѣ среднее суточное число арестантивъ было до 850 чел. Скопленіе же арестаноавъ въ 1874 г. произошло вслѣдствіе того, что отправка партій пересыльныхъ арестантовъ въ мѣсто ихъ назначенія была пріостановлена въ ожиданіи устройства центральной тюрьмы въ старомъ Александровскомъ заводѣ. Такое скопленіе могло быть еще значительнѣе, если бы для пересыльныхъ не была устроена временная тюрьма въ Кимильтейскомъ этапѣ, гдѣ и помѣщалась часть этихъ арестантовъ.

Digitized by Google

приносить вредъ здоровью не только арестантовъ въ частности, но и жителей города вообще и что для улучшенія санитарнаго положенія тѣхъ и другихъ необходимо: ходатайствовать, если не о болѣе соотвѣтственномъ въ гигіеническомъ отношеніи устройствѣ острога, то по крайней мѣрѣ о мѣрахъ противъ накопленія арестантовъ въ особенности въ ожиданіи пути черезъ Байкалъ. Во избѣжаніе этого предлагалось содержать ихъ до той поры въ казармахъ Александровскаго завода, въ Тельминской фабрикѣ и у Листвиничнаго. Ходатайствовала-ли объ этомъ дума?—не знаемъ. Что-то не слышно.

Среднее суточное число арестантовъ такъ называемыхъ гражданскихъ было слѣдующее:

	Гражданскихъ.	Политическихъ.
За весь 1866 годъ	696½ чел.	557½ чел.
» » 1867 »	592½ »	114½ » *).
» » 1868 »	665 »	153 »
» » 1869 »	553½ »	63½ »
» » 1870 »	605 » отъ 4 до 5	» **)

Такимъ образомъ въ 1866 г. (въ годъ забайкальскаго возстанія поляковъ) на каждую сотню гражданскихъ арестантовъ приходилось почти 80 чел. политическихъ. въ 1867 г. менѣе 19 ч., въ 1868 г. болѣе 23 чел., въ 1869 г. гораздо менѣе 12, а въ 1870 г., и то только въ первые два мѣсяца, не приходилось и по 1 челов. политическихъ на 100 гражданскихъ. При этомъ не лишне замѣтить, что поляки какъ при высылкѣ ихъ съ родины (исключая главныхъ преступниковъ), такъ и послѣ забайкальскаго возстанія помѣщались преимущественно не въ тюремномъ замкѣ, а въ такъ называемыхъ участническихъ казармахъ, что близъ хлѣбнаго рынка.

Сравнительное же отношеніе женщинъ арестантокъ, какъ подсудимыхъ и приговоренныхъ къ временному заключенію, такъ и пересыльныхъ, и ихъ дѣтей къ тѣмъ же категоріямъ арестантовъ мущинъ (не включая въ этотъ разсчетъ политическихъ, по исключи-

*) Въ первые два мѣсяца 1867 г. отношеніе это было такое: гражданскихъ 766 и 618 политическихъ 274 и 157, а въ послѣдніе два мѣсяца того же года первыхъ 565 и 516, а вторыхъ 16 и 79 челов.

**) Гражданскихъ за весь 1870 г., а политическихъ только за январь и февраль, потомъ ихъ почти не было.

Digitized by Google

тельности и случайности ихъ заключенія), представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1868 году на 597 мущинъ 68 женщинъ и ихъ дѣтей; въ 1869 г. на 499 м. 54 ж.; въ 1870 г. на 529 м., 76 ж.; въ 1871 г., на 688 м., 107 ж.; въ 1872 г., на 862 м., 126 ж., въ 1873 г., на 864 м., 114 ж., въ 1874 г., на 1,158 м, 119 ж.

Слѣдовательно, на 100 человѣкъ всѣхъ содержавшихся въ замкѣ арестантовъ мущинъ, кромѣ политичестихъ, причиталось слѣдующее количество женщинъ и ихъ дѣтей въ 1868 г. 11; въ 1869 г. 11; въ 1870 г. 14; въ 1871 г. 15; въ 1872 г. 14; въ 1873 г. 13; въ 1874 г. 10.

Въ частности же, на 100 человѣкъ содержавшихся въ замкѣ собственно подсудимыхъ и приговоренныхъ къ заключенію мущинъ, приходилось таковыхъ же женщинъ и ихъ дѣтей въ 1869 году 8; въ 1870 году 7; въ 1871 году 9; въ 1872 году 8; въ 1873 году 9; въ 1874 году 10 (на 528 м. 51 ж.)

А на 100 человѣкъ пересыльныхъ арестантовъ—мущинъ причиталось пересыльныхъ женщинъ и ихъ дѣтей въ 1869 году 14; въ 1870 г 28; въ 1871 г. 25; въ 1872 г. 21 въ 1873 г. 19; 1874 г. 11 (на 625 м. 67 ж.)

Это пропорціональное отношеніе женщинъ къ той и другой категоріи арестантовъ мущинъ.

Взаимное же между собою отношеніе той и другой категоріи женщинъ съ ихъ дѣтьми, содержавшихся въ замкѣ, является въ слѣдующихъ—пропорціяхъ:

	Подсудимыхъ и приговоренныхъ къ заключенію.	Пересыльныхъ.
въ 1869 году.	22 жен. и ихъ дѣт.	32 жен. и ихъ дѣт.
» 1870 »	24 » »	52 » »
» 1871 »	36 » »	71 » »
» 1872 »	37 » »	89 » »
» 1873 »	44 » »	70 » »
» 1874 »	51 » »	67 » » *).

*) Точныхъ свѣдѣній о числѣ дѣтей, находившихся въ замкѣ, при женщинахъ, въ немъ содержавшихся, за все время съ 1866 по 1875 г., мы не имѣемъ. За послѣдніе же года причиталось на 100 женщинъ до 30 дѣтей. Слѣдовательно на 100 чел. всѣхъ арестантовъ мущинъ причиталось. наприм., въ 1874 г., до 7 женщ. и 3 чел. дѣтей. Впослѣдствіи мы надемся дать по этому предмету болѣе полныя свѣдѣнія.

Digitized by Google

О количествѣ и качествѣ пищи заключенныхъ, по неимѣнію фактовъ, не говоримъ, а укажемъ только на размѣръ опредѣленнаго для арестантовъ плаката и на количество денегъ, употребленныхъ въ тотъ же періодъ времени на ихъ продовольствіе, оговариваясь только, что цифры за 1873 и 1874 годы взяты не изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ взяты эти цифры за предшествовавшіе года.

Плакатъ на содержаніе арестантовъ (кромѣ подсудимыхъ привиллегированныхъ званій и сословій, которые на основан. 119—125 ст. XIV т. Св. Зак. Уст. о Сод. под. стражъ., получаютъ кормовое довольствіе наличными деньгами), расходовался въ слѣдующихъ размѣрахъ, на каждаго человѣка, въ сутки:

въ 1866 году по 8 коп. » 1867 » » 9 » » 1868 » » 10 »	На обѣ категоріи поровну.

	На подсудимыхъ и осужденныхъ къ заключенію		На пересыльныхъ	
въ 1869 году:				
за 1-ю треть года по	10 коп.		по 10 коп.	
за 2-ѣ послѣднія трети по	6 »		» 10 »	
въ 1870 году:	» 7 »		» 10 »	
» 1871 »	» 7 »		» 10 »	
» 1872 »	» 12 »	тоже	» 12 »	
» 1873 »	» 13 »	тоже	» 13 »	
» 1874 »				
съ января до ноября по	13 к.	тоже	по 13 к.	
въ ноябрѣ	» 12 »	тоже	» 12 »	
» декабрѣ	» 12 »		» 10 »	*)

Сообразно этому количеству плаката израсходовано на продовольствіе подсудимыхъ и присужденныхъ къ заключенію арестантовъ непривиллегированныхъ званій и на арестантовъ пересыльныхъ, кромѣ больныхъ: въ 1866 году 35,125 руб. 11 коп.; въ 1867 г. 23,274 р. 30 коп.; въ 1868 г. 31,928 р. 20 к., въ 1869 г. 19,789 р.

*) Въ декабрѣ 1874 г. на продовольствіе пересыльныхъ изъ привилегированныхъ званій употреблено по 15 коп.

Digitized by Google

50 к.; въ 1870 г. 17,563 р. 4 к.; въ 1871 г. 27,837 р. 63 к.; въ 1872 г. 43,239 р. 96 к.; въ 1873 г. 46,807 р. 43 к.; въ 1874 г. 59,381 р. 38 к. Всего въ девять послѣднихъ лѣтъ 304,946 руб. 55 коп.

При этомъ не излишнее замѣтить, что на покупку хлѣба для продовольствія арестантовъ съ 1866 по 1873 г. включительно употреблено 102,761 руб. 58½ коп.

Кромѣ того, на кормовое довольствіе содержавшихся въ замкѣ подсудимыхъ привиллегированныхъ званій и на такое же довольствіе женъ, а иногда и дѣтей нѣкоторыхъ изъ нихъ, употреблено въ 1866 г. 174 р. 89½ к., въ 1867 г. 199 р. 6½ к., въ 1868 г. 153 р. 65¼ к., въ 1869 г. 223 р. 62 к., въ 1870 г. 300 р. 96 к., въ 1871 г. 301 р. 45½ к., въ 1872 г. 292 р. 90 к., въ 1873 г. 321 р. 56½ к. и въ 1874 г. 161 р. 45½ к., всего 2,129 руб. 56¾ коп. Къ этому еще надобно прибавить кормовыя палачу, который получаетъ по 20 коп. въ сутки, или 73 руб. въ годъ. А въ девять лѣтъ на этотъ предметъ издержано 657 руб. 40 коп., что съ расходомъ на продовольствіе прочихъ арестантовъ, составляетъ 307,733 руб. 51¾ коп.

Переходя за тѣмъ къ острожной больницѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что при тѣснотѣ помѣщенія въ замкѣ, при отсутствіи постоянныхъ и правильно организованныхъ работъ по возможности на свѣжемъ воздухѣ и при другихъ неблагопріятныхъ въ гигіеническомъ отношеніи условіяхъ, вдобавокъ къ общимъ причинамъ, вліяющимъ на здоровье арестованнаго человѣка, число больныхъ въ здѣшнемъ острогѣ не могло быть незначительно, и больницу, первоначально разсчитанную на 60 кроватей, пришлось увеличить на цѣлую сотню кроватей.

Въ приведенный періодъ времени число больныхъ арестантовъ, находившихся на излеченіи въ больницѣ (включая остатокъ отъ прошлаго года) было слѣдующее: въ 1866 году 1,987 чел.; въ 1867 г. 1,668 ч.; въ 1868 г. 1,330 ч.; въ 1869 г. 648 ч.; въ 1870 г. 552 ч.; въ 1871 г. 862 ч.; въ 1872 г. 879 ч.; въ 1873 г. 749 ч.; въ 1874 г. 1,140 ч.

Среднее же суточное количество больныхъ арестантовъ, основанное на годовомъ количествѣ дневныхъ для нихъ порцій пищи: въ 1866 году 81½ чел.; въ 1867 г. 88½ ч.; въ 1868 г. 74 ч.; въ 1869 г. 52 ч.; въ 1870 г. 40¾ ч.; въ 1871 г. 56¼ ч.; въ 1872 г.

Digitized by Google

42½ ч.; въ 1873 г. 56¾ ч.; въ 1874 г. 75½ ч., что составляетъ по отношенію къ среднему суточному числу всѣхъ арестантовъ на каждую сотню: въ 1866 году по 6½ чел.; въ 1867 г. по 12½ ч., въ 1868 г. по 9 ч., въ 1869 г. по 8½ ч.; въ 1870 г. по 6½ ч.; въ 1871 г. по 7 ч.; въ 1872 г. по 8¼ ч.; въ 1873 г. по 5½ ч. въ 1874 г. почти по 6 чел. (5⅞ ч.)

На содержаніе и леченіе больныхъ полагалось въ 1866, 67 и 68 годахъ собственно на пищу то же, что и для здоровыхъ, а именно: въ 1866 г. по 8 коп., въ 1867 г. по 9 коп. и въ 1868 г. по 10 коп. и на лекарства одинаково за всѣ три года по 3 коп. въ сутки на человѣка. Съ 1869 г. тюремный комитетъ сталъ требовать на довольствіе и лекарства для больныхъ, примѣняясь къ положенію для больницъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, и принялъ однообразную цифру на всѣ послѣдующіе года по 47½ коп. въ сутки на человѣка, а съ ноября 1874 г. расходовалось на этотъ предметъ по 53¾ коп. въ сутки на каждаго больнаго *).

Сообразно этому на продовольствіе больныхъ и на лекарства для нихъ употреблено: въ 1866 году 3,270 руб. 96 коп.; въ 1867 г. 3,708 р. 68 к.; въ 1868 г. 3,525 р. 60 к.; въ 1869 г. 9,332 р. 59 к.; въ 1870 г. 7,071 р. 80 к.; въ 1871 г. 11,753 р. 87½ к.; въ 1872 г. 12,718 р. 3 к.; въ 1873 г. 9,833 р. 97 к.; въ 1874 г. 13,652 р. 65¾ к. Всего въ девять лѣтъ 74,868 р. 16¼ к.

Годовое количество умершихъ арестантовъ и отношеніе ихъ къ таковому же числу больныхъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1866 году 100 чел. почти 5% всего числа больныхъ; въ 1867 г. 132 ч. почти 8%; въ 1868 г. 104 ч. менѣе 8%; въ 1869 г. 25 ч. 4%; въ 1870 г. 18 почти 3%; въ 1871 г. 33 ч. менѣе 4%; въ 1872 г. 80 ч. почти 9%; въ 1873 г. 84 ч. болѣе 11%; въ 1874 г. 87 ч. 8%.

Изъ этихъ цифръ усматривается, что вслѣдствіе улучшенія содержанія и вѣроятно леченія больныхъ съ 1869 до 1872 года смертность между ними значительно уменьшилась, но съ 1872 года смертность ихъ опять возрасла и въ 1873 г., не смотря на затрату на содержаніе ихъ болѣе чѣмъ вчетверо противъ 1866 года (съ 11

*) Въ томъ числѣ по 3 коп. на медикаменты.

Digitized by Google

коп. на 47½ коп. въ день на человѣка), смертность противъ 1866 г. увеличилась болѣе чемъ вдвое, а противъ 1867 и 1868 г. г. почти въ полтора раза.

Не имѣя въ рукахъ фактовъ, на которые можно бы опереться для объясненія причинъ значительной смертности арестантовъ въ иркутской острожной больницѣ, мы, кромѣ уже приведенныхъ невыгодныхъ въ гигіеническомъ отношеніи условій помѣщенія арестантовъ въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ и въ его больницѣ, можемъ указать только на громадное, въ пять, даже въ восемь разъ увеличеніе этой смертности въ зимніе мѣсяцы сравнительно съ лѣтними мѣсяцами того же года.

Вотъ краснорѣчивыя цифры о смертности арестантовъ въ иркутской тюремной больницѣ по мѣсяцамъ за послѣдніе три года:

Въ 1872 году въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ умерло 34 человѣка, въ Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ 9 ч., въ Сентябрѣ и Октябрѣ 7 ч., въ Ноябрѣ и Декабрѣ 30 ч.

Въ 1873 году въ Январѣ 34 ч. въ Февралѣ 16 ч., въ Мартѣ 5 ч., въ Маѣ и Іюнѣ 5 ч въ Сентябрѣ 3 ч., въ Октябрѣ и Ноябрѣ 12 и въ Декабрѣ 9 ч.

Въ 1874 году въ Январѣ 26 ч., въ Февралѣ 12 ч., въ Мартѣ 9 ч., въ Апрѣлѣ 4 ч., въ Маѣ 5 ч. въ Іюнѣ 2 ч., въ Іюлѣ 4, въ Августѣ 1, въ Сентябрѣ 3, въ Октябрѣ 3, въ Ноябрѣ 9, въ Декабрѣ 14 челов. *)

На погребеніе умершихъ расходовалось съ 1866 до Ноября 1874 г. по 1 руб. 15 коп. на каждаго, а съ Ноября 1874 г. по 1 руб. 49½ коп. Всего съ 1866 года по 1874 годъ включительно на этотъ предметъ израсходовано 763 руб. 15 коп., а именно: въ 1866 г. 115 р., въ 1867 г. 151 р. 55 к., въ 1868 г. 119 р. 60 к., въ 1869 г. 28 р. 75 к., въ 1870 г. 20 р. 70 к., въ 1871 г. 37 р. 95 к., въ 1872 г. 92 р., въ 1873 г. 96 р. 60 и въ 1874 г. 106 р. 83½ к. всего 768 р. 98½ коп.

*) Къ сожалѣнію, за 1872 и 1873 годы число умершихъ въ зимніе мѣсяцы не представилось возможнымъ подраздѣлить въ частности; въ первый годъ отъ весеннихъ мѣсяцевъ, а въ послѣдній отъ Октября. Для сравненія же числа умершихъ съ числомъ заболѣвшихъ по мѣсяцамъ, мы можемъ дать свѣдѣнія только за 1874 годъ. Вотъ они: Къ 1 Января 1874 г. оставалось больныхъ 97 чел., заболѣло: въ Январѣ 90 ч., въ Февралѣ 51 ч., въ Мартѣ 71 ч., въ Апрѣлѣ 67 ч., въ Маѣ 74 ч., въ Іюнѣ 46 ч., въ Іюлѣ 39 ч., въ Августѣ 56 ч., въ Сентябрѣ 71 ч., въ Октябрѣ 113 ч., въ Ноябрѣ 223 ч., въ Декабрѣ 142 ч. Къ 1 Января 1875 г. осталось больныхъ 138 ч.

Digitized by Google

Кстати сообщаемъ нѣкоторыя имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о расходахъ на жалованіе служащимъ въ тюремномъ замкѣ, на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе его и на прочіе по замку расходы. Что касается до расходовъ на арестантскую одежду, то мы надѣемся впослѣдствіи, если обстоятельства позволятъ, посвятить этому предмету особую статью.

Расходы эти обнимаютъ періодъ времени съ 1866 г. по 1873 г. включительно; за 1874-й годъ свѣдѣній этихъ мы еще не имѣемъ.

1-е) На содержаніе служащихъ въ замкѣ. а) На жалованіе служащимъ въ замкѣ съ 1866 по 1873 г. включительно 19,221 руб. 66 коп. Наиболѣе въ 1873 г. 4,383 руб. 80 коп. и въ 1871 г. 3,682 р. 50 к., наименѣе въ 1872 г. 79 руб. 40 коп. (?!). б) Въ награду служащимъ въ 1871 г. 200 руб., въ 1873 г. 545 руб., всего 745 руб. в) На одежду служащимъ въ 1866, 67 и 71 годахъ по 24 руб. 36¼ коп. (обмундированіе фельдшера) и въ 1873 г. 100 руб., всего 173 руб, 4¼ коп.

2-е) Улучшеніе пищи въ праздники въ 1866, 67 и 71 гг. по 70 руб., въ 1868 г. 75 р., въ 1873 г. 140 р., всего 745 р.

3-е) На бѣлье для больныхъ въ 1872 г. 6,367 руб. 24½ коп. *)

4-е) На покупку и ремонтъ вещей съ 1869 по 1871 г. и въ 1873 г. 2,641 руб, 7½ коп. Въ томъ числѣ на бѣлье для больницы въ 1868 г. (какъ слышали мы, на сорочки и нижнее бѣлье) 543 руб. 81 коп. и на разныя для больницы вещи въ 1870 г. 1,051 руб. 89 коп.

5-е) На медикаменты въ 1866 г. 50 руб., въ 1867 г. 1,038 р. 36 к., въ 1871 г. 149 руб., всего 1,237 руб. 36 коп.

6-е) На канцелярскіе расходы въ 1866, 67, 68, 71 и 73 гг. 1,223 руб. 20 к. Наиболѣе въ 1873 г. 440 руб., наименѣе въ 1866 г. 154 руб. 90 коп.

7-е) На отопленіе и освѣщеніе замка и на очистку дымовыхъ трубъ: а) на отопленіе и на ремонтъ съ 1866 по 1873 г. включительно 34,834 руб. 87½ коп. Среднимъ числомъ въ 8 лѣтъ по 4,354 руб. 33½ коп. на годъ. Наиболѣе въ 1873 г. 6,954 р. 18 к., наименѣе въ 1867 г. 1,987 р. 61½ к. б) на очистку дымовыхъ

(* Матеріалы эти, заготовленные Августомъ Карловичемъ Гофманомъ, которые намъ удалось видѣть, были довольно хороши для иркутской осторожной больницы и гораздо лучше заготовляемыхъ для больницъ Приказа.

Digitized by Google

трубъ съ 1866 по 69 г. включ. и въ 1873 г. 115 руб. 3 коп. Наиболѣе въ 1873 г. 52 руб. 15 коп., наименѣе въ 1866 году 6 руб. 90 коп.

8-е) На ремонтъ зданій съ 1867 по 1873 г. включительно 9,534 руб. 89¾ коп. Среднимъ числомъ за 7 лѣтъ по 1,362 р. 12¾ коп. въ годъ. Наиболѣе въ 1873 г. 3,025 р., наименѣе въ 1868 году 703 руб. 95½ к.

Въ числѣ расходовъ на ремонтъ значатся употребленныя въ 1868 г. на вставку стеколъ, исправленіе форточекъ и женскаго отдѣленія, 371 руб. 65½ коп., въ 1869 г. на исправленіе половъ въ секретномъ отдѣленіи, крыши надъ ретирадой, бани, печей и на постройку двора для дровъ 1,135 руб. 3¾ коп., въ 1870 г. на настилку половъ въ корридорахъ замка и кухнѣ, еще на исправленіе женскаго отдѣленія и проч. 1,467 руб. 67½ коп., въ 1872 г. на исправленіе больницы, флигелей, банной печи и проч. 617 руб. 74 коп.

На побѣлку замка издержано въ 1869 г. 476 руб., въ 1871 г. 143 руб. и 1873 г. 142 руб. 50½ коп., всего 761 руб. 50½ коп.

На глину, известь и песокъ въ 1867 и 1871 г. по 70 руб.—140 р.

9-е) За наемъ дома для женскаго Отдѣленія въ 1868 г. 300 руб.

10-е) Содержаніе лошадей съ 1866 по 1868 г., въ 1871 и 1873 г. по 216 руб. всего 1,080 руб.

11-е) За бритье арестантскихъ головъ (по 3 коп. за голову) съ 1866 по 1869 г. включ. и за 1873 г. 342 р. 63 к. Наиболѣе въ 1873 г. 87 руб. 12 коп., наименѣе въ 1868 г.—56 руб. 40 *).

12-е) На заковку и расковку арестантовъ въ 1868 и 71 гг. 76 руб. 56¼ коп.

Всего по этимъ статьямъ въ показанные 8 лѣтъ израсходовано 79,112 руб. 31¼ коп. Если къ этому прибавить приблизительную цифру расхода за 1874 г. хотя въ 9,000 руб., то въ итогѣ получится 88,110 руб. 31¼ к., что составитъ сумму всѣхъ приведенныхъ нами расходовъ свыше 471,000 руб., кромѣ расхода на арестантскую одежду и обувь.

При этомъ повторяемъ нашу оговорку, что приведенныя нами цифры расходовъ на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе замка и на

*) Изъ этого видно, что арестантскихъ головъ выбрито въ 1866 и 67 гг. по 2250 головъ въ каждый, въ 1868 г. 1882 головы, въ 1869 г. 2135 головъ и въ 1873 г. 2904 головы.

Digitized by Google

прочіе исчисленные въ послѣдней рубрикѣ предметы нельзя считать полными.

Самая наибольшая часть этихъ расходовъ произведена на счетъ казны; остальные на счетъ комитета. Показывать здѣсь въ точности эти цифры считаемъ пока преждевременнымъ. Городъ Иркутскъ или точнѣе, его городское управленіе съ 1867-го года ничего не выдавало на отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка.

По закону, расходы на постройку и ремонтъ тюремныхъ помѣщеній, на продовольствіе арестантовъ пищею, на пользованіе ихъ въ тюремныхъ больницахъ и на снабженіе ихъ одеждою и обувью производятся на счетъ казны. Расходы на отопленіе и освѣщеніе тюремъ и на содержаніе тюремныхъ смотрителей лежатъ на обязанности городовъ.

Остатки отъ этихъ суммъ причисляются къ экономическимъ капиталамъ тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій. За тѣмъ въ распоряженіе комитетовъ поступаютъ: ежегодные и единовременные взносы членовъ и благотворителей; сборы изъ кружекъ при тюрьмахъ, церквахъ и прочихъ мѣстахъ и пожертвованія благотворителей.

Эти частныя суммы должны идти на улучшеніе тюремныхъ помѣщеній, пищи и одежды арестантовъ, на лучшее ихъ леченіе, вообще на улучшеніе положенія арестантовъ и на выкупъ должниковъ.

Слѣдовательно, благотворительности на этотъ предметъ предоставлено широкое поле.

Чтобы судить о степени благотворительности Иркутска по улучшенію положенія заключенныхъ въ Иркутскомъ же тюремномъ замкѣ, нужно имѣть въ рукахъ полныя на это данныя; но, повторимъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно за весь періодъ времени съ 1866 по 1875 годъ, сколько поступило въ тюремный комитетъ частныхъ суммъ, какъ-то: директорскихъ взносовъ, приношеній отъ благотворителей, кружечнаго сбора изъ выставленныхъ при замкѣ и въ разныхъ частяхъ города кружекъ, а также сколько получено процентовъ съ доходныхъ бумагъ экономическаго капитала комитета и какъ великъ въ настоящее время этотъ капиталъ.

Изъ имѣющихся у насъ по этому предмету отрывочныхъ свѣдѣній можно было извлечь только слѣдующее: 1-е) Кредитныхъ бумагъ, принадлежащихъ экономическому капиталу тюремнаго комитета оставалось отъ 1865 къ 1866 году на 878 руб. и наличными деньгами 196 руб. 16 коп., итого 1,074 р. 16 к. 2-е) Директорскихъ взносовъ поступило въ 1866 г. 95 р., въ 1867 г. 50 р., въ

Digitized by Google

1868 г. 450 р., въ 1869 г. 125 р, въ 1871 г. 50 р., всего 770 руб. 3-е), Приношеній отъ благотворителей было: въ 1866 г. 529 р. 90 к., въ 1867 г. 432 р. 50 к., въ 1869 г. 28 р., всего 990 руб. 40 к. 4-е) Кружечнаго сбора въ 1867 г. 77 р. 51 к. и въ 1868 г. 25 р. 56¼ к., всего 103 р. 7¼ 5-е), Получено % съ бумагъ экономическаго капитала Комитета въ 1866 г. 54 р. 84 к. и въ 1873 г. 314 руб., итого 339 р. 84 к. А всего насчитывается по этимъ статьямъ 2,193 руб. 73¼ коп.

Частная благотворительность иркутянъ къ заключеннымъ въ замкѣ выражается еще тѣмъ, что нѣкоторые богатые и даже небогатые жители Иркутска посылаютъ въ острогъ къ праздникамъ св. Пасхи и Рождества Христова, и въ поминовеніе умершихъ съѣстные припасы: мясо, рыбу и булки. Булки посылаются арестантамъ въ поминовеніе умершихъ сотнями, даже тысячами штукъ за разъ. Но такъ какъ подачки эти случайныя, то на нихъ и надо смотрѣть какъ на какое-то лакомство, по временамъ даваемое арестантамъ.

Составляя наши свѣдѣнія о количествѣ арестантовъ въ иркутской тюрьмѣ и о содержаніи ихъ, мы собрали и изложили здѣсь все, что могли извлечь изъ бывшихъ у насъ въ рукахъ матеріаловъ, и если свѣдѣнія наши, какъ видно въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ перваго взгляда, отрывочны и далеко неполны, или выводы наши окажутся неточны, то и причины этому надобно искать въ недостаточности и неполнотѣ матеріала. Будемъ надѣяться, что пробѣлы нашей статьи и вкравшіяся въ нее неясности или неточности будутъ указаны и исправлены. Полагаемъ, что вопросъ о положеніи арестантовъ стоитъ того, чтобы на него обратить вниманіе.

Въ заключеніе пожелаемъ побольше гуманнаго и разумнаго участія со стороны нашихъ согражданъ къ положенію заключенныхъ въ тюрьмахъ и при томъ скорѣйшаго и полнаго осуществленія мѣръ къ уменьшенію громаднаго скопленія арестантовъ въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ.

Такое участіе и вниманіе тѣмъ болѣе настоятельно и необходимо, что при Иркутской тюрьмѣ не только не существуетъ мастерской, въ которой арестанты, пріучаясь къ ремесламъ и честному труду, исправлялись-бы и заработывали-бы себѣ нѣсколько рублей ко времени выпуска ихъ изъ тюрьмы; при ней не устроено никакой школы, даже никакого особаго пріюта для арестантскихъ дѣтей, остающихся иногда подолгу въ женскомъ отдѣленіи замка и пре-

Digitized by Google

бывающихъ тамъ въ совершенной праздности и невѣжествѣ, среди праздныхъ же и большею частію развращенныхъ арестантокъ.

Можно себѣ представить, что выйдетъ изъ этихъ дѣтей, пропутешествовавшихъ тысячи верстъ, при арестантскихъ партіяхъ и насидѣвшихся въ острогахъ, подобныхъ нашему?

Что же будетъ потомъ, когда дѣти эти, брошенныя въ арестантскій омутъ вскормятся и выростутъ при такихъ убійственныхъ условіяхъ и общество наше, какъ сибирское, такъ и зауральское, потребуетъ отъ нихъ одинаковаго съ иными своими сочлена и уваженія къ своимъ порядкамъ, правамъ и собственности; безпощадно будетъ преслѣдовать ихъ за всякое вольное и невольное прегрѣшеніе и еще клеймить при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ эпитетомъ: «варначихъ дѣтей» и «каторжныхъ отродьемъ»? Рѣшить этотъ вопросъ не мудрено, только никакъ не въ пользу такого общества. О школѣ для взрослыхъ арестантовъ мы уже не говоримъ (куда ужъ намъ до такого совершенства), а укажемъ на то, что о безвыходномъ положеніи ссыльно-поселенцевъ, выпущенныхъ изъ тюремъ на произволъ судьбы писано у насъ не мало, и многіе находятъ положеніе ихъ худшимъ, чѣмъ положеніе каторжныхъ, которые по крайней мѣрѣ обезпечены кой-какими помѣщеніемъ, пищей и одеждой. Во всемъ этомъ много горькой правды, но нельзя не подивиться тому, что въ 220 лѣтъ существованія ссылки въ Сибирь никто, ни въ Европейской Россіи, снабжающей Сибирь всякаго рода ссыльными, ни въ Сибири, нуждающейся въ колонизаціи,— не додумался учредить общества для раціональнаго устройства быта сосланныхъ въ Сибирь на житье и на поселеніе и отработавшихъ срокъ каторжныхъ. Будь эти общества устроены на гуманныхъ и разумныхъ началахъ, сколько тысячъ народу спасли бы они отъ конечной погибели, сколько полезныхъ работниковъ дали бы они пустынному сибирскому краю, а затраченный капиталъ съ избыткомъ возвратился бы увеличеніемъ производительности нашей невоздѣланной, неразработанной страны. Пора, наконецъ, покончить съ эксплуатаціей ссыльнаго люда, въ корень развращающей его золото-пріисковой работой и постараться возвратить этотъ людъ въ среду общества, для его же спокойствія и блага. Или на все это, какъ замѣтили намъ, нѣтъ у насъ потребныхъ людей ни тамъ, ни здѣсь и что всѣ жертвы на эти благія дѣла не достигли-бы своего назначенія. Тяжело повѣрить, а, пожалуй-что, правда.

Digitized by Google

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Не побывать ли мнѣ на родинѣ? подумалъ я. Не скажу, чтобы такой вопросъ явился у меня въ головѣ, какъ неотложная потребность, подготовленная чувствомъ неудовлетворительности впродолженіи многихъ годовъ. Нѣтъ, напротивъ. Вопросъ этотъ явился случайно, безъ видимаго основанія и легко могло случиться, что онъ могъ и не родиться вовсе въ моей головѣ, я могъ прожить еще столько же времени, сколько прожилъ, не побывавъ дома въ родной деревнѣ, и наконецъ спокойно умереть, нисколько не жалѣя, что умираю, не видѣвъ того незначительнаго и незамѣчательнаго захолустья, въ которомъ я впервые увидѣлъ свѣтъ.

И такъ рѣшено, я иду на родину. Я набилъ мѣшокъ подорожниками и отправился въ путь.

Путь мой былъ далекъ; не одинъ мѣсяцъ прошелъ прежде, чѣмъ я дошелъ до своей родной деревни Кислаго озера; я невольно подумалъ: Господи, какъ вѣдь далеко занесло меня отъ родины! Да и какъ долго я не видалъ ее! Сколько разъ таяли снѣга подъ вешнимъ солнцемъ моей родины, сколько разъ проходила туча, разцвѣтали цвѣты по логамъ, сколько разъ крестьяне вспахивали свою землю, сколько разъ проходила страда со своими помочами, звономъ косъ и пѣснями, сколько разъ дѣвицы собирали спѣлую малину по островамъ—я не былъ свидѣтелемъ всего этого, все это прошло безъ меня. Много совершила своихъ правильныхъ оборотовъ крестьянская жизнь, пока я былъ въ отсутствіи. За все это время, я ни разу серьезно не вспомнилъ о своей родинѣ, я былъ развлеченъ разнообразной постоянно новой жизнью, окружавшей меня. Я много ви-

Digitized by Google

дѣлъ и много слышалъ; я видѣлъ много чудесъ человѣческаго искусства, роскошные дворцы, столичныя улицы, гранитныя набережныя; я видѣлъ знаменитый шерстяной коверъ, производящій, говорятъ, въ особенности очаровательное дѣйствіе, когда смотришь на его яркіе цвѣты и зелень съ террасы—дѣйствительно очаровательный! я видѣлъ его;—я видѣлъ знаменитую комнату съ китайскими божками, качающими головой; я испыталъ чувство уединенія подъ сводомъ альгамбры, глазъ на глазъ съ безграничнымъ вѣчно-шумящимъ моремъ. Я видѣлъ тропическое разнообразіе садовъ юга съ ихъ платанами, лаврами, миртами, магноліями, агавами и видѣлъ хвойную природу сѣвера, подавляющую тысячами верстъ своего однообразія; я любовался и темными ночами Крыма и бѣлыми ночами Финскаго залива. Однако одинъ мой пріятель утверждаетъ, что лучшую и очаровательнѣйшую картину для каждаго представляютъ дѣтскія воспоминанія. Посмотримъ!

Чѣмъ ближе я подходилъ къ родной деревушкѣ, тѣмъ чаще я сталъ думать о ней. Сорокъ лѣтъ я провелъ вдали отъ нея на службѣ наукѣ и обществу, и во все это время мнѣ не приходило въ голову подольше остановиться на имени родной деревни и вызвать въ воображеніи рядъ дѣтскихъ воспоминаній. Но, шагая по широкой дорогѣ, я началъ припоминать тотъ чудный міръ и старые образы, которые окружали мое дѣтство. Въ самомъ дѣлѣ, что это былъ за прелестный райскій міръ!

Я помню длинный одноэтажный домъ съ садомъ; подъ окнами были разбиты цвѣтники, а за ними начиналась вишневая роща, въ которой мы такъ часто прятались; мы, дѣти, были знакомы только съ окраинами этой рощи, внутренность же ея была для насъ terra incognita, въ которую мы не рѣшались проникнуть. Какъ теперь помню гряды съ фасолью, которая вилась по забору, гряды съ морковью, свеклой и другой овощью, которыя тянулись позади бесѣдки и въ особенности навозную гряду съ кукурузой. Что за колоссальная была кукуруза! Вы, можетъ быть, скажете, что это была иллюзія, коренившаяся въ моемъ собственномъ маленькомъ ростѣ — не знаю; по крайней мѣрѣ я всегда удивлялся роскошному росту этого растенія. Когда я входилъ на эту навозную кучу, когда меня обдавало горячимъ паромъ, поднимавшимся изъ навоза, а надъ моей кудрявой головой вѣяли и шелестѣли широкія листья растенія, я воображалъ, что я нахожусь подъ небомъ Индіи и вижу передъ собой лѣсъ бана-

Digitized by Google

новъ или что нибудь въ этомъ родѣ. И природа и люди все было тогда прекрасно; люди были необыкновенно красивы и добры; бабушка моя была добрѣйшее существо въ мірѣ; этихъ отвислыхъ губъ, слезливыхъ глазъ и т. п. недостатковъ, безобразящихъ нынѣшнихъ старухъ, не было у нея вовсе; если и были у нея морщины, то вѣроятно рисунокъ ихъ былъ такъ изященъ, какъ у старухъ изваянныхъ изъ мрамора художникомъ. Что за прекрасное простодушное существо была также наша няня хохлуша Оксана, нечаянно залетѣвшая въ нашъ далекій край. Ни одного безобразнаго лица я не помню изъ тѣхъ, которыя окружали мое дѣтство. Я росъ можно сказать въ античной галлереѣ. Это можетъ показаться сомнительнымъ, потому что мѣстное населеніе представляетъ помѣсь съ азіатскими племенами, но это такъ. Животныя моего дѣтства были великорослы и породисты, люди прекрасны лицомъ и сердцемъ, словомъ, это былъ рай! Воздухъ, былъ напоенъ запахомъ травъ и меда дикихъ пчелей, особенно когда начинался сѣнокосъ. Я не помню такого горячаго солнца, какъ то, которое жгло мою дѣтскую голову, я вспомнилъ весеннія утра, когда насъ въ 7 часовъ поднимали съ постелей вызывали на крыльцо и поили молокомъ. Солнце песчаныхъ степей Балхаша, силу лучей котораго я испыталъ впослѣдствіи, внятеро — куда! вдесятеро не жгло меня такъ, какъ жгло кислоозерское солнце. Что за окрестности были у нашей деревни; съ одной стороны стояло неподвижно большое озеро въ плоскихъ берегахъ, поросшихъ солянками, съ другой растилались цвѣтистыя поля, за которыми зеленѣли березовыя дубровы, въ которыя мы ѣздили за ягодами и грибами, какая высокая трава растетъ въ этихъ дубровахъ; бывало, разстелютъ коверъ, на которомъ мы собирались потомъ чай пить, трава вокругъ ковра поднималась какъ бамбукъ надъ уровнемъ озера; телегу съ распряженными лошадями едва было видно сквозь верхушки травы. Но всего лучше въ этомъ мірѣ была конечно моя милая подруга Лидинька, это была первая красавица въ мірѣ и настоящій ангелъ.

Впослѣдствіи я женился на любимой женщинѣ, которую не перестаю уважать и теперь, но все-таки не могу не жалѣть, что прошло то счастье, которое окружало мои дѣтскіе годы; я желалъ бы, чтобы оно снова вернулось, чтобы опять я сидѣлъ по цѣлымъ часамъ на стулѣ подлѣ Лиди и держалъ ея маленькія ножки у себя на колѣняхъ, а самъ смотрѣлъ бы на ея брови, на которыхъ отражались

Digitized by Google

впечатлѣнія отъ чтенія Монте-Кристо или Трехъ-Мушкетеровъ, словомъ опять бы я хотѣлъ любить той дѣтской любовью, которой нѣкогда любилъ Лидиньку.

Однако, какъ все это было давно! ужасно давно! Такъ давно, что перепуталось съ сновидѣніями. Я часто впослѣдствіи видѣлъ сонъ, будто снова съ Лидей гуляю по увалу, который тянулся слѣва нашего дома и спускаясь съ него въ логъ; я вижу тотъ самый дворъ, какой у насъ былъ въ Кисломъ озерѣ, ту самую кухню, которая стояла на этомъ дворѣ; вонъ и тотъ самый индюкъ, котораго мы дразнили; вонъ и Сбогарка торчитъ передъ кухней, махая хвостомъ и ему летятъ кости изъ отвореннаго окна; но логъ вдругъ оказывается широкой долиной, по которой течетъ если не Волга, то по-крайней мѣрѣ Ока или Донъ; словомъ, въ дѣтскія впечатлѣнія вплетаются картины, которыя я видалъ впослѣдствіи; и это смѣшеніе дошло до того, что я не знаю, что принадлежитъ дѣйствительности, что позднѣйшимъ созданіямъ во снѣ; на всѣ дѣтскія воспоминанія легъ туманъ призраковъ.

Видѣлъ ли я гдѣ нибудь такіе крупные и такіе яркіе цвѣты, какъ на поляхъ роднаго Кислаго-озера; видѣлъ ли гдѣ нибудь болѣе блестящія золотыя мушки, лазавшія въ цвѣточныя чашечки; конечно нигдѣ? Какое множество прыгало въ этой травѣ пестрыхъ кобылокъ; въ другомъ мѣстѣ онѣ составляютъ бичъ культуры, между тѣмъ какъ тамъ, какъ я помню, онѣ были только украшеніемъ полей, которыя они оглашали своимъ пѣніемъ. Да, это былъ идеальный міръ, міръ всеобщей любви и всеобщаго счастья, міръ, въ которомъ не было горя, слезъ, чертовыхъ корокъ, лохмотьевъ, недоимокъ. Вы, любезный читатель, опять можетъ быть скажете, что все это иллюзія, что потому, что я былъ малъ ростомъ и не развитъ умомъ и вкусомъ, мнѣ низкіе предметы казались колоссальными, люди безнравственные добродѣтельными и уроды Антиноями. Я не знаю, можетъ быть и такъ. Но я могу васъ увѣрить, что другой міръ, міръ лохмотьевъ и сухихъ корокъ я узналъ только позднѣе, я увидѣлъ и мужика въ кулѣ подъ дождемъ и хижину изъ кизяка и сидоровскую коллекцію хлѣбовъ Архангельской губерніи и другіе знаки высокой россійской культуры, но все это—говорю—я увидѣлъ позднѣе и вдоволь насмотрѣлся. У меня явилось недовольство жизнью, и началъ думать, что можетъ существовать другой міръ, и постепенно въ моемъ умѣ началъ создаваться новый, воображаемый міръ, добрый, прекрас-

Digitized by Google

ный. И вотъ, странно, любезный читатель—я открылъ теперь, что я не создалъ этотъ прекрасный міръ изъ нечего, а только по частямъ возобновилъ тотъ дѣтскій міръ, который былъ совершенно забытъ мною. Спасибо вамъ, дѣтскіе годы! Еслибъ не вы, можетъ быть не было бы и того недовольства настоящей жизнью, если бы не вашъ «возвышающій обманъ», я можетъ быть примирился бы спокойно съ корками и лохмотьями. Если нѣкогда разбойникъ покаялся на крестѣ, я увѣренъ, что онъ передъ этимъ вспомнилъ свое дѣтство, свои счастливые годы. Да что разбойникъ, даже черствый маклакъ и у него размягчается сердце, когда въ головѣ его возникаютъ дѣтскія воспоминанія. Сухой мистеръ Скруксъ у Диккенса, вспомнивъ, какъ онъ ребенкомъ проводилъ Рождество, умилился и послалъ рождественскій пирогъ своимъ прикащикамъ и прибавилъ жалованья.

Думая такія думы, я шелъ впередъ по дорогѣ къ Кислому озеру. Я миновалъ ситцевыя и бумажныя фабрики, я миновалъ кожевенные и мыловаренные заводы и наконецъ очутился въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни одной фабричной трубы. Еще немного и я буду дома. Я былъ одѣтъ просто, сапоги мои были въ пыли, скромный сюртукъ прикрывалъ мое тѣло, шляна была безъ всякихъ прикрасъ. Я думалъ, что за бѣда, что моя одежда не бросается въ глаза, пожалуй, я имѣю и золотое шитье на платьѣ и плюмажъ на шляпѣ и ордена на груди и дипломы разныхъ ученыхъ обществъ, я такъ много, много сдѣлалъ во время своего сорокалѣтняго служенія наукѣ и обществу, что и безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ—мнѣ казалось—меня узнаютъ и примутъ съ восторгомъ, стоитъ мнѣ только назвать себя, какъ всѣ засуетятся вокругъ меня, начнутъ привѣтствовать, приглашать къ себѣ и радоваться моему прибытію. Вѣдь слава моя, по всей вѣроятности, дошла и до Кислаго озера, потому что я не мало славныхъ дѣлъ исполнилъ; приду, думалъ я, въ деревню потихоньку, не надѣну на себя никакихъ знаковъ отличій и скромненько залѣзу на полати. Спросятъ: откуда, милый прохожій? я отвѣчу: иду изъ за краснаго столба. Какъ тебя звать? Тогда я скажу: я вашъ, Кислозеръ такой-то! Какъ заговорятъ въ избѣ. Неужели это ты. Да вѣдь ты гордость нашей деревни? Вѣдь мы хвалимся твоимъ славнымъ именемъ, когда напьемся пьяны на праздникахъ. Слышали мы, и до насъ дошли вѣсти, какіе труды совершила твоя умная головушка на пользу общую. Ты и законъ Мярріота о упругости газовъ повѣрилъ, и о судьбахъ женщины толстущую книжищу написалъ и во-

Digitized by Google

просъ о кустарной промышленности возбудилъ. И начнутъ меня тогда изъ дома въ домъ таскать, какъ дорогаго гостя, какъ таскали когда-то моего отца, когда онъ пріѣзжалъ къ своимъ землякамъ на нѣсколько дней въ году изъ города, въ которомъ служилъ. Я вспомнилъ эти темныя зимнія ночи, отецъ несетъ меня на рукахъ по улицѣ, переходя изъ одного дома, гдѣ его только что угостили, въ другой, куда его чуть не насильно ведутъ для новаго угощенія; сзади насъ скрипъ стоитъ отъ идущихъ по снѣгу сапоговъ, громкій разговоръ, женскіе голоса, пѣсня и балалайка съ бубномъ; входимъ въ новый домъ: столъ уставленъ закусками и винами, меня стараются ублаготворить орѣхами, пряниками; но я хочу спать, потому что уже поздно; меня укладываютъ спать въ чужемъ домѣ, окружаютъ ласками, а отца уводятъ далѣе. Такое радушіе, почетъ, а между тѣмъ отецъ мой былъ ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ, законовъ Марріота не повѣрялъ, книги судебъ женщины не писалъ, о кусторяхъ не имѣлъ понятія и только въ молодости напечаталъ въ какомъ-то журналѣ крохотную статейку «Путевые очерки по дорогѣ отъ Кислаго озера до Горько—Соленаго и обратно»; я читалъ ее,— никакихъ этнографическихъ замѣтокъ, одни личныя воспоминанія автора о томъ, гдѣ онъ пилъ чай, видѣлъ пасущійся скотъ и проч.; возвращаясь въ свою деревню Кислое озеро, авторъ восклицаетъ: и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, и тѣмъ заканчиваетъ свою статью. Я не могъ удержаться отъ улыбки.

Иду далѣе. Вотъ ужъ я очень, очень близко отъ Кислаго озера; по окрестнымъ деревнямъ и ихъ жителямъ можно уже судить о томъ, какъ живутъ кислоозерцы. Боже мой! лохмотья, сухія корки и раскрытыя крыши и здѣсь. А о законахъ Марріота и не слыхали и книги «о женщинѣ» не читали. Наконецъ я пришелъ въ деревню Горько-Соленое озеро, отъ которой до Кислаго озера считается только 20 верстъ.

Иду по знакомой дорогѣ, которая вьется между березовыми колками; почки каждое колѣно дороги мнѣ извѣстно, вотъ знакомая мягкая зелень мелкой травки копотопки, которая сопровождаетъ съ обѣихъ сторонъ черную, какъ смоль, вырѣзанную тремя глубокими колеями, въ черноземѣ дорогу. Вотъ блеснуло большое озеро—это Кислое озеро, скоро я буду дома. Выхожу изъ за колки—и родная деревня вся цѣликомъ передомной, какъ на ладони. Эта груда ничтожныхъ домишекъ съ дерновыми крышами поразила меня, издали

Digitized by Google

уже замѣтно, что ждетъ внутри улицъ; съ защемленнымъ сердцемъ вхожу въ улицу—домишки низкіе, поражаютъ убожествомъ. Вхожу—въ одинъ изъ нихъ, показавшійся мнѣ лучшимъ. Перешагнувъ черезъ порогъ, я помолился Богу, поздоровался съ хозяевами и сѣлъ на лавку. Меня спросили кто я такой, я сказалъ свое имя. Молодой хозяинъ продолжалъ чинить сапогъ у лавки, но не оборотился ко мнѣ лицемъ, молоденькая дѣвушка продолжала прясть, пожилая хозяйка, выносившая лохань изъ избы, прошла мимо, не остановившись и не поднявъ изумленныхъ глазъ. Очевидно, имя громкое въ другихъ мѣстахъ, здѣсь теряло всякое значеніе и силу какъ пуля на излетѣ. Въ другихъ мѣстахъ пробуждающее молодые умы студентовъ и студентокъ къ полезной и безкорыстной дѣятельности, здѣсь оно было простымъ безотносительнымъ звукомъ природы въ родѣ шелеста листа осины или звука отъ паденія воды съ мельничнаго колеса. Однако, спросилъ я, не слыхали ли вы о человѣкѣ, который повѣрялъ законы Марріота? Ничего не слыхали. По крайней мѣрѣ не читали ли книгу женскихъ судебъ? Нѣтъ не читали—какъ же такъ говорю, не читали такой хорошей и большой книги! Не знаю, право, какъ это мы не читали ее съ нашимъ попомъ, сказалъ молодой чинильщикъ сапоговъ; оплошали видно. Мы, съ нашимъ попомъ,—что это значитъ, подумалъ я; оказалось, что всѣ кислозерцы сплошь не грамотны и единственный разумѣющій грамоту въ ихъ средѣ—попъ. На ихъ нарѣчіи фраза: мы читали новый царскій указъ значитъ всегда, что попъ читалъ указъ и разсказалъ остальнымъ. Я долженъ былъ убѣдиться, что мои ученые труды прошли безслѣдно для моей родной деревни; они не принесли никакого улучшенія въ жизнь ни прямымъ ни косвеннымъ путемъ. Жители жаловались, что бытъ ихъ не только не улучшился за послѣдній періодъ времени, а, наоборотъ, стало хуже. Прежде въ озерѣ была рыба, теперь не стало; лѣсу и травы стало меньше; гдѣ прежде накашивали 15 копенъ, накашиваютъ только 5; прежде неурожаевъ не было, теперь стали часты; за истребленіемъ лѣса перерубаютъ избы изъ старыхъ, отчего избы становятся ниже; скотъ мельчаетъ, удой уменьшается, народъ ростомъ тоже ужъ не будетъ противъ прежняго. А у податей карманъ сталъ шире. Если вы не слыхали обо мнѣ, сказалъ я, то не помнитъ ли кто моего отца? Молодой хозяинъ оказалось родился въ годъ смерти моего отца. Стали спрашивать сосѣдей—тоже никто не помнитъ. Привели наконецъ сѣдаго согбеннаго старца съ другаго конца деревни Ты,

Digitized by Google

дѣдушка, не помнишь ли его отца? спросили его. Помню очень хорошо помню, отвѣчалъ старикъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ въ орду ѣздили. Нашъ то теперешній огородъ это его былъ, и теперь еще растутъ въ немъ вишни, которыя онъ своими руками садилъ. А сына то его не помню. Помню, что былъ сынъ, а онъ ли это самый пришелъ теперь въ нашу деревню—не могу сказать.

Для меня стало ясно, что я чужой для этихъ людей. Они собрались вокругъ меня большой толпой, но я чувствовалъ себя между ними самозванцемъ. Для нихъ я былъ только любопытнымъ зрѣлищемъ и собравшіеся вокругъ меня земляки отъ разговоровъ обо мнѣ то и дѣло отвлекались къ разговорамъ о болѣе существенныхъ для нихъ предметахъ. Имена людей, лошадей и коровъ, которыя они упоминали, событія о которыхъ они разсказывали, были для меня, чуждой массой звуковъ, между тѣмъ все, что относилось до этихъ животныхъ, было болѣе правдивою дѣйствительностью, чѣмъ мое происхожденіе изъ Кислаго озера. Пріѣздъ въ ихъ деревню торгаша занималъ ихъ больше, чѣмъ мое прибытіе, потому что онъ привезъ имъ ситцы, кожевенный товаръ и желѣзныя вещи, въ которыхъ они нуждались. Я началъ чувствовать себя окончательно не на мѣстѣ, когда замѣтилъ, что огромная толпа исключительно занялась сообщеніями о вновь привезенныхъ товарахъ, о ихъ цѣнахъ, добротности и пр., хотя я и сидѣлъ посреди ея; я началъ тяготиться своимъ центральнымъ положеніемъ, которое я занималъ еще, и освободившись изъ толпы, пошелъ къ нашему старинному дому. Боже мой, какимъ онъ показался мнѣ низенькимъ, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ казался прежде. Какія маленькія окна? Домъ точно вросъ въ землю. Я вошелъ въ него въ намѣреніи попросить нынѣшняго владѣльца его позволить мнѣ посмотрѣть тѣ комнаты, гдѣ я провелъ свое дѣтство, гдѣ съ рыцарской честностью служилъ своей Лидинькѣ. Видъ прихожей показался мнѣ очень страннымъ: темное отверстіе печи было наполнено обрѣзками отъ казенныхъ бумагъ, которые, точно ленточные глисты, сплетались между собою и свѣшивались внизъ множествомъ концовъ; въ углу стоялъ ночной горшокъ и половая щетка, упиравшаяся на замѣтенный къ стѣнкѣ ворохъ сора; у окна сидѣлъ сторожъ, погрузившійся въ наблюденія надъ мухами на оконныхъ стеклахъ. Воздухъ въ прихожей стоялъ удушливый, свойственный заднимъ ходамъ. Изъ двери несло свѣжей известкой и самымъ вонючимъ табакомъ. Могу я видѣть хозяина? спросилъ я.—Здѣсь домъ казенный, отвѣчалъ сто-

Digitized by Google

рожъ. Я увидѣлъ вывѣску и прочелъ на ней надпись: какое-то правленіе. Я былъ глубоко огорченъ: канцелярская схоластика царила въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы создавали и приводили въ исполненіе свои дѣтскія фантазіи, облака вонючаго табачнаго дыма носились тамъ, гдѣ прежде Лидинька распространяла запахъ фіалки; наша мирная дѣтская, гдѣ мы видѣли столько золотыхъ сновъ и поцѣлуевъ нашей няни, обращена была въ тюрьму для бродягъ и въ вишневой рощѣ раздавались не дѣтскіе голоса, а голоса сторожей, нарѣзывающихъ розги для заключенныхъ. Нѣтъ, любезный читатель, не бывши сорокъ лѣтъ на родинѣ, не ходите смотрѣть ее; лучше умрите на чужбинѣ. Иначе вы будете горько наказаны.

Я пошелъ въ церковь. Я помню еще старую церковь; помню, какъ вмѣсто нея выстроили новую и при постройкѣ послѣдней дѣятельное участіе принималъ мой отецъ, составляя чертежи, рисунки и смѣты. Старая церковь была безъ пролета и плоскій потолокъ пригнеталъ къ землѣ думы молящихся. Отецъ мой настоялъ—это стоило ему большихъ хлопотъ и онъ впослѣдствіи гордился этимъ, чтобы построить новую церковь съ пролетомъ. Я полюбилъ новую церковь, высоко, высоко поднимался сводъ, подъ нимъ свободно дышалось и молитва будто вольнѣе неслась къ небу; но теперь, странно, сводъ не показался мнѣ особенно высокимъ, обстановка церкви была бѣдна. Изъ храма я пошелъ на кладбище, гдѣ могила моей матери. Тотъ же общій видъ кладбища, какъ и во время моего дѣтства, но кресты, и насыпи другія. На могилахъ цвѣли тѣ самые цвѣты, которые цвѣли во время моего дѣтства; вотъ бѣленькія скабіозы, которые занимали меня своимъ рисункомъ, похожимъ на кружево, вотъ лиловые цвѣты симметрично развѣшанные на ножкахъ напоминавшіе телеграфные столбы, я помню они останавливали на себѣ мой дѣтскій умъ оригинальностью своихъ бутоновъ, которые походили на швейныя подушечки. Названія ихъ я не узналъ, но всегда, какъ только встрѣчалъ ихъ гдѣ нибудь во время своихъ путешествій, вспоминалъ кладбище Кислаго озера и могилу моей матери. Какъ теперь помню голбчикъ надъ могилой моей матери, т. е. зеленую деревянную, рѣшетку съ зеленой крышей надъ ней; на крышѣ былъ укрѣпленъ голубой шаръ съ желтымъ крестомъ. Отецъ ежегодно подкрашивалъ голбчикъ, поправлялъ мѣломъ надпись на черномъ крестѣ и клалъ цвѣты на могилу. Но сколько я не ходилъ по кладбищу, я не находилъ знакомой могилы; моя память отказалась служить мнѣ, потому

Digitized by Google

что кладбище измѣнило свои границы, что было окраиной, очутилось въ серединѣ; бывшій центръ кладбища перемѣстился и я не умѣлъ найтись посреди лѣса черныхъ крестовъ. Я перечиталъ множество полустертыхъ надписей на покосившихся и лежавшихъ на землѣ крестахъ, но имени моей матери не встрѣтилъ. Я обратился къ жителямъ деревни, всѣ жалѣли, смотрѣли на меня какъ на несчастнаго, потерявшаго свою мать, едвали не какъ на человѣка, надъ которымъ тяготѣло проклятіе за какое нибудь великое преступленіе, но никто не могъ указать мнѣ могилу, которую я искалъ. Быстро представились мнѣ тяжелыя чувства, съ которыми должна была умирать моя мать. Отецъ мой попалъ въ несчастье и былъ заключенъ въ тюрьму, имѣнье его расхитили судьи, а мать носила уже давно въ себѣ зачатки болѣзни. Мнѣ было всего 5 лѣтъ, мать любила меня страстно, не зная какая судьба ждетъ моего отца, оправдается ли онъ или погибнетъ, она чувствовала что оставляла меня на произволъ судьбы. Мнѣ стало жаль своей матери. Мысль, что она умерла несчастной женщиной, сжала мое сердце и слезы полились у меня изъ глазъ. Я пожелалъ въ этотъ моментъ найти такую любящую грудь, у которой я могъ бы снова успокоиться, я вспомнилъ и ангела моего дѣтства, Лидиньку! Съ какой бы быстротой я бросился къ ней и обнялъ ея ноги! Но я видѣлъ Лидиньку въ Петербудгѣ—это была не та Лидинька; это была свѣтская дама, за громадной вѣжливостью которой нельзя было разсмотрѣть ея настоящее сердце, доброе ли оно, или сухое. И я теперь подумалъ:

. . . . . въ палатахъ
Ты роскошуешь и не жаль
Тебі покинутої хаті.

А здѣсь:

Верба усохла—похилилась
И стежечка ди ти ходила
Колючимъ терномъ поросла.

А ты?

До кого ти перелетѣла
Въ чужой земли, въ чужій семьи?
Кого ти радуешь?

Digitized by Google

Любовь моего дѣтства, лучшая любовь была также разбита, какъ и все остальное. Тупая боль все болѣе сжимала мое сердце. Я чувствовалъ, что я стою надъ трупомъ моего дѣтства, что я потопталъ все въ жизни, что было мнѣ дорого, и у меня не осталось болѣе ничего цѣннаго. Я вдругъ увидѣлъ, что въ этомъ чувствѣ моего отчаянія было мое наказаніе, но за что?....

Кислозерскій.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПИСЬМА ИЗЪ ПРІАРГУНЬЯ

I.

Въ 1689 году заключенъ былъ въ Нерчинскѣ мирный трактатъ между Россіей съ Китаемъ, опредѣлившій, между прочимъ, границы этихъ государствъ. При этомъ русскіе уступили обратно китайцамъ Амуръ, открытый не задолго предъ тѣмъ и гдѣ уже возникали поселенія, какъ слобода Покровская и крѣпость Албазинъ. Съ того времени восточную сторону границы стала представлять рѣка Аргунь, которая, послѣ 700 верстнаго теченія, слившись съ Шилкой, образуетъ Амуръ. Южная, «сухая» граница, начинаясь отъ Аргуни (въ 250 верстахъ выше Нерчинскаго завода) по направленію на западъ, къ Кяхтѣ, простерлась по окраинѣ Гоби, этой азіятской Сахары. Такимъ образомъ большая часть Даурія, или иначе страны по системамъ рѣкъ Ингоды, Онона, Шилки, и Аргуни, окончательно упрочилась за Россіей. Но еще прежде, въ 1632—40 г.г., якутскіе воеводы освѣдомились о серебряныхъ рудахъ Даурія. Это и было главнѣйшимъ поводомъ къ открытію страны, чрезъ экспедиціи на Амуръ и вверхъ по этой рѣкѣ къ Аргуни, причемъ мѣстные обитатели,—дауры, дучеры и другія племена, облагались ясакомъ, а въ 1675 году вступилъ въ подданство Россіи князь Гантимуръ съ 7000 тунгусовъ. Чрезъ два года послѣ этого воеводы въ Нерчинскомъ острогѣ совершенно удостовѣрились чрезъ кочующихъ тунгусовъ, что близъ Аргуни находятся мѣсторожденія серебряныхъ рудъ въ горѣ Култучной, возвышающейся надъ рѣчкой Алтачей (по монгольски золотая), которая, принявъ неподалеку р. Тюзячу (желѣзная или оловянная), почти тутъ-же сливается съ Мунгучей (серебряная); а эта послѣдняя, чрезъ 12 верстъ впадаетъ въ Аргунь. Названія рѣчекъ, оставленныя аборигенами края, служатъ большей

Digitized by Google

частью характеристикой окружающей мѣстности. Такъ и вблизи Нерчинскаго завода, въ районѣ 40 верстъ, дѣйствительно сгруппированы минеральныя богатства: золото, серебро, желѣзо, ртуть, киноварь, самородная сѣра, каменный уголь. Изъ другихъ произведеній царства ископаемаго, въ томъ-же районѣ находятся: горный хрусталь, раухъ-топазъ, аметисты, яшма, вавеллитъ, фіоритъ, пиромор-фитъ, плазьма — каменный мозгъ, оливинъ, квасцовый сланецъ и многое другое.

Нерчинскій заводъ—первоначальное рудничное селеніе у подошвы горы Култучной (нынѣ Крестовки) и при рѣчкѣ Алтачѣ основанъ въ 1704 году; ранѣе же его былъ заложенъ въ 1681 году острогъ Аргунскій, въ 50 верстахъ, находившійся на правой, а послѣ трактата, перенесенный на лѣвую сторону Аргуни. Нерчинскій заводъ, извѣстный также подъ названіемъ «Большаго», былъ въ Россіи первымъ изъ серебряныхъ заводовъ, и, хотя дѣйствіе плавильной фабрики прекращено въ 1853 году,—но онъ и понынѣ сохраняетъ свое значеніе, какъ административный центръ горнаго округа.

Надлежащей, цѣлесообразной разработки естественныхъ богатствъ При-аргунья, можно ожидать только въ будущемъ. Въ теченіе полутораста лѣтъ, горная промышленность, или точнѣе серебро-свинцовое производство, были основаны на казенной монополіи, даровомъ трудѣ ссыльныхъ, и приписныхъ къ заводамъ крестьянъ и горныхъ служителей, бытъ которыхъ чрезъ полтора вѣка оказался еще далекимъ отъ благосостоянія. Хотя горно-заводское населеніе избавлялось отъ податей и рекрутской повинности, но половина людей (крестьянъ) обязательно занималась хлѣбопашествомъ для заводскихъ потребностей, а другая половина (служителей) была обречена трудиться въ рудничныхъ шахтахъ наравнѣ съ ссыльными. Въ отношеніи личныхъ преимуществъ, служители даже стояли ниже ссыльныхъ, такъ какъ большій срокъ работъ «въ каторгѣ» ограничивался 20 годами, а горный служитель обязательно работалъ 35 лѣтъ.

Вообще, первыя страницы исторіи Нерчинскихъ заводовъ, наполнены печальными картинами неурожаевъ, голодовокъ, *) хищничества серебряной руды. Уровень знаній въ горномъ дѣлѣ былъ весьма низокъ, ибо тогда въ Россіи не было спеціальнаго обученія

*) Въ 1720 годахъ четверть муки 12 р. Русская Старина 1873 г. іюнь, стр. 24.

Digitized by Google

горной наукѣ, и правительство ограничивалось пока тѣмъ, что выписывало, сначала грековъ, а потомъ саксонцевъ, для руководства въ горныхъ работахъ и плавкѣ рудъ. Громкія характерныя названія рудниковъ, какъ Троицкій, Воскресенскій, Спасскій, Воздвиженскій, Явленскій и т. п. не соотвѣтствовали строю и распорядкамъ самой жизни горно-заводскаго населенія, которое, почти все время, безъ облегчительныхъ перерывовъ, выносило тяжелый гнетъ подчиненія своеобразной системѣ управленія, съ прибавленіемъ, зачастую, личнаго деспотизма, а иногда и самодурства властей, *) ничѣмъ нестѣснявшихся за 7,500 верстъ отъ Петербурга.

Какъ бы то ни было, но правительство, съ самаго открытія серебряныхъ рудъ въ При-аргуньи, старалось всѣми мѣрами водворить горный промыселъ въ краѣ. Вѣроятно Петръ 1-й серьезно думалъ о развитіи горнаго промысла въ Дауріи, когда, въ 1711 году, путешествуя по Саксоніи, между прочимъ посвящалъ время тщательному осмотру горныхъ заводовъ и слушалъ музыку рудокоповъ **). На дѣлѣ же, кромѣ жалкаго состоянія горно-заводской техники, «Аргунскимъ серебрянымъ заводамъ» (какъ они тогда назывались) угрожало даже совершенное уничтоженіе отъ другихъ, политическихъ причинъ. Китайскій императоръ Канъ-си, разгнѣванный вслѣдствіе недоразумѣній въ начинавшихся сношеніяхъ съ Россіей, намѣревался объявить войну Петру 1-му и только смерть богдыхана (1723 г.) воспрепятствовала открытію военныхъ дѣйствій ***).

Нерчинскій заводъ,—какъ ближайшее къ Монголіи и единственное пограничное селеніе, безъ сомнѣнія подвергся бы нападенію и совершенному разоренію отъ китайцевъ. Но случилось иначе; заводъ продолжалъ существованіе и въ немъ даже, чрезъ пять лѣтъ, при комиссарѣ Вирцовѣ, были основаны церковь и школа. Это была третья школа во всей Сибири; кромѣ нея существовало лишь по одной школѣ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ. Впрочемъ, церкви и школы въ тѣ времена почти не вліяли на смягченіе нравовъ, тѣмъ болѣе, что и самыя власти или руководители народа оказывались не совсѣмъ безукоризненными. Извѣстно, что многіе изъ воеводъ и губернаторовъ Сибири отличались крайнимъ произволомъ и иногда до

*) Максимовъ «Сибирь и Каторга» ч. 3-я, стр. 13,—352—354.
**) Русская Старина 1874 г. декабрь, стр. 731.
***) Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи. ч. 1-я, стр. 283.

Digitized by Google

такой степени, что правительство присуждало их къ смертной казни. Нерчинскимъ заводамъ тоже не счастливилось. Одинъ изъ первыхъ начальниковъ, комиссаръ Бурцовъ, достойный сынъ своего времени, былъ человѣкъ крутой, безжалостный, олицетворенный шпицрутенъ *).

Хотя русскимъ удалось мирно водвориться въ Пріаргуньи, но, все-таки, на рудникахъ находилась военная команда, «горный батальонъ», кстати необходимый для конвоя ссыльныхъ, а также были пушки для лучшей обороны отъ набѣговъ прежнихъ обитателей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ монголовъ, которые хотя и удалились на правую сторону Аргуни, но знали цѣну серебряныхъ рудъ, и унесли воспоминанія объ этихъ богатствахъ **).

II.

Первоначально заводы, или правильнѣе одинъ Нерчинскій заводъ съ нѣсколькими рудниками, состояли въ вѣдѣніи воеводы города Нерчинска, Петра Мусина—Пушкина. Серебра выплавлялось ничтожное количество, отъ 4 до 15 пудовъ. Въ 1721 г. прибылъ, уже на самые заводы, для управленія, кабинетъ-курьеръ Илья Голенищевъ—Кутузовъ. При преемникѣ его, комиссарѣ Бурцовѣ добыча стала упадать, а съ 1731 г. даже совершенно прекратилась на три года. Затѣмъ, начальники быстро смѣняются, между ними встрѣчаются и поручики и коммисары, ассесоры, а иногда гиттенъ фервалтеры и бергмейстеры. Добыча постепенно возрастаетъ, и въ 1759 году при коллежскомъ совѣтникѣ Клеопинѣ, получилось 174 пуд. серебра. Но такъ какъ горный промыселъ, искуственно привившійся, оказывался «ненавистнымъ населенію» ***), то понятно, что было не до развитія культуры, хотя для нея и представляетъ всѣ условія

*) Русская Старина 1873 г. Іюлъ. стр. 5.

**) Сибирь и Каторга ч. 3, стр. 290.

***) Боголюбскій «Историко-статистическій очеркъ Нерчинскаго округа» стр. 12. Не распространяемся объ изслѣдованіяхъ въ настоящемъ столѣтіи флоры и фауны Дауріи, и о множествѣ спеціальныхъ описаній различныхъ мѣстностей и естественныхъ богатствъ этой страны. Но, кажется, ни объ одной области Россіи не написано такъ много, какъ о Забайкальи вообще, а Дауріи въ особенности.

Digitized by Google

такая богатая страна, какъ Даурія, которую уже съ 1730 годовъ принимались изслѣдовать люди науки и восхищались ею такіе ученые натуралисты какъ Палласъ, посѣтившій Забайкалье сто лѣтъ тому назадъ. При медленномъ развитіи горнаго дѣла еще медленнѣе совершалось заселеніе края посредствомъ присылки сюда крестьянскихъ семей, съ причисленіемъ ихъ къ заводамъ, и посредствомъ опредѣленія здѣсь мѣста для каторжныхъ работъ. О свободной колонизаціи и поощреніи ея, въ тѣ времена крѣпостнаго права, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Вслѣдствіе подобныхъ условій, страна, чрезъ сто лѣтъ, имѣла причисленнаго къ заводамъ населенія, только 15 тысячъ человѣкъ, а чрезъ 150 лѣтъ, населеніе на пространствѣ 30 тысячъ квадратныхъ верстъ, не превышало сотни тысячъ душъ.

Причины медленнаго развитія серебро-свинцоваго производства въ первой половинѣ семисотыхъ годовъ, едва окупавшаго расходы, объясняются, между прочимъ, отдаленностью отъ Петербурга и затруднительностью сношеній, тормозившихъ дѣло, такъ что нѣкоторые изъ мѣстныхъ руководителей невольно, быть можетъ, опускали руки, занимались рудами только «для вида» и обращались къ заботамъ о наполненіи «собственныхъ дырявыхъ кармановъ» *). Многіе изъ подчиненныхъ, смотря на начальство, также дѣйствовали по своему, отличаясь лишь въ хищничествѣ руды. Такое положеніе дѣлъ привело наконецъ къ тому, что въ 1761 году, прибывшій на заводы съ обширной властью начальникъ, бригадиръ В. И. Суворовъ принялся за пресѣченіе злоупотребленій горныхъ чиновниковъ **) и вмѣстѣ за усиленіе производства заводовъ. Успѣшное управленіе Суворова объясняется тѣмъ, что всякій подчиненный и работникъ былъ увѣренъ въ справедливости начальника и зналъ, что усердіе и честность будутъ оцѣнены должнымъ образомъ—это возбуждало соревнованіе между служащими и служило къ успѣху дѣла. Къ управленію Суворова, съ 1761—75 гг., относится такъ называемый «блестящій» періодъ производства Нерчинскихъ заводовъ. Но хотя добыча серебра при Суворовѣ была усилена до 630 пудовъ въ годъ, (впослѣдствіи, ежегодная пропорція средней цифрой выражается въ 200 пудовъ), но за то оборотная сторона «блестящаго» періода представляетъ крайнее истощеніе извѣстныхъ мѣсторожденій и ничтож-

*) Сибирь и Каторга. III, 288.
**) Максимовъ. Сибирь и Каторга, 3 стр. 288—291.

Digitized by Google

ность замѣны ихъ новыми открытіями. При этомъ замѣчательно что на Нерчинскихъ заводахъ, во время самой кипучей дѣятельности, сто лѣтъ тому назадъ, оказывались лучшими противъ казенныхъ, начала свободной дѣятельности, благодаря предоставленной тогда возможности частной разработки серебряныхъ рудъ. Этимъ воспользовался, составившій себѣ извѣстность, мѣстный богачъ Сибиряковъ. Онъ открылъ нѣсколько богатыхъ рудниковъ, устроилъ собственный сереброплавильный заводъ и вообще, какъ признано было даже оффиціально, «дѣятельность его имѣла благотворное вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ заводахъ». *) Воспоминанія о Сибиряковѣ донынѣ сохраняются въ народѣ.

Суворова смѣнилъ Василій Васильевичъ Нарышкинъ, **) аристократъ, крестникъ Екатерины II. Личность эта представляется сумасбродной, но она еще не вполнѣ разгадана. По пріѣздѣ изъ Петербурга въ Нерчинскій заводъ, Нарышкинъ одинадцать мѣсяцевъ высидѣлъ дома; окна его квартиры были закрыты ставнями. Онъ ревностно занялся дѣлами; заботился о крестьянахъ, о хлѣбопашествѣ, о школѣ и т. п. Но выѣдши, на Пасхѣ, въ церковь, онъ заставилъ служить сначала обѣдню, а потомъ утреню. Въ слѣдующіе дни, въ церковь его водили подъ руки двѣ толстыя барыни а онъ, по дорогѣ, приплясывалъ и пѣлъ пѣсни; чиновники, шедши позади, тоже подпѣвали. Послѣ этого Нарышкинъ продолжалъ не рѣдко поучать народъ изустно и письменно, объясняя обязанности къ Богу, Государю и ближнимъ, кромѣ того дѣлалъ крестьянамъ умныя и практичныя наставленія по домохозяйству. Затѣмъ, учредивъ праздникъ «открытіе новой благодати» и приказывая всѣмъ каяться въ грѣхахъ, остановилъ заводскія работы и сталъ задавать народу обѣды, приготовляемые на нѣсколько сотъ человѣкъ. На этихъ празднествахъ разжаловалъ чиновниковъ, а арестантовъ производилъ въ чины, садилъ съ собою обѣдать и заставлялъ первыхъ прислуживать послѣднимъ. Въ служебномъ штатѣ у Нарышкина состояло нѣсколько человѣкъ изъ секретныхъ арестантовъ, вѣроятно обладавшихъ образованіемъ, изъ нихъ двое были приняемъ секретарями. Кромѣ того, Нарышкинъ приблизилъ къ себѣ двухъ князей Гантимуровыхъ, замѣшанныхъ передъ тѣмъ въ исторіи самозванца Петра III. Во время

*) Озерскій. «Очерки геологіи и горнаго промысла Забайкалья», стр. 13.
**) Сибирь и Каторга III, 11 и 12, 826—850.

Digitized by Google

церемоніальныхъ празднествъ, которыя устраивалъ Нарышкинъ, происходила пальба изъ пушекъ и разбрасывались народу казенныя деньги. Въ свой карманъ Нарышкинъ, кажется, ничего не спускалъ. А когда денегъ въ казнѣ уже не оказалось, то онъ потребовалъ у Сибирякова и, окруживъ домъ его пушками, угрожалъ, въ случаѣ отказа, бомбардировкой. Сибиряковъ вынужденъ былъ вынести на серебряномъ подносѣ нѣсколько тысячъ рублей. Вскорѣ дѣла наслѣдниковъ Сибирякова пошли къ упадку и рудники ихъ сдѣлались достояніемъ казны. Послѣ разгрома Сибирякова, Нарышкинъ, изъ соперничества во власти, предпринялъ нашествіе на иркутскаго губернатора Нѣмцова и двинулся въ сопровожденіи толпы народа и съ Даурскимъ краснымъ гусарскимъ полкомъ, который онъ сформировалъ изъ бурятъ; кромѣ того въ процессіи везли пушки и колокола. По дорогѣ, въ деревняхъ, звонили и стрѣляли; а чтобы увлечь еще болѣе народа, поили его виномъ и разбрасывали въ толпу казенныя деньги. Въ степи, на отдыхахъ, кипѣли огромные котлы, въ которые сваливался пудами чай и сахаръ; вино выставлялось бочками. Все это забиралось съ встрѣчныхъ обозовъ. Нарышкинъ совершилъ такимъ образомъ шумный тысячеверстный походъ до Верхнеудинска и только воевода этого города, Тевяшовъ, успѣлъ положить предѣлъ дѣяніямъ «шалуна,» какъ назвала его Екатерина.

Однако же, полагаютъ, что будто-бы Нарышкинъ, широкая русская натура, знакомый съ возникшимъ тогда ученіемъ энциклопедистовъ, обнаруживалъ демократическія и соціальныя убѣжденія, для того чтобы пріобрѣсть популярность въ средѣ русскаго и бурятскаго населенія, имѣя цѣлью достигнуть отдѣленія Забайкалья отъ Россійской короны. Интересное дѣло Нарышкина сохранилось, хотя и не вполнѣ, въ архивѣ нерчинскаго горнаго правленія. Дѣянія Нарышкина, пожалуй, можно объяснять примѣрами общаго произвола и не нормальностью тогдашняго строя жизни, когда, между прочимъ, совершились такіе эпизоды, какъ въ 1770 году бѣгство изъ Камчатки полька Баньовскаго, который, послѣ различныхъ похожденій, пробрался въ Европу, а впослѣдствіи былъ убитъ на Мадагаскарѣ. Даже тогдашніе сибирскіе воеводы и губернаторы то и дѣло попадались подъ судъ за злоупотребленія и злодѣйства, и нѣкоторые изъ нихъ преданы были смертной казни, какъ въ первой половинѣ семисотыхъ годовъ Гагаринъ, Ракитинъ, Жолобовъ. Губернаторъ Нѣмцовъ, которому были пере-

*

Digitized by Google

даны въ подчиненіе нерчинскіе заводы для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, также оставилъ недобрую память. Онъ тиранилъ подчиненныхъ и содѣйствовалъ въ грабежахъ разбойнику Гондюхину. Даже нѣкоторые генералъ-губернаторы въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтій, все еще попадали подъ судъ. Пестель и Трескинъ съ 680 чиновниками, растратившіе до трехъ милліоновъ, были послѣдними магиканами этого періода. Со Сперанскаго, такъ или иначе, для Сибири наступила эпоха преобразованій.

Послѣ Нарышкина на заводахъ былъ гуманный и дѣльный начальникъ Барботъ-де Марни, а за нимъ слѣдуетъ и переходитъ въ первые годы настоящаго столѣтія, почти непрерывный рядъ начальниковъ—тирановъ, такъ Черницынъ, Рычковъ и другіе. Вообще картина жизни нерчинскихъ заводовъ во второй половинѣ 18 столѣтія, сохранившаяся въ преданіяхъ народа и архивныхъ дѣлахъ, возбуждаетъ наибольшій интересъ, а воспоминанія 70 или 90 лѣтнихъ стариковъ воспроизводятъ еще живѣе заводскую жизнь начала настоящаго столѣтія; но, къ сожалѣнію, совершенно некому записывать эти разсказы. О лицахъ, игравшихъ роль въ нерчинскихъ заводахъ въ первой половинѣ семисотыхъ годовъ, почти уже не существуетъ преданій, и развѣ можетъ что-нибудь сдѣлаться извѣстнымъ впослѣдствіи изъ архивовъ да изъ мемуаровъ и семейныхъ бумагъ.

III.

Въ первые 20 лѣтъ настоящаго столѣтія нерчинскіе серебро-свинцовые рудники, еще прежде истощенные, почти окончательно выработались, при усиленной выемкѣ рудъ для снабженія свинцомъ Алтайскихъ заводовъ. Во многихъ рудникахъ достигли почвенной воды и «по недостатку механическихъ пособій» оставалось только прекратить работы. Внутренніе распорядки также были не въ лучшемъ видѣ. Сперанскій, во время объѣзда нерчинскаго округа, нашелъ въ крайне-жалкомъ положеніи какъ сильныхъ и крестьянъ, такъ и самые заводы. Онъ писалъ своей дочери отъ 29 Февраля 1820 года: «Я возвратился изъ происходней, изъ Нерчинскихъ за-

Digitized by Google

водовъ... Я видѣлъ своими глазами послѣднюю линію человѣческаго бѣдствія и терпѣнія. Ничто не можетъ быть поучительнѣе сего впечатлѣнія.» *). Бѣдственное положеніе крестьянъ Сперанскій объяснялъ ихъ крѣпостными отношеніями къ заводамъ и особеннымъ порядкомъ управленія, гораздо болѣе стѣснительнымъ для населенія, нежели общій губернскій порядокъ.—Впрочемъ, при управленіи заводами въ 1820-хъ год. начальника Бурнашова, было открыто нѣсколько хорошихъ мѣсторожденій серебряныхъ рудъ. Бурнашовъ принимался даже поправлять разстроенное хозяйство заводовъ: наполнялъ запасные магазины хлѣбомъ, инструментами и проч., стремился улучшить бытъ рабочихъ и распространять хлѣбопашество и огородничество. Онъ разсчитывалъ, повидимому, на будущее, но, не окончивъ начатаго, былъ смѣненъ, кажется за послабленія въ содержаніи ссыльныхъ декабристовъ. Старики на заводахъ вспоминаютъ о Бурнашовѣ съ весьма хорошей стороны. Для изслѣдованія причинъ упадка серебро-свинцоваго производства пріѣзжалъ по Высочайшему повѣленію на Нерчинскіе заводы въ 1829 году генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Лавинскій, который нашелъ, что необходимо требуются улучшенія по технической части, а также и научное изслѣдованіе горнаго округа. Однако, хотя то и другое приводилось на сколько возможно въ исполненіе при начальникѣ Татариновѣ въ 30 годахъ, но такъ какъ въ открытіяхъ новыхъ серебряныхъ рудниковъ, по прежнему, не было успѣха, а между тѣмъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ возникали уже частные золотые пріиски, то подобные факты, въ связи съ заботами о поддержаніи доходовъ съ Нерчинскихъ заводовъ, конечно, побуждали руководителей дѣла на попытки къ открытію и разработкѣ золотыхъ россыпей, для чего и само правительство стало назначать значительныя денежныя средства. Но и въ этомъ дѣлѣ, первыя поисковыя партіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствовали безуспѣшно, и только послѣ настояній, посѣтившаго заводы начальника штаба горныхъ инженеровъ г. Чевкина, о продолженіи поисковъ, вскорѣ, именно въ 1838 году, открылось золото въ долинѣ рѣчки Кары, впадающей въ Шилку. Открытіе это хотя приписывается инженеру Павлуцкому, производившему поиски экономическими средствами, но въ дѣйствительности, какъ поч-

*) Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа Сперанскаго. С.-П-бургъ, 1872 г., на 1-й, стр. 58.

Digitized by Google

ти всегда, тутъ оказывали услугу не столько научныя знанія, сколько простые люди, туземцы, и даже иногда ссыльные, практически знакомые съ мѣстностью; при чемъ, конечно, эти бѣдняки не могли воспользоваться даже незначительной матеріальной наградой, или улучшеніемъ будущности своихъ дѣтей. Даже нынѣ, по оффиціальному отчету въ январьской книгѣ Горнаго Журнала за 1875 годъ, дѣло открытія богатыхъ золотыхъ россыпей по Бурсѣ, въ Амурскомъ краѣ, приписывается безусловно спеціальнымъ знаніямъ горныхъ инженеровъ, тогда какъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ въ газетахъ и журналахъ, открытіе произошло благодаря, случайному вниманію простого рабочаго *). Но обращаемся къ своему предмету. Несмотря на богатство золотыхъ россыпей, все таки (какъ говоритъ г. Озерскій:) «удивляетъ слабое развитіе этого производства съ 1830 по 1850 года, при чемъ употреблялась одна человѣческая сила безъ пособій механики»,—тогда какъ на частныхъ пріискахъ въ томской и енисейской тайгахъ, удаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ, дѣло получило быстрое развитіе и техническая обстановка настолько совершенствовалась, что оттуда именно заимствовались образцы по введенію надлежащихъ устройствъ и болѣе сообразному распредѣленію работъ на казенныхъ промыслахъ Нерчинскаго округа, о чемъ особенно старался управляющій, а потомъ начальникъ заводовъ, Разгильдѣевъ. Тѣмъ не менѣе, подобные распорядки, конечно, обнаруживали ничтожность собственнаго прогресса въ казенной горной промышленности; а кромѣ того, при осмотрѣ заводовъ въ 1848 году генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ, окончательно выяснилось, что серебряное производство обходится дорого и отнимаетъ много рабочихъ рукъ. По этому и вслѣдствіе неудачи въ открытіи новыхъ мѣсторожденій рудъ (все продолжавшихся по тѣмъ или другимъ явнымъ или сокровеннымъ причинамъ)—при чемъ однако же, какъ-бы взамѣнъ, открывались благонадежныя золотыя россыпи,—было опредѣлено съ 1850 года извлекать почти поровну серебра и золота въ количествѣ по 100 пуд. ежегодно. Такимъ образомъ расходы по серебрянному производству уже маскировались доходами отъ разработки золотыхъ россыпей; а доходы эти могли тогда представляться весьма значительными при большемъ содержаніи золота въ пескахъ

*) Сравн. «Горный Журналъ» стр. 22. и «Отечественныя Записки» январь 1875 г. о внутреннемъ обозрѣніи стр. 131.

Digitized by Google

такихъ промысловъ, какъ Шехтама и Кара, при разработкѣ даровымъ трудомъ крѣпостнаго населенія и при сравнительной дешевизнѣ жизненныхъ продуктовъ.—Вліяніе тяжелаго для всей Россіи времени, конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, до очищенія въ севастопольскомъ погромѣ, отразилось и на судьбахъ нерчинскихъ заводовъ. Какъ при постройкѣ желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвой народъ ложился костьми,—такъ и здѣсь, при разработкѣ Кары, совершалось подобное же явленіе. Извѣстно, въ какую цѣну обошлись предположенныя управляющимъ къ извлеченію изъ Карійскихъ россыпей въ одно лѣто 1850 года сто пудовъ, все таки недобытыхъ сполна?... Въ Карѣ, по недостатку жилыхъ помѣщеній, при крайне плохомъ ихъ устройствѣ, отъ тягостной работы въ золотоносныхъ разрѣзахъ, при худой и недостаточной пищѣ, развились губительные цынга и тифъ; народъ, буквально «согнанный» со всѣхъ почти заводовъ и рудниковъ, валился какъ говорится—лоскомъ.... Памятникомъ этого тяжелаго времени осталась сочиненная ссыльнымъ Мокѣевымъ и дополненная другими стихотворцами—арестантами пѣсня—«поэма въ нѣкоторомъ родѣ», заключающая въ себѣ около 360 стиховъ.

Къ вящему усиленію зла, въ 1850 году случился неурожай хлѣба и цѣны на него возвысились неимовѣрно. Вскорѣ послѣ того, вѣроятно въ связи съ планами о пріобрѣтеніи Амура, по предположеніямъ генералъ-губернатора Муравьева, состоялось въ 1851 году преобразованіе горно-заводскихъ крестьянъ, въ количествѣ до 29,000 душъ, въ Забайкальское пѣшее казачье войско. Это въ свою очередь повліяло на уменьшеніе земледѣлія, и вмѣстѣ съ значительнымъ сокращеніемъ даровыхъ силъ, послужило къ совершенному прекращенію разработки серебряныхъ рудниковъ. Въ 1852 году онять прибыла на заводы изъ Петербурга коммисія, назначенная по Высочайшему повелѣнію для изслѣдованія причинъ упадка и для востановленія серебро-свинцоваго производства. Въ результатѣ дѣйствій этой коммисіи оказалось, что развѣдка или возобновленіе болѣе половины изъ 500 мѣсторожденій, по благонадежности ихъ, не будутъ безплодны. Однако, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ серебро-свинцовое производство уже не возникало, а только плавились въ ничтожномъ количествѣ руды прежней добычи.

Между тѣмъ прежній режимъ управленія продолжался.

Digitized by Google

Не въ рѣдкость пропечатывалось и исполнялось: штрафованіе розгами надзирателей рудниковъ, нарядчиковъ изъ унтеръ-шихтмейстеровъ и столоначальниковъ горныхъ конторъ;—а служащіе и урядники (нынѣ канцелярскіе служители) въ наказаніе посылались трудиться въ разрѣзахъ наравнѣ съ рабочими. Мало того, при публичномъ сборѣ чиновниковъ и служащихъ въ Нерчинскомъ заводѣ, объявлялась однимъ благодарность, а другимъ наказаніе, съ такой обстановкой, что опальныхъ лицъ цирульники тутъ-же садили на барабанъ и обрывали у нихъ галуны, которые бросались въ нарочно разложенный костеръ... И это ау-то-дафе, и всѣ эти распорядки совершались не далѣе 20 лѣтъ назадъ. Но всѣ подобные эпизоды на заводахъ и промыслахъ, а также передѣлка не отесанныхъ мужичковъ въ казаки, посредствомъ крайне деспотическаго обращенія, съ побоями, представляли послѣднія вспышки стараго періода. Деспотизмъ сталъ смягчаться на заводахъ. Наступало, такъ сказать, обновленіе общаго строя жизни Россіи посредствомъ цѣлаго ряда реформъ, и наконецъ совершилось уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ, а также и горнозаводскихъ служителей.

IV.

Прежде, чѣмъ совершилось, въ 1861 году, освобожденіе горнозаводскихъ служителей Нерчинскихъ заводовъ изъ крѣпостнаго состоянія, съ перечисленіемъ въ сословіе сельскихъ обывателей, населеніе это оказалось уже какъ бы принесеннымъ въ жертву для казенной эксплоатаціи золотаго промысла, такъ какъ болѣе десяти лѣтъ передъ тѣмъ совершался обязательный перегонъ людей сотнями, въ видѣ—«рабочей команды», по промысламъ и на зимовку домой. Поэтому лучшія рабочія силы совершенно отвыкли отъ осѣдлости и домохозяйства, а послѣ освобожденія окончательно втянулись въ бродячую жизнь, съ тяжелымъ трудомъ въ золотоносныхъ разрѣзахъ и съ безшабашнымъ разгуломъ по окончаніи работъ. Ко всему этому самая грамотность упала вслѣдствіе закрытія горнозаводскихъ школъ, и молодое поколѣніе, доведенное до совершенной деморализаціи—обратилось въ постоянныхъ рабочихъ на золотыхъ

Digitized by Google

пріискахъ, не находя лучшаго исхода при отсутствіи другихъ отраслей труда и невозможности приложить руки къ чему-либо другому. Въ добавокъ, съ переходнымъ временемъ послѣ освобожденія совпало уничтоженіе откупной системы виноторговли и замѣна ея множествомъ вольныхъ продажъ «распивочно и на-выносъ», что, на первыхъ порахъ, также вліяло на усиленное развитіе пьянства. Весьма немногіе сельскіе обыватели имѣли возможность устоять отъ общаго безсознательнаго увлеченія, когда получили свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оказались почти безъ земли, безъ хозяйства и вдобавокъ безъ надлежащаго руководства. Тогда даже оффиціально заявлялось, что «увольненіе горныхъ служителей въ свободное сословіе, породило, особенно въ первое время, тѣ же печальные результаты, которые испытали и прочіе горнозаводскіе округа Сибири и Россіи; у освобожденныхъ людей тотчасъ-же явилось желаніе неудержимой и полной свободы, безъ яснаго пониманія сопряженныхъ съ нею правъ и обязанностей, что довело многихъ до крайняго упадка ихъ нравственнаго и домашняго быта, отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ горячимъ напиткамъ». Или, еще: «народъ, отвыкнувъ съ малолѣтства отъ хозяйства и оставаясь, по увольненіи, безъ средствъ, обратился въ постоянныхъ рабочихъ золотыхъ пріисковъ»... Итакъ, если народъ оставался «безъ яснаго пониманія сопряженныхъ съ свободою правъ и обязанностей», то изъ этого видно, что, — какъ будто, *«некому»* было разъяснять дѣло... А предоставленный на произволъ обстоятельствъ, народъ, конечно, не могъ не сбиться окончательно съ толку... Вслѣдъ за всѣмъ этимъ, въ половинѣ 60-хъ годовъ, отъ неурожаевъ и усиленнаго закупа хлѣба на пріиски, на продовольствіе ссыльныхъ въ Карѣ, и отъ закуповъ въ Амурскій край, возникла дороговизна. Въ 1867 году на рынкѣ Нерчинскаго завода, почти на мѣстѣ производительности, цѣна яричной муки достигала до 2 руб. 50 коп. пудъ или не менѣе какъ въ пять разъ дороже цѣны въ урожайные годы. Всѣ эти причины своею совокупностью привели почти все сословіе сельскихъ обывателей въ состояніе пролетаріата.

Новыя земскія власти въ лицѣ окружнаго исправника и мироваго посредника, назначенныя руководить освобожденнымъ народомъ, не будучи мѣстными уроженцами, не знакомые съ прошлымъ и настоящимъ краемъ, а являясь изъ «присыльнаго чиновничества» и не имѣя никакихъ общихъ интересовъ съ здѣшними жителями,

Digitized by Google

вмѣсто единодушнаго преслѣдованія общей цѣли по устройству быта сельскихъ обывателей, только мечтали о важности своего призванія, и, ничего почти не дѣлая, становились еще въ непріязненныя отношенія съ лицами горнаго вѣдомства, которыя въ свою очередь, не могли или не хотѣли вдругъ примириться съ утратою обаянія своей власти и паденіемъ вѣковыхъ привиллегій. То же самое происходило и на Уралѣ [1]). «Положеніе 8 марта 1861 г.» объ устройствѣ быта населенія предлагало ему, для взаимной связи съ горными заводами и для поощренія къ горному труду, учрежденіе товариществъ и вспомогательныхъ кассъ, причемъ заводы съ своей стороны обязывались содержать школы и больницы;—но все это, разумѣется, не могло осуществиться—среди всеобщаго хаоса и осталось недосягаемымъ идеаломъ!—Несомнѣнно однакожъ, что вслѣдствіи значительныхъ заработковъ на золотыхъ промыслахъ, несравненно выгоднѣйшихъ нежели заработки на серебряныхъ рудникахъ, съ ихъ ничтожнымъ производствомъ, бытъ населенія, при надлежащемъ руководствѣ, могъ-бы получить лучшее устройство и скорѣе могли бы учредиться вспомогательныя кассы и прочее; слѣдовательно, какимъ бы богатствомъ обладали въ настоящее время обыватели, накопивъ его въ послѣднія 14 лѣтъ?

На дѣлѣ, однакожъ, вышло наоборотъ; ибо все вниманіе администраціи тогда сосредоточивалось только на добычѣ золота, чтобы она была какъ можно прибыльнѣе, а тѣмъ болѣе послѣ рѣзкаго измѣненія экономическихъ условій вслѣдствіи замѣны дароваго крѣпостнаго труда вольнонаемнымъ, причемъ оплата послѣдняго стала еще возвышаться частными пріисками. Кромѣ того, послѣ разрѣшенія, съ 1864 г., частной золотопромышленности въ юго-западной половинѣ Нерчинскаго края, прогрессивныя улучшенія въ обстановкѣ частныхъ пріисковъ невольно побуждали казенныя промысла къ усиленной дѣятельности, чтобы сохранить свои шансы и не привести къ паденію дѣло, отъ котораго зависятъ личныя выгоды и интересы множества разныхъ лицъ горнаго вѣдомства. Да и при этомъ на улучшенія въ технической обстановкѣ и производствѣ золотыхъ промысловъ, которыя вновь требовались взамѣнъ прежнихъ, вліяла дѣятельность не столько лицъ горнаго вѣдомства, сколько

---

[1]) «Гражданинъ». № 20, 1872 г., стр. 87.

Digitized by Google

инициатива и настойчивость нѣкоторыхъ управляющихъ, поступавшихъ на кабинетскія промысла по частному найму или по особымъ распоряженіямъ не мѣстной администраціи, а высшей власти края. Такъ, напримѣръ, г. Туровъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Корсаковымъ на должность управляющаго Куденинскимъ промысломъ, и какъ служившій на частныхъ пріискахъ, много оказалъ пользы по обстановкѣ дѣла на здѣшнихъ промыслахъ при измѣнившихся тогда условіяхъ и замѣнѣ дароваго труда вольнонаемнымъ, при чемъ неизбѣжно требовались усовершенствованія, замѣняющія и сокращающія количество рабочихъ рукъ. — Нововведенія Турова примѣнялись потомъ и на прочихъ кабинетскихъ промыслахъ.

Вотъ какой характеръ имѣла казенная золотопромышленность въ Нерчинско-заводскомъ округѣ. Если нынѣ и замѣтна какая-либо перемѣна къ лучшему въ бытѣ сельскихъ обывателей отъ вліянія золотаго промысла, то развѣ только въ такихъ селеніяхъ, какъ Солкоконское, Култуминское и подобныя, которыя находились при втунѣ лежавшихъ промыслахъ горнаго вѣдомства, прекращенныхъ по невыгодности разработки или другимъ причинамъ, не смотря на всѣ шансы казеннаго производства и бывшаго дароваго труда. Послѣ отдачи съ 1864 г. этихъ промысловъ, какъ Тайнинскіе и Шахтаминскій нѣкоторымъ знатнымъ особамъ, причемъ, къ сожалѣнію, частная золотопромышленность здѣсь все-таки не допускалась, новая разработка ихъ на свободныхъ основаніяхъ, между прочимъ вольностарательскими артелями, изъ среды жителей, находившихся при домахъ, съ полученіемъ опредѣленной платы за каждый золотникъ металла,—произвела совершенно другіе, лучшіе результаты, золото стало получаться *десятками* пудовъ, и осязательнымъ образомъ выяснилось превосходство частнаго дѣла, при разстояніи означенныхъ промысловъ отъ Нерчинскаго завода на какіе нибудь 80 и 150 верстъ.

Въ экономическомъ отношеніи разработка этихъ промысловъ отразилась также благотворнѣе казеннаго дѣла на жизни людей упомянутыхъ селеній, потому что хозяйство ихъ нынѣ удовлетворительно даже при крайне ограниченномъ надѣлѣ землей и неурожаяхъ, постигающихъ эти мѣстности чаще, нежели благодатныя земли по низовью Аргуни у пѣшихъ казаковъ. Впрочемъ, нѣкоторые обыватели воспользовались еще такъ называемой «хищнической» добычей и тайнымъ сбытомъ золота. Но этимъ еще скорѣе объясняет-

Digitized by Google

ся, почему Солонсонъ, Култума и другія подобныя селенія, оказываются нынѣ далеко благосостоятельнѣе, нежели селенія при рудникахъ, какъ Воздвиженское, Ивановское и прочія, представляющія печальную картину крайней бѣдности и запущенія.

Хотя изъ послѣднихъ селеній люди еще сильнѣе стремятся въ работу на золотые промысла, но потомъ почти всѣ они пропиваютъ безъ остатка заработанныя деньги. Вообще, большинство рабочихъ заставляютъ по прежнему голодать свои семейства, которыя кое-какъ пропитываются, занимаясь огородничествомъ про свой обиходъ. Впрочемъ, въ послѣднія 5—6 лѣтъ съ минованіемъ переходнаго времени, «послѣ освобожденія», а еще болѣе благодаря урожаямъ, которыя удешевили цѣны на хлѣбъ, матеріальное положеніе нѣкоторыхъ сельскихъ обывателей, все-таки, какъ будто стало нѣсколько улучшаться. Жаль только, что при тѣхъ условіяхъ жизни, которыя окружаютъ ихъ, еще не представляется имъ возможности устроить свой бытъ болѣе самостоятельно и между прочимъ сосредоточить всю силу по общественному самоуправленію въ собственныхъ рукахъ, положивъ предѣлъ, или окончательно не допуская эксплоатировать себя въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Теперь пока все находится въ зависимости и направляется исключительно волею мѣстной земской администраціи, начиная съ окружныхъ исправниковъ и кончая волостнымъ головой и сельскимъ старшиной, причемъ эти послѣдніе иногда, волей-неволей, служатъ орудіями въ рукахъ первой и для подобной цѣли даже были назначаемы на должность вопреки желанію безотвѣтнаго народа. На общественныхъ сходкахъ обыватели тоже не всегда достигаютъ исполненія своихъ желаній, или удовлетворенія нуждъ, такъ какъ всякій правдивый голосъ и вѣрное сужденіе обращаются въ ничто предъ властью начальства, восходящей до произвола. Вдобавокъ, начальствующія лица часто смѣняются одни другими: сегодня былъ изъ Казани, завтра изъ Перми или Петербурга. А по этому нечего и говорить, можетъ ли существовать какая нибудь нравственная связь между подобными попечителями и народомъ. При такой обстановкѣ,—понятно, ни протесты, ни заявленія о насущныхъ потребностяхъ населенія, не имѣютъ настоящаго значенія и не достигаютъ цѣли.

Въ довершеніе всѣхъ золъ, въ новомъ поколѣніи сельскихъ обывателей почти исчезла грамотность, такъ какъ заводскихъ казенныхъ школъ не существуетъ, а на общественныя средства и при

Digitized by Google

настоящемъ матеріальномъ положеніи населенія учредить новыя, если и не невозможно, то никто не дѣлаетъ почина. А при отсутствіи просвѣщенія, понятно, продолжается неослабно вліяніе чиновной опеки въ ходѣ дѣлъ, и жизнь по прежнему стѣсняется путами формализма. Вотъ что оказалось чрезъ четырнадцать лѣтъ по освобожденіи народа на отдаленной окраинѣ Имперіи. Въ чемъ и чья тутъ вина?....

Ко всему этому нужно еще сказать, что хотя потребность края въ желѣзѣ вызывала, въ половинѣ 50-хъ годовъ, основаніе желѣзодѣлательнаго завода (по проектамъ г. Озерскаго) въ Дучарѣ, въ 40 верстахъ отъ Нерчинскаго завода; но дѣло это не осуществилось у казны, по случаю отмѣны даровато труда. Нынѣ потребность мѣстныхъ жителей Пріаргунья удовлетворяется желѣзными издѣліями Николаевскаго завода бр. Бутиныхъ, который, при отдаленности отъ Забайкалья все-таки конкурируетъ въ цѣнѣ съ издѣліями Петровскаго казеннаго желѣзодѣлательнаго завода, находящагося въ Верхнеудинскомъ округѣ. Этотъ заводъ существуетъ исключительно для удовлетворенія потребностей Нерчинскихъ заводовъ и промысловъ, но влачитъ свое существованіе, находясь въ долгу на десятки тысячъ рублей и не окупается производствомъ, хотя пользуется рудами богатѣйшаго мѣсторожденія.

Совокупность разныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для казеннаго золотопроизводства, доводила въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ до того, что въ печати стали появляться статьи объ отсталости этого дѣла. Такъ, напримѣръ, г. Бутинъ заявлялъ въ № 44 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1872 года, что кабинетскіе промысла, при передачѣ въ частныя руки, стали бы давать вдвое болѣе золота. Вмѣстѣ съ этимъ возникали слухи о передачѣ всѣхъ кабинетскихъ промысловъ въ аренду и даже являлась у частныхъ лицъ увѣренность въ скоромъ разрѣшеніи частной золотопромышленности во всемъ краѣ. Понятно, что противъ всѣхъ этихъ предположеній тотчасъ-же возставали чиновники горнаго вѣдомства, за исключеніемъ низшихъ, скорѣе склонныхъ въ пользу частнаго дѣла. Со стороны чиновниковъ иначе и быть не можетъ, вслѣдствіи естественнаго нежеланія ихъ попасть въ зависимость къ частнымъ дѣятелямъ, и разстаться съ своими преимуществами, съ чѣмъ нѣкоторые еще не могутъ примириться, хотя, послѣ освобожденія горнозаводскихъ служителей и переименованія горныхъ инженеровъ изъ военныхъ—въ гражданскіе чины, многія привилегіи оказались уже

Digitized by Google

отживнимъ свое время и горное вѣдомство почти совершенно утратило свое значеніе.—Слухи объ арендѣ то прекращаются, то вновь возникаютъ, но общественное мнѣніе опасается аренды, ибо тогда монополія угрожаетъ сдѣлаться для края еще тяжелѣе казенной, такъ какъ разработка будетъ предоставлена въ однѣ руки сильныхъ, и притомъ не сибирскихъ фирмъ. Между тѣмъ Бальджинскій промыселъ уже переданъ; но, къ счастію, онъ находится вдали отъ Пріаргунья, для развитія жизни котораго необходимы совершенно другія условія.

V.

Кабинетская зототопромышленность подъ опекой горнаго вѣдомства, по примѣру бывшаго серебросвинцоваго производства, по видимому нынѣ сама собой близится къ прекращенію. Прежніе пріиски истощаются, новыхъ хорошихъ открытій почти нѣтъ, производительность уменьшается, а расходы увеличиваются. Такъ, напримѣръ, смѣта на добычу золота въ 1875 году опредѣлена въ 142 пуда, тогда какъ прежде назначалось отъ 150 до 155 пудовъ. Въ техническомъ отношеніи и вообще по своей обстановкѣ, эти промысла также стоятъ ниже частныхъ пріисковъ. Главной виной всему оказывается казенная рутина и канцелярская процедура въ дѣлахъ, приводившія къ печальнымъ результатамъ; не далѣе какъ десять и пять лѣтъ назадъ, здѣсь были коммиссіи изъ Иркутска для разслѣдованія растратъ и передержекъ денежныхъ суммъ на Нерчинскихъ заводахъ и промыслахъ. Хозяйственная часть тоже не въ лучшемъ состояніи; напримѣръ, въ случаѣ затрудненій при покупкѣ для промысловъ хлѣба, успѣшно въ то же время скупаемаго частными лицами для своихъ пріисковъ, или въ Амурскій край, горное вѣдомство, получающее всегда содѣйствіе отъ высшей администраціи края и совершающее закупы и подряды большею частью чрезъ особое должностное лицо, «главнаго коммисіонера Нерчинскихъ заводовъ», дѣйствующаго какъ-будто на коммерческихъ основаніяхъ, все-таки не затрудняется забирать иногда хлѣбъ «взаимообразно» изъ экономическихъ казачьихъ магазиновъ; а потомъ встрѣчаются, по разнымъ

Digitized by Google

причинамъ, хотя бы и не по винѣ горнаго вѣдомства, промедленія въ возвратѣ; а отъ этого происходитъ уменьшеніе засѣвовъ хлѣба, какъ заявлено объ этомъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ Нерчинска. Случается также, что горное правленіе назначитъ торги на поставку мяса на пріиски; подрядчики, ожидая утвержденія подряда, начинаютъ покупать скотъ, вступаютъ въ разныя частныя торговыя сдѣлки. Вдругъ, безъ всякихъ новыхъ торговъ, начальство предоставляетъ закупъ комиссіонеру, а подрядчики хотя и обнадеженные законной формой первыхъ торговъ, все-таки остаются ни причемъ и, разумѣется, терпятъ убытки. Подобное нарушеніе интересовъ отзывается тяжело и на лицахъ, продавшихъ товаръ подрядчикамъ въ кредитъ, причемъ нерѣдко, большая часть скота уже бываетъ куплена въ обмѣнъ на товаръ, прежде нежели получаются изъ Иркутска деньги, слѣдующія въ задатокъ за поставку по контракту, и высылка которыхъ почти всегда запаздываетъ, а это отражается тяжело не только на подрядчикахъ, но и на самомъ ходѣ производства промысловъ. Изъ подрядчиковъ, конечно, многіе по необходимости, обращаются вновь къ комиссіонеру, вмѣсто того, чтобы конкурировать съ нимъ на торгахъ въ присутственномъ мѣстѣ, и заключать подрядъ не посредственно съ горнымъ правленіемъ *). Въ образецъ различныхъ привиллегій, какими обставливаются иногда золотые пріиски, приведемъ еще нѣсколько фактовъ. Прежде продажа вина «распивочно и на вынось» дозволялась не ближе двадцати верстъ отъ пріиска, въ видахъ устраненія корчемства. Но съ 1869 г., по возникшему у начальства «вопросу» и при разрѣшеніи его съ участіемъ горнаго вѣдомства, разстояніе опредѣлилось уже на 50 верстъ. Что же произошло?— Во-первыхъ, географическая карта испестрилась красными кружками, съ золотымъ пріискомъ въ центрѣ каждаго. Но главные изъ Кабинетскихъ промысловъ, Урюмскія и Желтугинскія, по своему удаленію отъ населенныхъ мѣстъ, оказались не нуждающимися въ заколдованныхъ кругахъ. Во-вторыхъ, кабинетскіе промысла, вслѣдъ затѣмъ, какъ нарочно, водными въ 1869 году 18 пудъ, **) а въ 1870 году 3 пуда, при чемъ въ оправданіе сослались на поврежденія работъ дождями, и на уменьшеніе содержанія металла въ пескахъ по валовой ра-

*) С.-Петербургскія Вѣдомости № 190-й, 1874 г. 138-й, 1875 г.

**) О подробной же формалистикѣ и непрактичности смѣтъ на Уралѣ смотр. стр. 314, книги «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» Флеровскаго.

Digitized by Google

ботѣ, противъ смѣтныхъ назначеній; хотя послѣднія составляются на основаніи всевозможныхъ данныхъ и не иначе какъ горнымъ совѣтомъ изъ самыхъ управляющихъ промыслами *). Характеристично также, что когда нѣсколько промысловъ не выполнятъ своего наряда—что случается почти ежегодно, то, вслѣдствіе принимаемыхъ тогда мѣръ, за нихъ намываетъ сверхъ своего собственнаго количества, требуемое число пудовъ золота, богатѣйшій изъ промысловъ—Урюмскій и общая годичная пропорція такимъ образомъ восполняется. Въ третьихъ, оказалось возможнымъ имѣть кабаки на 51 и не имѣть на 49 верстѣ, при чемъ какой-нибудь пройдоха, можетъ свободно увозить вино отъ добросовѣстнаго торговца съ 55 версты на 35 версту, гдѣ и продолжается корчемство. Въ четвертыхъ, въ Нерчинскомъ заводѣ, при его городскомъ характерѣ жизни, но по случаю 30 верстнаго растоянія отъ Ильдиканскаго промысла, хотя доставлявшаго только по 5 пудовъ въ лѣто, а нынѣ временно закрытаго, безъ кабаковъ развилось корчемство; да и оптовые склады стали торговать «распивочно и на вынось», тѣмъ болѣе, что жителямъ не всегда удобно дѣлать между собой складчины для покупки разомъ трехъ ведеръ вина изъ оптоваго склада, который менѣе этого количества не имѣетъ права отпускать. Кромѣ того горное вѣдомство все-таки продолжаетъ борьбу съ виноторговлей, желая ея прекращенія, а особенно въ Шилкинскомъ заводѣ и близъ Карійскихъ промысловъ, хотя оптовые склады устраиваются тамъ въ силу закона, дозволяющаго открытіе ихъ «во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ», и вдобавокъ получаютъ планы и разрѣшеніе на постройку отъ самой администраціи. Не распространяясь о томъ, что въ Нерчинскомъ заводѣ сдѣлано исключеніе для привиллегированныхъ классовъ жителей, такъ какъ дозволены ренсковые погребки и имѣется буфетъ въ клубѣ, скажемъ только, что народъ все-таки продолжаетъ пить также, какъ прежде, и въ концѣ концовъ одно государство остается въ убыткѣ, ибо лишается дохода отъ существующей торговли безъ патентовъ.

Наконецъ еще нужно сказать, что вслѣдствіе проявленія нѣкоторыхъ элементовъ свободы въ своеобразной жизни захолустнаго края, виноторговля здѣсь, вопреки запрещенію питейнымъ уставомъ, производится именно *на хлѣбъ*, при сдѣлкахъ за наличный и въ кредитъ, оптомъ и въ розницу или отъ бочки вина до шкалика и отъ сотни

*) «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества» № 1, 1870 г. стр. 35.

Digitized by Google

пудовъ хлѣба до нѣсколькихъ фунтовъ.—Вообще, земледѣльцы—казаки расплачиваются хлѣбомъ, какъ деньгами, и за вино, и за товары, и за другія жизненныя потребности. Зла оттого, и особенно въ урожайные годы, не видно, ибо только производится болѣе ускоренный обмѣнъ цѣнностей.

Для окончательной характеристики казенной золотопромышленности сдѣлаемъ еще сопоставленіе между Ново-Калифорніей и Нерчинско-заводской страной.—Богатства той и другой,—въ золотѣ—почти одновременно открытыя, дали совершенно противоположныя результаты. Въ первой, чрезъ 25 лѣтъ, оказались многолюдныя города, какъ С. Франциско и другіе, имѣющіе университеты, музеи,—банки; а земледѣліе на столько развилось, что милліоны пудовъ хлѣба продаются и вывозятся въ другія страны свѣта. Здѣсь-же, вездѣ полуразрушенныя лачуги, а въ Карѣ тюрьмы и плачевная обстановка ссыльныхъ.

Да и самый областной городъ Чита, учрежденный въ 1851 году, далекъ отъ всякаго сравненія съ С. Франциско.—Представители мѣстной администраціи горнаго вѣдомства, конечно, имѣющіе личный интересъ въ дальнѣйшемъ существованіи казеннаго горнаго промысла, или точнѣе разработки золота, указываютъ на неизбѣжность упадка земледѣлія и возникновеніе дороговизны отъ допущенія частной золотопромышленности въ Нерчинско-заводскомъ краѣ или Пріаргуньи. Но подобныя опасенія лучше всего опровергаются указаніемъ на то состояніе мѣстной жизни, въ какомъ она представляется нынѣ послѣ развитія частной золотопромышленности близъ г. Нерчинска и на Амурѣ, гдѣ экономическое положеніе края возвысилось, и на сравненіе этой жизни съ существовавшей прежде, когда разработка серебра и золота составляла казенную монополію, о вліяніи и послѣдствіяхъ которой уже объяснено. По этому, и въ связи съ другими данными, которыя будутъ выяснены ниже и которыя какъ бы служатъ въ пользу лучшей будущности Пріаргунья, невольно является желаніе скорѣйшаго разрѣшенія болѣе свободной горной промышленности во всей восточной части Нерчинско-заводскаго округа и безъ всякихъ ограниченій.—Дѣло могло бы даже обусловиться возможностью производства мелкой разработки золота, средствами мѣстныхъ небольшихъ капиталистовъ и всѣхъ другихъ жителей, на простѣйшихъ основаніяхъ, и, если возможно, то съ допущеніемъ золотаго песка въ народномъ обращеніи и со сдачей его начальству за

Digitized by Google

установленную плату, или однимъ словомъ золотопромышленностью, приближающейся къ тому идеалу, въ пользу котораго уже раздаются голоса и въ обществѣ и въ литературѣ. Послѣ допущенія свободной дѣятельности оказалось бы возможнымъ разрабатывать, кромѣ вновь открываемыхъ розсыпей и втунѣлежащія кабинетскіе промыслы, неприносящіе теперь пользы, тогда какъ еще Петръ 1-й въ указѣ по поводу учрежденія бергъ-коллегіи *), выразилъ: «Намъ однимъ, яко монарху, принадлежатъ рудокопные заводы, но мы, по любви къ нашимъ подданнымъ, милостиво соизволяемъ употребленіе ихъ каждому и всѣмъ вообще, кто имѣетъ къ тому охоту, и безразлично, на своихъ или чужихъ земляхъ, дабы Божіе благословеніе подъ землей втунѣ не осталось».

Свободная разработка золота могла бы производиться въ Пріаргуньи весьма успѣшно, при сравнительной дешевизнѣ хлѣба, говядины, овса, сѣна и т. п., вслѣдствіе покупки этихъ продуктовъ на мѣстѣ безъ доставки за сотни верстъ. Вдобавокъ рабочій людъ не удалялся бы всей массой отъ своего мѣстожительства и менѣе бы пропивался послѣ полученія разсчета, нежели какъ это совершается теперь, при возвращеніи изъ дальнихъ таежныхъ пріисковъ. Наконецъ, новая золотопромышленность тѣмъ скорѣе можетъ быть допущена въ Пріаргуньи, что здѣсь изъ кабинетскихъ промысловъ разрабатываются только *два*, да и то незначительныхъ, дающихъ по 5 или 7 пуд. въ лѣто. Прочіе промыслы, а особенно главнѣйшіе, Урюмскіе, Желтугинскіе, доставляющіе сто пудовъ или двѣ трети всей ежегодной добычи, находятся за сотни верстъ отсюда, около Амурской и Якутской областей. И такъ, ради добычи какихъ-нибудь 15 пудовъ золота, не должны бы существовать стѣснительныя привилегіи въ Пріаргунскомъ краѣ. При свободной дѣятельности, могло бы разрабатываться золото, хотя и не богатое, въ 30—40 верстахъ отъ Нерчинскаго завода, что, безъ сомнѣнія, послужило бы къ поднятію экономическаго уровня жизни въ странѣ. Опасенія неблагопріятныхъ послѣдствій отъ частной разработки золота совершенно напрасны.—Кризисъ не долженъ быть опаснымъ.—Это вѣдь не Олекминская система, дающая по 500 пуд. золота ежегодно, или не Бурея, сулящая не менѣе Олекмы; слѣдовательно, золотая лихорадка здѣсь не должна быть сильной и опасной. Значеніе горнаго

*) Отечественныя Записки. Іюль 1872 г. Литер. и Журн. обозрѣніе стр. 151.

Digitized by Google

вѣдомства въ Нерчинско-заводскомъ краѣ можетъ сохраняться и впредь, такъ какъ за нимъ оставались бы наблюденіе и контроль надъ частной горной промышленностью, да сверхъ того еще и серебросвинцовое производство, если только послѣднее будетъ существовать, въ случаѣ успѣшнаго окончанія постройки тюремъ для ссыльныхъ, и удачи въ разработкѣ рудниковъ. Находящіяся въ Нерчинскомъ заводѣ: горное правленіе, золотоплавильня, горное училище и другія учрежденія представляютъ возможность къ такой-же обстановкѣ, какая существуетъ въ Барнаулѣ, тѣмъ болѣе, что золото амурскихъ пріисковъ для сплава въ здѣшней лабораторіи можетъ доставляться сюда на пароходахъ по Аргуни, и здѣсь же могутъ выдаваться ассигновки золотопромышленникамъ амурской и пріаргунской мѣстностей. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя умолчать, что по общему убѣжденію мѣстныхъ жителей, предстоящее усиленіе нынѣшней незначительной вольнонаемной разработки серебросвинцовыхъ рудниковъ, посредствомъ труда ссыльныхъ, не можетъ произвести особенно благотворнаго вліянія на жизнь края. Напротивъ, всѣ и каждый ожидаютъ, по примѣру минувшихъ годовъ, что присутствіе ссыльныхъ ляжетъ лишнимъ гнетомъ на бытъ окружающаго населенія, такъ какъ будутъ нарушаться спокойствіе и тишина, царившія здѣсь въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія, когда ссыльные были сосредоточены въ 200 верстахъ отсюда, на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ.

Факты ожидаемыхъ здѣсь безпокойствъ уже совершаются; лишь только небольшое число ссыльныхъ и при томъ изъ «разряда испытуемыхъ и исправляющихся», т. е. благонадежныхъ, перевели нынѣшнимъ лѣтомъ въ Горно-Зерентуйскій рудникъ (15 верстъ отъ Нерчинскаго завода) и Кутомарскій сереброплавиленный заводъ (въ 70 верстахъ) какъ изъ числа ихъ, нѣкоторые, даже партіями до 20 человѣкъ, начали производить побѣги, къ чему еще сильнѣе подстрекаются плохимъ устройствомъ временныхъ помѣщеній—деревянныхъ досчатыхъ бараковъ, недостаточнымъ содержаніемъ пищи и малочисленностью конвоя;—такъ какъ въ двухъ упомянутыхъ пунктахъ содержится по 75 ссыльныхъ, а при нихъ только по 15 казаковъ. Между тѣмъ, уже на эту предварительную обстановку затрачиваются большія денежныя средства, и еще болѣе потребуется на устройство предположенныхъ каменныхъ тюремъ и на окончательное водвореніе массы арестантовъ при рудникахъ.

Digitized by Google

Винить ли тутъ мѣстныхъ распорядителей дѣла, когда, помимо непрактичности примѣненія во всемъ «буквы» строительнаго устава, казенный формализмъ и сношенія по инстанціямъ между начальствомъ тормозятъ успѣхъ дѣла, а тѣмъ болѣе въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ почти совершенное отсутствіе порядка въ нѣкоторыхъ сферахъ— гражданской и полицейской администраціи, а также распущенность и дороговизна рабочихъ рукъ, вслѣдствіе чего даже частныя лица кое-какъ справляются по своему хозяйству и производству построекъ, на которыя вынуждаются затрачивать громадныя средства, сравнительно съ характеромъ дѣла. Другое дѣло, если бы возбуждалась и поощрялась вольная колонизація пріаргунскаго края, въ видахъ лучшаго развитія жизни, что здѣсь, на границѣ съ Китаемъ, особенно важно и необходимо для усиленія международныхъ сношеній, для взаимныхъ выгодъ и мирнаго преуспѣянія въ развитіи жизни страны. Впрочемъ, вреда для разработки серебросвинцовыхъ рудниковъ при существующихъ уже высокихъ цѣнахъ на продукты, матеріалы и рабочія руки, едвали можно опасаться и особенно нельзя ожидать этого отъ развитія мелкой золотопромышленности. Дальнѣйшее возвышеніе цѣнъ на продукты, а также и запросъ на рабочія руки, скорѣе могутъ вызвать, ко вреду рудниковъ и кабинетскихъ промысловъ, тѣ баснословно богатые золотые пріиски, которые возникаютъ по Буреѣ, въ Амурскомъ краѣ; обстановка ихъ будетъ совершаться съ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ рублей и въ пользу богатыхъ лицъ, находящихся въ Россіи, не связанныхъ коренными интересами съ здѣшней страной; между тѣмъ Кабинетъ затрачиваетъ на горное производство въ обширномъ краѣ только отъ полутора до двухъ милліоновъ рублей. Кромѣ того, уже нѣсколько лѣтъ, какъ многія лица горнаго вѣдомства стали, по разнымъ причинамъ, переходить съ казеннаго дѣла на частную службу, а открытіе пріисковъ по Буреѣ, опять отвлекаетъ отсюда многихъ дѣльныхъ лицъ. Вообще, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становится поддерживать казенную обстановку горной промышленности, вслѣдствіи рѣзкаго измѣненія условій въ общемъ строѣ жизни, послѣ реформъ истекшаго двадцатилѣтія. Да и эта поддержка можетъ зависѣть болѣе или менѣе отъ личной энергіи. Итакъ, которая же золотопромышленность, казенная или частная, крупная или мелкая, можетъ скорѣе представлять «народное хозяйство» и приносить дѣйствительную пользу для Пріаргунскаго края и его культуры?

Digitized by Google

VI.

Съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края и развитіемъ частной золотопромышленности, послѣ разрѣшенія ея съ 1864 г., въ юго-западной половинѣ Нерчинскаго округа, а также и въ Амурской области, не смотря на продолжающееся запрещеніе частной золотопромышленности въ восточной половинѣ округа, все-таки, замѣтно возвысилась экономическая жизнь Пріаргунскаго края. Это оказывается и въ средѣ земледѣльцевъ, пѣшихъ казаковъ. Остается лишь сожалѣть, что развитіе мѣстной культуры, въ числѣ другихъ препятствующихъ условій тормозитъ военная служба казаковъ, такъ что предположенія въ оффиціальной сферѣ объ обращеніи ихъ въ прежнее крестьянское сословіе было бы весьма полезно. «Стѣсненія, налагаемыя оффиціальнымъ положеніемъ казаковъ, много вредятъ ихъ экономическому преуспѣянію. Возвращеніе пѣшихъ баталіоновъ въ крестьянское сословіе нисколько не ослабитъ обороны страны и въ то же время послужитъ къ государственной пользѣ. Къ этому сдѣланъ шагъ уничтоженіемъ въ 1872 г. военноадминистративныхъ учрежденій по войску, съ замѣною ихъ общегражданскими». *)

Скотоводство у конныхъ казаковъ, тунгусовъ и бурятъ въ степяхъ, послѣ ущерба въ послѣдніе годы отъ повальныхъ болѣзней, и гибели отъ весеннихъ «пургъ» или мятелей, нынѣ также приходитъ въ удовлетворительное состояніе. Но, къ сожалѣнію, хозяйство это на столько не раціонально, что, напримѣръ, у нѣкоторыхъ богатыхъ казаковъ, лошади теряютъ въ своихъ качествахъ отъ ограниченности сбыта и не подновленія породы, которая вырождается при замкнутости табуновъ. Притомъ, если казаки и рѣшаются продавать скотъ и лошадей, то лишь изъ крайней необходимости, для удовлетворенія другихъ своихъ жизненныхъ потребностей. Есть впрочемъ богачи, которые постоянно продавая много скота, верблюдовъ и лошадей, наживаютъ десятки тысячъ рублей, но также сохраняютъ свои

*) Венюковъ «Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи» стр. 194 и 206.

Digitized by Google

капиталы подъ спудомъ, безъ всякихъ оборотовъ. Мало того, тѣ же казаки равнодушно относятся, если гибнутъ тысячи головъ скота и овецъ, что не рѣдко случается отъ весенниxъ пургъ въ апрѣлѣ и маѣ,—животныя, истощенныя содержаніемъ на подножномъ кормѣ въ безснѣжныхъ степяхъ, не въ силахъ выдерживать жестокихъ холодныхъ вѣтровъ; въ безсознательномъ движеніи напираютъ одни на другихъ; не рѣдко цѣлое стадо попадаетъ во встрѣчное озеро, гдѣ и гибнетъ окончательно. Совершенная апатія характеризуетъ бытъ большинства конныхъ казаковъ, а особенно въ станицахъ, удаленныхъ отъ Нерчинскаго завода, жители которыхъ весьма медленно усваиваютъ земледѣльческій бытъ хотя послѣдній, если не вездѣ въ степяхъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, могъ бы прививаться. При такомъ характерѣ жизни тамошніе казаки нуждаются въ хлѣбѣ и много вывозятъ его съ низовьевъ Аргуни отъ пѣшихъ казаковъ, покупая на деньги и мѣняя на лошадей.

Хлѣбъ и скотъ—эти два главнѣйшіе продукта экономической производительности Пріаргунья, «недоставляли бы своимъ обладателямъ, конныхъ и пѣшимъ казакамъ, а отчасти обывателямъ и хозяевамъ другихъ сословій, дѣйствительныхъ выгодъ, при избыткѣ въ предложеніи и низкихъ цѣнахъ, и при возможности сбыта только на одни кабинетскіе промысла; но, къ счастью, частная золотопромышленность и Амурскій край поддерживаютъ запросъ» опредѣляютъ цѣны и наряду съ горнымъ вѣдомствомъ выпускаютъ въ Пріаргунскій край значительныя суммы денегъ, при чемъ частные закупы совершаются успѣшнѣе и скорѣе нежели казенные, особенно на богатые армурскіе пріиски, а также и въ промѣнъ вина въ складахъ и кабакахъ—на хлѣбъ, доставляемый даже на Борщевочный винокуренный заводъ, находящійся не здѣсь, а близъ г. Нерчинска. На лучшіе кабинетскіе промысла хлѣбъ покупается не здѣсь, а изъ селеній по рр. Ундѣ, Шилкѣ, и даже въ Верхнеудинскомъ округѣ. Такимъ образомъ, нареканія лицъ горнаго вѣдомства въ томъ, что купцы и другіе частные люди, такъ сказать, будтобы, благоденствуютъ, благодаря только деньгамъ, которыя расходуются на казенную золотопромышленность, въ дѣйствительности совершенно напрасны; ибо здѣсь обращаются на половину деньги частныхъ лицъ. Благодаря возвышенію уровня экономической жизни Пріаргунскаго края, значеніе Нерчинскаго завода въ торговомъ и промышленномъ отношеніи также усиливается съ каждымъ годомъ, а особенно по мѣсто-

Digitized by Google

нахожденію его на рубежѣ земледѣльческихъ деревень и степей съ скотоводствомъ. Купечество и прочіе жители завода, принявшись нынѣ возобновлять зданія и строить новые дома, доказываютъ, что они уже не опасаются ущерба для своихъ интересовъ отъ перевода горнаго управленія отсюда въ Читу, Нерчинскъ или Стрѣтенскъ, который ожидался нѣсколько лѣтъ, но не состоялся. Кромѣ того, тѣ-же люди убѣдились, что значеніе завода зависитъ не отъ одной казенной золотопромышленности, а вообще отъ уровня экономической и промышленной дѣятельности, упадка которой нельзя опасаться, а скорѣе должно ожидать дальнѣйшаго развитія. Въ попыткахъ предпріимчивости, какъ по торговлѣ, такъ и промышленности, здѣсь въ послѣднее время нѣтъ недостатка. Нераспространяясь о непосредственной выпискѣ товаровъ купцами изъ Москвы и Нижегородской ярмарки, укажемъ, во первыхъ, на устройство двухъ значительныхъ кожевенныхъ заведеній, изъ которыхъ «Алтачинскій заводъ» особенно замѣчателенъ по количеству и выдѣлкѣ разныхъ кожъ, опойковъ, сафьяновъ и приготовляемой изъ нихъ обуви; во вторыхъ, на аргунскую фабрику г. Хилковскаго, причемъ всѣ эти заведенія для переработки мѣстнаго сырья и учрежденія которыхъ въ краѣ, для торговли съ Китаемъ, желалъ еще Павелъ 1-й, дѣйствительно заслуживаютъ не только вниманія, но и возможной поддержки. Нельзя не указать и на сплавъ хлѣба на баржахъ по Аргуни въ Амурскій край, причемъ открывается возможность и необходимость пароходства по Аргуни, которая требуетъ только незначительной разчистки отъ камней, не уступаетъ размѣрами Шилкѣ и имѣетъ по берегамъ залежи каменнаго угля. По всей вѣроятности впослѣдствіи пароходы будутъ по Аргуни достигать монгольскаго города Хайлара, отстоящаго отъ Старо-Цурухайтуевскаго караула въ 106 верстахъ, изъ этой резиденціи амбаня или губернатора есть торговая дорога въ городъ Долонъ-Норъ; а отъ послѣдняго уже недалеко — города Пекинъ и Калганъ.

Уже нынѣ изъ Пріаргунья каждое лѣто прогоняются табуны лошадей на продажу въ Амурскій край, которыя направляются изъ Старо-Цурухайтуевскаго караула (140 верст. отъ Нер. зав.) въ Благовѣщенскъ, чрезъ Монголію и Манджурію, по дорогѣ въ 660 верстъ, изслѣдованной въ 1864 году княземъ П. А. Крапоткинымъ а впослѣдствіи еще г. Михайловымъ. Движеніе по этой дорогѣ, представляя удобства и значительное сокращеніе разстоянія, даже

Digitized by Google

отъ г. Нерчинска, противъ водянаго сообщенія по Шилкѣ и Аргуни, обѣщаетъ развитіе при возможности перегона даже скота и овецъ, и удобства для тележной ѣзды. Города Мергень и Цицикаръ отъ границы приблизительно въ 500 верстахъ а до Пекина дорога 1,100 верстъ, весьма удобна, чрезъ многолюдныя части Монголіи. Въ 1873 году отчасти по этой дорогѣ проѣхалъ на Старо-Цурухайтъ директоръ пекинской обсерваторіи г. Фритте. А отъ Пекина уже недалеко Тянь-Цзинъ и Желтое море, гдѣ бываетъ множество иностранныхъ торговыхъ и военныхъ судовъ. Пока, однакоже, всѣ взаимныя мѣстныя отношенія китайцевъ и русскихъ ограничиваются тѣмъ, что нѣкоторые изъ пограничныхъ казаковъ, особенно тѣхъ станицъ или карауловъ, которые начинаются въ 20 верстахъ вверхъ отъ Нерчинскаго завода, уже давно имѣютъ сношенія съ монголами по мѣновой торговлѣ. При этомъ русскіе сбываютъ кой-какіе мелочные товары, лошадей, а главнѣйше золотой песокъ. Хищничество золота съ промысловъ, хотя и не въ особенно значительныхъ размѣрахъ, и перепродажа его изъ рукъ въ руки, по народной молвѣ, даже между нѣкоторыми купцами изъ нажившихъ быстро значительные капиталы, совершаются при такой организаціи дѣла, что кажется невозможно и пресѣчь эту дѣятельно совершаемую операцію вблизи горной и полицейской администраціи.

За то казаки получаютъ отъ монголовъ отличный рогатый скотъ, который между прочимъ сбывается для убоя на рынокъ Нерчинскаго завода и по подрядамъ на кабинетскіе промысла; кромѣ этого получается кирпичный чай въ значительномъ количествѣ и по цѣнѣ конкурирующій съ чаемъ, доставляемымъ чрезъ Кяхту и Амуръ. Замѣчательно, что монголы оправдываютъ довѣріе имъ русскими своихъ цѣнностей, по условію получить въ назначенное время скотомъ или чаемъ. Кромѣ того Пріаргунскіе казаки, а особенно пѣшіе, давно уже эксплоатируютъ правую сторону Аргуни, гдѣ значительныя пространства на сотни верстъ вдоль и поперекъ остаются необитаемы и гдѣ русскіе сѣютъ хлѣбъ, пасутъ скотъ, косятъ сѣно, даже за 50 верстъ, рубятъ лѣсъ и охотятся или промышляютъ звѣрей. Все это казаки позволяютъ себѣ, дѣлая иногда незначительное вознагражденіе китайскимъ пограничнымъ властямъ, угощаютъ ихъ до отвала, катаютъ на лошадяхъ, чѣмъ тѣ и остаются довольны.

И такъ, пора бы уже дать Пріаргунскому краю больше возможности къ развитію его жизни. А пока даже въ Нерчинскомъ заводѣ

Digitized by Google

нѣтъ телеграфа, хотя потребность въ немъ сильно чувствуется какъ частными лицами, такъ и горной администраціей, не говоря о расположеніи казачьяго учебнаго батальона въ станицѣ Олочинской, въ 20 верстахъ отъ Нерчинскаго завода, и не говоря о важности содержанія ссыльныхъ въ рудникахъ, почти на самой границѣ съ Китаемъ. Телеграммы чрезъ нерчинскую станцію получаются и отправляются здѣсь съ эстафетами да съ почтой, приходящей однажды въ недѣлю.

Въ послѣдніе десять лѣтъ торговля и промышленность завода увеличились почти втрое, и онъ, при милліонномъ оборотѣ, не считая значительной торговли въ обширномъ округѣ, представляетъ первый центръ послѣ г. Нерчинска въ странѣ по бассейнамъ рѣкъ Онона, Шилки и Аргуни. Кромѣ того въ Забайкальи, послѣ Кяхты, Нерчинскій заводъ также первое по своему значенію мѣсто на границѣ съ Китаемъ, или точнѣе съ областью его, Монголіей. Между тѣмъ, начальство, при введеніи казачьяго самоуправленія и разграниченіи Нерчинскаго края на три округа, въ 1872 году, хотя и возвело станицу Акшинскую на степень окружнаго города, однако нынѣ, какъ это здѣсь и ожидалось, пришло къ необходимости упразднить такой фиктивный городъ, не представляющій и не обѣщающій впредь никакого значенія. За то купечество Нерчинскаго завода съ своей стороны нашлось вынужденнымъ и рѣшилось ходатайствовать о преобразованіи послѣдняго въ окружный городъ, чтобы пріобрѣсть самостоятельность, слиться въ одно общество съ главнымъ составомъ населенія—сельскими обывателями завода и имѣть свое управленіе, чтобы безъ затрудненія совершать и являть торговые оговоры, протестовать векселя и т. п. Горное правленіе не въ состояніи не только удовлетворять всѣмъ потребностямъ и разбирать столкновенія, но напротивъ, усиливаетъ путаницу и безвыходность, вслѣдствіе чего навлекаетъ нарѣканія, подобныя тѣмъ, какія сыплются на пресловутое товарищество амурскаго пароходства. Замѣчательно однакоже, что при крайне неудовлетворительной организаціи полицейской части, неимѣніи военной команды, а также при совершенномъ почти отсутствіи пересыльныхъ арестантовъ, здѣсь царствуютъ, относительно, совершенная тишина и спокойствіе даже во время выхода рабочихъ съ золотыхъ пріисковъ. Если не считать мелкимъ дрязгъ и столкновеній, да еще постоянной ругани на рынкѣ, предъ окнами квартиры горнаго начальника, благодаря бездѣйствію полиціи, можно

Digitized by Google

указать на весьма рѣдкіе случаи воровства, кажущагося крупнымъ или дерзкимъ, еще рѣже убійства, да и то виновными оказываются чаще не туземцы, а личности изъ «переселенцевъ», т. е. штрафованныхъ солдатъ, присланныхъ изъ Россіи въ забайкальское войско и на Амуръ, такъ что является весьма вѣроятнымъ заключеніе о меньшей пропорціи преступленій, собственно въ Пріаргунскомъ краѣ, сравнительно съ другими мѣстностями.

Отъ преобразованія завода въ городъ, повидимому, трудно ожидать улучшеній и облегченій, такъ какъ тогда потребуются расходы, хлопоты, отнесеніе обязанностей по городской службѣ, а здѣсь только до пятнадцати купцовъ и временно торгующихъ лицъ другаго званія. Но они надѣются на поддержку другихъ купцовъ и торгующихъ въ прочихъ заводскихъ и казачьихъ селеніяхъ, въ чертѣ Нерчинско-заводскаго округа. Сельскіе обыватели завода пожелали, послѣ убѣжденія ихъ на то купечествомъ, также перечислиться въ мѣщане; но изъ тысячи душъ обывателей человѣкъ до двухсотъ уходятъ на золотые промысла; и по крайней мѣрѣ половина изъ 400 домишекъ и лачугъ напоминаютъ о житьѣ-бытьѣ ихъ какъ бобылей, причемъ семейства существуютъ огородничествомъ и покупкой хлѣба съ рынка. Не многіе обыватели и разночинцы имѣютъ болѣе или менѣе значительное сельское хозяйство, и еще меньшее число занимается ремеслами, какъ производство глиняной посуды, мыловаренія и т. п., которые были усвоены въ краѣ отъ ссыльныхъ декабристовъ и повстанцевъ—поляковъ 1830 и 63 г., вообще оказавшихъ хорошее вліяніе на жизнь края во всѣхъ отношеніяхъ.

При разнохарактерности населенія изъ купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ, значительнаго числа служащихъ горнаго вѣдомства и сельскихъ обывателей, заводъ не имѣетъ самыхъ необходимыхъ общественныхъ учрежденій, какъ школа, больница, пріютъ и т. п. Если же что есть, то принадлежитъ исключительно горному вѣдомству. Съ другой стороны, разнохарактерность населенія ставитъ заводъ въ отношеніе потребителя къ окружающихъ деревнямъ, такъ что кромѣ базарныхъ съѣздовъ по праздникамъ, здѣсь существуетъ ежедневный привозъ на рынокъ хлѣба и другихъ продуктовъ; а также сѣна, дровъ, строеваго лѣса и проч. Во всякомъ случаѣ, заводъ, при 500 домахъ и 3,500 жителей, обѣщаетъ и впредь быть нехуже уѣздныхъ городовъ. Въ послѣднее время въ немъ, кромѣ поселенцевъ, поляковъ, черкесовъ и татаръ, замѣтно увеличивается

Digitized by Google

еврейское населеніе, хотя и не въ такой степени какъ въ Читѣ и Стрѣтенскѣ. При этомъ нынѣ совершаются уже не попытки, какъ прежде, къ изгнанію отсюда евреевъ, а напротивъ, нѣкоторые управляющіе кабинетскими промыслами въ Пріаргуньи, предпочитаютъ иногда совершать сдѣлки по покупкамъ именно съ евреями, и къ удивленію, не у тѣхъ русскихъ купцовъ, представляющихъ здѣсь первостепенныя фирмы, которыя всегда имѣютъ значительный сортаментъ для выбора и сильно конкурируютъ въ цѣнахъ товаровъ, такъ какъ выписываютъ ихъ прямо отъ фабрикантовъ. Впрочемъ, такъ какъ торгующее въ заводѣ и округѣ купечество и другія частныя лица не чувствовали на себѣ до сихъ поръ особенно сильнаго вліянія какой либо административной опеки и зависимости и, даже не относили почти никакихъ мѣстно-матеріальныхъ повинностей, то не по этому-ли здѣсь упрочивалась и поддерживается та жизнь, которая даетъ тонъ и направленіе настоящей дѣятельности, помимо всякаго участія, почти безъ надзора и обезпеченія общественнаго порядка, личныхъ правъ и спокойствія—со стороны мѣстной администраціи?... И наконецъ, не въ силу-ли проявленія нѣкоторыхъ элементовъ свободы въ характерѣ мѣстной жизни, всѣхъ вѣскихъ фактовъ которой невозможно перечислить, сложилась вся вышеописанная своеобразно-оригинальная, обстановка, и причемъ жизнь, какъ бы предоставленная собственному теченію на произволъ, безъ всякаго руководства, все-таки производитъ не особенно худыя послѣдствія?... Какъ бы то ни было, а въ случаѣ возведенія Нерчинскаго завода на степень окружнаго города, напримѣръ, по образцу Барнаула, съ уступкой отъ кабинета достаточнаго количества удобной земли для выгона скота, хлѣбопашества и сѣнокошенія и съ дарованіемъ должныхъ льготъ потребуется еще содѣйствіе къ дальнѣйшему развитію своеобразной жизни завода; а для поддержанія его значенія, какъ пограничнаго мѣста, пожалуй, можетъ оказаться надобность въ учрежденіи здѣсь градоначальства, по примѣру Кяхты. Конечно, благоустройство завода можетъ быть тѣмъ скорѣе достигнутымъ, чѣмъ скорѣе вся Сибирь получитъ новыя преобразованія по судопроизводству и т. п., которыхъ она такъ давно ожидаетъ. Вообще по дѣлу преобразованія завода въ городъ не должно спѣшить, и напротивъ пока требуется лучшее выясненіе всѣхъ мѣстныхъ условій. Итакъ, въ концѣ концовъ несомнѣнно, что только при условіяхъ возмож-

Digitized by Google

ной свободы и покровительства, будущій городъ «Нерчинскозаводскъ» можетъ достойнымъ образомъ сохранять свое историческое значеніе какъ бывшій первый сереброплавильный заводъ въ Россіи.

Digitized by Google

ЖЕЛЧНЫЙ ТИФОИДЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.

Статистическія данныя эпидеміи желчнаго тифоида и частью возвратной горячки въ 1868 г. въ г. Якутскѣ, существовавшей какъ тяжелый протестъ противъ антигигіеническаго состоянія города.

Здоровье—неоцѣненный даръ неба. Разумныя существа, одаренныя здоровьемъ, должны беречь его всего болѣе. Къ сожалѣнію, мы видимъ что ни на что необращается такъ мало вниманія, какъ на здоровье и въ частномъ и въ общественномъ быту этихъ разумныхъ существъ, т. е. людей. Главная тому причина—незнаніе людьми, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ, законовъ природы вообще и своего организма въ частности. Впрочемъ, въ наше время, на западѣ и югѣ Европы, горячо принялись за санитарную часть. Даже вопросъ о сожиганіи труповъ, вмѣсто погребенія, нынѣ въ Германіи, Англіи, Италіи и Соединенныхъ Штатахъ С. А., почти получилъ свое разрѣшеніе. У насъ въ Россіи общественная гигіена, въ послѣднее время, тоже серьезно занимаетъ какъ столицы, такъ и другіе города, а въ особенности земства. Рано или поздно она будетъ водворяться и въ деревняхъ. Но что-же наша Сибирь?—Пора-бы и ей взяться за санитарную часть, сначала хоть въ городахъ.—Санитарное состояніе нашихъ городовъ изъ рукъ вонъ плохо. Если возьмемъ въ этомъ отношеніи, какъ первый въ Сибири по многолюдству, торговлѣ и другимъ условіямъ, г. Иркутскъ, то изумимся.... Но объ Иркутскѣ, въ гигіеническомъ отношеніи, впослѣдствіи можно поговорить особо. Противъ такого состоянія городовъ нашихъ служатъ, какъ-бы живыми протестами, только разнородныя эпидеміи, ежедневно почти появляющіяся. Мы знаемъ ихъ только въ томъ городѣ, въ которомъ живемъ и испытываемъ ихъ, въ другихъ городахъ только кое-что

Digitized by Google

объ нихъ слышимъ и судимъ по аналогіи. Но вообще мы мало обращаемъ вниманія и на эти эпидеміи: это — «наказаніе божеское за грѣхи» стало быть должно переносить его. Развѣ какая нибудь оспа, сифилитическая болѣзнь, или чума рогатаго скота порой возбудятъ общее вниманіе, и только.

Вотъ если-бы о замѣчательныхъ, покрайней мѣрѣ, эпидеміяхъ,— не будемъ говорить въ городахъ уѣздныхъ, деревняхъ, или инородческихъ стойбищахъ, но хоть въ Иркутскѣ издавался какой нибудь листокъ, или сборникъ, то это, можетъ быть, давно уже имѣло-бы свои добрые плоды. Но это только pium desiderium: много лѣтъ нужно, что-бы такая мечта сбылась. Невдаваясь въ излишнія разглагольствованія о томъ, когда и какъ что-либо подобное сбудется, я, между тѣмъ, не безполезнымъ считаю изложить здѣсь статистическія данныя эпидеміи желчнаго тифоида, а частью и возвратной горячки въ 1868 году въ г. Якутскѣ, служившей, такъ сказать, тяжелымъ протестомъ противъ антигигіеническаго состоянія города. Въ 1-мъ № настоящей газеты, въ статьѣ моей подъ заглавіемъ: «Какія причины ограничиваютъ приращеніе населенія въ Якутскѣ», было упомянуто объ эпидеміяхъ и въ числѣ ихъ, объ эпидеміи желчнаго тифоида, бывшаго въ г. Якутскѣ въ первый разъ; здѣсь-же объяснены будутъ причины появленія этой эпидеміи въ Якутскѣ. Надобно сказать, что желчный тифоидъ — болѣзнь рѣдкая. Ни въ Якутскѣ, ни въ другихъ сибирскихъ городахъ объ ней не было слышно. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Россіи она конечно появляется; но она существуетъ въ Великобританіи, Швейцаріи, Германіи, на островахъ средиземнаго моря, въ Египтѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ С. А. и пр. Кстати, я замѣчу, что, какъ желчный тифоидъ, такъ и возвратная горячка причисляются къ формамъ того-же тифа.*) Возвратная горячка въ Петербургѣ и другихъ городахъ составляетъ почти уже обычную болѣзнь тифозную, перемежающуюся горячку. Тифоидъ-же желчный есть тяжелѣйшая форма тифа, съ истерическими припадками или желчными осложненіями.

*) Формы тифа приняты мною по Гризингеру (Handbuch der speciallen Pathologie und Therapie, redigirt von Rud. Virchow, profes. der Medic. in Berlin. 1857.

Digitized by Google

Появленіе и эпидемическое развитіе въ Якутскѣ возвратной горячки и желчнаго тифоида.

1868 годъ начался въ Якутскѣ благопріятнымъ для народнаго здоровья образомъ. Зима протекла благополучно и отличалась по здѣшнему умѣренно-холодною и влажною погодою; изъ болѣзней существовали свойственныя этому времени года страданія въ ограниченномъ размѣрѣ. Весна началась въ обыкновенное время, съ умѣреннымъ разлитіемъ Лены; погода въ теченіе ея стояла прохладная, вѣтреная; до половины мая дожди шли рѣдко, но къ концу его стали перепадать уже довольно часто. Впрочемъ, въ это время патологія Якутска ничего особеннаго не представляла, кромѣ одного обстоятельства. Въ городской больницѣ, въ которой, равно какъ въ тюремной и по городу, за недостаткомъ врачей въ г. Якутскѣ, *) пользованіемъ больныхъ занимался одинъ я, встрѣтились мнѣ во второй половинѣ мая двое больныхъ, одержимыхъ тифомъ показавшимся мнѣ лишь страннымъ и по времени его появленія и по характеру его. Больные были нижніе чины Якутскаго казачьяго полка; оба молодыхъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ поступилъ въ городскую больницу съ ревматизмомъ нижнихъ конечностей; сталъ поправляться, но во время прогулки на открытомъ воздухѣ простудился и въ ночь заболѣлъ тифомъ. Другой больной поступилъ съ тифомъ изъ города, гдѣ онъ жилъ въ семействѣ въ тѣсномъ и грязномъ жилищѣ и питался скудною пищей. Первый больной, послѣ 8-ми дневнаго страданія, имѣвшаго легкое теченіе (febricula) оправился; но, спустя недѣлю, снова заболѣлъ тифомъ, на 4-я сутки слегка пожелтѣлъ, сталъ сильно бредить, а за тѣмъ впалъ въ коматозное состояніе и на 8-й день послѣ начала вторичнаго приступа тифа умеръ. Такое теченіе и исходъ тифа казались странными, но допускалась для объясненія ихъ обыкновенная погрѣшность въ діэтѣ. Второй больной скоро поправился и и черезъ двѣ недѣли оставилъ больницу: но не прошло и 10 дней, какъ онъ снова возвратился въ неё съ тифозными припадками. Онъ

*) Городоваго врача въ Якутскѣ въ то время вовсе не было, а окружной врачъ находился въ Якут. Округѣ, а потомъ, для прекр. эпидем. оспы, въ Витайскомъ округѣ, откуда вернулся уже въ концѣ 1868 года.

Digitized by Google

бредилъ по ночамъ, имѣлъ значительный поносъ; селезенка и печень у него были увеличены въ объёмѣ и чувствительны; языкъ сухъ, блѣдновато-желтоватъ; жаръ въ тѣлѣ весьма силенъ; легкая желтизна общихъ покрововъ; но на 2-й недѣлѣ отъ вторичнаго заболѣванія появился обильный потъ, всѣ тифозные припадки начали мало-по малу исчезать и больной постепенно выздоровѣлъ, былъ вынущенъ изъ больницы и снова въ нее не возвращался. И этотъ случай тифа по формѣ не былъ похожъ на существующій здѣсь обыкновенно. За всѣмъ тѣмъ эти случаи, какъ одиночные, не могли повидимому имѣть особеннаго значенія и тѣмъ менѣе служить сигналомъ, приближающейся, небывалой доселѣ въ Якутскѣ болѣзни. Между тѣмъ какъ въ городѣ, такъ и въ больницѣ стали появляться во множествѣ случаи перемежной лихорадки трехдневнаго типа, что весной случается въ Якутскѣ однако-жъ почти ежегодно, хотя и не въ одинаковой степени.

Въ іюнѣ тифозные случаи во врачебной практикѣ въ городѣ стали встрѣчаться все чаще и чаще въ мѣстной воинской командѣ, только что прибывшей изъ Иркутска въ Якутскъ, и въ самомъ низшемъ, классѣ городскаго населенія; въ послѣднемъ началась смертность. Это обстоятельство подало поводъ мѣстному Комитету общественнаго здравія сдѣлать распоряженіе, что-бы заболѣвшіе изъ бѣднѣйшихъ инородцевъ и поселенцевъ, проживавшихъ въ городѣ въ тѣсныхъ и неопрятныхъ юртахъ и лачугахъ, немедленно препровождаемы были городскою полиціею, по извѣщенію ея о томъ домохозяевами, въ гражданскую больницу на излеченіе и чтобы городскіе обыватели снабжены были наставленіями о мѣрахъ предохраненія себя отъ развивающейся эпидеміи. Такое распоряженіе принято было къ исполненію; но съ какимъ успѣхомъ, о томъ указано будетъ ниже. Въ іюлѣ эпидемія усилилась, въ августѣ достигла высшаго развитія и затѣмъ въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ шла, уменьшаясь, но не прекращаясь вовсе, такъ что въ январѣ 1869 года пользовано было еще нѣсколько человѣкъ тифозныхъ больныхъ, оставшихся отъ декабря въ городѣ; но это были только именно остатки эпидеміи. Можно-бы было, правда, насчитать и еще до 6 случаевъ больныхъ тифомъ, но то былы cum febricula, а потому я ихъ оставлю въ сторонѣ.

Прежде всего тифъ, появлявшійся въ мѣстной воинской командѣ, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что хотя припадки у заболѣвавшихъ имъ нижнихъ чиновъ и были сильны, однако, по истеченіи недѣли и болѣе, быстро исчезали и больные скоро выздоравливали; но

Digitized by Google

къ удивленію у нихъ, подобно тому, какъ у вышеупомянутыхъ двоихъ больныхъ, спустя нѣсколько дней, снова обнаруживались такого-же рода припадки въ сильнѣйшей степени, что иногда повторялось до трехъ разъ. Сначала такой возвратъ тифозныхъ припадковъ приписывался по прежнему все таки разнымъ причинамъ и всего болѣе погрѣшностямъ въ діэтѣ; но когда такіе случаи стали повторяться чаще и чаще, то нельзя было уже недогадаться, что это была необыкновенная для Якутска форма тифа—брюшной тифъ, но форма совершенно новая,—возвратная (F. recurrens, relapsing fever). Впрочемъ, теченіе возвратной горячки было вообще довольно благопріятно и смертность отъ нея была ничтожна во время втораго или третьяго приступа болѣзни. Но въ іюнѣ м-цѣ появилась рядомъ съ этой формой тифа, другая, составляющая ея видоизмѣненіе и тяжелѣйшую степень—это желчный тифоидъ (biliöses typhoid, typhus icterodes.); который впослѣдствіи времени сдѣлался господствующимъ и почти совершенно вытѣснилъ собою возвратную горячку. Къ счастію нижніе чины мѣстной воинской команды небыли захвачены этой формой тифа, равно какъ и чины Якут. казачьяго полка только отчасти подверглись ей; за то все ея дѣйствіе сосредоточилось на самомъ нисшемъ, бѣднѣйшемъ классѣ населенія, состоявшемъ большею частью изъ якутовъ, и частью изъ поселенцевъ, проживавшихъ въ городѣ. Въ высшемъ и среднемъ классахъ городскаго населенія случаи заболѣванія ихъ желчнымъ тифоидомъ и даже возвратной горячкой составляютъ только исключенія.

Всѣхъ больныхъ, одержимыхъ возвратной горячкой и желчнымъ тифоидомъ въ 1868 г. въ городѣ Якутскѣ, пользовалось врачебною помощью 328 человѣкъ; кромѣ этого было въ городѣ не малое число больныхъ самой легкой формой тифа (febricula); но о страдавшихъ ею собрать точныя свѣдѣнія, по недостатку къ тому средствъ, не представлялось возможности, такъ какъ о такихъ легкихъ больныхъ не было предъявляемо домохозяевами городскому полицейскому управленію, не смотря на то, что они обязаны были это дѣлать; сами-же больные, по легкости болѣзни, не обращались къ врачу за помощью. Потому для пользованія въ больницу доставлялись изъ города полиціей больные, принадлежавшіе къ самому нисшему, бѣднѣйшему классу населенія, страдавшіе главнѣйшимъ образомъ самою тяжелою формою возвратной горячки—желчнымъ тифоидомъ, а такъ же нисшіе чины мѣстной команды и Якут. казачьяго полка;

Digitized by Google

такъ что въ больницѣ пользовалось 314 чел. и только остальные 14 чел. были лечимы по домамъ въ городѣ. Оставляя въ сторонѣ всѣ легкіе случаи cum febricula, какъ не требовавшіе помощи врача и по числу въ точности неизвѣстные, я буду говорить здѣсь только объ упомянутыхъ 328 больныхъ, пользовавшихся врачебною помощью.

Эти 328 больныхъ въ отношеніи къ населенію г. Якутска въ 1868 г. (4,631 ч.) составляли 7,08%, а въ отношеніи къ общему числу больныхъ въ городѣ, искавшихъ врачебной помощи (938 чел.), 34,95%. Изъ нихъ захворало въ іюнѣ мѣсяцѣ 21 чел. или 7,62%; въ іюлѣ 66 или 20,17%; въ августѣ 72, или 21,95%; въ сентябрѣ 43, или 13,10%; въ октябрѣ 57, или 17,37%; въ ноябрѣ 47, или 14,32%, въ декабрѣ 15, или 4,56%. Въ числѣ 328 больныхъ было солдатъ мѣстной команды 35 чел., или 10,67% и казаковъ 35. или тоже 10,67%; остальные больные были преимущественно якуты.

Изъ этихъ больныхъ было 195, или 59,45% мужчинъ и 133, или 40,55% женщинъ; изъ нихъ страдало собственно возвратной горячкой 36, или 10,97% мужчинъ и 14, или 4,27% женщинъ, всего 50 чел. или 15,24% о. п. и д. и желчнымъ тифоидомъ 159 или 48,48% мужчинъ и 119, или 36,28% женщинъ, всего-же 278, или 84,76% об. п. и д.

По возрастамъ больные, всѣ 328, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ въ процентахъ:

	м.	ж.	всего,
Менѣе 1 года.	0,30%	0,60%	0,90%
Отъ 1 года до 5 л. . . .	1,52%	2,43%	3,95%
» 5 » » 10 » . . .	5,79%	2,74	8,53
» 10 » » 20 » . . .	6,40	3,96	10,36
» 20 » » 30 » . . .	17,98	11,58	29,56
» 30 » » 40 » . . .	9,14	5,48	14,62
» 40 » » 50 » . . .	10,67	7,46	18.13
» 50 » » 60 » . . .	4,23	3,66	7,89
» 60 » » 70 » . . .	2,13	1,52	3,65
» 70 » » 80 » . . .	0,30	0,91	1,21
» 80 » » 90 » . . .	0,60	0,00	0,60
» 90 » » 100 и выше	0,30	0.30	0,60
	59,36	40,67	100,0

Digitized by Google

Изъ послѣдняго возраста мужчина былъ 109 л., а женщина 99 л.

Изъ этой таблицы видно, что: 1) эпидемія возвратной горячки и желчнаго тифоида не пощадила ни одного возраста, даже молочный и глубокій старческій возрасты, составляющіе границы всѣхъ прочихъ, не избѣгли ея вліянія; 2) заболѣваемость возрастала отъ 1-года до 30 лѣтъ, а въ возрастѣ отъ 20 до 30 л. достигала высшей степени, и затѣмъ упадала до 100 л. возраста и выше составляла меньше 1%, что конечно зависѣло отъ того, что людей этого возраста вообще весьма мало; и 3) мужской полъ болѣе подверженъ былъ заболѣванію во время эпидеміи, чѣмъ женскій почти во всѣхъ возрастахъ.

Относительно появленія болѣзни между членами одного и того-же семейства, или по крайней мѣрѣ, между жильцами одного и того-же дома или юрты, можно сказать только-то, что, какъ упомянуто было и выше, въ юртахъ и лачугахъ, въ которыхъ проживало нѣсколько семействъ самаго бѣднаго класса населенія скучено, рѣдкіе изъ членовъ этихъ семействъ не заболѣвали; и такимъ образомъ или всѣ вдругъ или по нѣскольку человѣкъ въ одинъ разъ перевозимы были, по распоряженію якутскаго городскаго полицейскаго управленія, въ Якут. гражданскую больницу на пользованіе.

Причины появленія и эпидемическаго развитія въ Якутскѣ возвратной горячки и желчнаго тифоида.

Изъ предъидущаго видно, что возвратная горячка и желчный тифоидъ составляютъ такія формы тифа, которыя до сихъ-поръ не существовали въ Якутскѣ; почему естественно думать, что здѣсь въ 1868 году, были причины появленія и эпидемическаго развитія этихъ формъ тифа, и преимущественно послѣдней.

Профессоръ Фирховъ, въ статьѣ своей о голодномъ тифѣ и о нѣкоторыхъ сродныхъ ему болѣзняхъ, *) между прочимъ говоритъ: «И теперь еще многіе (для объясненія происхожденія эпидемій) любятъ ссылаться прежде всего на кометы, землятрясенія, отчасти даже на необъясненныя явленія вмѣсто того, чтобы заняться ближайшими

*) Арх. Суд. Мед. и Общест. Гигіены, 1868 г., декабр. кн. № 4, отд. V ст. 3.

Digitized by Google

обстоятельствами и явленіями, окружающими больныхъ». И далѣе: «Метеоры и вулканы, землятрясенія и бури вообще не составляютъ исходныхъ точекъ нашихъ изслѣдованій о причинахъ повальныхъ болѣзней, особенно, если болѣзни эти появляются далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ землятрясенія, ураганы и изверженія вулканическія. Почва, на которой живетъ заболѣвшее населеніе, воздухъ, которымъ оно дышетъ, вода и пища имъ употребляемые—вотъ—что служитъ намъ исходными точками, когда мы стараемся отыскать причины большаго числа повальныхъ болѣзней».

Для отысканія причинъ эпидемій въ г. Якутскѣ нѣтъ поводовъ пускаться ни въ небесныя пространства, ни въ нѣдра или вдаль поповерхности нашей планеты. Кометы здѣсь появляются рѣдко, вулкановъ нѣтъ во всей Якутской области, не бываетъ и землятрясеній; вулканы-же въ Камчаткѣ, напр., Ключевская сопка, или въ Японіи, *находятся такъ далеко, что странно* было-бы и думать о ихъ вліяніи на эпидеміи; бурь и урагановъ здѣсь тоже нѣтъ. Поэтому врачу, какихъ-бы возрѣній на происхожденіе эпидемій онъ не придерживался, что бы уяснить себѣ сознательно этіологію эпидемій въ Якутскѣ, волей-неволей приходится обратиться исключительно только къ ближайшимъ обстоятельствамъ, среди которыхъ больные обыкновенно находятся. Извѣстно, что возвратная горячка и желчный тифоидъ, гдѣ-бы они ни появлялись, подобно другимъ формамъ тифа, суть инфекціонныя болѣзни и происходятъ отъ специфической ядовитой или міазматической матеріи, сущность которой не опредѣлена, хотя и можно подъ именемъ міазмы, производящей тифозное страданіе, понимать, вмѣстѣ съ Гризингеромъ, не одно газообразное и черезъ воздухъ дѣйствующее вещество, но и содержащееся in ingestis, въ пищѣ, питьѣ и прочее, и хотя въ этомъ отношеніи гипотеза о паразитической природѣ міазмы весьма знаменательна. Стало быть источникомъ происхожденія этихъ формъ тифа въ Якутскѣ, въ 1868 году, могло быть не что-иное, какъ таже самая специфическая міазма; но подъ вліяніемъ какихъ именно условій она зародилась и развились изъ нея эпидемически помянутыя формы тифа—вотъ что должно быть выяснено, и что я, по крайнему моему разумѣнію, попытаюсь сдѣлать, съ точки зрѣнія, указанной Фирховымъ.

Прежде всего въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе то, что эпидемія возвратной горячки и желчнаго тифоида въ 1868 году возникла въ Якутскѣ въ теплое и только продолжалась въ хо-

Digitized by Google

лодное время года, а именно: начало возвратной горячки совпадало съ весной—со 2-й половиной или даже съ концемъ мая, а желчнаго тифоида — съ лѣтомъ, въ теченіе котораго послѣдній вытѣснилъ первую, перешелъ въ осень и протянулся, уменьшаясь постепенно, зимой по январь 1869 года. Нѣтъ сомнѣнія, что эти формы тифа могутъ появляться первоначально и зимой, но въ Якутскѣ онѣ появились и господствовали преимущественно въ означенныя времена года, конечно, не безъ особенныхъ условій. Уже къ концу весны этого года стали перепадать здѣсь обильные дожди, но лѣтомъ они превратились въ такіе ливни, какихъ не припомнятъ здѣшніе старожилы. Дворы домовъ, улицы и полузасоренныя канавы переполнились водой, которая, по неимѣнію стоковъ, проникая въ почву, залила погреба и подполья, обыкновенно устраиваемыя въ домахъ и оставалась здѣсь до зимы, т. е. до замерзанія почвы. Удалить ее изъ нихъ раньше не представлялось возможности, потому что, по мѣрѣ ея вычерпыванія, почвенная вода заступала мѣсто вычерпанной. Дожди выпадали не безпрерывно, но часто смѣнялись ясной и знойной погодой. Грозъ въ продолженіи лѣта было весьма мало, да и грозовыя тучи проносились болѣе стороной, чѣмъ надъ городомъ. Эта-то чрезмѣрная, вслѣдствіе необыкновенныхъ дождей, влажность почвы и атмосферы и лѣтній зной, повидимому, и составляли въ настоящемъ случаѣ главнѣйшія условія происхожденія міазмъ, и въ числѣ ихъ — тифозной.

Но въ сущности эти условія, какъ извѣстно, сами по себѣ не въ состояніи произвести міазмы, особливо тифозной; чрезмѣрная влажность атмосферы, песчаной, или песчано-глинистой почвы, и лѣтній зной не произведутъ никакой міазмы. Слѣдовательно, необходимо для этого еще особенное условіе. Это условіе тоже, какъ извѣстно, есть ничто иное, какъ усиленный процессъ гнилостнаго разложенія органическихъ животно-растительныхъ веществъ, находящихся въ почвѣ или на ея поверхности. Было-ли это послѣднее условіе въ 1868 году въ Якутскѣ. Здѣсь почва въ верхнихъ слояхъ наполнена органическими веществами; на поверхности ея столько находится навоза и всякаго рода органическихъ нечистотъ, что неслишкомъ много можно найти другихъ городовъ, подобныхъ въ этомъ отношеніи Якутску. А потому, въ почвѣ его и на его поверхности, такой процессъ разложенія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не можетъ не происходить въ огромныхъ размѣрахъ. Если это такъ, то въ

Digitized by Google

1868 году, при сильномъ содѣйствіи вышеупомянутыхъ агентовъ, т. е. небывалыхъ проливныхъ дождей и лѣтнихъ жаровъ, или, что тоже, чрезмѣрной влажности почвы и атмосферы и лѣтняго зноя, процессъ этотъ долженъ былъ совершаться въ высшей степени. И дѣйствительно, атмосфера города въ это время переполнилась происходившими изъ лужъ, канавъ и проч. стоячихъ водъ, покрывшимися плѣсенью, до того удушливыми испареніями, что непривычному человѣку становилось дурно при проходѣ, или проѣздѣ по городскимъ улицамъ, а въ домахъ нельзя было открыть оконъ, подъ которыми находились такія лужи и канавы. Столь-же тяжелыя испаренія поднимались въ воздухъ и изъ навозныхъ кучъ и почвы дворовъ и улицъ, которая была такъ разжижена, что въ грязи тонули колеса экипажей, а пѣшеходъ съ трудомъ могъ пробираться только по мостикамъ и полуразвалившимся тротуарамъ. Къ довершенію бѣды, атмосфера, переполняемая такими мефитическими испареніями, нисколько не могла отъ нихъ очищаться, по причинѣ существующаго въ Якутскѣ въ лѣтнее время безвѣтрія. Конечнымъ, неизбѣжнымъ результатомъ всего этого и было, само собой разумѣется, зарожденіе міазмъ — сначала перемежной лихорадки, затѣмъ возвратной горячки и желчнаго тифоида, свирѣпствовавшихъ въ населеніи Якутска.

Впрочемъ, такъ какъ выше уже было сказано, что въ городѣ высшій и средній классы населенія почти незаболѣвали возвратной горячкой и желчнымъ тифоидомъ, а подвергались имъ солдаты, казаки и главнѣйшимъ образомъ низшій, бѣднѣйшій классъ населенія, между тѣмъ какъ вліяніе міазмы распространялось конечно на всѣхъ жителей, то очевидно, что должны были существовать еще и другія условія или этіологическіе моменты, при которыхъ тифозная міазма, не дѣйствуя почти на первые два класса городскихъ жителей, развилась въ жестокую эпидемію въ послѣднемъ. Эти этіологическіе моменты дѣйствительно существовали.

По Піори, проживаніе человѣка въ слишкомъ тѣсной комнатѣ портитъ воздухъ накопленіемъ произведеній легочнаго испаренія и можетъ быть уже и само по себѣ причиною развитія тифозной горячки. По Беккерелю, жизнь въ слишкомъ тѣсномъ мѣстѣ благопріятствуетъ развитію эпидемическихъ болѣзней у занимающихъ его людей, а когда эти болѣзни уже существуютъ, то усиливаетъ жесто-

Digitized by Google

кость ихъ *). Мишель Леви говоритъ: «Если пытались называть большіе города могилами человѣческаго рода, то это потому, что видѣли въ нихъ цѣлые кварталы, гдѣ нищета тѣснится въ домахъ, лишенныхъ свѣта и воздуха и отравленныхъ мефитическими испареніями, нечистотой и насѣкомыми» **).

Мы знаемъ уже, что въ Якутскѣ высшій и средній зажиточные классы живутъ въ порядочныхъ домахъ и стараются о соблюденіи въ нихъ чистоты и опрятности. Притомъ большая часть жителей изъ этихъ классовъ въ лѣтнее время переселяется на такъ называемые зашики (дачи), расположенныя въ большей или меньшей отдаленности отъ города, въ здоровыхъ мѣстностяхъ, гдѣ остаются до осени. Но нисшій, бѣднѣйшій классъ населенія, вмѣстѣ съ членами подвижнаго населенія, гнѣздится, такъ сказать, въ лачугахъ и юртахъ, наполненныхъ смрадомъ и нечистотой. Всѣ такія лачуги и юрты обыкновенно почти завалены навозомъ и всякаго рода нечистотами. Въ 1868 году, какъ сказано, отъ ливней дворы и улицы покрыты были лужами, поэтому почва подъ лачугами и юртами въ высшей степени была пропитана водой; подполья въ этихъ жильяхъ были полны водой, пресыщенной органическими веществами, цѣлое лѣто и осень—до замерзанія почвы. Можно себѣ представить теперь воздухъ въ этихъ жильяхъ и могли-ли-бы проживать въ нихъ безнаказанно даже животныя? Весьма естественно, что здѣсь къ мефитическимъ испареніямъ почвеннымъ присоединялись еще испаренія легкихъ, кожи и другихъ органическихъ секретовъ и экскретовъ и вообще отъ грязи и нечистоты темныхъ, сырыхъ жилищъ и, вмѣстѣ съ ними, усилили міазму возвратной горячки до того, что эта послѣдняя перешла въ гибельный желчный тифоидъ.

Въ связи съ этимъ моментомъ слѣдуетъ указать другой — скученность большаго числа жильцовъ въ этихъ лачугахъ. Въ тѣсномъ пространствѣ, каково пространство юрты или лачуги, проживало по 5, 8, 10, 15 и болѣе человѣкъ обоего пола и разнаго возраста. Никто изъ историковъ тифозныхъ эпидемій не сомнѣвается въ важности этого болѣзнетворнаго условія. И здѣсь оно должно было

*) Элем. Начерт. Част. и Общ. Гигіены. А. Беккерель. Перев. Чистовича, 1852, стр. 246.

**) Traité d'hygiène publique et privée par Michel Levy. T. 1, à Paris, 1850, page 593.

Digitized by Google

принять важное участіе въ усиленіи и распространеніи эпидемій, особливо желчнаго тифоида. Это дѣйствительно такъ и было. Солдаты мѣстной команды, какъ размѣщенные не слишкомъ тѣсно, въ приспособленныхъ къ казарменной жизни домахъ, заболѣвали только возвратной горячкой; нѣкоторые изъ городскихъ жителей, лучше, съ бо̀льшимъ просторомъ помѣщавшіеся въ собственныхъ домахъ, чѣмъ солдаты, заболѣвали исключительно легкой, абортивной формой тифа (febricula); казаки, проживавшіе съ семействами своими или въ собственныхъ, бо̀льшею частью плохихъ домахъ, или на квартирахъ—въ тѣсныхъ, сырыхъ жилищахъ, заболѣвали возвратной горячкой, съ бурными, тяжелыми припадками и частію желчнымъ тифоидомъ; а низшій, бѣднѣйшій классъ жителей, страдалъ почти единственно желчнымъ тифоидомъ.

Понятно, что въ означенныхъ тѣсныхъ жильяхъ или притонахъ, переполненныхъ грязной и отвратительной нищетой, желчный тифоидъ, отъ одного или нѣсколькихъ лицъ, первоначально заболѣвшихъ, сообщался еще и per contagium другимъ, еще не заболѣвшимъ, и такимъ образомъ въ этихъ притонахъ образовались modo miasmatico—contagioso отдѣльныя эпидеміи, которыя впослѣдствіи времени слились, такъ сказать, въ одну эпидемію, охватившую всѣ подобныя жилища въ городѣ.

Дурная и недостаточная пища нисшаго, бѣднѣйшаго класса, якутско-русскаго населенія, также обращаетъ на себя вниманіе въ настоящемъ случаѣ. Если на западѣ Европы когда-то нѣкоторые врачи обвиняли больной картофель въ произведеніи тифозныхъ эпидемій, то въ Якутскѣ это обвиненіе непридетъ на мысль врачу. Здѣсь бѣднѣйшій, въ особенности якутскій людъ, питается уже не картофелемъ, котораго онъ неимѣетъ, а такими веществами органическаго происхожденія, что отъ одной мысли объ нихъ образованному человѣку, кажется, можно заболѣть тифомъ. И это еще не все. Извѣстно, какую воду употребляетъ бѣднѣйшій русско-якутскій людъ для питья и приготовленія пищи. Правда, никакая пища, никакая вода, сами по себѣ, не могли произвести здѣсь ни возвратной горячки, ни желчнаго тифоида: иначе эти формы тифа составляли-бы постоянныя эпидеміи г. Якутска, такъ какъ этого рода пищею и питьемъ продовольствуется здѣшнее бѣднѣйшее русско-якутское населеніе искони. Но такая пища и такое питье, разстраивая пищевареніе и питаніе, дѣлаютъ организмъ вообще вялымъ, слабымъ, не-

Digitized by Google

способнымъ противодѣйствовать болѣзнетворнымъ причинамъ. Вотъ почему означенный классъ городскаго населенія составляетъ постоянно наилучшій контингентъ скорбута, поносовъ, перемежной лихорадки и другихъ болѣзней и главнѣйшій элементъ больничнаго призрѣнія. Слѣдовательно, какъ скоро въ 1868 году, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ условій, развилась въ Якутскѣ міазма возвратной горячки и желчнаго тифоида, то этотъ классъ его населенія долженъ былъ сдѣлаться удобною почвою для развитія міазмы. Впрочемъ, есть факты, доказывающіе, что недоброкачественная пища и питье могутъ произвести и сами по себѣ тифъ. Такъ Гризингеръ упоминаетъ о случаѣ, гдѣ отъ употребленія въ пищу испорченной телятины изъ 600 человѣкъ заболѣло почти 500 тифомъ, причемъ у очень многихъ образовалась febricula и у немалаго числа болѣе тяжелая форма тифа — ileotyphus. Подобные же случаи наблюдаемы были, по словамъ его, въ значительномъ числѣ отъ гнилостнаго отравленія, послѣдовавшаго за употребленіемъ для питья испорченной воды, вслѣдствіе сообщенія колодцевъ съ отхожими ямами, навозными кучами и т. п. *). Правда, здѣсь дѣло идетъ о брюшномъ тифѣ, который въ Якутскѣ, какъ выше было сказано, составляетъ обычную форму и происхожденіемъ своимъ болѣе всего, быть можетъ, обязанъ плохой пищѣ и питью нечистой воды у бѣднѣйшаго якутско-русскаго населенія. Однако-же, если допустить, что въ 1868 году подобныя пища и питье не могли служить, въ числѣ другихъ, прямыми причинами зарожденія міазмы возвратной горячки и желчнаго тифоида, то, съ другой стороны, нельзя отвергать, какъ сказано выше, чтобы они не могли по крайней мѣрѣ, содѣйствовать, и притомъ въ сильной степени, главнѣйшимъ этіологическимъ моментамъ въ эпидемическомъ развитіи этихъ болѣзней. Не бездоказателенъ здѣсь слѣдующій фактъ. Въ 1868 году въ Якутскомъ тюремномъ замкѣ содержалось 358 арестантовъ и изъ нихъ только одинъ заболѣлъ желчнымъ тифоидомъ. Хотя содержаніе ихъ и не отличалось ни просторомъ, ни другими условіями хорошей гигіены, но за то пища всегда была хороша и приготовлялась изъ свѣжаго мяса, а для питья служила чистая вода.

Какую роль играло индивидуальное предрасположеніе заболѣвшихъ возвратной горячкой и желчнымъ тифоидомъ, какъ этіологи-

*) Вышеприведенное сочиненіе Гризингера, стр. 125.

Digitized by Google

ческій моментъ, конечно, уже не зарожденія міазмы, но удобнѣйшаго воспріятія ея—сказать положительно трудно. Но изъ предъидущаго видно, что заболѣваемость этими болѣзнями распредѣлялась неравномѣрно въ различныхъ возрастахъ. Самое большее число заболѣваній упадало на возрастъ между 20 и 30 годами; съ 30 по 40 — число заболѣваній понижалось; но съ 40 по 50 опять нѣсколько поднималось; въ глубокой же старости заболѣло только 0,60%, что естественно зависѣло, какъ уже сказано выше, отъ малочисленности лицъ, достигающихъ этого возраста. Грудныя дѣти заболѣвали рѣдко—всего 0,90%; чаще заболѣвали дѣти въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ (8,53—); мужской полъ подвергался заболѣванію чаще, какъ тоже выше сказано, чѣмъ женскій. Люди изнуренные и худосочные, составлявшіе бѣднѣйшій классъ населенія, заболѣвали главнѣйшимъ образомъ желчнымъ тифоидомъ. Впрочемъ, встрѣчались случаи, гдѣ больные были крѣпкаго сложенія и мускулисты, но такихъ было немного и они заболѣвали большею частью черезъ особенное зараженіе отъ другихъ больныхъ. Такъ, напр., въ больницѣ заболѣли желчнымъ тифоидомъ отъ безпрестаннаго обращенія съ больными, одержимыми этой формой тифа, три служителя и одинъ лекарскій ученикъ,—довольно крѣпкаго сложенія; изъ нихъ два служителя умерли; а одинъ и лекарскій ученикъ выздоровѣли. Заболѣваніе этихъ лицъ произошло очевидно путемъ зараженія. Были еще и другіе случаи того-же заболѣванія субъектовъ крѣпкаго сложенія. Часто заболѣвали означенною формою тифа больные, одержимые перемежной лихорадкой, поносомъ, ревматизмомъ. Бугорчатка, сифилисъ, брайтова болѣзнь не исключали возвратной горячки и желчнаго тифоида. Только психическое страданіе повидимому не поддавалось этимъ болѣзнямъ. Такъ, одинъ сумасшедшій пережилъ въ больницѣ, когда это заведеніе переполнено было отчаянными больными, одержимыми желчнымъ тифоидомъ, все тяжелое время эпидеміи, неподвергаясь ни малѣйшимъ припадкамъ даже легкой формы тифа (febricula), хотя и находился постоянно въ средѣ этого рода больныхъ, за неимѣніемъ особаго для него помѣщенія.

Послѣ сказаннаго я не считаю уже нужнымъ говорить здѣсь въ этіологическомъ отношеніи о вліяніяхъ психическихъ, напр., печали, боязни заболѣть тифомъ, а также о тѣлесномъ изнуреніи и т. п., такъ какъ они не могутъ содѣйствовать ни къ происхожденію міазмъ возвратной горячки и желчнаго тифоида, ни къ особенному расположенію

Digitized by Google

воспріятія ихъ организмомъ человѣческимъ; хотя въ послѣднемъ случаѣ и можно бы считать ихъ нѣкоторымъ образомъ за вспомогательные моменты, впрочемъ безразлично дѣйствующіе въ какихъ бы то ни было эпидеміяхъ.

Предсказаніе.

Предсказаніе въ возвратной горячкѣ, какъ замѣчено объ этомъ уже и выше, было очень благопріятно. Больныхъ умирало весьма мало, а выздоравливало много; но умиравшіе погибали собственно не отъ жестокости самой эпидеміи возвратной горячки, а отъ осложненій (complikationes), напримѣръ, роженица и т. п. Изъ пятидесяти человѣкъ, пользованныхъ отъ возвратной горячки, выздоровѣло 47 человѣкъ, слѣдовательно 94%, умерло 3 человѣка, слѣдовательно только 6% или умеръ 1 изъ 17 человѣкъ заболѣвшихъ. Эти наблюденія не сходятся съ наблюденіями другихъ врачей только въ томъ, что по послѣднимъ смерть больныхъ происходила чаще всего, если не исключительно, отъ интензивности припадковъ самой болѣзни. По Гризингеру смертность въ возвратной горячкѣ обыкновенно составляетъ 3—4% и болѣе—8% не бываетъ *).

Напротивъ, предсказаніе въ біліозномъ тифоидѣ было самое неблагопріятное, по причинѣ ослабленнаго уже, предварительно истощеннаго организма самихъ больныхъ, жестокости болѣзни, частныхъ пораженій важнѣйшихъ внутреннихъ органовъ, нерѣдко многихъ вмѣстѣ и послѣдовательныхъ болѣзней, о чемъ уже тоже говорено было выше. Но всего болѣе смертность увеличилась отъ доставленія больныхъ въ больничное заведеніе часто in ultimo statu morbi, т. е. тогда, когда всякое врачеваніе безполезно и умѣстно развѣ только ad promovendam euthanasiam; но и это было излишне, такъ какъ такіе больные умирали обыкновенно въ коматозномъ состояніи. Распоряженія комитета общественнаго здравія относительно объявленія домохозяевами о заболѣвавшихъ въ ихъ домахъ жильцахъ полиціи и о немедленномъ доставленіи бѣднѣйшихъ въ городскую больницу, по небрежности, непониманію важности и необходимости исполненія

*) Ibidem, стр. 209.

Digitized by Google

этой мѣры самими домохозяевами и по малочисленному личному составу полиціи, худо выполнялось на дѣлѣ. Домохозяева по большей части избѣгали хлопотъ по предмету предъявленія о заболѣвшихъ въ ихъ домахъ жильцахъ, принадлежавшихъ къ нисшему, бѣднѣйшему классу населенія, а сами заболѣвавшіе изъ этого класса, по крайнему своему невѣжеству, а потому и непониманію важности болѣзни, недумали идти благовременно въ больницу, но, нищенствуя, ходили черезъ силу по дворамъ, или лежали въ юртахъ и лачугахъ, пропитываясь крохами собираемаго другими ихъ товарищами подаянія, пока не наступало состояніе близкое къ смерти. Въ этомъ только уже случаѣ, чтобы избавиться отъ хлопотъ по похоронамъ, домохозяевами давалось знать полиціи, которая, или сами хозяева и перевозили такихъ больныхъ въ больницу. Иногда больные нищіе преимущественно якуты, до послѣдней возможности бродя по дворамъ, падали въ безсиліи и были поднимаемы и отправляемы въ больничное заведеніе. Это обстоятельство, при внезапныхъ отъ времени до времени полицейскихъ осмотрахъ лачугъ и юртъ и нахожденія въ нихъ больныхъ, многимъ домохозяевамъ, служило благовиднымъ предлогомъ отговариваться, что больные у нихъ не жили, только что пришли неизвѣстно откуда и, обезсиливъ, не могли уйдти отъ нихъ. Такіе то вообще больные, будучи отправляемы въ больницу во время разгара эпидеміи біліознаго тифоида, переполняли ее и умирали въ огромномъ числѣ, а иные умирали еще на пути въ больницу.

Я привожу здѣсь цифры больныхъ, умершихъ отъ желчнаго тифоида въ 1, 2, 3 и 4 сутки, по доставленіи ихъ въ больничное заведеніе. Умерло такихъ больныхъ, въ 1 сутки 5 человѣкъ, или 2,58% общаго числа смертности, въ 2—35 человѣкъ, 17,76%; въ 3 — 26 человѣкъ, или 13,19%; въ 4 — 18 человѣкъ, или 9, 13%; всего-же 84 больныхъ или 42,66% общаго числа смертности.

Конечно, послѣ сказаннаго неудивительно, что изъ 328 больныхъ, состоявшихъ на леченіи отъ возвратной горячки или тифоида, умерло, и главнѣйшимъ образомъ отъ послѣдняго, 197 человѣкъ, или 60, 11%, или около $^2/_3$, или, что ближе, $^3/_5$ больныхъ. Неизвѣстно, въ какой степени лучше были условія при леченіи эпидемическаго біліознаго тифоида у другихъ врачей, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ смертность была не меньше, чѣмъ у меня. Гризингеръ говоритъ: «у Ланге (число смертныхъ случаевъ) умерло $^2/_3$ больныхъ; у Ларрея число смертныхъ случаевъ также было очень велико; у меня смерт-

Digitized by Google

ность, при выжидательномъ леченіи тоже была весьма значительна; но какъ скоро я ввелъ леченіе хининомъ, въ большихъ пріемахъ, то она сдѣлалась очень незначительною» *).

Различіе пола и возраста въ отношеніи смертности въ возвратной горячкѣ и въ биліозномъ тифоидѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ **).

Изъ 195 заболѣвшихъ мужчинъ умерло 108, а изъ 133 женщинъ 89. Въ процентахъ по возрастамъ эта смертность выражалась для обоихъ половъ слѣдующимъ образомъ:

	м. п.	ж. п.	всего.
Ранѣе одного года	0,00%	0,60%	0,60%
Отъ 1 до 5 лѣтъ. . . .	0,30	1,21	1,51
» 5 » 10 »	2,43	1,21	3,64
» 10 » 20 »	3,96	1,82	5,78
» 20 » 30 »	7,92	6,02	14,01
» 30 » 40 »	5,48	5,79	11,27
» 40 » 50 »	5,79	5,18	10,87
» 50 » 60 »	3,96	2,43	6,39
» 60 » 70 »	1,88	1,65	3,53
» 70 » 80 »	0,30	1,91	1,20
» 80 » 90 »	0,60	0,00	0,60
» 90 » 100 »	0,60	0,30	0,60
	32,92	27,19	60,11

Въ отношеніи-же къ общему числу умершихъ смертность отъ возвратной горячки и тифоида, по возрастамъ и поламъ, можно изобразить въ процентахъ слѣдующимъ образомъ;

	м. п.	ж. п.	всего.
Ранѣе одного года	0,00%	1,01%	1,01%
Отъ 1 до 5 лѣтъ. . .	0,50	2,03	2,53
» 5 » 10 » . . .	4,06	2,03	6,09
» 10 » 20 » . . .	6,59	3,01	9,53

*) Ibidem стр. 116.

**) Въ возвратной горячкѣ, какъ было уже сказано, смертность была ничтожна (изъ 50 человѣкъ умерло 3); а потому я ихъ не буду отдѣлять отъ смертности вообще отъ желчнаго тифоида, здѣсь представляемой.

Digitized by Google

	м. п.	ж. п.	всего.
Отъ 20 до 30 лѣтъ . . .	13,19	10,88	27,07
» 30 » 40 » . . .	8,62	9,64	18,26
» 40 » 50 » . . .	9,64	8,62	18,26
» 50 » 60 » . . .	6,59	4,06	10,65
» 60 » 70 » . . .	3,07	2,53	5,57
» 70 » 80 » . . .	0,50	1,50	2,02
» 80 » 90 » . . .	1,01	0,00	1,01
» 90 » 100 » . . .	0,50	0,50	1,00
	54,24	45,76	100,00

Изъ таблицъ этихъ видно что смертность, подобно заболѣваемости, постепенно возрастала до 30-ти лѣтняго возраста и затѣмъ уменьшалась, такъ что въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ была самая высшая; что мужчины, подобно тому, какъ заболѣвали въ большемъ противу женщинъ числѣ, и умирали тоже въ большемъ, и что смерть не пощадила при этомъ ни грудныхъ младенцевъ, ни самыхъ дряхлыхъ стариковъ.

Что касается до дней, въ которые наиболѣе предстояло опасности для жизни больныхъ, то изъ 197 смертныхъ случаевъ приходилось:

На	3 день болѣзни . . .	2 или	1,01%
»	6 » » . . .	9 »	4,56
»	7 » » . . .	6 »	3,04
»	8 » » . . .	30 »	15,22
»	9 » » . . .	11 »	5,59
»	10 » » . . .	8 »	4,06
»	11 » » . . .	11 или	5,59
»	12 » » . . .	10 »	5,07
»	13 » » . . .	6 »	3,04
»	14 » » . . .	12 »	6,09
»	15 » » . . .	5 »	2,53
»	16 » » . . .	20 »	10,28
»	17 » » . . .	8 »	4,06
»	18 » » . . .	5 »	2,53
»	19 » » . . .	4 »	2,03
»	20 » » . . .	5 »	2,53

Digitized by Google

На	21	день болѣзни . . .	9	или	4,56
»	22	» » . . .	4	»	2,03
»	23	» » . . .	2	»	1,01
»	24	» » . . .	5	»	2,53
»	25	» » . . .	1	»	0,50
»	26	» » . . .	3	»	1,52
»	27	» » . . .	3	»	1,52
»	29	» » . . .	1	»	0,50
»	31	» » . . .	3	»	1,52
»	32	» » . . .	3	»	1,52
»	33	» » . . .	3	»	1,52
»	35	» » . . .	1	»	0,50
»	36	» » . . .	2	»	1,01
»	40	» » . . .	1	»	0,50
Свыше	40	» » . . .	4	»	2,03
			197	»	100,00

Эта таблица показываетъ, что наибольшая опасность для жизни больныхъ была въ 8 день отъ начала болѣзни, такъ какъ какъ на этотъ день приходилось большинство смертныхъ случаевъ (15%); за тѣмъ болѣе умирало на 16 день (10%) и на 2, 11 и 12 день по (5% слишкомъ).

Я долженъ сознаться здѣсь, что эта таблица не можетъ выражать въ точности смертность по днямъ, такъ какъ о дняхъ первоначальнаго заболѣванія нельзя было получить математически вѣрныхъ данныхъ, но приходилось довольствоваться показаніями или самихъ больныхъ, или доставлявшихъ больныхъ лицъ, большею частью людей грубыхъ и невѣжественныхъ; однако-же она все же даетъ болѣе или менѣе приблизительное понятіе объ этомъ предметѣ, чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ и достаточно.

Въ заключеніе этой статьи можно спросить; удалимы-ли были причины только что разсмотрѣнной эпидеміи? Безъ сомнѣнія. Санизируйте Якутскъ—и другія эпидеміи въ немъ изчезнутъ. Опять повторяю, пора-бы Сибири приняться за санитарную часть, на первый разъ, хоть своихъ городовъ: вѣдь польза отъ этого будетъ громадная.

И. М. Пѣтуховъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРОЖИЛА

Сила Бурдуковъ.

Въ одномъ изъ селеній ...скаго округа жилъ довольно состоятельный крестьянинъ — Сила Ивановъ Бурдуковъ. Четыре взрослыхъ и уже женатыхъ сына заправляли хозяйствомъ, которое при семейномъ согласіи и дружной работѣ шло какъ нельзя лучше. Когда Силѣ было уже около шестидесяти лѣтъ, семейство его возросло душъ до пятнадцати, въ числѣ которыхъ были лица, можно сказать, всѣхъ половъ и возрастовъ. Надо было позаботиться о помѣщеніи такой семьи; и Сила Ивановичъ выстроилъ большой двухъ-этажный домъ на удивленье всей деревнѣ, на зависть земской власти и на горе самому себѣ. Двадцать десятинъ пашни, сотня лошадей и другаго скота дали возможность Силѣ — держать себя предъ земскими нѣсколько по самостоятельнѣе другихъ мужичковъ. Голосъ его, какъ старика зажиточнаго, и при томъ честнаго и разумнаго, много значилъ на мірскихъ сходкахъ цѣлой волости.

Не одинъ разъ онъ былъ выбираемъ въ земскія должности, служилъ и старостой и головой и проходилъ эти должности такъ, что, не обременяя свою братью, умѣлъ ладить и съ чиновниками. Но видно были головы и старосты, которые ласковѣе обходились съ чиновниками, чѣмъ Бурдуковъ, потому что земскія власти вообще не жаловали Силу и пользовались всѣми случаями поунять дерзкаго мужика. Случалось ли какое слѣдствіе по волости,—чуть имя Бурдукова упоминалось въ числѣ свидѣтелей какого-нибудь пустаго и почти посторонняго къ дѣлу обстоятельства,—слѣдователи съ жаромъ ухватывались за названнаго свидѣтеля, таскали его по селамъ и деревнямъ, спрашивали и переспрашивали, въ надеждѣ, что простота—мужикъ проговорится и станетъ противорѣчить самому себѣ. А это,

Digitized by Google

какъ извѣстно, считается самымъ вѣрнымъ доказательствомъ участія въ преступленіи, между тѣмъ какъ на дѣлѣ-то бѣдный мужикъ часто самъ не знаетъ что и говоритъ предъ слѣдователемъ, дрожа какъ листъ при видѣ гербовыхъ пуговицъ, чернилицъ, пьяныхъ лицъ и розогъ... Бываетъ, что противорѣчія оказываются только на бумагѣ... но не объ этомъ теперь рѣчь. Долго прискребались къ Силѣ разные прискребатели, преемственно завѣдывавшіе волостью и передавшіе другъ другу свое нерасположеніе къ зазнавшемуся, по ихъ мнѣнію, мужику. Въ особенности ярымъ оказывался въ усиліяхъ поддѣть въ чемъ-нибудь Бурдукова одинъ—не помню—засѣдатель или исправникъ. Помню только странную фамилію этого человѣка и его отвратительную, звѣрскую физіономію. Прозывался онъ Запри-духъ и былъ похожъ на огромнаго бульдога съ пьяными, вѣчно-красными глазами. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ удалось-таки наконецъ страшному земскому бульдогу доконать Силу.

Въ какой-то заводъ слѣдовалъ огромный казенный транспортъ. Доставка этого транспорта возложена была на крестьянъ съ тѣмъ, чтобы имъ выплачены были деньги по числу подводъ. Крестьяне сдѣлали свое дѣло, свезли что нужно было, измучили своихъ лошадей, а у нѣкоторыхъ тощія кляченки и вовсе издохли подъ тяжестью казенной поклажи (дѣло было въ распутицу). Гора свалилась съ плечъ; только денегъ крестьянамъ не выдаютъ. Ждутъ наши мужички мѣсяцъ, ждутъ другой,—денегъ нѣтъ, какъ нѣтъ. На то селеніе, въ которомъ жилъ Бурдуковъ, приходилось нѣсколько сотъ рублей. Сила, у котораго было до двадцати крѣпкихъ и сытыхъ лошадей, ни мало не безпокоился о полученіи денегъ, собственно ему слѣдовавшихъ. Какихъ-нибудь два три рубля для него ровно ничего не значили. Но эти же два-три рубля много значили для бѣднѣйшихъ крестьянъ. И потому послѣ большаго крику въ приказной, послѣ полугодоваго ожиданія денегъ рѣшено было подать прошеніе объ уплатѣ извѣстныхъ денегъ. «Умная голова», съ вѣчно-подбитымъ глазомъ и вѣчно-пьяный, настрочилъ просьбу и по безграмотству просителей самъ же подписался ихъ личною просьбою. Въ числѣ просителей на первомъ мѣстѣ стояло имя Бурдукова, и онъ же взялся подать прошеніе. Прошеніе подано, обѣщано сдѣлать, что можно. Для нужныхъ объясненій призывается упомянутый Запри-духъ, который, разумѣется, зналъ уже все.

Digitized by Google

— Какимъ это образомъ случилось, что крестьяне Сахалтуйскаго селенія неудовлетворены за доставку такого-то транспорта?

— Удовлетворенье сдѣлано-съ въ свое время, отвѣчаетъ съ должною почтительностію земскій дога.

Да какъ же вотъ они подали прошеніе, пишутъ, что ничего не получали.

— Крестьяне Сахалтуйскаго селенія извѣстные ябедники. Особенно одинъ есть тамъ, который мутитъ все селеніе. Безъ него крестьяне и не вздумали бы никогда подавать просьбу...

— Кто же это смущаетъ ихъ?

— Крестьянинъ Сила Ивановъ Бурдуковъ, съ особеннымъ чувствомъ отвѣчаетъ Запри-духъ.

Взглянули на подписи именъ въ прошеніи. Сила Бурдуковъ написанъ первый.

— Извольте нарядить чиновника въ волость. Тамъ есть росписки крестьянъ въ полученіи денегъ по книгѣ.

— Гм, да! Росписки? Кого же бы послать?

Уже приготовленный на выручку чиновникъ является въ дверяхъ, будто нечаянно.

— А вотъ кстати! Вотъ: дѣло, поѣзжайте въ Сахалтуйское селеніе и справьтесь о полученіи крестьянами денегъ. Да поскорѣе. Я не люблю тянуть дѣла,—понимаете? Это мое правило.

— Слушаю-съ. И вышли вмѣстѣ съ Запри-духомъ. Дѣло закипѣло. Черезъ полчаса чиновникъ уже летѣлъ на тройкѣ въ легонькомъ тарантасѣ по только-что исправленной мужиками дорогѣ, не думая вовсе благодарить ихъ за работу и не подозрѣвая, что легонькій его тарантасъ безъ этой работы изломался бы въ дребезги. Къ вечеру того же дня чиновникъ былъ уже въ извѣстномъ селеніи. Для скорости дѣла не стали спрашивать мужичковъ, получили ли они деньги. Это бы, вопервыхъ, утомило господина чиновника, уставшаго отъ дороги; вовторыхъ, это не было и приказано, а въ третьихъ, что толковать съ грубымъ народомъ свѣтскому молодому человѣку? Въ самомъ дѣлѣ спросы казались лишними. Въ шнуровой книгѣ выписаны были въ расходъ всѣ слѣдовавшія крестьянамъ деньги, и въ полученіи оныхъ даны надлежащія росписки, въ которыхъ значилось, что такими-то и такими-то такія-то деньги серебромъ получены и по безграмотству получателей ихъ личною просьбою такой-то Махалкинъ расписуюсь. Дѣло ясное,—что еще нужно? Мужички собрались-было

Digitized by Google

къ чиновнику, но ихъ не допустили увидѣть его свѣтлыя очи, потому что онъ въ это время былъ занятъ, а именно перемётывалъ съ земскою властію направо-налѣво. Мужики пошумѣли подъ окнами обывательской квартиры,—и разошлись. Черезъ часъ чиновникъ уѣхалъ.

Воротившись въ городъ, доложено обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Явился и Запри-духъ съ скромнымъ выраженіемъ угнетенной невинности.

— Ну, чтожъ, если такъ, то нечего и толковать!

— Но если имъ дать потачку-съ, такъ они-съ постоянно будутъ безпокоить начальство пустыми просьбами. Да при томъ, осмѣливаюсь доложить, не обидно ли это крайне, что они чернятъ меня предъ лицомъ начальства?

Чиновникъ прибавилъ, что мужики при немъ подняли шумъ, дѣлали угрозы, произвели было бунтъ.

— Неужели? А сказывали вы имъ, чьимъ именемъ вы дѣйствуете?

— Какъ же, сказывалъ.

—Чтожъ они?

— Кричатъ, что они знать никого не хотятъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ надо показать примѣръ строгости. Но ужъ это ваша обязанность, господинъ земскій.

Кто изобразитъ радость нашего бульдога? «Теперь-то, голубчикъ, ты въ моихъ рукахъ», думалъ онъ, выходя изъ пріемной.

Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе представить въ городъ главныхъ виновниковъ бунта. Таковымъ оказался одинъ—Сила Ивановъ Бурдуковъ. Его привезли въ городъ и посадили въ *мешокъ*.

Семейство Бурдукова, разумѣется, было въ отчаяньи. Сожалѣли о немъ и своя-братья-крестьяне. Но сила солому ломитъ. Мужички не рѣшились просить за своего собрата. Надо было самимъ Силычамъ хлопотать за отца. И вотъ средній сынъ Силы, побойчѣе другихъ и при томъ грамотный, отправляется выручать своего старика изъ эдикуля. Домашніе съ скорбію и надеждою ждутъ,—что — то будетъ! Настаетъ тѣмъ временемъ страда. Надо работать,—и руки не поднимаются на работу у бѣдныхъ Силычей. Проходитъ недѣля со дня отправленія брата въ городъ,—нѣтъ его; проходитъ другая, — нѣтъ, какъ въ воду канулъ! Тогда сама старая «Бурдучиха» поднимается и ѣдетъ въ городъ. Ей таки удалось хоть въ окошко увидѣть своего старика и подать ему на булку; о сынѣ же она ничего не могла узнать.

Digitized by Google

Между тѣмъ въ одинъ прекрасный вечеръ, часу въ одинадцатомъ подъѣзжаетъ къ тюремному замку человѣкъ, закутанный въ шинель. Надо быть человѣкъ этотъ имѣлъ золотой ключъ отъ замка, потому что его никто не окликнулъ, никто не остановилъ. Неизвѣстный остался въ сѣняхъ и черезъ дежурнаго вызвалъ къ себѣ одного изъ арестантовъ.

— Вотъ что, братъ, заговорилъ сиплымъ басомъ пріѣхавшій. Ты знаешь, за что здѣсь содержишся?

— Знаю, ваше....

— А знаешь, перебилъ сиплый голосъ, чему ты подвергаешся?

— Какъ не знать-съ! Не въ первый разъ.

— Ну, такъ вотъ-что. Если ты хочешь себѣ какого-нибудь облегченія, то при допросахъ долженъ показать въ числѣ своихъ соучастниковъ—Сергѣя Бурдукова, знаешь-того грамотѣя?

— Какъ не знать, знаю. Но онъ никогда....

— Это ужъ не твое дѣло. Все будетъ сдѣлано, какъ надо: это ужъ моя забота. При обыскѣ найдутъ у него, что нужно.

Ну, такъ смотри же!

— Слушаю-съ!

Незнакомецъ уѣхалъ. Арестантъ, вошедши въ общую, арестантскую залу, сейчасъ же съ замѣчательною откровенностію объявилъ своимъ собратьямъ, кто и что ему предлагалъ. Въ заключеніе, въ видѣ нравственнаго урока, прибавилъ:

— Вотъ къ чему насъ само начальство подъучаетъ!

Между арестантами поднялся говоръ и хохотъ. Одинъ только арестантъ не говорилъ, не смѣялся и даже не шевелился. То былъ старый и сѣдой Сила. Сердце его облилось кровью, когда онъ узналъ изъ разсказа выходившаго въ сѣни арестанта, дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій, что вызывавшій былъ никто другой, какъ Запри-духъ, и что сына его замѣшиваютъ въ гнустное дѣло. Но что могъ онъ сдѣлать? Чѣмъ помочь? Убѣждать арестанта, вора и мошенника? Привесть въ свидѣтели прочихъ арестантовъ? Но кто имъ повѣритъ? Да и самому какъ вырваться, когда его стерегутъ, какъ зѣницу ока?

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибы въ одинъ, тоже прекрасный вечеръ часу тоже въ одинадцатомъ, въ одной изъ деревень, подвластныхъ Запри-духу, въ узкомъ переулкѣ, на которомъ не стояло ни одного дома, самъ земскій бульдогъ небылъ найденъ на нозьму мертвый... Земское чрево его было распорото, и тутъ же ле-

Digitized by Google

жало печальное орудіе смерти,—острый осиновой колъ, выдернутый изъ перваго частокола.

Въ заключеніе прибавимъ тоже въ видѣ нравоученья, что виновники смерти земской власти скоро были найдены. Они сами явились въ судъ и объявили, что убили Запри-духа, и что они хотя и виноваты въ убіеніи его, но полагаютъ, что сдѣлали черезъ это доброе дѣло, потому что такого озорника и звѣря еще свѣтъ не раживалъ, и что онъ не оставилъ ни одной деревенской бабы не опозоренною и ни одного мужика неободраннымъ.

Не знаю, къ чему присуждены были виновныя.

Digitized by Google

ОТЪ ВѢРНАГО ДО КАРАКОЛА,

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

Дорога отъ г. Вѣрнаго до Чзунъ-Агачскаго пикета идетъ на западъ, по надгорью снѣговаго хребта Ала-тау, изъ многихъ ущелій котораго, по каменистымъ русламъ, текутъ и пересекаютъ дорогу быстрые потоки и рѣчки. Потоки эти служатъ для орошенія нивъ, посредствомъ арыковъ. На Алматинской долинѣ встрѣчается много кургановъ или насыпей въ видѣ большихъ и малыхъ холмовъ. Вѣроятно, это могилы или памятники древнихъ обитателей этой мѣстности, потому что современныя могилы туземцевъ дѣлаются изъ сырцеваго кирпича и весьма разнообразныхъ формъ, а нѣкоторыя съ зубчатыми стѣнами и башнями по угламъ.

На третьей станціи, Кастекѣ, я ночевалъ съ тѣмъ, чтобъ рано утромъ перевалить Кастекскимъ ущельемъ Ала-тау, выѣхать прямо на Карабулакскій пикетъ и тѣмъ сократить путь на 200 слишкомъ верстъ, а главное,—избѣгнуть опасной переправы черезъ бурную рѣку Чу, около г. Токмака, гдѣ мостъ еще не устроенъ. Мнѣ разсказывали, что на дняхъ областной докторъ переправился черезъ эту рѣку съ опасностью на арбѣ, а ѣхавшій за нимъ въ тележкѣ ящикъ былъ сильнымъ теченьемъ воды опрокинутъ и вытащенъ безъ чувствъ.

По этому, какъ ни тяжело для непривычнаго къ верховой ѣздѣ проѣхать 50 верстъ по горамъ и по доламъ, десятки разъ подыматься и спускаться по крутизнамъ, но все-же лучше, чѣмъ переправляться, съ опасностью для жизни, черезъ бурную р. Чу.

2-го августа я выѣхалъ рано утромъ, 12 часовъ провелъ въ сѣдлѣ, и только въ 8 час. вечера, разбитый и утомленный, пріѣхалъ на Карабулакскій пикетъ.

Кастекское ущелье поражаетъ путешественника дикостію и грандіозностію видовъ; оно все состоитъ изъ скалъ и камней, громоздя-

Digitized by Google

щихся одинъ надъ другимъ, и вотъ между ними-то путешественнику приводится карабкаться, незамѣтно подымаясь ущельемъ въ гору то зигзагами, то винтообразно. Растительность здѣсь очень бѣдна, деревьевъ вовсе нѣтъ. По ущелью шумно пролагаетъ себѣ путь р. Кастекъ.

По утесамъ водится множество горныхъ рябчиковъ, которые бѣгаютъ по камнямъ съ удивительною быстротою и летаютъ только въ случаѣ крайности; встрѣчалось также много дикихъ голубей.— Проводникъ мой разсказывалъ, что весной можно встрѣтить здѣсь множество сурковъ и дикобразовъ, но мнѣ не довелось видѣть ни одного.

Дорога между Карабулакскимъ и Джихъ-Арыскимъ пикетами пролегаетъ по волнообразной поверхности и вообще довольно ровна и удобна для ѣзды въ повозкѣ. Версты за три до пикета снова начинаются горы,—это, такъ сказать, предверіе Буменаго ущелья, по которому и поднимаются на возвышенное плато, гдѣ раскинулось озеро Иссыкъ-Куль. Невдалекѣ отъ пикета замѣчателенъ мостъ черезъ рѣку Чу, перекинутый между двумя скалами, выдавшимися въ рѣку, въ дикой мѣстности, при неумолкаемомъ ревѣ р. Чу. Мостъ этотъ очень красивъ и проченъ: (въ длину 12 саженъ, на высотѣ отъ поверхности воды около 6 саж.). Я долго любовался этимъ дивомъ инженернаго искусства въ такой отдаленной мѣстности. Вѣроятно и постройка его обошлась въ приличную цифру.

Путь по Буменову ущелью къ пикету Кокъ Майнакъ очень опасенъ. Тотчасъ за Джылъ-Арыкомъ мы въѣхали въ ущелье, по которому шумитъ бурная Чу, и до 8 ч. вечера то поднимались, то опускались. Сначала ѣхали по лѣвому берегу рѣки, а потомъ перебрались, черезъ мостъ на правый. Въ переѣздѣ этомъ считается 24 вер., но онѣ равняются 50, потому что весь путь состоитъ изъ спусковъ и подъемовъ; время только въ томъ и проходитъ, что завязываютъ или снимаютъ тормозъ. Въ большинствѣ случаевъ лошади лѣпятся по карнизамъ горъ, гдѣ уже нѣтъ никакой возможности разъѣхаться съ другимъ экипажемъ. Перилъ на карнизахъ нѣтъ, а между тѣмъ тройка едва только можетъ пройти по обрыву. Съ одной стороны отвѣсныя скалы съ нависшими камнями—великанами, а внизу, на страшной глубинѣ едва слышно шумитъ р. Чу.—Невольно какъ-то замираетъ духъ какъ взглянешь внизъ, и по чувству самосохраненія невольно выскакиваешь изъ повозки, не обращая вниманія на убѣжденія ямщика,

Digitized by Google

что лошади скромны и надежны.—Горы здѣсь разнообразныхъ цвѣтовъ: красныя, желтыя, зеленыя, коричневыя и черныя. Растительность весьма бѣдна, деревьевъ почти нѣтъ.

Яницикъ показывалъ мнѣ небольшой кустарникъ, съ котораго собираютъ будто-бы фисташки, но добраться до него по скаламъ весьма трудно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близъ дороги видны большія залежи красной и бѣлой глины и изъ нихъ природа выстроила какъ-бы длинныя зданія въ видѣ казармъ: стоитъ только продѣлать въ нихъ окна и двери. Темнота ночи застигла насъ уже выѣхавшими изъ ущелья, а потому остальной путь совершался хотя тихо, но благополучно. Утомленный и разбитый ѣздою по каменистой дорогѣ, я съ удовольствіемъ напился чаю и легъ спать, съ тѣмъ чтобъ рано утромъ пуститься въ такую-же горную мѣстность, т. е. на слѣдующій пикетъ Куте-Мухды.

Дорога туда идетъ по прежнему ущельемъ съ крутыми подъемами и спусками; есть карнизы но уже не столь высокіе и опасные. *Чу* здѣсь уже не такъ бурлива и похожа на обыкновенную не большую рѣчку. Издали на высотѣ горъ мы увидали обозъ на быкахъ, карабкавшійся по карнизамъ и должны были ожидать, пока онъ спустится, что продолжалось болѣе часу. Если два экипажа не ожиданно встрѣтятся на карнизѣ, то одинъ снимаютъ съ передковъ и спускаютъ обратно до того мѣста, гдѣ можно разъѣхаться. Въ этой мѣстности я встрѣтилъ новый для меня видъ колючаго растенія, называемый по киргизски *Курекъ*,—съ желтыми ягодами; другой видъ того-же растенія, *Терескенъ*, то-же колючее, стелится по землѣ и служитъ любимымъ мѣстопребываніемъ фазановъ.

На 16-й верстѣ мы выбрались изъ ущелья и очутились на возвышенномъ плато въ 5,300 ф. надъ уровнемъ моря, гдѣ и раскинулось широко—озеро Иссыкъ-Куль (теплое озеро). Проѣхавъ благополучно столько опасныхъ мѣстъ гористой дороги и, узнавъ, что путь до г. Каракола идетъ по совершенно ровной мѣстности, я уже считалъ себя совершенно счастливымъ, какъ непредвидѣнный случай задержалъ меня на нѣсколько часовъ и могъ окончиться весьма серьезными для меня послѣдствіями.

На Куты-Мулдынскомъ пикетѣ мнѣ запрягли тройку лошадей въ прочную повозку тюменской работы. Почто—содержатель изъявилъ желаніе проводить меня за 4 версты, т. е. до мѣста первой рыбалки на озерѣ. Здѣсь я осмотрѣлъ сѣти съ крупными ячеями, которыми до-

Digitized by Google

бываютъ сазановъ и маринку, хотѣлъ было полакомиться ухой, но свѣжей рыбы не оказалось, а потому не медля пустился въ путь. На 8-й верстѣ изъ подъ ногъ пристяжной лошади выскочилъ заяцъ, испугалъ ее, она шарахнулась въ сторону, увлекла другихъ лошадей и вся тройка во весь махъ помчалась по кочковатому чію. Ямщикъ и казакъ слетѣли съ козелъ, меня какъ мячикъ перебрасывало въ повозкѣ и повидимому оставалось ожидать сильнаго ушиба или увѣчья; но вдругъ лошади остановились какъ вкопанныя. Выскакиваю изъ повозки и что-же? передніе колеса разлетѣлись въ дребезги, остались одни спицы, что и заставило остановиться лошадей. — Часа 2 привелось дожидаться новыхъ передковъ и тѣмъ временемъ поохотиться на фазановъ, которые по берегу озера водятся во множествѣ. Я встрѣтилъ 2 выводка, но молодые были еще малы, а старыхъ самцевъ-красавцевъ—при нихъ не было.

Дорога до г. Каракола идетъ большею частію около озера Иссыкъ-Куля, то приближаясь, то отдаляясь отъ него; хребты-же горъ Ала-тау и Александровскаго постепенно сближаются. Они окаймляютъ озеро на сѣверѣ и югѣ, что придаетъ ему живописный видъ.—Былъ прекрасный, тихій солнечный день; я долго любовался громадною гладью воды темно-голубаго, а иногда, у береговъ, бѣловатаго цвѣта. Берега озера во многихъ мѣстахъ покрыты кустарникомъ черганакъ и облепихой; здѣсь назадъ тому *три* года, водились во множествѣ кабаны и тигры, но съ проложеніемъ почтоваго тракта и при возникающемъ заселеніи края, животныя эти удалились въ горы. Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ почтосодержателей, поселившійся здѣсь съ 1869 г., что кабаны осаждали его въ только что строющемся пикетѣ, и онъ по цѣлому дню сидѣлъ въ блокадѣ. Охота за этими животными была весьма прибыльна, но небезопасна; случалось убивать кабана вѣсомъ въ 15 пудовъ.

Въ Настоящее время по берегу озера, кромѣ пикетовъ, или станцій для перемѣны лошадей на разстояніи почти 200 верстъ выстроились 2 большія селенія, Сазановское и Преображенское; въ первомъ уже совершенно готова каменная церковь, но нѣтъ еще священника, а въ послѣднемъ болѣе 100 домовъ. Строенія здѣсь большею частію изъ сырцеваго кирпича, выбѣленныя и съ тесовыми крышами, что придаетъ селеніямъ красивый видъ. Крестьяне, переселившіеся сюда изъ разныхъ губерній Россіи и Сибири, повидимому довольны своимъ положеніемъ и занимаются преимущественно хлѣ-

Digitized by Google

богатствомъ. Нетронутая почва и орошеніе посредствомъ арыковъ, съ избыткомъ вознаграждаютъ труды земледѣльцевъ.—Нѣкоторые изъ крестьянъ и почтосодержателей занимаются рыбною ловлею на озерѣ, завели невода и сѣти, но эта промышленность, какъ новая, не приноситъ значительныхъ выгодъ, или по неумѣнью взяться за дѣло, или по недостатку мѣстъ для сбыта рыбы. Конечно, г. Вѣрный и близлежащія станицы съ населеніемъ болѣе 20 т. жителей могли бы быть потребителями промысловой рыбы, еслибъ возможно было доставлять туда рыбу въ свѣжемъ видѣ, но хребетъ Ала-тау, съ своими снѣжными вершинами, крутизнами въ ущельяхъ и пропастями, служитъ неодолимымъ препятствіемъ къ этому. Мнѣ разсказывали, что отъ озера до г. Вѣрнаго прямымъ путемъ около 80 верстъ и есть нѣсколько горныхъ проходовъ, по которымъ можно проѣхать верхомъ въ $1^1/_2$ сутки до города; но путь этотъ сопряженъ съ опасностями и доступенъ не во всякое время года, а зимой почти вовсе не возможенъ.—Я слышалъ, что есть еще одинъ горный проходъ для пѣшихъ; по немъ, въ прежнее время, здѣшніе киргизы обыкновенно отправлялись за Ала-тау на баранту. По этому проходу джигитъ (молодецъ) киргизъ рано по утру съ уздою и нагайкою отправляется на промыселъ;—перелѣзая скалы и перепрыгивая горные потоки съ опасностью жизни, онъ къ вечеру достигаетъ другой стороны хребта, выбираетъ лучшаго скакуна, отгоняетъ при этомъ еще нѣсколько лошадей и гонитъ ихъ ночью верстъ 30 до извѣстнаго, болѣе удобнаго ущелья, по которому уже легко перебраться на свою сторону съ добычей.—Водяной птицы на озерѣ мнѣ видѣть много не довелось,—кромѣ лишь нѣсколькихъ гагаръ, гусей и утокъ; можетъ быть это зависѣло отъ времени года; зимой,—озеро не замерзаетъ, что показываетъ и самое его названіе (Теплое озеро),—говорятъ на немъ водится множество гусей, лебедей и утокъ разныхъ породъ. Изъ другихъ птицъ встрѣчаются: черные аисты, цапли, кулики, кроншнепы, перепелки, чибисы, стада драфъ и бесчисленное множество горныхъ куропатокъ, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, рябчиковъ. Отдѣлъ пернатыхъ хищныхъ весьма разнообразенъ; мнѣ встрѣчались: бѣлоголовый орелъ, бѣлохвостикъ, бородачъ, ястреба разныхъ величинъ и породъ и между ними весьма красивый, величиною съ голубя, бѣлаго цвѣта съ хохломъ на головѣ, въ видѣ сокола.—Около дороги, въ кустахъ, водится бесчисленное множество зайцевъ. Они здѣсь особенной породы, ростомъ гораздо

Digitized by Google

меньше сибирскихъ, цвѣтъ шерсти свѣтло-коричневый, зимой не мѣняется, хвостъ около 2-хъ вершковъ длины, съ черною полосою на верху.

Близъ села Созановскаго озеро начинаетъ съуживаться, а хребты горъ сближаться. Село-же Преображенское расположено въ такъ называемомъ *Тютѣ*, т. е. въ окончательно вдавшемся заливѣ озера. Дровами и строевымъ лѣсомъ крестьяне пользуются изъ горныхъ ущелій; лѣсъ преимущественно еловый; изъ ущелій же достаютъ разныя ягоды: малину, черную смородину; грузди родятся въ изобиліи, а облепихи такое множество, что можно набрать тысячи ведеръ, но говорятъ она не хороша, не годится даже для наливки, потому что сильно отзываетъ деревяннымъ масломъ.—Въ ущельяхъ растетъ извѣстный и употребительный здѣсь такъ называемый Иссыкъ-Кульскій корешокъ (aconit.), отличающійся своею ядовитостію.—Я не видалъ этого растенія; но оно, какъ мнѣ разсказывали, похоже листьями на дикую морковь и имѣетъ такойже продолговатый корень, только бѣлаго цвѣта. Растеніе это будто-бы на столько ядовито, что животныя никогда не подходятъ къ той мѣстности, гдѣ оно растетъ, а человѣку достаточно понюхать, чтобы получить сильную головную боль. Говорятъ, одинъ казакъ, желая привести домой корень этого растенія, выкопалъ его, положилъ въ фуражку между подкладкой и вскорѣ началъ страдать сильною головною болью, до тѣхъ поръ, пока не выбросилъ корешокъ вонъ.—Случаи отравленія этимъ корнемъ здѣсь и въ г. Вѣрномъ, между простонародьемъ, весьма нерѣдки.

Изъ Преображенскаго дорога повертываетъ вправо, къ Александровскому хребту, у подножія котораго и пріютился, при горной рѣчкѣ Каракоякѣ, небольшой, только что возникающій городъ Караколъ, основанный въ 1869 году. Домики большею частью изъ сырцеваго кирпича; прямыя, правильно распланированныя улицы; площадь,—на которой строится каменная изъ жженаго кирпича церковь, могущая вмѣстить около 200 чел. *).

На площади много небольшихъ лавочекъ, въ которыхъ преимущественно торгуютъ сарты разными азіатскими товарами; есть одна русская лавка, въ которой можно купить все необходимое; есть и оп-

*) Богослуженіе совершается во временной церкви, сдѣланной изъ плахъ, обитыхъ кошмой.

Digitized by Google

товый складъ, и ренсковый погребъ. На углу площади строится оригинальное каменное зданіе для кассы или казначейства. Въ немъ нетолько казенныя деньги будутъ храниться за желѣзными рѣшетками и желѣзными ставнями въ окнахъ, но и чиновники должны сидѣть и заниматься также за желѣзными рѣшетками и желѣзными ставнями. Кладовая и внутри не имѣетъ никакого сообщенія съ комнатами, въ нее входятъ чрезъ отдѣльную желѣзную дверь снаружи.

Населеніе Каракола большею частію военное; въ немъ помѣщаются: 1-й туркестанскій линейный баталіонъ, въ полномъ составѣ, гарнизонъ и горная батарея. Служащіе въ этихъ учрежденіяхъ и оживляютъ своимъ присутствіемъ жизнь такого отдаленнаго уголка нашего обширнаго отечества. Не смотря на недавнее существованіе Каракола, въ немъ уже есть очень хорошенькіе домики, прекрасно и хозяйственно расположенные, какъ напр., домъ батальоннаго командира, уѣзднаго судьи, начальника батареи и др.; разводятся сады съ цвѣтниками, устраивается лѣтнее помѣщеніе для клуба, общественный садъ и уже ассигнована порядочная сумма на постройку каменнаго дома для училища. При такихъ быстрыхъ успѣхахъ есть надежда, что лѣтъ черезъ 10 Караколъ сдѣлается хорошенькимъ уѣзднымъ городомъ; а по своему прекрасному и здоровому климату и дешевизнѣ содержанія можетъ привлечь къ себѣ большое число жителей. Лѣтомъ сильныхъ жаровъ не бываетъ, а зима самая умѣренная и короткая. Морозы достигаютъ не болѣе какъ до 10°; на саняхъ почти не ѣздятъ. Сначала былъ здѣсь недостатокъ въ огородныхъ овощахъ; но при правильномъ уходѣ, основанномъ на опытѣ, разныя овощи начали родиться въ избыткѣ; только арбузы не могутъ дозрѣвать и достигать такой величины какъ въ Вѣрномъ. Въ плодахъ также нѣтъ недостатка, но они не мѣстные: яблоки и виноградъ привозятся изъ Кульджи, которая отсюда не очень далеко. Хлѣбъ не дорогъ: мука, какъ пшеничная такъ и ржаная по 35 к. четверть; четверть овса 1 р. 50 к., дрова 2 р. сажень, свѣчи 6 р. пудъ. Дороги только квартиры и привозные товары, — первые оттого что городъ еще неотстроился, а послѣдніе отъ недостатка конкурентовъ.

Въ 15 верстахъ отъ Каракола, по дорогѣ къ Музарту, замѣчательны Аксуйскія горячія минеральныя воды. Дорога, пройдя не большую деревеньку Аксуйскую и деревянный мостъ черезъ Ак-су, поворачиваетъ вправо и лѣпясь по карнизу праваго берега рѣки, доводитъ васъ до минеральныхъ ключей, находящихся въ дикой и жи-

Digitized by Google

вописной мѣстности. Лѣвый берегъ рѣки, почти отвѣсный и скалистый, покрытъ густыми елями; правый, болѣе пологій, усѣянъ громадными глыбами гранитныхъ скалъ. Нѣкоторыя изъ нихъ скатились и заслоняютъ теченіе воды, что заставляетъ горный потокъ бѣшено ревѣть. Первый горячій ключъ вытекаетъ изъ подножія огромной гранитной скалы. Онъ осѣненъ урюковыми деревьями. Вода въ немъ прозрачна какъ кристаллъ, сѣрнаго запаха не имѣетъ, теплота достигаетъ до 30°. Бассейнъ ключа имѣетъ глубины болѣе аршина. Я не разъ погружалъ въ него то одну, то другую ногу, потому что вода казалась горяча, но спустившись всѣмъ тѣломъ, я почувствовалъ пріятную, нѣжную теплоту, съ которой не хотѣлось бы разставаться. Купаясь на Аросанскихъ минеральныхъ водахъ около г. Копала, Семирѣченской области, ощущаешь непріятный запахъ сѣры, который дѣйствуетъ на организмъ разслабляющимъ образомъ; здѣсь же этого не замѣчается и, мнѣ кажется, можно просидѣть въ бассейнѣ не одинъ часъ, не чувствуя никакого непріятнаго ощущенія, кромѣ нѣжащей пріятной теплоты. На другой сторонѣ рѣки есть еще два ключа съ такою же горячей водой; одинъ изъ нихъ бьетъ изъ отвѣсной, нависшей гранитной скалы въ видѣ теплаго дождя, подъ который и становятся или ложатся купающіеся. Мнѣ не довелось испытать удовольствія этого втораго купанья, потому что моста черезъ рѣку нѣтъ: черезъ нее переправлялись по упавшему черезъ потокъ дереву. Это было весьма опасно; нужно было перебираться на колѣняхъ, хватаясь за сучья дерева и имѣя притомъ въ перспективѣ, что при малѣйшей оплошности можно-быть безслѣдно унесеннымъ бурнымъ потокомъ, бѣшено скачущимъ по камнямъ. Въ верховьяхъ Ак-су, говорятъ, есть еще ключъ, въ которомъ вода гораздо горячѣе настоящей. Аксуйскія минеральныя воды, по мнѣнію доктора Ж..... содержатъ въ себѣ много желѣза и щелочей и могутъ быть весьма полезны отъ ревматическихъ и накожныхъ болѣзней. Вѣтви деревъ, осѣняющія ключи, увѣшаны навязанными тряпочками разныхъ цвѣтовъ, вѣроятно это знакъ признательности, излечившихся здѣсь туземцевъ. Съ развитіемъ населенія края и съ устройствомъ на этихъ ключахъ помѣщенія для больныхъ, подобно тому какъ на Аросанѣ, Аксуйскія минеральныя воды могутъ принести значительную пользу. Нѣкоторые изъ жителей Каракола уже пользовались ими и получили облегченіе.

Digitized by Google

Другая замѣчательность Каракола, это озеро Иссыкъ—Куль, находящіеся отъ него въ 12 верстахъ. Постараюсь описать его, частью по разсказамъ здѣшнихъ жителей, частью по личному наблюденію. Озеро Иссыкъ—Куль раскинулось между двумя снѣговыми хребтами; въ длину имѣетъ около 200 верстъ, а въ ширину около 80 верстъ. Вода его солона, но у береговъ, отъ впаденія множества горныхъ рѣчекъ, солона менѣе, нежели на срединѣ; этихъ рѣчекъ насчитываютъ около 80. Въ немъ въ большомъ изобиліи водятся рыбы; сазаны достигаютъ до 25 ф. вѣсу. Рыба очень вкусна и жирна. Русскіе ловятъ ее сѣтями и неводами, а киргизы, какъ не имѣющіе подобныхъ снарядовъ, бьютъ ее палками въ то время, когда она идетъ въ устья рѣчекъ для метанія икры. У туземцевъ есть преданіе, что въ отдаленномъ прошедшемъ на томъ мѣстѣ гдѣ теперь озеро, были два города, которые во время землетрясенія провалились и были залиты водою, что и доказывается разными вещами, находимыми на днѣ озера.

При всей живописной красотѣ, озеро это кажется пустыннымъ, потому что изрѣдка только встрѣтишь на немъ одиноко плавающаго нырка или вдали пронесется вереницею стадо гусей; въ водѣ же при 12 часовомъ плаваніи мы не встрѣтили ни одного живаго существа. Вода, въ отдаленіи отъ береговъ на версту, имѣетъ вкусъ соленоватый, такъ что въ крайности можно употреблять ее въ пищу. Прозрачность ея оказалась вовсе не такова, какъ говорили. Ясно предметы можно разсмотрѣть на глубинѣ не болѣе сажени. Пользуясь этимъ случаемъ, мы разсматривали дно озера и ясно убѣдились, что дно его было прежде обитаемо. Во время плаванія на растояніе $^1/_2$ версты отъ берега водолазы вытаскивали намъ обломки карчагъ, кирпичи квадратные и продолговатые, подержанныя жернова, черепа людей и кувшинъ, довольно порядочно сдѣланный, съ отбитыми ручкой и носкомъ. Мнѣ разсказывали, что здѣсь находятъ даже мѣдныя и бронзовыя вещи; я самъ видѣлъ у крестьянина на станціи Ойталъ бронзовый сосудъ въ $4^1/_2$ фунта въ видѣ опрокинутой глубокой тарелки съ отверстіемъ въ срединѣ на трехъ ножкахъ, довольно хорошей работы, найденный нынѣшнимъ лѣтомъ и отъ него же слышалъ, что ему доводилось видѣть на днѣ озера цѣлые человѣческіе скелеты. Аргонавты, плававшіе здѣсь въ прошломъ году, разсказываютъ, что они видѣли слѣды цѣлыхъ построекъ. Вообще, надобно согласиться съ преданіемъ туземцевъ и предположить, что мѣстность,

Digitized by Google

залитая озеромъ, была обитаема въ прежнее время и вслѣдствіе какого-нибудь неожиданнаго певеворота, залита водою. Глубина озера въ точности не опредѣлена, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросали лотъ на 300 саженъ и не могли достать дна. Берега озера большею частію песчанны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменисты, такъ что саженяхъ въ 200 отъ берега мы съ трудомъ пробирались между подводными камнями. Южные берега озера усѣяны кочевьями киргизъ, а по сѣверным селятся русскіе и проложенъ почтовый трактъ. Вообще это озеро по своей величинѣ, по скрывающимся на днѣ его археологическимъ древностямъ и по множеству рыбы,—заслуживаетъ подробнаго и ученаго изслѣдованія. Правительство, какъ видно, еще ранѣе позаботилось объ этомъ, устроивъ на казенныя суммы большую шлюпку, стоющую 1,000 р., но постройка этого судна была поручена лицу не понимающему дѣла; она оказалось никуда негодной и въ настоящее время покоится на боку, безъ всякаго употребленія.

Путь отъ Вѣрнаго до Каракола, хотя и сопряженъ съ дорожными опасностями, но не представляетъ тѣхъ неудобствъ, какія бы можно было ожидать въ краѣ, только что устроивающимся. Пикеты всѣ сдѣланы изъ сырцеваго кирпича, съ крышами, вымазанными глиною съ рубленной соломой и выбѣлены; они состоятъ изъ 2 отдѣленій, раздѣленныхъ сѣнями; въ одномъ помѣщаются кухня и ямщики, а другое раздѣлено на 2 комнаты, одна для почто-содержателя, а другая для проѣзжающихъ; комнаты содержатся опрятно; въ нѣкоторыхъ стѣны обклеены обоями; вечеромъ даже подаются стеариновыя свѣчи. Большая часть почтосодержателей обзавелись уже полнымъ хозяйствомъ, такъ что проѣзжающій за недорогую цѣну можетъ достать крынку хорошаго молока, курицу, утку и проч. На одномъ изъ пикетовъ меня угощали свѣжею форелью, изжареною съ яицами, и она мнѣ показалась весьма вкусна. На вопросъ, какъ ее ловятъ, отвѣчали, что киргизы бьютъ ее палками по горнымъ рѣчкамъ; и дѣйствительно, поѣхавши на слѣдующію станцію, я видѣлъ нѣсколько, совершенно голыхъ киргизятъ съ палками у рѣчки, вѣроятно занимающихся ловлею форели.

Г. Вѣрный
10 Сентября 1874 г.

Петръ Галицкій.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О КАМЧАТКѢ *).

Колоніи Р. А. Компаніи уступлены американцамъ. Въ это же время Камчатка оставляется на произволъ обстоятельствъ. Портъ въ Петропавловскѣ закрывается; медики отзываются—недугамъ просторъ! О продовольствіи, приготовленіемъ котораго для края напредь сего озабочено было начальство, должны подумать теперь сами жители. А изъ-за-моря, безъ содѣйствія отвнѣ, что тутъ выдумаешь?

Россійско-американскія колоніи изъ добрыхъ рукъ переходятъ въ другія руки добрыя же. Но что будетъ съ Камчаткой? — Оставленная себѣ самой, гдѣ возьметъ она хлѣба, соли, масла, чаю, сахару, свѣчь, мыла, холста для бѣлья, сукна или чего нибудь подобнаго для верхняго платья?

Правда, американцы могутъ привозить въ Камчатку все нами изчисленное. Но подвозъ этотъ не обязателенъ, онъ можетъ быть и не быть. А что, если въ который годъ не вздумается ни одному американцу посѣтить Камчатку для торговли. Лишенія почувствуются невообразимо тяжкія! Допустимъ впрочемъ, что этого никогда не случится; иностранная торговля никогда не измѣнитъ Камчаткѣ, разсчитывая на ея соболей. Но въ состояніи ли она вполнѣ удовлетворить требованіямъ края? Кромѣ изчисленныхъ выше потребностей, есть еще предметы первой надобности, которыхъ иностранцы не доставляютъ; ржаная мука, русскія крупы, русскія постныя масла, русская обувь, русскія недорогія сукна, ладанъ и свѣчи для церквей и пр. и пр. А найдутся ли изъ русскаго купечества охотники снабжать этимъ Камчатку? Вопросъ этотъ вызываетъ другой: какимъ путемъ изъ Иркутска или Якутска купечество будетъ попадать въ

*) Статья эта написана уже давно, но описанное въ ней положеніе Камчатки заслуживаетъ вниманія и въ настоящее время. Ред.

Digitized by Google

Камчатку? Изъ Охотска проплава въ нее, какъ прежде бывало, нынѣ нѣтъ.—Чрезъ Амуръ?—Но что стоитъ хотя бы изъ Иркутска добраться до Николаевска на Амурѣ? Сверхъ того, припасы, заготовленные для Камчатки, при провозѣ ихъ чрезъ Забайкалье и чрезъ все протяженіе При-амурскихъ селеній, во всемъ, по новости, нуждающихся, могутъ быть распроданы еще по дорогѣ, такъ что съ остатками не будетъ кущу разсчета забираться въ Камчатку. Положимъ, что и этого не случится. Но какъ разсчитывать желающему торговать въ Камчаткѣ на отходъ туда судна изъ Николаевска, и на помѣщеніе въ этомъ суднѣ товаровъ? Постановленія на этотъ счетъ еще не существуетъ, и стало быть—все надобно будетъ предоставлять случайностямъ. А на такіе риски не всякій рѣшится.

Наконецъ допустимъ, что въ Петропавловскую гавань приплавлено для Камчатки всего вдоволь—и иностраннаго и русскаго. Что же? Здѣсь только окраина полуострова, состоящая теперь, по вызовѣ оттуда морскаго и гражданскаго чиновничества съ семействами, изъ нѣсколькихъ хижинъ, занимаемыхъ духовенствомъ и кое—кѣмъ изъ мѣщанъ и отставныхъ матросовъ, на торговлю съ которыми разсчитывать нечего. Главные покупатели въ глуби полуострова—камчадалы. А оттуда въ лѣтнее время, когда приходятъ въ Петропавловскъ торговыя суда, никто не покажется, частію по неизвѣстности, что пришло въ Петропавловскъ торговое судно, частію по неудобству въ это время путей сообщенія, а главное—по причинѣ хозяйственныхъ занятій рыбнымъ промысломъ и сѣнокосами, когда, при недостаткѣ рукъ, часъ камчадалу дорогъ. Оставлять товары въ Петропавловскѣ на зиму, и въ это время развозить ихъ по полуострову, въ окружности до 3,000 верстъ на собакахъ, которыя могутъ везти только небольшіе ящички? Чего же будетъ стоитъ храненіе товаровъ, содержаніе прикащиковъ, укупорка и развозка? во что обойдется тогда пара башмаковъ, которые нынѣ, какъ пишутъ изъ Петропавловска, продаются по 5 р. сер. за пару? И такимъ способомъ снабженія вездѣ ли и всѣхъ ли можно будетъ удовлетворить? Торговецъ пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ селеніе въ такое время, когда въ немъ голодъ отъ неулова рыбы (это случается, но не отъ недостатка рыбы, а отъ другихъ случайныхъ причинъ), или нѣтъ на ту пору на лицо ни одного уловленнаго звѣря для мѣны на товары, или жители въ разбродѣ по лѣсамъ: вотъ и торговцу останавливаться здѣсь нѣтъ резона, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ дорожить запасами собствен-

Digitized by Google

наго продовольствія, которое везетъ на тѣхъ же собачкахъ въ небольшихъ ящикахъ и при истощеніи которыхъ рискуетъ питаться туземною юкалою. Въ мою бытность въ Камчаткѣ (1834 — 1846) при значительной конкурренціи торгующихъ иностранцевъ и русскихъ капиталистовъ, каковы были: Иркутскіе — Шелеховъ и Мичуринъ, Якутскіе два брата Шиловыхъ и Колесовъ, — Охотскіе Бушуевы, туземные Калмаковъ и Сахаровъ,—цѣны на русскія произведенія въ Петропавловскомъ портѣ были слѣдующія: пудъ ржаной муки 3 р. 15 к. (цѣны на серебро), тогда какъ она въ Иркутскѣ покупалась по 15 к. Масла скоромнаго и сальныхъ свѣчъ пудъ 20 р. а въ Якутскѣ покупались по 1 р. 75 к. за пудъ: стопа плохой писчей бумаги по 3 р., которая стоила въ Иркутскѣ 50 к., фунтъ сургучу 3 р. Пудъ пшеничной муки, покупавшейся въ Иркутскѣ по 20 к. продавался въ Петропавловскѣ по 11 р. пудъ сахару, стоившаго въ Иркутскѣ 7 р. по 40 р. И за всѣмъ тѣмъ часто не оказывалось ни у русскихъ, ни у иностранцевъ такихъ вещей, которыя на взглядъ мелочь, а въ домѣ необходимы, напримѣръ: утюгъ, сковорода, гребень, шелкъ, нитки, иголки, наперстки. Былъ случай забавный. Въ портѣ не оказывалось ни листа писчей бумаги, а она необходима для приготовляемыхъ по канцеляріи начальника дѣлъ. Одинъ торговецъ открылъ стопу дрянной бумаги, и взялъ за нее 77 р. серебромъ. «Хотите берите, хотите—не берите», говорилъ онъ. Табакъ черкасскій въ этотъ годъ (за неприходомъ изъ Охотска судна) отпускался, и только избраннымъ по 7 р. 15 к. сер. *за фунтъ*. За фунтъ чаю одинъ старикъ изъ иностранцевъ бралъ ни болѣе ни менѣе, какъ лучшаго соболя, если у кого былъ такой. Это было въ цвѣтущее время Камчатки, при ея портофранко, при конкурренціи разныхъ капиталистовъ. Что же будетъ теперь съ бѣдною Камчаткой? Она должна вымереть отъ лишеній.

Въ 12 лѣтъ бытности моей въ Камчаткѣ, я хорошо въ нее всмотрѣлся и всегда приходилъ къ той мысли, что обезпечить Камчатку можетъ только хорошо организованная русская купеческая компанія, которая бы въ Петербургѣ фрактовала судно, нагружала чѣмъ нужно изъ русскихъ произведеній, остальнымъ запасалась бы, какъ то: сахаромъ, сахарнымъ пескомъ, кофеемъ, винами, рисомъ, мануфактурными издѣліями и пр. во время кругосвѣтнаго плаванія на мѣстахъ фабрикаціи и вела бы въ разныхъ пунктахъ Камчатскаго полуострова постоянную торговлю, избавляя жителей отъ необходи-

Digitized by Google

мости за пудомъ хлѣба или за нѣсколькими аршинами холста тянуться чрезъ 500 верстъ и болѣе на собакахъ въ Петропавловскъ, и не допуская дорогимъ звѣрямъ переходить въ руки иностранцевъ. И эта мысль моя, высказываемая бывшему въ Камчаткѣ купечеству, безъ вниманія не оставлена. За нее крѣпко взялся много лѣтъ торговавшій въ Камчаткѣ г. Мамонтовъ, и она была близка къ осуществленію. Компанія устроилась; г. Мамонтовъ былъ уполномоченъ нанять въ Петербургѣ судно, нагрузить его и слѣдовать для водворенія торговли въ Камчатку. Судно было уже заусловлено, но дальнѣйшему ходу дѣла помѣшало какое-то недоразумѣніе, — и за тѣмъ предпріятіе это не возобновлялось.

Припоминаніе объ этой, къ сожалѣнію, не состоявшейся компаніи, приводитъ меня къ новой мысли: почему бы теперь не составиться подобной компаніи? Камчатка послѣднимъ своимъ положеніемъ вызываетъ подать себѣ руку помощи, безъ которой скоро опустѣетъ, и неизчислимыя отъ нея выгоды, которыя при благоразумномъ управленіи несомнѣнны, будутъ доставаться иностранцамъ или пропадать безъ пользы. Въ настоящее время со стороны компаніи услуга Камчаткѣ была бы, какъ нельзя болѣе, благовременна; и Камчатка нашлась бы чѣмъ вознаградить своихъ продовольствователей.

1. На всемъ полуостровѣ камчатскомъ жителей не болѣе 5,000 всѣхъ званій, возрастовъ и обоего пола. Въ этомъ числѣ Комчадаловъ, способныхъ къ звѣриному промыслу, до 800 душъ. И если эти немногіе, развлекаемые домашнимъ хозяйствомъ, благовременнымъ и безвременнымъ развозомъ властей, разсыльныхъ съ бумагами и безъ бумагъ, казенныхъ и частныхъ тяжестей, особенно въ зимнее время, когда ловъ звѣрей,—и по этому не смѣвшіе даже далеко отлучаться отъ домовъ своихъ,—если они, такъ сказать, близъ жилищъ своихъ находили возможность промышлять соболей, лисицъ чернобурыхъ, сиводушекъ и красныхъ, разсомахъ, выдръ, горностаевъ, песцовъ, на столько *), что поддерживали торговлю въ краѣ вышепоименованныхъ капиталистовъ, не считая мелочныхъ торговцевъ, не говоря о взносѣ звѣрей въ ясакъ или въ темныя дачи, которыя едва ли не равнялись открыто выторговываемой купечествомъ пушнинѣ: то что сказать, если бы при управленіи компаніи всякая сторонняя тягость

*) Въ разговорѣ съ купечествомъ узнавалъ я, что соболей изъ Камчатки вывозилось въ годъ до 200 сороковъ.

Digitized by Google

съ камчадаловъ снялась и былъ бы данъ имъ просторъ слѣдить звѣрей уже не вблизи своихъ хижинъ, а въ тѣхъ хребтахъ и ущельяхъ, гдѣ, можетъ быть, не бывала нога человѣческая, между тѣмъ какъ соболи и лисицы остаются тамъ не тронутыми? А кому неизвѣстно, что соболи и лисицы камчатскія превосходятъ качествомъ всѣхъ своихъ соименниковъ и соименницъ на земномъ шарѣ? Сверхъ того камчадалъ, стараясь уловить на ту или другую свою надобность лишь соболя или лисицу, на остальныхъ звѣрей не имѣетъ времени обратить вниманіе. Между тѣмъ въ большомъ изобиліи тамъ медвѣди и волки, и опять съ такими превосходными шкурами, какихъ мнѣ ни гдѣ кромѣ Камчатки, видѣть не приходилось. Компанія усилила бы и эту промышленность.

2. А вотъ посмотрите за устье р. Камчатки, вливающейся въ Берингово море. На льдинахъ чернѣются отдыхающіе превосходные морскіе бобры. Простодушный нижне-камчатскій мужичекъ бацъ изъ ружья: ни въ одного не попадетъ, а всѣхъ распугаетъ. Оттого и промыселъ этихъ дорогихъ звѣрей ограничивается въ годъ 2—3 штуками. При способѣ ловли бобровъ, употреблявшемся Р. А. Компаніею—стрѣлами, дѣло будетъ другое.

3. Рыбы въ Камчаткѣ вкусной, питательной, никогда не пріѣдающейся, извѣстной подъ наименованіями хайка, кижуча и чавычи, отъ 8 до 10 фунтовъ (а чавыча бываетъ въ пудъ и болѣе),—дивное изобиліе. Торговавшіе въ Камчаткѣ американцы, стоя судномъ въ малой губѣ Петропавловской гавани, отъ нечего дѣлать, забрасывали около судна сѣть, уловленную рыбу солили въ бочки, и на Сандвичевыхъ островахъ продавали по доллару штуку. Это вызвало одного изъ камчатскихъ купцовъ (Калмакова) открыть соленою рыбою торговлю за границею. Но его капитала не хватило на обзаведеніе, никто ему не помогъ, и намѣреніе не исполнилось. У насъ въ Иркутскѣ въ магазинахъ на расхватъ раскупаются балыки изъ этой рыбы, приготовляемые въ Охотскѣ, по 1 р. сер. за штуку. А если еще заняться приготовленіемъ сельдей, которыми кипитъ Авачинская губа, тогда можетъ быть не понадобились бы для Сибири и голландскія. Камчатскія сельди особенно хороши копченыя.

4. Въ бытность мою въ Камчаткѣ на рейдѣ стаивало до 50 китоловныхъ судовъ разныхъ націй. Всѣ эти китоловы надѣялись наполнить свои грузы китами, плавающими около камчатскихъ бере-

Digitized by Google

говъ. Сердце болѣло, что такое богатство изъ русскихъ водъ уходило въ иностранныя руки.

5. На западномъ берегу полуострова между рѣками Кликилемъ и Лѣсною, вливающимися въ Охотское море, цѣлые аметистовые утесы. У меня бывало нѣсколько огромныхъ штукъ въ видѣ тыквы, начиненной аметистами. Къ сожалѣнію, по тяжести, не могъ я вывести ихъ въ Иркутскъ.

6. Возвращавшійся изъ Камчатки начальникъ С. Г. Машинъ показывалъ мнѣ самородокъ золота, въ видѣ большой горошины, поднятый самимъ имъ въ Камчаткѣ. Золото это признано было въ Иркутскѣ безпримѣрно отличнаго качества.— Не знаю, въ какомъ количествѣ, но есть въ одной рѣкѣ близъ Курильской лопатки жемчугъ. Нѣсколько зеренъ отъ меня было послано въ Иркутскъ къ преосвященному, и нѣсколько подарено бывшему въ Камчаткѣ на кругосвѣтномъ суднѣ князю Е. А. Голицыну.

Вотъ какими сокровищами обладаетъ Камчатка, только мнѣ поверхностно извѣстными, на которыя до сихъ поръ не было обращено вниманія, и которыя, кажется, достаточно могутъ вознаградить обращенную на этотъ край благоразумную дѣятельность.

Много-ли, и чего бы потребовалось завознаго на продовольствіе края со стороны Компаніи?

Рыбы на всемъ полуостровѣ такое изобиліе, что можно пропитать всю вселенную. И какъ не затѣйлива ловля! Только въ одномъ Петропавловскомъ портѣ ловится она неводами. Въ остальныхъ мѣстахъ, заселенныхъ и не заселенныхъ, рѣки и рѣчки въ лѣтнее время бываютъ набиты рыбою. Гдѣ нужно, рѣку перегораживаютъ кольями, къ которымъ наплываетъ изъ моря рыба, стремясь вверхъ по теченію, въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что отъ наплыва одной на другую, верхніе ряды пекутся уже на солнцѣ, но никогда не спустятся назадъ. Изъ этого резервуара берутъ крючкомъ рыбу, сколько кому надобно. Разъ довелось мнѣ быть на прогулкѣ въ окрестностяхъ Петропавловскаго порта съ однимъ изъ американцевъ, великорослымъ и сильнымъ. Увидѣвъ въ одной крошечной рѣчкѣ такой диковинный заторъ огромной рыбы, онъ сталъ дѣлать опытъ вниманія ея крючкомъ,—вынулъ 800 штукъ, и болѣе трудиться былъ не въ силахъ,—дюжая рука его устала.

Дикіе олени и дикіе бараны даютъ превосходно-вкусную пищу. И если камчадалы не вдоволь ими пользуются, то потому, что хо-

Digitized by Google

дать за ними далеко, — звѣри эти живутъ въ сопкахъ не близко отъ селеній, да и уловленную добычу надобно тащить на себѣ, у него нѣтъ лошади, а собаки въ это время, лѣтнее, бываютъ уже не пригодны.

Кстати о лошадяхъ. Въ Камчаткѣ есть завозныя чрезъ Гижигу изъ Якутска. Къ имѣющимся нынѣ лошадямъ остается прибавить, — стоитъ только приплавить моремъ жеребцовъ и кобылицъ, и при изумительной растительности полуострова, онѣ размножатся скоро.

И коровы въ Камчаткѣ есть также завозныя. Доятся по три раза въ лѣтній день, молока даютъ много и хорошаго. Теперь ихъ въ Камчаткѣ небольшое число, однакожъ такія, что изъ селеній привозилось на продажу въ Петропавловскій портъ коровье мясо въ значительномъ количествѣ, и продавалось въ мою бытность по 7 р. 15 к. сер. за пудъ. Въ теченіе 12 лѣтъ одинъ я могъ бы имѣть порядочный табунъ рогатаго скота, если бы рѣшительно не препятствовалъ этому недостатокъ рабочихъ рукъ. При всемъ изобиліи травъ не было возможности запасти сѣна на зиму болѣе, какъ на одну, а много-много на двѣ скотины. Остальныхъ необходимо было убивать. Матросамъ (всей команды было тогда человѣкъ до 30) не до того, чтобъ заниматься для сѣнокошенія другимъ; имъ надобно было и рыбу запасать, и каждому свою корову прокормить, и избу покрыть, и въ тоже время службу нести. Но будь руки для поставки сѣна, тогда рогатый скотъ до того бы расплодился, что и мяса бы жители не проѣдали, и масло было бы свое, не завозное.

Начальникъ Камчатки Шаховъ разводилъ свиней, доставленныхъ на иностранномъ суднѣ. Какое имъ было приволье! Не знаю, продолжается ли теперь свиное племя.

Хлѣбопашество въ Камчаткѣ дѣло доказанно-возможное. Если оно теперь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, то опять отъ недостатка рабочихъ рукъ.

Овощи родятся всѣ (кромѣ огурцовъ) въ изобиліи, крупнаго и лучшаго качества.

Сланецъ кедровникъ, покрывающій весь полуостровъ, даетъ орѣхи, не много помелче иркутскихъ, но за то вкуснѣе ихъ. И это продовольствіе пропадаетъ отъ неимѣнія рукъ для собиранія, тогда какъ, при устраненіи этого препятствія, можно бы въ избыткѣ выдѣлывать орѣховое масло, и даже отправлять за границу.

Digitized by Google

Ягодъ: морошки, голубели, особенно пріятнаго вкуса жимолости, брусники, черницы, шикши, черемхи—многое множество.

Послѣдній начальникъ Камчатки Р. Г. Машинъ обратилъ вниманіе на камчатскую крапиву. Собралъ въ портъ нѣсколько дѣвочекъ изъ селеній, указалъ имъ ткать изъ крапивы полотно. Вещь вышла прекрасная. Я имѣю у себя образецъ такой ткани *).

Во всякомъ случаѣ снабженіе полуострова не представило бы особенныхъ затрудненій для компаніи, равно и для торговли. Складочные пункты на первый разъ могли бы быть *въ Петропавловской гавани*, по восточному берегу *въ Ключевскомъ* многолюдномъ предъ прочими и центральномъ *селеніи* отъ Нижнекамчатска вверхъ по р. Камчаткѣ въ 80 верстахъ, и *въ селеніи Дранкинскомъ*, гдѣ центральная для сѣверныхъ камчадаловъ и для олеторцевъ церковь. По западному берегу *въ Большерѣцкѣ* и *Тигилѣ*. Во всѣ эти мѣста доставка моремъ. Рейды давно извѣданные, развѣ кромѣ Дранкинскаго. Въ Дранку и Тигиль будутъ пріѣзжать за покупками съ своими пушными звѣрями ближайшіе къ первой олеторцы, и кочующіе близъ Тигиля коряки, съ Анадыря чукчи, и изъ Гижиги торгующее тамъ купечество, чѣмъ хлопотать ему о доставкѣ товаровъ и продовольствія изъ Иркутска. Эти соображенія на первый разъ, а тамъ время и опытъ указали бы, что надобно дѣлать.

4 Іюля 1867 г.
Иркутскъ.

Протоіерей **П. В. Громовъ.**

---

*) Когда въ 1848 году прибылъ въ Иркутскъ г. генералъ-губернаторъ Муравьевъ, и удостоилъ меня вопросами о Камчаткѣ, я сказалъ ему: населите Камчатку, чтобъ не было въ ней недостатка въ рабочихъ рукахъ, и этотъ край ничего отъ правительства не потребуетъ, а самъ дастъ правительству много.— Николай Николаевичъ, обсудивъ мысль мою со всѣхъ сторонъ, призналъ ее, при своемъ проницательномъ умѣ, вѣрною, и началъ заселять край чрезъ вызовъ семействъ изъ Россіи, и уже водворилъ нѣсколько; но потомъ отвлеченъ былъ Амуромъ, и Камчатка осталась по прежнему безлюдною.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ

О ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ СТАРООБРЯДЦАХЪ *).

На оффиціальномъ языкѣ забайкальскіе старообрядцы называются «раскольниками поповщинской секты»; но въ строгомъ смыслѣ едва-ли можно примѣнить къ нимъ названіе раскольниковъ. У нихъ нѣтъ, и не было, ни перекрещенцевъ, ни самокрещенцевъ, ни щельниковъ, ни бѣгуновъ, ни самосожигателей; они сами не выдумали никакого обряда, не сочинили ни одного догмата, не присвоили себѣ отъ духовенства никакой принадлежащей ему власти,—однимъ словомъ, ни одной іоты не прибавили и не убавили въ церковномъ уставѣ, противъ того, какимъ онъ былъ въ древней Руси, до патріарха Никона. И если въ настоящее время они обходятся безъ священства и сами совершаютъ нѣкоторыя таинства, да и то въ предѣлахъ, тоже дозволенныхъ церковнымъ уставомъ, то единственно потому, что не могутъ имѣть священника на тѣхъ условіяхъ, на какихъ желали-бы этого.

Даже для самаго поверхностнаго, не слишкомъ проницательнаго наблюдателя, видно будетъ у забайкальскихъ старообрядцевъ это отсутствіе «духа секты». Каждый сектаторъ, разговаривая съ вами о вѣрѣ, непремѣнно начнетъ порицаніемъ другихъ вѣръ, и конечно невольно выдвинетъ на первый планъ причину своего отдѣленія отъ прочихъ. Дьяконовецъ, напримѣръ, тоже поповской секты, сколько ни будетъ толковать съ вами о передѣлкѣ книгъ, о патріархѣ Никонѣ, а все-таки собьется на троекратное крестообразное сложеніе какъ, помимо другихъ, самую главную причину раскола. Такая idea fix есть у каждаго настоящаго раскольника; а ее-то именно вы и не найдете у забайкальскихъ старообрядцевъ. Ученіе объ антихристѣ и близкой кончинѣ міра,—ученіе общее всѣмъ раскольничьимъ сектамъ; и чѣмъ строже, запутаннѣе ученіе какой-либо секты, тѣмъ бо-

*) Трудъ этотъ принадлежитъ сибирскому этнографу и бывшему члену Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества Н. П. Ушарову; авторъ занимался изслѣдованіемъ пѣсенъ и бытомъ старообрядцевъ. Умеръ въ 1873 году.

Digitized by Google

лѣе придается важности явленію антихриста, со всѣми его послѣдствіями. У забайкальскихъ старообрядцевъ это ученіе не набрасываетъ такой мрачной тѣни на жизнь и вѣру, какъ у другихъ; объ немъ упоминается только въ такихъ случаяхъ, въ какихъ помянетъ его и нашъ монахъ, или просто человѣкъ, начинающій слишкомъ внимательно заботиться о спасеніи своей души, или напуганный страшными разсказами объ антихристѣ, и не болѣе... И это, по моему, тоже идетъ за доказательство, что забайкальцы только старообрядцы, а не сектаторы *).

Теперь поговоримъ о вѣрѣ съ самими старообрядцами.

— Какой вы вѣры? спрашиваетъ ихъ какой-нибудь случайно забравшійся къ нимъ проѣзжающій.

— Да извѣстно какой: изъ старообрядцевъ, «семейскіе» (общее названіе старообрядцевъ по Забайкалью, вѣроятно отъ того, что они были переселены семьями, а не въ одиночку, какъ вообще поселенцы),—не словоохотливо, коротко отвѣтитъ на такой вопросъ старообрядецъ заподозривъ въ немъ одно только пустое любопытство, желаніе поболтать отъ нечего дѣлать.

— Вѣра наша настоящая православная, апостольская, «юже предки наши пріяли отъ святыхъ отецъ и вселенскихъ учителей и свѣтильниковъ», начнетъ витійствовать какой-нибудь начитанный старецъ хорошо знакомому и притомъ надежному человѣку,—и затѣмъ пойдетъ хорошо извѣстная исторія патріарха Никона и передѣлки священныхъ книгъ, снабженная кучей идущихъ и неидущихъ къ дѣлу текстовъ, словъ отъ писанія и церковнославянскихъ оборотовъ, даже простой, разговорной рѣчи. Передать эти разсказы прямо, какъ я слышалъ ихъ изъ устъ разсказчиковъ,—трудно, да и нѣтъ никакой необходимости, потому что, несмотря на особенности, которыя придаютъ разсказу личный характеръ разсказчика и степень его одушевленія, общій смыслъ ихъ всегда остается одинъ и тотъ же: «патріархъ Никонъ, сосудъ діавольскій, предтеча антихриста, по наущенію діавола, завистникъ и человѣкоубійца бѣ искони, соблазнилъ благочестиваго царя Алексія Михаиловича на перемѣну книгъ; вывелъ благодать изо всей земли русской; дьяволъ же, увидѣвъ ее сиру и беззащитну, аки вдовица, наслалъ на нее разную скверну, въ видѣ различныхъ новшествъ, и поставилъ наемниковъ и волковъ хищныхъ пастырями стада христова, которые конечно погубили и разогнали овецъ, и только малая часть ихъ спаслась и донынѣ спасается въ лонѣ поповщинской секты».

— Такъ вотъ ты теперь самъ и разсуди, кто вѣру-то раскололъ? мы, или ваши попы да «архиреи»?—обыкновенно добавляетъ разсказ-

*) Тамъ же, за Байкаломъ, въ селеніяхъ Шарихѣ, Жиргамѣ и отчасти въ Окинскихъ ключахъ есть и безпоповцы; но говоря о старообрядцахъ, я разумѣю единственно поповщинскую секту.

Digitized by Google

чикъ, уже безъ всякой книжности, своимъ обычнымъ, будничнымъ выраженіемъ.

Тоже скажутъ они и священнику, только больше текстовъ и поменьше энергическихъ выраженій, въ родѣ «сосудъ діавольскій», «предтеча антихриста» и т. п.; конечно, не спросятъ въ заключеніе, кто раскололъ вѣру; но за-то, при началѣ, непремѣнно оговорятся: «тебѣ, отецъ, лучше знать; ты человѣкъ грамотный, слово Божіе видишь, а мы слѣпцы, такъ слѣпцы и есть», и такимъ простодушнымъ тономъ, что человѣкъ безхитростный вовѣкъ не догадается, что это не настоящее сознаніе своего невѣжества, а просто самая злая иронія, только прикрытая маской смиренія.

— Какой вы вѣры? спрашиваетъ ихъ засѣдатель на слѣдствіи. Стоятъ себѣ бѣдняки, потупивъ голову и переминаясь съ ноги на ногу; имъ больно, досадно, стыдно; языкъ не ворочается вымолвить позорное, роковое слово.

— Сами знаете, ваше благородіе, такъ и пишите.

— Да почемъ же я знаю? я напишу такъ, а тамъ окажется какъ нибудь иначе. Ты скажи, такъ я и буду знать.

— Да мы, извѣстно, старой вѣры, ваше благородіе.

— Да нѣтъ, братецъ, такой вѣры у насъ и по закону не полагается... Ну, какой же?

— Куналейской, брякнетъ какой нибудь простякъ, думая хоть названіемъ своей родимой деревни (Куналей) отдѣлаться отъ прямаго отвѣта.

— И этакой нѣтъ, а есть вотъ раскольники поповщинской секты.

— Эхъ, не пиши ты пожалуста насъ раскольниками; не любимъ мы этого... Не ругай насъ ни за-что, ни про-что.

— Чтожъ дѣлать, братцы, нельзя, законъ...

И выходитъ старообрядецъ отъ слѣдователя оскорбленный до глубины души, съ готовымъ проклятіемъ на губахъ, съ затаенною злобою въ сердцѣ противъ гонителей, и еще съ большею увѣренностію въ своей правотѣ, большею твердостію въ убѣжденіи,—вотъ-де «сейчасъ сподобилъ Господь пострадать за вѣру», «снесъ поруганіе».

Ересь, расколъ, анафема.... какъ странно звучатъ эти слова для нашего непривычнаго уха! Мы знаемъ ихъ настоящій смыслъ, но для насъ они уже безвозвратно потеряли, утратили свое истинное угрожающее значеніе; оно осталось далеко назади, вмѣстѣ съ пытками, кострами, проклятіями и другими спутниками грубаго невѣжества и фанатизма.

Было бы странно, чтобы не сказать болѣе, еслибъ кто нибудь изъ нашего просвѣщеннаго общества вздумалъ употребить эти старыя слова, придавая имъ серьезное значеніе. Но въ низшемъ, не развитомъ кружкѣ они еще употребляются, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, и лежатъ тяжелымъ ярмомъ на цѣлыхъ массахъ полезнаго, трудолюбиваго населенія.

Digitized by Google

II.

Крестится старообрядецъ двумя пальцами, среднимъ и указательнымъ, а три остальные, соединяя вмѣстѣ, пригибаетъ къ ладони; крестъ кладетъ отчетливо, не торопясь и не иначе какъ по правилу, т. е. непремѣнно на лобъ, на животъ и на оба плеча, твердо ударяя по нимъ двумя перстами. Крестъ и молитва у него непремѣнно начинаютъ и оканчиваютъ всякое дѣло: крестясь, онъ входитъ къ вамъ въ комнату, крестясь, садится за столъ, крестится, принимаясь за столомъ за новое блюдо, крестится передъ каждымъ стаканомъ воды, квасу или водки, и уходитъ домой, тоже помолясь передъ образами.

«Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ»,—читаетъ хозяйка такъ называемую старообрядцами Ісусову молитву, открывая трубу у печки или просто окно. «Господи Ісусе»..... шепчетъ она надъ каждымъ горшкомъ, стряпая обѣдъ. «Господи Ісусе», шепчетъ она слышите вы, когда подается на столъ; «Господи Ісусе», слышите вы цѣлый день, и даже ночью забѣжавшіе за какою нибудь надобностью сосѣдъ или сосѣдка, стукнутъ въ окно и прочтутъ громко, такъ чтобъ слышали въ комнатѣ: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». «Аминь», отвѣтятъ имъ изнутри и только тогда уже отворятъ окно или двери. Не зная этого обычая, вы рискуете простоять хоть цѣлую ночь безъ отвѣта, или что еще хуже, васъ могутъ принять за назойливаго бродягу и внезапно угостятъ обухомъ или дубиной.

Кромѣ этой, почти не сходящей съ устъ старообрядцевъ молитвы, они молятся утромъ, передъ завтракомъ, и вечеромъ, ложась спать. Для этихъ молитвъ вся семья собирается вмѣстѣ и кто нибудь, преимущественно грамотный изъ семьи, читаетъ молитвы. Молитвы употребляются тѣ же самыя, что и у насъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ словахъ; напримѣръ, въ молитвѣ Богородицѣ, они вмѣсто словъ «благодатная Маріе» читаютъ «обрадованная Маріе»; пасхальный припѣвъ «Христосъ воскресе» читается «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи и гробнымъ животъ даровавъ», и т. п. Какъ при этихъ общихъ домашнихъ молитвахъ, такъ и при каждомъ общественномъ богослуженіи въ молельной или часовнѣ, кладутъ «началъ»—семь, положенныхъ уставомъ, земныхъ поклоновъ. «Метаніе» это творится прямо съ ногъ, какъ только стоишь, не становясь на колѣни а только сгибая ихъ. На полъ въ это время набрасывается «подручникъ», небольшой коврикъ, сшитый нарочно для этого случая изъ какой-нибудь матеріи, иногда шелковый, и обшитый вокругъ цвѣтною лентою или тесьмой. На этотъ коврикъ, при поклонѣ, крестообразно опираются руками.

Digitized by Google

Если не случится близко подручника, — подстилаютъ подъ руки полу армяка или халата, а женщины конецъ запона. При поклонѣ требуется не слегка только прикоснуться лбомъ къ землѣ, а непремѣнно стукнуть, такъ чтобъ было и слышно другимъ и самому чувствительно. Выраженіе «бить поклоны», «челомъ бить» принимается и исполняется здѣсь буквально, въ прямомъ смыслѣ, безъ всякаго снисхожденія. Старики и старухи употребляютъ при молитвѣ «лествовки»,—родъ кожанныхъ четокъ, гдѣ вмѣсто зеренъ нашиты кожанные валики.

Старообрядческое правило гласитъ: «съ еретиками и невѣрными на молитвѣ не стояти». Въ силу этого правила, во время семейной молитвы, меня, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, или выпроваживали изъ избы, или просили, если мнѣ ужъ припало такое сильное желаніе молиться, помолиться отдѣльно, не мѣшаясь съ ними. Только послѣ долгихъ усилій я добился возможности участвовать въ этихъ молитвахъ.

Кромѣ частныхъ домашнихъ молитвъ, у старообрядцевъ бываютъ еще и общественныя богослуженія, на которыя они собираются или въ часовни, гдѣ онѣ есть, или въ особенно для того назначенную квартиру (молельная). Тамъ служатъ они заутрени, часы, каноны, вечерни и такъ называемыя «панафидки» (панифиды, литіи). Душою и главнымъ распорядителемъ этихъ собраній бываетъ «уставщикъ», а ему помогаютъ въ службѣ «дьяки».

За каждою службой уставщикъ кадитъ ладономъ образа, говоритъ возгласы, читаетъ евангеліе и вообще распоряжается всѣмъ ходомъ службы. Уставщикъ же креститъ, исповѣдываетъ и даже, говорятъ, пріобщаетъ старообрядцевъ, но справедливо ли послѣднее, положительно сказать не могу; можетъ быть, я успѣлъ бы собрать объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія, еслибъ мнѣ пришлось подолѣе пожить между старообрядцами и притомъ не при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя собственно и заставили меня выѣхать оттуда, далеко не кончивъ своего дѣла. Но теперь я совершенно не могу объяснить, что такое разумѣютъ старообрядцы подъ словомъ «исправиться», а могу только указать на нѣсколько примѣровъ его употребленія.

— Такъ то хорошо, родимая, померъ; «исправился совсѣмъ», — разсказываетъ одна женщина другой о какомъ нибудь покойникѣ.

— Пришелъ это онъ, легъ на лавку, уйдите, говоритъ, всѣ, не мѣшайте, чего то маленько сонъ клонитъ, потомъ прибѣжали, а онъ ужъ совсѣмъ кончается; такъ и «исправить» не успѣли.

— Куда это Яковъ Тихоновичъ ѣздилъ? спрашиваю я старика, указывая на проѣхавшаго мимо уставщика.

— Незнаю, видно «исправлялъ» кого нибудь, поди не у Назаровали; старуха то, говорятъ, у нихъ ужъ очень худа.

Digitized by Google

Уставщикъ служитъ, крестить, «исправляетъ»; но онъ не можетъ ни вѣнчать, ни соборовать, ни служить обѣдни; и потому его никакъ не должно смѣшивать съ попами. Уставщикъ,—просто грамотный человѣкъ, хорошо изучившій церковный уставъ, не больше, и не имѣетъ никакого особеннаго мистическаго значенія; а если и пользуется общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, то не какъ духовная особа, а какъ человѣкъ ученый, знающій болѣе другихъ; этотъ почетъ доставляетъ ему не санъ, а знаніе. Въ образѣ жизни уставщикъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ крестьянъ и не пользуется никакими особенными правами и преимуществами. Впрочемъ, о частной жизни уставщика я буду говорить впослѣдствіи, а здѣсь, по поводу уставщиковъ, разскажу одинъ примѣръ того, какъ осторожны, боязливы старообрядцы относительно всего, что хотя сколько нибудь касается ихъ религіи, и какъ даже дѣтямъ внушена въ этомъ отношеніи крайняя осторожность.

III.

Великимъ постомъ случилось мнѣ остановиться въ одной старообрядческой деревнѣ, гдѣ меня еще мало знали. Я скоро сошелся съ тамошнимъ уставщикомъ, и разъ утромъ пригласилъ его къ себѣ въ гости. Погостивши у меня, уставщикъ сталъ звать меня къ себѣ. Я обѣщался зайти вечеромъ и спросилъ, гдѣ онъ живетъ.

— А вотъ изъ воротъ пойдешь ты на лѣво; тамъ поверни въ проулокъ, къ часовнѣ; тутъ будетъ тебѣ мостъ. За этимъ мостомъ еще пройди мостъ; тамъ увидишь маленькій мостикъ; тутъ около него, и есть...

Вотъ, вечеромъ, я и отправился изъ воротъ на лѣво, попалъ и на часовню въ проулокъ, миновалъ и оба моста, дошелъ и до маленькаго мостика и принялся разъискивать уставщика.

Одѣтъ я былъ тогда въ казанскій полушубокъ, голубой шелковый кушакъ, козловые сапоги съ красными отворотами. На мнѣ были очки и малиновая бархатная шапка съ бобровымъ околышемъ. Не смѣйтесь надъ этимъ описаніемъ: костюмъ мой, какъ вы увидите, возъимѣлъ свое значеніе.

— Эй, дѣвочка! гдѣ здѣсь живетъ уставщикъ?

— А тебѣ на что?

Даже теперь, при воспоминаніи объ этой встрѣчѣ, мнѣ стоитъ только закрыть глаза, и я какъ будто снова вижу передъ собой худенькую фигурку 9-ти лѣтней дѣвочки, которая пытливо выглядываетъ на меня изъ подъ навислаго на лобъ краснаго платка, завя-

Digitized by Google

заннаго подъ подбородкомъ, бойкими сѣроватыми глазками; какъ теперь вижу черный валеный армякъ, слегка накинутый на плечи, и маленькую рученку, всю покрасневшую отъ холода.

— Да видишь, вотъ умирать собираюсь; хочу «исправиться» пошутилъ я съ ней.

— Да тебя и стягомъ поди не скоро зашибешь; ишь ты какой здоровый,—одоли *) быкъ.

Мы все шли впередъ и мостикъ уже остался за нами.

— Ну такъ укажи же гдѣ?

— Ладно, да ты какой-такой? городской что ли?

— Нѣтъ, я вашъ, деревенскій.

— Вотъ и брешишь: у насъ такихъ нѣту; знать зачѣмъ изъ города пріѣхалъ къ нашему Гаврилѣ Семенычу.

— Нѣтъ, я не изъ города, я изъ Куналея (названіе селенія).

— Вотъ что; а ты у кого приставалъ?

Но во время этихъ разспросовъ мы все дальше и дальше уходили отъ мостика, и я вспомнилъ, что въ одномъ изъ домовъ я видѣлъ на окнѣ нѣсколько толстыхъ книгъ. «Не тутъ ли живетъ уставщикъ?» подумалъ я и обратился съ этимъ же вопросомъ къ дѣвочкѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, и совершенно отвлекла мое вниманіе неожиданнымъ комплиментомъ: «у тебя ноги-то знать маленькія?».

— Какія же маленькія, ты почемъ знаешь? И я какъ дуракъ началъ разсматривать свои ноги, точно ихъ въ первый разъ вижу, и придумывать, отчего-бы это онѣ могли показаться ей маленькими.

— А какъ же, по сапогамъ развѣ не видно?

— Эй, стой, воротись! кричалъ запыхавшись парень, посланный за мной уставщикомъ.

— У, еретица! прикрикнулъ парень на мою провожатую, когда я ему объяснилъ, въ чемъ было дѣло, то есть по чьей милости я прошелъ мимо дома, а пожалуй и вовсе не нашелъ бы его, еслибъ онъ не подоспѣлъ ко мнѣ на выручку. «Чтожъ ты не показала, когда тебя спрашивали»?

— А на что ему дѣдушку? гнѣвно, чуть не съ крикомъ сказала дѣвчонка, и скрылась куда-то въ ворота. Моя чудачка, по костюму и тѣмъ болѣе по очкамъ, заподозривъ во мнѣ посторонняго, даже, можетъ быть, опаснаго человѣка, положила, во что бы то ни стало, отвести меня подальше отъ уставщика, а потомъ, вѣроятно, и сама бы куда нибудь скрылась, указавъ мнѣ совершенно на противоположную сторону.

Званіе уставщика пожизненно, и онъ избирается единогласно всѣмъ міромъ. Иногда тутъ бываетъ и разноголосица; но все-таки

*) Бурятское слово, употребляемое всѣми русскими въ Забайкальи; оно значитъ: «точь въ точь» «какъ будто» и т. д.

Digitized by Google

большинство утверждаетъ избраннаго, а остальные, хотя и не хóтя, но до времени, чтобы не заводить по напрасну смуты и розни съ другими, ходятъ въ избранному и заводятъ своего особеннаго только тогда, когда найдутъ достаточную причину для несогласія.

Напримѣръ, въ настоящее время *) въ селеніи К. два уставщика и двѣ молельныя. Не очень давно былъ только одинъ выбранный въ уставщики потому, что онъ человѣкъ грамотный, знающій и долго былъ головщикомъ на лѣвомъ клиросѣ, во время послѣдняго въ томъ краѣ попа Баршева. Но явился претендентъ на это мѣсто, еще не старый мужчина, внукъ раньше бывшаго уставщика, нѣкто, положимъ, хоть Роженьщиковъ. Дѣдушка научилъ его грамотѣ, оставилъ ему въ наслѣдство много книгъ, необходимыхъ при богослуженіи, а порядокъ то ужъ смекнулъ онъ самъ, и давай съ нѣкоторыми недовольными,—которыхъ не очень-то много и все больше Роженьщиковы же—его родня и однофамильцы—дожидаться случая къ отдѣленію. Случай скоро представился. Умеръ въ селеніи Карпъ К., богачъ и, вдобавокъ, еще хлѣбосолъ и кутила. Извѣстно было, что онъ сильно кутилъ передъ смертью и упалъ съ лошади, катаясь пьяный верхомъ; умеръ онъ скоропостижно, даже не успѣлъ «исправиться», но отъ вина-ли, отъ ушиба-ли, не было положительно извѣстно. Собрались старики, пригласили уставщика и схоронили бѣдняка какъ слѣдуетъ, по обряду. Вотъ за этотъ-то случай и ухватились Роженьщиковъ съ братіей. «Какъ-де вашъ уставщикъ-то отпѣлъ по христіански пьяницу, винопійцу, опивца, этакъ онъ пожалуй и всякаго отпоетъ». Разъискали тамъ еще что-то и стали молиться особо, подобравши къ себѣ семей десятокъ, но и тѣ, кажется, скоро перейдутъ къ старому уставщику, потому что въ послѣднее время они сами отпѣли тоже уже явнаго «опивца». Другая сторона сильно взялась-было за это дѣло; но тутъ я долженъ былъ оставить старообрядческія селенія и не дождался конца этого дѣла.

«Что баба, то вѣра, что мужикъ, то и толкъ», говоритъ св. Димитрій Ростовскій про раскольниковъ; но это выраженіе не вполнѣ примѣняется къ нашимъ забайкальскимъ старообрядцамъ. Если у нихъ когда и бываютъ случаи въ родѣ описаннаго мною, то чрезвычайно рѣдко, въ видѣ исключенія изъ общаго правила.

У уставщика есть помощникъ, который во всѣхъ случаяхъ можетъ замѣнять уставщика, и «дьяки».

Дьякомъ можетъ быть всякій желающій; надобно только умѣть хорошо «дьячить», т. е. читать и пѣть по церковному; «дьячатъ» по большей части мальчики лѣтъ 11—14-ти, и старики. За «дьяченье» они почти ничего не получаютъ, развѣ нѣсколько калачей и бѣлый хлѣбъ на поминкахъ, или нѣсколько копѣекъ въ дѣлежѣ денегъ,

*) Писано въ 1864 году.

Digitized by Google

набросанныхъ въ субботу за панафидки. А мальчики, если кто изъ нихъ и вздумаетъ немного поважничать своимъ званіемъ, и напримѣръ подражать въ походкѣ осанистой перевалкѣ старыхъ дьяковъ, то пожалуй сейчасъ же услышитъ отъ своихъ недьячащихъ собратій:

— Смотрика-ка, ребята, дьяки идутъ: вона, какъ переваливаютъ! ишь какъ нажрались на поминкахъ-то!

— Эй, Гришка, да ты полегче: неравно лопнешь...

IV.

Мнѣ кажется, лишнее будетъ и говорить о томъ, какимъ уваженіемъ пользуются у старообрядцевъ св. иконы: только ими уставленъ передній уголъ въ каждой избѣ и стоятъ онѣ не просто на полкѣ, какъ у нашихъ крестьянъ, а непремѣнно на пеленѣ, которая уже приколочена къ стѣнѣ. Снимая ихъ со стѣны, старообрядецъ никогда не коснется ихъ голой рукой, а непремѣнно прихватитъ пеленой или чистымъ платкомъ. Но не всѣ безразлично иконы уважаются старообрядцами, а только тѣ, на которыхъ видны явные признаки до никоновской древности, или которыя писаны самими же старообрядцами. Чѣмъ больше икона, тѣмъ дороже она цѣнится. Весьма понятно, что при такой оцѣнкѣ искусства нельзя ожидать слишкомъ художественныхъ произведеній. И точно: всѣ образа написаны на одинъ манеръ, въ византійскомъ вкусѣ: большое темное изображеніе на свѣтломъ, вызолоченномъ или просто подъ—золото желтомъ фонѣ. Даже содержаніе ихъ какъ-то однообразно: Спаситель, Богородица, Іоаннъ Предтеча съ чашей въ рукѣ и лежащимъ въ чашѣ агнцемъ, въ видѣ человѣка, Николай чудотворецъ и фамильныя имянныя иконы. Образовъ, изображающихъ какія либо событія изъ церковной исторіи или изъ жизни святыхъ, нѣтъ вовсе. Когда я показалъ старообрядцамъ лубочное изображеніе страшнаго суда, они прямо назвали его картиной. Впрочемъ, и самое состояніе тамошней живописи мѣшаетъ появляться подобнымъ изображеніямъ.

Недостатокъ художественности въ живописныхъ изображеніяхъ нѣсколько выкупается отличною, чисто художественною отдѣлкой образовъ другаго рода. Образа эти,—такъ-называемые складни, литые и чеканенные изъ мѣди. Въ числѣ ихъ, на ряду съ грубыми изображеніями, попадаются и такіе, за которые дорого бы далъ истинный знатокъ и любитель. Въ селеніи Куналей, Тарбагатайской волости, я видѣлъ два такихъ образа, Божіей Матери и Николая чудотворца. Величиною они не больше, какъ въ $^1/_{16}$ листа писчей бума-

Digitized by Google

ги, но отдѣлка превосходна: видна каждая морщина, каждый мускулъ на лицахъ и каждый лепестокъ цвѣтовъ и травъ, въ родѣ арабесокъ, окружающихъ изображеніе. Все это кажется сдѣланнымъ не изъ мѣди, а изъ мягкаго воска. Весьма жаль, что мнѣ не было времени снять рисунокъ или хоть слѣпокъ съ этихъ замѣчательныхъ образовъ, съ которыми старообрядцы не разстанутся ни за какія деньги.

Своими книгами старообрядцы дорожатъ еще больше, чѣмъ образами: образъ можно купить, заказать, написать; а кому закажешь напечатать книгу? сколько надо времени и бумаги, чтобъ, напримѣръ, переписать какую нибудь тріодь? Въ прежнее крутое время отбирали у старообрядцевъ преимущественно книги, оставляя образа, и теперь постороннему человѣку они охотнѣе показываютъ послѣдніе, чѣмъ первыя. Книги у нихъ есть и рукописныя, и печатанныя въ московской типографіи, — само-собой разумѣется, до никоновскаго исправленія; но больше попадаются почаевскаго и львовскаго изданія, уже позднѣйшаго времени, съ старымъ текстомъ. Кромѣ книгъ, употребляемыхъ при церковныхъ службахъ, попадаются «изборники», «сборники», «цвѣтники»—все сборники поученій разныхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ проповѣдниковъ.

Какъ зѣницу ока хранятъ и стерегутъ старообрядцы свои книги, нетолько отъ совершенной потери, но даже отъ малѣйшаго поврежденія. Раскрыть книгу лишній, ненужный разъ, составляетъ для старообрядца истинное мученіе. Мнѣ случалось нѣсколько разъ брать книги, преимущественно сборники, не такъ дорогіе, какъ служебныя книги. Надо было видѣть, какъ бережно укутывалъ ихъ хозяинъ, не менѣе какъ въ два платка, какъ, чуть не съ тріумфомъ, несъ ихъ до экипажа (идти съ книгой невозможно, во-первыхъ потому, что она слишкомъ тяжела, а во-вторыхъ опасно: чего бы не случилось дорогой); какъ потомъ, уже у меня дома, постоянно заботился о сохранности ея и успокоился только тогда, когда увидѣлъ, что я кладу его книги не вмѣстѣ съ своими, а особо, подъ самые образа въ передній уголъ.

Изъ слѣдующаго разсказа одного бывальца видно, въ какой степени старообрядцы дорожатъ своими книгами.

«Лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, вы не встрѣтите въ старообрядческихъ селеніяхъ ни одной мужской души. Всѣхъ мужчинъ, даже дѣвокъ, точно кто метлой повымелъ на работу. Домовничаютъ только старухи и бабы съ маленькими ребятами. Даже подростки, и тѣ, слѣдомъ за большими, повыбрались въ поле. Въ эту то горячую пору скучно показалось какому-то бродягѣ сидѣть въ такое прекрасное время въ душномъ городскомъ острогѣ; захотѣлось ему, изволите видѣть, попутешествовать по волостнымъ кардонамъ и сельскимъ каморкамъ, на междудворныхъ лошадкахъ. И поднялъ онъ на ноги всю земскую полицію этого уѣзда, объявивъ, что онъ, въ бродяжествѣ, тайно проживалъ въ Ш.....ъ селеніи, у тамошняго уставщи-

Digitized by Google

ка, крестьянина такого-то, положимъ хоть Матвѣева; занимался выдѣлкой для Матвѣева фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства и, чувствуя въ настоящее время угрызеніе совѣсти и желая истиннымъ раскаяніемъ загладить свой поступокъ, проситъ сдѣлать въ домѣ означеннаго уставщика обыскъ; при чемъ берется указать и потаенныя мѣста для скрытія формъ и другихъ противозаконныхъ предметовъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро, земская полиція, прихвативъ съ собой стряпчаго и человѣкъ двѣнадцать понятыхъ изъ сибирской деревни, нагрянула на домъ уставщика и помѣщенную тутъ же молельную и принялась за обыскъ. Разумѣется, не нашли ни потаенныхъ мѣстъ, ни формъ, ни фальшивыхъ ассигнацій; а бродяга, конечно, началъ снова мучиться угрызеніемъ совѣсти и искренне раскаяваться въ другомъ преступленіи, совершенномъ верстъ за пятьдесятъ оттуда, гдѣ тоже требовались и обыскъ, и личныя его указанія.

«Между тѣмъ вся деревня поднялась на дыбы. Бабы,—мужики, какъ я уже говорилъ, всѣ были на работѣ,—съ крикомъ и бранью окружили домъ уставщика и кажется рѣшились не выпускать изъ него никого до прихода мужиковъ съ поля. Въ волостнаго голову, сунувшагося было разгонять толпу, полетѣли палки и каменья. Земская полиція попала въ осаду. Къ счастію для нея, одна женщина, спрятавшись гдѣ-то въ избѣ, была свидѣтельницей обыска: она убѣдила своихъ землячекъ, что полиція наѣхала вовсе не за книгами, а за своимъ дѣломъ».

Впрочемъ, старообрядцы дорожатъ своими книгами не потому, чтобы видѣли въ нихъ какое нибудь особенное значеніе, и не ради ихъ древности, а только какъ необходимую вещь, которую нечѣмъ будетъ замѣнить, если она утратится.

Во время отправленія какой нибудь службы, у старообрядцевъ читаютъ очень хорошо, тихо, внятно, толково, со смысломъ, даже педантически, слишкомъ строго соблюдая всѣ знаки препинанія, ударенія и протягивая длинные слоги. Поютъ старинымъ напѣвомъ по крюкамъ, не повторяя, какъ иногда у насъ, по нѣскольку разъ одного и того же слога, или даже цѣлаго слова, а только растягивая слова. Пѣніе ихъ кажется страннымъ только съ непривычки.

V.

Часовни есть почти въ каждомъ старообрядческомъ селеніи. Однѣ изъ нихъ до сихъ поръ запечатаны; другія не запечатаны, но безъ креста и колоколовъ; нѣкоторыя съ колоколами, но безъ крестовъ;

*

Digitized by Google

въ другихъ, на-оборотъ, оставлены кресты, но колокола сняты; есть и такія, гдѣ одинъ крестъ снятъ, а другой оставленъ. Все это слѣды, оставленные для назиданія потомства нашими прежними миссіонерами,—офицерами и чиновниками, командированными въ прежнее время для водворенія между старообрядцами истиннаго православія.

Въ самыхъ часовняхъ нѣтъ ничего особеннаго. Образа, книги, лампады, скамейки около стѣнъ съ кучею подручниковъ, и ничего болѣе. Кажется, вся старообрядческая оригинальность осталась, сосредоточилась въ ихъ большихъ, запечатанныхъ часовняхъ, къ которымъ поэтому мы сейчасъ же и обратимся.

Посреди большаго, шумнаго села, на самой главной улицѣ, отойдя нѣсколько шаговъ въ сторону, вы видите высокій досчатый заборъ, потемнѣвшій отъ времени и непогоды. Изъ за него поднимается крытый шатромъ, тоже почернѣвшій куполъ, съ обитою бѣлой жестью маковицею и такимъ же крестомъ; поднимается колокольня съ безмолвными нынѣ колоколами. Вокругъ забора густо разрослась трава; только едва замѣтная тропинка приведетъ васъ, съ улицы, къ небольшой калиткѣ, по другую сторону забора, возлѣ большихъ воротъ, вѣчно запертыхъ тяжелымъ засовомъ. Черезъ эту калитку вы входите въ обширный дворъ, сплошь поросшій бурьяномъ, крапивой, бѣленой и другими сорными травами. Ни во дворѣ, ни около церкви, нѣтъ обыкновенныхъ жильцовъ колоколенъ,—голубей или ласточекъ; въ травѣ не шелохнется ни одно насѣкомое; кругомъ все пусто и глухо. Нѣтъ никакого признака жизни; ничто не напоминаетъ того, что вотъ подъ бокомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ограды, находится большое, богатое село съ разгульнымъ, болѣе чѣмъ тысячнымъ населеніемъ, съ своею обычною жизнью, съ деревенскимъ праздничнымъ шумомъ.

Полусгнившій, развалившійся помостъ, покрытый плѣсенью, поросшій травой, идетъ къ раскрытымъ настежъ дверямъ часовенной паперти. Взойдите на паперть—и предъ вами большая створчатая дверь въ самую часовню. На двери пыль, паутина, веревочка и нѣсколько изломанныхъ кусочковъ дряннаго краснаго сюргуча. Этотъ-то сюргучъ и есть причина такого запустѣнія и еще очень и очень многаго, о чемъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Этотъ же сюргучъ помѣшаетъ и намъ войдти въ часовню.

Чтобы увидѣть внутренность часовни, нужно повернуть съ паперти направо, въ небольшую каморку сторожа: тамъ въ стѣнѣ продѣлано небольшое окошечко, въ которое видна вся внутренность часовни. Страшнымъ, почти могильнымъ холодомъ не жилаго мѣста пахнетъ на васъ вдругъ изъ этого окошечка, когда вы приложите къ нему лице. Сначала глазъ, не привычный къ потемкамъ, не можетъ ничего различить, потомъ понемногу вы начинаете различать, какъ бѣлѣетъ полъ, покрытый толстымъ слоемъ пыли; видите, какъ по самой срединѣ часовни точенныя перила, чернѣя, поднимаются

Digitized by Google

съ полу, да впереди что-то такое блеститъ, отражая слабый свѣтъ, едва пробивающійся сквозь щели на ставнѣ. На наше счастье одно окно впереди осталось какъ то незаперто болтомъ. Его отворили; цѣлый потокъ горячаго свѣта хлынулъ въ часовню и освѣтилъ иконостасъ. Иконы въ пять ярусовъ такъ и заискрились, заблистали дорогими окладами и золоченымъ фономъ. Заблистали лампады, подсвѣчники и парчевыя одежды на столикахъ и налояхъ. Даже самая пыль, столбами поднявшаяся кверху—и та, освѣщенная лучами солнца, такъ и сыпалась, такъ и ходила по часовнѣ золотисто-разноцвѣтными столбами. Только по прежнему сурово и непривѣтно смотрѣли темные лики иконъ, покрытые толстымъ слоемъ пыли, а взади за перилами, около окошечка, казались еще темнѣе, еще гуще отъ свѣта, залившаго переднюю часть часовни.—Налои стоятъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ, покрытые дорогими одеждами; подсвѣчники блестятъ, какъ только что вычищенные наканунѣ; немного обожженныя свѣчи стоятъ въ подсвѣчникахъ и лампадахъ. Если-бъ не пыль, которая цѣлые десятки лѣтъ ложится на все толстыми слоями, то можно бы было подумать, что мы посѣтили церковь въ день какого нибудь великаго праздника, между заутреней и обѣдней, и что стоитъ только подождать немного, какъ раздастся звучный, торжественный благовѣстъ съ колокольни, растворятся настежъ всѣ окна, зажгутся свѣчи, выгоняя отовсюду мракъ и пыль, растворятся съ шумомъ настежъ долго запертыя двери и войдетъ довольный народъ, разодѣтый по праздничному въ бархатъ, шелкъ и золото.

Грустное чувство вынесъ я послѣ подобнаго посѣщенія запечатанной часовни. Грустно вообще смотрѣть на запущеніе чего бы то ни было, и тѣмъ грустнѣе видѣть въ подобномъ положеніи то, что мы привыкли называть святыней.

Часовня эта запечатана по распоряженію генералъ-губернатора Руперта, его адъютантомъ Б., за то, что старообрядцы не хотѣли указать, гдѣ скрывался ихъ попъ Баршевъ, котораго однакожъ потомъ сами они привезли къ Б.

Гдѣ нѣтъ часовни, тамъ старообрядцы собираются въ молельную. Молельная—просто изба, нанятая собственно для этихъ собраній и не отличающаяся никакимъ особеннымъ убранствомъ. Даже нарочно стараются выбирать помѣщеніе по неказистѣе, особенно гдѣ нибудь во дворѣ, зимовье или избу, окошками во дворъ, чтобы не привлечь чьего нибудь вниманія, которое въ прежнее время дорого обходилось старообрядцамъ. Въ молельной надъ дверями врѣзанъ мѣдный осьмиконечный крестъ; передній уголъ въ три яруса уставленъ образами; у образовъ стоитъ ручная кадильница и лежатъ книги; въ углу поставленъ деревянный налой, покрытый чернымъ коленкоромъ съ бѣлымъ нашитымъ крестомъ. Остальное все, какъ въ обыкновенной избѣ,—лавки, большая русская печь, палати...

Digitized by Google

VI.

Заутреня у старообрядцевъ начинается около десяти часовъ вечера, но народъ собирается гораздо раньше. Особенно старухи почему то любятъ забираться въ молельную спозаранку и ложатся тамъ, гдѣ попало, отдохнуть до начала заутрени; тутъ же спятъ онѣ и въ промежутокъ между заутреней и часами. Когда уставщикъ начнетъ зажигать свѣчи, народъ поднимается на ноги, выходитъ на улицу умыться водой изъ нарочно привѣшеннаго на крыльцѣ рукомойника, и возвратясь, становится уже каждый на свое мѣсто: дьяки впереди, передъ образами, раздѣлясь на два клироса; около нихъ, еще ближе къ образамъ, дьяки-мальчики; посрединѣ уставщикъ, а позади всѣ остальные богомольцы, женщины на право, мужчины на лѣво. Уставщикъ покадитъ образа, положитъ начало и начнется длинная, до самаго разсвѣта, истинно всенощная заутреня.

Разсказывать здѣсь, разницу между нашей и старообрядческой заутреней, я не буду. Такой разсказъ былъ бы понятенъ только для лицъ, хорошо знающихъ церковный уставъ, а не для большинства. Поютъ разстягивая, читаютъ тихо и ничего не выпуская; читаютъ и просто евангеліе и евангеліе съ толкованіемъ, и поученія Златоуста; три раза садятся отдыхать, а земнымъ поклонамъ нѣтъ счета. Напримѣръ, прикладываются къ образу, вынесенному, какъ и у насъ, на средину, подходятъ по двое; кланяются образу; приложившись опять такой же поклонъ; потомъ начинаютъ прощаться, то есть кланяются тутъ же среди церкви другъ другу въ ноги; четвертый поклонъ уставщику, тоже въ ноги, и наконецъ поясный всему народу. Стоятъ во время службы благочинно, прямо, не разставляя ногъ и ни къ чему не прислоняясь. Руки сложены на груди во все продолженіе службы; дать имъ какое нибудь другое положеніе нельзя, запрещается. Даже самая молитва ограничивается, сдерживается уставомъ: молиться, то есть креститься и кланяться, можно только тогда, когда положено; знакъ къ этому подаетъ уставщикъ; а остальное время можно только стоять и слушать. Точно такимъ же образомъ служатся часы, вечерни, каноны, панихиды.

Покойниковъ отпѣваютъ на дому. Вмѣсто гроба выдалбливается лиственичная колода, куда и кладутъ покойника, обернутаго въ саванъ и спеленутаго холстомъ. Старообрядцевъ хоронятъ на особенномъ кладбищѣ, отдѣльно отъ единовѣрцевъ и сибиряковъ. За похоронами обыкновенно слѣдуютъ поминки, по́минки, по выговору старообрядцевъ, на которые приглашается всякій желающій, такъ что

Digitized by Google

иногда богатые люди кормятъ поминающихъ до самаго вечера. Вся разница этихъ поминокъ съ нашими поминками только въ томъ и состоитъ, что у старообрядцевъ не подаютъ на нихъ вина: «что де за радость такая, чтобъ вино пить»; между тѣмъ какъ у насъ иные поминки стоятъ хорошаго свадебнаго обѣда.

Всѣ посты и постные дни, какъ понедѣльные, такъ и особо положенные уставомъ, соблюдаются старообрядцами со всевозможною строгостью, безъ всякаго изъятія по какимъ бы то ни было причинамъ. Даже дѣтей можно кормить грудью и вообще молочнымъ только два поста, считая отъ рожденія; напримѣръ, если ребенокъ родится послѣ Рождества, то на слѣдующій великій постъ, т. е. послѣ года, ему ужъ не даютъ ничего скоромнаго. Самое соблюденіе постовъ у нихъ имѣетъ свои подраздѣленія: рыба совершенно запрещается въ великій и успенскій посты; только въ вербное воскресенье разрѣшается икра, а въ благовѣщенье и рыба. Въ эти же посты запрещаются пѣсни, жеванье сѣры и вообще всякія удовольствія; другіе посты предписываютъ правила только для одной пищи.

Праздники старообрядцы соблюдаютъ такъ же строго, какъ и посты. Наканунѣ праздника съ вечеренъ останавливается всякая работа, кромѣ домашней; въ день праздника никто ничего не ѣстъ до окончанія часовъ; остальное такъ же какъ и у насъ,—гулянка и пѣсни. Праздники конечно тѣже самые, что и наши; но бываютъ иногда еще случаи въ родѣ слѣдующаго:

Нѣтъ, напримѣръ, дождя въ самое нужное время. Думаютъ, думаютъ старики и гурьбою отправляются къ уставщику.—«Мы вотъ, Гаврило Семеновичъ, тебя хотѣли попросить: побезпокоиться, отслужить заутреню Ильѣ пророку, да ужъ за одно завтра и часы и канонъ отпѣть», — «Доброе дѣло задумали старички, отвѣтитъ имъ уставщикъ. Пускай завтра ребята погодятъ работать, а лучше подойдутъ къ заутрени».—И выходитъ на завтра настоящій праздникъ. Дѣвки, разряженныя, съ пѣснями выступаютъ на улицу, и около кабака народу труба не отолченая.

Кромѣ этихъ праздниковъ у старообрядцевъ есть еще такъ называемые «родители»,—назначенные собственно для поминовенія умершихъ, напримѣръ, родительскій день въ фоминой недѣлѣ, дмитріевская суббота и т. п. Въ эти дни женщины изъ каждаго дома нагружаютъ двухъ-колесную телѣжку-одноколку печенымъ хлѣбомъ, булками, калачами и такъ отправляются въ молельную. Здѣсь, послѣ часовъ и панихиды, ихъ ожидаютъ старики и старухи побѣднѣе, преимущественно сибирячки или поселенцы, тоже съ одноколками, но только пустыми, и имъ раздается все привезенное.

Теперь, когда мы уже достаточно познакомились съ наружною стороною старообрядческихъ вѣрованій, намъ остается бросить общій взглядъ на внутренній ихъ смыслъ, на религіозныя ихъ симпатіи и антипатіи, мѣры, принимаемыя къ искорененію старообрядчества и на настоящее состояніе его за Байкаломъ.

Digitized by Google

VII.

Въ исторіи всего старообрядчества, равно какъ и въ каждой отдѣльной исторіи его, хоть сколько нибудь значительной, самобытно существующей отрасли, мы увидимъ, что всевозможныя крутыя средства, принимаемыя правительствомъ со временъ Алексѣя Михайловича и Петра I-го до прошедшаго царствованія, — отъ кнута, смертныхъ казней и рѣзанія языковъ, до отбиранія книгъ и запечатанія часовенъ, не принесли ровно никакой пользы. Старообрядцы твердо перенесли всѣ преслѣдованія. Одни изъ нихъ, при первой возможности, цѣлыми селеніями уходили за границу, въ Австрію, Польшу, даже Турцію, какъ напримѣръ Некрасовцы, и дѣлались вѣчными врагами Россіи. Другіе убѣгали въ лѣса, гдѣ составлялись новыя секты, проповѣдывалось новое ученіе, болѣе ожесточенное, болѣе мрачное и фанатическое, чѣмъ то, котораго они держались раньше. Тамъ приняли начало самосожигатели; тамъ развилось ученіе объ антихристѣ, такъ какъ оно проповѣдуется суровыми безпоповцами. Живой примѣръ этому,—наши забайкальскіе старообрядцы: ихъ привольная, свободная жизнь на Вѣткѣ помѣшала у нихъ развитію этого мрачнаго взгляда; они не проповѣдуютъ о скорой кончинѣ міра, не прячутся отъ сторонникъ людей при молитвѣ, въ клѣтяхъ и амбарахъ, не пренебрегаютъ паспортами и ревизскими сказками (антихристова печать и антихристовы записи у другихъ), не ругаютъ всѣхъ вообще не ихнихъ и не любятъ только нашего духовенства. А взгляните, такое ли ученіе выработали постоянно гонимые нами безпоповщинскіе поморцы?

Наконецъ, само правительство, убѣдившись въ безполезности этихъ такъ-называемыхъ строгихъ мѣръ, пошло совершенно другимъ путемъ и сдѣлало шагъ довольно важный,—это единовѣріе. Но эта уступка не имѣла успѣха. Съ безпоповцами единовѣріе никогда не могло сойтись, потому что, по самому существу своему, противоположно ихъ ученію о совершенномъ истребленіи на землѣ истиннаго священства. Не сошлось оно и съ поповцами, потому что правительство, при учрежденіи единовѣрія, взяло только одну сторону вопроса,—религіозную, упустивъ изъ виду историческое и бытовое значеніе священства. Принимаютъ же вѣдь старообрядцы бѣглыхъ поповъ нашего же рукоположенія, такъ лучше будетъ дать имъ не бѣглыхъ, а настоящихъ. Оно повидимому и такъ, а на дѣлѣ оказывается совершенно иначе, и у старообрядцевъ бѣглые попы все-таки предпочитаются настоящимъ. Въ неуспѣхѣ виновата нѣсколько и са-

Digitized by Google

мая форма, въ которой вводилось единовѣріе. Вотъ вамъ нѣсколько случаевъ введенія его у забайкальскихъ старообрядцевъ.

Пріѣхалъ къ нимъ какой-то архимандритъ и давай убѣждать къ принятію единовѣрія, которое конечно расхваливалъ елико возможно.

— А самъ то, отецъ, ты какой вѣры, единовѣрецъ что-ли?

— Нѣтъ, я православный.

— Такъ чтожъ ты, отецъ, чужую-то вѣру хвалишь? Коли ужъ очень она тебѣ нравится, принялъ бы самъ сперва, а мы бы посмотрѣли, а то видно прими Боже—что намъ негоже. Важная вѣра! переходи ребята;—заставай покуль можно,—послѣ не примутъ.

Что тутъ было дѣлать бѣдному миссіонеру?

Были когда-то въ Тарбагатаѣ нѣкто Ч.....ы, богачи крестьяне изъ старообрядцевъ. Должно замѣтить, что у старообрядцевъ самая главная аристократія,—это аристократія знанія, аристократія мысли, старики и уставщики. Богачи уважаются обществомъ только по своимъ личнымъ достоинствамъ; но какъ таковыхъ за ними, по большей части не водится, то и смотрятъ они какими-то отщепенцами отъ общества. Вотъ, честолюбіе-то и заѣло Ч.....ыхъ. Другой на ихъ мѣстѣ переселился бы въ городъ, выписался въ купцы, навѣсилъ бы медаль или даже орденъ на шею, и почивалъ бы себѣ на лаврахъ, угощая «господъ» обѣдами да шампанскимъ. Но не таково самолюбіе старообрядца: «лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ»—рѣшили Ч.....ы, и поѣхали къ тогдашнему преосвященному съ просьбой устроить у нихъ единовѣрческую церковь. Единовѣрческій приходъ дѣйствительно учредился; но въ настоящее время едвали наберется двадцать семей, посѣщающихъ единовѣрческую церковь въ Тарбагатаѣ; сами Ч.....ы послѣ принятія единовѣрія разорились, а нѣкоторые даже угодили и въ каторжную работу, что, конечно, всѣ старообрябцы объясняли не иначе, какъ наказаніемъ Божіимъ за отступничество.

Было также нѣсколько неважныхъ случаевъ обращенія къ единовѣрію «извѣстными» мѣрами; но эти мѣры и результаты ихъ до того всѣмъ извѣстны, что говорить о нихъ совершенно лишне.

VIII.

Главная причина несогласія забайкальскихъ старообрядцевъ, не только съ нами, но и съ единовѣріемъ, заключается, повидимому, въ ненависти ихъ къ нашему священству, т. е. собственно и не къ священству, а только къ нашей церковной іерархіи. «Пускай

Digitized by Google

нашъ священникъ подчинится засѣдателю, даже хоть волостному головѣ, только не благочиннымъ и архіерею»—говорили мнѣ нѣсколько разъ старообрядцы. Что же за причины этой глубокой, упорной ненависти? Оставивъ въ сторонѣ всякіе богословскіе вопросы, обратимся къ исторіи и настоящему быту старообрядцевъ: не помогутъ ли они нѣсколько объяснить намъ это явленіе.

Приведемъ себѣ на память всю исторію старообрядчества. Страшная ломка всего стариннаго, что внушено съ самаго дѣтства, всосано съ молокомъ, что было пріобрѣтено вѣками, тѣсно связано съ самой жизнью: ломка всего, начиная отъ вѣрованій до бороды и кафтана; ломка нисколько не подготовленная предшествующими событіями, тогда казавшаяся совершенно безцѣльною, безъ всякаго, чѣмъ либо заявленнаго со стороны народа, желанія—и главнымъ зачинщикомъ этой ломки, этого безпорядка, было лице, болѣе другихъ обязанное наблюдать именно за сохраненіемъ всего въ прежнемъ видѣ. Лице это было глава Церкви, главный начальникъ русской іерархіи, патріархъ Никонъ. Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ безчеловѣчныхъ казней, пытокъ, мученій, перешедшихъ потомъ, согласно духу времени, въ запрещенія и оскорбленія. Все это, конечно, происходило не отъ самого духовенства, но все-таки во имя вѣры, отъ имени духовенства. По этому, и въ настоящее время старообрядцы не имѣютъ никакой претензіи на правительство или притѣсненія чиновниковъ; они все сваливаютъ на происки духовенства. Все это, я думаю, не можетъ расположить старообрядцевъ къ скорому примиренію съ духовенствомъ, даже и при уступкахъ съ его стороны.

Что же собственно желали бы видѣть старообрядцы въ священствѣ?

Лучшій человѣкъ въ общинѣ, хорошо понимающій всѣ ея требованія и стремленія; человѣкъ, видѣвшій жизнь и съ дурной и съ хорошей стороны, но не потерявшій въ борьбѣ съ нею мягкости сердца и энергическаго стремленія къ добру; человѣкъ, хорошо знающій большинство членовъ общины, благосостояніе которой есть его собственное благосостояніе, съ которою онъ вполнѣ связанъ и матеріальными и нравственными интересами; вдобавокъ, человѣкъ свѣтлаго ума, безукоризненной нравственности, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, гуманный, религіозный,—вотъ какой священникъ нуженъ былъ бы для каждой общины. Таковы и были встарину избранные, излюбленные епископы и настоятели монастырей. Вотъ такой-то человѣкъ могъ бы, и въ настоящее время, стать главой и руководителемъ старообрядческой общины.

Или же человѣкъ, по своимъ познаніямъ и извѣстной степени нравственнаго достоинства получившій званіе священника, котораго община пригласила, за извѣстную плату, отправлять у себя церковную службу, различныя требы, разрѣшать въ извѣстныхъ случаяхъ недоразумѣнія жителей, даже учить ихъ.

Digitized by Google

Вотъ два идеала древнерусскихъ священниковъ, къ которымъ стремятся наши старообрядцы, потому что для нихъ церковь должна быть такою же, какою была она въ до-никоновскія времена, а слѣдовательно и требованія ихъ отъ нея остались тѣ же самыя, что были и прежде.

А удовлетворяютъ ли хоть бы и единовѣрческіе священники этимъ требованіямъ? конечно, нѣтъ, уже по одному тому, что они не принадлежатъ къ общинѣ и не занимаются ею! Священникъ присылается по распоряженію духовнаго начальства, и во все продолженіе своей службы вполнѣ отъ него зависитъ, — это первое. Онъ, — не просто священникъ, но еще немного и баринъ; человѣкъ ничѣмъ особеннымъ не связанный съ общиной, онъ живетъ отдѣльно, не зависитъ отъ нея, и тянетъ не къ общинѣ. Смотря по своему личному желанію, онъ можетъ уважать общину; но вообще говоря, скорѣе община должна покоряться его желанію, а не онъ общему требованію хотя бы и всѣхъ ея членовъ. Община, даже и недовольная священникомъ, не имѣетъ возможности отъ него избавиться и должна поручать нелюбимому человѣку заботу о спасеніи души. «Безъ засѣдателя можно обойтись: живи хорошо, справляй повинности—и шабашъ. А безъ попа никуда недѣваешься: вѣнчать ли, крестить ли,— все за попа; да еще какого Богъ дастъ. Съ инымъ не то что душу спасти, а самъ только—что влѣзешь въ грѣхъ, какъ въ смолу,— толкуютъ старообрядцы:—слѣпой слѣпца поведетъ, да оба въ яму.» Съ бѣглымъ попомъ совсѣмъ иное дѣло. Хорошъ онъ, такъ служитъ; оказался дурнымъ,—ступай на всѣ четыре стороны. Въ городахъ, гдѣ общинное начало слабѣе и больше средствъ ограничить вліяніе священника, тамъ и единовѣріе принимается легче и скорѣе, чѣмъ въ селеніяхъ.

Итакъ, строгія мѣры, какъ мы видѣли, только способствовали къ бо́льшему укрѣпленію старообрядчества, и при томъ еще въ грубыхъ его формахъ, подходящихъ уже дѣйствительно къ расколу. Мѣры попечительныя, какъ напримѣръ единовѣріе, тоже не удалось. Остается одно,—предоставить старообрядчество самому себѣ и ожидать всего отъ времени, дѣйствуя на него помимо религіи, иными средствами, изъ которыхъ за самое дѣйствительное я считаю распространеніе между ними нашей гражданской грамотности. Вѣроятно впослѣдствіи сами старообрядцы стали бы просить о принятіи ихъ священниковъ подъ покровительство св. синода.

Вреда отъ такого выжидательнаго образа дѣйствій не будетъ, потому что совращенія въ расколъ рѣдки и строго преслѣдуются закономъ; а польза будетъ явная, уже въ томъ, что правительство избавится отъ нареканій за преслѣдованіе будто бы раскольниковъ да и сами они перестанутъ считать себя гонимыми и мучениками за вѣру.

Digitized by Google

На основаніи настоящихъ постановленій, старообрядцамъ не запрещается собираться на молитву въ домахъ и часовняхъ, гдѣ таковыя существуютъ; поправлять же старыя часовни и строить ихъ вновь запрещается; дозволяются хоронить по своему обряду покойниковъ, не сопровождая однако же ихъ, какъ и всякую другую службу, какой либо особенной торжественностью и громогласнымъ пѣніемъ. Дѣти, прижитыя невѣнчанными старообрядцами, считаются законными. Запрещается отбирать у старообрядцевъ иконы, книги и т. п., кромѣ священныхъ вещей, употребляемыхъ при богослуженіи, каковы священническія облаченія, антиминсы, сосуды и т. п. Забайкальскіе старообрядцы хорошо понимаютъ, что больше этого ничего нельзя имъ требовать или просить, а можно только ожидать. И вотъ все это дано имъ, а они все еще жалуются на небывалыя въ законѣ стѣсненія и не исполненіе ихъ желаній. Не можетъ же быть, чтобъ они жаловались безъ причины; не можетъ быть и того, чтобы поводомъ къ этимъ жалобамъ было явное пренебреженіе закона мѣстными властями. Дѣйствительно, тутъ вся вина не въ жалобахъ, не въ пренебреженіи закона, а только въ его недомолвкѣ и въ формѣ его исполненія.

— «Всѣмъ намъ позволено молиться въ часовняхъ» думаютъ старообрядцы; «вотъ и у насъ есть часовня, запечатанная давно еще, только вслѣдствіе временныхъ причинъ. Эти причины нынѣ не существуютъ; значитъ, мы можемъ молиться въ часовнѣ, какъ молятся и другіе. Чѣмъ мы хуже ихъ, чтобъ не воспользоваться царскою милостью? въ законѣ прямо сказано,—«дозволено, гдѣ есть».

«Нѣтъ закона, чтобъ распечатать»—второпяхъ отвѣчаетъ имъ мѣстное начальство, принимаясь за другія дѣла и не придавая большой важности дѣлу о какой нибудь деревенской часовнѣ.

А для старообрядцевъ, между тѣмъ, это дѣло первѣйшей важности. И ломаютъ они свои головы, обсуждая и перетолковывая мудреный законъ и немногосложный отвѣтъ начальства. И какихъ причинъ не выдумаютъ они для объясненія: то у нихъ начальство спрятало, вырвало изъ книгъ указъ о свободѣ вѣры и распечатаніи всѣхъ старообрядческихъ часовень; невѣрующему покажутъ и самую копію съ указа, которую для нихъ, за большія деньги и подъ страшнымъ секретомъ, списалъ съ печатной книги какой-то, тоже чиновникъ, въ самомъ Иркутскѣ; то попы или тамъ кто другой насплетничали самому царю на жителей этихъ селеній и на нихъ, по навѣтамъ, ни за что, ни про что, наложена такая тяжелая опала.

Для прекращенія всѣхъ этихъ толковъ и жалобъ, всего лучше было бы распечатать часовни, потому что запечатаніе ихъ было только временною мѣрой, чтобъ понудить старообрядцевъ выдать бѣглаго попа, Баршева. На нашей памяти, и за Байкаломъ же, была подобная исторія и еще гораздо хуже Баршевской, однако тамошнее начальство, дѣйствуя согласно духу времени, наказало только однихъ ви-

Digitized by Google

новныхъ, а не увлеченное большинство и ничѣмъ уже не виноватое потомство. Или же, если ужъ этого нельзя, то объяснить толково при помощи лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ старообрядцевъ, причины, мѣшающія этому распечатанію.

Старообрядцы заботятся о распечатаніи часовни потому, что въ запечатаніи ея видятъ поруганіе святыни, гоненіе на себя, позоръ и предметъ оскорбленій и насмѣшекъ для другихъ и беззащитность у закона, а дорожатъ ей потому же самому чувству, по которому къ военному крику новгородцевъ или москвичей примѣшивались слова «за святую Софію», «за домъ Пресвятыя Богородицы». Чувства этого нельзя ни взвѣсить, ни смѣрять, ни даже просто анализировать.

Николай Ушаровъ.

Digitized by Google

Сонъ тунгуса.

Въ шалашѣ тунгусъ убогій
Спитъ, усталостью сражонъ,
И средь полночи глубокой
Видитъ онъ тяжелый сонъ:—

* *
*

Изъ снѣговъ тайги безлюдной
Люди мертвые встаютъ,
И толпою многолюдной
Прямо къ западу идутъ;

* *
*

Мукъ ужасныхъ выраженьемъ
Лица мрачныя полны,
И печатью отверженья
Щеки ихъ заклеймены.

* *
*

На ногахъ окровавленныхъ
Цѣпи звонкія гремятъ,
Кровь изъ ранъ не заживленныхъ
Язвы старыя сочатъ.

* *
*

Вереницею печальной
Трупы движутся, спѣшатъ,
И съ тоской, на западъ дальній
Очи тусклыя глядятъ.

* *
*

И тунгусъ нашъ, въ изумленьи,
Долго—долго ихъ считалъ,
Онъ считалъ до утомленья,
Но и счетъ имъ потерялъ.

Z.

Digitized by Google

РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРСКОМЪ КАЗАЧЬЕМЪ ВОЙСКѢ.

I.

Для окончательной разработки проектовъ казачьихъ положеній въ законодательномъ порядкѣ, учрежденъ былъ при глав. управленіи иррегул. войскъ «комитетъ для пересмотра казачьихъ законоположеній». По временнымъ правиламъ, утвержденнымъ 2 октября 1865 г., комитетъ этотъ долженъ состоять подъ предсѣдательствомъ начальника главн. управл. иррегул. войскъ, изъ членовъ общаго присутствія управленія, *) и изъ особо командированныхъ, по назначенію наказныхъ атамановъ, чиновниковъ отъ каждаго войска: отъ донскаго 3-хъ, отъ кубанскаго, терскаго, астраханскаго, уральскаго, оренбургскаго, сибирскаго и забайкальскаго по одному; донскому «торговому обществу» предоставлено назначить въ комитетъ довѣренное отъ себя лицо. Предсѣдателю комитета и наказнымъ атаманамъ предоставлено также, въ случаѣ недостатка отъ какого либо войска одного лица, увеличивать членовъ отъ того войска. Условіемъ назначенія этихъ чиновниковъ, впослѣдствіи почему-то названныхъ «депутатами», постановлено: что бы въ комитетъ назначались «лица казачьяго происхожденія, хорошо знакомыя съ бытомъ и потребностями своихъ войскъ и *способныхъ къ письменнымъ занятіямъ*». Первое условіе не всегда выполнялось съ точностію: такъ, отъ забайкальскаго и отъ семирѣченскаго, образовавшагося впослѣдствіи, командировались лица не казачьяго сословія. Амурское же войско, почему-то никогда не имѣло своего представительства, не смотря на то, что положеніе его, съ самаго начала существованія, одно изъ самыхъ печальныхъ, особенно въ настоящее время, когда оно, послѣ двухъ послѣдовавшихъ одно за другимъ наводненій въ прошломъ году уничтожившихъ

*) Общее присутствіе состоитъ изъ казачьихъ чиновниковъ, командируемыхъ отъ казачьихъ войскъ по назначенію начальства.

Digitized by Google

нѣкоторыя станицы совершенно, принуждено не въ первый уже разъ перекочевать на другія мѣста. Кромѣ того, при комитетѣ учреждена канцелярія, на которую по штату назначено 5400 р; въ 1867 г. сумма эта увеличена до 6250 р., а въ 1869 г. до 8000 р., такъ-что комитетъ, съ содержаніемъ депутатовъ стоитъ ежегодно до 40 т. р., а за 7 лѣтъ своего существованія до 260 т. руб., падающихъ на войсковые финансы.

Утративши всякую вѣру въ сословно-чиновное представительство, населеніе нашего сибирскаго казачьяго войска однакожь чутко слѣдило, какъ за первымъ, такъ и за послѣдующими назначеніями мѣстнымъ начальствомъ такъ-называемыхъ «депутатовъ» и хотя назначенія эти не могли удовлетворять его, но оно на первыхъ же порахъ было оживлено въ своихъ надеждахъ тѣми благодѣтельными предначертаніями въ устройствѣ казачьихъ населеній, которыя Государю Императору угодно было лично выразить такъ называемымъ «депутамъ» отъ казачьихъ войскъ, при представленіи ихъ 6 ноября 1866 г; вотъ подлинный текстъ императорской рѣчи: «Вы собраны для того, чтобы съ вашею помощію разъяснить истинныя ваши нужды и пользы. Нынѣшнія положенія о казачьихъ войскахъ устарѣли и во многомъ требуютъ пересмотра. Я желаю, что бы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе, твердо надѣясь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ желаю, что бы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ назначеніе было сколь возможно согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благоустройства. Казачье населеніе, отбывая по прежнему военную свою обязанность, можетъ и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданскаго благоустройства. *Къ этой главной цѣли должны клониться ваши труды и мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ея*». Рѣчь эта съ глубочайшимъ восторгомъ была встрѣчена населеніемъ сибирскаго казачьяго войска; въ послѣднихъ словахъ ея оно видѣло какъ-бы новую санкцію своему, вполнѣ солидарному съ ними, заявленію, выраженному въ лицѣ истинныхъ своихъ представителей—*выборныхъ* депутатовъ. Населеніе надѣялось, что послѣ такого заявленія самой верховной властью, уже не можетъ быть и рѣчи о какой либо корпоративной исключительности, о какомъ-либо *казачьемъ* патріотизмѣ, или о *казачьихъ* «правахъ и привиллегіяхъ». Но увы! сословные предразсудки еще такъ сильны, что никакія указанія на истинную пользу, *на главную цѣль* реформъ, не могутъ побѣдить ихъ. Выполнителями такихъ высокихъ предначертаній явились не представители интересовъ массы, не представители интеллигенціи или гуманности, а представители меньшинства, полнаго сословныхъ предразсудковъ, заинтересованнаго въ большей замкнутости казачества и чуждые всякой мысли о сліяніи казачьихъ населеній съ общей русской гражданской семьей.

Digitized by Google

Не знаемъ какимъ полномочіемъ отъ своихъ населеній пользуются «депутаты» отъ другихъ казачьихъ войскъ и на сколько солидарны они съ интересами этихъ населеній, что же касается до чиновниковъ, командируемыхъ отъ сибир. каз. войска, то они никогда не выражали и не могли выражать никакого представительства отъ своего населенія, какъ избираемые начальствомъ изъ той корпораціи чиновничества, которая никогда не была солидарна съ народомъ и всегда игнорировала его интересы. Командируемые въ «депутаты» чиновники могли удовлетворять развѣ одному только условію—«способности къ письменнымъ занятіямъ» и то въ смыслѣ канцелярскаго дѣлопроизводства. Извѣстно также, что такъ-называемые «депутаты», находясь подъ безусловнымъ вліяніемъ главнаго начальства, никогда не могли выражать самостоятельныхъ мнѣній и постоянно стояли на сторонѣ интересовъ представленій мѣстнаго начальства, хотя бы они шли прямо въ разрѣзъ съ интересами народа: такъ, предположеніе сибирскаго начальства о выселеніи всей сибирской казачьей линіи на китайскую границу и приводимое въ исполненіе въ настоящее время выселеніе туда бійской линіи; введеніе новой, въ высшей степени неравноправной военной повинности, основанной на привилегіи богатыхъ; увеличеніе строеваго состава сиб. каз. войска съ 8 штатн. полковъ на 9-ть, не встрѣтило никакого протеста со стороны такъназыв. «депутата», отъ сиб. каз. войска. Даже вопросы, поднимаемые въ интересахъ казачьяго населенія въ средѣ комитета лицами посторонними для нашего войска, но чуть расходящіеся даже съ мелочными интересами сибирскаго начальства,—не встрѣчаютъ никакой съ его стороны поддержки: такъ, вопросъ, возбужденный въ прошломъ году дѣлопроизводителемъ комитета объ упраздненіи казачьяго отдѣленія при главномъ управленіи Западн. Сибири, учрежденія совершенно лишняго, обременительнаго для войсковыхъ финансовъ и притомъ одного изъ самыхъ непопулярнѣйшихъ въ войскѣ учрежденій,—также не встрѣтилъ поддержки со стороны «депутата». Такимъ образомъ самое изъ настоятельнѣйшихъ предложеній отвергнуто, а такъ называемый «депутатъ» оставленъ еще на трехлѣтіе въ этомъ званіи, чѣмъ уничтожилась послѣдняя гарантія для сибирскаго войска, установленная временными правилами комитета,—т. е. смѣна «депутата» черезъ каждые три года, черезъ что приливъ свѣжихъ силъ въ комитетъ, а съ ними и позднѣйшихъ требованій населенія этого войска, сдѣлался совершенно невозможнымъ.

Мы, конечно, вправѣ коснуться вообще дѣятельности «депутатовъ» отъ казачьихъ войскъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ нашему войску. Насъ крайне удивляетъ совершенная безгласность ихъ занятій. Въ то время, когда правительство въ дѣлѣ такихъ важныхъ реформъ, какъ военная, податная и другія, призываетъ къ обсужденію ихъ общественное мнѣніе, когда предварительныя работы правительственныхъ коммисій, составленныхъ для разработки этихъ вопросовъ,

Digitized by Google

публикуются въ правительственномъ органѣ и обсуждаются нашей литературой,—такъ называемые «депутаты» отъ казачьихъ войскъ, призванные для устройства судьбы двухмилліоннаго казачьяго населенія,—какъ видно, тщательно охраняютъ свои дѣйствія отъ всякой гласности, игнорируя совершенно общественное мнѣніе, даже въ такомъ законномъ видѣ, какой приданъ ему, напримѣръ, въ сибирскомъ войскѣ, въ видѣ проекта депутатскаго собранія. Проекты ихъ, касающіеся самыхъ коренныхъ основъ народнаго быта, утвержденные уже законодательнымъ порядкомъ,—ниспадаютъ, какъ снѣгъ на голову, поражая и своей неожиданностію, и своей несообразностію съ современными требованіями народной жизни.

Судя по послѣднимъ реформамъ въ сибир. казачьемъ войскѣ, въ которыхъ голосъ такъ называемаго «депутата» отъ этого войска не могъ не имѣть значенія, онѣ, за исключеніемъ общихъ положеній, касающихся вообще казачьихъ населеній, далѣе бюрократическихъ, корпоративныхъ интересовъ нейдутъ. Такъ, въ 1869 г. сибир. казачье населеніе въ административномъ и судебномъ отношеніи подчинено общимъ областнымъ учрежденіямъ сибирскихъ киргизовъ; но войсковая администрація, на которую по новому положенію возложены только войсковое хозяйство и военно-административная часть, не только не сокращена, но еще болѣе расширена: вмѣсто бывшаго одного войсковаго правленія, завѣдывавшаго и административно-полицейской властью, и судомъ и хозяйствомъ,—для завѣдыванія однимъ только хозяйствомъ учреждено 2 хозяйственныхъ правленія,*) каждое въ размѣрѣ упраздненнаго войск. правленія; для управленія 5-ю или 6-ю сотнями, состоящими по наряду на дѣйствительной полевой службѣ въ обѣихъ областяхъ Киргизской степи,—войско обязано содержать (въ половинѣ съ казною) два областныхъ (дивизіонныхъ) штаба, а для двухмѣсячной дѣятельности въ году по обученію казаковъ въ лагерныхъ сборахъ и при выходѣ въ отряды—учреждено 4 атамана отдѣловъ **) со штабами. При этомъ «депутаты» не преминули нарушить дарованное войску право выборовъ старшаго члена, переименовавши его, для видимости, въ предсѣдатели войсковаго хозяйств. правленія съ опредѣленіемъ отъ начальства. Право выборовъ на должность старш. члена войсковаго правленія было даровано въ то время, когда въ этомъ учрежденіи, какъ мы сказали, сосредоточивалось и административно-полицейское управленіе, и уничтожено въ то время, когда оно сдѣлалось чисто-хозяйственнымъ; право это нарушено въ то время, когда въ государствѣ, для завѣдыванія тѣмъ же хозяйствомъ, развиваются земскія и городскія учрежденія съ широкимъ самоуправленіемъ; право это, наконецъ, нарушено

*) Одно изъ нихъ упразднено въ прошломъ году.
**) Одинъ отдѣлъ упраздненъ. У насъ называютъ ихъ атаманы отдѣла.

Digitized by Google

вопреки программы, изданной военнымъ министерствомъ еще въ 1863 г. для руководства комитетамъ при реформѣ въ казачьихъ войскахъ, гдѣ въ числѣ главныхъ условій поставлено было—«сохраненіе дарованныхъ уже войскамъ правъ и преимуществъ.»

II.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности такъ называемыхъ «депутатовъ» вообще по устройству положеній казачьихъ войскъ, видно, что за все семилѣтнее существованіе «комитета для пересмотра казачьихъ положеній»,—они выработали главнѣйшимъ образомъ слѣдующее:

1) Въ 1866 г. сокращенъ срокъ службы казаковъ съ 30 на 22 года (15 лѣтъ строевой и 7 лѣтъ внутренней), за исключеніемъ якутскихъ и камчатскихъ казаковъ, гдѣ и по нынѣ срокъ службы не опредѣленъ и казакъ служитъ «доколѣ можетъ».

2) Въ 1868 г. дозволено лицамъ не войсковаго сословія селиться и пріобрѣтать собственность въ казачьихъ станицахъ, но права гражданства этихъ лицъ еще не опредѣлены.

3) Въ 1869 г. уничтожена обязательная служба казачьяго чиновничества и безусловный выходъ его изъ войсковаго сословія; выходъ же изъ сословія простыхъ казаковъ обусловленъ прослуженіемъ служебнаго срока и выходомъ въ отставку; при чемъ дѣти, рожденныя въ этотъ періодъ,—призываются на службу въ казачьи войска.

4) Въ 1870 г. выработано положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ.

5) Въ 1870—1872 г. выработана новая система отбыванія военной повинности въ кавказскихъ астраханскомъ, забайкальскомъ и сибирскомъ казачьихъ войскахъ.

Если же обратиться къ дѣятельности «депутатовъ» по каждому войску отдѣльно, то здѣсь она, за исключеніемъ уральскаго войска, исключительно направлена къ удовлетворенію однихъ чиновничьихъ интересовъ. Такъ, въ послѣднее время все вниманіе ихъ обращено на устройство военныхъ и хозяйственныхъ управленій въ войскахъ, на бюрократическихъ началахъ и на обезпеченіи войсковыхъ чиновниковъ и землей въ потомственную собственность и на счетъ войсковыхъ финансовъ пенсіей, имеритурой и жалованьемъ во время льготы. Изъ всѣхъ дѣйствій казачьихъ «депутатовъ» видно, что они не легко разстаются съ излюбленными ими казачьими «правами и привилегіями», отстаивая ихъ на каждомъ шагу на пути сліянія казачьихъ населеній съ общей гражданской семьей нашего отечества. Нѣтъ со-

*

Digitized by Google

мнѣнія, что въ средѣ комитета есть и свѣжія интеллигентныя силы, чуждыя всякаго корпоративнаго стремленія и ложнаго казачьяго патріотизма, и въ то самое время, когда эти свѣжія силы стремятся провести въ казачье законодательство начало сліянія казачьихъ населеній съ остальными гражданами государства, выражая пока это сліяніе подчиненіемъ ихъ обще-полицейскимъ и судебнымъ учрежденіямъ, казачьи «депутаты», вмѣсто того, чтобы сразу стремиться отъ сословныхъ предразсудковъ, отъ корпоративнаго казачества и первымъ подать голосъ за окончательное сліяніе казачества съ общей гражданской семьей, путемъ примѣненія къ казачьимъ войскамъ всѣхъ реформъ, вводимыхъ въ государствѣ, стараются повидимому поскорѣе обезпечить на счетъ этой исключительности чиновничество и вознаградить его за потерю полицейской и судебной власти, учрежденіемъ новыхъ должностей, жертвуя даже въ этомъ случаѣ дарованнымъ уже правомъ выборовъ; они совершенно забываютъ массу казачьихъ населеній, обремененную тяжелой военной повинностію и живущею до сихъ поръ жизнію дореформенной, крѣпостной Россіи. Въ семь лѣтъ своего пребыванія въ комитетѣ, казачьи «депутаты» не хотѣли примѣнить къ казачьему населенію ни одной изъ реформъ, вводимыхъ въ государствѣ. Въ то время, когда новѣйшія реформы совершенно выдѣлили хозяйство и судъ изъ административной зависимости и передали ихъ въ руки земства и гласныхъ судовъ, «депутаты» не примѣнили ни къ одному изъ казачьихъ войскъ этихъ реформъ. А между тѣмъ казачьи населенія по внутренней своей гражданской жизни ничѣмъ не отличаются отъ населенія остальной Россіи и гораздо способнѣе были бы воспринять эти реформы. Казачьи области издавна имѣли свое обширное войсковое хозяйство и значительные капиталы, накопленные на счетъ народнаго труда, которые пора бы сдѣлать общимъ достояніемъ народа, а не однихъ только чиновниковъ, не участвовавшихъ въ ихъ накопленіи. Наконецъ, вопросъ о судебной и земской реформахъ не разъ уже возбуждался въ средѣ самихъ населеній; особенно у насъ въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ. Первая изъ нихъ проведена была даже въ проектѣ нашего консервативнѣйшаго мѣстнаго комитета, а вторая въ проектѣ депутатскаго собранія еще въ 1863 г. и, какъ извѣстно, встрѣчена была сочувственно въ военномъ министерствѣ. Послѣднее передавало официально вопросъ этотъ на заключеніе мѣстнаго начальства, которое и представило проектъ свой о земскихъ управленіяхъ въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ, кажется, въ 1864 г. Депутатское собраніе въ проектѣ своемъ о введеніи въ С.-Петербургскомъ казачьемъ войскѣ земскихъ учрежденій исходило главнѣйшимъ образомъ изъ всесословнаго станичнаго схода, избирающаго гласныхъ въ войсковое земское собраніе, съ замѣной имущественнаго или чиновнаго ценза—образовательнымъ цензомъ; затѣмъ войсковое правленіе переименовывало въ войсковую земскую управу. Но «депутаты-чиновники», какъ

Digitized by Google

видно, не обратили никакого вниманія на эти заявленія, а спѣшили проектировать выдѣленіе значительныхъ войсковыхъ земель и капиталовъ на обезпеченіе чиновничества, лишая въ тоже время станичныя общества всякихъ пособій со стороны войсковыхъ финансовъ, которыми они прежде пользовались при пожарныхъ раззореніяхъ и въ другихъ случаяхъ, взваливая всѣ эти расходы и по общественному управленію станицъ на средства самыхъ обществъ («Сборникъ Правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ», изданіе Главнаго Управленія Иррегулярныхъ войскъ 1870 г. Томъ VI стр. 95—125 и 418). Новыми судебными учрежденіями въ нѣкоторой степени пользуются только кавказскія казачьи войска; въ оренбургскомъ, уральскомъ, сибирскомъ, семирѣченскомъ и забайкальскомъ судебную инстанцію до сихъ поръ составляютъ областныя правленія, въ донскомъ—особая палата гражданскаго и уголовнаго суда, въ амурскомъ же войскѣ всѣ, даже гражданскія дѣла, рѣшаются въ военно-судныхъ коммисіяхъ. Мировыя судебныя учрежденія также введены не вполнѣ: въ кавказскомъ, оренбургскомъ, уральскомъ, сибирскомъ и семирѣченскомъ вмѣсто мировыхъ судей введены уѣздные судьи по назначенію, не лично министра юстиціи, а просто мѣстнаго начальства, такъ что на должностяхъ этихъ появились даже офицеры жандармскаго корпуса. Кромѣ того, судьи эти за исключеніемъ кавказскихъ войскъ, подчинены тѣмъ же областнымъ правленіямъ, учрежденіямъ чисто полицейскимъ, но замѣняющимъ мировые съѣзды; такъ-что казенный принципъ новой судебной реформы—отдѣленіе суда отъ администраціи—нарушенъ здѣсь въ высшей степени.

Но главнѣйшій ударъ, нанесенный казачьимъ населеніямъ такъ-называемыми казачьими «депутатами»—это проектированная ими въ нѣкоторыхъ казачьихъ войскахъ новая, небывалая еще воинская повинность съ раздѣленіемъ населеній на два неравноправныхъ класса: «служилыхъ» и «войсковыхъ гражданъ». Мы не знаемъ какъ относятся къ ней другія казачьи войска, но для сибирскаго казачьяго войска эта система—есть вопіющая несправедливость. Вопросъ о подобномъ дѣленіи войска, какъ мы уже сказали, возбуждался еще въ мѣстномъ комитетѣ, но и тотъ, при всей своей консервативности, не рѣшился провести его въ своемъ проектѣ, въ виду того ужаса, съ которымъ онъ былъ встрѣченъ сибирскимъ казачьимъ населеніемъ. Новая военная повинность, введенная и въ сибирскомъ войскѣ, состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ: оставляя въ казачьемъ населеніи прежнюю обязательную службу на свой счетъ, съ продолжительнымъ 22-хъ-лѣтнимъ срокомъ, установляется опредѣленная норма служилаго класса, и затѣмъ весь излишекъ населенія, подлежащій, въ предѣлахъ этого срока, службѣ—освобождается отъ нея съ платою каждымъ освободившимся въ теченіе 22-хъ-лѣтняго служебнаго срока по 10 р. въ годъ въ войсковыя суммы; освобожденіе

Digitized by Google

производится по жребію, къ которому призывается все молодое поколѣніе по достиженіи 19-ти-лѣтняго возраста. До сихъ поръ, какъ видите, дѣло идетъ еще ничего, сносно, но на этомъ-то мѣстѣ и заговорилъ чиновный эгоизмъ: «а наши дѣти, а наши родственники»? Конечно, взяли, да и постановили безусловное освобожденіе навсегда отъ службы дѣтей чиновниковъ и богачей, обусловивши для первыхъ освобожденіе слушаніемъ и окончаніемъ курса въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ (дѣти простыхъ казаковъ особенно бѣдныхъ не воспитываются въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), а для вторыхъ взятіемъ торговаго, или промысловаго свидѣтельства (Сборн. Прав. распоряж. 1871 г., томъ VII, стр. 239).

Мы рѣшительно недоумѣваемъ, что, кромѣ личнаго эгоизма, руководило казачьими «депутатами» при проектированіи подобной своеобразной военной повинности для казачьихъ войскъ, и именно въ то самое время, когда по иниціативѣ военнаго министерства, при которомъ состоятъ и такъ-называемые «депутаты»,—вводится въ государствѣ вполнѣ равноправная, безъ различія богатыхъ отъ бѣдныхъ,—общеобязательная военная повинность, основныя начала которой выработаны правительственной коммисіей и обсуждаются литературой? Желаніе ли, въ порывахъ *казачьяго* патріотизма, сохранить исключительность казачества, созданіемъ, такъ сказать, *своей казачьей* повинности? Желаніе-ли освободить часть производительнаго класса населенія отъ службы съ экономическою цѣлію? Желаніе-ли, во что-бы-то-ни стало, увеличить войсковые финансы хотя десятирублевымъ взносомъ? Но мы уже указали кому дорога исключительность казачества и на чемъ она основана. Что же касается до освобожденія отъ службы части населенія съ экономическою цѣлію, то оно понятно, только въ тѣхъ областяхъ, гдѣ населеніе слишкомъ велико относительно служилаго контингента, какъ, напримѣръ, въ общемъ населеніи Россіи, гдѣ даже проектируемая, вмѣстѣ съ резервами двухъ-милліонная армія относится къ мужескому населенію какъ 1: 20, но тамъ, гдѣ, какъ въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ, съ 43 тысячнаго населенія м. п. требуется служилый контингентъ въ 8,200 человѣкъ и гдѣ отношеніе это будетъ, на 1: $5^1/_4$, т. е. почти вчетверо больше, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ Россіи, тамъ освобожденіе какой-бы-то-нибыло части населенія отъ службы становится вопіющею несправедливостью, особенно если освобожденіе это становится привилегіею богатыхъ людей. Для насъ понятно освобожденіе отъ военной повинности только въ пользу образованія и то только тогда, когда оно есть достояніе не однихъ дѣтей чиновниковъ и богатыхъ, но и бѣдныхъ людей; оно понятно только въ пользу безпомощности бѣдныхъ семействъ; или сокращеніемъ до minimum'а служебнаго срока, какъ проектировало въ 1863 г. депутатское собраніе. Установленіе же казачьими «депутатами» привилегіи богатства и слѣпаго счастія при вынутіи жребія, при той неимовѣрной тяжести военной

Digitized by Google

повинности въ казачьихъ войскахъ, отбываемой при томъ на собственный счетъ, въ то самое время, когда въ государствѣ вообще призываются къ этой повинности всѣ сословія безъ различія, и льготы отъ службы обусловлены только строжайшей градаціей семейнаго положенія, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ имущественнаго и то на 1 годъ, становится рѣшительно непонятнымъ фактомъ. Мало того, что дѣленіе казачьихъ населеній на «войсковыхъ гражданъ» и «служилыхъ»—вводитъ новую привилегированную корпорацію въ корпорацію, но оно переноситъ и всю тяжесть военной повинности, даже весь десятирублевый взносъ, платимый за освобожденіе отъ службы богатыми,—на бѣднѣйшій классъ. Что стоитъ богатому казаку передъ поступленіемъ на службу заручиться торговымъ или промысловымъ свидѣтельствомъ и то только на одинъ годъ, чтобы избавиться имъ на вѣчно отъ службы? А потомъ, что стоитъ богатому человѣку платить за это освобожденіе 10, 20, даже 50 р., когда онъ ежедневно имѣетъ возможность сорвать эти деньги на цѣнѣ товара или хлѣба съ тѣхъ же бѣдняковъ? Богатые казаки и прежде освобождались отъ службы, или переходомъ въ такъ-называемое «торговое общество» за 57 р. взноса въ войсковые доходы, или наймомъ за себя на службу бѣднѣйшихъ казаковъ, но это нисколько не помогло экономическому развитію страны. Напротивъ, депутатское собраніе въ своемъ проектѣ говоритъ: «вѣроятно, нѣтъ ни одной области въ государствѣ, гдѣ бы такъ неравномѣрно распредѣлялось богатство въ народѣ, гдѣ бы такъ облегченъ былъ путь къ дальнѣйшему обогащенію богатаго, какъ у насъ въ войскѣ, при учрежденіи *казаковъ торговаго общества*». Теперь же, съ учрежденіемъ «войсковыхъ гражданъ», неравномѣрность эта еще болѣе усиливается. Тогда казакъ торговаго общества за освобожденіе отъ службы платилъ не 10, а 57 р. въ годъ; тогда всѣ богатые казаки, не вошедшіе въ это общество, ограниченное извѣстнымъ числомъ, прибѣгали къ найму за себя на службу и деньги за наемъ переходили въ руки бѣднаго класса; теперь же ему дается возможность избѣжать службы, заручившись на 1 годъ торговымъ или промысловымъ свидѣтельствомъ, всего за 10 р. ежегоднаго взноса или во всѣ 22 года за 220 р.? И все это дѣлается ради увеличенія войсковыхъ финансовъ на жалованье и пенсіи чиновникамъ! Такая мѣра имѣетъ видъ косвеннаго налога въ пользу чиновниковъ съ бѣднѣйшаго населенія, на которое переносится вся тяжесть 22-хъ-лѣтней службы, отбываемой на собственный счетъ, стоимость которой за это время далеко превышаетъ ежегодный десятирублевый взносъ съ богатыхъ, перенося впослѣдствіи и этотъ взносъ на бѣдныхъ, въ видѣ надбавки на товаръ и другіе продукты, покупаемые послѣдними у тѣхъ же богатыхъ людей.

Недоумѣвая надъ этой мѣрой мы относимъ ее ни къ чему иному, какъ къ тому же чиновно-казачьему патріотизму который всегда руководилъ дѣйствіями нашего крупнаго чиновничества въ дѣлѣ

Digitized by Google

казачьихъ реформъ. Увидѣвъ въ распространеніи общеобязательной, равноправной военной повинности, существовавшей до сихъ поръ только въ казачьихъ войскахъ и освященной въ нихъ вѣками,—на остальныхъ гражданъ государства, «депутаты» почувствовали, что послѣдняя особенность казачьихъ населеній, раздѣлявшая ихъ отъ другихъ гражданъ, уничтожается, они увидѣли, что послѣдняя нить, соединявшая ихъ съ дорогимъ старымъ временемъ, порывается, а потому, не желая потерять эту особенность, они измыслили *свою особенную казачью повинность*, съ прежнимъ продолжительнымъ срокомъ и пресловутыми льготами. Казачьимъ «депутатамъ» не достало чувства гуманности, гражданскаго мужества, пожертвовавъ своимъ казачьимъ патріотизмомъ и воспользовавшись той-же военной реформой, вводимой въ государствѣ,—заявить: «что съ уничтоженіемъ послѣдней особенности казачьихъ населеній, мы-де первые подаемъ голосъ за сліяніе ихъ съ общей гражданской семьей нашего общаго отечества, что мы-де готовы подчиниться этой реформѣ, и, воспринявъ вмѣстѣ съ нею безусловно всѣ другія гражданскія реформы, готовы выставлять изъ среды казачьихъ населеній, въ одинаковомъ процентѣ съ остальными гражданами, легкіе каваллерійскіе полки, а въ случаѣ государственной нужды—и ополченія, формируемыя на общемъ положеніи. Мы особенно вправѣ были ожидать такого заявленія, относительно сибирскаго казачьяго войска, *выборные депутаты* отъ котораго, 10 лѣтъ тому назадъ, проектировали военную повинность, вводимую въ настоящее время въ государствѣ, установляя 3 года дѣйствительной и 10 лѣтъ общей службы для сибирскаго казачьяго населенія, съ отбываніемъ ея сразу въ молодыхъ лѣтахъ безъ всякихъ льготъ. Проектъ этотъ, какъ мы уже сказали, былъ представленъ въ военное министерство еще въ 1864 г., гдѣ его велѣно было принять къ руководству, но «депутату» отъ сибирскаго казачьяго войска не угодно было замѣтить его.

Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ слухъ о совершенномъ упраздненіи «комитета для пересмотра казачьихъ положеній» и о переносѣ дѣлъ его въ законодательное отдѣленіе главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ. Сибирскому казачьему населенію нѣтъ надобности въ чиновномъ представительствѣ, игнорирующемъ его интересы; ему гораздо лучше отдать свою будущую судьбу въ руки правительственной коммисіи, совершенно чуждой сословныхъ предразсудковъ и ложнаго казачьяго патріотизма. Тогда по крайней мѣрѣ всѣ реформы, исходя отъ правительства, не будутъ прикрываться представительствомъ «депутатовъ» отъ казачьихъ населеній, которые никогда не выражали ихъ истиннаго представительства, какъ не выборные, и только тормозили сліяніе населеній съ остальными гражданами государства, къ чему, какъ видно, стремится и правительство, замедляя вмѣстѣ съ тѣмъ и распространеніе на нихъ реформъ, вводимыхъ въ государствѣ. Не знаемъ на сколько

Digitized by Google

справедливъ слухъ объ упраздненіи этого комитета, но вѣроятно онъ имѣетъ основаніе, такъ какъ канцелярія комитета уже упразднена.

III.

Мы уже имѣли честь познакомить нѣсколько читателей съ тѣмъ тяжелымъ временемъ, которое переживало сибирское каз. войско до реформы 1861 г., когда станицы его, съ своими сборными домами, конюшнями, цейхаузами, уборками лошадей и трубными звуками, походили скорѣе на постоянный военный лагерь, чѣмъ на мирныя поселенія. Время это—время значенія полковыхъ командировъ—было самымъ тяжелымъ временемъ для казачьяго населенія, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Полковые командиры, назначаемые преимущественно изъ армейскихъ строевыхъ офицеровъ, чуждые нравственныхъ и экономическихъ интересовъ казачьяго населенія, всего болѣе преслѣдовали или строевые-фронтовые интересы, или личные *фуражные интересы*. Полковые командиры изъ своихъ казаковъ были не лучше первыхъ. Казаки, кромѣ внѣшней службы въ пограничныхъ отрядахъ и строевыхъ занятій по станицамъ, обязаны были поставлять сѣно для строевыхъ и почтовыхъ лошадей, сплавлять вверхъ и внизъ по Иртышу на карбазахъ овесъ для тѣхъ же лошадей (хотя цѣны на овесъ утверждались съ перевозкой); сплавлять по Иртышу же лѣсъ на разныя войсковыя хозяйственныя заведенія. Такимъ образомъ казачье населеніе было на безпрерывной службѣ, то съ оружіемъ и скребницей въ рукахъ на ученьяхъ и уборкахъ, то со стягомъ въ рукахъ, по поясъ въ водѣ, сталкивая сѣвшій на мель плотъ съ войсковымъ лѣсомъ, то съ бичемъ въ рукахъ около завязшихъ въ грязь почтовыхъ экипажей, помогая почтовымъ ключамъ; особенно тягостна была внутренняя служба, достававшаяся на долю казака уже въ пожилыхъ лѣтахъ (отъ 45—50 л.), заставляя его подъ старость изнывать подъ тяжестію работъ на разныхъ войсковыхъ фабрикахъ и заводахъ и особенно въ амщикахъ на войсковыхъ почтовыхъ станціяхъ, содержимыхъ тѣми же полковыми командирами, гдѣ казакъ страдалъ нетолько физически, но и матеріально, принужденный за недостаткомъ овса, отпускаемаго полковыми командирами, кормить почтовыхъ ключъ своимъ хлѣбомъ, чтобы не быть высѣченнымъ за худобу своей тройки. Розги, палки, нагайки были въ сильномъ ходу. Въ этомъ случаѣ полковые командиры, какъ армейскіе, такъ и изъ природныхъ казаковъ, отличались необыкновенною изобрѣтательностію: одинъ коман-

Digitized by Google

диръ приказывалъ бить не иначе, какъ полосой обнаженной шашки, другой—палками извѣстнаго размѣра (длина $1^1/_2$ арш., толщина въ дуло ружья, третій сѣкъ розгами до тѣхъ поръ, пока не выкуритъ нѣсколько трубокъ жукова табаку, причемъ сила наказанія опредѣлялась не количествомъ ударовъ розгами, а количествомъ выкуренныхъ трубокъ; четвертый наказывалъ не иначе, какъ нагайками и непремѣнно на нѣсколько круговъ, для чего каждый трубачъ въ полку вооружался на ученье нагайкой; отъ этихъ экзекуцій не избавлялись часто и казачки. Проѣзды по станицамъ полковыхъ командировъ наводили на все мужское и женское населеніе паническій страхъ и ужасъ. Казаки стали даже прибѣгать къ знахарямъ и знахаркамъ,—заговаривать свое тѣло отъ розогъ. Намъ случилось видѣть подобный «заговоръ противъ начальника» хранившійся на божницѣ въ домѣ одного казака; начинался онъ обыкновенно: «Стану я не перекрестясь, пойду я не помолясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на восточную сторону» и проч., а оканчивался уже при входѣ въ дверь къ начальнику слѣдующими словами, произносимыми про себя трижды: «будьте вы всѣ овцы, а я одинъ волчокъ, будьте вы всѣ овцы, а я одинъ волчокъ, будьте вы всѣ овцы, а я одинъ волчокъ». Все это тѣмъ болѣе парализировало нравственно населеніе, что происходило въ мирныхъ казачьихъ селеніяхъ, на глазахъ-матерей, женъ и дѣтей, часто не смотря на весь страхъ прибѣгавшихъ на мѣсто экзекуцій и прикрывавшихъ собственнымъ своимъ тѣломъ обнаженное тѣло сына, мужа, или отца, или валявшихся у ногъ неумолимаго командира, выпрашивая раздирающими сердце воплями помилованіе уже обезображенному и безчувственному трупу близкаго имъ человѣка.

Экономическій бытъ казаковъ страдалъ еще болѣе. Льготъ отъ службы почти не существовало; хотя и былъ такъ-называемый трехгодичный отпускъ, но имъ пользовались только люди богатые, платившіе взятки, хотя послѣ лѣтнихъ лагерныхъ сборовъ и предписывалось увольнять строевыхъ казаковъ на полевыя работы, но, во первыхъ, окончаніе лагерныхъ сборовъ зависѣло отъ проѣзда для осмотра высшаго начальства, во вторыхъ, отъ капризовъ полковаго командира, часто оставлявшаго въ сборѣ цѣлый полкъ и послѣ проѣзда высшаго начальства, на неопредѣленное время, за какую-нибудь ничтожную ошибку на смотру одного офицера или урядника, въ третьихъ, обязательная поставка казаками казеннаго сѣна,—мѣшала работѣ на себя. Внутреннослужащіе же казаки, особенно служившіе въ ямщикахъ, совсѣмъ не пользовались и подобнаго рода льготами и проводили буквально день и ночь «на козлахъ». Независимо отъ всего этого на населеніи лежали и земскія повинности: исправленіе дорогъ, сопровожденіе арестантовъ, отбываніе подводъ и проч. Эти повинности лежали на малолѣтнихъ и отставныхъ казакахъ, т. е. на населеніи въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ и отъ 50 до 55 л. Понятно,

Digitized by Google

что возрасты эти не могли удовлетворять сказаннымъ повинностямъ и они переносились на тѣхъ же строевыхъ и внутреннослужащихъ казаковъ. Намъ случалось нерѣдко встрѣчать казаковъ, отбывавшихъ въ одинъ день 3 службы: самъ онъ наряженъ на часы къ конюшнѣ или къ цейхаузу, пятидесятилѣтній больной старикъ отецъ его для снятія плота съ войсковымъ дѣсомъ, сѣвшаго на мель за 10 верстъ отъ станицы, а лошадь—въ подводы для отвоза больнаго арестанта; въ этомъ случаѣ казакъ самъ становился на часы, жену посылалъ въ подводы, а для снятія плота нанималъ работника-киргиза. Такимъ образомъ служба казака разлагалась на все семейство, не исключая жены и дѣтей, не говоря уже о томъ, что на послѣднихъ ложился всецѣло трудъ по полевымъ работамъ. Намъ часто приходилось ѣздить на казачьихъ лошадяхъ съ ямщиками—беременными казачками и десятилѣтними казачатами, которые надрывались, помогая своимъ заморенымъ клячамъ вытаскивать экипажъ изъ грязи. Станицы представляли унылый, бѣдный видъ, многіе дома стояли совершенно заколоченными. Полковые командиры, на обязанности которыхъ лежала и заботливость о хозяйствѣ казаковъ, чтобы показать эту сторону казачьяго быта инспектировавшему высшему начальству въ удовлетворительномъ видѣ, прибѣгали къ искусственнымъ мѣрамъ, заставляя казаковъ къ проѣзду начальства бѣлить снаружи дома бѣлой глиной, а крыши красить охрой и около домовъ насаживать деревья; населенію же казаться веселымъ и работящимъ, для чего старухъ выгоняли съ прялками къ воротамъ, а молодыхъ женщинъ и дѣвицъ заставляли встрѣчать начальство съ цвѣтами въ рукахъ, пѣть около отведенной ему квартиры веселыя пѣсни и разводить хороводы. Въ силу энергическихъ приказаній, казачьи станицы, къ проѣзду начальства, принимали желанный видъ; но ужасная дѣйствительность—дѣлала свое дѣло: первый дождь смывалъ и глину со стѣнъ и охру съ крышъ, деревья, воткнутыя въ землю заостренными снизу концами засыхали, пѣсни и хороводы умолкали, дома снова заколачивались и станицы принимали прежній унылый видъ. Конечно, въ станицахъ попадались и большіе, обшитые тесомъ дома, съ настояще крашеными полами и крышами, зеркалами и выписной мебелью, но эти дома, по которымъ начальство, останавливавшееся въ нихъ на квартирахъ, судило о благосостояніи всего казачьяго населенія,—были дома полковыхъ казначеевъ, смотрителей рыбалокъ, рыбныхъ ледниковъ, кожевенныхъ заводовъ, суконной фабрики, ассесоровъ и старшихъ членовъ, это—дома урядниковъ, завѣдывавшихъ покупкою строевыхъ и почтовыхъ лошадей, овса, кожъ, холста, сукна и проч. Владѣльцы ихъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и кулаки, эксплуатировавшіе остальное населеніе.

Въ такомъ положеніи застала сибир. каз. войско новая реформа, когда положеніемъ 13 марта 1861 г. уничтожена была постоянная служба казаковъ по станицамъ и оставлена только служба по наря-

Digitized by Google

дамъ во внѣшнихъ и внутреннихъ отрядахъ, когда упразднены были всѣ войсковыя хозяйственныя заведенія, съ обязательнымъ на нихъ трудомъ казаковъ. Но со введеніемъ жеребьеваго отправленія службы, съ періодическими льготами, снаряженіе на службу возложено на собственный счетъ казаковъ, съ прекращеніемъ отпуска провіанта всему мужскому населенію. Такимъ образомъ казачье населеніе, лишенное казеннаго провіанта, единственной поддержки ихъ экономическаго существованія, обязанное снаряжаться на службу на свой счетъ, безъ привычки и умѣнья къ труду—осталось лицемъ въ лицу съ нищетой; при томъ же срокъ службы былъ оставленъ тотъ же. Дѣло впрочемъ не поправилось и ничтожнымъ сокращеніемъ его въ 1866 г. съ 30 лѣтъ на 22 года. И въ этомъ случаѣ періодическія льготы не приносили никакой пользы: почти все производительное населеніе страны, отъ 19 до 42 лѣтняго возраста,—обязанное службою, находилось въ постоянной тревогѣ—быть оторваннымъ въ теченіе 22-хъ лѣтъ нѣсколько разъ отъ своего хозяйства на очередную службу и бросать его и семейство свое на произволъ судьбы, каждый разъ на 2 или на 3 года, уходя въ отдаленные отряды часто за 2,000 верстъ. Дорогое снаряженіе на службу и особенно уводъ съ собою, нерѣдко единственной рабочей силы семьи,—лошади—окончательно надрывало экономическій бытъ казака; отрываемый вмѣстѣ съ лошадью въ теченіи продолжительной 22 лѣтней службы нѣсколько разъ отъ своего хозяйства и семьи—казакъ не могъ приложить всѣхъ своихъ силъ къ экономіи страны, въ немъ поневолѣ являлась тупая апатія къ труду, а частыя продолжительныя отлучки подрывали и нравственный, семейный бытъ его: возвращаясь послѣ двух-трех-лѣтней отлучки онъ часто встрѣчалъ неожиданную прибыль семьи изъ двухъ и даже трехъ дѣтей.

Вотъ почему вопросъ о воинской повинности составлялъ первую и самую важную заботу *выборныхъ депутатовъ* въ 1863 г., проектировавшихъ для сибирс. казачьяго населенія 3-хъ лѣтній срокъ постоянной службы, сразу въ молодыхъ лѣтахъ, при 10 лѣтнемъ общемъ срокѣ строевой службы. Выборные депутаты, проектируя такой срокъ, разсчитывали его, соображаясь и съ населеніемъ и съ потребностями того времени. Но обстоятельства значительно измѣнили въ послѣднее время этотъ разсчетъ: такъ, значительная часть населенія сиб. каз. войска отдѣлена для образованія семирѣч. каз. войска; томскій и тобольскій городовые полки и пѣшій полубатальонъ, а также жители Канонерской станицы перечислены въ гражданское вѣдомство; а между-тѣмъ нарядъ казаковъ изъ оставшагося населенія не только не уменьшенъ, но еще болѣе увеличенъ, благодаря, во первыхъ, переходу всѣхъ обязанностей, лежавшихъ исключительно на упраздненныхъ томскихъ и тобольскихъ казакахъ,—на населеніе собственно сибирск. каз. войска, а во вторыхъ, вслѣдствіе усиленныхъ требованій, въ Туркестанскій край. А потому разсчеты и соображенія наши, основанные

Digitized by Google

на теперешнемъ состояніи населенія сибир. каз. войска и требованіи отъ него на службу, будутъ значительно разниться отъ предположеній выборныхъ депутатовъ.

IV.

Сравнивая отношеніе опредѣленнаго новымъ положеніемъ о воинской повинности въ сибир. каз. войскѣ строеваго состава 9 конныхъ полковъ въ 8200 челов., что составитъ съ соотвѣтствующимъ числомъ *) внутренно служащихъ служилый классъ въ 11 т. чел., къ мужескому населенію этого войска, которое въ настоящее время простирается до 45 т. челов., **) съ отношеніемъ регулярной арміи, вмѣстѣ съ временно и безсрочно-отпускными, къ муж. населенію вообще въ Россіи, которое, за исключеніемъ казачьихъ населеній, простирается въ настоящее время до 43 м., ***) военная повинность въ сибирскомъ каз. войскѣ будетъ въ $8^1/_2$ разъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ Россіи. Предполагая, съ введеніемъ въ Россіи общеобязательной воинской повинности, регулярныя силы, вмѣстѣ съ запасомъ, въ 2 м. то и тогда тяжесть воинской повинности въ сибирск. каз. войскѣ будетъ въ 5 разъ тяжелѣе общегосударственной. Но и эти оба сравненія несправедливы, такъ-какъ въ первомъ случаѣ временно и безсрочно-отпускные, а во второмъ—запасныя войска,—вызываются только въ случаѣ войны, тогда-какъ весь служилый классъ казачьихъ населеній, обязанъ службою въ теченіе 22-хъ л. поочередно, и въ обыкновенное мирное время. И такъ, вполнѣ справедливо сравненіе служилаго класса въ казачьихъ войскахъ только съ постоянной арміей, которая простирается въ настоящее время до 700 т. чел. да не можетъ превышать эту цифру и со введеніемъ общеобязательной воинской повинности. Въ такомъ случаѣ казачья воинская повинность будетъ тягостнѣе обще-государственной уже почти въ 15 разъ. Конечно, такая тяжесть воинской повинности, какъ самой обременительнѣйшей изъ всѣхъ повинностей, должна въ такой же пропорціи

*) По таблицѣ академика Буняковскаго на населеніе, соотвѣтствующее возрасту строеваго состава (отъ 19 до 35 л.) въ 2471 чел. приходится населенія, соотвѣтствующаго возрасту внутреннослужащихъ (отъ 35 до 42-хъ л.)—869 чел. (Воен.-Стат. Сборн. изд. 1871 г. стр. 86).

**) Въ 1871 г. мужское населеніе сибир. каз. войска простиралось до 43 т. чел.

***) Населеніе Россіи м. п. за 1867 г. было 40.780,189 чел.; при вычисленіи населенія какъ въ Россіи, такъ и въ сибир. войскѣ въ настоящее время мы брали годовую прибыль въ 1,42% (Воен. Ст. Сб., изд. 1871 г. стр. 66, 67, 911, 912).

Digitized by Google

отражаться на экономическомъ бытѣ страны, особенно, когда она отбывается еще на собственный счетъ населенія.

Чтобы опредѣлить точнѣе стоимость воинской повинности населенія сибирскаго каз. войска, мы должны предварительно коснуться способа отправленія ея при теперешней льготной системѣ и ежегодныхъ требованіяхъ казаковъ на дѣйствительную полевую и внутреннюю службу. При введеніи новой воинской повинности въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ ежегодныя требованія на службу не только не сокращены, но еще болѣе усилены: вмѣсто 8 штатныхъ полковъ опредѣлено содержать 9 полковъ, въ 8200 чел. строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, что съ усиленіемъ штата каждаго полка съ 861 до 900 чел. увеличило общее штатное число на 1312 чел., кромѣ того «депутаты»—чиновники положили увеличить нарядъ отъ сибир. каз. войска въ Туркест. край на 450 чел. и во внутренніе отряды Западной Сибири—нарядъ внутреннослужащихъ на 300 чел.; такимъ образомъ новая воинская повинность отразилась на сибир. каз. войскѣ не облегченіемъ, а увеличеніемъ требованій на 2062 чел.

Сибирское казачье войско преимущественно отбываетъ службу въ предѣлахъ Туркестан. края и на сопредѣльной съ Западной Сибирью китайской границѣ; по нарядамъ ежегодно утверждаемымъ генералъ-губернаторомъ Зап. Сибири, казаки назначаются на 2 года, съ смѣною ежегодно половиннаго числа состоящихъ на полевой службѣ. При настоящей льготной системѣ каждому казаку, въ теченіе 15 лѣтней строевой службы, приходится сходить въ отрядъ не менѣе 3-хъ разъ, т. е. на 6 лѣтъ; но въ дѣйствительности казакъ служитъ въ отрядѣ не 2 года, а болѣе, такъ-какъ, при отдаленности командировокъ въ Туркестанскій край и на китайскую границу, казакамъ приходится дѣлать громадные переходы до 2000 верстъ, находясь въ одномъ только пути впередъ и обратно отъ 8 до 10 мѣсяцевъ, что составитъ дѣйствительной фактической службы не 2 года, а 2 года и 8 или 10 мѣсяцевъ; въ три же наряда не 6 лѣтъ, а 8 или $8\frac{1}{2}$ лѣтъ; принимая же въ соображеніе, что приготовленіе казаковъ, а иногда даже и самый выходъ на службу происходитъ въ рабочее весеннее время, а возвратъ со службы на льготу по окончаніи осенней страды,—то казакъ, при нарядѣ на двухгодичную службу, теряетъ фактически полныхъ 3 рабочихъ года, а въ 3 выхода—9 рабочихъ лѣтъ, не участвуя въ теченіе всего этого времени въ экономіи страны ни личнымъ трудомъ, ни трудомъ своей лошади; если же прибавить къ этому мѣсячные сборы на сборныхъ пунктахъ передъ выходомъ въ отряды, что съ переходомъ на эти пункты составитъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, а въ 3 выхода $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, потомъ ежегодные лагерные сборы льготныхъ казаковъ, на 1 мѣсяцъ, для обученія фронтовой службѣ, что̀ съ переходами на мѣста сборовъ составитъ также $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, а въ 6 льготныхъ лѣтъ—9 мѣсяцевъ и наконецъ еженедѣльные сборы по станицамъ, въ воскресные дни, вновь поступившихъ казаковъ для фрон-

Digitized by Google

товыхъ занятій, а старослуживыхъ для осмотра аммуниціи и лошадей, что въ годъ составитъ около 2 мѣсяцевъ, а въ 6 льготныхъ лѣтъ почти цѣлый годъ службы, то все это въ сложности, въ теченіе 15 лѣтней строевой службы, прибавитъ еще 2 года службы; кромѣ того, присоединяя къ строевой службѣ еще 3 года внутренней, получимъ фактической — дѣйствительной службы казака полныхъ 14 лѣтъ (11 лѣтъ строевой и 3 года внутренней), тогда-какъ служба регулярнаго солдата въ обыкновенное мирное время продолжается лишь 7 лѣтъ (до выхода во временный отпускъ), а при новой воинской повинности проектируется только въ $4^1/_2$ года. При этомъ всегда нужно помнить, что регулярный солдатъ служитъ на всемъ готовомъ, а казакъ на свой счетъ.

Къ 1871 году нарядъ казаковъ (отъ спб. каз. войска) на дѣйствительную полевую и внутреннюю службу простирался до 2829 челов. строевыхъ и до 300 внутренно служащихъ, а съ увеличеніемъ, по предположенію «депутатовъ», наряда казаковъ въ Туркестанскій край на 450 чел., долженъ доходить до 3579 ч., присоединяя къ этому учебную сотню, состоящую изъ 88 чел., находящихся въ гвардейскихъ и кавалерійскихъ полкахъ 40 чел., хоръ войсковыхъ музыкантовъ въ 40 чел., писарей разныхъ полковыхъ управленій до 40 чел., получимъ до 3777 казаковъ, отбывающихъ ежегодно службу, что по отношенію къ муж. населенію сибир. каз. войска, не считая офицеровъ составитъ 1:11,9. При смѣнѣ же со службы изъ отрядовъ ежегодно половиннаго числа, т. е. изъ 3579—1789-ти казаковъ, экономія страны въ дѣйствительности теряетъ ежегодно не 3579 рабочихъ рукъ, а 5368 (считая въ этомъ числѣ 3576 чел. собственно состоящихъ на службѣ по нарядамъ и 1789 чел. илущихъ къ нимъ на смѣну, а потомъ столько же возвращаюхся на льготу), что съ другими служащими составитъ ежегодную потерю въ 5566 человѣкъ; цифра эта относится къ мужскому населенію войска 1:8, тогда-какъ ежегодно содержимая регулярная армія относится къ муж. населенію Россіи 1:58; кромѣ потери ежегодно 5566 рабочихъ рукъ страна теряетъ еще рабочую силу въ 5368 рабочихъ лошадяхъ, состоящихъ подъ казаками. Такимъ образомъ, при срокѣ службы казака вдвое большемъ настоящаго срока службы регулярнаго солдата и втрое большемъ противъ проектируемаго срока при новой общеобязательной воинской повинности, при служиломъ классѣ казаковъ въ 12 разъ большемъ, чѣмъ постоянной регулярной арміи, тяжесть воинской повинности казачьяго населенія сибирскаго войска увеличивается въ настоящее время въ 24 раза, а при проектируемой воинской повинности даже до 36 разъ (3+12) противъ остальнаго населенія Россіи, не говоря уже о снаряженіи казаковъ на службу на собственный счетъ. Наконецъ, служба регулярнаго солдата имѣетъ то преимущество, что отслуживается заразъ, въ молодыхъ лѣтахъ. такъ что при проектируемой общеобязательной воинской повинности,

Digitized by Google

онъ будетъ возвращаться въ семью на 25 году, тогда какъ казакъ можетъ вполнѣ отдаться труду лишь на 45-мъ году жизни, съ подорваннымъ уже долголѣтней службой здоровьемъ. Кромѣ того, при трудности службы въ пограничныхъ передовыхъ отрядахъ, казаки терпятъ и матеріальныя лишенія: употребляемые на службу для мелочныхъ разъѣздовъ и полицейскихъ послугъ, часто посылая по 2 чел., казакъ по необходимости проводитъ большую часть службы подъ открытымъ небомъ, внѣ удобствъ казарменной жизни и продовольствія на артельномъ хозяйствѣ изъ общаго котла, что дѣлаетъ совершенно-недостаточнымъ получаемое отъ казны довольствіе и заставляетъ казака, вмѣстѣ съ лошадью, претерпѣвать всевозможныя лишенія, принуждая цѣлые годы не видѣть куска мяса и пробавляться кирпичнымъ чаемъ съ сухарями. А между тѣмъ снаряженіе казака на свой счетъ и на своей лошади даетъ возможность начальству давать казакамъ чрезмѣрно-трудныя командировки, чего невозможно допустить относительно регулярнаго кавалериста, просто уже въ силу того, что бы не изнурить казенную лошадь, или не испортить казеннаго мундира. Казакамъ же случается скакать въ конвоѣ за начальствомъ во весь карьеръ 30 верстъ на своей лошади, а на перемѣнныхъ киргизскихъ иногда и по 300 верстъ въ однѣ сутки.

Обращаясь за тѣмъ къ оцѣнкѣ воинской повинности въ сибирск. казачьемъ войскѣ можно смѣло положить стоимость собственно-личной военной повинности казаковъ, безъ обмундированія, вооруженія и лошади,—по меньшей мѣрѣ равную стоимость рекрутской квитанціи, т. е. въ 570 р.; за тѣмъ стоимость обмундированія, вооруженія и лошади при поступленіи казака на службу стоитъ по меньшей мѣрѣ 100 руб.; ежегоднаго ремонта на все это въ теченіе 15 лѣтней службы, по 20 руб. въ годъ,—300 руб. и за 7 лѣтъ внутренней, по 10 руб. въ годъ, 70 руб., всего 470 руб. (*) Слѣдовательно, стоимость воинской повинности казака, вмѣстѣ съ наряженіемъ на службу, обходится въ теченіе всей службы по меньшей мѣрѣ 1040 р.; но цифра эта все-таки далека отъ дѣйствительной, такъ какъ личная повинность оцѣнена по стоимости рекрутской квитанціи регулярнаго солдата, опредѣленной, соображаясь съ дѣйствительной службой послѣдняго въ теченіе 7 лѣтъ, тогда какъ казакъ служитъ вдвое болѣе; кромѣ того не принято въ соображеніе лишеніе казачьяго хозяйства отъ потери рабочей силы лошади, уводимой на службу. Принимая все это въ разсчетъ, 22-хъ лѣтнюю службу казака можно смѣло оцѣнить въ 2200 р., по 100 руб. въ годъ. Принимая служилый классъ сибирск. каз. войска въ 11000 чел. и

(*) Весь этотъ разсчетъ сдѣланъ, соображаясь съ табелью годовыхъ и срочныхъ вещей и средней цѣны лошадей.

Digitized by Google

помножая это число на 100, получимъ стоимость воинской повинности для служилаго класса въ 1.100,000 р., а разлагая эту цифру на все муж. населеніе, получимъ на каждую душу муж. п. по 24 р. 44 к. Раздѣляя же стоимость рекрутской квитанціи, 570 р., на 15 лѣтъ общей службы регулярнаго солдата, приходится на каждый годъ службы по 28 руб., помножая эту цифру на число регулярной арміи вмѣстѣ съ отпускными (1.238,377 чел.), получимъ 48.058,326; раздѣляя это число на все муж. насел. Россіи въ 43.000,000 душъ, получимъ стоимость рекрутской повинности на каждую душу муж. пола по 1 руб. 14 к., т. е. въ 21 разъ меньше, чѣмъ въ казачьемъ населеніи.

Сравнивая теперь стоимость снаряженія казака на службу на свой счетъ съ подушной податью крестьянина, за привеллегію избавленія отъ которой первый несетъ этотъ налогъ на себѣ, получимъ слѣдующіе выводы: въ Западной и Восточной Сибири на каждую душу населенія муж. пола, обложеннаго прямыми налогами (съ которымъ вѣроятно сравняли бы и сибирскихъ казаковъ, если бы обложили податью), полагая въ числѣ ихъ подушную и оброчную подати, общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, подушный сборъ на государственныя земскія потребности, губернскій земскій сборъ, пошлины за право торговли и промысловъ, налогъ съ этой пошлины въ государственный земскій сборъ, городскіе налоги,—приходится среднимъ числомъ по 3 р. 60 к. (Воен. статист. сборн., изд. 1871 г. стр. 115), а снаряженіе казака на службу на свой счетъ ложится налогомъ, кромѣ потери лошади,—по 5 р. 22 к. на каждую душу муж. пола казачьяго населенія. Такимъ образомъ эта привиллегія выкупается слишкомъ дорого!

Можетъ быть нѣкоторые укажутъ намъ на другую казачью привиллегію на усиленный тридцатидесятинный казачій поземельный надѣлъ, но, вопервыхъ, межеваніе казачьихъ земель еще не окончено и многія изъ станицъ никогда не владѣли этимъ количествомъ удобной земли, а во вторыхъ, стоитъ только познакомить читателей съ статистическими данными доходности земель, лежащихъ въ районѣ сибир. каз. войска, что бы свести надѣлъ этотъ до нуля. Въ 1866 г. въ 6 полк. округѣ сиб. каз. войска отдано съ торговъ въ арендное содержаніе 18,238 дес. войсковой запасной земли за 5 р. 25 к. (около 0,04 коп. за десятину), за всю же запасную землю этого округа (окружный городъ Омскъ), въ количествѣ 80,915 дес., отданную въ арендное содержаніе на 3 года, выручено по 24 руб. 10 к. въ годъ (около 0,06 коп. за дес.) За отдачу въ арендное содержаніе свободныхъ участковъ войсковой запасной земли за трехлѣтіе 1866—1869 г., за 144,850 дес. выручено 2747 р. 62½ к. (около 2 к. за десятину) а на остальныя 104,682 дес. желающихъ на аренду не явилось, такъ что она была уступлена киргизамъ и другимъ разночинцамъ подъ пастьбу скота и сѣнокошенія за 49 р. 53¾ к. (около 0,04 коп. за де-

Digitized by Google

сятину); въ 1869 г. тѣже 144,850 дес. отданы въ арендное содержаніе за 1321 р. 45 к. (около 0,9 коп. за десятину).

Изъ всего этого читатели могутъ усмотрѣть на сколько велика тяжесть воинской повинности, лежащей на сибирскомъ казачьемъ войскѣ и на сколько дорого оплачиваются населеніемъ тѣ «казачьи привиллегіи», которыми такъ упорно дорожатъ казачьи «депутаты», чиновники? Теперь невольно возникаетъ вопросъ: какими соображеніями руководствовались казачьи «депутаты»-чиновники, при проэктированіи новой воинской повинности въ нашемъ войскѣ, замѣняя воинскую повинность, освобожденныхъ отъ нея богатыхъ казаковъ, ежегоднымъ десятирублевымъ взносомъ въ войсковой доходъ, когда повинность эта стоитъ каждому служащему казаку за всю 22-хъ лѣтнюю службу 2200 руб., или по 100 р. ежегодно?!

V.

При всемъ желаніи сліянія казачьихъ населеній съ остальными гражданами общаго нашего отечества, къ чему представляется въ настоящее время удобный случай при введеніи въ государствѣ общеобязательной воинской повинности, при всемъ желаніи нашемъ уравнять степень военныхъ напряженій казачьихъ населеній съ остальными подданными государства, при всемъ желаніи не проводить въ средѣ казачьихъ населеній какой-либо особой, исключительной системы отправленія воинской повинности,—мы не можемъ однакожъ и помыслить о такой уравнительности при тѣхъ громадныхъ отступленіяхъ отъ общихъ законоположеній и реформъ въ государствѣ, какія стараются провести казачьи «депутаты»-чиновники въ своихъ проэктахъ положеній о казачьихъ войскахъ, и въ виду тѣхъ громадныхъ тяжестей, которыя они стараются наложить на свои казачьи населенія, для искупленія излюбленныхъ ими казачьихъ «правъ и привиллегій». А потому, въ виду такого казачьяго патріотизма «депутатовъ»-чиновниковъ, оставляя въ сторонѣ полную уравнительность казачьей воинской повинности съ общегосударственной, мы будемъ ограничиваться въ своихъ предположеніяхъ лишь нѣкоторымъ примиреніемъ, лишь нѣкоторымъ приближеніемъ ихъ между собою, предлагая только средства доступныя при настоящемъ порядкѣ вещей.

По новому положенію о воинской повинности въ сибирск. казачьемъ войскѣ штатное число строевыхъ казаковъ, въ составѣ 9 конныхъ полковъ, назначено въ 8,200 чел., что съ соотвѣтствующимъ числомъ внутреннослужащихъ, составитъ служилый классъ въ 11,000

Digitized by Google

чел.; цифра эта составляетъ 25,58% всего муж. населенія войска; ежегодная потребность на дѣйствительную полевую и внутреннюю службу достигаетъ до 3,777 чел., т. е. до 8,39% всего муж. населенія. Между тѣмъ, при вновь проэктируемой воинской повинности въ государствѣ,—регулярная армія, вмѣстѣ съ запасомъ, предполагается въ 4% со всего муж. населенія Россіи; постоянная же армія, въ обыкновенное мирное время, проэктируется не болѣе 700,000 чел., что составляетъ 1,63% муж. населенія. Если для казачьихъ войскъ, въ видахъ искупленія, излюбленныхъ казачьимъ крупнымъ чиновничествомъ, казачьихъ «правъ и привиллегій»—тяжесть воинской повинности увеличить вдвое, то и въ такомъ случаѣ сибирское казачье войско, при 8% отношеніи къ мужескому населенію, должно содержать служилый классъ только въ 3,400 чел. (2,515 чел. строевыхъ и 885 внутренно-служащихъ), т. е. не болѣе 3-хъ строевыхъ полковъ, а ежегодно на дѣйствительной полевой и внутренней службѣ—1,467 челов. (3,26% съ мужескаго населенія). Чтобы приблизиться къ этой цифрѣ ежегодной потребности,—мы не можемъ не обратить вниманія какъ на цифру, назначенную для штата полка, такъ и на порядокъ нарядовъ казаковъ на службу. Казачій полкъ опредѣляется въ 6 сотенъ, сотня въ 4 взвода. Самое удобное для построеній число рядовъ во взводѣ 12; если положить даже число рядовъ 15, т. е. по 30 чел. во взводѣ, то и тогда для шестисотеннаго полка потребуется 720 рядовыхъ, 87 урядн. и 13 трубачей, т. е. 820 чел. строевыхъ нижнихъ чиновъ, присоединяя къ этому 20 чел. нестроевыхъ—получимъ штатную цифру шестисотеннаго полка всего въ 840 чел., а четырехсотеннаго въ 568 чел., почему же назначенъ штатъ шестисотеннаго полка въ 900 челов. намъ неизвѣстно. Что же касается до порядка наряда казаковъ на службу, то пора бы отнестись къ этому вопросу критически и ограничить существующій въ настоящее время произволъ мѣстнаго начальства введеніемъ извѣстнаго контроля со стороны военнаго министерства. Если увеличеніе состава регулярной арміи зависитъ отъ верховной власти, то и усиленіе нарядовъ казаковъ пора-бы изъять отъ усмотрѣнія мѣстныхъ начальствъ. Наряды казаковъ, какъ извѣстно, весьма произвольны; они совершаются по требованіямъ нерѣдко даже гражданскаго начальства и начальства другихъ округовъ, нисколько не заинтересованныхъ въ благосостояніи чуждыхъ имъ и отдаленныхъ населеній. Такъ, напр., отъ сибирск. каз. войска назначаются къ тобольскому гражд. губернатору 4 казака и въ тобольское губернское правленіе 4 каз., тогда какъ ни губернаторъ, ни губернск. правленіе Томской губерніи, ни даже военные губернаторы Семипалат. и Акмолинской областей,—не требуютъ подобныхъ нарядовъ. Какъ будто Тобольская губернія есть единственная изъ сибирскихъ губерній, находящаяся на военномъ положеніи и губернаторъ и губернское правленіе ея,—нуждаются въ военномъ прикрытіи. По нашему мнѣнію, какъ этотъ нарядъ, такъ

*

Digitized by Google

и вообще наряд казаков для полицейских обязанностей въ городах Западной Сибири при полицейских управленіях, при земских судах и засѣдателях,—слѣдует совершенно отмѣнить. Города Зап. Сибири: Омскъ, Тобольскъ, Томскъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ, Ишимъ, Курганъ и проч., по внутренней своей жизни ни чѣмъ не отличаются отъ внутреннихъ городовъ Европ. Россіи; полиція этихъ городовъ, а также земскіе суды и засѣдатели, не вызываются къ постоянной готовности на особыя мѣры, подкрѣпляемыя военными командами; по этому нѣтъ и надобности содержать при этихъ мѣстахъ и лицахъ особыя казачьи команды. Мѣра эта приноситъ только вредные плоды: произволъ полицейскихъ чиновниковъ, подъ военнымъ прикрытіемъ, дѣлается гораздо безцеремоннѣе, а казаки, какъ исполнители экзекуцій, становятся по враждебное къ народу положеніе; наконецъ, казаки при такихъ командировкахъ легко обращаются въ придворный штатъ чиновниковъ, содержимый на счетъ казны. То же самое можно сказать и о казачьихъ командахъ при уѣздныхъ начальникахъ въ областях Киргизской степи, которыхъ можно было бы замѣнить киргизами. Пора бы и киргизъ привлечь къ какой-либо службѣ, хотя разсыльныхъ при уѣздныхъ управленіяхъ. Командированіе 30 казаковъ въ гвардейскіе конные полки слѣдовало бы также отмѣнить, подобно тому, какъ это отмѣнено уже отъ ближайшаго даже къ Петербургу—оренбургскаго войска, при томъ же—сибирское войско—есть единственное, на которомъ лежитъ въ настоящее время эта обязанность. Хоръ войсковыхъ музыкантовъ, состоящій изъ 40 челов., служа для увеселенія только омской публики, составляетъ излишнее бремя, какъ для войсковыхъ финансовъ, на счетъ которыхъ содержится, такъ и для населенія, обслуживающаго этихъ 40 человѣкъ. Объ упраздненіи войсковаго хора проектировало депутатское собраніе еще въ 1863 г. Требованіе наряда казаковъ въ Туркестанскій край вамъ кажется также преувеличеннымъ. И тамъ, какъ вамъ извѣстно, казаки употребляются скорѣе въ прислугу чиновниковъ, чѣмъ для военныхъ цѣлей. Наконецъ, если Туркестанскій край и въ обыкновенное мирное время требуетъ значительное число войскъ, то несправедливо требовать для этой общегосударственной надобности, въ теченіе 10 лѣтъ, особенныхъ военныхъ напряженій только отъ однихъ сосѣднихъ съ нимъ казачьихъ населеній. Пора-бы раздѣлить эту участь и сосѣднему киргизскому населенію, образованіемъ изъ него милиціи, или командировать въ Туркестанскій край регулярную кавалерію. Такимъ образомъ, слѣдовало бы на будущее время ежегодный нарядъ казаковъ отъ сибирск. казачьяго войска ограничить слѣдующими размѣрами: 1) въ Туркестанскій край одинъ шестисотенный полкъ, хотя по прежнему штату, 861 челов. и 2) въ пограничные отряды Западной Сибири и на внутреннюю службу по войску до 600 чел., что составитъ 3,88% со всего мужскаго населенія войска, т. е. требованіе какъ-разъ вдвое

Digitized by Google

большее, чѣмъ съ остальнаго населенія Россіи, при содержаніи послѣднимъ въ обыкновенное время семисотъ-тысячной регулярной арміи. Но оставляя въ сторонѣ всякую надежду на подобное сокращеніе казачьихъ нарядовъ, требующихъ со стороны казачьихъ населеній все-таки удвоенныхъ противъ остальнаго населенія Россіи напряженій къ отбыванію воинской повинности, оставляя въ сторонѣ и сокращеніе штата полка до предлагаемой нами цифры, мы ограничимся разсчетомъ относительно опредѣленныхъ новымъ положеніемъ о воинской повинности въ сибирскомъ каз. войскѣ штатныхъ 9 полковъ, съ содержаніемъ изъ нихъ ежегодно на дѣйствительной полевой службѣ въ отрядахъ 3-хъ конныхъ полковъ.

Даже и при этомъ громадномъ требованіи, въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ весьма возможно введеніе проэктированной выборнымъ депутатскимъ собраніемъ еще въ 1863 г., а впослѣдствіи предлагаемой и семипалатинскимъ военнымъ губернаторомъ, генераломъ Полторацкимъ, краткосрочной службы, сразу въ молодыхъ лѣтахъ. Для чего необходимо только обратиться къ прежней общеобязательной системѣ отправленія воинской повинности, освященной въ казачьихъ войскахъ вѣками, вводимой въ настоящее время во всемъ нашемъ отечествѣ и нарушенной только казачьими «депутатами», создавшими привиллегію для богатыхъ казаковъ. Для этого слѣдуетъ отрѣшиться только отъ вновь созданныхъ казачьихъ привиллегій и по примѣру вводимой въ государствѣ общеобязательной воинской повинности,—призвать на службу въ казачьихъ войскахъ молодыхъ людей, всѣхъ сословій, не отличая богатаго отъ бѣднаго; при чемъ призывный возрастъ можно опредѣлить также въ 20 лѣтъ.

VI.

Обратимся теперь къ статистическимъ даннымъ, которыя всего краснорѣчивѣе докажутъ возможность примѣненія къ казачьему населенію краткосрочной службы. По свѣдѣніямъ о народонаселеніи сибирскаго казачьяго войска за 1868 г. въ немъ считалось: мужескаго пола 42,550 чел., изъ нихъ малолѣтковъ 19 лѣтняго возраста, имѣющихъ поступить на службу, 856 чел. и служилыхъ казаковъ отъ 19 до 42-хъ-лѣтняго возраста 12,709 чел. По таблицѣ же, составленной академикомъ Буняковскимъ, о распредѣленіи православнаго населенія Россіи по возрастамъ, видно, что на данное населеніе въ 42,550 чел. приходится: достигающихъ 19 лѣтняго возраста 838 чел. и въ

Digitized by Google

возрастѣ отъ 19 до 42 лѣтъ—14,200 *). Слѣдовательно, требованія статистики достаточно удовлетворяются состояніемъ народонаселенія сибирскаго казачьяго войска, если принять во вниманіе, что въ числѣ 12,709 служилыхъ казаковъ не считаются офицеры, уволенные въ отставку за неспособностію нижніе чины и торговый классъ казаковъ. Принимая настоящее мужеское населеніе сибирскаго казачьяго войска въ 45,000 чел., мы получимъ на это народонаселеніе, по вычисленіямъ академика Буняковскаго,—достигнувшихъ 20 лѣтняго возраста 864 чел., а въ возрастѣ отъ 20 до 33-хъ лѣтъ—8,973 чел. И такъ, требуемый новымъ положеніемъ штатный составъ 9 полковъ въ 8,200 чел. можетъ съ излишкомъ удовлетворить населеніе войска отъ 20 до 33-хъ-лѣтняго возраста, при общемъ срокѣ службы въ 12 лѣтъ. Этимъ же положеніемъ опредѣляется ежегодное содержаніе на дѣйствительной полевой службѣ 3-хъ конныхъ полковъ, т. е. 2,700 чел.; комплектованіе этихъ 3-хъ полковъ весьма возможно призывомъ на службу всѣхъ 20 лѣтнихъ казаковъ и выкомандировываніемъ ихъ въ первый же годъ службы въ составъ этихъ полковъ на 4 года. Ежегодный контингентъ молодыхъ казаковъ, достигающихъ двадцатилѣтняго возраста, въ 864 чел., въ 4 года, за исключеніемъ $3\frac{1}{2}\%$ на убыль, дастъ 3,335 чел., цифру съ излишкомъ удовлетворяющую штатное число 3-хъ полковъ. Въ такомъ случаѣ, при ежегодной смѣнѣ четвертой части штатнаго числа 3-хъ полковъ понадобятся не всѣ 864 чел., призванныхъ на службу, а только 675 чел. $\left(\frac{2,700}{4}=675\right)$; 189 же человѣкъ составятъ излишекъ. На счетъ этого-то излишка и слѣдуетъ удовлетворять требованія внутренней службы въ войскѣ: содержаніе фельдшеровъ, писарей и проч.; на счетъ этого излишка возможно отнести также разныя убыли: увольненіе отъ службы неспособныхъ, льготы по образованію и семейному положенію и проч. а потому, не освобождая этого излишка, за исключеніемъ совершенно неспособныхъ, отъ службы—слѣдуетъ перечислить его на внутреннюю службу на общій 12 лѣтній срокъ. Такимъ образомъ, исключая изъ 189 до 10% на убыль по неспособности къ службѣ,—получимъ 170 молодыхъ 20 лѣтнихъ казаковъ, поступающихъ на внутреннюю службу, которые въ теченіе 12 лѣтней службы, за исключеніемъ 13% на убыль, дадутъ контингентъ внутренно-служащихъ въ 1,775 чел. Внутреннюю службу можно отбывать также выкомандировываніемъ по нарядамъ всѣхъ поступившихъ на нее 170 чел. 20 лѣтнихъ молодыхъ казаковъ на 2 или на 3 года, смотря по требованіямъ на эту службу, но не болѣе, какъ на 4 года. По окончаніи дѣйствительной внутренней службы, т. е. черезъ 2, 3 и 4 года,—внутренно-служащихъ, кромѣ писарей и фельдшеровъ, можно

(*) Воен. Статист. Сборн., изд. 1871 г. стр. 86.

Digitized by Google

зачислять также въ запасъ. Такимъ образомъ внутренняя служба будетъ относиться въ возрастѣ параллельномъ возрасту строевыхъ казаковъ и также сразу въ молодыхъ лѣтахъ, а не на счетъ возраста въ періодѣ отъ 35 до 42-хъ лѣтъ и не на счетъ увеличенія срока службы на 22 года, какъ теперь. И такъ, въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ, при такомъ порядкѣ отбыванія воинской повинности, будетъ: 3 строевыхъ конныхъ полка на постоянной службѣ въ пограничныхъ отрядахъ, со срокомъ службы въ 4 года въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ, 6 запасныхъ конныхъ полковъ, съ 8 лѣтнимъ срокомъ службы въ запасахъ,—въ возрастѣ отъ 24 до 33-хъ лѣтъ, считая въ томъ числѣ и перечисленныхъ изъ внутренней службы, и кромѣ того классъ внутренно-служащихъ въ числѣ 500—700 чел., также въ возрастѣ отъ 20 до 24-хъ лѣтъ.

Вызовъ на службу запасныхъ полковъ слѣдуетъ подчинить тѣмъ же условіямъ, какія опредѣлены будутъ относительно регулярныхъ запасныхъ войскъ, т. е. не иначе, какъ только въ случаѣ войны, по повелѣнію верховной власти и при соблюденіи условій постепенности призыва по возрастамъ, т. е. сначала младшій возрастъ до 27 л., а потомъ уже старшій. Совершенное освобожденіе отъ службы, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ допустить лишь для кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для пріобрѣвшихъ высшія техническія знанія и для учителей народныхъ школъ. Льготы и отсрочки отъ службы допустить только для оканчивающихъ и окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ прогимназіяхъ и въ народныхъ училищахъ, съ предоставленіемъ имъ правъ вольноопредѣляющихся: для первыхъ $1\frac{1}{2}$, для вторыхъ $2\frac{1}{2}$ и для третьихъ $3\frac{1}{2}$ года службы (считая въ этомъ числѣ для каждаго разряда по полугоду пребыванія при учебной казачьей части), а для остальныхъ—только по семейному положенію, съ точнымъ опредѣленіемъ послѣдняго законодательствомъ.

При введеніи подобной системы воинской повинности казачьимъ строевымъ частямъ слѣдуетъ придать правильный видъ, съ прочной подготовкой къ военному дѣлу, съ однообразнымъ и удовлетворительнымъ обмундированіемъ и вооруженіемъ. Для этого необходимо, во первыхъ, устройство постояннаго учебнаго кадра, а во вторыхъ, избавленіе казаковъ отъ тяжелой обязанности снаряжаться на службу на свой счетъ, «отъ избытковъ своего хозяйства», по крайней мѣрѣ для 3-хъ строевыхъ полковъ, содержимыхъ на постоянной службѣ. Первая цѣль можетъ быть достигнута образованіемъ учебнаго полка, съ обращеніемъ теперешней учебной сотни въ постоянный кадръ, черезъ который проходили бы всѣ поступившіе на службу молодые казаки. Для этого всѣ 20 лѣтніе казаки, тотчасъ по зачисленіи на службу, должны быть командированы въ учебный полкъ, для обученія правиламъ строевой службы на 5 мѣсяцевъ, и затѣмъ уже, по распредѣленіи болѣе способныхъ на строевую, а менѣе—на внутреннюю

Digitized by Google

службу,—должны выкомандировываться—первые на укомплектованіе 3 конныхъ полковъ, состоящихъ на службѣ, а послѣдніе для отбыванія внутренней службы. При учебномъ полку долженъ состоять также и учебный хоръ трубачей, для приготовленія трубачей въ полки. При этомъ, какъ учебный кадръ, такъ и кадръ учебнаго хора трубачей, слѣдуетъ содержать на счетъ состава 3-хъ конныхъ полковъ, состоящихъ на службѣ, съ отпускомъ отъ этихъ полковъ и всего содержанія, что при значительномъ увеличеніи штата полковъ не составитъ для нихъ ущерба. Затѣмъ всѣ другіе сборы, существующіе въ настоящее время для обученія строевой службѣ льготныхъ казаковъ и воскресные сборы для осмотра аммуниціи слѣдуетъ отмѣнить совершенно. Если для рекрута-солдата считается достаточнымъ пятимѣсячнаго обученія, то природному каваллеристу-казаку срокъ этотъ слишкомъ достаточенъ. Получивши такую подготовку при поступленіи на службу и прослуживши потомъ въ строевыхъ частяхъ на полевой службѣ цѣлыхъ 4 года, гдѣ конечно проведетъ 4 лагерныхъ сбора,—казакъ не будетъ уже нуждаться въ обученіи во всю остальную 8 лѣтнюю службу въ запасѣ и конечно будетъ способенъ хорошо владѣть оружіемъ и конемъ, когда нужды отечества потребуютъ этого.

Настоящій способъ снаряженія казака на службу на собственный счетъ, при господствующей бѣдности населенія, не можетъ быть удовлетворителенъ. Даже и при извѣстныхъ средствахъ казакъ не можетъ достигнуть удовлетворительнаго снаряженія при той разбросанности малолюдныхъ казачьихъ станицъ на большія разстоянія отъ торговыхъ пунктовъ, гдѣ нельзя достать ни матеріаловъ, ни мастеровыхъ и гдѣ каждая вещь обходится въ три-дорога, такъ-что казачьи команды, идущія въ отряды и особенно возвращающіяся со службы—имѣютъ жалкій, оборванный видъ; на лагерные же сборы часто половина льготныхъ казаковъ выходитъ безъ лошадей и аммуниціи, въ дырявыхъ шинеляхъ и кафтанахъ. Ни строгости начальства, ни заготовленіе войсковыхъ запасовъ сукна, ни выдачи ссудъ,—ничто не можетъ исправить, или удешевить «снаряженіе» казака на службу. Всему виною конечно экономическая невозможность населенія къ такимъ значительнымъ затратамъ. Особенно тяжело падаетъ на казака заведеніе лошади, которую въ теченіе 2-хъ—3-хъ лѣтней службы приходится перемѣнить 2, 3 и даже 5 разъ. Расходовъ этихъ конечно не могутъ выкупать и ремонтныя деньги, отпускаемыя казакамъ, съ цѣлію вспомоществованія при снаряженіи, такъ-какъ деньги эти выдаются не передъ выходомъ, а уже по выходѣ на службу и то частями по третямъ года, часто несвоевременно; деньги эти далеко не вознаграждаютъ его затратъ и идутъ или на пополненіе долга въ войсковыя или станичныя суммы, образовавшагося по ссудамъ на снаряженіе, или на продовольствіе себя, такъ-какъ при отсутствіи артелей въ казачьихъ командахъ—оно обходится имъ весьма дорого.

Digitized by Google

А между тѣмъ дурное снаряженіе казаковъ на службу, вызываетъ постоянныя нареканія на нихъ и составляютъ единственную причину всѣхъ ихъ неудачъ въ отдѣльныхъ отрядахъ. По этому весьма желательно, чтобы войсковое начальство вникнуло въ это дѣло и подало бы руку помощи казачьему населенію, взявши на себя полную опеку по обмундированію, вооруженію и снабженію казаковъ лошадьми, что уже и дѣлается въ настоящее время для учебной сотни и что весьма легко привести въ исполненіе относительно покрайней мѣрѣ тѣхъ 3-хъ полковъ, которые находятся на постоянной службѣ. Для чего, одновременно съ обученіемъ молодыхъ казаковъ при учебномъ полку, слѣдуетъ производить и обмундированіе ихъ на войсковой счетъ, съ удержаніемъ въ пользу войска всѣхъ ремонтныхъ денегъ, отпускаемыхъ казакамъ отъ казны. Излишній страхъ за эту мѣру мы постараемся разсѣять цифровыми данными. Да наконецъ, если бы даже, для этой цѣли, какъ на удовлетвореніе насущной потребности всего 45 тысячнаго муж. казачьяго населенія, на которое снаряженіе на свой счетъ на службу ложится весьма обременительнымъ налогомъ, потребовались бы и нѣкоторыя жертвы изъ войсковыхъ суммъ, то жалѣть объ этомъ нечего, когда на обезпеченіе десятковъ чиновниковъ тратятся сотни тысячъ рублей изъ капитала, накопленнаго трудомъ того же населенія.

На заведеніе годовыхъ и срочныхъ вещей, кромѣ оружія, уже имѣющагося въ войскѣ на 2,700 чел. потребуется, примѣняясь къ табели, приложенной къ положенію 1846 г., до . . . . . 94,000 р.

На покупку 2,640 лошадей для строевыхъ казаковъ, по 25 р. за каждую . . . . . 66,000 р.

160,000 р.

На эту временную, только въ первый годъ, затрату можно употребить слѣдующія средства: а) ремонтныя деньги, отпускаемыя отъ казны на 2,640 чел. строевыхъ, по 21 р. 45 к., и на 60 чел. нестроевыхъ по 10 р. 72½ к., всего . . . . . 57,271 р. 50½ к.

б) военный капиталъ (свѣдѣніе взято къ 1 мая 1870 г.) . . . . . 82,460 р. 80½ к

в) позаимствовать изъ войсковаго капитала . . 20,267 р. 69 к

160,000 р.

Затративши въ первый годъ на снаряженіе казаковъ на службу до 160,000 р., въ послѣдующіе затѣмъ годы представятся только слѣдующіе расходы: на заведеніе годовыхъ и на ремонтъ срочныхъ вещей и оружія около 34,000 р. и на ремонтъ лошадей, полагая срокъ службы лошади 9 лѣтъ, ⅑ стоимости—7,333 р., всего до 41,333 р. Этому расходу будутъ съ излишкомъ удовлетворять отпускаемыя казакамъ ежегодно отъ казны ремонтныя деньги 57,271 р. 50 к., съ ежегоднымъ при этомъ остаткомъ въ 15,938 р. 50 к., кото-

Digitized by Google

рый, за постепеннымъ погашеніемъ вышеприведеннаго долга въ войсковыя суммы (20,267), можетъ пойти на образованіе военнаго капитала.

Зачисленіе на службу 20 лѣтнихъ казаковъ должно оканчиваться къ 1 октября, а къ 15 января, они уже должны быть собраны при учебномъ полку, по прослуженіи въ которомъ 5 мѣсяцевъ,—съ 15 іюня должны уже выкомандировываться въ отряды на полевую службу въ составъ 3-хъ конныхъ полковъ. Кромѣ обученія строевой службѣ при учебномъ полку, молодые казаки въ теченіе 5 мѣсяцевъ должны быть обмундированы и по возможности снабжены, какъ срочными, такъ и годовыми вещами на всю четырехлѣтнюю службу. Ремонтированіе полковъ лошадьми слѣдовало бы также производить на иртышской линіи, для чего слѣдовало бы поощрять заводы улучшенныхъ породъ лошадей, весьма возможныхъ при дешевизнѣ содержанія лошадей; выѣздку лошадей слѣдуетъ производить при учебномъ полку и отправлять въ полки съ молодыми казаками, идущими на службу. Для уменьшенія расходовъ казны, слѣдовало бы, зачисленныхъ на службу 20 лѣтнихъ казаковъ, какъ при назначеніи въ учебный полкъ, такъ и при выкомандированіи въ отряды,—отправлять на подрядныхъ, или на почтовыхъ лошадяхъ, съ выдачею прогонныхъ и суточныхъ денегъ, что будетъ значительно дешевле содержанія во время продолжительныхъ переходовъ конныхъ казачьихъ командъ; обученіе же казаковъ верховой ѣздѣ при учебномъ полку можетъ удовлетворяться ежегоднымъ ремонтомъ лошадей (до 300). Кромѣ того, казна выигрываетъ и отъ смѣны казаковъ не въ половинномъ числѣ, а четвертой части; въ первомъ случаѣ казна содержитъ въ настоящее время ежегодно, кромѣ 3-хъ полковъ, состоящихъ на полевой службѣ, еще 1 1/2 полка (1,350 чел.), идущихъ имъ на смѣну и потомъ столько же смѣнившихся со службы на льготу, что при переходахъ въ 8—10 мѣсяцевъ составляетъ значительные расходы, тогда-какъ при смѣнѣ 1/2—расходъ сократится въ половину, а если отправленіе въ полки казаковъ будетъ признано возможнымъ на подрядныхъ или почтовыхъ лошадяхъ—то расходы на путевое довольствіе командъ еще болѣе сократятся.

VII.

Все сказанное о тяжести воинской повинности въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ, относится и до другихъ казачьихъ войскъ. Не говоря уже о той громадной разницѣ въ отбываніи воинской повинности, какая существуетъ между казачьимъ и остальнымъ населеніемъ Рос-

Digitized by Google

сіи, повинность эта распредѣляется неравномѣрно и между казачьими войсками по отношенію одно къ другому. А потому весьма желательно, чтобы предполагаемая нами краткосрочная и общеобязательная система отправленія воинской повинности, впредь до сліянія казачьихъ населеній въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи и до распространенія на нихъ общегосударственной воинской повинности,—было примѣнено къ каждому изъ нихъ. Для чего постараемся привести цифровыя данныя тѣхъ отношеній воинской повинности, какія существуютъ въ другихъ казачьихъ войскахъ.

	Населеніе муж. пол.	Служилый Классъ	строевыхъ.	внутренно сл. ежегодное треб. на дѣйств. слу. строевыхъ.	отношеніе служил. кл. къ муж. нас.	отношеніе состоящихъ на дѣйств. полевой служ. къ насел. м. п. къ штатному стр. составу
Донское	354,000	62,959	22,304	19,427	21 %	5,5 % 30,9 %
Кубанское . . .	236,000	36,000	12,600	15,072	20,6 %	6,3 % 41,8 %
Терское	63,000	11,000	3,850	4,984	23,5 %	7,8 % 44,6 %
Астраханское .	10,500	1,700	595	406	21,8 %	3,7 % 23,3 %
Оренбургское .	129,000	27,000	9,450	11,276	28	8,7 % 41,7 %
Уральское . . .	57,700	10,574	3,670	5,254	24,68 %	9 49,5 %
Сибирское . . .	45,000	8,200	2,800	2,947	24,4 %	6,5 % 35,9 %
Семирѣч. . . .	9,000	1,728	604	585	25,9 %	6,5 % 33,8 %
Забайкальское.	67,000	11,000	3,850	2,910	22 %	4,3 % 26,4 %
Амурское. . . .	10,500	3,386	1,175	664	43,4 %	6,3 % 19,6 %
	981,170	173,547	60,898	63,495	23,89 %	6,46 % 36,5 %

Свѣдѣнія о народонаселеніи вычислены за 1870 г., состояніе на дѣйствительной службѣ строевыхъ за 1869 г., за исключеніемъ сибирск. каз. войска, гдѣ цифра эта взята изъ наряда по войску за 1871 г., штатное число казачьихъ войскъ взято также за 1869 г., за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ введена уже новая воинская повинность и гдѣ норма строеваго состава опредѣлена особыми положеніями, число внутреннослужащихъ вычислено по таблицѣ отношенія возрастовъ академика Буняковскаго.

Изъ выше приведенной таблицы видно, что около 24%, т. е. почти $^1/_4$ всего муж. населенія казачьихъ войскъ, состоитъ въ служиломъ классѣ, обязанной 22-хъ лѣтней службой; что изъ штатнаго числа строевыхъ—ежегодно на дѣйствительной полевой службѣ состоятъ 36$^1/_2$%, или почти 6$^1/_2$% со всего муж. населенія, тогда-какъ проэктируемая въ обыкновенное мирное время постоянная армія въ 700 т. чел. составляетъ лишь 1,6% муж. насел. другихъ областей Россіи и даже въ военное время, при усиленномъ напряженіи военныхъ силъ государства, когда регулярная армія, вмѣстѣ съ запасами, проэкти-

Digitized by Google

руются до 2 м., составитъ лишь 4,65% съ муж. населенія Россіи, т. е. цифру почти въ $1^1/_2$ раза меньшую противъ той, которую казачьи войска выставляютъ на службу ежегодно въ обыкновенное мирное время. Напряженіе же казачьихъ населеній въ военное время, когда они обязаны выставлять на службу весь служилый классъ,—превышаетъ остальныя области Россіи въ 8 разъ. Изъ этой же таблицы видно, что какъ штатное требованіе, такъ и ежегодные наряды казаковъ на дѣйствительную службу, распредѣлены между казачьими войсками весьма неравномѣрно. Въ первомъ случаѣ особенно обремененo амурское казачье войско, гдѣ служилый классъ составляетъ почти $43^1/_2$% съ мужескаго населенія, ежегодное же требованіе съ него на дѣйствительную полевую службу составляетъ съ небольшимъ 6% съ мужескаго населенія, т. е. равное среднему требованію отъ другихъ казачьихъ войскъ. А между тѣмъ амурское казачье населеніе, поселенное по берегамъ р.р. Амура и Уссури, не по стратегическимъ соображеніямъ и не въ видахъ основанія сельско-хозяйственныхъ колонизаціонныхъ пунктовъ въ новомъ краѣ, а въ видахъ основанія изъ казачьихъ станицъ почтовыхъ станцій для отбыванія почтовой гоньбы,—въ теченіе тринадцати-лѣтняго своего существованія, подвергалось нѣсколько уже разъ бѣдствіямъ отъ наводненій Амура и Уссури, къ которымъ оно приврѣплено въ силу обязательнаго отбыванія почтовой гоньбы, такъ-что обратилось въ кочевое населеніе, принужденное нѣсколько разъ переносить свои станицы съ одного залитаго водою станка на другой и особенно послѣ прошлогоднихъ двукратныхъ наводненій, уничтожившихъ нѣкоторыя станицы совершенно,—нуждается въ особенномъ вниманіи къ своему положенію и требуетъ радикальной реформы. За амурскимъ войскомъ по значительности процентнаго отношенія служилаго класса къ мужескому населенію, слѣдуетъ оренбургское войско, гдѣ оно составляетъ 28%, не смотря на то, что въ немъ введена новая система воинской повинности, потомъ семирѣченское почти 26%, уральское—болѣе $24^1/_2$%, сибирское,—$24^1/_2$% и терское—$23^1/_2$ (въ послѣднихъ двухъ также введена новая воинская повинность). Оренбургское, уральское и терское казачьи войска несутъ также и большій % по отношенію къ мужескому населенію ежегоднаго требованія казаковъ на полевую службу и не смотря на то, что новыми положеніями о воинской повинности обусловлено ежегодное выкомандированіе на дѣйствительную службу не болѣе одной трети всего штатнаго состава,—въ терскомъ войскѣ—ежегодное требованіе доходитъ болѣе $44^1/_2$%, въ оренбургскомъ—болѣе $41^1/_2$% и въ сибирскомъ до 40%. А такъ-какъ при введеніи въ дѣйствіе новаго положенія о воинской повинности въ сибирскомъ войскѣ, для уравненія нарядовъ въ Туркестанскій край отъ оренбургскаго, уральскаго и сибирскаго казачьихъ войскъ,—предположено не уменьшеніе нарядовъ отъ первыхъ до процентнаго отношенія ихъ отъ сибирскаго войска, а увеличеніе нарядовъ въ по-

Digitized by Google

слѣднемъ, то и сибирское войско займетъ по тяжести ежегодныхъ нарядовъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Если бы при исчисленіи штатнаго числа служилыхъ казаковъ, т. е. строевыхъ и внутренно-служащихъ въ казачьихъ войскахъ, соображаться съ проэктируемымъ, при вводимой въ государствѣ общеобязательной воинской повинности, числомъ регулярной арміи, вмѣстѣ съ запасными войсками, составляющемъ 4% со всего мужескаго населенія Россіи, или даже увеличивая это отношеніе въ казачьихъ войскахъ вдвое противъ населенія другихъ областей Россіи, т. е. до 8%, то въ томъ и другомъ случаѣ служилый составъ въ казачьихъ войскахъ долженъ быть слѣдующій:

	При 4% отношеніи служилаго класса.			*При 8% отношеніи служилаго класса.*		
	Строевыхъ.	Внутреннихъ.	Изъ строевыхъ $^1/_2$ ежегодно на полевой службѣ.	Строевыхъ.	Внутреннихъ.	Изъ строевыхъ $^1/_3$ ежегодно на полевой службѣ.
Донское	10,476	3,684	3,492	20,952	7,368	6,650
Кубанское. . . .	6,986	2,454	2,328	13,972	4,908	4,657
Терское	1,865	655	622	3,730	1,310	1,243
Астраханское .	310	110	103	620	220	207
Оренбургское .	3,820	1,340	1,273	7,640	2,680	2,547
Уральское. . . .	1,710	600	570	3,420	1,200	1,140
Сибирское . . .	1,190	410	397	2,380	820	793
Семирѣченское	250	90	83	500	180	166
Забайкальское.	1,980	700	660	3,960	1,400	1,320
Амурское	310	110	103	620	220	207

Проэктируя новое положеніе о воинской повинности въ казачьихъ войскахъ, «депутаты», при вычисленіи штатнаго числа казаковъ,— почему-то опредѣлили это число не въ одинаковомъ процентномъ отношеніи къ населенію: въ кубанскомъ это отношеніе составляетъ 15%, въ терскомъ 17% и въ сибирскомъ 18% къ мужескому населенію. Примѣняя предполагаемую нами обще-обязательную систему воинской повинности съ краткосрочною службою для сибирскаго казачьяго войска—къ другимъ казачьимъ войскамъ, мы предположимъ отношеніе строеваго состава къ мужескому населенію въ 16%, съ ежегоднымъ содержаніемъ изъ него на дѣйствительной полевой службѣ не болѣе $^1/_3$; и предполагая комплектованіе строевыхъ частей, состоящихъ на дѣйствительной полевой службѣ, призывать ежегодно на службу всѣхъ 20 лѣтнихъ казаковъ на $4^1/_2$ года, съ выкомандировываніемъ изъ нихъ, по прослуженіи 5 мѣсяцевъ въучебныхъ частяхъ, только такого числа, которое составляло бы $^1/_2$ состоящихъ на дѣйствительной службѣ, получимъ слѣдующіе результаты

Digitized by Google

	Штатное число строевыхъ при 6% отношенія къ м. п.	Изъ нихъ 1/3 состоитъ на дѣйств. служ.	Число достигающихъ двадцатилѣтн. возраста.	Сколько потребуется на строевую службу при смѣнѣ 1/4.	Излишекъ при смѣнѣ 1/4 для зачисленія на внутр. служб.	Излишекъ при смѣнѣ 1/3 для зачисленія на внутр. служб.
Донское . . .	56,640	18,880	6,800	4,720	2,080	507
Кубанское .	37,760	12,586	4,531	3,146	1,385	336
Терское . . .	10,080	3,360	1,209	840	369	89
Астраханск.	1,680	560	201	140	61	14
Оренбургск.	20,640	6,880	2,476	1,720	756	183
Уральское .	9,232	3,077	1,107	769	338	82
Сибирское .	7,200	2,400	864	600	264	64
Семирѣченс.	1,440	480	172	120	52	12
Забайкал. .	10,720	3,573	1,286	893	393	95
Амурское . .	1,680	560	201	140	61	14
	157,072	52,356	18,847	13,088	5,759	1,396

Такимъ образомъ при содержаніи казачьими войсками въ обыкновенное мирное время ежегодно на полевой службѣ 52,356 чел., т. е. 5,33% со всего муж. населенія,—тяжесть воинской повинности будетъ въ 3 1/2 раза болѣе, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ Россіи при содержаніи 700 тысячной регулярной арміи, не считая еще ежегоднаго наряда внутреннослужащихъ, которые соотвѣтствуютъ мѣстнымъ регулярнымъ войскамъ. Изъ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ видно, что если число достигающихъ 20 лѣтняго возраста въ казачьихъ войскахъ удовлетворяетъ вычисленіямъ академика Буняковскаго о распредѣленіи православнаго населенія Россіи по возрастамъ, то число ихъ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, не только превышало бы четвертую, но даже и третью часть числа строевыхъ казаковъ, состоящихъ на дѣйствительной полевой службѣ, слѣдовательно, даетъ возможность смѣнять со службы даже третью ихъ часть, съ выкомандированіемъ на 3 года. Итакъ, предполагаемая нами система воинской повинности съ сокращеніемъ срока службы казаковъ на 4 1/2 года вполнѣ примѣнима и къ другимъ казачьимъ войскамъ, даже съ уменьшеніемъ его на 3 1/2 года.

Конечно, подобныхъ результатовъ мы достигаемъ только при полномъ напряженіи силъ всего казачьяго населенія, призывомъ на службу всѣхъ молодыхъ людей безъ всякихъ исключеній, немыслимыхъ при тѣхъ требованіяхъ, которыя заставляютъ казачьи населенія для отбыванія столь тяжелой воинской повинности отдавать всѣ свои производительныя силы. При такомъ напряженіи казачьихъ населеній, для отбыванія воинской повинности, немыслимы никакія привиллегіи въ пользу освобожденія отъ службы, особенно для бога-

Digitized by Google

тыхъ людей. Въ силу необходимости, въ этой тяжелѣйшей изъ повинностей должны участвовать всѣ граждане безъ исключенія.

Предполагаемая нами система воинской повинности разлагаетъ эту тяжелѣйшую изъ повинностей равномѣрно на все казачье населеніе, призывомъ каждаго изъ казаковъ на защиту или охрану отечества; она сокращаетъ срокъ службы почти вдвое противъ настоящаго 22-хъ лѣтняго срока, а срокъ дѣйствительной полевой службы—втрое; система эта группируя послѣднюю въ 4 года, а съ обученіемъ въ учебныхъ частяхъ, въ $4^1/_2$ года, — даетъ возможность населенію отбыть ее сразу въ молодыхъ лѣтахъ, а не затягивать ее до старости, что при продолжительной пятимѣсячной подготовкѣ, предъ выходомъ на службу,—поднимаетъ упавшее военное значеніе казачьихъ частей, особенно если войсковыя начальства примутъ на себя ихъ снаряженіе и дадутъ имъ правильное и однообразное обмундированіе и хорошихъ лошадей. Система эта весьма благодѣтельно отразится и на экономическомъ бытѣ казаковъ, давая возможность, въ обыкновенное мирное время, всему производительному населенію, съ двадцатичетырехлѣтняго возраста приложить свои силы къ труду; она подниметъ физическій и нравственный уровень развитія казачьихъ населеній: ранніе губительные браки исчезнутъ сами-собой, ибо молодымъ казакамъ не будетъ разсчета жениться до выхода на службу, семейное счастіе не будетъ уже подрываться безпрерывными, продолжительными командировками въ теченіе всего періода половой зрѣлости, какъ въ настоящее время при 22-хъ лѣтней службѣ. Наконецъ, система эта, отличаясь отъ проэктируемой вообще въ государствѣ общеобязательной воинской повинности, только тѣмъ, что здѣсь призываются на службу всѣ молодые люди, достигшіе 20 лѣтняго возраста, а тамъ лишь 35% ихъ, даетъ возможность къ быстрому переходу въ послѣдней, если впослѣдствіи будетъ признано возможнымъ уравнять казачьи населенія въ правахъ со всѣми гражданами государства. Кромѣ того при предполагаемой воинской повинности должна значительно сократиться войсковая администрація; съ уничтоженіемъ льготнаго разряда казаковъ, съ отмѣной ежегодныхъ лагерныхъ сборовъ ихъ, съ упрощеніемъ призыва казачьихъ малолѣтковъ на службу,—обширная и дорогая военная администрація казачьихъ войскъ, такъ наприм. войсковые и областные штабы и атаманы отдѣловъ должны упразднится сами собой: призывъ казаковъ можетъ производиться гражданскими властями, подобно тому, какъ это будетъ опредѣлено вообще въ государствѣ. Упраздненіе воинской администраціи внутри казачьихъ войскъ положитъ начало гражданскому развитію казачьяго населенія и въ скоромъ будущемъ дастъ ему возможность воспринять всѣ реформы, вводимыя въ государствѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: если, не смотря на утратившееся военное значеніе

Digitized by Google

казачьихъ войскъ, при проэктированіи въ государствѣ общеобязательной воинской повинности и при распространеніи ея даже на инородцевъ,—оставленіе ихъ въ настоящемъ обособленномъ положеніи, считается все-таки необходимымъ, то мы не можемъ не указать то значеніе и пользу, которыя могли бы принести казачьи войска, при этомъ временномъ переходномъ состояніи, для инородцевъ, при отбываніи послѣдними воинской повинности. Проведеніе инородцевъ черезъ казачьи строевыя части могло бы послужить новымъ связующимъ звѣномъ ихъ съ русскимъ населеніемъ. Казаки издавна поселившіеся на окраинахъ государства, хотя и были первыми противниками и завоевателями инородцевъ, но они же были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первыми проводниками мирныхъ, культурныхъ сношеній. Постоянное сосѣдство, общіе экономическіе интересы давно уже похоронили первоначальную между ними вражду и дали мѣсто другимъ—дружескимъ отношеніямъ; отношенія эти дали возможность усвоить другъ отъ друга языкъ, нравы и обычаи. Сибирскіе, семирѣченскіе, оренбургскіе и уральскіе офицеры и казаки, свободно владѣющіе киргизскимъ языкомъ, забайкальскіе—бурятскимъ могли бы быть отличными учителями и товарищами по службѣ сосѣднимъ съ ними киргизамъ и бурятамъ, равно-какъ кавказскіе казаки, кавказскимъ инородцамъ, якутскіе—якутамъ, сургутскіе и обдорскіе—остякамъ и самоѣдамъ и проч. Инородцы эти не будутъ чужды въ рядахъ сосѣдей-казаковъ, а военная служба, одинаковыя интересы и лишенія, разовьютъ болѣе близкія отношенія. Комплектованіе инородцами казачьихъ строевыхъ частей, хотя въ половинномъ штатномъ числѣ при теперешнемъ соединеніи гражданскаго управленія казаковъ съ инородческимъ управленіемъ, не представитъ затрудненій и принесетъ значительное облегченіе казачьимъ населеніямъ, понизивъ процентное отношеніе требованій отъ послѣднихъ воинской повинности.

Казачьи населенія, издавна служившія посредствующимъ, связующимъ звѣномъ между русскимъ и инородческимъ населеніемъ, пусть сослужатъ послѣднюю службу государству и хотя путемъ военной реформы,—пусть на своихъ плечахъ внесутъ въ общую государственную семью не сродившихся еще съ ней членовъ. Пусть инородцы, войдя въ общіе военные ряды съ казаками,—сядутъ съ ними и на общую школьную скамью въ общихъ народныхъ школахъ! Пусть они рядомъ, или совмѣстно съ сосѣдними казачьими станицами, оснуютъ свои осѣдлыя поселенія! Пусть военная реформа, разлагающая равномѣрно на всѣхъ членовъ самую тяжелую повинность въ государствѣ—послужитъ и началомъ равномѣрнаго распредѣленія между всѣми ими обще-человѣческихъ правъ! Пусть этотъ общій священный долгъ каждаго гражданина—долгъ защиты и охраны своего отечества,—положитъ начало сліянію разнородныхъ членовъ его въ одно общее однородное тѣло, могущее болѣе быстрыми шагами идти по пути общаго прогресса!

1874 г. Седьминецъ.

Digitized by Google

Въ тайгѣ.

Два охотника—бурята
Шли по горному увалу,
Имъ печальная кукушка
Вслѣдъ съ тоскою куковала.

* *
*

Какъ у этой птицы бѣдной,
Нѣтъ у нихъ гнѣзда и стана,
Нѣтъ во всей тайгѣ дремучей
Имъ роднаго балагана.

* *
*

Плохи малицы на плечахъ,
Исхудали тѣло, руки,
И висятъ съ колчаномъ тощимъ
За спиной простые луки.

* *
*

И плетутся инородцы,
Отъ усталости валятся,
И въ безсильномъ, тихомъ горѣ,
Глазки узкіе слезятся.

* *
*

Лѣсъ прошли; предъ ними поле...
Слышатъ,—оба изумились:
Звонкимъ смѣхомъ, звучной пѣсней
Вдругъ поляны огласились.

* *
*

Digitized by Google

То не соболь ли пушистый
Кличетъ ласковую самку,
Не куница ль своихъ дѣтокъ
Созываетъ на приманку?

* *
*

И готовъ дикарь проворный
Натянуть ужъ лукъ свой гибкій,
Но его остановляя,
Говоритъ другой съ улыбкой:

* *
*

«Погоди стрѣлять, товарищъ,
Это голосъ—не куницы,
Не лѣснаго звѣря звуки,—
Не залетной чудной птицы.

* *
*

О, догоръ!*) когда бъ въ охотѣ
Намъ была всю жизнь удача,
Мы съ тобой, за этотъ голосъ,
Все бы отдали безъ плача!»

* *
*

Всю бы жизнь закабалили
Всю, съ богатою добычей
Мы за этотъ голосъ милый,
Голосъ ласковый, дѣвичій.

---

*) Товарищъ.

Digitized by Google

СКИТАНІЯ СИБИРСКАГО ПРИКАЗЧИКА ПО КИТАЮ.

СТАТЬЯ I.

Пекинъ, 4-го октября 1874 г. Сегодня, ровно въ 3 часа, я оставилъ Пекинъ, выѣхавъ въ юго-западныя ворота. Въ предмѣстьи Джянь-и-мынь-вайтоу остановился переночевать и съ разсвѣтомъ пуститься въ путь, туда, гдѣ еще нога русскихъ не ступала. Назадъ тому недѣля, даже меньше,—5 дней,—какъ я вовсе не думалъ, что придется мнѣ направиться этимъ путемъ: было рѣшено ѣхать моремъ въ Шанъ-хай. А тутъ вдругъ: «поѣзжайте, И. С.; этотъ путь вамъ сподручнѣе изслѣдовать, такъ какъ вы человѣкъ знакомый съ торговымъ дѣломъ и знаете языкъ» и проч.— Оно, въ сущности, самое здравое распоряженіе; но однако, при мысли быть въ странѣ, гдѣ не только нѣтъ европейцевъ-купцовъ, но и миссіонеровъ, становилось маленько страшно. Но теперь уже рѣшено и ѣхать надо. Вечеръ былъ самый прелестный, теплый и ясный. На западѣ виднѣлись, въ густомъ синемъ мракѣ, высокія горы Тай-хуань-шаньскихъ отроговъ, на югъ и юго-востокъ равнина, усѣянная деревьями кипариса, тулипана, ясени, вяза, и роскошно зеленѣющія поля пшеницы (въ прошломъ мѣсяцѣ сѣютъ пшеницу зимовку). Наконецъ порядочно стемнѣло и я легъ спать, распорядившись разбудить меня съ разсвѣтомъ.

Итакъ первый мой переѣздъ изъ Пекина былъ въ 350 ли до г. Бао-динь-фу. Это разстояніе я сдѣлалъ въ 6 сутокъ. По пути много встрѣчалось роскошныхъ кумирень; нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по своей древности, другія по роскошной работѣ; болѣе замѣчательныя я описалъ въ своихъ замѣткахъ.

Городъ Бао-динь-фу замѣчателенъ по народонаселенію. Въ немъ считается до 600,000 жителей; обнесенъ крѣпостною стѣною, которая въ окружности имѣетъ до 4—5-ти русскихъ верстъ. Торговля оживлена; много лавокъ, торгующихъ европейскими товарами. Въ немъ имѣетъ временное мѣстопребываніе Чжилійскій генералъ-губернаторъ, такъ какъ городъ этотъ въ провинціи Чжили считается главнымъ городомъ.— Для собранія различныхъ коммерческихъ

*

Digitized by Google

свѣденій, я пробылъ два дня; на третій выѣхалъ въ дальнѣйшій путь 10-го.

13-го. Чрезъ 200 слишкомъ ли я достигъ города Чжено-динъ-фу. Громаднѣйшія стѣны города я увидѣлъ за 15 ли и надѣялся встрѣтить этотъ городъ еще болѣе населеннымъ, нежели Бао-динь-фу; оказалось иначе. Въѣхавъ въ восточныя ворота города, болѣе 5 ли я проѣхалъ совершенно пустымъ мѣстомъ. По сторонамъ дороги къ крѣпости—поля жителей засѣянныя хлѣбомъ, а кое-гдѣ овощами; въ южной части находится нѣсколько развалинъ когда-то великолѣпныхъ кумирень Минской династіи. Изъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей-старожиловъ я узналъ, что этотъ городъ былъ богатъ, но разоренъ нашествіемъ чанъ-моръ (тайпингами) въ царствованіе Сянь-фына въ 6, 7 и 8-ой годъ, и вотъ уже 20 лѣтъ, какъ находится въ разоренномъ состояніи. Здѣсь есть католическіе миссіонеры; не имѣя въ распоряженіи свободнаго времени, мнѣ не удалось посѣтить ихъ. Досюда я шелъ равниной; отроги Тай-хуань-шана все время были по пути моего слѣдованія въ правой рукѣ, путь же мой, отъ самаго Пекина, держался изгибами по компасу S и SW между 15, 25 и 30 градусами. Отсюда, выѣхавъ въ западныя ворота, разомъ направился на SW 38 гр.; сдѣлавъ 100 ли, мы достигли видиѣвшихся горъ; на первой возвышенности находится уѣздный городъ Хуай-ло-сянь. Еще чрезъ 80 ли въ горы, кончается Чжилійская провинція и начинается С. провинція Санси. Изъ Пекина я ѣхалъ въ китайской тѣлегѣ; но теперь, при вступленіи въ горы, этотъ способъ ѣзды долженъ былъ перемѣнить на верховыхъ муловъ и за этимъ прожилъ цѣлый день. Все время по выѣздѣ изъ Пекина стояла прелестная, ясная погода, а вчера и сегодня дождикъ. Народъ въ Чжили отличается роскошью, безпеченъ, считается умнымъ и образованнымъ, любитъ пріѣзжаго обмануть, — не только европейца, но и своего, если онъ изъ другой провинціи; если вы нанесете грубости, постарается снести лаской, но потомъ отомститъ.

15-е. Съ утра дождикъ, но къ 12-и прояснило и гостинница, гдѣ я нанялъ муловъ, просила приготовить багажъ. Ровно въ часъ выступили въ путь. Пройдя еще 5 ли возвышенностью, вступили въ ущелье горъ, называемыхъ Си-шань. Путь отъ Хуай-ло-сянь до Тай-юань-фу идетъ горами.

24-е. Тай-юань-фу. Главный областный городъ въ Санси; въ немъ имѣетъ мѣстопребываніе губернаторъ области. Городъ древній, обнесенъ крѣпостною стѣною, которая въ окружности имѣетъ 20 русскихъ верстъ. Разстояніе отъ Хуай-ло-сянь считается около 500 ли. Отсюда начинается цѣль моего путешествія, а поэтому, я прожилъ здѣсь около недѣли. Первый день мною былъ посвященъ осмотру достопримѣчательностей города. Въ южной части города находятся развалины дворца временъ Танской династіи; единственное сохранившееся изъ зданій, гдѣ находится тронъ Императора во время

Digitized by Google

церемоніальныхъ большихъ выходовъ, и аллея, ведущая къ воротамъ SW дворца *); а за тѣмъ масса кирпичей и гранита. Назадъ тому 10 лѣтъ во дворцѣ былъ устроенъ пороховой заводъ и во время работы отъ неосторожности произошелъ взрывъ, который и срылъ эту замѣчательную древность.

Посѣтивъ нѣсколько замѣчательныхъ кумирней, я отправился къ италіянскимъ миссіонерамъ, въ монастырь св. Франциска. Послѣдній находится около сѣверныхъ воротъ города. Здѣсь меня встрѣтилъ молодой священникъ, отецъ Антоніо Флорентино. И говорить нечего, что онъ обрадовался, когда увидѣлъ меня. Онъ привѣтствовалъ меня по италіянски, а я отвѣчалъ по китайски. Затѣмъ я познакомился съ остальными отцами. Ихъ всего живетъ 4 человѣка. За все время они были любезны, познакомили меня во время моего пребыванія съ окрестностями города. Тай-юань-фу стоитъ на ровномъ мѣстѣ, но со всѣхъ сторонъ окруженъ горами. Въ углу находится монастырь католическихъ миссіонеровъ. Здѣсь я встрѣтилъ много знакомыхъ кяхтинскихъ пріятелей китайцевъ, которые съ удивленіемъ смотрѣли на меня и распрашивали, «которъ на дорога моя пришела и за чема» а еще больше удивлялись, когда я имъ отвѣчалъ, что ѣду («сухой дорогой Хань-коу пошела») сухопутнымъ путемъ въ Хань-коу. Тай-юань-фу въ торговомъ отношеніи имѣетъ громадное значеніе въ области Санси, а также и близъ-лежащіе его уѣздные города Юй-цзы въ 60 ли на SO (ЮВ), Тай-гусянь на югъ и Цисянь на ЮЗ. Первый изъ 2-хъ въ 120 ли, а послѣдній въ 140 ли. Эти 3 города мною посѣщены и описаны; въ нихъ также круглый годъ торговое движеніе. Нужно замѣтить, что въ Санси главный сбытъ русской мануфактуры.

Изъ Тай-юань-фу я выѣхалъ *31 октября*, и *11 ноября* достигъ города Цза-чжео-фу. Весь путь отъ Тай-юань-фу, все время подъ однимъ направленіемъ Ю. З. 18 и 23 гр.; разстояніе около 800 ли. Путешествіе въ этотъ переѣздъ совершено мной въ носилкахъ на мулахъ, да инымъ способомъ здѣсь и ѣздить невозможно: высочайшія горы на всемъ протяженіи; колесной дороги нѣтъ; путь идетъ бо́льшею частію ущельями и встрѣчаются перевалы. Дорога способна единственно для вьючныхъ животныхъ. Здѣсь я прошелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ сансійцы возятъ чай на Кяхту; по дорогѣ попадались идущіе чаи торгующихъ сансійцевъ на Кяхтѣ.

Городъ *Цза-чжео-фу* довольно большой и торговый. Здѣсь я прожилъ 5 сутокъ. Такъ какъ здѣсь дѣлается перекладка чаевъ, приходящихъ съ юга на мулахъ, а отсюда идутъ до 2000 ли до Калгана на верблюдахъ, поэтому нужно было забрать свѣденія о про-

*) Аллея изъ деревъ вяза, ясеней и кипариса. Они строго стерегутся властями отъ руки человѣческой, какъ древность и имѣютъ исполинскій ростъ.

Digitized by Google

возныхъ цѣнахъ, вообще объ условіяхъ доставки, поразспросить о направленіи пути и забрать другія коммерческія свѣденія. Городъ стоитъ въ котловинѣ, окруженный горами; на югъ виднѣется высочайшій хребетъ Тай-хуань-шанъ, который отдѣляетъ сансійскую область отъ хэпаньской, и за нимъ уже долина Хуанъ-хо.

16-го ноября, выѣхавъ изъ Цза-чжео-фу, чрезъ 5 ли я достигъ первыхъ возвышенностей горъ Тай-хуань-шанъ. Поднявшись на высоту 6 ли, я увидѣлъ террасы хребта, по которымъ, какъ змѣйка, извивалась дорога и казалась совершенно бѣлою. На всемъ протяженіи перевала, какъ на подъемѣ, такъ и на спускѣ, дорога устлана каменными плитами. Плиты отъ времени сдѣлались полированными, а поэтому съ издали, отъ солнечныхъ лучей, дорога кажется бѣлой. До самой высокой точки отъ подошвы горы считается 80 ли. Съ 6 часовъ утра въ 11 часовъ ночи мы достигли вершины перевала, подымаясь на люликѣ (т. е. лошакѣ). Хотя изъ Цза-чжео-фу я взялъ носильщиковъ, но мнѣ показалось неудобнымъ подыматься, или лучше сказать переваливать чрезъ Тай-хуань-шанъ; неудобство то, что сидѣть въ носилкахъ пытка: всегда нужно быть въ одномъ положеніи и не шевелиться, а иначе можно испытать паденіе въ пропасть, футовъ иной разъ на 1000. На протяженіи подъема и спуска 140 ли до 15 чайныхъ гостинницъ; впрочемъ, въ этихъ гостинницахъ можно достать обѣдъ и номеръ. Жители пріютили въ удобныхъ мѣстахъ хребта свои домики. Здѣсь же проходитъ великая стѣна, которую мы переѣхали разъ до Пекина въ 150 или 160 ли, въ ущельи Гуань-поу. И такъ, поднявшись на вершину хребта, проѣхавъ ворота великой стѣны и выѣхавъ въ небольшое селеніе называемое Шанъ-динеръ-дянь (по русски гостинница),—вотъ что я увидѣлъ: въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди меня обрывъ хребта и синій густой мракъ, оканчивающійся горизонтомъ; на ЮЗ. виднѣются туманно-бѣлыя змѣйки; земли не видать; по сторонамъ, съ западной на восточную, величественные голые пики Тай-хуань-шаня, въ которыхъ, по разсказамъ единственные обитатели барсы, шакалы, волки, лисицы..... Подошва горной цѣпи утопала въ мракѣ синевы. Отъ носильщиковъ я узналъ, что бѣлыя змѣйки,—это рѣки Цинъ-хо и Танъ-хо. Переночевавъ здѣсь, на утро мы спустились въ долину Хуанъ-хо. Спускъ 60 ли, но крутой, и дорога идетъ какъ съ берега въ рѣку; понятнѣе сказать, что я сошелъ съ утеса на ровную площадь. Отъ самаго спуска начинаются густыя рощи бамбука, ивъ, ясени, вяза отдѣльными группами, кипарисныя рощи, и изъ за этихъ садовъ выглядываютъ домики жителей съ полями озимовой пшеницы и неубраннымъ еще хлопчатникомъ. Вообще представилась прелестная картина природы послѣ голыхъ, съ плохой растительностью, Сансійскихъ горъ (но за то богатыхъ металлами). Пройдя 20 ли, я достигъ мѣстечка Цинъ-ауа. Здѣсь остановился переночевать и нанять тѣлегу до Ши-

Digitized by Google

тѣ-чженя. Отъ Шань-динеръ начинается провинція Хонань; здѣсь опять есть колесная ѣзда.

18-е. Нанявъ тѣлегу, на протяженіи 800 слишкомъ ли, до мѣстечка Ши-тѣ-чжень, мы направились дорогой, по которой идутъ чаи сансійцевъ, гужевымъ способомъ и возочнымъ, на мулахъ; верблюжій же путь на нѣкоторое время остался лѣвѣе. *19-го* чрезъ 95 ли отъ Цинь-хуа-чжень, достигли мѣстечка Чжанъ-ди. Отселѣ всего остается 20 ли до величественной рѣки Китая, Хуанъ-хо (Желтая рѣка); но добраться до нея было поздно. При послѣднихъ лучахъ закатывавшагося солнца, чуть-чуть были видны на западѣ мачты лодокъ на Хуанъ-хо. *20-го* утромъ раненько, вставши еще до солнца, отправился я къ перевозу. Сдѣлавъ 20 ли по совершенно песчаной долинѣ, гдѣ нѣтъ никакой растительности, достигъ перевоза называемаго Синъ-цза-коу. При восходящемъ солнцѣ, видъ на рѣку по истинѣ былъ восхитителенъ; на западъ, за рѣкой, песчаные холмы и глинистыя горы Манъ-шань. Бо́льшая ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ до 4 русскихъ верстъ. Вода рѣки глинистая,— песчаная. На ЮЮВ. виднѣется множество парусовъ лодокъ, идущихъ по направленію изгибовъ рѣки; а такъ какъ берега совершенно низки и ровная при этомъ долина, то въ отдаленности идущія лодки кажутся какъ бы въ морѣ.

Пока перевозчики готовили карбазъ или лодку и поджидали еще пріѣзжающихъ, такъ какъ я пріѣхалъ одинъ, опасаясь конечно не опоздать (нужно замѣтить, что чрезъ Хуанъ-хо перевозятъ въ день 3 раза: 8 ч. утра, 12 пол. и 3 ч. по полудни), я и мой Сянь-шенъ (взятый изъ Пекина китаецъ) пошли къ балаганчику, что-нибудь закусить. Продаваемыя лакомыя блюда состоятъ изъ гороховаго киселя, вермишели, просовой прѣсной каши и прѣсныхъ блиновъ. Пока мой Сянь-шенъ уничтожилъ чашку каши и блюдечко киселя, а я изъ своихъ мясныхъ консервовъ, подъѣхали еще двѣ тѣлеги сансійскихъ купцовъ. И такъ мы стали переправляться.

Лодки съ мачтой при вѣтрѣ переправляются парусомъ. А такъ какъ попутнаго вѣтра не было, поэтому я думалъ, что пойдутъ на веслахъ, но получилъ на подобный вопросъ отвѣтъ, что Хуанъ-хо не такая рѣка,— куда бы вздумалъ, туда и поплылъ; русло ея въ ямахъ; глубина отъ 1 арш., даже $^1/_2$ арш. до 5 саженей. Фарватеръ имѣетъ постоянную глубину не менѣе 1 сажени. Переправа на лодкѣ устроена слѣдующимъ образомъ. Отъ верха мачты протянутъ къ носу канатъ; въ срединѣ его блокъ, чрезъ который протянутъ также канатъ, котораго одинъ конецъ привязанъ къ лапѣ кошки, а другой въ блокъ и идетъ на палубу. Кошка прикрѣпляется канатомъ къ кормовой части. Когда кошку бросаютъ въ рѣку, кормовой держитъ руль въ рукѣ, а въ носовой части вытягиваютъ и лодка такимъ образомъ приближается къ берегу. Но при всемъ этомъ уноситъ довольно далеко. При ширинѣ, гдѣ мы переправлялись, насъ унесло на 5

Digitized by Google

русскихъ верстъ, при теченіи въ секунду 4½ футовъ. Тѣлеги помѣщаются въ носовой части лодки; и лошади и мулы въ устроенномъ навѣсикѣ, что посреди лодки; борта забраны. Спасибо китайцамъ! намъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нужно учиться у нихъ, а цивилизованный міръ кричитъ, чтобъ ихъ образовывать. Правый берегъ рѣки песчаный, такъ что пришлось идти пѣшеходомъ, а день выдался жаркій. Но къ нашему благополучію, песчаные холмы скоро кончились; они были всего только на протяженіи 4-хъ ли. На 10 ли мы остановились въ гостинницѣ, въ небольшомъ мѣстечкѣ Ганъ-линъ, пообѣдать.

Въ долинѣ, пройденной мною, часто встрѣчались ручные тачки на парусахъ; онѣ обыкновенно устроены на одномъ колесѣ. Смотря по тяжести тачки, везетъ ее одинъ человѣкъ или два. Въ срединѣ мачта и парусъ. Тачешникъ везетъ отъ 8 до 10 пудовъ тяжести; за разстояніе въ 500 русск. верстъ онъ получаетъ, считая на наши деньги, кредитныхъ рублей 8 и 10; круглый годъ въ работѣ, только развѣ къ новому году возвращается подъ родной кровъ. Китайцы вообще чрезвычайно трудолюбивы, не то что нашъ крестьянинъ на готовой землѣ кое-какъ распахивающій поля; а въ Китаѣ, на высотѣ 5000 футовъ, на голомъ гранитѣ, пашутъ и воздѣлываютъ поля: нужно замѣтить, что земля носится снизу.

25-е. Сегодня достигъ Юй-чжоу, сдѣлавъ отъ Цинъ-хуа-чжень 740 ли. Здѣшній округъ славится производствомъ шелку и шелковыхъ матерій, въ 270 ли. Отсюда на западъ есть горы Лу-шань, гдѣ центръ производства чесучей. Стоимость чесучи зависитъ отъ доброты, а доброта отъ вѣсу. 1 сортъ вѣситъ 45 и 50 ланъ, 2-й 35 ланъ и 38, 3-й сортъ отъ 25 до 32 ланъ; въ русскомъ фунтѣ считается 11 ланъ приблизительно.

Цѣны: лучшей доброты 1 ланъ матеріи стоитъ 1 ч. 2 фына и 1 чанъ 4 фына; 2-й сортъ отъ 8 фыновъ до 1 чана. Ланъ есть десятичный вѣсъ: въ 1 ланѣ 10 чановъ, въ 1 чанѣ 10 фынъ, въ 1 фынѣ 10 ли. и т. д. Ланъ китайскій здѣшній стоитъ на соребряную монету 2 руб., слѣдовательно кусокъ лучшей чесучи въ 50 л. вѣсу т. е. 4½ ф. съ золот. или 4⅜ стоитъ 11 руб. сер., въ восточную Сибирь чесучу такой доброты не привозятъ, и средній сортъ продаютъ 35 и 38 руб. Лучшая чесуча продается бѣлою, а плоше идетъ въ окраску. Здѣсь сансійцы пріобрѣтаютъ десятки тысячъ кусковъ, которые идутъ, какъ любимая матерія, къ сѣвернымъ жителямъ Китая, въ Монголію и часть въ Россію. По истинѣ чесуча хорошая матерія: она нарядна сама по себѣ, носка, доступна по цѣнѣ (т. е. здѣсь) и отъ мытья улучшается. Завтра—26 ноября, и я оканчиваю изслѣдованіе сухопутнаго пути, который представляетъ выгоды въ будущемъ для нашего русскаго коммерческаго класса не только въ отношеніи чайной торговли, но и въ другихъ родахъ промышленности.

Digitized by Google

26-е ноября. Ши-тѣ-чжень. Наконецъ послѣдній пунктъ сухопутнаго пути. Здѣсь я прожилъ до 1-го декабря, приводя въ порядокъ свои записки и за собраніемъ коммерческихъ свѣденій. Торговый классъ здѣсь по большей части сансійцы; они здѣсь являются не только по чайному дѣлу, но и закупаютъ выдѣлываемыя дабы разныхъ сортовъ въ провинціяхъ Хубей и Ханаль, шелковыя матеріи. Однимъ словомъ, это пунктъ пріобрѣтенія мѣстныхъ произведеній области Хэ-нань и пересортировка получаемыхъ товаровъ съ юга *). Въ Шидзя-дерѣ или Ши-тѣ-чженѣ считается 10 тысячъ лавокъ, слѣдовательно можно по одному этому судить, какое здѣсь торговое движеніе.

Изъ Ши-тѣ-чженя я отправился водою по рѣкѣ Танъ-хо. Позднимъ временемъ плаваніе мое, по малой водѣ, продолжалось 10-дней—разстояніе 306 ли., по теченію рѣки,—тогда какъ въ полноводіе можно это разстояніе проплыть въ 4 сутокъ. *9-го* достигъ устья рѣки; здѣсь она впадаетъ въ рѣку Хань-янъ, протокъ Янь-цзы-цзяна, т. е. Голубой рѣки. Нужно было подняться еще 15 ли. по Хань-яну, достичь города Санъ-янъ-фу. И такъ, съ мыслію соединиться на завтра съ членами экспедиціи, мы остановились ночевать. Идти до города было поздно и опасно. Хань-янъ имѣетъ сильное теченіе, по ширинѣ и глубинѣ мѣстами равняется нашей матушкѣ Ангарѣ,—теченіе, правда, нѣсколько тише.

10 декабря. Г. Санъ-янъ-фу. Достигши этого города, я остановился на лѣвомъ берегу, около слободы Фанъ-ченъ; на правомъ берегу находится городъ. Отъ мѣстныхъ жителей я узналъ, что про европейцевъ они ничего не знаютъ и не слыхали. Вручивъ моему почтенному старику китайцу свой охранный листъ, отправилъ его къ Саню. власти города, узнать что нибудь о моихъ спутникихъ (нужно замѣтить, что по инструкціи начальника я просрочилъ на 5 дней). Чрезъ нѣсколько времени явился Сюй, съ карточкой Саня и сказалъ, что нужно мнѣ самому явиться къ Саню,—на мое имя есть письмо. Было уже поздно идти въ Ямынь получить письма. Съ перваго раза мнѣ ихъ не выдали, по той причинѣ, что въ охранномъ листѣ сказана неправильно моя фамилія. Но я кое-какъ убѣдилъ управляющаго канцеляріей, что письмо адресовано мнѣ, и тотъ мнѣ его выдалъ. Письмо оказалось отъ начальника (экспедиціи). Я долженъ былъ оставаться и гостить здѣсь, такъ какъ начальникъ обѣщался выѣхать 8-го и быть къ 23-му с. м. И вотъ я побрелъ искать квартиру по городу. За мной слѣдовало самое меньшее до 1,500 человѣкъ, привѣтствуя «Янъ-чуй-уза заморскій чертъ, съ стекляннымі глазами,

*) Чаи изъ Ху-бэй, Ху-нань, Фу-чана, Шанъ-си, Сучуана. Изъ послѣднихъ двухъ провинцій идутъ лакъ, травное масло, шелковыя издѣлія, лекарственныя травы и много другихъ товаровъ.

Digitized by Google

ноги, какъ палки, самъ красный, хуже всего что есть на свѣтѣ». И еще хучшее говорили; даже нѣкоторые смѣлые бросали въ меня каменья, глину, теребили сзади за волосы. По обыкновенію и участи всѣхъ путешествующихъ, приходилось терпѣть, молчать и необращать вниманія. Перевозъ избавилъ меня отъ это саранчи, но за то, пока я былъ на половинѣ рѣки, такъ уже въ слободкѣ высыпало на берегъ не меньше народа и пришлось испытать тоже. Въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ я уже испыталъ многое и меня не удивили эти встрѣчи. Всякими неправдами добрался я до одной изъ гостинницъ, гдѣ квартируютъ сансійцы. Мой Сюй, со всей китайской вѣжливостью, разговорился съ нѣкоторыми изъ сансійцевъ и одинъ нашелся ему знакомый, который и устроилъ, чтобы намъ остановиться здѣсь же. Хотя хозяинъ гостинницы долго не соглашался, увѣряя, что у насъ нѣтъ финансовъ (за дорогу я обѣднѣлъ и кое какъ только могъ добраться до сюда), но наконецъ согласился. Спустя нѣсколько дней, я вздумалъ пройтись къ военнымъ лагерямъ—и что же? И говорить нечего, что былъ обруганъ всевозможными словами и примѣненъ ко всѣмъ годамъ вселенной и въ концѣ концевъ покрытъ съ ногъ до головы пылью, грязью, человѣческимъ каломъ. Спасибо, что не побили камнями. Послѣ того 40 сутокъ не показывалъ носу изъ своей конуры. Что же? проходитъ *23-е* число,—праздникъ Рождества, новый годъ и наконецъ, *8* января, я получилъ только одну чашку лапши, (по обыкновенію получалъ двѣ), а за тѣмъ мнѣ объявили, что если я не буду платить денегъ, то чтобы не разсчитывалъ болѣе на пищу: безъ денегъ гостинница кормить меня не на мѣрена. Кое-какъ Сюй уговорилъ хозяина гостинницы кормить насъ, увѣрилъ его, что скоро пріѣдетъ начальникъ и мы съ благодарностью разсчитаемся. Опять кое-какъ кормили, давая по двѣ небольшихъ чашки лапши, или же жидкой просы въ день и больше ничего, *16-го января*, окончательно объявили, что кормить больше не будутъ; дѣлать нечего, 17-го я братился къ власти и покорнѣйше просилъ ее принять во мнѣ участіе. Послѣ долгихъ переговоровъ сжалился правитель города, приказалъ мнѣ дать лодку и 3.000 чохъ на дорогу на разстояніе 1,200 ли. (3.000 чохъ—6 руб. кредит.) и приказалъ немедленно выѣхать изъ Фанъ-чена въ Хань-коу. Не буду описывать мои сборы и какъ я разсчитался съ гостинницей: въ послѣднемъ случаѣ помогъ одинъ китайскій военный чиновникъ.

Мое положеніе было самое невыгодное; но хуже моего было положеніе старика-лодочника, за 60 лѣтъ, съ 15 лѣтнимъ сыномъ. Въ Китаѣ на подводу по казенной надобности берутъ встрѣчнаго и вотъ попался этотъ несчастный. Онъ со слезами упрашивалъ полицейскихъ избавить его отъ подводъ, говоря, что у лодки нѣтъ веселъ, и онъ имѣетъ только на два дня рису; но полицейскіе откуда-то притащили весла и во чтобы ни стало приказали везти. И такъ я отдался волѣ божьей; далъ старику 1.000 чохъ купить рису и сказалъ:

Digitized by Google

«поѣдемъ въ Хань-коу; ты получишь вознагражденіе», и мы отплыли внизъ по Хань-яну до Хань-коу. Первые два дня—19 и 20 простояли ясные; но съ 21 началось непогодье, снѣгъ, вѣтеръ и холодъ, а такъ какъ лодкой управляли плохо, то и шли при такой погодѣ очень медленно, такъ что мы плыли 12 сутокъ до Хань-коу.

Февраля 1-го, въ 5-ть часовъ утра я достигъ Хань-коу. Въ заношенномъ грязномъ платьѣ я былъ посмѣшищемъ китайцевъ, которые на меня смотрѣли съ удивленіемъ. Самые плохіе матросы были одѣты гораздо чище. И такимъ-то чучеломъ я явился въ домъ нашихъ купцовъ Т. Ш. и К°, гдѣ конечно отогрѣлся, закусилъ,—однимъ словомъ, былъ принятъ, какъ нельзя лучше. Спрашиваю,—гдѣ члены экспедиціи?— говорятъ, что уже болѣе недѣли какъ уѣхали.—Куда? въ Санъ-сьянъ-фу. Всего удивительнѣе вышло то, что я долженъ былъ встрѣтиться (съ экспедиціей) по дорогѣ, ибо она тоже отправилась по Хань-коу. Но что дѣлать?—случай, не встрѣтились—и только. Да правда, что и встрѣтиться было какъ? я былъ и пассажиръ и въ одно и въ тоже время отвѣчалъ за матроса, при усиленной работѣ подъ дырявымъ парусомъ, на веслахъ, легко могъ и не замѣтить проплывшихъ мимо лодокъ. Послѣ короткихъ разсказовъ, по обязанности, пошелъ я къ нашему консулу Н. А. И. Онъ рѣшилъ, что нужно мнѣ, немедля, спѣшить присоединиться къ экспедиціи. И говорить нечего, что Н. А. человѣкъ разумный (но любитъ по китайски какъ—манъ, однако я еще подтвердилъ, что не мѣшало бы мнѣ выѣхать поскорѣе). Но тутъ явился секретарь и ни съ того, ни съ сего напалъ на меня, какъ я могъ разъѣхаться съ экспедиціей? Выходило, что я чуть-ли ни умышленно сдѣлалъ это. На всю его ерунду я сказалъ ему: вамъ, вѣроятно, не доводилось испытывать ничего подобнаго; по этому вы такъ и судите, по русской пословицѣ: до кого не дойдетъ того не ожжетъ.

Чемоданъ мой былъ въ общемъ багажѣ; платье, которое я надѣлъ въ Пекинѣ, по дорогѣ износилось и въ немъ-то приходилось мнѣ щеголять. Отъ консула я прошелъ къ нашему иркутянину А. Л. Р., который не забылъ нашего стараго знакомства, принялъ меня радушно. Онъ тотчасъ притащилъ мнѣ лучшую пару платья, штиблеты, верхнее пальто, однимъ словомъ, преобразовалъ меня изъ запыленнаго, грязнаго,—въ человѣка даже нарядnаго. Въ теченіе 3-хъ дней пребыванія моего въ Хань-коу я нашелъ у него въ семействѣ самый радушный пріемъ. Собравъ меня въ дорогу, онъ надѣлилъ платьемъ, деньгами, подорожниками, а добрая старушка С-къ проводила благословеніемъ.—На всегда сохраняю я память о добромъ А. Л. даже просилъ бы передать всѣмъ нашимъ иркутянамъ о его добромъ расположеніи и помощи въ такія минуты, когда не деньги дороги, а радушіе и помощь. Консулъ обязанъ по закону оказывать помощь соотечественникамъ, но г. И. оказалъ мнѣ самое ничтожное сочув-

Digitized by Google

ствіе, хотя мое предпріятіе и дѣло касалось интересовъ русской торговли.

Пока были готовы подводы и охранный листъ отъ Ханькоускаго Дао-тая, вытребованный консуломъ,—я прожилъ до 4 февраля. Добрый же А. Л. меня познакомилъ съ европейскимъ городомъ, его общественными учрежденіями. Пожелавъ мнѣ благополучнаго возвращенія въ Россію, онъ радовался отъ души за успѣшно собранные матеріалы, которые будутъ проводникомъ русскимъ купцамъ и указателемъ въ будущемъ въ посѣщенныхъ мною областяхъ. Онъ проводилъ меня въ день отъѣзда за В. городскіе ворота. Здѣсь мы распрощались.

Февраля 16-го, я присоединился въ Санъ-янъ-фу къ экспедиціи и вотъ уже около 2-хъ мѣсяцевъ мы путешествуемъ по Хань-яну; всего мы сдѣлали по этой рѣкѣ 3,500 ли отъ Хань-коу.

СТАТЬЯ II.

Цзоо-ма-чу-дунъ 1 марта 1875 года, снялись мы съ ночевки, мѣстечка Хуанъ-дзя-пхинъ (Хуанъ-дзя желтая, пхинъ площадь), что на самомъ дѣлѣ соотвѣтствовало названію: мѣсто,—голый песчаный берегъ; въ 200 саженяхъ скалы, а на площади двѣ харчевни, продающія готовую вареную пищу изъ риса, овощей, проса. А кто захотѣлъ бы полакомиться, для того есть свининка; а также и водочка, называемая Ша-удро. Это на правомъ берегу; лѣвый же берегъ—обрывистыя, высокія скалы. Вчера я долго любовался этой прелестной картиной при ночномъ мракѣ, но сегодня она кажется мнѣ еще прелестнѣе: утро пасмурное, на вершинахъ горъ туманъ, въ одной верстѣ, подъ лѣвымъ берегомъ, виднѣются въ разныхъ направленіяхъ подводные камни, лежащіе на не большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Спросивъ китайца, я узналъ, что это большой порогъ, называемый Гушань-цза.

За порогомъ, подъ лѣвымъ берегомъ, идетъ выдавшаяся въ рѣку отъ 10 до 15 сажень гряда камней, на протяженіи 8 китайскихъ ли. На 30 ли мы достигли деревушки на правомъ берегу, называемой Ту-хэ-горъ, при устьи рѣки Ту-хэ. (Мнѣ китайцы давно еще, верстъ за 100, прожужжали уши, что вода Ту-хэ имѣетъ удивительное свойство очищать пятна съ шелковаго платья; чтобы испытать на самомъ дѣлѣ, я послалъ китайца взять 2 бутылки этой воды; сами же мы, пройдя устье, остановились у мыса Дзю-ли-шань. Однако казакъ,—урядникъ Павловъ, сказалъ: «ваше благородіе, китаецъ можетъ вихря пустить».—Какъ?—«Да онъ не принесетъ той воды изъ рѣчки Ту-хэ, онъ поближе возьметъ изъ Ханъ-яна; я самъ пойду».—Ну, ступай)!

Digitized by Google

Съ утра я сидѣлъ въ каютѣ начальника, за дневнымъ путевымъ журналомъ. (А такъ какъ нужно было дождаться, пока принесутъ удивительную воду) я пошелъ въ каюту А. Э. И онъ сегодня какой-то грустный, надо полагать по погодѣ. «Ну что, А. Э., сегодня фотографія отдыхаетъ?—Да, собственно говоря, снимать то нечего.—Какъ? да вѣдь мы у устья Ту-хэ, мѣсто замѣчательное, мыла не надо, не только грязь, и пятна всѣ вычиститъ».—Въ самомъ дѣлѣ; пока стоимъ, давайте, снимемьте нашу колымягу (колымягой мы зовемъ нашу лодку, на которой плывемъ). Я взялся за ножки и камеръ-обскуру, а А. Э. приготовлялъ стекло. Мы окончили работу, а урядникъ принесъ воду. Черепашьимъ шагомъ мы двигаемся впередъ! Впрочемъ въ Китаѣ макъ-манъ (тихонько, неторопясь) вещь обыкновенная; живость, поворотливость въ Китаѣ не уважается, или лучше сказать не принята. Сдѣлавъ 40 ли, мы достигли Цзоо-ма-чу-дунъ, что по русски значитъ «Щеки Иноходца». Здѣсь рѣка съуживается и по обоимъ берегамъ высокіе утесы. Вотъ уже недѣля, какъ началась по китайскому календарю весна; нѣкоторыя деревья распустились, поля зеленѣютъ еще съ первыхъ чиселъ Февраля. Но подъ вечеръ пошелъ мелкій дождикъ и мы изъ своей комнаты не выглядывали. А вотъ, скоро городъ. Небо прояснилось и, любуясь закатомъ молодаго мѣсяца, я долго просидѣлъ, наслаждаясь свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, прислушиваясь къ шуму быстраго теченія роскошнаго Хань-яна (это притокъ Голубой рѣки или иначе Янъ-цзы-цзяна). Однако, какъ ни прелестна здѣшняя мѣстность, а всетаки хочется скорѣе вернуться въ Россію. (Сколько ни сиди, а спать надо, да и завтра астрономическая работа! Прощайте, Щеки Иноходца; я буду спать, когда оставитъ васъ наша «колымяга».

Шань-си, на пути въ г. Хань-чжунъ-фу. Рѣка, Хань-янъ, порогъ Цзинь-лео-танъ. 5 апрѣля 1875 года. Все время наше путешествіе шло благополучно. Но 30 марта, на одномъ изъ пороговъ, называемомъ Лунъ-танъ, мы потерпѣли крушеніе. Это въ разстояніи отъ г. Синъ-ань-фу вверхъ по теченію Хань-яна, въ 700 ли. Въ рѣкѣ на разстояніи 45 русскихъ верстъ находится 24 порога, изъ которыхъ мы прошли благополучно два; на третьемъ порогѣ валы до того высоки, что стали захлестывать борты. Моментально лодка наша легла на бокъ, а мы только что успѣли вскочить на лѣвый бортъ,—я, два казака и А. Э. Б.; Ю. А. былъ на берегу. Самая печальная картина! это было утромъ; мы только что отстояли молитву въ каютѣ капитана (т. е. Ю. А.) и напились чаю. Когда насъ отнесло нѣсколько сажень, А. Э., я и П. выскочили на берегъ, такъ какъ погибавшую лодку кормой поднесло къ берегу. С. же остался на погибавшей лодкѣ; не теряя присутствія духа, онъ старался бросить канатъ къ берегу, но не удалось. Едва мы очувствовались отъ паническаго страха,—какъ нашу лодку, поднесенную ко второму порогу, стало ломать. Скрипъ и какой-то печальный шумъ доносился отъ ломавшейся

Digitized by Google

лодки. Здѣсь погибло все, что у насъ было, и мы остались въ чемъ были. С. видѣлъ, что на порогѣ ему придется плохо и лодку повертываетъ уже верхъ дномъ; но онъ все таки оставался на лодкѣ и только на зовъ начальника «спасайся», бросился вплавь къ берегу. Ниже порога въ нѣсколькихъ саженяхъ, лодку, т. е. обломки ея, прибило къ берегу. Я бѣжалъ по берегу внизъ по теченію, поймать хоть какую нибудь рыбачью лодку; сдѣлавъ 5 верстъ, я нашелъ небольшую лодку, съ которой и пошелъ къ мѣсту крушенія. Сбили народъ и стали искать погибшее въ рѣкѣ. Главное для насъ было найти ящики серебра, боевые патроны и оружіе. Въ первый день нашли кое-что изъ тѣхъ вещей, которыя держались на поверхности воды, на второй ящикъ серебра, на третій еще ящикъ серебра, оружіе холодное и огнестрѣльное и всѣ патроны. И говорить нечего, что много осталось въ водѣ. У А. Э. погибло много, у меня платье и бѣлье, осталось нѣсколько сорочекъ. У казаковъ погибло все. *30, 31, 1, 2, 3, 4* простояли, исправляя и просушивая погибавшіе остатки необходимаго и сегодня только управившись, послѣ молитвы пустились въ путь. Намъ остается еще сдѣлать до г. Хань-чжунъ-фу около 150 верстъ или 302 ли (ли считается 267 сажень), но теперь опасность миновала, нѣтъ уже опасныхъ пороговъ и лодка легче. Погибшая была около 30 ф. длины и 6 $^1/_2$ ширины, а теперешняя 20 ф. длины и большая ширина 5 футовъ; лодка приспособлена къ этимъ мѣстамъ. Изъ Хань-чжунъ-фу пойдемъ вплоть до нашей границы сухимъ путемъ, разстояніемъ около 4,000 верстъ.

Г. Хань-чжунъ-фу. Область Шань-си. 13 апрѣля 1875 года. Сегодня въ день Воскресенія, послѣ утомительнаго трехъ мѣсячнаго плаванія по р. Хань-яну, которую мы изслѣдовали на протяженіи около 3,000 верстъ, мы достигли г. Ханъ-чжунъ-фу. Отсюда намъ предстоитъ еще труднаго пути до границы Россіи 4,000 верстъ, но уже все сухопутьемъ.

Тяжело и грустно быть отъ родныхъ далеко, но такова участь всѣхъ путешествующихъ. Правда, что Китай на каждомъ шагу представляетъ много интереснаго; по всюду богатства природы. Мы думали въ началѣ скучать, напримѣръ, когда будемъ безъ табаку; но здѣсь нашли табакъ, который равняется лучшему сорту бессарабскаго и стоимость его 1 чинъ или 1$^1/_2$ ф. русскихъ стоитъ 50 чохъ, нашихъ 10 к., значитъ русскій фунтъ 6$^7/_{10}$ к. сер.; у насъ въ Сибири такой табакъ по 2 р. фунтъ.

Отъ порога Лунъ-танъ, гдѣ произошло крушеніе нашей лодки, мы сдѣлали 30 русскихъ верстъ; горы постепенно стали ниже и характеръ мѣстности измѣнился; раньше шли высокіе, обрывистые пикообразные утесы, теперь же открылись низкіе, глинистые и сплошь усѣянные полями посѣвовъ, уклоняясь одни на югъ, а другіе на сѣверо-востокъ. Открывается долина; на западѣ едва замѣтно обрисовываются силуеты высокихъ горъ. Оставалось намъ до Ханъ-чжунъ-

Digitized by Google

фу верстъ 100 слишкомъ; это разстояніе мы прошли въ низкихъ берегахъ рѣки; по долинѣ всюду виднѣются богато распаханныя поля, засѣянныя рисомъ, пшеницей, шафраномъ, коноплей, бобами, горохомъ и не малымъ количествомъ мака (изъ котораго приготовляютъ опіумъ); деревья — шелковичное или тутовое, ясень, пальма, дубъ, туя, кипарисъ, грецкіе орѣхи, персиковое, абрикосы, груши, яблони разныхъ родовъ. Забылъ сказать о разведеніи хлопчатника, но его разводятъ мало; хлопокъ идетъ съ низовыхъ, т. е. изъ провинцій Хю-нань и Ху-бэй. Горы богаты каменно-угольными копями, желѣзными и мѣдными, но китайцы послѣдними мало пользуются. Угольныя копи разрабатываютъ, стоимость добытаго угля пикль 100 чиновъ нашихъ 147 фун. на мѣстѣ 16 к. с., это обходится меньше 5 к. пудъ.

Шелкъ сырецъ 2 руб. на сер. монету 1 русскій фунтъ. Шафранъ— краска, лучшій сортъ 1 фунтъ, на серебряную монету 67 коп. Мука крупчатка лучшій сортъ за пудъ 2 руб. Мясо: баранина 10 коп. фунтъ, свинина 12 коп., скотское 8 и 10 коп. фунтъ; курица 15 и 25 коп., утки немного дороже, овощи чрезвычайно дешевы, плоды также; долина богата апельсинами. Здѣсь выдѣлываются фанзы, брезенть, травчатыя канфы. Цѣны очень доступны: за 20 руб. очень можно купить хорошую травчатую канфу. Фанзы отъ 8 до 10 руб. гранитуръ отъ 12 до 18 руб. Много шелку и шелковыхъ матерій приходитъ изъ провинцій Сы-чуань, граница которой отсюда верстъ около 200. Въ будущемъ для Россіи здѣшнія окраины представляютъ много выгодъ. Иностранныя издѣлія хотя и доходятъ сюда, но продажныя цѣны на рынкѣ довольно высоки, да и самый товаръ переходитъ чрезъ нѣсколько рукъ китайскихъ купцовъ.

Внизъ по Хань-дзяну въ 300 верстахъ отъ Хань-чжунь-фу мы прошли уѣздъ Цзы-янь-сянъ, который богатъ чайными плантаціями. Приготовляютъ по преимуществу зеленый байховый чай, и очень хорошаго достоинства. Онъ несравненно дешевле, даже въ половину, цѣны хубэйской и хунаньской. Мы беремъ, или лучше сказать, взяли образцы въ Россію и если эксперты найдутъ и признаютъ его хорошимъ, то надо ожидать въ этомъ случаѣ богатаго чайнаго дѣла. Есть слухи, на которыхъ пока основываться нельзя, что чай прежде приготовлялся черненькимъ и шелъ въ Чугучакъ. Если встрѣчусь въ области Гансу съ китайцами бывавшими въ Чугучакѣ, то постараюсь выяснить этотъ вопросъ. Теперь скажу нѣсколько словъ относительно ревеня. Этотъ товаръ баснословно дешевъ и ближе къ нашей границѣ; онъ въ окраинахъ Цзя-юй-чуань. 100 чинъ пикль или 147 фунтовъ русскихъ стоятъ на серебряные рубли 7 и 8 руб. тогда какъ въ Тянь-цзинѣ отъ 120 до 140 руб. пикль, т. е. 100 чинъ. Образцы я встрѣтилъ здѣсь копытчатаго и чередоваго, и на сколько знакомъ съ ревенемъ, то нахожу его лучшимъ, какой встрѣчалъ на рынкѣ въ Тянь-цзинѣ. Вообще можно сказать про окраины за-

Digitized by Google

паднаго Китая, что онѣ изобилуютъ богатствами природы; съумѣемъ ли только мы, близкіе сосѣди, ими воспользоваться? Предстоящій дальнѣйшій путь еще съ многимъ насъ познакомитъ, что бы можно было вывозить въ Россію.

Досюда мы шли преимущественно Китайскимъ населеніемъ; теперь же больше будемъ встрѣчать мусульманъ, т. е. Китайскихъ татаръ, дунъ-ганей.

Хотя это письмо я началъ въ день пріѣзда, но продолжаю вотъ уже 10-й день и такъ сегодня *23-е число*. Сегодня я былъ въ гостяхъ у татарскаго ахуна, познакомился съ нимъ необходимостью. Разспрашивалъ о дуньганьскомъ возстаніи, которое уже идетъ болѣе 10 лѣтъ. Китайскаго татарина вы не отличите отъ китайца ни по типу, ни по одеждѣ; они одѣваются какъ китайцы, ростятъ косу и живутъ въ такихъ же фанзахъ (домахъ). Одно, что ихъ отличаетъ—это религія: они не ѣдятъ свинины, не пьютъ водки, не курятъ табаку; во всемъ остальномъ чистые китайцы. Языкъ, письмо—все китайское; родной языкъ и письмо знаютъ только муллы и ахуны. Здѣшній ахунъ принялъ меня радушно, познакомилъ со многими и разсказалъ даже о пути въ Хами, Туръ-Фанъ, Урумчи, Барь-куль, вплоть до Куль-джи.

Городъ Ханъ-чжунъ-фу обширенъ, обнесенъ крѣпостною стѣною; Онъ сильно раззоренъ нашествіемъ Тайпинговъ, или иначе Чанъ-мао въ царствованіе Сянь-фы-на *) въ 9, 10 и 11 годъ. Тайпинги вели войну съ Китаемъ, были на сѣверѣ и въ царствованіе недавно умершаго императора, Тунъ-чжи, въ 1-й годъ его царствованія были здѣсь, уничтожали все что имъ попадалось по дорогѣ: жителей убивали, имущества грабили, жилища жгли,—эта участь постигла и здѣшній городъ. Вотъ что передали намъ здѣшніе жители: изъ цѣлаго округа уцѣлѣла $^1/_{10}$ часть жителей, спасаясь бѣгствомъ въ сѣверныя горы. Тайпинги, пришедши въ концѣ 1-го года, ушли въ началѣ 3-го года Тунъ-чжи. По уходѣ ихъ населеніе вернулось къ родному крову и нашло одни пепелища. Въ городѣ много было древнихъ кумирень, былъ даже дворецъ и кумирня, Ханьской династіи; изъ этихъ двухъ древностей уцѣлѣлъ отъ кумирни мѣдный колоколъ, а отъ дворца одно зданіе и нефритовая кровать. Вся крѣпость представляла груду камней. Это совершенно справедливо: доказательствомъ служатъ развалины послѣ пожара нѣсколькихъ кумирень и пустота крѣпости отъ В. до З. воротъ въ длину, и къ С. воротамъ въ ширину. Построенные на 4 улицахъ отъ южныхъ воротъ—дома совершенно новые, непрожившіе и 10-лѣтія; нѣтъ роскошныхъ домовъ, но много чистенькихъ. Главное народонаселеніе изъ Сы-чуань. Въ уѣздѣ Хань-чжунь-фу считается

*) Сянь-фынъ царствовалъ 11 лѣтъ.

Digitized by Google

80,000 жителей; изъ этого $^5/_{10}$ сы-чуаньцовъ, $^2/_{10}$ сянсійцевъ, цзяньси и хубэйцовъ. Послѣ того, какъ Хань-чжунъ-фускій округъ освободился *) отъ нашествія тайпинговъ, жители какъ говорятъ, ѣли другъ друга и былъ страшный голодъ. Вотъ слова, какими оканчиваетъ разсказъ о тайпингахъ каждый изъ здѣшнихъ жителей: Женьчелё-жень, Гоу-чи-лё-гоу»,—по русски слово въ слово: люди ѣли людей, собаки ѣли собакъ. Далеко не все я разсказалъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытали здѣшніе китайцы. А все-таки они пережили эти тяжелыя времена,—и трудятся по прежнему.

Хотя Европа и кричитъ о невѣжествѣ Китая, но надо посмотрѣть какъ они скоро оживаютъ послѣ такихъ бѣдствій, и снова принимаются за дѣло съ орудіями въ рукахъ, не измѣненными въ теченіе цѣлыхъ тысячилѣтій. Что бы было, если бы они не отставали отъ цивилизованнаго міра? По крайней мѣрѣ я могу сказать одно, что каждый день становился умнѣе отъ путешествія въ Китаѣ; сталось ли бы это въ цивилизованной Европѣ? *) Надоѣдаютъ Китайцы въ городахъ, но по селеніямъ, отъ земледѣльцевъ, кромѣ вѣжливости, ничего мы не встрѣчали. А что касается «Янъ-гуй-цзы» (заморскій чортъ)—въ этомъ виноваты, мнѣ кажется, англійскіе хлысты. Чѣмъ болѣе углубляешься внутрь страны, тѣмъ народъ становится лучше. Теперь я сознаю и понимаю, почему въ Фанъ-ченѣ меня такъ принимали: потому, что близко Хань-коу, гдѣ масса европейцевъ, и хлыстъ цивилизатора часто прогуливается по спинѣ китайца; по этому отъ чего же тамъ, гдѣ встрѣчается европеецъ въ одиночку, не сдѣлать невѣсткѣ на отмѣстку?

Теперь мы съ каждымъ шагомъ подвигаемся ближе къ Россіи, такъ какъ идемъ въ обратный путь. Весь путь нашъ по Китаю будетъ составлять около 10,000 русскихъ верстъ, въ Октябрѣ мы будемъ или лучше сказать разсчитываемъ быть въ Семипалатинскѣ, къ Январю въ Петербургѣ, а къ Пасхѣ въ Иркутскѣ; да много еще воды въ Ангарѣ утечетъ за это время.

---

*) Отъ нашествія тайпинговъ прошло 18 лѣтъ.

*) Видно что авторъ по Европѣ не путешествовалъ. *ред.*

И. А.—скій.

Digitized by Google

* *
*

Не рѣзвою малюткой прежнихъ дней
Ты возстаешь въ моемъ воображеньи:
Твой строенъ станъ; огонь твоихъ очей,
Улыбка и слова полны значенья;
Прекрасную зарю смѣнилъ разсвѣтъ,
Исполнилось тебѣ шестнадцать лѣтъ.

* *
*

Счастливая, прекрасная пора!
Ты входишь въ жизнь веселою ногою,
И идеалы чести и добра
И знанія руководятъ тобою;
Твой ясенъ путь, и вьется предъ тобой
Мечтаній и надеждъ игривый рой!

* *
*

Издалека привѣтъ горячій я
Несу къ тебѣ взволнованной душою,
И грустно мнѣ, что въ этотъ мигъ тебя
Я не могу увидѣть предъ собою,
Благословить и съ радостной слезой
Прижать къ груди дряхлѣющей рукой!

* *
*

Digitized by Google

ОЧЕРКЪ НИЖНЕКОЛЫМСКАГО КРАЯ.

Туземцы считаютъ Нижнеколымскій край за лучшій уголокъ въ мірѣ, и блаженны въ своемъ невѣденіи. На самомъ же дѣлѣ, географическія, климатическія и общественныя условія мало представляютъ тамъ благопріятнаго для жителей. Особенно не обезпечено народное продовольствіе. Край не производитъ ни хлѣбныхъ зерновыхъ растеній, ни питательныхъ корнеплодныхъ, кромѣ весьма немногихъ совершенно дикихъ растеній, каковы: снѣдобная осока, макарша, дикій лукъ и т. п., что все, взятое вмѣстѣ, въ сущности равно нулю, или около того. Ближайшій хлѣбный рынокъ, въ Якутскѣ, за 2,600 верстъ напскверпѣйшаго пути по трудно проходимымъ топямъ, дебрямъ, рѣчкамъ и горамъ. Понятно, что частному лицу въ Нижнеколымскѣ якутскій хлѣбъ не помога. Народъ довольствуется (безъ хлѣба и большею частію безъ соли) рыбою, добываемою изъ рѣки Колымы съ притоками и изъ озеръ. Нижнеколымская рыба,—лучшая въ мірѣ. Особенно хороши омули, чиры, нельмы пятичетвертныя стерляди и чаванскіе полупудовые гольцы. Но главное обезпеченіе продовольствія составляютъ сельдь, муксунъ, омуль. Рыбы эти—рунныя, въ рѣку приходятъ съ моря. На самомъ морѣ рыба не промышляется, за неимѣніемъ средствъ къ тому и за неумѣньемъ. Вся рунная рыба, въ томъ числѣ и знаменитая нельма, промышляется въ рѣкѣ. Но чтобы рыба вошла въ рѣку, требуется счастливое совпаденіе доброй воды, добраго погодья, безледья въ рѣчныхъ устьяхъ. Если эти условія совпадаютъ съ временемъ привала рунной рыбы изъ моря,—годъ будетъ сытный. Но устье рѣки обмелѣло, заметанное иломъ, и въ малую воду не пропускаетъ рунной рыбы, которая отъ мелей шатится въ сторону. Не рѣдко случается, что во время привала рунной рыбы, рѣчное устье бываетъ задавлено морскимъ льдомъ; тогда и большая вода не въ помощь. Значительно вредятъ рыбному промыслу такъ называемыя тамъ низовыя воды. Мѣшаютъ промыслу и сильные вѣтры, отъ которыхъ большія волны расходятся на 3—7 верстной ширинѣ рѣки Колымы, такъ что и по входѣ руна въ рѣку уловъ не всегда вѣренъ. Такъ или иначе, а неуловъ рыбы на Колымѣ не рѣдкость. За каждымъ неуловомъ слѣдуетъ неизбѣжная голодовка, у ко-

*

Digitized by Google

торой постоянною спутницею бываетъ голодная горячка, а за нею по пятамъ убійственный тифъ. При появленіи голодной горячки (рѣдко ранѣе) народу на продовольствіе выдается (обыкновенно въ безвозвратный долгъ, за неимѣніемъ денегъ и полной нищетой) казенный *) хлѣбъ. Но—Богъ мой—что за хлѣбъ тамъ былъ во время оно, да вѣроятно и теперь не лучше.

Употребляемое юкагирами худое *маняло* не могло быть хуже казеннаго хлѣба, однажды отпущеннаго мнѣ изъ запаснаго казеннаго магазина, за цѣну по 4½ рубля пудъ, во всякомъ разѣ—маняло будетъ безвреднѣе зеленыхъ комьевъ когда-то бывшей муки, съ порядочною примѣсью рѣчнаго ила. И такъ, въ Нижнеколымскомъ краѣ на первомъ планѣ стоитъ гнетущій недостатокъ народнаго продовольствія.

А что за климатъ въ Нижнеколымскѣ! Зима со всѣми снѣговыми бурями, при безсмѣнной сырости, а съ тѣмъ вмѣстѣ и при безсмѣнно высокихъ холодахъ (совпаденіе самое невыгодное), тянется 9 мѣсяцевъ. За тѣмъ настаютъ 2½ мѣсяца одной сырости, банной, съ густыми болотными испареніями; въ атмосферѣ носится повсемѣстный туманъ, изъ невзрачныхъ мелкихъ кровожадныхъ насѣкомыхъ, каковы тамъ комары и мошкара. Отъ этихъ насѣкомыхъ нѣтъ покоя туземцу ни дома, ни въ полѣ, ни днемъ, ни ночью. Впрочемъ, въ лѣтнюю пору тамъ солнце не закатывается, что очень картинно видѣть въ описаніи, но весьма надоѣдливо и томительно испытывать на дѣлѣ. Средняя температура по Реом.—8° за 12 мѣсяцевъ, а ниже—30° за Декабрь и Январь. Зимою холодно, сыро, мрачно и красное солнышко не восходитъ. Растительность убога. Не встрѣчаешь даже сосны, ели, *) пихты; береза превратилась въ ерникъ, ольха въ низкорослый кустарникъ, великолѣпный сибирскій кедръ превратился въ сланецъ. Жена моя въ Нижнеколымскѣ посадила рѣпу,—уродилось что то съ горошину; посадила капусту, и ужъ не знаю что такое уродилось, два чуть замѣтныхъ зеленыхъ листочка. (Въ Средне-Колымскѣ, 500 верстъ югозападнѣе Нижнеколымска, родится рѣпа съ чайное блюдце и крупнѣе, картофель съ грецкій орѣхъ и крупнѣе; посѣянный ячмень далъ хорошій ростъ и цвѣлъ. Судя по этимъ опытамъ, можно бы въ Средне-Колымскѣ разводить картофель и рѣпу и заниматься травосѣяніемъ. Но послѣднимъ никто не занимается тамъ за изобиліемъ естественныхъ луговъ и богатыхъ травою пастбищъ. Подъ рѣпу, и вмѣстѣ съ картофелемъ, въ Средне-Колымскомъ округѣ занимается земли до 3½ аршинъ).

Таковы-то географія и климатъ въ Нижнеколымскѣ. Тамъ не только выродилась растительность, но русскій народъ превратился въ ка-

*) По 3 ѣ по 5 фунтовъ на человѣка въ мѣсяцъ.

*) Близъ моря древесная растительность прекращается вовсе: тамъ лежитъ безлѣсная тундра.

Digitized by Google

кое-то кочевое племя, и потому только не бродячее, что не имѣетъ другаго скота, кромѣ собакъ. Ретроградность очевидная. Но главное зло края я вижу въ необезпеченности народнаго продовольствія, въ неправильности добычи, въ голодовкахъ.

Въ черные годы неулова, народъ питается всякою всячиною. Но всѣдство не въ тукъ и не въ сытость туземцу. Большая часть питательныхъ веществъ потребляется не во славу Божію, а какъ что то поганое, идоложертвенное, и это убѣжденіе вредитъ аппетиту, портитъ желудокъ. Молодая нерпа—pullus—очень вкусна, питательна, отлично переваривается желудкомъ. Это блюдо едва отличается отъ блюда изъ молодаго сжирѣлаго гуся. Но блюдо, приправленное словцомъ «собачій щенокъ», отъ этого теряетъ все свое достоинство. Духовенство и набожныя старухи поддерживаютъ непримѣнимое къ мѣстнымъ условіямъ ученіе Моизеева о поганствѣ лошади и т. п.

Тяжелымъ бременемъ упали на туземца нѣкоторыя общественныя повинности, въ особенности подводная гоньба. Въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества помѣщена составленная мною статистическая замѣтка, изъ которой видно, что населеніе Нижнеколымскаго края ничтожно и разсѣянно на огромномъ пространствѣ. Между тѣмъ обыватели отбываютъ подводную гоньбу за сотни верстъ, и при томъ безмездно, не получая прогоновъ, везутъ на собакахъ исправника, священника, лекаря, оспопрививателя, гонцовъ, нарочныхъ, арестантовъ, почту. Да, и почту везутъ безплатно. Это дѣлается такъ.—Изъ Походской, или изъ Кабачковой (деревеньки) чрезъ нарочнаго вызывается обыватель съ ѣздовыми—рабочими собаками въ Нижнеколымскъ—120 верстъ. Изъ Нижнеколымска обыватель, на своихъ собакахъ, отвозитъ казака съ почтою вверхъ по Колымѣ, до урочища Кресты—240 верстъ; и того отъ дома и родной семьи, оставленной на произволъ Божій, 360 верстъ, и обратно до дома столько же, а всего 720 верстъ. Независимо отъ того, съ тѣхъ же самыхъ обывателей взыскиваются, въ числѣ податей, деньги въ казну за отбываніе подводъ. Вотъ-то двѣ шкуры снимаются съ вола, да и тотъ тощій. Не поздоровится бѣдному.

При подавляющихъ условіяхъ народъ не можетъ расти, множиться и наполнять землю. Довольно, если бы онъ поддержалъ свое существованіе и численность, но и этого я не предполагаю.

Тяжелъ строй житья-бытья Нижнеколымскаго; но туземецъ не унываетъ, отчаяніе не его удѣлъ. Безпримѣрная безпечность—вотъ что поддерживаетъ бѣдняка. Беззаботность обратилась въ характеръ туземца. Онъ ничего не имѣетъ, голоденъ и едва прикрытъ кожаномъ, но онъ не унываетъ, «*буатъ лисичку Богъ дастъ*», думаетъ онъ, тянетъ *андылку* и при первой *оказіи* превесело поетъ и пляшетъ на вечеринкѣ. Туземную жизнь характеризуютъ: кочевка, быстрые переѣзды, семикратное въ зимній день отопленіе дома, что очень освѣжаетъ жильцовъ. Дрова тамъ изъ подъ топора, а пища или прямо

Digitized by Google

съ поварни—съ огня, или совершенно свѣжая—мерзлая, какова строганина. Эти обстоятельства благопріятствуютъ живучести туземца. Въ 1844 году изъ 1900 прихожанъ было семь человѣкъ семидесятилѣтнихъ, по одному въ девяносто и сто лѣтъ и одна корякская женщина въ 116 лѣтъ. И такъ смертность однихъ уравновѣшивается до нѣкоторой степени устойчивостью другихъ. Но это заставляетъ только догадываться, что при не надежномъ обезпеченіи народнаго продовольствія, въ численности населенія должна быть какая либо норма, свыше которой народъ непремѣнно долженъ будетъ или вымереть, или выселиться.

Замѣчено, что употребленіе туземной рыбы возбуждаетъ половое влеченіе. При употребленіи рыбной пищи, если уловъ 5—10 лѣтъ не измѣняетъ и все обстоитъ благополучно, ребятишки въ народѣ появляются и растутъ какъ грибы. Особенно много замѣчается незаконнорожденныхъ, которые—не извѣстно почему—раздѣляются тамъ на отческихъ и дикихъ насидышей. Но одинъ годъ голодный,—и юное поколѣніе сметается съ лица земли, при чемъ конечно достается и взрослымъ.

Положительная невѣрность въ способахъ къ обезпеченію продовольствія приводитъ къ заключенію, что народонаселеніе Нижнеколымскаго края не можетъ умножаться естественнымъ нарожденіемъ, если взять въ разсчетъ десятки лѣтъ, и колонизація извнѣ будетъ безполезнымъ усиліемъ. Одни племена туземныя уже вымерли, напримѣръ ходынцы, омоки, шелаги, чавачи; другія вымираютъ, каковы напримѣръ чуванцы и верховые юкагиры по рѣкамъ Омолону, Большому и Малому Анюямъ. Большія партіи обязательныхъ казенныхъ поселенцевъ, присланные туда въ прошломъ столѣтіи, вымерли. Добровольно водворившіеся бѣлые, называемые кочи, вольница, промотавшіеся торгаши,—наличные представители чисторусскаго племени, силою вещей черезъ 200 лѣтъ превратились въ жалкихъ кочевниковъ, въ рыболововъ, звѣролововъ *). Но рыба въ озерахъ выловилась, а съ моря рѣдко поднимается руна, за обмеленіемъ лимана. Звѣрь, при множествѣ охотниковъ, истреблять винтовкою, лукомъ, новетомъ, пожаромъ. Хлѣбный рынокъ—за 2—3 тысячи верстъ наискверпѣйшаго пути. Таково экономическое состояніе края. Онъ обезсиленъ и уже теперь не прокармливаетъ населенія, хотя оно ничтожно по числу и м. б. приходится по одному человѣку на квадратную версту.

Къ необезпеченности въ продовольствіи присовокупились истребительныя болѣзни: тифъ, корь, оспа, сифилисъ, elephantia, цынга. Къ этимъ бичамъ примкнула мѣстная уроженка «жиганка» и нѣкоторые физіологическіе недостатки.

---

*) Достаточно двухлѣтняго пребыванія тамъ, чтобы превратиться въ кочевника. Такъ и быть должно въ странѣ звѣролововъ и оленьихъ пастуховъ.

Digitized by Google

Туземный *тифъ* есть ничто иное, какъ развитіе—вторая ступень,—голодной горячки; третья ея ступень будетъ смерть. За неимѣніемъ всего другаго по санитарной части, суевѣрный, хотя и крещеный, тамошній народъ во время эпидеміи обыкновенно пробавляется темнымъ шаманствомъ, въ которомъ однакоже есть одна сторона и не темная. Отбросимъ предразсудокъ и взглянемъ на дѣло безпристрастно. Въ краѣ нѣтъ фельдшера, лекаря, аптеки; православный приходскій священникъ—на тысячу верстъ одинъ. Шаманъ, всегда смышленый, служа свои поганые молебны чорту, съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ дѣйствительно полезную службу для больнаго. Онъ вліяетъ на воображеніе паціента, и хоть изрѣдка даетъ ему цѣлебныя дозы какихъ-нибудь испытанныхъ веществъ. Уже однимъ посѣщеніемъ больнаго шаманъ дѣлаетъ много, ободряя ближнихъ его, которые иначе были-бы готовы оставить больнаго на съѣденіе жаждѣ, комарамъ, тоскѣ одиночества, а затѣмъ и сумашествію, что было-бы смертью за-живо. Правда, они обираютъ простаковъ, но тоже замѣчено и не за шаманами *). Во время тифа обыкновенно тамъ свирѣпствуетъ голодъ. Народъ изнуренъ невольнымъ постомъ, мерзлая земля тверда, какъ свинецъ, копать могилу некому, да и нечѣмъ Зараженные трупы умершихъ хоронятся только что не поверхъ земли. При такомъ порядкѣ мертвые изъ могилы грозятъ живымъ. Кому удалось залечь поглубже, тотъ грозитъ потомству. На глубинѣ 2—3 аршинъ земля мерзла постоянно, холодная температура не измѣняется, трупы не разлагаются, покуда ихъ не выроетъ жадный медвѣдь, или черезъ 100—200 лѣтъ подмоетъ забытую могилу рѣка. Тогда зараженный трупъ разлагается, и, вѣроятно, портитъ воду и воздухъ.

Корь и оспа появляются періодически, обѣ смертельны и истребляютъ множество народа. Корь выступаетъ, скрывается опять, а иногда и въ третій разъ выступаетъ послѣ того, какъ паціентъ, казалось, уже выздоровѣлъ. Это возвратная корь. Она особенно губительна для кочующихъ, бродячихъ племенъ, какъ ламуты, тунгусы, чуванцы и т. п., съ подвижными-походными легкими ровдужными *урасами*, въ которыхъ нѣтъ сухаго теплаго воздуха и достаточной защиты отъ атмосферныхъ перемѣнъ. Промежутки періодовъ кори таковы, что одно поколѣніе бываетъ свидѣтелемъ двухъ эпидемій. Оспа появляется рѣже, именно однажды въ 70—80 лѣтъ. Эта самая опустошительная эпидемія. Она наводитъ на туземца паническій страхъ. Самые знаменитые шаманы отказываются отъ пораженныхъ, не имѣя духа подступиться къ нимъ со своими шаманскими молеб-

*) Шаманы тамъ держатся живымъ авторитетомъ личностей, а не властію и въ нихъ ничего нѣтъ полицейскаго. Потому шаманы пріятны невѣжественной массѣ и стоятъ, можно сказать, на твердой почвѣ.

Digitized by Google

нами. Шема на древнемъ языкѣ-то нарѣчія значитъ чортъ, а чортъ отъ оспы не спасаетъ. Въ Нижнеколымскѣ есть полуказенный оспопрививатель, который дѣлаетъ свое дѣло какъ умѣетъ и можетъ. Но я не думаю, чтобы край былъ застрахованъ отъ эпидеміи. Придетъ оспенный годъ, вѣроятно онъ ужъ близокъ и доканаетъ себя по обыкновенію *). Въ 1868—69 году, по Забайкальской области оспа не щадила — не щадитъ и привитыхъ. Вѣроятно тоже предстоитъ Нижнеколымскому краю. Можно утѣшаться развѣ мыслію, что періодическія эпидеміи съ теченіемъ времени слабѣютъ. Плохая, а все же надежда. Чукчи не прививаютъ оспы вовсе.

Сифилисъ принадлежитъ къ разряду приличивыхъ, заразительныхъ. Полинейская болѣзнь, о которой не распространяюсь. Довольно знать, что несчастные колымцы не спаслись отъ заразы. Въ благихъ видахъ похвальной ревности о благосостояніи народнаго здравія, одинъ казенный врачъ, котораго не называю, проэктировалъ уничтожить по округу сифилисъ учрежденіемъ спеціальныхъ карантиновъ для осмотра и задержанія зараженныхъ. Карантины предполагалось учредить по Якутско-Колымскому тракту. Побудительною причиною къ тому было убѣжденіе врача, что зараза на Колымѣ подновляется ежегоднымъ наплывомъ странствующихъ рыцарей изъ Якутска. Мѣра эта, конечно, была бы изъ самыхъ лучшихъ, еслибы Колыма еще не зачумилась. Но теперь проэктъ безъ существенной пользы стѣснилъ бы сообщеніе, и безъ того очень слабое; онъ сдѣлалъ бы положительное зло, въ чаяніи весьма сомнительной пользы. Проэктъ былъ отвергнутъ какъ несостоятельный. Но непонимающій господинъ по крайней мѣрѣ думалъ, писалъ, хлопоталъ о благѣ края по начальству. И за то спасибо.

Elephantia. Отровенно признаюсь, что вовсе не понимаю этой болѣзни. Можетъ быть это та самая болѣзнь, которую иные называютъ проказою. Можетъ быть то сухая или сложная какая венерическая сыпь. А можетъ быть то и заподлинно страшная elephantia. Разскажу о случаѣ. Въ 1847 году привочевалъ къ мысу Баранову мысу, что близъ устья рѣки Колымы, богатый въ то время чукча, Авваченка. У него было 7 или 8 тысячъ оленей. На нихъ появилась сухая сыпь, спала шерсть. Черезъ 18 мѣсяцевъ не осталось у Авваченки ни одного оленя. Перепропали, издохли всѣ. Я видѣлъ зараженнаго теленка, который еще ходилъ, а скула отвалилась, кость висѣла обнаженною и готова была випасть. Одно бѣдное русское семейство пользовалось отъ Авваченки мясомъ и шкурами зачумленныхъ животныхъ. Семейство это заразилось. Изъ семейства я видѣлъ женщину (мальчиха). Она была покрыта сухою бѣлою сыпью,

*) Извѣстно, что въ послѣднее время въ Якутскую область командировано нѣсколько врачей, съ спеціальною цѣлью прекращенія оспы и сифилиса.

Digitized by Google

какъ отрубями, изъ за которыхъ виднѣлось синевато-красное тѣло. Болѣзнь, повидимому, не считалась тамъ ни новостью, ни какою-нибудь особенностію. Это можно заключить изъ того, что женщина та явилась, по требованію, на мірскую сходку, а міръ — обчество больно наказалъ ее, больную, розгами, вибивая старыя недоимки за мужа. Упомянутая болѣзнь поражаетъ и дикихъ оленей, истребляя ихъ болѣе, чѣмъ всѣ охотники и волки вмѣстѣ. Замѣчено, что зараженные дикіе олени не разбредаются по одиночкѣ, а ложатся на полянѣ и издыхаютъ нѣлымъ стадомъ. Оттого иногда встрѣчается цѣлое поле, покрытое костями.

Туземецъ куритъ, нюхаетъ и за щеку владетъ табакъ (московскій, черкасскій). Рыбу туземцы употребляютъ большею частію въ сыромъ, — свѣжемъ, — меролмъ видѣ, подъ названіемъ строганины; вареную употребляютъ не иначе, какъ прямо съ огня. Оленью кровь инородцы любятъ въ сыромъ, — меролмъ видѣ. Жиръ и кровь перемѣшиваются съ горькими дико-растеніями, иногда съ таловымъ листомъ, заготовляемымъ въ пору зеленой сочности. Туземцы имѣютъ теплое платье изъ оленьихъ шкуръ, которыя хорошо выдѣланы и не колѣютъ на стужѣ; часто и долго бываютъ на открытомъ воздухѣ; любятъ движеніе, а въ дорогѣ, остановясь на ребердъ, бѣгаютъ, борятся, дѣлаютъ большіе ускоки, строятъ городки. Жилые балаганы — юрты, освѣжаютъ осмократною топкою. Кто имѣетъ кирпичный чай, — пьетъ его утромъ, днемъ, вечеромъ, ночью, а нежалуй за каждою топкою, т. е. семь разъ въ сутки, постоянно кипятокъ, за пріемъ стакановъ по десяти и болѣе. Однажды вдвоемъ мы съ пріятелемъ роспили четыре самовара за присѣсть. Я въ этомъ не признался бы по застѣнчивости, покуда не убѣдился изъ вѣрныхъ источниковъ, что забайкальскіе любители пьютъ еще болѣе: знаменитыя кяхтинскія воды пьются до 40 бутылокъ въ день на особу, разумѣется не на всякую. Выше упомянутыя нижне-колымскія условія спасаютъ туземца отъ цынги. Но вотъ транспорты купеческіе, задержанные непроходимо-глубокими снѣгами, не пришли на далекую Колыму. Табаку и чаю нѣтъ, рыбы недоловъ, олень неуропленъ, собакъ мало, дрова скудныя, одежда обносилась. При такихъ обстоятельствахъ приморская тундренная, болотистая, холодная и сырая мѣстность дѣлаетъ свое. Появляется цынга, брызнутъ десны и т. д. Были примѣры и смерти отъ цынги.

Жиганка. Это видоизмѣненіе клякунъ. Только одержимые припадкомъ жиганки не выкликиваютъ по сорочьи, не лаютъ по собачьи и т. п. и не говорятъ на всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языкахъ, а мычатъ какъ въ просонкахъ, или понятъ «гогого», и такъ иногда запѣваются на смерть. Жиганка къ жертвѣ приходитъ растрепанною женщиной (бредъ, которому суевѣрный туземецъ даетъ реальное значеніе). Жиганка, какъ выражаются тамъ, давитъ. Человѣку дѣлается дурно. Онъ не выноситъ дурноты, приходитъ въ полусозна-

Digitized by Google

тельное состояніе, иногда лишается сознанія вовсе, мечется, порет чепуху, поетъ «гого», пророчитъ, оретъ—боронитъ, что и совладать съ нимъ иногда нельзя. Припадокъ длится минуты, иногда часы и сутки. 28-лѣтній мущина гоголалъ двое сутокъ и затихъ—умеръ въ моемъ присутствіи. Страдалецъ пѣлъ до послѣдняго вздоха. Семидесятилѣтняя старуха поднялась съ смертнаго одра, заходила, запѣла, заплясала неудержимо, и такъ умерла на ногахъ. Была это, конечно, виттова пляска, но пѣніе напоминало жиганку. Молва назвала старуху колдуньей, и чтобы старуха не встала изъ могилы,—пригласили шамана что-то подѣлать. Угрозы и насильственныя мѣры приводятъ одержимаго жиганкою въ себя. Но ближніе, наученные опытомъ, избѣгаютъ грубыхъ мѣръ, угрозъ, насилія. Жиганка одна изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней въ краѣ, хотя почему-то туземцы вовсе не считаютъ ее болѣзнью. «Помилуйте, какая же это болѣзнь? Это не болѣзнь, а жиганка», говоритъ туземецъ.

Гугнивость общій физіологическій недостатокъ туземнаго русскаго племени. Вотъ образчикъ Нижнеколымской рѣчи: «Оёй пъиетёй къ Бъяговѣщенью, ѐбедь къ Егойю, ясточка къ Цаеву дню пъиетёя, на тъюбу сёя, ядостно запёя», т. е. Орелъ прилетѣлъ къ Благовѣщенью, лебедь къ Егорью, ласточка къ Цареву дню прилетѣла, на трубу сѣла, радостно запѣла.— И такъ даже самый языкъ русскій тамъ подвергается порчѣ. Замѣчено, что чукчанки не умѣютъ произносить звука, выражаемаго буквою «р». Чукча произноситъ *ваҗинъ* (есть) Чукчанка *ваҗинъ*, чукча *ярать* (юрты мн. ч.); Чукчанка *яҗать*.

Многія изъ туземныхъ женщинъ отличаются очень слабыхъ понятіемъ о числахъ. Разговорчивы, любезны, а считать не умѣютъ. Иныя не въ состояніи отличать трехъ отъ пяти. Здѣсь я вижу физіологическую порчу туземнаго русскаго племени.

Вотъ современное положеніе Нижнеколымскаго края. Утѣшительнаго мало. При искусственномъ увеличеніи народонаселенія наплывомъ извнѣ, бѣдственное положеніе будетъ еще ухудшаться. Равно гибельнымъ надобно считать и увеличеніе естественнымъ нарожденіемъ. Край не пропитываетъ населенія, которое тамъ скудно прозябаетъ, и болѣе зябнетъ, нежели растетъ и множится. Мы видимъ, что туземныя племена, по образу жизни своей, а можетъ быть и своими нравами, близятся къ типу полярнаго животнаго, которымъ признается бѣлый медвѣдь.

Полярный край по справедливости принадлежитъ полярному медвѣдю. Полярный человѣкъ сказывается какимъ-то существомъ не нормальнымъ. Современному человѣку здравый разсудокъ указываетъ на землѣ полосу культурныхъ злаковъ и хлѣбныхъ растеній. По мѣрѣ удаленія этой полосы, человѣкъ дѣлается кочевникомъ, бродячимъ звѣроловомъ, а на крайнемъ сѣверѣ уподобляется полярному медвѣдю въ образѣ жизни, въ способѣ питанія. Тамъ человѣкъ довольствуется сыроядствомъ и дикорастеніями. Самое жилище у туземца

Digitized by Google

носитъ характеръ медвѣжьей берлоги. Таковы юрты сѣверныхъ кочевниковъ, изъ которыхъ иные довольствуются снѣжнымъ шалашомъ, по якутски Хар-балаганъ. Иные живутъ въ погребахъ, въ мрачныхъ подвалахъ. Спускаясь въ такое подземелье, путешественникъ невольно воспроизводитъ фантастическую сцену изъ Гомера—сошествіе Геркулеса въ преисподнюю. Не угодно ли будетъ взглянуть на картину изъ домашняго быта въ человѣческой берлогѣ крайняго сѣвера? На пространствѣ одной квадратной сажени усѣлось, на оленьихъ шкурахъ, семь человѣкъ дѣтей, женщинъ, мужчинъ, въ числѣ которыхъ пишущій эти строки,—все до нага раздѣтые по поясъ. Спидимъ въ чукотскомъ большомъ пологу и потѣемъ. Вверху подотнутъ бубенъ, штаны, рукавицы для просушки. Въ переднемъ мѣстѣ чорная лаханка и неугасаемый ночникъ, наполненный ворванью, гдѣ свѣтильнею служитъ мохъ. Дымящійся табак-койнѣнъ ходитъ по рукамъ и хозяинъ затягивается первый, т. е. съ наслажденіемъ глотаетъ изъ трубки высосанный дымъ, который потомъ черезъ минуту иногда черезъ двѣ выпускается колечкомъ. Въ пологѣ сплошное облако табачнаго дыма. Этотъ (хозяинъ) хлѣбосолъ. По его распоряженію подали беремя оленьихъ ногъ, только что освѣжованныхъ животныхъ. На долю мою досталась бычачья нога, еще не вовсе остывшая. Принялись мы свѣжевать, т. е. буквально драть когтями—ногтями, пилить ножами, глодать зубами. Эта живая картина туземнаго быта мнѣ всегда казалась поразительною. При тускломъ мерцаніи ночника въ кучку собрались нагіе люди и гложутъ сырую кость. Живое подобіе полярнаго медвѣдя въ семейной медвѣжьей берлогѣ. Таковъ полярный человѣкъ. Его характеризуетъ постоянная борьба на жизнь и смерть за кусокъ насущнаго продовольствія; климатъ, болѣзни, частію самый общественный бытъ придавили туземца. Племена вымираютъ, и только счастливая беззаботность о дальнемъ будущемъ спасаетъ оставшихся. Чукчу возвышаетъ гордое чувство независимости. Иныхъ выноситъ наше національное—милое авось (по туземному *буатъ*). Но все таки полярное человѣчество не въ прогрессѣ.

Край не процвѣтаетъ и бѣденъ нынѣ. Между тѣмъ онъ могъ бы процвѣтать, могъ быть именно, какъ говорится, золотымъ дномъ Сибири. Край этотъ-гнѣздо черныхъ, бурыхъ, сивыхъ и красныхъ лисицъ, черныхъ бѣлокъ, дорогихъ соболей, голубыхъ и бѣлыхъ песцовъ, выдръ и горностаевъ, которые и понынѣ еще вывозятся большими партіями. Пусть край будетъ заповѣдною пущею всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ пушныхъ звѣрей, а также оленей, лосей, аргали (горные бараны). Пусть край, впрочемъ, самою природою на то обреченный, останется обширнымъ птичникомъ, гдѣ спокойно будутъ плодиться лебеди, разновидные утки и гуси, розовыя чайки, пудовые альбитросы, великолѣпные стерхи. *) Заповѣдная пуща будетъ процвѣтать.

*) *Примѣчаніе.* Стерхъ изъ семейства голенастыхъ Grallae. Онъ у туземцевъ

Digitized by Google

также извѣстенъ подъ названіемъ бѣлаго журавля. Но стерхъ болѣе журавля тушею, ростомъ его на ногахъ; шея у него еще длиннѣе журавлиной, клювъ предлинный, гранчатый, острый, столь крѣпкій, что можетъ пронзать грудь опытнаго охотника, когда защищается раздраженный. Стерхъ имѣетъ, какъ лебедь, бѣлую шубу, но съ черною каймою по крыльямъ. Размножается очень медленно. При впаденіи въ море Колымско-Чукочьей притоки каждое лѣто съ давнихъ поръ появляется только одна пара стерховъ и болѣе никто не видалъ. На Устьянской тундрѣ стерхи встрѣчаются семействами. По замѣчанію старожиловъ птицы эти встрѣчаются все менѣе и менѣе нынѣ. Можно предположить, что украшающіе стерхи современемъ вымрутъ и исчезнутъ съ лица земли. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ періодъ линянья стерхъ не летаетъ и спасается отъ преслѣдованія лишь бѣгствомъ.

Digitized by Google

ЧУВСТВА СПЕРАНСКАГО КЪ СИБИРИ.

(Посвящается В. И. Во—у, какъ собирателю дорогихъ для Сибири матеріаловъ о Сперанскомъ).

I.

Любилъ-ли Сперанскій Сибирь, или не имѣлъ къ ней никакихъ чувствъ, кромѣ разочарованія и, по справедливости, то высокомѣрнаго презрѣнія? Вотъ вопросъ, который, между прочимъ, задаются люди, интересующіеся Сперанскимъ и его дѣятельностью въ Сибири. Нѣкоторые рѣзкіе и пренебрежительные отзывы его подали поводъ утверждать, что отношенія его были не совсѣмъ дружелюбны и что въ Сибири онъ не видѣлъ никакихъ задатковъ въ смыслѣ государственнаго и гражданскаго развитія. Не вдаваясь подробнѣе въ разсмотрѣніе вопроса, такъ ли это было, мы попытаемся теперь довольно обильнымъ матеріаломъ изъ обнародованныхъ воспоминаній, писемъ и дневника самого Сперанскаго, чтобы составить себѣ объ этомъ болѣе или менѣе ясное понятіе. Особенно дать матеріалъ для такой оцѣнки могутъ дневникъ и письма къ дочери, въ которыхъ выступаетъ Сперанскій, не какъ сухой дѣлецъ, не какъ мелкій человѣкъ, съ нѣжною, впечатлительною душою, полною любви, страданій и надежды, и вмѣстѣ съ тѣмъ личность глубоко наблюдательная.

Прежде всего мы должны замѣтить, что настроеніе духа Сперанскаго во время пребыванія его въ Сибири было различно отъ этого и въ отношеніи къ Сибири онъ испытывалъ неодинаковыя чувства.

Должно сказать, что самую новость въ Сибирь и новое назначеніе свое Сперанскій принялъ, какъ видно, не радостно сказать искренно: не безъ горести отправлялся и къ Сибири, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. «И неблагодарно и грѣшно бы мнѣ было увѣрять васъ, что я принялъ мое новое назначеніе безъ горести», сообщаетъ онъ Аракчееву. Тоже пишетъ Гурьеву и дочери. «Можетъ всего на годъ, много на полтора я отправляюсь въ Сибирь, пере-

Digitized by Google

даетъ онъ дочери. «По крайней мѣрѣ срокъ сей вѣренъ, ибо нельзя быть генералъ-губернаторомъ по неволѣ». Въѣхавъ 24 мая въ Тобольскъ, онъ въ іюнѣ уже пишетъ дочери: «я себя здѣсь не прочу и никому ничего не обѣщаю, такъ какъ самъ думаю только о возвратѣ». (с. 187-я). Странствіе въ Сибирь и на востокъ онъ считаетъ тяжелымъ. «Отправленіе меня въ Сибирь я причислялъ всегда къ составу бѣдствій, постигавшихъ меня», выражается онъ въ письмѣ къ князю Голицыну. Когда его возвращеніе изъ Сибири было отложено долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, это причинило ему величайшее огорченіе. Страстный и горькій протестъ вырывается изъ души его по этому поводу въ письмѣ къ Кочубею (Матер. изд. Публичной Библіотеки 306—307). Подъ вліяніемъ такихъ тяжелыхъ чувствъ Сперанскій находился во все время пребыванія своего въ Сибири. Слѣдствіемъ этого было то, что самое путешествіе на востокѣ въ немъ отразилось своеобразно. А между тѣмъ натура эта была богатая и впечатлительная. Во время путешествія все останавливаетъ его вниманіе, богатый и разнообразный край проносится предъ нимъ со всею его картинностью. «Путешествіе по Сибири есть сущій бредъ, особливо когда путешествуешь съ примѣчаніемъ», пишетъ онъ дочери. «Все занимаетъ его наблюдательный умъ, всему онъ даваль мѣсто или въ своемъ дневникѣ, или въ своей обширной перепискѣ», сообщаетъ одинъ изъ изслѣдователей, посвятившій обширный трудъ пребыванію Сперанскаго въ Сибири. Но какъ ни ярко было впечатлѣніе своеобразнаго востока, какъ ни оригинальна природа, какъ ни пестро переливались ея цвѣты, но все это получало какой-то грустный оттѣнокъ, подъ ладъ того меланхолическаго настроенія духа, какое господствовало въ душѣ этого человѣка, считавшаго себя изгнанникомъ. Поэтому дневникъ Сперанскаго и письма представляютъ любопытное доказательство того, какъ внутреннее настроеніе окрашиваетъ окружающую жизнь, измѣняетъ впечатлѣнія, управляетъ возрѣніями человѣка, и какъ въ зачаткѣ незамѣтныхъ ощущеній можетъ зарождаться ядро предубѣжденій. Здѣсь можно увидѣть, съ какими величайшими трудностями зрѣлое сужденіе, основанное на изученіи края, пробивало эту кору предубѣжденій, накопившуюся отъ внутренняго расположенія и сколько надо было усилій, чтобы окружающее явилось въ настоящемъ свѣтѣ. Предубѣжденія эти исчезали только вмѣстѣ съ прекращеніемъ извѣстнаго внутренняго настроенія, обусловливавшаго ихъ; тогда измѣнялся и характеръ впечатлѣній, а затѣмъ и самыя воззрѣнія и мнѣнія Сперанскаго получали другой характеръ, совершенно противоположный. Полезно прослѣдить эти измѣненія въ душѣ такого человѣка какъ Сперанскій, тѣмъ болѣе, что съ ними была связана судьба края, въ которомъ онъ долженъ былъ выполнять свою реформаторскую миссію.

Мы сказали, какъ горестно встрѣтилъ Сперанскій свое назначеніе въ Сибирь. Это тягостное чувство не оставляетъ его и въ дорогѣ.

Digitized by Google

«Послѣ завтрака въ 12 часовъ оставили Казань, пишетъ онъ въ дневникѣ 14 мая 1819 г., *я ѣхалъ, или, лучше сказать, меня везли* въ Сибирь тѣми же улицами сентября 18 дня 1812 года», съ грустью прибавляетъ онъ, припоминая прежнюю ссылку. Мрачное настроеніе духа не оставляетъ его и при въѣздѣ въ Сибирь. Онъ проѣзжаетъ Уральскія горы и остается ими недоволенъ: онѣ не имѣютъ ничего величественнаго *)? О первомъ сибирскомъ городѣ онъ замѣчаетъ: «*Тюмень*—городъ печальный, Тура сердита и подмываетъ берега». Самая природа ему неблагопріятствуетъ при въѣздѣ въ Сибирь. Въ бурную ночь совершаетъ онъ переправу черезъ «сердитую рѣку», около 12 верстъ. «Дорога неудобная тянется чрезъ лѣса и дичь». Его поражаетъ и затрудняетъ множество перевозовъ. Таково было первое впечатлѣніе. Сибири онъ не зналъ и не видѣлъ никогда, а потому только на пути изучаетъ ее и составляетъ о ней понятія. Первыя впечатлѣнія рѣшаютъ и общія его воззрѣнія на страну. Вотъ что онъ писалъ дочери изъ Тобольска: «не слушай разсказовъ о сибирской природѣ. *Сибирь есть просто Сибирь*. Надобно имѣть воображеніе не пылкое, но сумасбродное, чтобы видѣть тутъ какую-то Индію. Доселѣ, по крайней мѣрѣ, я ничего не видѣлъ ни въ природѣ величественнаго, ни въ людяхъ отличнаго. Уральскія горы, сколько ни называй ихъ рифейскими, все будутъ скучныя, неказистыя, единообразныя, безчисленныя, утомительныя, растянутыя на пространствѣ 400 верстъ. Тутъ даже нѣтъ и красивыхъ ужасовъ. Болѣе скучно, нежели опасно, и даже совсѣмъ не опасно. Примѣть, что мы проѣзжали ихъ въ самое лучшее время и что глазъ мой пристрастенъ ко всякой красотѣ природы, ко всякому явленію изящному и величавому. О людяхъ тоже сказать можно. Доселѣ я еще не могъ составить никакого понятія, которое представляло бы мнѣ сибиряка. Тѣ же пороки, тѣ же глупости, тоже терпѣніе въ бѣдныхъ и своекорыстіе въ богатыхъ. Различіе только въ томъ, что здѣсь, говоря вообще, всѣмъ жить широко, земля довольно хороша, и слѣдовательно, бѣдныхъ менѣе. Посмотримъ, что будетъ далѣе, а до Тобольска и въ Тобольскѣ *я смѣло утверждаю* (sic!), *что Сибирь* есть просто Сибирь, т. е. *прекрасное мѣсто для сильныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности, твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ*». Такова былъ первый, *рѣшительный* приговоръ этой странѣ. «Воображеніе наше, пишетъ онъ опять чрезъ нѣсколько дней, ищетъ въ Сибири чего-то чуднаго, отличительнаго и ничего не находитъ». Изъ Тобольска онъ ѣдетъ въ Омскъ и по дорогѣ не нахо-

*) Авторъ не прибѣгаетъ къ ссылкамъ на матеріалы; иначе пришлось бы цифрами и ссылками испестрить всю статью.

Digitized by Google

дить «ничего примѣчательнаго». Только на минуту останавливаетъ его взоръ Абалацкій монастырь, при видѣ котораго онъ замѣчаетъ: «прекраснѣйшее положеніе». Оффиціальный Омскъ является ему съ военными смотрами, съ оффиціально устроеннымъ для него празднествомъ въ пяти верстахъ отъ города, гдѣ устроили для него киргизскія игры (байгу), въ палаткахъ уронились дамы—чиновницы и играла музыка. Понятно, какимъ безучастнымъ и холоднымъ взоромъ созерцалъ онъ эти мгновенія оффиціальности. Безмолвно онъ смотритъ на этотъ парадъ по обязанности. Когда же увидѣлъ игры и угощеніе проголодавшихся кочевниковъ киргизъ (на байгѣ, нарочно для него устроенной), которымъ роздали баранину, онъ не могъ не поразиться только ихъ аппетитомъ. «Каждый пожираетъ свою часть и грызетъ самыя кости съ жадностью», восклицаетъ онъ съ отвращеніемъ. «Вообще нѣтъ *ничего отвратительнѣе* сей одичавшей и униженной *природы* (породы?); это почти полу-звѣри. И ни одного слова сожалѣнія, сострадавія». Природа и мѣстность однако начинаютъ его заинтересовывать. При поѣздѣ въ Томскъ, по правому берегу Иртыша, онъ отмѣчаетъ «прекрасныя земли, которыя давали сряду десять и пятнадцать урожаевъ». Далѣе онъ замѣчаетъ «опрятность въ жизни крестьянъ». Барабу онъ находитъ «однообразною». Но около Томска виды начинаютъ невольно очаровывать его. О переправѣ чрезъ Обь онъ пишетъ: «рѣка величественная». Вдругъ природа перемѣнилася. Первая ель и сосна, первый кедръ. Луга разнообразнѣе, первые пригорки и раздолья. Тучность луговъ, благовоніе и первый ростъ цвѣтовъ. Мы скоро открыли тюльпаны, дикіе гвоздики, des dents de lion и пр. и пр. *Виды вообще*, начиная отъ Оби, *прекрасные*, особливо по Томи». Въ письмахъ дочери онъ не разъ обращается къ Томской природѣ. «И Томскъ и вообще томская губернія по богатству произведеній и климату, весьма умѣренному могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній Россіи, но худое управленіе сдѣлали изъ нея сущій вертепъ разбойниковъ».

«Растенія дѣйствительно роскошныя, но, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, *сердце мое смутно* и не прежде раскроется, какъ *при обратномъ* отсюда *путешествіи*». Такимъ образомъ самъ Сперанскій, какъ бы замѣчалъ, что его внутреннее чувство парализовало всѣ внѣшнія впечатлѣнія. По дорогѣ въ Красноярскъ онъ пишетъ: «почти непрестанныя богатыя селенія, земля прекрасная». Подъ Красноярскомъ онъ снова пораженъ красотою видовъ. «Енисея не видно, но величавыя горы на противоположной сторонѣ, указуютъ его теченіе, сливаясь съ облаками въ величественномъ разнообразіи». За двѣ или три станціи отъ Енисейска, путникамъ представился во всемъ своемъ величіи быстрый, глубокій и спокойный Енисей, недалеко отъ соединенія съ нимъ Ангары. «Енисей величественъ», замѣчаетъ Сперанскій. Въ Енисейскѣ онъ знакомится съ старожилами, съ отличными, но здѣсь не рѣдкими, нравами». На него пахнуло простотою, патрі-

Digitized by Google

архальностью. «Вообще кто хочетъ видѣть старую святую Русь, тотъ долженъ путешествовать въ сихъ мѣстахъ». «Нравы отмѣнно чистые и простые. Въ теченіи 6 лѣтъ не было ни одного подсудимаго въ уѣздномъ судѣ изъ всѣхъ обывателей уѣзда», отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ. Иркутскъ, это «гнѣздо тогдашнихъ злоупотребленій». какъ онъ выражался, встрѣтилъ его иллюминаціей, музыкой, но «на утро очутился обыкновенный губернскій городъ», замѣчаетъ Сперанскій. Изъ Иркутска онъ долженъ ѣхать въ Кяхту, и чувство тоски снова имъ овладѣваетъ. Собираясь, онъ пишетъ съ досадой, что все еще не отправился «въ заморскія свои владѣнія». «Сіе путешествіе, пишетъ онъ, есть послѣднее, ибо возвращеніе мое отсюда я не считаю уже путешествіемъ». Такимъ образомъ онъ живетъ мыслью о возвратѣ. При выѣздѣ изъ Иркутска ему представляются Ангара и Байкалъ и, какъ видно, производятъ нѣкоторое впечатлѣніе. «Незамерзающая Ангара, отмѣчено въ дневникѣ. Видъ отъ Никольской пристани противоположнаго Забайкальскаго берега великолѣпенъ. Горы, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыя, кажутся облаками». Не смотря на то, востокъ не можетъ его подкупить, не можетъ очаровать: онъ по прежнему жалуется. «Какъ велика земля русская! повторяетъ онъ изъ Иркутска. И здѣсь тѣ же люди, та же чернь, тѣ же нравы и обычаи, тѣ же почти и пороки, и добродѣтели. Сіе единство почти непонятное. Во всѣхъ другихъ государствахъ несравненно болѣе разнообразія. Часто я сержусь на Сибирь, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ.... Какъ бы, кажется, на пространствѣ, столь обширномъ, не потѣшить унылаго странника? Но нѣтъ; вездѣ—исключая двухъ или трехъ мѣстъ—вездѣ скучное разнообразіе». Эти жалобы постоянно звучатъ въ его письмахъ къ дочери, въ бесѣдахъ съ которой онъ больше всего отдается своей грусти.

II.

Капризные и грустные отзывы Сперанскаго о Сибири однако временами совершенно противорѣчатъ пестрой канвѣ его дневника, гдѣ онъ отдается и красотамъ природы и заноситъ непосредственныя впечатлѣнія глаза. Одни уже переходы отъ степей къ лѣсамъ, отъ идиллической тихой природы Западной Сибири къ горной и величественной природѣ Восточной, отражаютъ въ его замѣткахъ все разнообразіе края, всю его «*узорчатость*», какъ выражается самъ Сперанскій. Разность жителей и типовъ, жизнь инородцевъ, номадовъ, кочевниковъ, звѣролововъ, земледѣльцевъ, наконецъ смѣсь русскихъ типовъ, соединившихся въ Сибири и составляющихъ новую амаль-

Digitized by Google

гаму съ инородцами, не могли не быть имъ замѣчены; и когда взглядъ его дѣлается безпристрастнымъ, когда онъ отдается философскому спокойствію,—онъ сознается, что Сибирь представляетъ удобство или «удобность,» какъ онъ выражается «считать и слѣдить за всѣми степенями общественнаго образованія и убѣждаться, что въ общемъ теченіи человѣческаго разума все стремится къ совершенствованію» (письмо къ Уварову). Въ душевной тревогѣ онъ не могъ сгруппировать сразу всѣхъ впечатлѣній; онъ былъ разсѣянъ и взоръ его былъ обращенъ не столько внѣ, сколько внутрь себя. Только на границѣ Сибири съ Китаемъ, проѣхавъ всю страну, когда онъ въ Забайкальѣ блуждалъ по буддійскимъ кумирнямъ, исписаннымъ молитвами, увидѣлъ царство Шигемуни, прислушивался къ буддійскимъ колокольчикамъ, къ благоговѣйному пѣнію и музыкѣ и затѣмъ когда предъ нимъ раскинулся пестрый Маймачинъ съ китайской цивилизаціей, онъ какъ бы опомнился,—на него пахнуло новымъ чувствомъ, чѣмъ-то въ родѣ впечатлѣнія волшебнаго сна. Видимо пораженный этими оригинальными впечатлѣніями, онъ описываетъ своей дочери китайскій праздникъ въ Маймачинѣ, говоритъ, между прочимъ, о высокой степени государственнаго и умственнаго развитія Китая и прибавляетъ: «видно, суждено *Востоку всегда брать верхъ надъ Западомъ.*»

Видно, что на этой послѣдней грани Востока великаго человѣка охватило обаяніемъ Азіи. Онъ съ любопытствомъ въ первый разъ началъ всматриваться въ этотъ особый міръ. Это было чувство, которое испытываетъ обыкновенно образованный европеецъ, ставшій въ соприкосновеніе съ Азіей, о которой до сихъ поръ онъ мало думалъ. Живая дѣйствительность его обдаетъ новыми мыслями и чувствами. Европеецъ, относившійся ранѣе съ пренебреженіемъ ко всему азіатскому, китайскому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ начинаетъ задумываться надъ судьбой этого континента, надъ судьбами милліоновъ людей, исторія которыхъ протекала вѣка, гдѣ развертывалась пышно своя цивилизація, до которой еще не коснулось изслѣдованіе. Мыслитель останавливается невольно предъ этимъ живущимъ и трепещущимъ міровымъ тѣломъ. Въ головѣ его толпятся вопросы. Мысль пріобрѣтаетъ возвышенный полетъ въ неизвѣстное будущее этихъ странъ, и вотъ подъ вліяніемъ этого полета у Сперанскаго вырывается самый горячій дифирамбъ погребеннымъ въ памяти Европы народамъ, которымъ однако также суждено будущее. Его мечта несется высоко, у него является идея, до которой только можетъ достигать горячій поклонникъ Азіи, это мечта «о свѣтѣ съ востока». Столкнувшись съ невѣдомымъ новымъ міромъ, Сперанскій не могъ не почувствовать торжественности этого момента, не могъ не задуматься надъ будущимъ союзомъ двухъ міровъ, и душа гордаго европейскаго Прометея отворилась на минуту и зазвучала ласковыми нотами *любви* къ бѣдной Азіи.

Digitized by Google

Но эти симпатическія чувства къ Азіи были у Сперанскаго минутны. Когда онъ блуждаетъ между бурятъ, среди бѣдныхъ забайкальскихъ деревень, мрачное настроеніе его опять охватываетъ и спектръ измѣняется. Буряты ему кажутся «неимѣющими человѣческаго образа», а дѣти ихъ—«чертенятами». Но вдругъ среди бурятъ Сперанскій увидѣлъ русскихъ переселенцевъ, напомянувшихъ ему Волгу и чувство радости вырывается у него. «Какъ зашли сюда, среди бурятскихъ чудовищныхъ фигуръ, сіи прекрасныя женскія лица съ Волги?» Чувствомъ глубокаго сожалѣнія проникается онъ и ко всѣмъ ссыльнымъ и къ ихъ несчастіямъ. Осматривая Воздвиженскій рудникъ и спускаясь въ шахты, онъ поражается ужасомъ и состраданіемъ. «Процессія въ странѣ мертвыхъ со свѣчами, контрастъ мальчиковъ и ихъ голосовъ, работающихъ вмѣстѣ съ преступниками», отмѣчаетъ онъ это впечатлѣніе. Судьба ссыльныхъ какъ бы соотвѣтствуетъ настроенію его собственной души. «Здѣсь кто напримѣръ истинные друзья мои? пишетъ онъ изъ Иркутска дочери. *Колодники* и чернь. Такъ было, такъ есть и такъ должно быть.» А между тѣмъ онъ сталкивается съ обществомъ, ищетъ знакомства, нарочно устраиваетъ балы, проникнутъ идеей возбудить общественную жизнь; при немъ Иркутскъ живетъ веселою жизнью, какой никогда не видывалъ. Онъ слѣдитъ, какъ пробуждается эта жизнь въ молодомъ обществѣ и при всемъ томъ онъ не можетъ побѣдить уже разъ закравшагося предубѣжденія. На это общество онъ смотритъ съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ. Выѣхавъ изъ Сибири, на балѣ въ Екатеринбургѣ онъ замѣчаетъ: «тѣже карикатуры, какъ и въ Сибири». Про балъ въ Тобольскѣ онъ пишетъ дочери съ насмѣшкой «женское общество сурокъ да кротъ, да двѣ набожныя лани». Конечно, все это объясняется тою высотою развитія и тѣмъ свѣтскимъ положеніемъ, которое занималъ Сперанскій; но по всей вѣроятности здѣсь играли не послѣднюю роль и его личныя ощущенія. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ выѣзда изъ Иркутска и только когда выѣхалъ, дохнулъ свободнѣе. «11 мѣсяцевъ письма къ тебѣ, моя милая Елизавета, носили сію траурную надпись—Иркутскъ, сіе письмо будетъ отсюда послѣднее», сообщаетъ онъ дочери. На границѣ Томской и Иркутской губерній въ дневникѣ его отмѣчено: «Въ 1819 году мы вступили въ Иркутскую губернію. Слѣдовательно провели въ сей губерніи годъ безъ 8 дней». Изъ этого видно, что Сперанскій считалъ даже дни своего здѣсь пребыванія. Съ возвращеніемъ его и съ поворотомъ изъ Иркутска измѣняются разомъ его впечатлѣнія, чувства и самыя воззрѣнія,—все получаетъ болѣе свѣтлый отпечатокъ въ душѣ его. Записавъ отмѣтку о выѣздѣ чрезъ грань Иркутской губерніи назадъ, онъ прибавляетъ: «Весь путь отъ Канскаго до Красноярскаго есть садъ». Да не мудрено, ибо въ это время разцвѣлъ садъ и въ душѣ Сперанскаго.

Такова была первая половина пребыванія Сперанскаго въ Сибири. Она отмѣчена вся его мрачнымъ субъективнымъ настроеніемъ духа.

*

Digitized by Google

Предъ нимъ проходятъ живо картины за картинами, но все это скользитъ по поверхности его души, не оставляя никакого впечатлѣнія, ибо онъ иначе настроенъ и поетъ другую пѣсню. По этому дневникъ и письма Сперанскаго полны контрастовъ и выражаютъ различное настроеніе. Мы здѣсь видимъ какъ будто бы двѣ души: одна спокойная и прозрачная, въ которой отражается безмятежная красота неба, другая сумрачная, облекающая міръ въ свинцовый свѣтъ, подобно тому, какъ во время бури кусокъ свѣтлаго неба отражается въ темномъ озерѣ. Въ глубинѣ этого сердца какъ бы таится какая то разъѣдающая тоска и лишь только тогда, когда человѣкъ отрывается отъ нея на минуту, онъ смотритъ на окружающее свѣтлымъ и трезвымъ окомъ, чувствуетъ красоты природы и живой пульсъ жизни; но грусть снова овладѣваетъ сердцемъ и тогда картина заволакивается опять темнымъ флеромъ, и какъ бы ни сіялъ окружающій міръ, онъ тускнѣетъ, отразившись сквозь внутреннія слезы. Такое странное чувство мы видимъ преобладающимъ у Сперанскаго, пока онъ былъ въ Сибири. Среди самаго спокойнаго настроенія, у него можно замѣтить постоянно надрывающую ноту. Нельзя не найти въ этомъ настроеніи много общаго съ чувствомъ ссыльнаго. «Виды хороши, но нѣтъ охоты всматриваться въ нихъ; чувствуешь, что ими тебѣ не любоваться, тебѣ не до того; встрѣчается красивая женщина—но ласковое слово ея такъ и остается неоконченнымъ романомъ; дѣти, но вы боитесь ихъ, вы перестали вѣрить въ себя, что вы по прежнему заслужите ихъ довѣріе. Культурные звуки, скрипъ телѣгъ, далекій молотъ, звонъ ботала (звонка) на шеѣ коровъ въ лѣсу, ржаніе лошади только усиливаетъ вашу тоску. Вы чувствуете, что какое бы вы ощущеніе ни получили изъ этого культурнаго міра, оно не имѣетъ будущаго, не получитъ развитія—все будетъ прервано засовомъ. Прекрасная погода еще невыносимѣе, чѣмъ сѣрая и мрачная; на уединенномъ берегу моря еще легче, но въ большомъ городѣ труднѣе. Посмотрите: въ лѣтній день по раскаленной мостовой города идутъ арестанты. На душѣ у нихъ мрачно, а день роскошный, солнце обдаетъ яркимъ свѣтомъ, бѣлыя стѣны домовъ блещутъ, даже грязное бѣлье, вывѣшенное на улицу, кажется безукоризненно бѣлымъ. Но сомнительнымъ свѣтомъ свѣтитъ яркое солнце этимъ людямъ сквозь ихъ внутренній мракъ, какъ солнце, свѣтящее сквозь падающій дождь.

Die höchste Welt, wie schwindet sie den Sinnen! Прекрасный свѣтъ, какъ онъ бѣжитъ отъ моихъ чувствъ! говоритъ у Шиллера дочь Агамемнона, приговоренная къ смерти.»

Таково уже чувство неволи, гдѣ бы и у кого бы оно ни проявлялось; таково же чувство и изгнанника. Ничто не очаруетъ его, даже самый прекрасный, но чуждый край. «Дайте мнѣ необитаемый кусокъ, голую скалу со свободой, говоритъ Гавацци, «и я сдѣлаю вамъ изъ нея рай!» Пусть будетъ человѣкъ въ раю съ неволей—онъ проклянетъ его! Это чувство тоски можетъ быть до такой степени сильно

Digitized by Google

въ человѣкѣ, что заглушитъ его лучшія симпатіи. Бывали случаи, что человѣкъ, даже посланный на родину противъ желанія, получалъ къ ней отвращеніе. Самыя дорогія привязанности будутъ забыты. Младенецъ, прикованный насильно къ колѣнямъ матери, искусаетъ сосцы ея!

III.

Вотъ источникъ тѣхъ чувствъ, той тоски по волѣ, которыя охватывали, быть можетъ, Сперанскаго во время странствованія его на востокъ и которыя способствовали его мрачному воззрѣнію на страну. Сперанскій смотрѣлъ на Сибирь также какъ смотрятъ всѣ ссыльные. Мы не говоримъ, чтобы реформаторъ былъ въ неволѣ въ Сибири, но, принявъ порученіе, онъ самъ именно хотѣлъ себя такимъ видѣть. Поразительную перемѣну представляетъ его возвращеніе изъ Иркутска. Чувства, впечатлѣнія, воззрѣнія—все измѣняется. Онъ живетъ новою жизнью. Природа открывается предъ нимъ въ истинномъ ея свѣтѣ. Онъ смотритъ ясными и спокойными глазами на страну, его горячее и впечатлительное сердце является болѣе доступнымъ впечатлѣніямъ природы.

На границѣ Томской губерніи онъ замѣчаетъ: «виды становятся живѣе, мягче, пріятнѣе». На пути изъ Красноярска, Кемчугскія гористыя болота, которыя такъ ужаснули Сперанскаго въ первый его проѣздъ, уже кажутся не такими. Тоже представляется, да не такимъ же. Скоро предъ нимъ открылась южная Сибирь,—и онъ предается восторгу. «Мы отправимся въ мѣста прекрасныя, но коихъ даже и имена мало извѣстны», пишетъ онъ изъ Томска, собираясь въ Барнаулъ. Въ это время онъ въ первый разъ открываетъ Сибирь. «Въ Сибири ли мы? съ восхищеніемъ восклицаетъ онъ въ письмѣ къ дочери изъ Барнаула. Едва можно вѣрить сему очарованію. Прекраснѣйшій климатъ, пріятнѣйшія мѣстоположенія, орошаемыя величественною, гордою, покойною Обью. За двѣ станціи до Барнаула встрѣтили насъ арбузы, растущіе здѣсь на воздухѣ, величиною съ твою голову, а цѣна по 5 и 10 копѣекъ. Дыни здѣшнія также весьма вкусны. Словомъ, это очарованіе. Какъ можно себѣ представить: шесть дней тому назадъ мы были среди болотъ и лѣсовъ, почти непроходимыхъ; чувствовали не только осень, но даже почти морозы, а здѣсь полное лѣто во всемъ блескѣ и роскоши растеній и все это вмѣстѣ есть Сибирь! *вопіющее смѣшеніе и злоупотребленіе словъ*! На каждомъ шагу встрѣчаешь пчельники, и медъ здѣшній есть превосходнѣйшій и ароматный». Въ то время въ этомъ краѣ уже было 40,000 ульевъ.

Digitized by Google

Мы видѣли, что на Сибирь онъ смотрѣлъ сначала только какъ на мѣсто ссылки, любопытное развѣ только въ минералогическомъ отношеніи, но не какъ на мѣсто культуры; теперь точка зрѣнія его радикально измѣняется. Вотъ что онъ пишетъ Гурьеву, начальнику заводскихъ крестьянъ, про югъ Сибири: «этотъ край одинъ изъ благословеннѣйшихъ не только въ Сибири, но и въ цѣлой Россіи. Природа его назначила къ сильному и богатому населенію. *Металлы* составляютъ только часть, и можно сказать *не самую важную* часть внутренняго его достоинства. И *безъ нихъ*, при лучшемъ населеніи, онъ былъ бы прекраснѣйшей и обильнѣйшей страною. *Всѣ почти роды хозяйства* и *въ самомъ большемъ размѣрѣ могутъ быть въ немъ устроены*». Тоже Сперанскій пишетъ Кочубею: «природа назначила край сей *не для того, чтобы* неимовѣрными трудами *извлекать нѣсколько крупинокъ серебра*, разбросаннаго по горамъ; *но для сильнаго населенія, для обширнаго земледѣлія, для овцеводства*, для всѣхъ истинно полезныхъ заведеній, кои могутъ быть здѣсь устроены на самомъ большомъ размѣрѣ съ очевидными успѣхами.

Понемногу картины природы побѣждаютъ предубѣжденія Сперанскаго; онѣ рельефнѣе рисуются ему; онъ припоминаетъ впечатлѣнія и группируетъ ихъ въ одно цѣлое. Ему рисуется теперь пройденный имъ край во всей его обширности и разнообразіи; изъ этого выходитъ цѣлое географическое представленіе. Алтай производитъ на него сильное впечатлѣніе. Выѣхавъ изъ него въ Семипалатинскъ, онъ пишетъ дочери съ прежнимъ пафосомъ. «Въ Сибири ли мы? Въ одномъ ли я съ тобой отечествѣ? Два дня тому назадъ мы были въ самыхъ ущеліяхъ Алтайскихъ горъ, коихъ верхи покрыты вѣчными снѣгами. Сегодня въ степи, коей одна сторона прилегаетъ къ Ледовитому морю, другая идетъ почти непрерывно до Тибета, и гдѣ снѣгу почти не бываетъ». Въ Семипалатинскѣ на Сперанскаго опять вѣетъ Азіей и ея жизнью. Его окружаютъ бухарцы, ташкентцы, киргизы; кругомъ его восточные дома, чалмы, мечети, упирающіяся въ небо и магометанскій призывъ къ молитвѣ звучитъ съ высокихъ минаретовъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ Средней Азіей. Но Сперанскій не относится болѣе съ предубѣжденіемъ къ востоку,—напротивъ, онъ наводитъ его на новыя мысли. Чувства и впечатлѣнія его совершенно перемѣняются повозвращеніи въ Тобольскъ. «Тотъ же самый Тобольскъ, пишетъ онъ дочери, совсѣмъ иначе мнѣ представился». Перемѣна настроенія и надежда въ сердцѣ измѣняетъ колоритъ всего, что онъ прежде видѣлъ. «Грозная туча—Иркутскъ — былъ позади, иначетъ онъ изъ Тобольска, впереди яркія цвѣта радуги». Но самая «грозная туча — Иркутскъ» имѣла для него горестное значеніе, только чисто субъективное, и именно тогда, когда онъ видѣлъ въ ней отдаленіе свое отъ Россіи. Выѣхавъ изъ него, онъ жалѣетъ уже его, какъ нѣчто близкое. «*Кажется въ Иркутскѣ осталось все, что есть добраго* въ Сибири, даже и хорошая погода», извѣщаетъ онъ съ

Digitized by Google

дороги. Тобольскъ видится ему, какъ послѣдній этапъ на пути къ его освобожденію. Здѣсь онъ трепещетъ надеждою и нетерпѣніемъ. «Я даю *послѣдній* балъ, пишетъ онъ дочери изъ Тобольска, *послѣдній*, это слово магическое». 5 февраля онъ отправляетъ «давно желанное» послѣднее письмо». Это письмо полно страстнаго чувства, лихорадочнаго ожиданія; звучитъ торжественными нотами свиданія и дышетъ опьяненіемъ свободы. «Послѣ завтра, пишетъ Сперанскій дочери, я Сибирь оставляю. Въ среду буду уже въ Россіи, въ одной съ тобой части свѣта, по сю сторону Рифейскихъ горъ, въ Европѣ! Мысли мои толпятся безъ порядка, я могу только обнять число ихъ, но не могу ни одной изобразить раздѣльно. Молись, мнѣ нужна твоя молитва...»

Этимъ оканчивается субъективное отношеніе Сперанскаго къ Сибири. Онъ питалъ къ ней чувство недовольства и предубѣжденія, пока съ нею была связана личная судьба его. Но когда онъ освободился отъ своего тягостнаго чувства, когда онъ увидѣлъ надежду на освобожденіе, когда успѣлъ хладнокровно взглянуть на Сибирь во время поѣздки назадъ, взглядъ его измѣнился; мало того, онъ сдѣлался ея панегиристомъ. Только выѣхавши, онъ почувствовалъ, что онъ нѣсколько привыкъ къ Сибири и она оставила теплое воспоминаніе въ его сердцѣ. «Во всѣхъ случаяхъ Сибирь всегда будетъ любимымъ предметомъ моего участія и попеченія», пишетъ онъ Капцевичу, вспоминая ее въ Петербургѣ. «Мысль о Сибири и Камчаткѣ всегда будетъ со мною», пишетъ онъ Рихарду изъ Тобольска передъ отъѣздомъ. Сперанскій говаривалъ впослѣдствіи, что «Сибирь ему теперь *своя*». «Онъ, подобно многимъ, полюбилъ Сибирь», пишетъ его біографъ Корфъ. Сперанскій удивлялся ранѣе одному изъ начальниковъ заводовъ Фролову, что онъ проникнутъ къ заводамъ и къ своему мѣстопребыванію «какимъ-то наслѣдственнымъ чувствомъ, какъ къ своей родинѣ». Замѣчено, что и тотъ, кто пожилъ въ Сибири, заражается довольно прочнымъ чувствомъ привязанности къ ней. Доказательствомъ этому приводятъ множество пріѣзжающихъ чиновниковъ и переселившихся купцовъ, которые въ нѣсколько лѣтъ такъ свыкаются съ страною, облюбливаютъ ее до того, что рѣшительно здѣсь не разберешь, кто туземный. Сперанскій точно также ощущаетъ это явленіе страны и вѣроятно полюбилъ бы ее, какъ многіе пріѣзжіе. Изъ этого можно замѣтить, какъ чувства и воззрѣнія его постепенно совершенно измѣнились подъ конецъ его путешествія на Востокъ. Подъ конецъ знакомства съ Сибирью онъ не говоритъ уже, что это скучная и ничтожная страна ссылки. Мы видимъ, что подъ впечатлѣніемъ богатой природы, видя необыкновенное плодородіе, роскошь растительности, обиліе пространствъ, онъ ей приписываетъ роль колонизаціонную. Онъ старается въ письмѣ опровергнуть, что Сибирь— страна ссыльныхъ. «*Не дозволяю себѣ думать*, пишетъ онъ дочери, *что бы Сибирь была поселена ссыльными и преступниками*. Число

Digitized by Google

ихъ какъ капля въ морѣ, ихъ почти не видно. Современемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу». Онъ высоко ставитъ нравственность сибирскихъ старожиловъ. Кохренъ, ограбленный между Петербургомъ и Тосною, прошелъ половину Сибири, не потерявъ ни одного волоса. *А Сибирь по вашему мнѣнію, населена преступниками!»* Этимъ онъ старается разбить тѣ предубѣжденія, которыя питалъ и самъ. Въ тоже время онъ поражается развитіемъ духа авантюризма, предпріимчивости и смѣлости между жителями востока. «Сибирь есть страна Донъ-Кихотовъ, пишетъ онъ. Въ Иркутскѣ есть сотни людей, бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, въ Америкѣ съ женами ихъ и дѣтьми, и они все сіе разсказываютъ, какъ дѣла обыкновенныя». Совокупность всѣхъ степеней быта отъ звѣроловнаго до земледѣльческаго, и судьба инородцевъ обращаетъ его дѣятельное вниманіе. Обозрѣвъ страну и изучивъ разнообразіе и богатсво ея произведеній, онъ наконецъ пророчилъ ей сильное населеніе, обширное земледѣліе, развитіе скотоводства и промышленности. Словомъ, онъ признаетъ ее страной со всѣми задатками «полнаго» гражданскаго и политическаго развитія». «Сибирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государственныхъ соображеній», пишетъ онъ Гурьеву впослѣдствіи. Мнѣ остается желать и надѣяться, что сія часть свѣта не будетъ забыта во вниманіи правительства. Она по истинѣ достойна всѣхъ его попеченій», сообщаетъ онъ предъ отъѣздомъ Рикорду. Это свидѣтельствовало, что онъ начиналъ обращаться въ самаго ревностнаго защитника и ходатая за Сибирь. Съ этой точки зрѣнія онъ своимъ послѣднимъ соображеніямъ придавалъ громадное значеніе и даже увлекался своимъ открытіемъ. «Я пресѣкъ много вопіющихъ насилій и, что можетъ быть того важнѣе, *открылъ Сибирь въ истинныхъ ея* политическихъ отношеніяхъ. Одинъ Ермакъ можетъ спорить со мною въ сей чести! восклицаетъ онъ. Онъ полагалъ, что открылъ новый взглядъ на будущность этой страны. Но такое значеніе Сибири, которое онъ считалъ своею славою, далеко не утвердилось и еще менѣе вошло въ сущность его реформы. За то высказанные имъ первоначально, полные предубѣжденія взгляды долго пользовались популярностью! Таково напримѣръ мнѣніе, что Сибирь годна только для ссылки. Лучшіе же взгляды не были ни разработаны, ни развиты до послѣдняго времени.

Въ цѣломъ личное отношеніе реформатора къ краю было поучительно тѣмъ, что ненавидя его, когда онъ жилъ въ немъ, онъ разомъ почувствовалъ къ нему необыкновенную привязанность, когда ему пришлось разставаться съ нимъ. Субъективныя чувства, какъ мы видимъ здѣсь, играли видную роль. Это черта, которой многіе не избѣжали изъ бывавшихъ въ Сибири; но разница была та, что Сперанскій, какъ личность недюжинная, благодаря сильной и талантливой натурѣ, съумѣлъ также подъ конецъ и освободиться отъ этого предубѣжденія и выйти съ торжествомъ изъ борьбы своихъ чувствъ.

Н. Ядринцевъ.

Digitized by Google

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСТВА У ЯКУТОВЪ.

Было ли шаманство естественно—развившеюся первобытною религіею якутовъ, или они переняли у него у другихъ народовъ, рѣшить трудно. По словамъ самихъ якутовъ до шаманства они не имѣли никакихъ религіозныхъ понятій. Религію принесъ имъ первый шаманъ; но откуда онъ почерпнулъ свое ученіе и когда явился,—они не могутъ опредѣлительно сказать....

По понятіямъ якутовъ, шаманъ—пророкъ; но даръ прозорливости исцѣленій и чудотвореній онъ получаетъ отъ дьявола *) и потому, какъ онъ самъ, такъ и душа его всецѣло принадлежатъ дьяволу. При вступленіи въ шаманство и при каждомъ служеніи своемъ, шаманъ проклинаетъ самого себя, обѣщаетъ душу и тѣло свое дьяволу, «своему отцу», какъ онъ говоритъ; обѣщается угождать только ему, слушать только его; за неисполненіе своего обѣта подвергаетъ всевозможнымъ несчастіямъ все, что для него дорого, а за исполненіе проситъ отъ дьявола помощи во всемъ чего онъ желаетъ. Это, однако же, не мѣшаетъ ему учить народъ и познанію добрыхъ духовъ и Бога.

Шаманы учатъ, что вселенною управляетъ Богъ, никому никогда невидимый и непостижимый; живетъ Онъ на седьмомъ небѣ **) и имѣетъ сношенія съ землей только чрезъ посредство менѣе важныхъ боговъ. По понятіямъ якутовъ, небеса имѣютъ семь твердей: на самой высшей находится только самъ Создатель, а на остальныхъ, низшихъ,—другіе боги.... Князь преисподней тоже признается ими за

---

*) Очевидно, теперешнія представленія якутовъ о богахъ перемѣшаны съ понятіями христіанскими. Христіанскій монотеизмъ послужилъ основою всѣхъ этихъ представленій. Настоящая статья изображаетъ, вѣроятно, послѣдній фазисъ отживающаго шаманства. *Ред.*

**) «Сяття халланъ юрдюгярь».

Digitized by Google

бога. Добрые духи (аи), а равно и демоны (абасы), суть ничто иное, какъ души умершихъ людей. Они заслужили это превращеніе за свои добродѣтели или пороки. По мѣрѣ ихъ добродѣтелей или пороковъ назначены имъ и мѣста на ступеняхъ неба, или въ глубинѣ преисподней. Служители каждой іерархіи подчиняются безпрекословно волѣ того, кому служатъ. По ученію шамановъ, есть три міра: горній (Халланъ юрдя); средній (Орто-дойду) — земля и низшій (Эрдянь-тюгягя), адъ. Первый заселенъ богами, а послѣдній демонами. Земля, заселенная нынѣ людьми, это чистилище; души обитателей ея, послѣ ихъ смерти, переходятъ, смотря по заслугамъ, въ тотъ или другой міръ. Земля пока отдана дьяволу для соблазновъ; но чтобъ онъ не слишкомъ злоупотреблялъ своею властью, Создатель посылаетъ на землю меньшихъ боговъ, которые стараются защитить людей отъ нападенія дьявола. Въ большинствѣ случаевъ, дьяволъ только слѣпой исполнитель Божьяго предопредѣленія, онъ мечъ Божій, наказывающій людей за грѣхи. Но дьяволъ лишенъ возможности творить добро: за этимъ шаманъ всегда обращается къ самому Богу; нерѣдко онъ проситъ Бога о милости отъ лица князя преисподней.

Шаманъ, по увѣреніямъ якутовъ и собственному представленію, есть слуга дьявола и будущій демонъ: но пока душа его не разлучена съ тѣломъ, онъ, за свою службу, пользуется отъ дьявола дарами ясновидѣнія, духовидѣнія, исцѣленія, злотворенія и проч. Живя въ центрѣ двухъ крайнихъ міровъ, онъ пользуется удобствомъ сношенія съ обоими и потому, по мѣрѣ надобности, восходитъ или нисходитъ въ тотъ или другой міръ, по порученію сатаны.... Когда шаманъ хочетъ сдѣлать зло, то онъ обращается безъ всякихъ лишнихъ церемоній въ адъ и вызываетъ того духа, который тогда ему необходимъ; а послѣдній, безъ разсужденій, дѣлаетъ людямъ ту или другую пакость.

Всякій шаманъ, или будущій демонъ, ведетъ свою родословную съ глубокой древности. Нерѣдко цѣлый рядъ предковъ, служа аду, доставляетъ своему потомку протекцію у сатаны, и потомокъ ихъ обращается къ нимъ, какъ болѣе близкимъ къ сатанѣ, съ просьбами о помощи.

По ученію шамановъ, у человѣка есть душа способная, послѣ смерти, превращаться въ бога или въ демона, смотря по дѣламъ своимъ при жизни. Даже до смерти, душа человѣка, во время сна,

Digitized by Google

отлучается отъ тѣла и витаетъ повсюду. Если кто захвораетъ, это значитъ, что душу его поймалъ дьяволъ; если дьяволъ долго продержитъ душу, то человѣкъ долженъ непремѣнно умереть; только шаманъ можетъ ее возвратить ему, а затѣмъ здоровье, и если, разумѣется его просятъ объ этомъ. Якуты, въ такихъ случаяхъ, всегда обращаются къ шаману. Если больной поправится, шаманъ получаетъ вознагражденіе, если больной умретъ, то у шамана есть оправданіе: дьяволъ не отдалъ душу больнаго (Кутъ) потому, что ему не угодили жертвой..... Душа человѣка, отлучаясь отъ тѣла во время сна, улетаетъ слишкомъ далеко и не рѣдко, хотя и не бываетъ плѣнена дьяволомъ, заблудившись, не находитъ своей оболочки, а когда отыщетъ, то эта прежняя оболочка оказывается уже негодною служить ей; тогда, разумѣется, душа, на всегда отлетаетъ отъ тѣла. Всѣ случаи внезапной смерти во время сна, якуты приписываютъ такой непозволительной отлучкѣ души. Такая безпріютная душа, если не пришелъ еще часъ отойти ей въ уготованное заранѣе для нея мѣсто, всѣми мѣрами старается пріютиться хоть куда нибудь и съ этой цѣлью совершенно не понятнымъ образомъ зарождается снова *).

Якуты вѣрятъ тому, что послѣ смерти,—трупъ человѣка до погребенія слышитъ и видитъ все, что происходитъ около него. Поэтому они стараются быть осторожными при мертвецахъ. Послѣ смерти человѣка, по ученію шамана, душу его беретъ дьяволъ и водитъ ее по мѣстамъ, гдѣ, при жизни своей бывалъ умершій, и наказываетъ

---

*) Вотъ одинъ изъ разсказовъ о переселеніи души. Лѣтъ тридцать назадъ, въ Верхоянскомъ округѣ, безвѣстно скрылась одна тунгуска, ѣздившая съ мужемъ ловить звѣрей. Предполагали, что она или заблудилась, или съѣдена хищными звѣрями. Вскорѣ мужъ ея женился на другой женщинѣ и у нихъ родилась дочь. Когда ребенокъ этотъ подросъ, то первыми словами его былъ упрекъ отцу; дитя говорило ему такъ: «вѣдь ты мнѣ вовсе не отецъ, а мужъ; вѣдь ты убилъ меня въ тундрѣ (назвала мѣсто происшествія), зарылъ меня въ снѣгъ и уѣхалъ: мнѣ стало жаль тебя и я каждый день прилетала къ твоему дому. Разъ, когда жена твоя вышла на дворъ, я птичкой опустилась къ ней на темя. Отъ этого она и родила меня. А вотъ тебѣ доказательство: у меня на правой рукѣ нѣтъ трехъ пальцевъ. Это, когда ты зарылъ мою прежнюю оболочку въ снѣгъ и завалилъ хворостомъ,—дня черезъ два или три отрыли мою руку несцы и съѣли мои пальцы. Кромѣ того дѣвочка узнавала платье прежней жены тунгуса и говорила, что это ея платье. Вѣсть объ этомъ вскорѣ дошла и до исправника, который тотчасъ же началъ слѣдствіе. Тунгусъ сознался въ убійствѣ жены, а дитя, когда его спрашивалъ исправникъ, не хотѣло ничего говорить, хотя отецъ и показывалъ послѣ, что объ этомъ ничего, ни съ кѣмъ не говорилъ и ребенокъ ни отъ кого не могъ слышать объ этомъ.

Digitized by Google

тамъ, гдѣ онъ грѣшилъ. Это продолжается только одну ночь, а затѣмъ душа отводится на мѣсто своего назначенія. Душа мертвеца не приводится только туда, гдѣ дьяволу поставлены препятствія въ видѣ крестовъ и проч. Поэтому набожные якуты, чтобъ избавить своего сородича отъ лишнихъ наказаній, дѣлаютъ деревянные кресты и ставятъ ихъ вокругъ юрты. Есть также повѣрье, что, возвращаясь съ погребенія домой, можно привести и демона смерти; но такъ какъ нечистые духи, по понятіямъ якутовъ, очень боятся огня, то они разжигаютъ у дверей юрты костеръ и входятъ въ нее не иначе, какъ только перепрыгнувъ черезъ костеръ, а этимъ они какъ бы уничтожаютъ свой слѣдъ и готовятъ простоватому бѣсу чудовищный «шишъ»! Надъ этимъ же костромъ развѣшиваютъ платье умершаго, чтобъ изъ него, въ случаѣ, изгнать бѣса, если бы онъ вздумалъ тамъ спрятаться.

Если захвораетъ кто-либо изъ шаманствующихъ якутовъ или у кого нибудь появится зараза на скотъ или что подобное, то въ домъ привозится шаманъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ. Вѣсть объ этомъ быстро разносится по окрестности; любопытные толпами сбѣгаются туда посмотрѣть шамана, а кстати и спросить его о своемъ будущемъ, такъ какъ шаманы въ это время весьма охотно пророчатъ. Шамана встрѣчаютъ съ честію, усаживаютъ въ самый почетный уголъ юрты; предлагаютъ ему водку и лучшія кушанья и просятъ его сдѣлать, что нужно. Шаманъ, не ограничиваясь угощеніемъ, безцеремонно предлагаетъ заколоть быка или лошадь, смотря потому, какова просьба, къ кому изъ демоновъ долженъ онъ обратиться и что идетъ въ жертву этому духу. Якуты безпрекословно исполняютъ это требованіе; убитою въ честь демона скотиной кормятъ не только шамана, но и всѣхъ присутствующихъ, такъ какъ мясо идоложертвенныхъ животныхъ считается священной снѣдью.

Ублажившись уже достаточно пищей и водкой, шаманъ облачается въ свой костюмъ *), если таковой водится у его,—а то и такъ обойдется. Затѣмъ, послѣ нужныхъ приговореній, начинается представ-

*) Вотъ костюмъ шамана: а) Ровдужная рубаха, отдѣланная желѣзными и мѣдными пластинками въ видѣ кольчуги; б) накладные волосы,—если у шамана нѣтъ собственныхъ и в) бубенъ, ударами въ который шаманъ вызываетъ духовъ и который онъ не покидаетъ во все время представленія.

Digitized by Google

леніе. Шаманъ проклинаетъ *) прежде всего самого себя, а потомъ и то зло, для изгнанія котораго онъ приглашенъ.

Кончивъ проклятіе и увѣривъ этимъ злыхъ духовъ въ своей преданности, шаманъ дѣлаетъ заклинанія. Онъ вызываетъ сначала того духа, который необходимъ въ данномъ случаѣ и когда вызоветъ (чего впрочемъ никто не видитъ), посылаетъ его обратно въ адъ съ порученіемъ передать его просьбу предкамъ (если они были шаманы); а нѣтъ,—то и прямо сатанѣ. Приходъ дьявола и возвращеніе его въ адъ шаманъ изображаетъ въ формѣ пѣсней, (что означаетъ разговоръ шамана съ вызваннымъ имъ духомъ), онъ поетъ и за себя и за тѣхъ духовъ, съ которыми долженъ совѣщаться; затѣмъ жестами и ударами въ бубенъ изображаетъ приходъ и уходъ духовъ. Часто, если дѣло касается исцѣленій, сатана не сразу соглашается исполнить просьбу шамана, и лишь уступая его убѣжденіямъ, посылаетъ его самого на небо, просить покровительства боговъ. Тогда послѣдній возносится на небо, если иначе нельзя обойтись, что также выражается пѣснями и ударами въ бубенъ. Нерѣдко, если посланникъ шамана (демонъ) безуспѣшно выполнитъ порученіе, шаманъ самъ отправляется въ адъ для повторенія своей просьбы и возвращается почти всегда съ успѣхомъ: самъ сатана укажетъ ему средство для спасенія больнаго. Въ такомъ случаѣ публика аплодируетъ шаману, видимо остается крайне довольной и убѣдительно проситъ его поспѣшить исцѣленіемъ. Слуга бѣсовъ, однакожъ, не торопится и достаточно наломавшись надъ своими собратьями, приступаетъ къ исцѣленію. Это дѣлается очень просто: шаманъ подойдетъ къ больному, осмотритъ больное мѣсто, плюнетъ себѣ на ладонь, натретъ слюною указанное больнымъ мѣсто и только. Далѣе, шаманъ увѣряетъ якутовъ и больнаго, что если жертвоприношенія ихъ будутъ угодны духамъ, то больной непремѣнно поправится. Комбинація «если» и проч. всегда спасаетъ репутацію шамановъ при неудачахъ....

Послѣ комедіи исцѣленій, идутъ фокусы. Нѣкоторые шаманы больше мастера на нихъ и умѣютъ очень ловко морочить довѣрчивую

*) «Терюрь огбунъ кёрюмюмъ, итярь сёсюбюнъ керюмюмъ, дьолусоргуну билимимъ, ингинь, агабинъ, истибять боллахпина!» Переводъ: «Рождающихся у меня дѣтей пусть не увижу; вскормленнаго мной любимаго скота пусть не увижу; счастія и благополучія пусть никогда не узнаю, если тебя, моего отца (сатану), не послушаю и клятву мою преступлю».

Digitized by Google

публику, чѣмъ, главнымъ образомъ, и пріобрѣтаютъ себѣ популярность..... Комедія и фокусы кончаются уморительными водевилями изъ адскаго репертуара, гдѣ всѣ дѣйствующія лица — демоны, вызванные шаманомъ и, нужно замѣтить, бѣсы столь незначительные, что шаманъ позволяетъ себѣ выставлять ихъ въ каррикатурѣ и даже самъ, вмѣстѣ съ публикой, подсмѣивается надъ ними. Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этихъ представленій шаманъ изображаетъ самъ, какъ мы замѣтили выше.... Къ концу-концовъ дѣлаются шаманомъ разныя предсказанія, по желанію публики, и только передъ утромъ утомленные зрители смыкаютъ свои отяжелѣвшія вѣжды.....

Кромѣ шамановъ есть еще шаманки (удаганъ), такія же слуги дьявола. Но шаманки, какъ бы онѣ ни были знамениты, стоятъ въ мнѣніи якутовъ далеко ниже шамановъ; къ нимъ обращаются только тогда, когда нѣтъ вблизи шамана, и обращаются чаще за предсказаніями или за отысканіемъ потерь и кражи... Шаманки предпочитаются также въ лѣченіи душевныхъ болѣзней.

Шаманы и шаманки пользуются у якутовъ огромною популярностію; всѣ ихъ уважаютъ и даже боятся, чтобъ они въ чемъ-нибудь не навредили имъ. По убѣжденіямъ якутовъ, шаманы могутъ вредить людямъ и даже умерщвлять при случаѣ, насылая на враговъ своихъ разныя болѣзни. Поэтому якуты стараются всѣми мѣрами снискать ихъ расположеніе. Шамана привозятъ къ больному и увозятъ обратно съ возможною пышностію... Сами якуты обыкновенно ѣздятъ верхомъ, шамановъ же возятъ въ телѣгахъ, гдѣ они не трудятся даже сидѣть, а, буквально лежатъ какъ больные; — дорогой якуты имъ прислуживаютъ и предоставляютъ всевозможныя удобства.

Въ старину, трупы шамановъ хоронили на деревьяхъ; остатки такихъ могилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились и донынѣ. Для этого, обыкновенно, выбиралось большое, вѣтвистое дерево; вѣтви его подрубались такъ, что можно было устроить на нихъ площадку, на которую и ставился гробъ съ мертвецомъ. Намъ удалось разсматривать одну такую могилу, въ Намскомъ улусѣ. На площадкѣ мы нашли: желѣзный котелокъ, деревянную ложку (хамыяхъ), топоръ, ножъ и остатки бубна; въ ящикѣ, замѣнявшемъ гробъ, валялся черепъ и нѣсколько костей; остальныхъ частей скелета не оказалось. Кромѣ того, въ ящикѣ нашлось нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ пластиновъ, вѣроятно, служившихъ когда-то украшеніемъ костюма шамана. Подобныя могилы наводятъ всегда ужасъ на якутовъ и они

Digitized by Google

всѣми мѣрами стараются объѣзжать ихъ подальше. По поводу этихъ могилъ разсказываются безконечныя легенды о привидѣніяхъ и о лютости прежнихъ шамановъ.

Прилагаемъ здѣсь списокъ добрыхъ и злыхъ духовъ съ подробнымъ описаніемъ свойства каждаго духа и дѣлаемыхъ ему жертвоприношеній. Имена злыхъ духовъ никогда не произносятся набожными якутами; понятія объ этихъ духахъ упорно сохраняются шаманами въ тайнѣ и намъ, вѣроятно, не удалось бы ничего узнать объ нихъ, если бы одинъ изъ шамановъ не любилъ достасти блестящаго, звонкаго серебра,—что и развязало ему языкъ.

Добрые духи.

1. Ють-тасъ олбохтохъ Юрюнь Аи Тоенъ. Создатель міра, живетъ на небѣ, господствуетъ надъ всѣми второстепенными богами; дѣлаетъ только *исключительно* добро всему живущему во вселенной. Къ нему на Ысэхахъ, религіозныхъ праздникахъ, якуты обращаются съ чарономъ *), поднятымъ къ небу и просятъ благословить себя и свой скотъ. Они вѣрятъ, что онъ пьетъ изъ посуды кумысъ, и дѣлятъ между собой остатокъ кумыса, какъ самый священный, цѣлительный напитокъ. Шаманъ увѣряетъ, что Ють-тасъ олбохтохъ Юрюнь Аи Тоенъ, при заклинаніи его съ чарономъ, невидимо является на небѣ на *молочномъ* престолѣ и благословляетъ вѣрующихъ. Его никто никогда не видитъ, но шаманъ знаетъ это по откровенію другихъ боговъ. Выше, по ученію шамана, нѣтъ бога. Жертва ему приносится всякая....

2) Юрюнь Аи Тоенъ есть, по понятіямъ якутовъ, второе лицо Ють-тасъ олбохтохъ Юрюнь Аи Тоена, во всемъ равное ему и даже вполнѣ соприсущее послѣднему. Имъ приносятся одинакія жертвы, и понятія о нихъ почти не разнятся, кромѣ того, что къ Ють-тасъ олбохтохъ Юрюнь Аи Тоену обращаются вообще о ниспосланіи благъ на землю, а къ послѣднему, кромѣ того и при всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

*) Деревянный кувшинъ.

Digitized by Google

3) Аисытъ, богиня, благодѣтельница людей; она даетъ дѣтей, облегчаетъ роды и дѣлаетъ много добра, особенно женщинамъ. Якуты приносятъ ей жертвы послѣ благополучныхъ родовъ; обрядъ этого жертвоприношенія описанъ нами въ другой статьѣ.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ боговъ, есть еще другіе, второстепенные боги:

4) Анъ-дойду иччитя, Анъ-дарханъ Хотунъ, богиня, покровительница земли; живетъ въ горахъ, ниспосылаетъ злакъ и тукъ растеніямъ. Она, по увѣреніямъ шамановъ, иногда является людямъ; кому она явится, тотъ во всю жизнь послѣ этого не встрѣчаетъ никакихъ несчастій и вполнѣ благоденствуетъ. Ей приносятъ якуты различныя жертвы, по требованію шамана.

5) Сэги Тоенъ, Хара Бечи Тоенъ, богъ скота; онъ даетъ жеребятъ, телятъ и дѣтей и, по увѣренію шамана, нужно обращаться къ нему, если кому нужно: «белеляхъ кулунъ, мяняхъ ого» *). Жертва ему также назначается шаманомъ.

6) Ордахъ дсусюяй Аи, богъ очень сердитый, наказывающій людей за преступленія. Жертва ему—лошадь или быкъ.

7) Эехсить, богиня, неотступная спутница человѣка, дѣлающая ему добро и потому пользующаяся уваженіемъ и любовью якутовъ; ей охотнѣе всѣхъ приносятъ якуты жертву. Если Эехсить оскорбится на человѣка и отступитъ отъ него, то послѣдній останется беззащитнымъ отъ искушеній дьявола и долженъ неминуемо погибнуть. Жертва ей кобыла или лошадь.

8) Бай-Баянай, богъ звѣролововъ; онъ сопровождаетъ ихъ повсюду и невидимо помогаетъ ихъ охотѣ. Якутъ, отправляющійся въ дальную дорогу, дѣлаетъ изъ дерева идола, мажетъ его кровью скотины, которую бьетъ въ честь его, для угощенія шамана и гостей. Бай-Баяная якуты ставятъ на передній оронъ **), иногда онъ остается тамъ нѣсколько лѣтъ.

9) Укуланъ, богъ рыболововъ, живетъ въ водѣ; онъ помогаетъ успѣшному лову рыбы; въ жертву ему приносятъ черную двухлѣтнюю телку.

---

*) Лысыхъ жеребятъ и съ родимыми пятнами дѣтей.
**) Нары, замѣняющія кровати.

Digitized by Google

Демоны.

1. Жохсогонъ-ола Кинясь, царь ада, сатана. Онъ дѣлаетъ людямъ постоянное зло, насылаетъ болѣзни, падежи на скотъ, безсѣнницу и проч. Ему приносятъ въ жертву жеребца каурой масти.

2. Бологуръ Хотуна, и Дожунъ дуянъ, это два демона: одинъ мужескаго, а другой женскаго пола. Они сначала были людьми, но за грѣхи души ихъ сдѣлались дьяволами. Они лишаютъ людей разсудка. Имъ приносятъ въ жертву кобылу, масти чубарой.

3. Жахтанъ Бырыдай или Юрюнь Огустахъ, онъ былъ когда-то шаманомъ и имѣлъ одного бѣлаго быка, котораго у него украли; послѣ этого онъ озлился и сдѣлался дьяволомъ. Онъ причиняетъ болѣзни, въ особенности дѣтямъ (тѣсненіе въ груди), часто смертельныя, когда не даютъ ему черезъ шамана жертвы, которая состоитъ изъ бѣлой двухлѣтней телки.

4. Сордихъ чонахъ, происходитъ отъ шаманокъ; она напускаетъ разныя эпидеміи. Наружность ея изображаетъ шаманъ такъ: «однорукая, одноногая, съ единственнымъ глазомъ по срединѣ лба». Въ жертву ей даютъ красно-пеструю корову.

5. Магыны кыса Тыныраxтахъ Кяжай, происходитъ отъ шаманокъ; причиняетъ людямъ сумашествіе и др. болѣзни. Въ жертву ей приносятъ корову, съ прозрачными рогами и копытами, на лбу съ лысиной, съ пестрымъ хвостомъ, красноватую *). Кромѣ того дѣлаютъ въ честь ея идола изъ горностая и украшаютъ его разными бездѣлками. Въ нее, по понятіямъ якутовъ, запираетъ шаманъ этого демона. Идолъ этотъ называется *Кысъ Танара* **); его ставятъ въ передній уголъ. Идолъ этотъ переходитъ изъ рода въ родъ, и составляетъ фамильную святыню и настолько почитается якутами, что даже *малѣйшее нечистое прикосновеніе* къ нему, по ихъ понятіямъ, можетъ навлечь на дерзкаго гнѣвъ этой богини.

6. Бухаръ-добаръ, демонъ смерти, ему приносятъ жертву по требованію шамана.

---

*) «Дсенкиръ мостахъ туяхтахъ, тора тосохталахъ, ала кутурухтахъ-кугась.»
**) Дѣва—богъ.

Digitized by Google

7. Анъ-дарханъ Тоенъ или Алъ-отъ иччита, демонъ огня; въ жертву ему бросаютъ въ огонь изъ пищи, что ѣдятъ сами.

8. Эрь абасы, демономъ этимъ становится всякая старая дѣва; она дѣлаетъ всякое зло, въ особенности молодымъ женщинамъ. Жертвы ей никакой не приносятъ.

9. Сыры Кыса, происходитъ отъ шаманокъ; она искушаетъ людей на разныя преступленія. Жертвы ей не приносятъ и шаманъ безъ всякаго труда прогоняетъ ее.

Кромѣ этихъ девяти главныхъ демоновъ, якуты вѣрятъ еще въ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ, каковы: *Торбосъ-абасыта* (демонъ телятъ), *Кялямя* (бѣсъ сластолюбія), и проч.

Кялямю представляетъ шаманъ только въ дополнительномъ водевилѣ послѣ шаманства и изображаетъ его такъ: Кялямя, очень непривлекательной наружности, страшный заика и при томъ замѣчательный сластолюбецъ. Шаманъ, изображая его, всегда подстраивается къ женщинамъ и всякаго распрашиваетъ «нѣтъ-ли гдѣ хорошенькихъ?» при отвѣтѣ «есть!», тотчасъ приводитъ свой туалетъ въ порядокъ и чрезвычайно забавно охорашивается передъ женщинами. Хохотъ не умолкаетъ, и публика наперерывъ задаетъ разные вопросы курьезному демону. На вопросъ: «далеко-ли ѣхать?» Кялямя отвѣчаетъ: «ѣхалъ издалека, на разстояніи одной кривой сосны, ночевалъ девять сутокъ!» Публика хохочетъ и удивляется быстротѣ его ѣзды.

Якуты давно уже христіане, но нѣкоторые изъ нихъ придерживаются шаманства и нынѣ. Намъ кажется, этотъ гнилой міръ язычества давно изчезъ бы самъ-собою, если бы слово Божіе проповѣдовалось якутамъ не въ однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ, часто совершенно недоступныхъ для нихъ, но и въ добромъ и благоразумномъ примѣрѣ. Если бы всѣ члены христіанской миссіи были людьми истинно преданными интересамъ того великаго дѣла, къ которому они призваны, то и борьба съ невѣжествомъ была бы не такъ тяжела и результаты получились, быть можетъ, другіе.— Такимъ предположеніемъ, однако, мы ничуть не хотимъ обидѣть почтенныхъ пастырей и умалить ихъ заслуги въ дѣлѣ апостольства. Почтенныя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ долго будутъ памятны цѣлому краю и польза, сдѣланная ими столь очевидна, что обвинять ихъ всѣхъ въ нерадивости было бы несправедливо.

Укажемъ на почтенный и можно сказать колоссальный трудъ миссіи,—переводъ св. книгъ на якутскій языкъ и др. немаловажные

Digitized by Google

подвиги... Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что христіанство могло бы принести и большую пользу якутамъ чѣмъ принесло до нынѣ; но прежде, чѣмъ въ этомъ обвинять духовенство, нужно обратить вниманіе на умственное и нравственное развитіе самого духовенства, на пріобрѣтенныя имъ знанія, на экономическое и соціальное его положеніе не только къ приходѣ, но и во всей Сибири и даже въ Европейской Россіи! Получаетъ ли священникъ самъ больше знаній, чѣмъ даетъ паствѣ? Вотъ вопросъ, на который-бы желательно было получить трезвый отвѣтъ.

Конечно, дѣло первой христіанской миссіи не всегда было поручаемо достойнымъ людямъ и далеко не всѣ первые миссіонеры были людьми дѣла. Весьма много священниковъ, пріѣзжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ въ Якутскую область, не имѣли почти никакого образованія и были люди положительно незнакомые ни съ бытомъ народа, ни съ мѣстными условіями страны; но они-ли виноваты въ этомъ? Если они ограничивались только крещеніемъ якутовъ, оставляя дѣло проповѣди на второмъ планѣ, то они сдѣлали что могли и умѣли. Не могли же они проповѣдывать, не зная языка? Намъ кажется даже, что они поступали совершенно честно, оставляя дѣло проповѣди если принять въ соображеніе степень ихъ собственнаго образованія.

Ѳ. Соловьевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИСТОРІИ СИБИРИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

КЪ БІОГРАФІИ П. А. СЛОВЦОВА *).

Сынъ священника одного изъ заводовъ Пермской губерніи, П. А Словцовъ родился въ 1767 году. Получивъ первоначальное воспитаніе подъ руководствомъ отца своего, человѣка недальняго въ книжной премудрости, какъ и большая часть духовенства того времени, онъ на двѣнадцатомъ году отъ роду привезенъ былъ въ Тобольскъ и сданъ на казенное содержаніе въ духовную семинарію, такъ какъ Пермская губернія принадлежала къ Тобольской епархіи. Окончивъ съ отличнымъ успѣхомъ курсъ семинарскаго ученія, молодой Словцовъ отправленъ былъ изъ Тобольска на казенный счетъ въ С.-Петербургъ, въ главную Александровскую семинарію **) и въ этомъ-то лучшемъ въ то время изъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи, онъ, при необыкновенныхъ дарованіяхъ и прогрессивномъ направленіи своемъ, сблизился съ сыномъ малоизвѣстнаго священника Владимірской губерніи, Сперанскимъ, считавшимся уже, по поведенію и успѣхамъ своимъ, первымъ студентомъ; подружился съ нимъ и остался въ перепискѣ уже до самаго конца его жизни.

По окончаніи курса въ главной семинаріи, П. А. назначенъ былъ учителемъ философіи и краснорѣчія въ Тобольскую семинарію, гдѣ, не смотря на свою молодость, скоро заявилъ себя однимъ изъ лучшихъ преподавателей. Обладая большою начитанностью, остротою ума и даромъ слова, онъ не рѣдко, по желанію своего начальства, говорилъ въ Знаменскомъ монастырѣ слова и поученія, производившія на слушателей, по сказанію тобольскихъ старожиловъ, весьма сильное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ таковыхъ словъ, сказанныхъ 6

*) Авторъ-двоюродный племянникъ Словцова (отецъ его матери былъ родной братъ отцу Словцова) и ручается за вѣрность сообщенныхъ имъ свѣдѣній. Трудъ его основанъ преимущественно на собственныхъ разсказахъ Словцова. Кромѣ того, матеріалами для этого труда послужили: Тобольскія Губ. Вѣд. 1858 г., Жизнь гр. Сперанскаго и разсказы каѳедральнаго протоіерея Фелицына.

**) Что нынѣ С.-Петербургская Духовная Академія.

Digitized by Google

августа 1793 года, на текстъ: «поятъ Іисусъ Петра, Іакова и Іоанна на гору Фаворъ и преобразился передъ ними», молодой проповѣдникъ рѣшился дозволить себѣ, въ добавленіе къ рукописному тексту, просмотрѣнному и одобренному ректоромъ семинаріи (архимандритомъ Геннадіемъ), нѣсколько рѣзкихъ выраженій на счетъ испорченности нравовъ вообще и нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ вельможъ въ особенности, и за тѣмъ, увлекаясь болѣе и болѣе, коснулся наградъ знаками отличія, называя ихъ «игрушками суетнаго тщеславія». *)

Такая смѣлая выходка не осталась безъ грустныхъ послѣдствій для Словцова: бывшій въ то время въ Тобольскѣ губернаторомъ Ф. А. фонъ Бринъ, сочтя автора за масона, или еще хуже, быть можетъ, за мартиниста или иллюмината, взялся горячо за дѣло: въ тотъ-же день онъ распорядился обыскомъ и опечатаніемъ на квартирѣ его всѣхъ бумагъ и найденную при этомъ случаѣ рукопись слова, сказаннаго въ тотъ же день, представилъ съ первою же почтою въ Петербургъ.

Прошло послѣ этого болѣе двухъ мѣсяцевъ. Однажды П. А., находясь вечеромъ у преосвященнаго архіепископа Варлаама, вмѣстѣ съ почетнымъ тобольскимъ первой гильдіи купцомъ М. А. Селивановымъ и временно проживавшимъ въ Тобольскѣ директоромъ Кяхтинской Таможни Голяховскимъ (?), неожиданно и секретно вызванъ былъ изъ гостинной въ переднюю. Здѣсь ожидалъ его уже фельдъегерь, присланный изъ Петербурга и П. А-чу дано было только нѣсколько минутъ для полученія отъ преосвященнаго благословенія. Голяховскому не было даже дозволено снабдить несчастнаго своею дорожною шубою: возокъ съ теплою зимнею одеждою ожидалъ уже своего путника у парадnаго подъѣзда архіерейскаго дома.

Въ теченіе слишкомъ трехнедѣльнаго путешествія до Петербурга, П. А. не было дозволено ни въ одномъ изъ прослѣдованныхъ имъ городовъ выйти изъ экипажа, даже пищу давали ему въ такихъ случаяхъ чрезъ опущенное окно экипажа. Наконецъ, больной духомъ и тѣломъ, онъ привезенъ былъ въ Александровскую лавру и послѣ непродолжительнаго пребыванія въ ней отправленъ былъ далѣе, въ Валаамовъ монастырь на Ладожскомъ озерѣ. Сколько времени томился здѣсь въ заключеніи несчастный страдалецъ—не извѣстно. Маститый покровитель его, преосвященный Варлаамъ, цѣня высокія дарованія и хотя пылкій, но благородный характеръ своего проповѣдника, ходатайствовалъ о немъ у брата своего, С.-Петербургскаго митрополита Гавріила. Вслѣдствіе этого ходатайства П. А-чу дозволено было прибыть въ Петербургъ и объясниться со всею искренностью относительно сказаннаго въ Тобольскѣ слова. Оживленный надеждою,

*) Лѣтъ двадцать назадъ тому намъ случилось читать это слово въ рукописи, но упомянутыхъ выше добавленій въ немъ конечно не было.

Digitized by Google

П. А. поспѣшилъ явиться къ митрополиту и здѣсь, въ присутствіи другихъ высокопоставленныхъ лицъ, не только съ достоинствомъ опровергъ всѣ взведенныя на него клеветы и подозрѣнія, но даже заявилъ себя, какъ просвѣщенный и благонамѣренный витія и наставникъ. Преосвященный Гавріилъ пожелалъ оставить его при себѣ и вотъ П. А. опредѣленъ былъ чрезъ нѣсколько дней учителемъ краснорѣчія въ главную Александро-Невскую семинарію, гдѣ прежній товарищъ его Сперанскій служилъ уже въ званіи преподавателя и префекта. Въ 1797 году, оставивъ духовное званіе, онъ, на основаніи Высочайшаго рескрипта генералъ-прокурора, причисленъ былъ къ канцеляріи послѣдняго; но здѣсь прослужилъ не долго и въ 1801 г. перемѣщенъ былъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта помощникомъ экспедитора. Находясь въ этой должности, П. А. командированъ былъ по Высочайшему повелѣнію, въ Черноморскій край, для собранія свѣдѣній о ходѣ мѣстной торговли и за вполнѣ удовлетворительное исполненіе этого порученія былъ награжденъ брильянтовымъ перстнемъ. За тѣмъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 20 февраля 1803 года, былъ переведенъ въ департаментъ Министерства Коммерціи экспедиторомъ и въ слѣдъ за тѣмъ награжденъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника и орденомъ св. Владиміра 4 степени. Лестное вниманіе къ усердной и дѣятельной службѣ П. А. и быстрое движеніе по ней вскорѣ возбудили зависть, а завистники стали искать предлоговъ погубить его. Къ несчастію, такой предлогъ скоро представился. Находясь однажды въ стѣснительномъ финансовомъ положеніи, П. А. долженъ былъ прибѣгнуть къ займу 600 руб. асс. у одного извѣстнаго въ то время въ Петербургѣ лица, не зная, что у него съ давнихъ лѣтъ имѣется въ департаментѣ дѣло, по которому П. А. надлежало быть докладчикомъ. И вотъ, не смотря на извѣстную всѣмъ честность и нелюбостяжательность его, этому обыкновенному займу приданъ былъ неблагонамѣреннымъ лицами видъ лихоимства и по доносу объ этомъ началось формальное слѣдствіе. 8 января 1808 г. П. А. заключенъ былъ подъ стражу, но по неимѣнію основаній къ положительному завиненію или оправданію, 18 февраля того же года отправленъ былъ на службу въ Тобольскъ въ штатъ канцеляріи сибирскаго Генералъ-губернатора. Здѣсь, убитый горемъ и безнадежностью своего положенія, получилъ онъ письмо отъ стараго своего товарища М. М. Сперанскаго:

«Письмо Ваше изъ Казани, писалъ онъ, я получилъ. Кто взялъ на себя крестъ и положилъ руку на рало, тотъ не долженъ уже озираться вспять; и что впрочемъ, озираясь, онъ увидитъ? мечты и призраки, похоть очесъ и гордость житейскую. Великая разность, другъ мой, итти путемъ умозрѣнія и путемъ дѣйствительнаго терпѣнія.

Мы умствуемъ, а тебѣ милосердное Провидѣніе назначило дѣйствовать. Будь же его орудіемъ вѣрнымъ и неразногласнымъ. Человѣкъ съ той минуты пріобщается точно, истинно Сыну Божію, вездѣ при-

Digitized by Google

сутствующему вседѣйствующему и раздѣляетъ честь Божества, когда онъ прилагается волѣ Божіей покорностью своей воли. Въ семъ состоитъ то единое на потребу, коего требуетъ любовь и безъ коего не можетъ быть истиннаго соединенія. Впрочемъ, царство Божіе близь есть. Въ милліонѣ вѣковъ, которые намъ остается прожить, дѣйствительно настоящая жизнь есть мгновеніе; какъ-же тутъ различить годы, мѣсяцы и дни? Какъ найти въ сей безднѣ растояніе Сибири отъ Петербурга, какъ опредѣлить положеніе и предѣлъ различныхъ мелькваній, что называемъ мы участію и происшествіями нашей жизни? Не соблазняйся, однакоже, другъ мой приливомъ разныхъ суетныхъ помысловъ; вспомни нашего добраго Фому Кемпійскаго. Сего утра я читаю: «вся наша жизнь есть родъ перемѣнъ; то мы спокойны, то тревожны, то набожны, то хладнокровны, — то степенны, то легкомысленны; но разумный человѣкъ и хорошо знакомый съ духовными предметами остается непоколебимымъ среди угнетающихъ переворотовъ, не обращая вниманія, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ непостоянства, но устремилъ свои взоры къ лучшему концу, къ которому должно все стремиться». Не удивитесь, что вмѣсто петербургскихъ новостей я пишу вамъ вещи, такъ мало къ Петербургу принадлежащія. Сія бесѣда есть для меня и для васъ единственно интересная. Прочее все пусть идетъ какъ можетъ. Мы знаемъ, что какъ бы колесо не вертѣлось, а съ оси Провидѣнія не спадетъ и съ пути своего не совратится. Впрочемъ, Учитель нашъ сказалъ: «царствіе мое не есть отъ міра сего», а слѣдовательно и новости его къ намъ не принадлежатъ. Вообще же сказать: старое идетъ по старому. Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю, Божію благословенію васъ поручая. Не забывайте меня въ вашихъ утреннихъ размышленіяхъ!»

Неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ принялъ это назидательное и уклончивое отъ главной сути дѣла письмо Петръ Андреевичъ. Но можно думать, можно съ вѣроятностью полагать, что онъ ожидалъ отъ своего стараго товарища кой-чего болѣе утѣшительнаго, болѣе существеннаго, а тексты священнаго писанія онъ и самъ зналъ недурно. Находясь на высшихъ ступеняхъ величія и славы, имѣя почти каждодневные доклады у Государя, не могъ ли, напримѣръ, М. М. пресѣчь въ свое время клеветѣ путь къ престолу, а позже-личнымъ ходатайствомъ и черезъ связи, которыя имѣлъ онъ тогда въ высшихъ сферахъ бюрократіи—помочь своему несчастному другу—изгнаннику?

Въ концѣ 1808 года сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель отправляясь въ Петербургъ, послалъ впереди себя П. А. съ путевою канцеляріею. Въ радужныхъ мечтахъ о счастливой перемѣнѣ судьбы своей, несчастливецъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Сперанскаго и вотъ этотъ послѣдній отвѣчалъ ему:

«Письмо ваше, мой любезный Петръ Андреевичъ, съ извѣстіемъ о возвращеніи вашемъ сюда, много меня обрадовало. Нельзя еще теперь опредѣлить ни надеждъ вашихъ, ни страховъ, ибо все съ вами

Digitized by Google

случающееся не входитъ въ обыкновенные человѣческіе расчеты; вашъ путь особенный и Провидѣніе ведетъ васъ совершенно по своему. Съ сей точки зрѣнія вы непрестанно должны смотрѣть на всѣ происшествія вашей жизни, ничего не ожидать положительнаго и на все быть готовымъ. Я желалъ бы, чтобы вы въ Москвѣ или гдѣ нибудь сождались Ивана Борисовича (Пестеля), чтобы въ Петербургъ пріѣхать вмѣстѣ».

Опять одни слова, однѣ фразы и ни слова о дѣлѣ, ни слова о томъ, что сдѣлалъ самъ онъ для несчастнаго своего друга. Что могучій царедворецъ хитрилъ немного, а можетъ быть даже и не чуждъ былъ несчастной катострофѣ, постигшей П. А. по дѣлу объ извѣстномъ займѣ, то это подтверждается отчасти собственными словами послѣдняго, сказанными передъ смертью одному весьма почтенному духовному лицу, по нынѣ еще живущему въ Тобольскѣ 93 лѣтнему старцу. Когда зашелъ разговоръ о Сперанскомъ, П. А. сказалъ: «Богъ съ нимъ! прощаю ему все, что онъ мнѣ сдѣлалъ, и все, чего онъ несдѣлалъ, хотя и могъ бы сдѣлать»!

Въ Москвѣ П. А. снова получилъ отъ него письмо, помѣченное 5 февраля 1809 года.

«Самъ ты видишь, любезный мой страдалецъ, писалъ онъ, что трудно противу рожна прати, лучше покориться. Бросимъ всѣ замыслы, ничего ни надѣяться, ни желать и не мыслить, какъ только о Единомъ *). Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно, ибо всѣ человѣческіе способы и усилія противны твоему влеченію и какъ бреніе—сокрушаются. Въ Москвѣ у Ключарева **) найдешь мое письмо. Совѣтую тебѣ съ нимъ познакомиться; онъ можетъ быть утѣшитъ и нѣсколько подниметъ упадшій духъ твой силою вѣры. Другихъ утѣшеній представить тебѣ не могу, ибо не взирая на *разность положеній*, самъ ихъ не имѣю. Размысли, что ты потерялъ: случай гордости и пищу самолюбія,—а болѣе ничего! Много ты можешь мнѣ сказать въ укоризну сихъ совѣтовъ,—но истина не относится къ лицу, и я, который тебѣ совѣтую въ твоемъ положеніи, можетъ быть былъ-бы еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе. Прощай! Богу, Вѣрѣ, Надеждѣ и Славѣ, единому Сущему тебя поручаю. О деньгахъ не пекись: долгъ будетъ здѣсь заплаченъ»,

Прибывъ въ Тверь, Пестель получилъ изъ Петербурга предписаніе, которымъ воспрещался Словцову въѣздъ не только въ Петербургъ, но даже и во внутренніе россійскіе города. Пораженный разочарованіемъ въ своихъ свѣтлыхъ надеждахъ на будущее, П. А.

---

*) Такъ ли думалъ и дѣйствовалъ въ положеніи подобномъ Словцову, самъ М. М., находясь въ Сибири,—можно видѣть изъ біографіи его, составленной барономъ Корфомъ.

**) Тогдашняго московскаго почтъ-директора.

Digitized by Google

долженъ былъ съ горестью въ сердцѣ возвратиться въ Тобольскъ. Спустя четыре года послѣ этого, въ 1814 году онъ получилъ порученіе обозрѣть присутственныя мѣста въ Забайкальскомъ краѣ, Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ уѣздахъ, и въ слѣдующемъ году ревизовалъ Киренскій и Якутскій округа; затѣмъ, согласно собственному его желанію, назначенъ совѣстнымъ судьею и наконецъ директоромъ училищъ Иркутской губерніи. Въ этомъ званіи Казанское общество любителей словесности, въ признательности своей къ заслугамъ его на поприщѣ русской литературы, избрало его въ свои члены.

Въ это время, т. е. около 1819 года, М. М. Сперанскій, испытавшій въ свою очередь превратность земнаго счастія, былъ назначенъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, и встрѣтившись съ П. А. въ Иркутскѣ, вотъ что писалъ о немъ своей дочери: «Словцевъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, болѣнъ и старъ. Это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ. Физическія его силы уже не тѣ.» *)

Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 2 Ноября 1819 года, даннымъ министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну, предписано было поручить коллежскому совѣтнику Словцову ревизію учебныхъ заведеній въ губерніяхъ: Тобольской, Томской, Казанской, Пермской и Вятской, а вскорѣ за тѣмъ въ 1820 году, онъ былъ назначенъ и визитаторомъ этихъ учебныхъ заведеній. Много труда стоило П. А. привести въ порядокъ ввѣренную ему учебную часть, набрать достаточный контингентъ опытныхъ и благонадежныхъ наставниковъ и увеличить до того времени весьма скудную цифру учащихся, особенно въ сибирскихъ губерніяхъ. Въ шесть лѣтъ его визитаторства количество послѣднихъ отъ 600 ч. возвысилось до 2,000 слишкомъ человѣкъ. П. А. былъ строгимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливымъ начальникомъ. Немногіе изъ его современниковъ, оставшіеся еще въ живыхъ, съ уваженіемъ по сіе время отзываются о немъ. Въ 1824 г. П. А., имѣвшій уже чинъ статскаго совѣтника, за особенные труды по службѣ, получилъ Анну 2-ой степени съ алмазами; а въ 1826 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники,—чинъ, который удавалось въ то время получить немногимъ, особенно въ отдаленной провинціи.

Но смотря на всѣ эти награды, мысли П. А. подобно его знаменитому товарищу, испытавшему въ послѣдствіи, въ свою очередь всю горечь изгнанія,—стремились къ сѣверной столицѣ,—но ходатайство генералъ-губернатора Капцевича, о разрѣшеніи Словцову выѣзда изъ Сибири, было въ Петербургѣ отклонено и только гораздо позже, по представленію ревизовавшихъ западную Сибирь сенаторовъ, князя Куракина и Безроднаго, подкрѣпленному фактическими

*) Жизнь гр. Сперанскаго, бар. Корфа.

Digitized by Google

свидѣтельствами о безупречномъ поведеніи и примѣрно усердной службѣ Словцова, послѣдовало въ январѣ 1828 года Высочайшее соизволеніе на продолженіе имъ службы во всѣхъ россійскихъ губерніяхъ, по желанію его. Но лѣта и болѣзни, а частію и совѣты нѣкоторыхъ искренно расположенныхъ къ нему лицъ, уже охладили въ немъ прежній жаръ,—и онъ рѣшился не покидать Сибири, оставивъ, по упраздненіи должности визитатора, даже и службу въ этомъ краѣ. Награжденный за всѣ понесенные имъ труды по учебному вѣдомству орденомъ Владиміра 3 степени и пенсіею въ 3,000 руб. асс., онъ получилъ отъ М. М. Сперанскаго еще письмо, въ которомъ онъ писалъ: «Давно, мой любезный П. А., собирался я къ вамъ писать,— но все отлагалъ до того времени, когда могу вамъ сказать что нибудь пріятное и рѣшительное. Третьяго дня кн. Ливенъ объявилъ мнѣ, что желаніе ваше и мое сбылось: Государь пожаловалъ вамъ полный пенсіонъ. Зная, сколь нужна вамъ эта милость, къ устроенію и успокоенію вашему, отъ всего сердца васъ поздравляю. Прослуживъ съ честью и съ пользою государству, вамъ остается теперь дослуживать одну службу великую, но нетяжелую—нести благое и легкое бремя Господа Спасителя. Сколько часто среди дѣла и суетъ, меня обуревающихъ, думая о васъ, наслаждаюсь мысленно вашимъ положеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Иркутскѣ, мысли мои, слава Богу, въ сихъ существенныхъ отношеніяхъ ни въ чемъ не измѣнились, и мысль, когда приду и явлюсь лицу Божію—вездѣ и всегда со мною» и проч.

Послѣдніе тринадцать лѣтъ своей жизни П. А. провелъ въ Тобольскѣ, занимаясь приготовленіемъ къ печати своего труда—«Историческое обозрѣніе Сибири». Образъ жизни его былъ строго аккуратный: вставалъ онъ утромъ часовъ въ шесть; около часу молился Богу и читалъ евангеліе, потомъ напившись чаю, садился за свой трудъ. Въ часъ по полудни, выпивъ рюмку краснаго столоваго вина, обѣдалъ за весьма неприхотливымъ столомъ, состоявшимъ въ простые дни изъ двухъ и въ праздники изъ трехъ блюдъ; послѣ того около часу отдыхалъ, ходя по комнатѣ или на дворѣ своей квартиры, потомъ опять продолжалъ свой трудъ, за исключеніемъ чайнаго времени, до 10 часовъ вечера, и затѣмъ отходилъ уже на покой. Табаку онъ никогда не нюхалъ и не курилъ. Костюмъ П. А. обыкновенно состоялъ изъ длиннополаго сѣраго цвѣта сюртука, застегнутаго на всѣ пуговицы; вслѣдствіе же слабости своего старческаго зрѣнія, онъ постоянно носилъ надъ глазами зеленый тафтяный зонтикъ. Самъ П. А. рѣдко кого посѣщалъ *) и на прогулку изъ до-

*) Изъ посѣщавшихъ его по временамъ лицъ, пишущій эти строки припоминаетъ Тобольскихъ губернаторовъ Повало-Швейковскаго, Муравьева А. Н-ча и М. В. Ладыженскаго; преосвященныхъ: архіепископа Афанасія и епископа Вла-

Digitized by Google

ма выходилъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и то при благопріятной погодѣ. Прислуга его состояла изъ двухъ лицъ: крѣпостнаго человѣка Поліевкта, отпущеннаго впрочемъ имъ на волю еще въ 1834 году, и женщины кухарки, служившей у него съ пріѣзда его въ Тобольскъ и до самой его смерти.

Независимо серьезныхъ, учено-литературныхъ трудовъ, почтенный историкъ нашего края въ молодости своей занимался и поэзіей; такъ, находясь еще на службѣ въ главной Александровской семинаріи, написалъ онъ въ часы досуга стишки, подъ названіемъ: «Китаецъ въ Петербургѣ», начинавшіеся слѣдующими словами:

Полетай мой воронъ сизый,
Въ Пекинъ грамотку снеси;
Ни надъ замкомъ, ни надъ мызой
Не садись нигдѣ въ Руси.

Стихи для своего времени—довольно не дурные. О достоинствѣ же его главнаго труда «Историческое обозрѣніе Сибири» говорить нечего; кто изъ насъ, сибиряковъ, не читалъ его? Хотя нѣкоторые изъ рецензентовъ сороковыхъ годовъ и находили слогъ П. А. нѣсколько тяжелымъ, но онъ основательно оправдывался въ этомъ случаѣ серьезнымъ содержаніемъ своего труда, вовсе не требовавшаго игривыхъ выраженій.

Чувствуя приближеніе смерти, П. А. сдѣлалъ духовное завѣщаніе, назначивъ душеприкащикомъ своимъ упомянутаго выше инспектора гимназіи Помаскина. Въ то время изъ родственниковъ его оставались въ живыхъ только три племянника, изъ коихъ двое,—пишущій эти строки съ братомъ,—еще юноши, находились въ Тобольской губерніи, а третій проживалъ гдѣ-то въ Пермской. «Плохо умирать холостяку; некому и глазъ закрыть!» говорилъ П. А., пріѣхавшему навѣстить его, по порученію преосвященнаго Владиміра, каѳедральному протоіерею П. А. Фелицыну. На завтра, 28 марта 1843 года, онъ скончался на 75 году отъ рожденія. Отпѣваніе тѣла его совершено было въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ преосвященнымъ Владиміромъ, сказавшимъ по этому случаю слово на текстъ: «Лазарь, другъ нашъ умре!» Оставшаяся послѣ П. А. довольно значительная библіотека, поступила, согласно завѣщанію его, въ собствен-

---

диміра, родственника Сперанскаго; почетнаго первой гильдіи купца М. А. Селиванова, инспектора гимназіи И. П. Помаскина и учителя уѣзднаго училища, а въ послѣдствіи совѣтника Семипалатинскаго областнаго правленія, Н. А. Абрамова. Двое послѣднихъ часто занимались при П. А. чтеніемъ источниковъ и пособій для его великаго труда, а Абрамовъ, сверхъ того, еще и переводами съ татарскаго и монгольскаго языковъ нѣкоторыхъ рукописей и надписей монетныхъ.

Digitized by Google

венность Тобольской гимназіи, а матеріалы для исторіи, географіи и статистики Сибири отосланы были частію въ Петербургъ къ бывшему воспитаннику его г. Калашникову, а частію въ Березовъ къ смотрителю училищъ Абрамову. Минералогическій же кабинетъ пожертвовалъ въ Казанскій университетъ.

К. Голодниковъ.

Digitized by Google

ДВА ПИСЬМА П. А. СЛОВЦОВА *).

Получ. 22 сентября 1837 г. съ поч. въ Камчаткѣ, въ Петропавловскомъ портѣ.

Милостивый Государь
Прокофій Васильевичъ!

Вы нѣкогда говорили проповѣдь въ Иркутскѣ, а я съ вниманіемъ слушалъ ее, и искренно хвалилъ ученаго проповѣдника; и поэтому вчитаю Ваше Протоіерейство добрымъ своимъ знакомымъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою.

Въ 1742 г. назначенъ былъ проповѣдникомъ слова Божія въ Камчатку архимандритъ *Іоасафъ Занкевичъ*, въ этомъ утверждаетъ меня и выписка, взятая изъ Иркутской консисторіи, незнающей къ сожаленію (за бывшимъ пожаромъ) продолженія и окончанія проповѣдничества. Сомнѣніе мое на счетъ арх. Занкевича основывается на томъ, что въ Сибирскомъ Вѣстникѣ въ 1745 г. показанъ проповѣдникомъ Камчатки архимандритъ *Іоасафъ Хотунцевскій*, который въ теченіи 7 лѣтъ обратилъ всѣхъ камчадаловъ въ христіанство и завелъ школы для дѣтей камчадальскихъ.

Покорнѣйшая моя просьба состоитъ въ желаніи получить разрѣшеніе, который изъ двухъ архимандритовъ былъ учителемъ Камчатки? Или два названія, сколь они ни различны, не принадлежатъ ли одному лицу, на пр. Занкевичъ-Хотунцевскій? Если бы по бумагамъ, сверхъ чаянія, не нашлось никакихъ документовъ, мнѣ кажется, не неудобно Вашему Протоіерейству узнать изъ разговоровъ со старожилами, кто тамъ былъ проповѣдникомъ такъ блажнымъ какъ описанъ въ Сиб. Вѣстникѣ? Въ Иркутской лѣтописи замѣтно, что въ Камчаткѣ былъ арх. Хотунцевскій; куда же дѣвался Занкевичъ? Я полагаю, что вы только, Милостивый Государь, можете удовлетворить моимъ вопросамъ.

Въ ожиданіи вашего отзыва, дозвольте мнѣ засвидѣтельствовать истинное почтеніе, съ которымъ честь имѣю быть

Вашего Протоіерейства
покорнѣйшій слуга Петръ Словцовъ.

Тобольскъ
10 декабря
1836 г.

П. П. Далеко вы уѣхали, очень далеко, поучители добрые вездѣ будутъ полезны, и не далеки отъ Бога и начальства. Искренне желаю вамъ быть счастливымъ и покойнымъ; спокойствіе и счастіе не опредѣляются долготою отъ Гринвича или остр. Ферро.

(Письмо писано на бѣлой почтовой золотообрѣзной бумагѣ, сильно дрожащею рукою).

*) Сообщены протоіереемъ П. В. Громовымъ.

Digitized by Google

2.

Получ. 5 Августа 1839 г. въ Камчаткѣ, въ Петропавл. портѣ.

Почтеннѣйшій Протоіерей

Прокофій Васильевичъ!

Какъ далеко вы заброшены! Письмо отъ 15 октября 1837 г. я получилъ въ іюлѣ—въ такое время, когда рукопись моя о Сибири была въ типографіи; и это причиною было, что я не воспользовался свѣденіями, въ письмѣ вашемъ сообщенными. Это можно будетъ вознаградить во 2-й книгѣ, за которую еще не принимался. Однакожъ не извольте думать, чтобъ я вздумалъ отступить въ сужденіи моемъ объ Иги. Козыревскомъ. Я остаюсь увѣреннымъ, что игуменство его небылица.

Въ особой посылкѣ препровождая къ вамъ съ этою жъ почтою первую книгу своего историческаго обозрѣнія Сибири, въ благодарность за ваше письмо, я прошу Ваше Протоіерейство, по прочтеніи моей книги, къ ея поправленію, все, что вы изволите признать за справедливое. Сверхъ того покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня:

1-е, если только возможно, какъ называется и въ далекомъ ли разстояніи отъ бывшаго Анадырскаго острога та сопка, близь которой палъ Павлуцкой?

2-е, кто послѣ Павлуцкаго командовалъ Камчаткою, и нѣтъ ли тамъ реестра начальниковъ пріѣзжавшихъ на смѣну другъ друга?

3-е, 5,000 крещеныхъ камчадаловъ до Хотунцевскаго, разумѣются ли одного муж. пола, или обоего?

4-е, въ иностранной книжкѣ читалъ я, что Курильскіе острова пріобрѣтены Россіею около 1770-хъ годовъ; нельзя ли это пояснить обстоятельствами и лицами, въ томъ участвовавшими?

5-е, въ которомъ году Бенвіевскій явился въ Камчатку, и въ которомъ бѣжалъ?

Обременяя васъ вопросами, не извиняюсь въ томъ, зная, что просвѣщенному человѣку пріятно объяснять затрудненія. Не излишнимъ считаю прибавить, что статьи ваши не погибнутъ, хотя бы я и скоро умеръ, потому что продолжать 2-ю книгу послѣ меня не откажется г. Калашниковъ, Иркутянинъ, сочинитель извѣстной Камчадалки.

Не могу не желать, чтобы вы, Милостивый Государь, провождали свою жизнь благополучно и въ благословеніи Божескомъ, при которомъ и пустыня процвѣтаетъ, и безъ котораго мудрость человѣческая вянетъ. Не могу не желать, чтобы вы возвратились когда нибудь, съ Божіею помощью, восвояси.

Digitized by Google

Примите искреннее увѣреніе въ истинномъ и отличномъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть

Вашего Протоіерейства
покорнѣйшій слуга
Петръ Словцовъ.

13 декабря 1838 г.
Тобольскъ.

P. S. Прежде, бывало, почта дважды ходила въ Камчатку, отъ чего же нынѣ не такъ? Или я не знаю сроковъ отправленія почтоваго.

(Письмо писано на бѣлой почтовой бумагѣ, рукою болѣе твердою чѣмъ предъидущее).

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

I.

Списокъ съ представленія генералъ-губернатора западной Сибири въ комитетъ, Высочайше учрежденный по дѣламъ сибирскимъ, отъ 23 декабря 1823 года.

Въ дополненіе донесенія моего комитету отъ 4 сего декабря съ № 1943, о предварительныхъ распоряженіяхъ моихъ къ открытію съ наступленіемъ будущей весны двухъ внѣшнихъ округовъ Омской области въ Киргизской степи, одного противу Ямышевской дистанціи въ волостяхъ, гдѣ находится семейство покойнаго хана Букея, въ разстояніи отъ линіи до 600 верстъ, а другаго противу Петропавловска въ волостяхъ, гдѣ кочуетъ семейство покойнаго хана Валія, въ разстояніи отъ линіи до 300 верстъ, имѣю честь донести, что къ возможному и успѣшному приведенію Высочайше утвержденнаго о сибирскихъ киргизахъ Устава, вслѣдствіе представленія о томъ исправляющаго должность Омскаго областнаго начальника, основаннаго на мнѣніи совѣта общаго областнаго управленія, относительно устройства внѣшнихъ округовъ, распорядился я приступить такимъ образомъ:

1. Сходно съ § 284 Устава о киргизахъ приведеніе онаго въ дѣйствіе постепенно начать открытіемъ въ означенныхъ мѣстахъ двухъ округовъ, такъ какъ на сіе изъявили желаніе изъ упомянутыхъ ханскихъ фамилій султанъ маіоръ Газы Букеевъ и султанъ Габайдулла Валихановъ, сынъ коего Булатъ находится нынѣ въ С.-Петербургѣ съ депутаціею.

2. По § 285 объявить всенародно и торжественно особо изготовленною прокламаціею, съ которой прилагается при семъ списокъ и которая переводится нынѣ на киргизскій языкъ, что вся степь Киргизской орды пріемлется въ особенное покровительство и на попеченіе Россійскаго правительства; для сего отправить въ февралѣ мѣсяцѣ команды линейныхъ казаковъ съ 14 разныхъ пунктовъ, каждую изъ 1 надежнѣйшаго офицера, 1 переводчика, 1 трубача, 2 урядъ-

Digitized by Google

никовъ и 18 казаковъ, придавъ къ каждой таковой командѣ по 1 муллѣ; въ отряды сіи избрать офицеровъ извѣстныхъ по усердію и нижнихъ чиновъ благонравныхъ и по возможности знающихъ киргизскій языкъ; мулловъ же, испытанныхъ въ вѣрности къ Россійскому правительству. Офицеровъ снабдить подробными, какъ поступать должно въ сихъ командировкахъ, инструкціями, съ которыхъ прилагается у сего списокъ.

3. При упомянутыхъ прокламаціяхъ прилагается выписка тѣхъ статей Высочайшаго о сибирскихъ киргизахъ Устава, на основаніи 289 § онаго, которыя относятся собственно до правъ и выгодъ киргизовъ. Копію съ таковой выписки при семъ прилагая, имѣю честь объяснить комитету, что нѣкоторыя изъ статей означеннаго устава, особенно заключающія обязанности киргизовъ, нахожу я необходимымъ на первый случай сократить и оставить безъ огласки, ибо по духу сего народа, любящаго свободу воли, которая никогда не была связана закономъ, можно ожидать, что статьи тѣ приняты будутъ киргизами въ превратномъ понятіи и породятъ на первомъ шагу безпорядки, какъ между людьми, утопающими въ глубочайшемъ невѣжествѣ. Не изъясняясь о прочихъ подобныхъ статьяхъ устава представляю въ примѣръ § 272 о пятилѣтней свободѣ отъ рекрутства. Киргизы, прочитавъ или услышавъ сей §, никакъ не сообразятъ условій въ предъидущей статьѣ сего § изъясненныхъ и тотчасъ родится у нихъ мысль, для нихъ ужасная, что по прошествіи пяти лѣтъ должны они будутъ поступать въ солдаты наравнѣ съ крестьянами и сколько бы ихъ ни увѣрять, что сіе относится до переселяющихся внутрь Имперіи и вступающихъ въ сословія, обязанныя платежемъ податей и повинностей; но страхъ рекрутства преодолѣетъ всякое увѣреніе, такъ что опасаться можно, что они разсыпятся и откочуютъ въ отдаленнѣйшія мѣста, нашему правительству не подвѣдомственныя; равнымъ образомъ § 192, коимъ позволяется султанамъ брать съ азіатскихъ иноземцевъ, для мелочнаго торга въ волости по одиночкѣ входящихъ, пошлины, какія взимать признаютъ за удобное по согласію и въ пользу цѣлыхъ обществъ, произвести можетъ тотъ безпорядокъ, что султаны, основываясь на семъ правѣ, не ограничатся малою пошлиною, но посягать будутъ на самое несправедливое присвоеніе себѣ вещей у торговцевъ и весьма вѣроятно полагать можно, что изъ сей позволенной имъ выгоды простирать они будутъ притязаніе и на самые проходящіе черезъ степь караваны, отчего правительство, отвлекая ихъ ласками, подарками и наградами, достигло наконецъ своей цѣли, такъ что нынѣ караваны проходятъ и въ степь, не встрѣчая въ близъ-линейныхъ волостяхъ никакихъ притязаній и безъ взысканія поборовъ. На семъ понятіи соображены многія статьи, или выпущены или сокращены, а нѣкоторыя въ значеніяхъ словъ пояснены, для ближайшаго киргизамъ понятія въ киргизскомъ переводѣ. Таковыхъ выписокъ и прокламацій съ киргиз-

Digitized by Google

скимъ переводомъ отпечатано будетъ нѣсколько сотъ экземпляровъ, кои въ каждомъ аулѣ и въ особенности прежде въ прилежащей къ линіи всѣмъ киргизамъ прочтены и почетнѣйшимъ изъ киргизовъ розданы будутъ.

4. Приглашая нынѣ къ себѣ въ Омскъ изъ близлежащихъ къ линіи киргизскихъ волостей изъ нашихъ подданыхъ, большею частію находящихся тамъ изъ казанскихъ татаръ, муллювъ, которые на образъ мыслей киргизовъ имѣютъ по духовному своему званію большое вліяніе, по обласканіи ихъ и по внушеніи, что введеніемъ въ киргизскихъ степяхъ изданнымъ уставомъ порядка, почтеніе и уваженіе къ нимъ вящше увеличится, возвращу муллювъ тѣхъ обратно при означенныхъ командахъ въ свои мѣста, не сомнѣваясь, что они весьма могутъ быть полезными при обвѣщаніи предварительно киргизамъ устава.

5. Изъ сихъ 14 командъ, изъ которыхъ каждая слѣдовать будетъ по предписанному направленію, полагая самое долгое время пробудутъ нѣкоторыя въ степи съ возвращеніемъ на линію до 45 дней, для улучшенія ихъ содержанія, я полагаю на то время сколько они находиться будутъ въ походѣ, производить имъ выдачу кормовыхъ денегъ въ день офицеру по 1 рублю, переводчику по 70 коп., муллѣ по 70 коп., урядникамъ, трубачамъ и казакамъ по 30 коп., изъ суммы, ассигнованной на сей годъ на два внѣшніе округа, для чего потребуется до 5000 рублей.

6. По возвращеніи сихъ командъ изъ степи на линію, для открытія двухъ внѣшнихъ округовъ въ мѣстахъ, изъясненныхъ выше въ 1 пунктѣ, сформируются два отряда: *первый* въ Семиярскомъ Форпостѣ отъ полковъ 6-го и 7-го изъ 300 человѣкъ, подъ команду исправляющаго должность начальника Омской области гвардіи полковника Броневскаго, а *другой* въ Петропавловскѣ отъ полковъ 2, 3 и 4 изъ человѣкъ подъ команду предсѣдателя Омскаго областнаго правленія Смоленскаго драгунскаго полка подполковника Григоровскаго; при сихъ отрядахъ отправятся чиновники и переводчики штатомъ о внѣшнихъ округахъ полагаемые, и особо на сей первый случай нужные для употребленія сходно съ § 299 устава о киргизахъ. Г. г. полковникъ Броневскій и подполковникъ Григоровскій снабжены отъ меня будутъ инструкціями, съ которыхъ списокъ въ свое время и комитету представленъ будетъ.

7. По прибытіи сихъ отрядовъ на мѣста, приступятъ они, на основаніи устава, къ выбору султановъ старшихъ, окружныхъ и волостныхъ и старшинъ въ аулахъ, войдутъ въ разбирательство дѣлъ киргизовъ по барантамъ ближайшаго времени, чего киргизцы, какъ мнѣ извѣстно, прежде всего желаютъ, устроятъ порядокъ первоначальнаго дѣйствія окружныхъ приказовъ (диванов) съ торжественнымъ оныхъ открытіемъ, распорядятъ по мѣстному обозрѣнію расположеніемъ долженствуемыхъ тамъ находиться командъ, учредятъ къ линіи

Digitized by Google

вѣрныя сообщенія и вникнутъ во всѣ обстоятельства уставомъ предписанныя, опредѣлятъ точный для исполненія онаго ходъ во всѣхъ дѣлахъ и обязанностяхъ чиновниковъ, и наконецъ возвратятся къ своимъ мѣстамъ и донесутъ мнѣ въ подробности о всемъ ими учиненномъ.

8. Для продовольствія сихъ отрядовъ составятся Фурштаты изъ тѣхъ отъ линейной артиллеріи зарядныхъ ящиковъ, кои остаются на линіи безъ употребленія, и въ которыхъ для каждаго отряда по числу людей доставиться можетъ провіанта на одинъ мѣсяцъ. Для сихъ фуръ лошади взяты будутъ изъ подъемныхъ отъ линейныхъ баталіоновъ, кои по сему случаю войдутъ въ фуражное продовольствіе на счетъ провіантскаго департамента; впослѣдствіи сими же самыми лошадьми и фурами потребное число провіанта подвозить можно туда съ линіи, пока откроется впредь возможность и способы доставить оный на мѣсто.

9. Изъ суммы, ассигнованной на внѣшніе округи, выдано будетъ съ особыми на записку книгами опредѣленное число денегъ при каждомъ изъ тѣхъ двухъ отрядовъ для употребленія на предметы, мною въ инструкціи опредѣленные и по открытіи окружныхъ приказовъ оставляется въ оныхъ потребная сумма на жалованье султанамъ, чиновникамъ и прочимъ. По путевому же продовольствію назначить казакамъ производить выдачу фуража, на двухъ лошадей, жалованья изъ 11 р. 88 к., оклада и провіанта по 2 ч. и крупъ по $1^{13}/_{30}$ гарнца въ мѣсяцъ сообразно докладу военнаго министра въ 19 день августа 1808 года Высочайше утвержденному. Сіе же самое довольствіе производить и на тѣхъ, кои оставлены будутъ при окружныхъ приказахъ на все время, по тому уваженію, что тамъ оставаясь находиться будутъ въ непрерывной службѣ и отвлекутся отъ домовъ своихъ и хозяйствъ. О послѣдствіи учиненныхъ мною распоряженій по отправленіи за линію въ степь къ сибирскимъ киргизамъ для торжественнаго объявленія статей изъ Высочайшаго Устава командъ и для открытія двухъ внѣшнихъ округовъ отрядовъ, я буду имѣть честь всякій разъ доносить Сибирскому комитету особо.

Копія.

II.

Прокламація во всенародное извѣстіе Киргизскихъ Сибирскихъ ордъ.

Всѣмъ вельможнымъ изъ рода ханскаго старшимъ султанамъ, старшинамъ, біямъ и всему вообще доброму Киргизскому народу отъ великаго до малаго съ пребывающими съ ними иноземцами.

Digitized by Google

Всероссійскій Государь Императоръ, обращая по великодушному и Всемилостивѣйшему снисхожденію своему вниманіе на состояніе народа Киргизъ-Кайсаковъ, искавшаго съ давнихъ временъ могущественнаго покровительства Россіи и убѣждаясь единымъ человѣколюбіемъ рукою сильною водворить въ народѣ семъ благоустройство, утвердить въ немъ согласіе, спокойствіе, тишину и порядокъ, доставить всѣмъ и каждому безопасное и ненарушенное владѣніе собственностію, предотвратить единожды на всегда вкоренившіеся варварскіе обычаи, пресѣчь самоуправства, мятежи и междоусобія, грабежи и баранты, самимъ народомъ признаваемыя гибельными, предохранить спасительными средствами отъ всякихъ могущихъ случиться общихъ бѣдствій, и, словомъ, устроить народу Киргизъ-Кайсаковъ и прочимъ пребывающимъ съ ними племенамъ благоденствіе и счастіе. По внимательномъ разсмотрѣніи образа жизни, вѣры, нравовъ, обычаевъ и законовъ Киргизъ-Кайсацкаго народа, доведенныхъ до Высочайшаго Его Величества свѣденія въ настоящей истинѣ, Высочайше изволилъ повелѣть избранныхъ по волѣ Своей изъ членовъ Россійскаго Государственнаго Совѣта первѣйшимъ особамъ, составить сходныя съ состояніемъ народа Киргизъ-Кайсаковъ и соотвѣтствующія собственнымъ его пользамъ правила, коими достигнуть бы можно было съ удобностію того, чтобъ упрочить народу сему твердое, постоянное и непоколебимое благосостояніе.

Правила таковыя, по зрѣломъ разсужденіи о всѣхъ обстоятельствахъ, до положенія и пользы народу Киргизъ-Кайсаковъ относящихся, бывъ изложены, удостоены Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія и обвѣщены какъ вновь изданный законъ всенародно во всей Россіи подъ заглавіемъ Устава о Сибирскихъ Киргизахъ.

Вслѣдствіе сего особое управленіе въ Западной Сибири, въ городѣ Омскѣ вновь учрежденное подъ именемъ Омской области, для введенія устава того въ дѣйствіе открыто и готово уже приступить со тщаніемъ и усердіемъ къ исполненію Всемилостивѣйше дарованнаго сибирскимъ киргизамъ устава и ввести на основаніи изложенныхъ въ немъ правилъ порядокъ въ степяхъ и въ народѣ тамъ пребывающемъ со всею точностію. Не приступая однакоже къ дѣйствительному начатію сего, я, какъ постановленный отъ Его Императорскаго Величества главнымъ блюстителемъ порядка въ губерніяхъ и областяхъ, Западную Сибирь составляющихъ, обязанностію поставляю предварительно права, выгодъ и обязанностей въ означенномъ уставѣ для Киргизъ-Кайсаковъ изображенныхъ, въ переводѣ на языкѣ киргизскомъ, предложить во всеобщее всѣхъ и каждаго извѣстіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ торжественно объявить, что вся степь Киргизъ-Кайсаковъ Сибирской орды пріемлется въ особенное покровительство и на попеченіе Россійскаго правительства.

Присемъ извѣщается, что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ предоставляетъ народу Киргизъ-Кайсаковъ принятіе сего Устава добро-

Digitized by Google

вольному желанію, котораго областное начальство и ожидаетъ письменно, или чрезъ депутаціи, и послѣ рѣшительнаго согласія имѣетъ быть учинено неотложное распоряженіе къ выбору старшихъ султановъ и старшинъ, къ открытію округовъ и ко введенію въ оныхъ Высочайшаго Устава.

Таковый, даруемый доброму народу киргизскому, новый уставъ удостовѣритъ каждаго изъ нихъ, сколь велика Высочайшая милость и благодѣянія симъ ознаменовываются и сколь вящше противу прежняго дѣйствіе по сему уставу утвердитъ народъ сей въ общей и частной тишинѣ и безопасности. Въ событіи сего желанія Всемилостивѣйшій Государь нашъ съ полнымъ увѣреніемъ надѣется, что народъ киргизскій поведеніемъ своимъ соотвѣтствовать будетъ толикому объ немъ милосердному и справедливому Его Величества попеченію, что со введеніемъ прочнаго уставомъ симъ устройства въ семъ только единомъ порядкѣ народъ киргизскій, избавляясь отъ междоусобныхъ мятежей и барантовъ, пребывать можетъ на вѣчныя времена въ покоѣ и счастіи; а вслѣдствіе того, наслаждаясь даруемымъ благоденствіемъ, обязывается достодолжнымъ сохраненіемъ непоколебимо своей вѣрности Россійскому Государю и повиновеніемъ законной власти.

Я, по званію моему мѣстнаго здѣсь начальника, особенно привѣтствуя Монаршею милостію почтеннѣйшія фамиліи султановъ, происходящія изъ знатнѣйшаго рода хановъ: Аблая, Барака, Ишимхана, Ханбабы и Турсунхана, пріятнымъ себѣ долгомъ поставляю увѣрить ихъ, что съ принятіемъ Высочайшаго Устава воспользуются они отличнымъ покровительствомъ и подъ защитою твердою не постигнутъ ихъ никогда отъ наглыхъ самоуправствъ бѣдствія, но при спокойномъ владѣніи своими собственностями пребудутъ они навсегда въ вящшемъ уваженіи, равномѣрно поздравляя и почтенное духовенство, въ званіи его уважаемое, съ дарованными выгодами, удовольствіемъ себѣ поставляю изъяснить, что оно въ настоящемъ установленіи порядка дѣйствіемъ и благоразумными своими наставленіями усугубитъ еще болѣе къ себѣ отъ всѣхъ почтеніе и уваженіе.

III.

Списокъ съ рапорта г. Исправляющему должность Омскаго областнаго начальника г. г. коллежскаго ассесора Путинцева и сотника Карбышева отъ 9 іюля 1824 года № 2.

Вслѣдъ рапорта моего отъ 8-го числа настоящаго мѣсяца, честь имѣемъ донести вашему высокоблагородію, что сейчасъ отъ Китай-

Digitized by Google

скаго амбаня чиновники явясь къ намъ изъявили дать, послѣднюю трактацію на счетъ дѣла султаномъ Габайдуллой предпринимаемаго о возведеніи его со стороны Китайскаго правительства на ханское званіе, требованіе коихъ нами принято со всякимъ приличіемъ порядку мирнаго трактата между обоими государствами установленнаго, и наконецъ рѣшились допустить султана Габайдуллу до личнаго съ нимъ въ присутствіи нашемъ объясненія, который твердо и безъ всякаго зазрѣнія, чувствуя ошибку свою, объявилъ имъ, что вѣрный подданный Россійскому государству, давшій торжественно съ подвластнымъ ему Киргизъ-Кайсацкой орды народомъ клятвенное обѣщаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ по общей просьбѣ народа Россійскимъ Государемъ Императоромъ Всемилостивѣйше учрежденъ въ вѣдомствѣ его Киргизской степи округъ, а по междуусобнымъ распрямъ съ издревле возникшимъ между киргизцами диванъ подъ его предсѣдательствомъ; но что онъ въ прошломъ году отправлялъ къ китайскому двору брата своего съ испрашиваніемъ утвержденія его въ ханскомъ достоинствѣ, то сдѣлано имъ было сіе невѣденіемъ силы россійскихъ законовъ, и что онъ по возвращеніи брата своего прибылъ къ урочищу Баянъ-Аулу, не для просимаго имъ ханства, но единственно для объявленія, что онъ уже утверждается ханомъ Россійскимъ Государемъ Императоромъ, и чтобы удостовѣрено было въ томъ высшее киргизское правительство, то, предложивъ имъ на бумагѣ отрицательство въ той самой силѣ, съ коего вашему высокоблагородію коллежскимъ ассесоромъ Путищевымъ при донесеніи отъ 8 числа съ № 1 представлена копія. Но какъ онъ не имѣлъ при себѣ приложить къ оному печати, то китайцы, не принявъ онаго, сочли достаточнымъ словесное его объясненіе и тѣмъ остались довольными. За симъ, по взаимныхъ привѣтствіяхъ, мы предложили чиновникамъ китайскимъ, что при подобныхъ случаяхъ невѣденія, въ которое они завлечены по словамъ депутаціи Валиханова бывшей въ пограничномъ ихъ городѣ Кульджѣ въ предѣлы Россійскаго государства, должны быть сопровождены со стороны нашей какъ мирные сосѣди, и обезпечены отъ всѣхъ непріятностей, могущихъ встрѣтиться на пути отъ народа киргизскаго, который Всемилостивѣйшимъ нашимъ Государемъ Императоромъ принятъ въ совершенное подданство, и только что вводится между онымъ порядокъ новаго устройства, Россійскимъ воинскимъ отрядомъ, по закону намъ предписанному, на что китайцы, отзываясь довольными за честь имъ дѣлаемую, просили отрядить съ ними одного офицера при 25 человѣкахъ нижнихъ чиновъ, что отъ нихъ нами принято, и на сей случай г. сотникъ Карбышевъ назначилъ сотника Давыдова съ 25-ю казаками и приличнымъ числомъ урядниковъ, которой съ командою ему ввѣряемою завтрашняго числа явится къ амбаню и отправится для сопровожденія онаго до безопасныхъ мѣстъ вѣдомству Россійскаго государства принадлежащихъ, предоставивъ впрочемъ на волю и усмо-

Digitized by Google

трѣніе г. амбаня, снабдивъ г. Давыдова достаточнымъ наставленіемъ, соображаясь предписаніямъ вашего высокоблагородія на сей предметъ ему, г. Карбышеву, даннымъ, дабы г. Давыдовъ обращалъ наидѣятельнѣйшее въ случаѣ недопуска китайцевъ къ какимъ бы то ни было сношеніямъ съ киргизцами, и чтобы имѣлъ онъ въ полномъ смыслѣ сихъ послѣднихъ подданными нашими, съ коими китайцы безъ разрѣшенія со стороны нашего правительства и безъ особыхъ на то чиновниковъ ни въ какіе переговоры не входили. Доводя обо всемъ до свѣденія вашего, честь имѣемъ доложить, что мы, завтрашняго числа проводивъ китайцевъ, коллежскій ассесоръ вмѣстѣ съ султаномъ Габайдуллой и біемъ Тураайгыромъ, отправимся на форпостъ Коряковскій для личныхъ донесеній къ вашему высокоблагородію, испрашивая на случай, если вы отправиться изволите изъ Корякова въ дальнѣйшій путь по линіи, то куда представить Габайдуллу и Тураайгыра вашего предписанія *).

IV.

(Письмо́ Броневскаго къ Кащевичу).

Ваше высокопревосходительство.

Давно ожидаемые китайцы для возведенія на ханство султана Габайдуллу, появились въ Киргизской степи. Я сдѣлалъ тотчасъ распоряженіе чрезъ отряды, въ открытыхъ округахъ состоящіе за границею, открыть ихъ и употребить всѣ средства благоразумія, остановить ихъ и отклонить отъ исполненія своего предпріятія. Одна партія изъ сихъ отрядовъ подъ командою сотника Карбышева изъ 50 казаковъ съ пушкою, нашла слѣдъ и догнавъ китайцевъ, остановила при Баянъ-Аулѣ. Объявлено, что киргизская средняя орда принята подъ покровительство Россіи и открыты два округа, что идти къ Габайдуллѣ въ кочевья гдѣ мѣста заняты нашими войсками, и онъ, Габайдулла, съ народомъ своимъ уже есть наши подданные, не можетъ быть имъ позволено; и что малѣйшій шагъ туда будетъ почтенъ нарушеніемъ трактата. Стоятъ на мѣстѣ китайцы съ нашимъ отрядомъ, ожидая моего разрѣшенія. Отрядъ ихъ вооруженный изъ 300 человѣкъ, подъ начальствомъ амбаня чина генеральскаго. При-

*) Въ донесеніи Броневскаго Лавинскому 16 іюля 1824 года № 47 прибавлено собственной рукой Броневскаго: «Сопровожденія таковаго китайскій амбень самъ просилъ, дабы конвой русскій прикрылъ ихъ отъ набѣговъ киргизцевъ. Что въ степи весьма часто бываетъ.

Digitized by Google

везены знатные подарки Габайдуллѣ. Вьючнаго скота у нихъ болѣе 250. Габайдулла о приходѣ китайцевъ знаетъ чрезъ своего сына, бывшаго въ Кульджѣ, который отъ китайскаго начальника посланъ объявить ему, чтобы онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ своимъ народомъ, для сдѣланія поминовенія покойному его отцу и для возведенія на ханство. Габайдулла былъ уговариваемъ г. г. Лукинымъ *) и Путинцевымъ **), чтобы не ѣздить, что съ ханствомъ онъ долженъ присягать китайцамъ, а другой разъ чужому народу, не сдѣлавшись измѣнникомъ, присягнуть нельзя. Отвѣтъ Габайдуллы былъ слѣдующій: что предки его всегда пользовались титуломъ хана со стороны китайцевъ, что по первородству ему теперь и слѣдуетъ воспользоваться подарками, везомыми будто на 150 верблюдахъ, однимъ словомъ, кроткія мѣры не подѣйствовали, а силы употребить невозможно для благоустройства въ ордѣ, да и отрядъ столь слабъ, что нельзя рѣшиться предпринять что либо тогда, когда всѣ волости теперь лѣтомъ соединились и можетъ 150 казаковъ предстать только 10,000. Габайдулла собираетъ народъ, чтобы въ большомъ числѣ сходить къ китайцамъ. Г. Путинцевъ съ 30-ю казаками обошелъ Габайдуллу и соединится у Баянъ-Аула съ Карбышевымъ ***). Сотникъ Давыдовъ съ 75 казаками, шедшій въ Каръ-Каралы для смѣны казаковъ изъ того отряда, повороченъ на Баянъ-Аулъ и соединится съ Карбышевымъ и Путинцевымъ. Изъ 6-го и 7-го полковъ 150 казаковъ наряжены уже съ офицерами: Махонинымъ, Лесковымъ и другимъ Карбышевымъ и выступятъ съ линіи въ степь чрезъ сутки, могутъ прибыть на Баянъ-Аулъ въ 4 дня: ибо отъ Корякова до него 200 верстъ. Г. Григоровскій ****) вчерась уѣхалъ и пойдетъ при отрядѣ для переговоровъ съ китайскимъ амбанемъ, имѣя наставленіе рѣшительно воспрепятствовать ихъ намѣренію и возвратить восвояси съ конвоемъ,—или вывести на линію, буде то возможно, для выдачи на Кяхту. Габайдулла извѣстно, что идетъ къ Баянъ-Аулу. Боюсь, чтобы не вышло у насъ съ китайцами и киргизцами распри, ѣду самъ въ Коряковъ, чтобы быть ближе и имѣть чрезъ два дня сношенія, а глядя по обстоятельствамъ и самому туда тотчасъ при-

---

*) Лукинъ командиръ 3 казачьяго полка и засѣдатель въ открытомъ округѣ Кокчетовъ, что противъ крѣпости Петропавловской въ 265 верстахъ отъ линіи въ кочевьи старшаго султана Габайдуллы Валиханова, сынъ коего Булатъ былъ нынѣ депутатомъ въ С.-Петербургѣ.

**) Путинцевъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ Западной Сибири вмѣстѣ и засѣдатель въ округѣ, знающій твердо языки татарскій и монгольскій. Оба люди надежные.

***) Карбышевъ, командиръ 7-го казачьяго полка и засѣдатель въ открытомъ округѣ Каркаралы, что противъ форпоста Семіярскаго въ 280 верстахъ отъ Иртышной линіи въ кочевьѣ покойнаго хана Букея, офицеръ надежный.

****) Г. Григоровскій, подполковникъ Смоленскаго драгунскаго полка и предсѣдатель Омскаго областнаго правленія.

Digitized by Google

быть. Дѣло здѣсь небывалое и весьма щекотливое. Буду всѣми силами стараться отклонить какія либо непріятности и удержать дружелюбіе китайское и тишину у киргизцевъ. Соберу еще небольшой отрядъ на случай изъ казаковъ и пѣхоты съ пушкою въ Ямышевѣ. Но казаки почти всѣ въ командировкѣ изъ полковъ 6-го и 7-го, а изъ другихъ вести далеко и не успѣютъ ко времени. Ходатайствую начальническихъ вашихъ наставленій, буду доносить и г. генералъ-губернатору Лавинскому. Какія же послѣдствія будутъ имѣть переговоры съ китайцами, я тотчасъ донесу вамъ, смотря по важности окончанія (?), съ нарочнымъ или по почтѣ.

Китайцы, рѣшительно можно заключить, узнавъ о присоединеніи киргизцевъ къ Россіи и введеніи порядка тамъ, послали своего генерала рекогносцировать и своими глазами увидѣть, а между тѣмъ, чтобы удержать вліяніе на киргизъ—какъ нибудь по прежнему обыкновенію сдѣлать хана; ибо несвойственная китайской политикѣ поспѣшность въ семъ случаѣ подозрительна, хотя амбань и увѣряетъ, что они ничего не знаютъ и не знали, что дѣлаетъ Россія въ Киргизской степи.

V.

Списокъ съ представленія исправляющаго должность Омскаго областнаго начальника генералъ-губернатору Западной Сибири отъ 21 іюля 1824 г. № 780.

Послѣ тѣхъ распоряженій, о которыхъ донесено вашему высокопревосходительству съ нарочнымъ отъ 4 іюля сего года, прибывъ въ форпостъ Коряковскій и признавъ нужнымъ еще увеличить команду при урочищѣ Баянъ-Аулъ, я командировалъ въ тоже время подъ командою есаула Лескова изъ 6-го и частію 5-го полковъ 115 казаковъ, онаго же полка и частію 7-го подъ начальствомъ сотника Махонина 120, съ пристойнымъ числомъ офицеровъ и урядниковъ, да изъ баталіона желѣзинскаго при одномъ офицерѣ 80 рядовыхъ и одно орудіе тамошней гарнизонной артиллеріи на наемныхъ лошадяхъ. Сими неожиданными движеніями отрядовъ я желалъ показать китайцамъ значущую часть войска и устройство онаго, а у киргизовъ, ожидаемыхъ съ султаномъ Габайдуллой, отнять всякую охоту на какое либо покушеніе и дабы удержать ихъ отъ нарушенія обязанностей, присягою Россіи засвидѣтельствованныхъ; прочимъ же киргизцамъ, не принявшимъ еще новаго порядка по уставу о нихъ изданному, показать, что войско мгновенно вездѣ поспѣетъ съ линіи, что послужитъ къ полезному на дикій сей народъ вліянію.

Digitized by Google

Вашему высокопревосходительству изъ предъидущаго моего донесенія извѣстно, что китайцы, на дѣланныя имъ представленія сотникомъ Карбышевымъ, дабы они оставили свое намѣреніе и не возводили у насъ хана, отвѣчали: что они не исполнивъ порученія своего правительства, не могутъ воротиться. Сіе самое подвигло меня къ рѣшимости предписать захватить Габайдуллу въ наши руки и тѣмъ разрушить планъ китайцевъ, не нанося имъ оскорбленія.

Между тѣмъ какъ отряды сіи одинъ за другимъ выступали въ степь, получилъ донесеніе отъ коллежскаго ассесора Путинцева и сотника Карбышева, что въ ночи на 8 число сего мѣсяца освѣдомились они, что султанъ Габайдулла Валихановъ съ своими единомышленниками приближается и не доходя 25 верстъ до горы Баянъ-Аулъ, гдѣ расположены были китайцы лагеремъ, остановился и послалъ двухъ человѣкъ увѣдомить о себѣ китайцевъ; но посланные на нашихъ пикетахъ перехвачены. По сему извѣстію сотникъ Карбышевъ съ 67 казаками подошелъ скрытно къ Габайдуллѣ, располагавшемуся уже съ киргизами на ночлегъ, и окруживъ ихъ, взялъ сего султана и соучастника его бія Тураайгыра, не употребляя оружія и доставилъ въ лагерь. Съ Габайдуллой находилось не болѣе 100 человѣкъ киргизовъ вооруженныхъ; а отъ нихъ въ 5 верстахъ сталъ султанъ Чама Аблайхановъ, извѣстный по сему дѣлу, съ значительнымъ числомъ подвѣдомственныхъ его; но когда достигли до нихъ извѣстія о захватѣ Габайдуллы, то всѣ они отъ страха разсѣялись.

9 числа китайскій амбань чрезъ своихъ чиновниковъ просилъ свиданія для окончательныхъ переговоровъ. Г. Путинцевъ и Карбышевъ, вступивъ въ сіи переговоры, допустили въ присутствіи своемъ и Габайдуллу до личныхъ объясненій съ амбанемъ. Султанъ объявилъ, что онъ, какъ подданный съ подвластнымъ ему народомъ Россійскаго Государя Императора, не можетъ уже принять ханскаго званія отъ китайскаго правительства; а хотя и посылалъ въ прошедшемъ году брата своего къ пекинскому двору для испрошенія сего достоинства, но сіе сдѣлано было имъ по невѣдѣнію Россійскихъ законовъ и что онъ прибылъ къ Баянъ-Аулу не для принятія ханскаго званія, но для отреченія отъ онаго. Съ симъ отзывомъ Габайдулла далъ китайцамъ за подписаніемъ своимъ листъ отреченія, съ котораго переводъ у сего представляется; но какъ къ сему листу не было приложено печати, которой Габайдулла не имѣлъ при себѣ, то амбань не принялъ онаго, а призналъ достаточнымъ словесное его объявленіе. Затѣмъ китайцамъ предложено было сопроводить ихъ изъ Каркаралтскаго округа казачьей командѣ, что они и приняли съ благодарностію.

Симъ окончено послѣднее свиданіе съ китайцами, и они 12 числа приняли обратный путь въ сопровожденіи сотника Давыдова съ 30-ю казаками.

Digitized by Google

Во все время пребыванія китайцевъ при Баянъ-Аулѣ сношенія съ нашими происходили дружественно, мирно и даже до излишней вѣжливости со стороны китайцевъ, всегда присвоивающихъ преимущество предъ другими.

Къ отряду сотника Карбышева предъ отбытіемъ китайцевъ присоединилось казаковъ, какъ-то: 34, пришедшіе съ коллежскимъ ассесоромъ Путинцевымъ изъ Кокчетавскаго округа, 75 съ сотникомъ Давыдовымъ съ линіи шедшихъ на смѣну въ Каркарамшевъ, и 120 съ сотникомъ Махонинымъ, и такъ вся команда состояла до 300 человѣкъ съ оружіемъ конной артиллеріи. Прочіе не успѣли дойти и возвращаются нынѣ къ своимъ мѣстамъ. Г. подполковникъ Григоровскій, слѣдовавшій съ частію команды къ Баянъ-Аулу, также не засталъ уже китайцевъ. Сотникъ Карбышевъ съ состоящею при округѣ командою пошелъ въ Каркаралы. Казаки, пришедшіе съ г. г. Путинцевымъ и Махонинымъ, распущены по домамъ.

Султанъ Габайдулла и бій Тураайгыръ доставлены въ Омскъ и содержатся до разрѣшенія правительства подъ присмотромъ въ казенной квартирѣ, состоящей въ крѣпости. Имъ доставляется хорошее продовольствіе.

Въ обоихъ внѣшнихъ округахъ обстоитъ благополучно, но на случай, дабы задержаніе Габайдуллы не произвело какихъ безпокойствъ въ Кокчетавскомъ округѣ, чего я однако не воображаю, призналъ необходимымъ въ осторожность усилить тамошнюю стражу 100 казаками изъ 2-го и 3-го полковъ.

Донося о семъ вашему высокопревосходительству, я долгомъ поставляю испрашивать опредѣленія о султанѣ Габайдуллѣ Валихановѣ, который хотя и оправдываетъ себя незнаніемъ законовъ Россійскихъ, но принято ли будетъ сіе въ уваженіе за тѣми настояніями, какія предъявлены были ему еще тогда, какъ онъ только собирался ѣхать къ китайцамъ отъ засѣдателей Путинцева и Лукина къ удержанію его, отъ таковаго свиданія съ ними. Бій Тураайгыръ, братъ извѣстнаго бія Чона, замѣченный въ соучастіи съ Габайдуллой подвергается отвѣтственности и потому, что при открытіи Каргарашскаго округа онъ явно угрожалъ удержать брата своего Чона отъ свиданія со мною, и какъ неспокойный человѣкъ, старался отклонить киргизовъ отъ принятія новаго управленія. Посему какъ султана, такъ и сего бія я буду содержать въ Омскѣ подъ присмотромъ до разрѣшенія вашего высокопревосходительства.

Господину генералъ-губернатору Восточной Сибири о семъ обстоятельствѣ донесено мною на тотъ случай, если китайское правительство войдетъ въ Кяхтѣ въ переговоры по сему дѣлу.

Digitized by Google

О происшествіяхъ въ Средней Киргизъ-Кайсацкой Ордѣ. *)

Секретно.

Съ приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайшаго Устава о сибирскихъ киргизахъ, утвержденнаго 22 іюля 1822 года, генералъ-губернаторъ Западной Сибири, приступивъ съ наступленіемъ весны (въ февралѣ 1824 г.) къ открытію двухъ внѣшнихъ округовъ Омской области, увѣдомилъ генералъ-губернатора Восточной Сибири и о мѣрахъ своихъ дѣйствій.

Дѣйствія сіи заключались въ командированіи въ Киргизскую степь съ разныхъ пунктовъ 14-ти командъ линейныхъ казаковъ для торжественнаго объявленія статей устава, относящихся до правъ, выгодъ и обязанностей киргизовъ, а также и того, что вся страна киргизъ-кайсаковъ сибирскихъ ордъ пріемлется подъ особенное покровительство и на попеченіе Россійскаго правительства; на каковой конецъ и издана генералъ-губернаторомъ прокламація киргизскому народу о цѣли Всемилостивѣйшаго Государя нашего при введеніи въ степи новаго порядка, а по возвращеніи командъ предположено имъ было отправить въ степь два отряда, уже болѣе значительные какъ для самаго открытія высшихъ округовъ и образованія окружныхъ приказовъ (диванов), такъ и для первоначальнаго въ степи устройства. **)

На открытіе предполагаемыхъ округовъ: одного противъ Ямышевской дистанціи, въ волостяхъ, гдѣ находится семейство покойнаго хана Букея, въ разстояніи отъ линіи въ 600 верстахъ, а другое противъ Петропавловска, гдѣ кочуетъ семейство покойнаго хана Валія, въ разстояніи отъ линіи въ 300 верстахъ, изъявили желаніе изъ упомянутыхъ ханскихъ фамилій: султанъ маіоръ Газы Букеевъ и султанъ Габайдулла Валихановъ, сынъ коего Булатъ находится нынѣ въ С.-Петербургѣ съ депутаціею. ***)

Командированіе таковыхъ многихъ, хотя впрочемъ малыхъ отрядовъ, долженствовало естественно произвести необыкновенное впечатлѣніе на умы киргизовъ, не смотря на всѣ принятыя генералъ-

*) Записка эта составлена въ 1825 г. въ канцеляріи генералъ-губернатора В. С., А. С. Лавинскаго, изъ бумагъ канцеляріи. Поводъ къ составленію ея неизвѣстенъ *Изд.*

**) Отношеніе генералъ-губернатора Западной Сибири къ ген.-губ. Вост. Сибири отъ 23 декабря 1823 г. № 2084 и его же отношеніе къ Управляющему Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ отъ того же числа.

***) Представленіе генералъ-губернатора Западной Сибири въ Сибирскій комитетъ того же числа.

Digitized by Google

губернаторомъ Западной Сибири мѣры осторожности, какъ въ народѣ невѣжественномъ, и вѣроятно чрезъ восточную часть степи, и дойти также до Китайцевъ, въ внѣшней политикѣ своей наблюдательныхъ, подозрительныхъ и мечтающихъ притомъ, нѣкоторымъ образомъ, что Киргизская степь составляетъ ихъ владѣніе; почему генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, согласно полученному о семъ свѣденію, въ бытность свою въ послѣдній разъ въ Кяхтѣ (1824), давъ знать предварительно директору Кяхтинской таможни, чиновниками, болѣе другихъ обращающимися съ Маймаченскими китайцами, а по прибытіи въ Иркутскъ и тамошнему гражданскому губернатору съ тѣмъ, дабы сдѣлали развѣдываніе подъ рукою, какое впечатлѣніе произведутъ въ умахъ китайцевъ распоряженія на Омской линіи, и какія послѣдуютъ объ нихъ сужденія, которыя проистекутъ отъ одного понятія о семъ съ коренными жителями Киргизской степи, а также и о намѣреніяхъ ихъ въ отношеніи къ Россіи. Для потребнаго свѣденія предоставлено гражданскому губернатору предложить о томъ и Кяхтинскому пограничному управленію.

Директоръ таможни, впослѣдствіи времени донесъ генералъ-губернатору, что со стороны китайцевъ не токмо не было никакихъ слуховъ о вводимыхъ у киргизовъ постановленіяхъ, но и не видно, чтобы въ Кяхтѣ находящійся дзаргучей и торгующіе китайцы имѣли о томъ какое либо свѣденіе,—просилъ между прочимъ, для видовъ производимой въ Кяхтѣ торговли и для предварительныхъ распоряженій къ будущей расторжкѣ и заготовленія товаровъ нашими торгующими, снабдить его отвѣтомъ, дабы онъ могъ дать китайцамъ, на случай вопроса по изъяснебному предмету, и дабы разнорѣчіемъ не подать повода къ различнымъ со стороны ихъ толкамъ. Генералъ-губернаторъ находя представленіе директора весьма основательнымъ, входилъ о семъ въ переписку съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, который и увѣдомилъ, что онъ обязанъ отвѣтствовать на вопросы китайцевъ, буде сіе представится нужнымъ, въ слѣдующемъ смыслѣ:

Киргизкайсацкая степь, бывшая съ давняго времени подъ высокимъ покровительствомъ Россійской Имперіи (ханы Киргизскіе, присягая Государю на вѣрноподданство, ручались сильному и могущественному Государю равномѣрно и за вѣрноподданническую преданность ихъ подвластныхъ) со смертію послѣдняго хана подверглась различнымъ неустройствамъ отъ несогласій и иногда неблагонамѣренныхъ видовъ султановъ, біевъ и старшинъ. Неустройства сіи дошли до такой степени, что во всей степи не только возникли одно за другимъ слѣдовавшія безпокойства, но наконецъ вовсе не стало никакой увѣренности въ собственности каждаго порознь киргизца: ибо взаимныя баранты слѣдовали за барантами, не смотря на связи родства и племени; насиліе за насиліемъ, грабежъ за грабежемъ. Такимъ образомъ не было никакой безопасности какъ для русскихъ,

Digitized by Google

въ степи торгующихъ, такъ и для купеческихъ каравановъ, проходящихъ изъ союзныхъ намъ владѣній: Бухаріи, Коканіи и Ташкента, не было никакой безопасности собственно для Киргизъ-Кайсаковъ: и, наконецъ, самые друзья наши, китайцы, живущіе близъ городовъ: Аксу, Кульджи и Чугучака подвергались иногда грабежамъ отъ безпокойныхъ и необузданныхъ степныхъ жителей. Сіе едва не случилось съ китайскимъ отрядомъ, подъ командою одного амбаня, приходившаго въ подданную степь нашего Государя прошлаго лѣта *); но начальство военное на линіи, зная хищный духъ подданныхъ нашихъ киргизцевъ Средней и Большой орды, было столь внимательно къ сему китайскому отряду, что дало военный вооруженный конвой для препровожденія онаго до Кульджи-снабдило китайцевъ провизіею и они покойно достигли своихъ границъ, съ своими вооруженными друзьями, русскими. Такъ поступаетъ всегда Государь нашъ; такъ поступали и другіе Русскіе Государи съ союзниками китайцами болѣе ста лѣтъ. Все сіе обратило вниманіе Всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора. Его Императорское Величество, непрестанно заботясь о благосостояніи своихъ подданныхъ и состоящихъ подъ Августѣйшимъ Его покровительствомъ, а также радѣя о спокойствіи союзныхъ Россіи державъ, Высочайше повелѣть соизволилъ начертать правила, для благоуйстроства Киргизкайсацкой степи. Воля Государя была въ точности исполнена: правила постановлены и утверждены Высочайше. Знатнѣйшіе султаны, почетнѣйшіе старшины и біи, увидѣвъ ясно настоящую собственную свою пользу, кромѣ немногихъ подлыхъ двоеданцевъ и разбойниковъ, съ готовностью подверглись означеннымъ законамъ, и такимъ образомъ составились въ степи два внѣшіе округа.

Между тѣмъ, при всемъ усердномъ желаніи означенныхъ султановъ, біевъ и старшинъ, издавна укоренившійся духъ своеволія и несогласій препятствовалъ къ совершенному возстановленію въ степи порядка и тишины; по каковой причинѣ и должно было принять дѣйствительнѣйшія мѣры. Для того посланы, и нынѣ ещё постепенно устраиваются, военные отряды не для поборовъ или алыма и не для какого либо мщенія русскихъ киргизамъ, какъ толкуютъ нѣкоторые безпокойные и неблагонамѣренные люди, но собственно для спокойствія самихъ киргизовъ и для разбора междуусобныхъ ихъ распрей, баратновъ и грабежей, въ особенности для укрощенія грабительствъ, какія терпятъ добрые сосѣди наши китайцы.

Къ сему генералъ-губернаторъ Западной Сибири присовокупилъ, что директоръ таможни долженъ внушать китайцамъ, что съ устройствомъ Омской области и залинейныхъ ея округовъ китайцы не должны имѣть ни малѣйшаго опасенія, но еще будутъ имѣть

*) О семъ случившемся происшествіи въ подробности объясняется ниже.

Digitized by Google

большія выгоды отъ ненарушимаго спокойствія ихъ предѣловъ, и что непремѣнное желаніе Государя Императора нашего есть сохранить миръ и дружбу съ Императоромъ Китайскимъ *).

Согласно таковой мысли, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири дано директору таможни предписаніе для надлежащаго по сему предмету наблюденія и руководства.

Между тѣмъ, еще въ концѣ прошлаго года, директоръ таможни, представивъ генералъ-губернатору свѣденіе о различныхъ китайскихъ новостяхъ, донесъ, что при отправленіи серебра въ Пекинъ для нашей духовной миссіи, онъ просилъ пекинскаго о. Архимандрита Петра, увѣдомить его, нѣтъ ли какихъ либо слуховъ въ Пекинѣ о киргизахъ? Вмѣсто отвѣта онъ получилъ отъ о. Архимандрита Петра письмо къ нему лекаря нашей духовной миссіи, Войцеховскаго, въ которомъ сей послѣдній извѣщаетъ о пріѣзжавшихъ въ Пекинъ съ данью къ Императорскому двору киргизскихъ князьяхъ. Въ семъ письмѣ заключается между прочимъ, что Киргизскіе князцы, пріѣзжающіе въ Пекинъ съ данью черезъ каждые три года, посѣтили столицу сію въ началѣ 1824 г. Въ числѣ ихъ находился татаринъ Аблатипъ, знавшій хорошо русскій языкъ. Онъ уроженецъ казанскій, гдѣ имѣетъ до сихъ поръ братьевъ и сестеръ, и увезенъ въ Киргизскую степь въ молодыхъ лѣтахъ. По русски же знаетъ онъ отъ частаго свиданія съ русскими на границахъ Омской области, гдѣ часто бывалъ по дѣламъ службы. Онъ весьма хвалится гостепріимствомъ нашихъ соотечественниковъ, а въ разговорѣ съ Войцеховскимъ упоминалъ имена и фамиліи многихъ пограничныхъ начальниковъ, а также переводчиковъ татарскаго языка Бикмаевыхъ, отца съ сыномъ, сказываетъ, что младшій Бикмаевъ переѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Омскъ, и отецъ поѣхалъ на его мѣсто въ С.-Петербургъ. При свиданіи съ Войцеховскимъ онъ разсказалъ слѣдующее происшествіе, бывшее на границѣ Омской линіи.

Караванъ магометанъ Россійской державы, шедшій въ Бухарію подъ прикрытіемъ провожанія киргизовъ, по удаленіи своемъ отъ границы былъ Киргизами разбитъ и разграбленъ; причемъ нѣсколько купцовъ было убито.—Россія узнавъ о семъ, требовала отъ Киргизовъ удовлетворенія по сему дѣлу, въ противномъ случаѣ угрожала защищать право свое оружіемъ. Киргизы, находясь подъ зависимостью Гайцинскаго престола, обратились о защитѣ къ Богдыхану, который и отправилъ китайскаго генерала съ арміею на границы для окончанія сего дѣла—миромъ или войною. По прибытіи своемъ къ границамъ, онъ вступилъ съ россійскими военными командирами въ переговоры о рѣшеніи сего дѣла и защищая Киргизовъ, дѣлалъ невыгодныя предложенія Россійскому военному начальству, которое для

*) Отношеніе генералъ-губернатора Западной Сибири отъ 21 марта 1825 года.

Digitized by Google

наказанія несправедливости и обиды, нанесенной киргизами россійскимъ подданнымъ, магометанамъ, грозило оружіемъ и готовностію вступить въ брань, если китайскій генералъ станетъ далѣе упорствовать въ неправотѣ дѣла. Генералъ сей, видя уже готовность русскихъ начать сраженіе, и будучи пораженъ блескомъ ихъ оружія, которому сопротивляться былъ не въ состояніи, признавъ свое упорство и требованія несправедливыми, писалъ къ китайскому двору объ удовлетвореніи справедливаго требованія россіянъ; на третій день послѣ переговоровъ своихъ съ русскими военными командирами скончался. Въ удовлетвореніе же потери, нанесенной киргизами россійскимъ магометанамъ, уступлено Россіи пространство земли отъ россійской границы до горы Тарбагатай *).

Сіе письмо г. Войцеховскаго отправлено было генералъ-губернаторомъ вмѣстѣ съ другими новостями, изъ Пекина полученными, къ г. Управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ **), и увѣдомленъ объ ономъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

На границахъ же Киргизкайсацкой степи, въ Омской области происходили въ то время слѣдующія происшествія:

Начальникъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса представлялъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, за отсутствіемъ генералъ-губернатора Западной Сибири, который въ то время находился въ С.-Петербургѣ ***), что въ концѣ 1822 г. случайно дошли до рукъ Омскаго пограничнаго управленія два письма: одно отъ китайскихъ чиновниковъ, Джанлирга, пребывающаго въ городѣ Кульджѣ и амбаня города Чугучака, а другое отъ киргизскаго султана Чамы Аблайханова. Чрезъ письма сіи приглашался султанъ Габайдулла Валихановъ въ Пекинъ ****). Изъ сего усмотрѣно было, что китайское правительство намѣревалось сего султана возвести на ханство. Но какъ Средняя Киргизская Орда съ давняго времени искала уже покровительства Россіи, то Габайдулла и былъ отклоняемъ отъ поѣздки въ Пекинъ.

Впослѣдствіи времени открылось, что, по приглашенію китайцевъ осенью, 1823 года султаны отправляли сыновей своихъ, въ числѣ коихъ находился и побочный братъ Габайдуллы Янтера, въ качествѣ депутата его; но не бывъ приняты въ Пекинѣ, возвращены изъ города Кульджи, съ извѣстіемъ, что султанъ Габайдулла возведенъ будетъ лѣтомъ 1824 г. на ханство; и что для сего посланы отъ тамошняго правительства въ степь разныхъ китайскихъ чиновниковъ

*) Письмо лекаря Пекинской духовной миссіи, Войцеховскаго, къ о. архимандриту Петру, полученное Галяховскимъ 5 ноября 1824 года.

**) Отъ 13 декабря 1824 г. № 1236.

***) Въ представленіи отъ 8 іюля 1824 года.

****) Старшій сынъ умершаго хана Валія, кочующаго въ Средней Киргизской ордѣ, какъ сказано объ немъ выше.

*

Digitized by Google

до 500 человѣкъ. Между тѣмъ разъѣздъ, учрежденный по сему случаю изъ стражи Каркаралинскаго округа, нашелъ уже 28 іюня (1824) Китайцевъ въ степи при урочищѣ *Баянъ-Аулъ* въ 200 верстахъ разстоянія отъ линіи. Они были въ числѣ 300 человѣкъ подъ управленіемъ амбаня. Военному отряду, находившемуся тогда для разъѣзда на линіи, подтвердили свои требованія на Габайдуллу, т. е. что они пришли возвести по просьбѣ его *) на ханство и выдать по назначенію китайскаго правительства подарки, и что не могутъ возвратиться, не исполнивъ сего, или не получивъ особаго разрѣшенія отъ своего начальства. Султанъ Габайдулла, узнавъ о пришествіи китайцевъ, за всѣми мѣрами, принятыми къ удержанію его, ушелъ изъ Кокчетавскаго округа съ приверженными ему киргизами для свиданія съ китайцами къ Баянъ-Аулу, мѣсту для сего назначенному.

По примѣрамъ прежнихъ временъ, обстоятельство сіе хотя и не заключало бы въ себѣ особенной важности, ибо и ханъ Валій **) возведенъ на сіе достоинство также китайцами; но какъ въ Средней ордѣ открыты на основаніи устава о сибирскихъ киргизахъ 22 іюня 1822 года два внѣшніе округа, принадлежащіе къ Омской области, подъ названіемъ Каркаралинскаго и Кокчетавскаго, а какъ волости, состоявшія подъ управленіемъ султана Габайдуллы, вошли въ составъ Кокчетавскаго округа, въ которомъ и самъ онъ избранъ старшимъ султаномъ Окружнаго приказа и принялъ присягу съ народомъ своимъ на подданство Россіи; то за симъ и несовмѣстно было-бы (какъ полагалъ г. начальникъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, Броневскій,) допустить китайское правительство удерживать мнимую зависимость надъ киргизами, а особливо допустить возвести подданнаго Россіи на ханство, что казалось и вреднымъ для порядка новаго управленія и непристойнымъ въ политическомъ отношеніи.

Основываясь на таковомъ разсужденіи, г. начальникъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, не ожидая разрѣшеній отъ г. генералъ-губернатора Западной Сибири, поставилъ преграду китайцамъ къ исполненію ихъ намѣренія; и вслѣдствіе того присоединилъ къ вышеупомянутому разъѣзду Каркаралинской стражи до 300 человѣкъ изъ линейныхъ казаковъ, 2 орудія артиллеріи и 80 человѣкъ пѣхоты, командировалъ подполковника Григоровскаго для объявленія амбаню о порядкѣ новаго управленія въ Средней Ордѣ, и отозвавъ китайцевъ изъ Киргизской степи, предоставить имъ обратиться съ переговорами на Кяхту, въ мѣсто назначенное тракта-

*) Отношеніе г. генералъ-губернатора Западной Сибири къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 25 сентября 1824 года № 961.

**) Отецъ султана Габайдуллы.

Digitized by Google

томъ, стараясь всѣми мѣрами удержать спокойствіе и водворенный порядокъ управленія въ Киргизской ордѣ, который приходомъ и домогательствомъ вліянія китайцевъ на киргизовъ повреждается.

Вслѣдъ за симъ г. генералъ-губернаторъ получилъ отъ начальника штаба новое донесеніе *), что 8 числа іюля султанъ Габайдулла, съ соучастникомъ его біемъ Тураайгыромъ, былъ линейною командою пойманъ въ 20 верстахъ отъ Баянъ-Аула и отправленъ по распоряженію его въ Омскъ для содержанія подъ присмотромъ, впредь до разрѣшенія правительства. Русскіе же въ семъ происшествіи на линіи имѣли съ прибывшими китайцами сношенія и переговоры, которые происходили мирно, и султанъ Габайдулла въ присутствіи ихъ отрекся отъ принятія ханскаго достоинства, а 12 числа того же мѣсяца, китайцы въ сопровожденіи линейной команды, состоявшей изъ 25 казаковъ, пошли обратно изъ Баянъ-Аулъ въ Кульджи. Таковаго сопровожденія просилъ самъ китайскій амбань, дабы конвой русскій прикрылъ ихъ отъ набѣговъ киргизовъ, что въ степи весьма часто бываетъ.

Г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, извѣстивъ о всѣхъ сихъ распоряженіяхъ начальника штаба, г. управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, просилъ его, если по обстоятельствамъ столь важнымъ, которыя заботливое китайское правительство безъ сомнѣнія не оставитъ втунѣ, произошли какіе-либо вопросы или требованія на Кяхтѣ, не оставить сообщить ему предварительно мысль, въ чемъ должны заключаться наши отвѣты китайцамъ **).

Отзывъ директора Азіятскаго департамента, послѣдовавшій къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири, за отсутствіемъ г. управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, о происшествіи въ Киргизской ордѣ, совершенно соотвѣтствовалъ мѣрамъ осторожности и предварительныхъ извѣдываній, принятыхъ и въ семъ случаѣ г. генералъ-губернаторомъ, ибо по дошедшимъ донесеніямъ начальника Омской области, министерство иностранныхъ дѣлъ по Высочайшему повелѣнію отъ 15 августа 1824 года отправило въ Омскъ г. Броневскому приличныя наставленія, клонящіяся главнѣйше къ тому, чтобы оставили султана Габайдуллу дѣйствовать въ семъ отношеніи по собственному его понятію, сохраняя вообще въ поведеніи нашего пограничнаго начальства съ китайцами принятыя правила сосѣдственной дружбы. По неисполненіи между тѣмъ возвратившимся изъ орды китайскимъ амбанемъ порученій своего начальства, такъ какъ султанъ Габайдулла перемѣнилъ свои виды на ханство, невѣроятно кажется, чтобы Китайское правительство могло соста-

*) Отъ 16 іюля 1824 г. подъ № 48.

**) Отношеніе г. генералъ-губернатора Восточной Сибири къ г. управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ 26 іюля 1824 г. № 777.

Digitized by Google

вить какія-либо претензіи противъ Россійскаго, изъ того единственно, что свободный киргизскій народъ, хотя по прежнему, понятно, и двоеданный, самъ собою рѣшился сдѣлаться одноподданнымъ, а начальникъ его отрекся отъ зависимости китайцевъ. Но какъ всю притязательность китайцевъ измѣрить трудно, то легко можетъ быть, что отъ настоящаго происшествія возникнутъ на Кяхтѣ какіе-либо вопросы, почему директоръ Азіятскаго департамента, по предварительномъ сношеніи съ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ, просилъ генералъ-губернатора Восточной Сибири о принятіи мѣръ, чтобы обстоятельство сіе сохраняемо было въ молчаніи, дабы предварительною огласкою не навлечь торговлѣ нашей на Кяхтѣ невыгодныхъ сомнѣній. Но если, паче чаянія, сдѣлано-бы было отъ Ургинскаго вана къ Иркутскому гражданскому губернатору какое-либо о семъ сношеніе, то на первый разъ губернатору прилично-бы было отозваться совершеннымъ незнаніемъ какъ о происшествіи, случившемся въ краѣ весьма отдаленномъ и ему не подвластномъ, и потому принялъ бы онъ на себя токмо объясниться съ нашимъ мѣстнымъ начальствомъ, и потомъ уже дать удовлетворительный отвѣтъ; ибо, сколько извѣстно, на такомъ основаніи Иркутскій гражданскій губернаторъ отозвался на вопросы по дѣламъ, на Колыванской линіи происходившимъ. Сія разстановка во времени нужна для того, чтобы имѣть возможность расположить отвѣтъ на вопросъ китайцевъ и по тѣмъ свѣденіямъ, какія изъ Киргизской степи впослѣдствіи доходить будутъ. Таковая разстановка впрочемъ сообразна и съ духомъ самого Китайскаго правительства, въ системѣ коего Ургинскій ванъ ничего или очень мало знаетъ о томъ, что происходитъ въ Кантонѣ *). Но на Кяхтѣ со стороны китайцевъ никакихъ вопросовъ не было, о чемъ генералъ-губернаторъ увѣдомилъ директора Азіятскаго департамента **); равнымъ образомъ неизвѣстно, дошло ли свѣденіе сіе до китайцевъ, живущихъ далѣе границъ Восточной Сибири, около мѣстъ Урги, ибо въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Иркутскій гражданскій губернаторъ представилъ генералъ-губернатору донесеніе къ нему Троицкосавскаго пограничнаго начальника объ обозрѣніи, дѣланномъ на китайской границѣ Ургинскимъ ваномъ, и о смѣнѣ нѣкоторыхъ монгольскихъ чиновниковъ***). Свита вана состояла изъ 46 манжурскихъ чиновниковъ и 120 человѣкъ рядовыхъ. Впрочемъ, по пограничнымъ дѣламъ извѣстно, что подобныя обозрѣнія положенія границы бываютъ весьма нерѣдко.

---

*) Отношеніе директора Азіятскаго департамента къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 28 августа 1824 года подъ № 729 и отъ 4 сентября того же года № 744.

**) Отъ 3 декабря 1824 г. № 1007.

***) Представленіе Иркутскаго гражданскаго губернатора къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 20 сентября 1824 года подъ № 3900.

Digitized by Google

Окончательная переписка по сему происшествію, на границахъ Омской линіи, заключается въ отношеніи г. генералъ-губернатора Западной Сибири отъ 25 сентября 1824 г. съ препровожденіемъ, для свѣденія г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, бумагъ относительно бывшихъ распоряженій управляющаго Омскою областью и отзыва управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ г. Броневскому отъ 15 августа 1824 г. подъ № 675.

Г. генералъ-губернаторъ, получивъ донесенія г. Броневскаго касательно отклоненія имъ предпріятія китайцевъ къ возведенію султана Габайдуллы въ ханское достоинство, и находя распоряженія его по сему случаю необходимыми по обстоятельствамъ сего неожиданнаго происшествія, призналъ, впрочемъ, нужнымъ замѣтить г. Броневскому, что намѣреніе китайцевъ относительно султана Габайдуллы и не должно быть принимаемо за важное оскорбленіе; напротивъ, весьма прилично-бы было показать съ нашей стороны видъ равнодушія къ предпріятію ихъ, и даже въ случаѣ несогласія на сдѣланныя убѣжденія китайскому начальнику о невозможности исполнить порученіе правительства его, оставить совершенно на произволъ султана Габайдуллы тѣмъ болѣе, что онъ всегда могъ быть въ нашихъ рукахъ, и чрезъ сіе миролюбивое обхожденіе избѣжать нарушенія согласія съ китайцами. Послѣ таковаго невниманія нашего къ намѣренію китайцевъ можетъ быть они не вздумали-бы, по осторожности своей, привесть его въ дѣйствіе; но еслибы на сіе и рѣшились, то генералъ-губернаторъ Западной Сибири находилъ нужнымъ распорядиться такъ, чтобъ не было никого изъ русскихъ явными свидѣтелями возведенія Габайдуллы на ханство, но удалиться на сей разъ отрядами на нѣкоторую дистанцію. Возвращавшагося изъ С.-Петербурга въ числѣ прочихъ въ свои мѣста султана Булата, сына Габайдуллы, предписано приставу депутаціи доставить прямо въ Омскъ, на случай предосторожности нашей, но съ такою цѣлію, чтобы, пріостановивъ его тамъ аманатомъ, не налагать никакого ареста за неприличное и двусмысленное поведеніе отца его, дабы впослѣдствіи, еслибъ призналось нужнымъ, можно было представить его китайскому амбаню, какъ неоспоримое доказательство подданства Россійскому Государству семействъ хана Валія и киргизскаго народа. Пребываніе же султана Булата въ С.-Петербургѣ и щедрые подарки, пожалованные ему отъ Государя Императора, могли-бы послужить сильнымъ подтвержденіемъ нашихъ изъясненій. Послѣ сего уже можно было отправить султана Булата къ его отцу, Габайдуллѣ, хотя-бы сей послѣдній принялъ отъ китайцевъ наименованіе хана.

Г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири, изъяснивъ таковыя разсужденія въ предписаніи гвардіи полковнику Броневскому, отправилъ оное открытымъ къ г. управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, что отъ него зависѣть будетъ прибавить

Digitized by Google

или совсѣмъ перемѣнить содержаніе онаго, согласно съ Высочайшею волею, если, по мнѣнію его, признается нужнымъ довесть сіе до свѣденія Его Величества, увѣдомивъ его потомъ и о послѣдующемъ затѣмъ происшествіи, какъ-то о взятіи султана Габайдуллы подъ присмотръ и о возвращеніи китайцевъ изъ орды.

Графъ Нессельроде, соглашаясь съ мнѣніемъ г. генералъ-губернатора Западной Сибири, присовокупилъ однакоже замѣчаніе свое, что прибытіе въ орду китайскаго амбаня для возведенія Габайдуллы,— есть происшествіе обыкновенное въ своемъ источникѣ и по своимъ послѣдствіямъ, ибо оное, съ одной стороны, есть плодъ извѣстнаго искательства самого султана, а съ другой, таковой поступокъ китайцевъ должно считать дѣйствіемъ принятаго ими обычая въ отношеніи къ киргизамъ, кочующимъ въ смежности съ ихъ владѣніями въ Илійской области и Малой Бухаріи. Не касаясь ни времени, ни условій, на коихъ основано вліяніе тамошняго правительства на киргизовъ, подвластныхъ Россіи, усматривается по дѣламъ, что оное существуетъ издавна и никогда не производило само по себѣ какого-либо особеннаго разстройства въ зависимости киргизскихъ ордъ отъ Россійской державы не взирая на то, что китайцы въ Средней ордѣ возводили неоднократно старѣйшинъ на степень султановъ и даже хановъ. Россійское правительство, уклоняясь отъ всякихъ тщетныхъ предреканій, равнодушно смотрѣло на подобныя ихъ ласканія киргизовъ, снисходительно принимало прошенія возведенныхъ китайцами хановъ о подтвержденіи ихъ въ семъ званіи, и охотно удовлетворяло симъ ожиданіямъ, жалуя ихъ граматами и личными инвеститурными знаками, въ томъ убѣжденіи, что съ возвышеніемъ почестей киргизскіе старѣйшины пріобрѣтутъ въ народѣ болѣе вѣсу и силы, необходимыхъ для содержанія его въ повиновеніи. Такъ было поступлено съ дѣдомъ Габайдуллы, Аблай ханомъ, а равно съ отцемъ его, Вали ханомъ. Въ такомъ видѣ надлежало принять и нынѣшнюю экспедицію китайскую, имѣющую предметомъ возведеніе упоминаемаго султана въ тоже званіе.

Сообразивъ сіе происшествіе съ примѣрами прежнихъ лѣтъ, министерство иностранныхъ дѣлъ въ непремѣнную обязанность вмѣнило себѣ представить о всемъ томъ на благоусмотрѣніе Государя Императора, и получивъ Высочайшее разрѣшеніе, поставило полковнику Броневскому, за отсутствіемъ генералъ-губернатора Западной Сибири, къ точному наблюденію слѣдующее:

1) Въ поведеніи нашего пограничнаго начальства съ китайцами вообще сохранить принятыя правила дружественныхъ сношеній, употребляя возможные знаки привѣтливости, для поддержанія въ нихъ пріязненнаго расположенія и для большаго утвержденія сосѣдственнаго спокойствія.

2) Такъ какъ Россійское правительство высоко цѣнитъ союзъ дружбы съ Китаемъ, и весьма далеко отъ того, чтобы возвышеніе кир-

Digitized by Google

гизскаго султана принять поводомъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ; то, согласно сему, представляя настоящее происшествіе самымъ обыкновеннымъ случаемъ, устранить всѣ усиленныя средства, могущія препятствовать прибывшему изъ Кульджи амбаню въ достиженіи цѣли его экспедиціи, доколѣ оная не разрушаетъ тишины между киргизами, избѣгая токмо, дабы никто изъ россіянъ не былъ свидѣтелемъ обряда возведенія султана Габайдуллы на ханское достоинство.

3) Замѣтивъ съ кротостію сему султану несовмѣстность настоящаго его поступка съ обязанностями россійскаго вѣрноподданнаго, и поставивъ на видъ, что ему приличнѣе бы было не принимать сторонніхъ знаковъ благоволенія и почестей, оставить его впрочемъ дѣйствовать по собственному его разсужденію, не дѣлая ему безвременно никакихъ упрековъ, ни угрозъ, и доставивъ въ свое время ему, матери его и прочимъ киргизамъ тѣ подарки отъ Монаршихъ щедротъ, кои для того препровождены будутъ въ Омскъ.

4) Если же приведены въ дѣйствіе (отъ чего весьма надлежало удержаться) строгія мѣры, то немедленно оныя отмѣнить во всемъ пространствѣ, по случаю сообщаемаго ему Высочайшаго повелѣнія.

5) Оказывать китайцамъ всѣ знаки дружбы и гостепріимства.

6) Султана Габайдуллу, коль скоро взятъ онъ въ Омскъ, благосклонно отпустить въ его кочевья, и пригласить къ исполненію возложеннаго на него званія старшаго султана въ Кокчетавскомъ округѣ Омской области, даже, если бы сверхъ чаянія Габайдулла удалился за предѣлы сего округа, то убѣдить его приличнымъ образомъ чтобы онъ спокойно вступилъ въ мѣсто прежняго своего жительства.

7) Сына Габайдуллы султана Булата, не только не удерживать его на линіи, но открыть ему всѣ способы къ скорѣйшему свиданію съ отцемъ. Равнымъ образомъ, судя по настоящему положенію дѣлъ, не препятствовать султану Булату, если бы онъ, при удобномъ случаѣ, рѣшился встрѣтиться съ китайскимъ амбанемъ.

О всѣхъ таковыхъ распоряженіяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде далъ въ тоже время знать и г. генералъ-губернатору Западной Сибири отъ 19 августа 1824 года.

VII.

Милостивый Государь
Александръ Степановичъ!

Послѣ всѣхъ тѣхъ свѣденій, о коихъ я имѣлъ честь сообщить вашему высокопревосходительству на счетъ введенія въ Киргизской

Digitized by Google

степи новаго управленія, нынѣ призналъ за нужное увѣдомить васъ, милостивый государь, объ отправлявшемся отрядѣ въ Большою Киргизскую орду въ кочевья Юсунской волости султана Сюка Аблай-ханова.

Съ прибытіемъ моимъ въ нынѣшнемъ году въ Сибирь, нашелъ я въ Омскѣ депутацію дикокаменныхъ киргизъ, кочующихъ большою ордою при озерѣ Исыкъ-Кулѣ и частію между Китаемъ, Кашкаріею и Коканомъ. Депутаты сіи, состоявшіе изъ трехъ біевъ отъ лучшихъ родовъ и четырехъ почетныхъ киргизовъ, изъявили сильное желаніе своего народа принять покровительство Россіи и препровождать чрезъ свои кочевья купеческіе караваны, прося покровительства нашего правительства отъ междуусобныхъ раздоровъ и грабительствъ въ степи.

Соображая, что таковой вызовъ дикокаменныхъ киргизовъ можетъ доставлять нашей азіятской торговлѣ большія выгоды, а между тѣмъ заботясь объ огражденіи отъ барантовъ султана Сюка, я приказалъ формировать отрядъ конныхъ казаковъ при двухъ отрядахъ конной артиллеріи подъ командою, извѣстнаго мнѣ по усердію и способности Ямышевскаго коменданта, полковника Шубина.

5-го минувшаго іюня отрядъ сей изъ Семипалатинска переправился за Иртышъ и шелъ въ предназначенный ему путь къ урочищу Семирѣчекъ. Подъ прикрытіемъ сего отряда отправилъ я означенныхъ закаменныхъ депутатовъ, которые награждены здѣсь приличными подарками. Съ ними посылалъ я письмо къ почтеннѣйшимъ біямъ дикокаменнаго народа, въ коемъ изъяснялъ, что правительство охотно беретъ ихъ подъ свою защиту и конечно будетъ брать участіе въ ихъ распряхъ междуусобныхъ и въ обидахъ со стороны сосѣдей Большой орды. Далѣе изъявлялъ желаніе, чтобъ они въ знакъ преданности своей и усердія къ Россіи способствовали нашимъ торговцамъ и ограждали купеческіе караваны отъ расхищенія. Съ симъ вмѣстѣ писалъ я къ сосѣдственнымъ по кочевкѣ султанамъ Адилева рода, дабы они и подвѣдомственные имъ не дѣлали никакихъ притѣсненій и обидъ киргизамъ дикокаменнымъ, какъ принятымъ уже подъ покровительство россійскаго правительства.

Съ тѣмъ же отрядомъ отправилъ и назначенные султаномъ Большой орды отъ Высочайшаго двора подарки, кои поручикъ раздалъ публично. Для большаго же блеска въ азіятскомъ вкусѣ предписалъ полковнику Шубину, собравъ почтеннѣйшихъ киргизовъ, сдѣлать особенный праздникъ и обычныя киргизамъ увеселенія, скачку на лошадяхъ или такъ называемую байгу, для чего назначилъ призы, состоящіе изъ приличныхъ подарковъ.

Но существенная цѣль настоящаго отряда есть, чтобъ постепенно пріучать китайцевъ смотрѣть на дѣйствія нашего правительства въ отношеніи къ Большой ордѣ, увеличивать вліяніе Россіи на оную, приближая тѣмъ введеніе порядка управленія сообразно уставу о кир-

Digitized by Google

гизахъ. Какъ китайцы въ августѣ или въ началѣ сентября обыкновенно выѣзжаютъ изъ Кульджи за сборомъ въ ясакъ лошадей съ нѣкоторыхъ родовъ Большой орды, и нерѣдко пріѣзжаютъ въ самыя кочевья султана Сюка, то можетъ быть увидятъ и отрядъ нашъ, и изойдутъ въ какія нибудь изъясненія; на сей случай Шубину дано было надлежащее наставленіе.

Подполковникъ Шубинъ, окончивъ возложенное на него порученіе съ желаемымъ успѣхомъ, возвратился нынѣ сюда благополучно. Всѣ свѣденія, какія доставилъ г. Шубинъ, благопріятствуютъ цѣли нашего правительства, и киргизы, будучи довольнымъ вниманіемъ къ нимъ правительства, не показали ни малѣйшаго сопротивленія и отвращенія къ отряду.

Поелику же могутъ быть толки китайцевъ о таковыхъ дѣйствіяхъ россійскаго правительства и доходить до торговцевъ пограничнаго съ Иркутскою губернію мѣстечка Маймачина, сопредѣльнаго съ нашимъ торговымъ заселеніемъ Китаю, почему покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство главноначальственное ваше кому слѣдуетъ предписаніе, о развѣдываніи подъ рукою могущихъ быть у китайцевъ сужденій, которые, какъ предполагать должно, будутъ происходить отъ одного основнаго понятія съ коренными жителями государства о стени Киргизской и о намѣреніяхъ въ отношеніи къ оной Россіи.

Ваше высокопревосходительство споспѣшествуя видамъ правительства, изволите обязать собственно меня увѣдомленіемъ о томъ, что дойдетъ до свѣденія вашего, по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ.

Съ совершеннымъ и проч.

П. Капцевичъ.

№ 243
7 декабря 1825
Омскъ.
Е. В. А. С. Лавинскому.

VIII.

Милостивый Государь
Петръ Михайловичъ!

Начальникъ пекинской духовной миссіи архимандритъ Петръ прислалъ къ директору кяхтинской таможни письмо отъ 31 прошлаго мая, заключающее въ себѣ разныя пекинскія новости, незаслуживающія уваженія, а между прочимъ свѣденіе, что китайцы не остав-

Digitized by Google

ляютъ дѣлать развѣданій о киргизахъ. Къ сему онъ присовокупилъ, что киргизамъ нельзя ожидать особеннаго покровительства китайцевъ, ибо непостоянство ихъ весьма имъ извѣстно и вотъ почему они не жалуютъ ихъ и даже ненавидятъ.

Извѣщая ваше высокопревосходительство о семъ дошедшемъ до меня свѣденіи, съ совершеннымъ и проч.

(Подписалъ) *А. Лавинскій*

20 января 1826 г.
№ 176
Иркутскъ.

Его высокопревосходительству П. М. Капцевичу.

Digitized by Google

ИЗЪ БУМАГЪ О СИБИРЯКОВѢ И МЫЛЬНИКОВѢ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Генерала отъ Инфантеріи Иркутскаго Военнаго Губернатора Лецціано.

Рапортъ *)

Тайный совѣтникъ и сенаторъ Селифонтовъ доставилъ ко мнѣ изъ Тобольска отъ 24-го марта сего года въ копіяхъ отношеніе генерала отъ инфантеріи генерала прокурора и жалобу, принесенную на меня Вашему Императорскому Величеству отъ здѣшняго именитаго гражданина Михаила Сибирякова, съ доносомъ о разныхъ яко бы злоупотребленіяхъ, которая по Высочайшему Вашего Величества повелѣнію обращена для подробнаго всѣхъ обстоятельствъ разсмотрѣнія къ тайному совѣтнику Селифонтову. Онъ извѣщаетъ меня, что къ исполненію сего Высочайшаго повелѣнія, неувѣдомивъ меня и не получивъ на то моего отзыва, приступить не можетъ, требовалъ съ моей стороны противъ той просьбы увѣдомленія. Но въ то же время, неизвѣстно по какимъ побудительнымъ причинамъ, *поручилъ здѣшнему гражданскому губернатору Толстому* произвесть слѣдствіе, котораго и Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніемъ предоставлено не было; а сей, неуважа Высочайше ввѣренное мнѣ надъ здѣшнею губерніею начальство, недавъ мнѣ знать, *распространилъ свои предписанія по всѣмъ мѣстамъ*, до коихъ что относилось, особливо попустилъ чрезъ здѣшнюю городовую думу собирать обо мнѣ по всѣмъ домамъ повальный обыскъ, къ совершенному моему на старости лѣтъ огорченію и пренебреженію.

Но какъ доноситель *купецъ Сибиряковъ есть человѣкъ безпокойный и дерзкій, сужденный за многіе противузаконные и лживые поступки*, заводилъ со всѣми почти бывшими здѣсь начальниками отъ лица городовой думы и собственно отъ себя несогласія и укорительныя переписки, оказывалъ уже противъ предписаній правительствую-

*) Отмѣтки на поляхъ сдѣланы рукою Пестеля. *Ред.*

Digitized by Google

щаго сената неповиновеніе, то, необременяя здѣсь Ваше Императорское Величество подробнымъ объясненіемъ всѣхъ его, Сибиряковa дѣяній, представилъ я объ нихъ генералъ-прокурору.

Вашему Величеству пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донесть, съ какою несправедливостію дерзнулъ Сибиряковъ безпокоить Высокомонаршую особу Вашу своими на меня оклеветаніями, называя гонительнымъ начальникомъ, стѣснившимъ управленію моему ввѣренный край разными яко бы налоговъ требованіями, чего никогда я въ мысляхъ моихъ не имѣлъ, движимъ будучи единымъ усердіемъ моимъ и ревностію о изысканіи способовъ для казенной и общественной пользы. Пишетъ онъ Сибиряковъ, будто бы по городской жизни при самой дороговизнѣ и недостаточномъ въ городъ подвозѣ, о наистрожайшемъ всѣмъ запрещеннаго въ селеніяхъ закупа хлѣба.

Долгомъ поставляю объяснить Вашему Величеству: что съ пріѣзда моего въ Высочайше ввѣренную губернію, встрѣчая время отъ времени умноженіе людей наполненіемъ войскъ, присылкою поселенцевъ, фабричныхъ и другаго разнаго званія ссылочныхъ, то раздавались постепенно слухи о необыкновенной въ хлѣбѣ надобности, коимъ снабдѣваютъ всю здѣшнюю губернію изъ 15-ти только 3 хлѣбородные уѣзда, Иркутскій, Верхне и Нижнеудинскіе, временемъ Нерчинскій, въ коемъ сряду уже два года терпятъ жители отъ недороду и другихъ помѣшательствъ нужду. Который покупался въ тѣхъ же уѣздахъ, между коими частію сѣется хлѣбъ въ Киренскомъ и Баргузинскомъ уѣздахъ, но по малолюдству жителей и неудобности мѣстъ только *что для своего пропитанія сего нѣтъ, доставляется отъ казны доселѣ*, впрочемъ *справедливо все требуютъ помощи отъ первыхъ*, а потому поселяне здѣшняго и Верхнеудинскаго уѣздовъ, примѣтя вышедонесенную въ хлѣбѣ надобность, выказывая по мѣстамъ нѣкоторыя оному повреждения, начали еще съ 1800 года и потомъ время отъ времени дѣлать въ цѣнахъ возвышеніе, многіе изъ нихъ стали уже скрывать хлѣбъ по селеніямъ къ будущей продажѣ дорогими цѣнами, отъ чего не только послѣдовали, при заготовленіи на продовольствіе войскъ провіанта, и для прочихъ казенныхъ надобностей, величайшія затрудненія, но и городскіе жители, особливо бѣдные, по недостаточному привозу онаго на продажу изъ деревень, начали нуждаться въ пропитаніи, между тѣмъ открылись по уѣздамъ перекупщики, забирающіе хлѣбъ, по цѣнамъ какъ только съ продавцемъ условится и, перепродавывая другому съ возвышеніемъ, вовсе почти остановили привозъ онаго сюда на продажу, да и небыло уже нужды вести его поселянину въ городъ, когда даютъ ему цѣну по желанію на мѣстѣ. Для пересѣченія сего зла, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ въ сообщеніи коммерцъ коллегіи отъ 10-го числа октября 1800 года, хотя многіе перекупщики лишены были закупленнаго хлѣба обращеніемъ на казенныя надобности, по цѣнамъ какія обыкновенно до того существовали, а

Справедливо.

Тожк.

Сего нѣтъ доставляются отъ казны доселѣ.

Справедливо.

Digitized by Google

поступки ихъ предоставлены были законному разсмотрѣнію судебнымъ мѣстамъ, поселянамъ же кои имѣли довольные избытки хлѣба и удерживались отъ продажи въ казну изъ алчности къ дороговизнѣ, плачены были тѣ цѣны, по коимъ сами они съ осеннихъ мѣсяцевъ добровольно продавали, между тѣмъ побуждаемъ будучи попеченіемъ моимъ о пропитаніи городскихъ жителей, паче бѣдныхъ, обремененныхъ немалыми семействами, и чтобъ умѣрить возвышеніе цѣнъ, которыя при покупкѣ хлѣба совершенно тяготили казну и сихъ послѣднихъ, представлялъ я правительствующему сенату о заведеніи въ Иркутскѣ отъ приказа общественнаго призрѣнія запасныхъ магазейновъ, съ помѣщеніемъ въ нихъ хлѣба до 50,000 пудовъ, на что и повелѣніе послѣдовало о заведеніи ихъ вообще съ городовою думою, но по вышедонесеннымъ причинамъ заготовлено его въ число онаго къ нынѣшнему 1802 году, отъ приказа только 10,000, отъ градской думы 4,000 пудъ. Предъ окончаніемъ минувшей 1801 года жатвы, предлагалъ я губернскому правленію и казенной палатѣ, чтобы къ поставкѣ хлѣба на всѣ казенныя надобности, сколько бы ни велико требовалось онаго количество, вызвать желающихъ, предполагая, что всякій подрядчикъ не захотѣлъ бы къ своему убытку дѣлать при закупкѣ возвышенія, а поселяне не имѣли бы случая продавать его дорого въ уѣздѣ, а старались бы отвозить въ города; но какъ никого къ поставкѣ не явилось, то рѣшился я предписать казеннымъ коммисіонерамъ покупать его въ уѣздѣ по цѣнамъ, сколько возможно умѣреннымъ, и ни подъ какимъ видомъ не дѣлать возвышенія, предлагая губернскому правленію и земскому суду, всѣмъ частнымъ перекупщикамъ скупать хлѣбъ по уѣзду, поколь казенныя надобности не выполнятся сдѣлать воспрещеніе, предоставляя имѣющимъ надобность покупать на рынкѣ, дабы поселяне поощрены были къ привозу онаго въ городъ, особливо тѣ, кои нехотѣли бы продавать въ уѣздѣ коммисіонерамъ, симъ средствомъ надѣялся я доставить казнѣ и обществу удовольствіе, но вмѣсто чаемой пользы попеченіе мое объ общемъ благѣ осталось безъ успѣху, ибо изъ числа здѣшнихъ первыхъ купцовъ: *Николай Мыльниковъ и Стефанъ Дудоровскій, люди по поступкамъ своимъ свойственны Сибирякову*, пренебрегши оное, послали въ уѣздъ своихъ прикащиковъ, а смотря на нихъ и другіе начали скупать хлѣбъ и обзадачивать поселянъ въ противность законовъ большими задатками, тотчасъ сдѣлали въ уѣздѣ такое вліяніе, что поселяне, увидѣвъ способъ продать хлѣбъ на мѣстѣ, не только остановились продажею по умѣреннымъ цѣнамъ казеннымъ коммисіонерамъ, но и привозомъ въ городъ удержались, и скупленный прикащиками тѣхъ купцовъ хлѣбъ, хотя также обращенъ въ казну по цѣнамъ ими обзадаченнымъ, но сдѣланное ими помѣшательство изъ недоброхотства, по разнымъ съ ихъ же стороны внушеніямъ, исправить былъ уже я не въ состояніи; иногда упорство крестьянъ простиралось до того,—что нестали продавать въ казну хлѣбъ по такимъ

Въ крайности ничего дѣлать другаго.

Учрежденіе весьма полезное и здѣсь необходимое.

Средства необходимыя особливо въ крайности.

Справедливо, сей способъ и досель въ употребленіи.

Крайность извинять.

Справедливо.

Digitized by Google

цѣнамъ, которыя противъ прежнихъ отъ 18 до 25 коп. пудъ ржаной муки, вознаграждали труды ихъ тройными прибытками, отзывась неимѣніемъ онаго; принужденъ я былъ предлагать губернскому правленію, чтобъ не были войска безъ пропитанія, одинъ излишній ржаной хлѣбъ, за оставленіемъ имъ на посѣвъ, и пропитаніе, обратить въ казну, которая имѣла въ немъ и нынѣ имѣетъ крайній недостатокъ, а для сего особливо по предстоящей тогда къ винокуренію надобности, чтобъ узнать количество онаго въ селеніяхъ, поручено было провіантскимъ коммисіонерамъ, обще съ членами земскаго суда, сдѣлать повѣрку, по которой въ разсужденіи умножившагося противъ прежнихъ лѣтъ расходу, наконецъ при остановленіи винокуренія, хотя видны были на продовольствіе обитателей остатки, но дороговизна въ цѣнахъ не уменьшалась. То посему, соображаясь съ предписаніемъ правительствующаго сената отъ 9-го октября 1801 года, коимъ велѣно стараться о пониженіи цѣнъ, назначилъ я самыя безобидныя для поселянъ и неотяготительныя для городскихъ жителей по 85 коп. каждый пудъ и до окончанія повѣрки обзадачивать поселянъ напередъ по 50 коп. за пудъ, а остальными удовлетворять по выставкѣ сторгованнаго хлѣба на мѣсто. И какъ въ то время находился здѣсь сенаторъ и кавалеръ Селифонтовъ, то, внимая онъ настоящей необходимости, по которой принужденъ я былъ къ соблюденію казны и къ облегченію городскихъ жителей, дѣлать сіи распоряженія, нетолько подтверждалъ ихъ въ своей силѣ, но и совѣтовалъ соображаться съ мѣстнымъ здѣшняго края положеніемъ; но вмѣсто того предъ отъѣздомъ своимъ изъ Иркутска, разными недоброхотствующими обо мнѣ (въ кругу, дышущихъ на меня неудовольствіемъ нѣкоторыхъ чиновныхъ и здѣшнихъ купцовъ) отзывами, не только, вперилъ ко мнѣ неуваженіе, но и подвигнулъ многихъ по службѣ къ неповиновенію, ибо первый гражданскій губернаторъ Толстой, видно слѣдуя его внушеніямъ, тогда же по отъѣздѣ открылъ поступокъ непослушанія, неотправясь въ крайней нуждѣ по извѣщенію моему въ Нерчинскій край, для предупрежденія чувствуемаго тамошними жителями въ пропитаніи недостатка и должныхъ по хозяйству распоряженіевъ; почему принужденъ уже я былъ послать совѣтника, да и во всю свою здѣсь бытность никогда не заботился онъ посмотрѣть за хлѣбопашествомъ и войти въ состояніе сельскаго упражненія, сколько не было съ моей стороны сдѣлано вызововъ, ибо самъ я, по занятію многими дѣлами здѣшней обширной губерніи, объѣзжать селенія не имѣлъ времени. Сенаторъ Селифонтовъ между скрытными совѣтами, какъ нерѣдко посѣщаемъ былъ доносителемъ Сибиряковымъ, и другими неблагомыслящими людьми, подстрекающими опровергать всѣ мои для казенной и общественной пользы распоряженія, подалъ случай губернатору, принявшему наконецъ подъ свою протекцію и Сибирякова, внушить поселянамъ удерживаться продажею хлѣба по назначеннымъ цѣнамъ, несмотря, что въ сіе же самое время здѣшній

Шагъ весьма деликатный и щекотливый---кажется можно бы изыскать другія мѣры. Тоже.

Поступокъ гнусный.

Поступокъ непозволенный, хотя впрочемъ можно и слѣдовало бы другимъ способомъ распорядиться—есть кромѣ губернатора чиновники. По опыту справедливо.

Одними объѣздами ничего не сдѣлаешь, есть другія средства, кои однакожъ вдругъ не могутъ имѣть своего дѣйствія.

Весьма вѣроятно.

Digitized by Google

купецъ Забѣлинскій, усердствуя къ казенной надобности, купилъ въ селеніяхъ только, на продовольствіе войскъ ржанаго хлѣба до 8,000 пудовъ отъ 75 до 83 и недороже 85 копѣекъ, но когда сдѣлано вышедонесенное крестьянамъ внушеніе, то паки покупка хлѣба въ казну приведена въ затрудненіе, и при всѣхъ стараніяхъ заготовлено его по числу войскъ самое малое количество. По сей крайности хотя принужденъ я былъ въ началѣ прошедшаго Марта еще послать провіантскаго коммисіонера Дурново, съ помощію живущаго въ уѣздѣ отставного капитана Гейтранова, купить онаго въ селеніяхъ, хотябъ стать могло до будущаго урожая съ платежемъ показанной цѣны по 85 коп. за каждый пудъ, которая, какъ выше донесено, втрое обогащала поселянъ противъ прежде существующихъ цѣнъ, да и сами они продавали съ осеннихъ мѣсяцевъ отъ 50 до 65 коп. пудъ; и купцу Забѣлинскому недороже 85 коп., и когда коммисіонеры успѣли купить только что до 13,000 пудъ, могущаго стать до Октября мѣсяца, но гражданскій губернаторъ, по вышеписаннымъ причинамъ, совершенно недоброходствуя къ моимъ распоряженіямъ, началъ принимать просьбы отъ нѣкоторыхъ крестьянъ яко бы о принужденной ими продажѣ нѣсколько хлѣба изъ закупленнаго коммисіонерами, безъ оставленія имъ на посѣвъ и пропитаніе, чему по слѣдствію отраженныхъ мною совѣтника 7 класса Зеркалѣева и уѣзднаго судьи Алехина открылось противное, съ котораго для подробнаго разсмотрѣнія препроводилъ я къ генералъ-прокурору копію; между тѣмъ къ большому поводу упорства поселянъ получилъ онъ на имя свое сношеніе изъ Тобольска отъ сенатора Селифонтова отъ 17 ч. Марта, который по случаю предоставленнаго ему Высочайшимъ В. И. В. указомъ о изысканіи средствъ къ продовольствію хлѣбомъ здѣшней губерніи обитателей и къ возстановленію винокуренія, хотя отзывался за отъѣздомъ своимъ отсель, отъ содѣйствія по тому дѣлу; но въ подтвержденіе сдѣланнаго уже имъ здѣсь разстройства помимо меня, совѣтовалъ гражданскому губернатору перемѣнить обрядъ принужденной продажи хлѣба и по сторгованнымъ у нихъ цѣнамъ платить полную выдачу, не останавливая изъ оной ни малѣйшаго числа денегъ, чего никогда кромѣ вышедонесенныхъ задатковъ и послѣ удовлетворенія должными въ число 85 коп. за каждый пудъ чинено не было — писалъ, стараться сколько возможно умножить хлѣбопашество, о чемъ гражданскій губернаторъ вовсе не заботился, и во время полевыхъ работъ никуда-бы поселянъ не отлучать; въ противномъ случаѣ представлять правительствующему сенату. Сей отзывъ его не только не доставилъ способовъ умножить количество хлѣба для казенныхъ и городскихъ надобностей, но вмѣсто пользы произвелъ замѣшательство, ибо гражданскій губернаторъ не потребовавъ моего, какъ въ государственномъ дѣлѣ согласія, тотчасъ самъ по себѣ съ истолкованіемъ въ противномъ смыслѣ Высочайшаго В. И. В. соизволенія, распространилъ къ пренебреже-

Справедливо.

Въ крайности дѣлать другаго ничего, но не слѣдовало бы стѣснять въ цѣнѣ, а открыть выше.

Вѣроятно и дерзко.

Въ самомъ дѣлѣ платить всѣ деньги слѣдовало.

Дѣльно, только слѣдовало писать о семъ г. Ленцано, котораго были распоряженія.

Противно обрядку.

Digitized by Google

нію ввѣреннаго мнѣ начальства, чрезъ губернское правленіе предписанія, чтобъ собрать неизвѣстно для чего отъ уѣздныхъ жителей свѣденія, кѣмъ именно производимы были закупы въ казну провіанта, сколько гдѣ онаго куплено и по какимъ цѣнамъ, не происходило-ли отъ кого обидъ и притѣсненія, и могутъ ли поселяне за отобраніемъ въ казну хлѣба пропитывать себя до будущаго урожая и производить посѣвъ онаго, чего ни въ докладѣ правительствующаго сената, ни въ Высочайшемъ указѣ В. И. В., кромѣ сдѣланнаго на тогдашній случай замѣчанія, предписано не было. Крестьяне, будучи поощрены таковымъ разглашеніемъ, почти принужденно стали нѣкоторые показывать недостатокъ хлѣба на посѣвъ и пропитаніе, и просили о дачѣ въ ссуду изъ запасныхъ магазейновъ, но изъ нихъ же многіе добродушные объявили, что назначенными цѣнами довольны, ибо продавали они, какъ выше донесено, по тѣмъ же цѣнамъ купцу Забѣлинскому, а подавшіе просьбы къ гражданскому губернатору, изъ интересовъ своихъ требовали сторгованный хлѣбъ возвратить имъ обратно; а между тѣмъ вдругъ возвысили на оный цѣну бывшую недавно отъ 1 р. 30 к. до 2-хъ р. каждый пудъ, не останавливаясь однакожъ привозомъ на продажу малыми частями, удерживая прочій скрытно, дабы воспользоваться еще неслыханными цѣнами. И потому, Всемилостивый Государь! ежели распоряженія мои признаны будутъ несогласными съ установленнымъ порядкомъ для прочихъ губерній, которыя снабжаются хлѣбомъ отвсюду, какъ напротивъ здѣшняя лишенная всѣхъ способовъ, вознаграждать отколь либо свои недостатки, то рѣшился я въ необходимости приступить ко онымъ, по долгу Высочайше ввѣреннаго мнѣ хозяйства и изъ усердія моего къ Высочайшему интересу и къ облегченію бѣдныхъ городскихъ жителей, не имѣющихъ возможности пропитать свои семейства хлѣбомъ, покупкою таковыми цѣнами не помышляя о худыхъ слѣдствіяхъ, кои противъ воли отъ разныхъ помѣшательствъ могли встрѣтиться, да и крестьянамъ отнюдь не сдѣлано къ вознагражденію собственныхъ трудовъ ихъ ни малѣйшаго стѣсненія, когда сами они изъ того же урожая продавали предъ симъ хлѣбъ пудъ въ 50 коп., что все и повергаю въ прозорливое В. И. В. благоразсмотрѣніе и Высочайшую волю. Къ умноженію бѣдности жителей, какъ пишетъ Сибиряковъ въ просьбѣ своей, что частные суда принуждаютъ въ октябрѣ мѣсяцѣ выравнивать по улицѣ каменьемъ логоватыя мѣста и разсаживать березы; на сіе В. И. В. всеподданнѣйше доношу, что законный порядокъ требуетъ имѣть чистоту и безпрепятственный проѣздъ не только въ городахъ, но и по самымъ проѣзжимъ дорогамъ; въ губернскомъ же городѣ Иркутскѣ многія улицы, особливо вторая по главной, называемая прешпективою, до пріѣзда моего въ Иркутскъ, столько была грязною, что во многихъ мѣстахъ скопившаяся вода, смѣшавшись съ навозомъ, не только чрезъ все почти лѣто до заморозовъ препятствовала проѣз-

Справедливо.

Digitized by Google

жать на лошадяхъ, но и пѣшіе могли проходить съ нуждою; загнившая вода съ грязью производила вонючій и вредный для человѣческаго здоровья запахъ. Долгъ начальства моего обязывалъ пещись, наблюдать за чистотою въ городѣ; приказывается чрезъ полицію объявлять жителямъ въ тѣ мѣста, гдѣ были непроходимыя грязи, загатить фашинникомъ и сверху засыпать мелкимъ хрящемъ, который по близости же возплся съ рѣчки Ушаковки, а мѣстами на тѣхъ же улицахъ для засыпи разравнивать каменистые бугры; но не въ одномъ октябрѣ мѣсяцѣ, какъ пишетъ Сибиряковъ, а въ разныя времена съ исподволь; но какъ здѣшніе жители, особливо купцы и мѣщане, народъ закоснѣлый въ невѣжествѣ, съ крайнимъ нехотѣніемъ исполняютъ общія повинности, то принужденъ былъ чрезъ полицію дѣлать имъ повторенія и противъ многихъ домовъ сдѣланы засыпи безъ малѣйшаго для хозяевъ отягощенія, въ чемъ послѣ сами должны остаться довольными; но чтобы отвратить на сей одной улицѣ въ лѣтнее время смердящій гнилой духъ, объявлено было чрезъ полицію тѣмъ же жителямъ посадить по сторонамъ ея противъ домовъ съ корнемъ не толстыя березки, которыя во множествѣ сами каждое лѣто въ праздничные дни становить предъ домами своими, безъ кореньевъ, имѣютъ обыкновеніе, истребляя мелкаго березника, могущаго годиться на дрова, во множествѣ; тѣже березки съ корнемъ посадя одинъ разъ доставлять могли имъ и приходящимъ пріятный чрезъ все лѣто видъ и чистый воздухъ; а какъ лучшее время для разсаживанія деревьевъ осень, то внушаемо было жителямъ садить тѣ березки по возможности въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда только кто успѣетъ, безъ всякаго однакожъ принужденія, въ чемъ ни жалобъ, ниже какого другаго неудовольствія до меня не доходило, и время пещись о пропитаніи, какъ пишетъ Сибиряковъ, отнимаемо не было, когда каждый житель заняться былъ долженъ день, два или три въ разныя числа поправить улицу противъ своего дому и поставить нѣсколько березокъ, ибо весь городъ по близости прямо его за рѣкою окруженъ березнякомъ. По поводу сего взятыя мною отъ частныхъ судовъ объясненія препровождены къ генералъ-прокурору.

Справедливо.

Справедливо можно сказать, что требованіе сіе возможное.

Во время бытности съ генваря по май мѣсяцъ 799 года Сибиряковa головою, при переправкѣ казеннаго дома, въ которомъ я живу, находилось изъ городовыхъ ремесленниковъ плотниковъ 13 человѣкъ съ 30 апрѣля по 15 мая, всего 15 дней, коимъ заплачено за работы поштучно 28 р. 33 коп., столарей съ 5 мая по 9 іюня 13-ть же человѣкъ — имъ заплачено поштучно жъ 77 р. 34 к., каменьщиковъ вызвано было только для договору 13-ть же человѣкъ, коими складено только на 4 сажени бута за 2 рубля и расщепано на штукатурство 20 драницъ за 80 копѣекъ, а затѣмъ по дороговизнѣ запрашиваемыхъ на прочія работы цѣнъ, было отказано, то для сего были уже употреблены по найму мастеровые съ суконной

Пустой и ябедный доносъ, нестоилъ, чтобъ и читать его.

*

Digitized by Google

фабрики и изъ строительной конторы, всего 86 человѣкъ, за надлежащую плату.—Изъ тѣхъ же городовыхъ жителей въ разныя числа по одному дню договариваны были къ возкѣ лѣсу, песку и прочихъ матеріаловъ 32 человѣка, имъ заплачено 12 р. 20 к., а всего всѣмъ 120 р. 67 к., въ пріемѣ коихъ были даны отъ нихъ росписки, и счеты казенною палатою обревизованы, слѣдовательно доносилъ Сибиряковъ В. В., якобы за работы свои получили они 31 к., ложно.—

Обыкновенная здѣшняя замашка.

Изъ числа городовыхъ ремесленниковъ палочьемъ никто не наказываиъ и въ смирительный домъ посыланъ не былъ, кромѣ одного лишеннаго по суду добраго имени изъ мѣщанъ Шишкина, который въ прошломъ 1801 г. не при постройкѣ дому, а при строеніи тюремнаго замка за вину ударенъ былъ нѣсколько разъ палками, да по приговору палаты за преступленіе по другому дѣлу содержался въ смирительномъ домѣ.

Тоже вздоръ и мелочь ябедническая.

Состоящія подъ партикулярными взысканіями бывшіе въ погодныхъ платежахъ съ согласія заимодавцевъ должники къ ломкѣ камня на фундаменты тюремнаго замка и казармъ, какъ несправедливо осмѣлился доносить Сибиряковъ В. И. В., забираны не были, а препровождаемы отъ губернскаго правленія, городоваго магистрата, градской думы и земскаго суда, за состоящія на нихъ кредиторскіе долги и другія взысканія, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ письмѣ 797 года ноября 22 дня, чрезъ генералъ-прокурора князя Куракина. Изъ того же числа одинъ мѣщанинъ Пинигинъ нечаянно задавленъ отвалившимся отъ горы камнемъ, о чемъ при обыкновенномъ о благосостояніи губерніи рапортѣ, всеподданнѣйше донесено въ Бозѣ почивающему Государю Императору.

Подобный предъидущему.

Добытый на вышеупомянутыя строенія камень дѣйствительно привоженъ былъ разныхъ деревень крестьянами, но не подъ образомъ найма, какъ пишетъ Сибиряковъ въ просьбѣ своей нарядомъ, а точно по договорамъ засвидѣтельствованнымъ въ земскомъ судѣ, и сіе свойственно въ праздное отъ полевыхъ работъ время ихъ упражненію, цѣны же плачены были обыкновенныя и для нихъ безобидныя, какъ-то: за 6 верстъ отъ города по 6 коп., а за 12-ть верстъ по 12 к. съ каждаго камня, но почему якобы сами они нанимали другъ друга возить по 60 коп. и чрезъ столь близкое разстояніе, ни ко мнѣ, ни въ земскій судъ свѣденія не доходило, а ежели и чинено было къ выставкѣ онаго законное побужденіе, то тѣмъ токмо вощикамъ, кои не исполнили своего договора, какъ и всѣ неисправные поставщики принуждаются для дѣла въ одной комнатѣ занимаемаго мною казеннаго дома штучнаго полу, къ привозу золотарника извѣстнаго подъ именемъ акація, или Сибирскій гороховникъ, березовой щетки и яблони, всего девяти возовъ, никакого устращиванія наказаніемъ крестьянъ, какъ пишетъ Сибиряковъ въ просьбѣ своей, не было: ибо рубленъ былъ лѣсъ за 25 верстъ

Сплетни.

Digitized by Google

отъ Иркутска близь Веденской слободы особыми мастеровыми рабочей конторы, еще въ 799 году и въ томъ же году привезенъ только сюда живущими по близости крестьянами, и деньги отданы имъ земскимъ коммисаромъ, жалобы о семъ ни отъ кого понынѣ не доходило. О чемъ, равно о городовыхъ ремесленникахъ и бывшихъ въ работѣ должникахъ, также и о перевозкѣ камня собранныя для подробнаго разсмотрѣнія выправки отъ магистрата, отъ губернскаго архитектора, земскаго суда, съ удостовѣреніемъ гласныхъ документовъ, представлены отъ меня генералъ-прокурору.

Что мясники таковы, сіе и нынѣ доказывается.

Купецъ Сибряковъ доносилъ В. И. В., что здѣшніе мясопромышленники 13-ть человѣкъ за несоглашеніе якобы продавать по 3 к. ф. говядины, въ полиціи высѣчены, а трое, въ гильдіи записанные, въ смирительномъ домѣ работою кирпичей наказаны. На сіе В. В. осмѣливаюсь донести, что показанные мясные промышленники въ 1800 году обязались въ присутствіи 2-й части частнаго суда, что они будутъ производить продажу говядины по 1 р. 20 к. пудъ, но съ тѣмъ, чтобы кромѣ мясныхъ ихъ лавокъ никто не продавалъ въ розницу. Частный судъ, удовлетворяя ихъ требованія, находя по домамъ у торгующихъ говядину, отдавалъ въ пользу ихъ до нѣсколькихъ пудъ по 85 к., и о безпрепятственной покупкѣ во всѣхъ мѣстахъ скота, даже Тобольской губерніи въ Красноярскомъ уѣздѣ даваны отъ меня были открытыя повелѣнія и сообщаемо къ Тобольскому губернатору. — Но не смотря они на полученныя выгоды 1801 года въ іюнѣ мѣсяцѣ, совсѣмъ отъ продажи мяса для продовольствія городскихъ жителей отказались и многіе изъ нихъ разъѣхались. По поводу сего предписывалъ я градской думѣ войти въ разсмотрѣніе, о заведеніи мяснаго промысла на лучшемъ положеніи, мясопромышленникамъ сдѣлать подтвержденіе, чтобъ выполнили данное обязательство. Но вмѣсто должнаго исполненія, получилъ я чрезъ градскую думу разные отъ нихъ несправедливые отзывы, сопряженные съ грубостью и невѣжествомъ, по которымъ, давъ я знать градской думѣ, предписалъ полиціи произвести слѣдствіе и съ виновными по силѣ Высочайшаго 797 году іюля 18 дня указа, поступить по законамъ; полиція обще съ ратманомъ магистрата обслѣдовавъ нашла ихъ виновными не только въ несправедливыхъ отзывахъ, но и открылись отъ нихъ разстраивающія порядокъ грубости, опредѣлила въ присутствіи всѣхъ частныхъ судовъ и ратмана городоваго магистрата, изъ числа ихъ состоящихъ въ купцахъ 3-хъ человѣкъ, отослать для исправленія на 3 дня въ смирительный домъ, а прочіе какъ не подвергающіеся публичному наказанію присуждены къ оштрафованію лозами, что съ утвержденія моего на основаніи тогожъ Высочайшаго указа и исполнено. Слѣдовательно, подвергались тѣ мясопромышленники опредѣленному въ законахъ оштрафованію за несоглашеніе ихъ продавать въ убытокъ говядины, по 3 к. фунтъ, а за несоблюденіе даннаго о продовольствіи народ-

Digitized by Google

номъ частному суду увѣренія, и за оказанное къ начальству, сопряженное съ грубостью, неповиновеніе, о чемъ съ приговора градской полиціи препровождена отъ меня къ генералъ-прокурору копія.

Распоряженіе правителя, доносъ дерзкій.

Съ пріѣзда моего въ 799 г. въ Иркутскъ, замѣтилъ я, что многіе городскіе жители садятъ вмѣсто овощей въ огородахъ при домахъ своихъ табакъ, а другіе вмѣстѣ съ нимъ овощи и то малою частію, кои получая дурной вкусъ могли наносить вредъ человѣческому здоровью, домовыя птицы въ лѣтнее время почти ежегодно гибли, а какъ въ Малороссіи и въ другихъ мѣстахъ, сколько мнѣ видѣть случалось, обыкновенно сѣется табакъ на поляхъ, гдѣ никогда не занимаются уже мѣста никакими поваренными и другихъ овощей произрастеніями, посовѣтовался я о семъ съ инспекторомъ врачебной управы докторомъ 7 класса Реслеиномъ; онъ не только не одобрялъ сей городскихъ жителей вредной привычки садить въ одномъ огородѣ табакъ съ овощами, но и настоялъ по врачебному искусству дать имъ о семъ понятіе. По поводу сего приказалъ я полиціи объявить жителямъ, чтобъ заняться въ огородахъ своихъ саженьемъ овощей, какъ для нихъ, такъ и для обывателей къ подспорью въ пропитаніи необходимо нужныхъ, о которыхъ они почти и не заботились, не стѣсняя отнюдь и въ сѣяніи табаку, но особо въ пристойныхъ на предмѣстіи города мѣстахъ; для чего и приказано всѣмъ желающимъ отводить безпрепятственно особые огороды; но грубость и дурная привычка къ прежнимъ обыкновеніямъ, хотя въ самомъ дѣлѣ для самихъ ихъ вредными, вселила во многихъ негодованіе, подобно какъ случилось здѣсь при переводѣ въ 793 и 794 году изъ внутрь ниже города по теченію рѣки кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ,—въ чемъ многіе настаивали, чтобы со всею нечистотою оставить заводы въ домахъ ихъ. Слѣдственно купецъ Сибиряковъ вступилъ въ доносительство о табакѣ по единому своему безпокойству, вычисляя мнительные доходы ежегоднаго пріобрѣтенія до 30 т. р., и вмѣсто того будто-бы вымѣнивается нынѣ изъ-за границы табакъ на лучшіе пушные товары; но какъ всѣмъ торгующимъ извѣстно, что тогда сѣяли здѣсь въ огородахъ жители табакъ, который и нынѣ многими въ предмѣстіи города сѣется, впрочемъ по недобротѣ своей дальняго уваженія не заслуживающій, обращался въ продажу окружнымъ здѣшнимъ иновѣрцамъ отъ 1 р. до 2 р. пудъ, то не смотря на посѣвъ онаго, всегда привозился сюда купцами и нынѣ привозится большими партіями изъ Россіи называемый черкасскій, расходясь здѣсь въ продажу и отвозился по губерніи во всѣ мѣста, да и никогда не было остановки въ вымѣнѣ китайскаго изъ-за границы, который какъ прежде, такъ и нынѣ вымѣнивается на всякіе товары, какіе по торговлѣ съ Китайцами за границу отпускаются.

Сей доносъ о прошедшемъ

Пишетъ онъ, Сибиряковъ, будто бы въ оказаніе неограниченнаго въ здѣшней отдаленности моего самовластія, въ отмѣну Высочайше

Digitized by Google

конфирмованнаго 794 года августа 4 дня городу Иркутску плана, назначенныя по оному мѣста: 1-е, противъ соборной церкви площадью для стеченія народнаго, занялъ я подъ солдатскія казармы къ безовредію сей и другой Спасской церкви, оставя проулокъ не болѣе 7-ми сажень. 2-е, мѣсто назначенное по плану площади подъ построеніе полиціи отдано купцу подъ постройку лавокъ, а полицію приказалъ я занять общественный домъ. Въ семъ случаѣ ссылаюсь я, Всемилостивѣйшій Государь, на тотъ же Высочайше конфирмованный 1792, а не 1794 года августа 4-го планъ, что противъ соборной церкви никакой площади не назначено, а показываются на оном площади, гдѣ имъ быть положено, подъ лит. G мѣсто же, которое называетъ Сибиряковъ площадью, занималось ветхимъ деревяннымъ крѣпостнымъ строеніемъ и будучи подвержено совершенной гнилости, разваливаясь время отъ времени, служило тѣмъ мѣстамъ безобразіемъ, а какъ въ наблюденіи того плана, если чего въ натурѣ исполнить будетъ неможно, предоставлено поправлять, на распоряженіе главнаго въ губерніи начальника, то очистя оное мѣсто довольно нашелъ я пространнымъ и способнымъ подъ строеніе каменныхъ казармъ по Высочайше конфирмованному 10 ноября 1799 года плану и вмѣсто безобразія церквамъ, какъ порочитъ доноситель Сибиряковъ Высочайше конфирмованный казармамъ планъ и фасадъ служили-бы украшеніемъ, ибо заложены они были фундаментомъ съ уступкою противъ стараго строенія и улица оставлена съ угла того фундамента 14 сажень, а по нерегулярности церковной ограды къ берегу рѣки Ангары, при входѣ въ церковь 8 сажень. Но какъ тѣ казармы строиться должны на вносимыя отъ Россійско-Американской компаніи и дворянки Шелеховой деньги, правители же состоящей здѣсь конторы пріемлютъ постройку ихъ на свое попеченіе, и выпросили для нихъ другое мѣсто, то въ удовлетвореніе желанія ихъ, какъ мѣсто вновь назначено, такъ и перевозка заложеннаго фундамента предоставляется на попеченіе тѣхъ правителей.

дѣлъ т. к. за одно предположеніе, а не дѣйствіе.

2-е мѣсто для полиціи ознаменовано по плану на краю площади, напротивъ онаго возводится обывательское каменное строеніе съ торговыми лавками, въ концахъ площади выстроены до пріѣзда моего одинъ противъ другаго каменные обывательскіе домы, то для красоты площади и соблюденія симетріи, не отступая линіи городоваго плана, назначилъ я для полицейскаго дома мѣсто въ самой срединѣ, а по сторонамъ отвести желающимъ подъ постройку каменныхъ домовъ съ лавками, какъ изъ подносимаго при семъ фасада В. И. В. Высочайше усмотрѣть соизволите, и когда здѣшній купецъ Баскинъ вошелъ ко мнѣ съ просьбою объ отводѣ показаннаго мѣста, какъ долженствуемаго оставаться порожнимъ для выстройки каменнаго дому съ лавками, то безъ всякаго моего къ нему отличія, или пожалованія какъ пишетъ Сибиряковъ, приказано отвести и дать планъ на постройку; но купецъ Сибиряковъ, по бо-

Чистая абла.

Digitized by Google

рыстолюбію своему, узнавъ о семъ отводѣ мѣстъ, терзался завистью, что не успѣлъ прежде выпросить оное себѣ, злобствуя на своего гражданина осмѣлился доносить на меня В. И. В., объявляя при томъ ложно, будто-бы я общественный домъ приказалъ уже занять полиціею, которая и теперь остается безвыходно въ прежнемъ полицейскомъ домѣ, выстроенномъ въ 769 году; но въ общественномъ домѣ предлагалъ я только градской думѣ поправить неисправности, по случаю ветхости нынѣ занимаемаго полиціею.

Доноситъ тотъ Сибяряковъ, будто бы стѣснившіе жителей городовыхъ частные суды въ подвозѣ въ городъ изъ селеніевъ пропитанія, требованіями паспортовъ, знанія о квартирѣ, и взысканія съ хозяевъ за впускъ въ домы и необъявленіе тогожъ часа въ частяхъ по 5 р. за каждаго пріѣхавшаго человѣка штрафу.—На сіе осмѣливаюсь В. И. В. всеподданнѣйше донести: не скрывая предъ высокомонаршею особою вашей сущей истины, что я не только никогда не имѣлъ намѣренія къ стѣсненію городовыхъ жителей, кромѣ моего попеченія о общемъ благѣ и наблюденія законнаго порядка зависящаго отъ начальника, о чемъ выше сего Высочайше усмотрѣть соизволили,— съ пріѣзда моего въ Иркутскъ нашелъ я въ городѣ такое неустройство, что всѣ обыватели, не смотря на подтвержденія полиціи о объявленіи о всѣхъ пріѣзжающихъ къ нимъ въ домы по службѣ, по торговлѣ, по промысламъ и разнымъ упражненіямъ людяхъ, съ паспортами или безъ паспортовъ, дабы могли знать объ нихъ покрайней мѣрѣ частные суды и отвѣчать за каждаго въ части живущаго, или въ случаѣ непрестанныхъ требованіевъ о сыску разнаго званія людей изъ другихъ губерніевъ, могли о комъ справиться; но вмѣсто того многіе жители, пренебрегая полицейское учрежденіе, не объявляя о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, продолжали свое упрямство держать людей безъ объявленія частнымъ судамъ и полиціи; между тѣмъ начали открываться безпаспортные бѣглые, ссыльные изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ, проживающіе праздно приписанные къ селеніямъ посельщики, словомъ, по всѣмъ мѣстамъ встрѣтилась тьма праздношатающихъ, дѣлающихъ воровства и мошенничества; къ прекращенію сего безпорядка приказывалъ я чрезъ полицію объявить жителямъ города, о исполненіи закономъ отъ нихъ требуемаго и потомъ подтвердить съ подписками: но все сіе оставляли они безъ уваженія. Я къ приведенію въ порядокъ сего неустройства употребилъ послѣднія мѣры штрафовать виновныхъ чрезъ полицію пятирублевымъ взысканіемъ въ пользу тѣхъ, кто объявитъ бѣглаго воровство или пристанодержательство. Сіе средство доставило случай въ скоромъ времени открывать преступленія, сысканы многія воровства и самые похитители, и съ того же году преловлено крестьянъ разныхъ городовъ 44, посельщиковъ разныхъ уѣздовъ 157, ссыльныхъ съ суконной фабрики, бѣжавшихъ съ Нерчинскихъ и другихъ заводовъ 391 человѣкъ, изъ коихъ кто куда слѣдовалъ немедленно разсылались,

Совершенная правда, ибо сіе досель еще существуетъ.

Digitized by Google

ибо до пріѣзда моего въ Иркутскъ въ самомъ городѣ случилось штатной команды сержанту Бѣлавину и женѣ его въ собственномъ ихъ домѣ смертное убивство двумя шатающимися ссыльными, чрезъ подводъ таковаго жъ живущаго у нихъ посельщика.—Но вышеобъявленное оштрафованіе виновныхъ денежнымъ взысканіемъ, отнюдь не распространялось на жителей за необъявленія пріѣзжающихъ въ городъ крестьянъ съ хлѣбомъ и съѣстными припасами, а къ большему упрямству здѣшнихъ городовыхъ жителей, которые, совершенно поощряются къ неповиновенію доносителемъ Сибиряковымъ и нѣсколькими ему подобными, осмѣливаюсь В. И. В. представить, что не наблюдая они чистоты по улицамъ, ставили за обыкновеніе выпущать скотъ свой шататься во всякое время года по городу, я нѣсколько кратъ приказывалъ чрезъ полицію держать его на дворахъ, особливо въ прошлыхъ 1799 и 1800 годахъ по случаю бывшаго на рогатый скотъ падежа, чтобъ не могла больная скотина заражать здороваго, но невѣжество и нерадѣніе о собственной пользѣ, паче нехотѣніе исполнять приказаніе не имѣло желаемаго дѣйствія; сіе обстоятельство принудило меня дать приказаніе полиціи штрафовать непокорныхъ за взятую съ улицы скотину, смотря по состоянію отъ 25 к. не свыше одного рубля деньгами, за что нѣсколько и было штрафовано, съ обращеніемъ взысканныхъ съ нихъ денегъ на наемъ бывшимъ, тогда при частяхъ города людямъ, кои отвозили упалой скотъ за городъ и зарывали въ землю, особливо у тѣхъ, кои по бѣдности не имѣя своей лошади вывезти издохшую скотину, нанимать были не въ состояніи.

Продажа на рынкѣ хлѣбу и другимъ жизненнымъ припасамъ всегда производилась и производится свободная и такого установленія, какъ доноситъ Сибиряковъ, чтобъ покупатели купили столько сколько отъ полиціи приставленные позволятъ, никогда не было, а наблюдался одинъ порядокъ, на основаніи устава благочинія недозволеніи оптовой покупки, кромѣ розничной до полудня, но въ случаѣ достаточнаго привоза на рынокъ хлѣба, когда богатый не внемля нуждѣ бѣднаго не давалъ купить на одно пропитаніе его семейства ни малѣйшей части, были приказанія отъ полиціи по докладамъ мнѣ, отдѣлять таковымъ нужное количество, чего требовала справедливость и состраданіе къ человѣчеству. Справедливо.

Купецъ Русановъ, о которомъ доноситъ Сибиряковъ, за покупку для своего пропитанія за 100 пуд. хлѣба взятъ былъ въ часть и посланъ въ полицію для слѣдствія, содержанъ 5 дней и въ штрафъ купленный хлѣбъ взятъ неизвѣстно въ какой доходъ. Я о семъ обстоятельствѣ долгомъ поставляю донести: что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1800 году, когда встрѣчались отъ открывшихся въ уѣздѣ перекупщиковъ въ привозѣ сюда на продовольствіе городскихъ обывателей хлѣба препятствіи, и имѣя въ виду законныя постановленіи возбраняющія перевупъ на дорогахъ хлѣба и прочихъ припасовъ, везомые Законно.

Digitized by Google

на продажу въ городъ, приказывалъ я полиціи имѣть за симъ наблюденіе; въ то время показанный купецъ Русановъ имѣя близь Байкала за 60 верстъ отъ Иркутска въ содержаніи постоялой домъ, недовольствуясь покупкою на рынкѣ хлѣба переѣхалъ за рѣку Ангару покупать на дорогѣ, взялъ свои вѣсы, успѣлъ скупить не 100 пуд. а 74 пуд. 29 фун. По докладу о семъ отъ полиціи мнѣ, какъ покупка того хлѣба уничтожена, такъ и купленный имъ, велѣно продать на рынкѣ въ пользу бѣдныхъ, съ уменьшеніемъ противъ бывшихъ тогда цѣнъ по 10 коп. отъ пуда, по 35 к., за который вырученныя деньги для отсылки съ прочими куда слѣдуетъ остались въ вѣденіи полиціи: но за сей поступокъ изъ уваженія къ его неосторожности, нетолько не былъ онъ содержанъ въ полиціи, но и не отосланъ къ законному суженію, сдѣлано токмо подтвержденіе.

Одни сплетни и ябеда.

У мѣщанина Прянишникова, по доказательству мясопромышленниковъ за необъявленіе полиціи и частному суду привезеннаго имъ изъ селеніевъ мяса, чего и самый законный порядокъ требовалъ, особливо по бывшему тогда въ селеніяхъ скотскому падежу, долженъ былъ предъявить о несомнительности мяса увѣреніе, приказано отъ меня къ будущей его осторожности оставшееся отъ продажи 10 пудъ 15 фун., а не 190 пудовъ, такъ какъ по свидѣтельству оказалось несомнительное, отдать на пищу содержащимся въ тюремномъ замкѣ колодникамъ, а сало приказано возвратить хозяину.—У купцовъ Иванова и Березина, о которыхъ доноситъ Сибиряковъ, опечатаны амбары частнымъ приставомъ за то, что якобы имѣли они хлѣба болѣе двухъ мѣшковъ, составляющихъ вѣсу до 7 пудъ; но напротивъ доходили жалобы, что сіи люди, не смотря на нуждающихся жителей въ пропитаніи, отняли способъ большою покупкою себѣ и будто бы для перепродажи нужно было удостовѣриться о истиннѣ, приказано частному приставу осмотрѣть количество хлѣба; но какъ того дни за позднимъ временемъ сего не исполнено, то по запечатаніи амбаровъ до другаго дни нашлось у Иванова до 1,000 пуд.; а у Березина небольшая пропорція, то во уваженіе ихъ семейства, приказано весь хлѣбъ оставить въ ихъ пользу; а потому обо всемъ вышедонесенномъ изъ отобранныхъ мною отъ полиціи и частныхъ судовъ объясненіевъ препровождены къ генералъ-прокурору.

Сплетни.

Имѣющіе граждане кожевенные и другіе заводы и судоходствующіе, которыхъ не именуетъ въ доносѣ своемъ Сибиряковъ, суть вышеписанные *Мыльниковъ и Дударовскій*, первые его сообщники отправившіе своихъ прикащиковъ покупать хлѣбъ въ селеніяхъ и обзадачивать крестьянъ къ возвышенію дороговизны служащей къ народному отягощенію и въ убытокъ казнѣ при покупкѣ провіанта, по какимъ обстоятельствамъ лишены были закупленнаго тогда хлѣба Ваше Императорское Величество изъ вышеписаннаго Высочайше усмотрѣть соизволили; слѣдовательно не было для нихъ такой нужды, отъ которой терпѣли бы они голодъ, когда прочіе городовые жители не отлу-

Digitized by Google

чаясь въ уѣздѣ довольствовались покупкою въ городѣ, гдѣ не только не было воспрещенія до наполненія казенныхъ надобностей, но для того то самого, чтобъ привозъ неуменьшался сюда, сдѣлано по уѣзду о покупкѣ въ казну чрезъ казенныхъ коммисіонеровъ безъ возвышенія цѣнъ хозяйственное распоряженіе, а потому и вынудительнымъ отборомъ отъ поселянъ съ поставкою въ городовые магазины, въ то самое время, когда будто бы должны они засѣвать поля хлѣбомъ называетъ несправедливо, ибо поставляютъ сюда поселяне хлѣбъ по условіямъ тогда, когда для нихъ способнѣе; но въ случаѣ неустойки, чтобъ не были войска безъ пропитанія, дѣлается только побужденіе, а когда достаточно здѣсь хлѣба, даются отсрочки, но отъ сего никакихъ причинъ къ недосѣву хлѣба по нынѣ не случилось, тѣмъ менѣе, какъ онъ осмѣлился толковать въ противную сторону законную крестьянъ повинность, въ исправленіи дорогъ, чтобы отъ полевыхъ работъ было отвлеченіе, когда они сами должны безъ нарядовъ заботиться содержать свои участки дорогъ во всегдашней исправности. Доказательнѣе какъ самъ же онъ Сибиряковъ пишетъ, что могъ послѣдовать недостатокъ хлѣба отъ умножающагося здѣсь народа по числу бывшаго за 40 лѣтъ земледѣлія, но несправедливо объясняетъ, что неумножается оное отъ неотмежеванія земель къ каждому селенію: ибо извѣстно мнѣ, что при измѣреніи въ нѣкоторыхъ селеніяхъ земель многія нуждаются недостаткомъ, а расчистка вновь отнюдь неотвлечетъ трудолюбиваго земледѣльца отъ умноженія хлѣбопашества изъ опасенія, чтобъ не было ему сего въ вину поставлено, заслуживаетъ еще по пространству пустопорожнихъ мѣстъ, одобренія.

При учрежденіи въ 1799 году Американской компаніи по Высочайшему въ Бозѣ почивающаго Государя Императора—соизволенію въ нынѣшнее ея положеніе, бывшее здѣсь гласное правленіе опредѣлило изъ капитала оной взносить на постройку каменныхъ казармъ для войскъ въ Иркутскѣ находящихся въ теченіе 20 лѣтъ каждогодно въ началѣ генваря мѣсяца по 3,000 р. начиная съ 1800 года да въ военную гофшпиталь въ пособіе страждущихъ болѣзнями единовременно при донесеніи представило ко мнѣ 500 р., которыя тогда же въ полкъ отосланы, да особо дворянка Шелихова поданнымъ мнѣ письмомъ обнадежила для казармъ взнести послѣ 1-го генваря того же 1800 года 5,000 р. и при семъ же случаѣ вызвалась изъ участка малолѣтняго ея сына Василья Шелихова представить 3,000 р., кромѣ того избранный въ опекуны изъ семейства Шелихова, зять ея устюжскій купецъ (что нынѣ коммерціи совѣтникъ) Булдаковъ 1,000 р. всего отъ компаніи и отъ семейства Шелиховой въ одинъ годъ 12,000 р.—о чемъ всеподданнѣйше доносилъ я отъ 20 сентября 799 года, съ препровожденіемъ казармамъ плана и фасада на Высочайшее усмотрѣніе, и получа на сіе отъ 10 ноября тогожъ 799 года Монаршее благоволеніе, не оставилъ извѣстить главное правленіе

Digitized by Google

компаніи и дворянку Шелихову, вслѣдствіе чего по наступленіи 1800 году взнесли ко мнѣ на первой случай дворянка Шелихова 8-го и 19-го генваря 2,000 р., 27-го главное правленіе 3,000 р. 1801 года тоже правленіе февраля 1-го 3,000 р. и мая 7-го дворянка Шелихова 3,000 р. всего 11,000 р. А болѣе сей суммы какъ отъ компаніи, такъ и отъ дворянки Шелиховой, по нынѣ ко мнѣ представляемо не было и я дѣлать имъ понужденія не имѣлъ никакого долгу. На показанную сумму, какіе приготовлены подъ собственнымъ моимъ наблюденіемъ для постройки казармъ припасы и матеріалы, препровождена отъ меня вѣдомость генералъ-прокурору.

Дерзкая и непринадлежащая клевета.

Но съ чего осмѣлился Вашему Императорскому Величеству клеветать на меня ложно Сибиряковъ, будто бы взнесено ко мнѣ отъ компаніи и дворянки Шелиховой 19,000 р. и кромѣ заложеннаго небольшаго подъ казармы фундамента никакихъ въ приготовленіи припасовъ не видно, я постигнуть не могу, а при томъ будто бы дѣлающійся на оныя въ смирительномъ домѣ кирпичъ разнаго званія людьми поставляется на счетъ той суммы въ 12 р. 50 к. тысяча, — чего никогда я въ мыслях моихъ не имѣлъ; но вмѣсто того какіе приготовлялись на оныя припасы, старался я изыскать способы сколько можно противъ покупки дешевлѣе къ дѣланію кирпича 150,000 и то въ нынѣшнемъ только году подряжены вольные мастера по 6 р. съ тысячи каковой ими же продается отъ 8 до 10 р. Изъ сего Ваше Императорское Величество высочайше усмотрѣть соизволите, съ какою дерзостію отважился Сибиряковъ поставлять меня предъ Высокомонаршею особою вашею, расточителемъ ввѣреннаго мнѣ на построеніе казармъ капитала, взносимаго на предметъ общей пользы, къ чему самому я прилагалъ попеченіе.

Тоже.

Доноситъ онъ о переселеніи изъ ближней къ городу деревни обитателей за 150 верстъ, вмѣсто того поставляетъ опасностію обзаведеніе домами по близости тюремнаго замка изъ находящихся въ рабочемъ домѣ (который называетъ моимъ) ссыльныхъ, кои будто бы работаютъ за выдаваемое одно пропитаніе и работаютъ по договорамъ у гражданъ по 50 и болѣе одинъ человѣкъ въ день платы, и доходы сіи, какъ слышно ему, остаются въ собственный моей зависимости.

Тоже.

Люди, которые населены были въ подгородной деревнѣ, называемой Пивоваровскою, сосланные за важныя преступленія съ безчестнымъ наказаніемъ, обзаведясь домами, не занимаясь хлѣбопашествомъ, начали по прежней своей привычкѣ къ дѣлу оказываться въ воровствахъ пристанодержательствахъ и другихъ злодѣяніяхъ, то чтобъ удалить ихъ отъ города и занять сіи мѣста лучшими земледѣльцами,—писалъ я о переселеніи ихъ на другое мѣсто къ бывшему генералъ-прокурору Обольянинову, который далъ разрѣшеніе, и они прошлаго году за 180 верстъ на назначенное мѣсто переселены, о чемъ по указу правительствующаго сената поручаемо было разсмотрѣть сенатору Силифонтову.

Digitized by Google

О конторѣ строенія домовъ и разныхъ ремеслъ, которую называетъ Сибиряковъ рабочимъ домомъ всеподданнѣйше доношу: что съ пріѣзда моего въ Иркутскъ встрѣтилъ я въ разныхъ мастеровыхъ какъ-то: каменщикахъ, плотникахъ, столярахъ, кузнецахъ, слесаряхъ и другихъ знающихъ необходимо нужныя ремесла, только ощутительный недостатокъ, что нетолько трудно было отыскивать къ постройкѣ новыхъ строеній изъ вольныхъ людей за умѣренныя цѣны, но и самыя необходимо нужныя при казенныхъ строеніяхъ поправки, подвержены были крайнему затрудненію, съ чувствительными иногда издержками, не упоминая о строеніяхъ частныхъ людей, которыя оставались по нѣскольку лѣтъ не оконченными. Въ предупрежденіе сего, и чтобъ доставить жителямъ города вспоможеніе, особливо отвратить возвысившуюся на всѣ почти генерально мастерства дороговизну, всеподданнѣйше представлялъ я о семъ въ Бозѣ почивающему Государю Императору, на что удостоился получить именный Высочайшій отъ 3-го числа іюля 1800 года указъ, коимъ благоугодно было повелѣть изъ присылаемыхъ въ Иркутскую губернію преступниковъ, выбрать для города разныхъ мастеровыхъ до 100 человѣкъ; вслѣдствіе чего показанное число мастеровыхъ изъ тѣхъ ссыльныхъ и выбрано, о чемъ обстоятельнѣе имѣетъ свѣденіе сенаторъ Селифонтовъ; всѣмъ выбраннымъ мастерамъ опредѣлено содержаніе, провіантъ, одежда и обувь, кормовыя деньги по 90 к. въ мѣсяцъ, жалованья каждому въ годъ по 12 р.; для наблюденія порядка опредѣленъ смотритель и помощникъ, вырабатываемая ими по разнымъ мастерствамъ плата, изъ которой получаютъ они содержаніе, поступаетъ въ приходъ въ вѣдомство конторы строенія, и записывается въ данную смотрителю по повелѣніямъ моимъ шнуровую книгу, словомъ учреждены сіи мастерства въ самолучшемъ положеніи, не для моей, Всемилостивѣйшій Государь! собственности, какъ злословитъ доноситель Сибиряковъ, а единственно для пользы города; люди всѣ хотя сосланы по преступленіямъ, но будучи довольны содержаніемъ и находятся подъ надзоромъ, ведутъ жизнь спокойную, многіе изъ нихъ женаты и по близости тюремнаго замка (коему подношу у сего планъ и фасадъ) выстраиваются какъ въ пристойномъ для нихъ мѣстѣ за городомъ, домами, безъ всякой опасности городовымъ обывателямъ, изъ коихъ многіи занимаютъ ихъ мастерствами съ удовольствіемъ, съ дачею платы смотря по работѣ; но дабы необременить Ваше Императорское Величество подробнымъ о положеніи той конторы объясненіемъ, препроводилъ я со всѣхъ касающихся до оной бумагъ къ генералъ-прокурору копіи.

Непозволена ябеда и клевета.

О переносѣ построенной въ 798 году кордегардіи на другое мѣсто доноситъ Сибиряковъ, будто бы къ отягощенію гражданскаго общества, надобно мнѣ было дать повелѣніе въ противность 7-й статьи Высочайшаго о городахъ положенія, наложеніемъ подати и за отзывъ общества объ увольненіи отъ сей излишней издержки, чрезъ городскую

Обыкновенное дѣло здѣшняго общества.

Digitized by Google

думу къ нѣкоторымъ первымъ гражданамъ произведенъ якобы мною гнѣвъ, гоненіи и страхъ объявленный чрезъ градскаго главу довести ихъ до публичнаго наказанія.—На сіе Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу: что выстроенная въ 798 году по повелѣнію предмѣстника моего съ равнымъ же упорствомъ гражданъ кордегардія, расположена была на томъ мѣстѣ, которое по Высочайше конфирмованному губернскому городу плану слѣдуетъ подъ строеніе присутственныхъ мѣстъ и губернскаго правленія, и всякій пріѣзжающій въ городъ долженъ для записки быть у сей кордегардіи, гдѣ потѣснотѣ мѣста какъ противъ самой церкви во время службы отъ бываемыхъ ежедневно вахтъ-парадовъ, равно и безпрестаннаго проѣзда встрѣчалось помѣшательство, то по сей причинѣ самая необходимость требовала дать повелѣніе градской думѣ перенести ее въ нынѣшнее мѣсто на Никольскую площадь,—постройка или починка кордегардіевъ по силѣ Высочайше конфирмованнаго въ 12 день марта 798 года доклада комиссіи оставлена насчетъ купцевъ, мѣщанъ и цѣховыхъ, а какъ привычка здѣшнихъ обывателей въ неисполненіи законныхъ требованій введена въ обыкновеніе, то принужденъ я былъ дать вторичное градской думѣ предложеніе, истолковать несправедливое ихъ упорство и представляемое въ переносѣ отягощеніе, которое составляло маловажной суммы, давъ имъ способъ заняться мастеровыми изъ конторы строенія, съ положеніемъ по смѣтѣ за плотничество, столярство, токарство и кладку печей, всей издержки 250 р., но и сихъ денегъ отъ градской думы по нынѣ непредставлено, кромѣ что приготовлено было со стороны ея вмѣсто изгнившихъ новыя бревна и на обивку стѣнъ тесъ и гвозди, но и на сіе никакого сбору съ жителей, какъ нынѣ городская дума донесла мнѣ, не было, а употреблены деньги изъ городовыхъ доходовъ.

Справедливо и по опыту извѣстно.

Первые граждане, о которыхъ упоминаетъ Сибиряковъ, подвергнувшіеся будто бы моему гоненію за отзывъ отъ переноса кордегардіи, одни и тѣже, *Мыльниковъ и Дударовскій*, о коихъ выше сего явствуетъ, и еще нѣсколько имъ подобныхъ, суть люди первые, *Сибирякова единомышленники, растраивающіе цѣлое общество, и поощряющіе къ неповиновенію.* Я неимѣлъ никакой надобности дѣлать столь непристойныхъ угрозъ, какъ пишетъ Сибиряковъ, чтобъ довести ихъ до публичнаго наказанія, когда и безъ того по поступкамъ своимъ рано или поздно обратятъ они на себя всю строгость законами опредѣленную, но не скрываю Всемилостивѣйшій Государь! прискорбія моего, съ коимъ принужденъ я былъ чрезъ бывшаго градскаго голову внушить имъ, чтобъ перемѣнили дурной образъ ихъ жизни, которую ведутъ они поноснымъ образомъ, и будучи до сего по многимъ дѣламъ замѣчены, легко подпадутъ суду и законному взысканію, сіе то самое поставляетъ Сибиряковъ къ гнѣву, гоненію, и страху отъ меня происшедшему, вздумалъ предупреждать несправедливою своею жалобою, оставаясь въ безпокойномъ нравѣ безъ исправленія.

Digitized by Google

О взнесенныхъ отъ городовыхъ обывателей на отапливаніе казенныхъ покоевъ, гдѣ я живу, за дрова на настоящее и за прошедшее время деньгахъ, которыя обращаетъ Сибиряковъ на счетъ Всемилостивѣйше пожалованныхъ мнѣ на столъ денегъ, я не могу представить, на какомъ положеніи основывалъ онъ свое донесеніе, опровергающее Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, не лишающую квартиры военнаго губернатора снабженіемъ дровъ на отапливаніе отъ обывателей, такъ и прежде бывшій здѣсь военный начальникъ получалъ въ натурѣ дрова на казенный же домъ отъ здѣшнихъ гражданъ, то справедливо ли осмѣлился онъ безпокоить Ваше Величество своею просьбою, предаю во Всевысочайшее Ваше благоразсмотрѣніе.

Дерзость не простительная.

Доноситъ онъ, Сибиряковъ, о удержаніи въ перевозѣ чрезъ Байкалъ въ позднее осеннее время купеческихъ товаровъ, на судахъ дощениками называемыхъ, въ коихъ имѣетъ онъ большое участіе; но какъ именнымъ Высочайшимъ указомъ поручено сдѣлать о семъ разсмотрѣніе г-ну тайному совѣтнику сенатору Селифонтову, отъ котораго имѣю я сношеніе, то отправя къ нему всѣ нужныя по сей части свѣденія и увѣдомя предъ симъ генералъ отъ инфантеріи генералъ-прокурора, долгомъ себѣ поставляю всеподданнѣйше донесть Вашему Императорскому Величеству особо и донесеніе мое о семъ обще съ симъ же представляется.

Доказываетъ нынѣшнее разбитіе судовъ, нужно ли имѣть наблюденіе начальства.

Упоминаемыхъ Сибиряковымъ поселянамъ нарядовъ къ сплаву въ Якутскъ хлѣба безъ крайней казенной надобности не случалось, кромѣ бывшаго въ 799 году отправленія отъ селъ въ Камчатку Семова полку (что нынѣ Камчатскій батальонъ), который со всѣми полковыми тягостями, амуниціей и провіантомъ, отправленъ былъ до Якутска рѣкою Леною, на приготовленныхъ отъ казны судахъ и въ 1801 году отправлены были подобнымъ же образомъ слѣдующіе туда рекруты; для препровожденія отъ мѣста до мѣста судовъ браны были лоцманы за подлежащую изъ казны плату; а хотя въ тѣхъ же годахъ, равно какъ и въ 1800 году, отправлялся туда на продовольствіе войскъ казенный провіантъ и сіе случается одинъ разъ въ годъ, но дѣлано было въ необходимыхъ случаяхъ въ проплавѣ судовъ и въ снятіи съ мелей чрезъ уѣздныхъ жителей вспоможеніе; а какъ здѣшніе купцы, въ томъ числѣ и Сибиряковъ, имѣя судовыя заведенія, сообщаясь одинъ съ другимъ, вымогали отъ казны за поставки къ совершенному ея отягощенію такія цѣны, какія только взять имъ желалось, а казна въ необходимыхъ случаяхъ платить ихъ непремѣнно принуждалась: то къ сбереженію оной отъ напраснаго убытка, расположился я дѣйствовать гдѣ есть возможность чрезъ казенныхъ коммисіонеровъ, отъ чего находя знатное уменьшеніе издержекъ безъ народнаго отягощенія пресѣкъ многихъ пути пользоваться отъ казны непомѣрнымъ прибыткомъ, навлекъ на себя описанное Сибиряковымъ негодованіе. Отрѣшеніе или перемѣна его Сибирякова въ 799 году

Вся сія статья заключаетъ совершенную справедливость.

Digitized by Google

отъ должности градскаго главы, послѣдовала не по другимъ какимъ видамъ, или какъ пишетъ онъ за собираемые якобы съ жителей полиціею штрафы: но за неисполненіе имъ законныхъ требованій, оказанныя упорства и неповиновеніе, открывшіяся *при первомъ еще вступленіи моемъ въ должность; состоялъ онъ, кромѣ того съ 793 года во взятыхъ подложныхъ векселей, подъ судомъ, за неокончаніемъ коего не только не могъ онъ быть головою, но и изъ общества по силѣ Высочайшаго о городахъ положенія 52 статьи* долженъ быть исключенъ, пока оправдается, о чемъ 23-го мая того жъ 799 года, донесено отъ меня со всѣми обстоятельствами правительствующему сенату и бывшему генералъ-прокурору князю Лопухину, но когда сіе дѣло о подложныхъ векселяхъ дошло на разсмотрѣніе правительствующаго сената и Сибиряковъ избавленъ отъ подлежащаго штрафа силою Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества манифеста 2-го апрѣля 1801 года, коему указомъ правительствующаго сената отъ 25-го апрѣля тогожъ года, предписано, съ заключающимися по дѣлу людьми сдѣлать подтвержденіе, чтобъ впередъ отъ подобныхъ поступковъ всемѣрно воздержался; то и на сіе повелѣніе, по свойственной ему дерзости, не упустилъ онъ въ нынѣшней просьбѣ своей жаловаться, будто бы правительствующій сенатъ не входилъ въ разсмотрѣніе дѣла сего, а предписалъ съ объявленіемъ милостиваго прощенія оное оставить. *Безпокойство Сибирякова, съ которымъ поступалъ онъ почти при всѣхъ моихъ предмѣстникахъ*, открылось при мнѣ столь неограниченнымъ, что онъ безъ всякаго къ начальству уваженія, поносилъ меня нескрытнымъ образомъ, я, извѣщаясь объ нихъ, оставлялъ безъ всякаго вниманія, ожидалъ его возчувствованія, но наглость его всегда поощряла являться въ домахъ, гдѣ мнѣ быть случалось; всякому прискорбно видѣть человѣка злословящаго начальника безстыднымъ образомъ; приказалъ я городничему сказать Сибирякову, чтобъ не былъ онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ быть мнѣ иногда случится; не думалъ никогда о тѣхъ дурныхъ воображеніяхъ Сибирякова, которыя онъ изъ боязни за дерзость свою, что яко бы я имѣлъ намѣреніе къ поврежденію его здоровья, помѣстилъ себѣ въ голову, ибо несвойственно сіе ни лѣтамъ моимъ, ни званію чина, тѣмъ менѣе должности начальника, который обязанъ самъ смотрѣть за благоустройствомъ и тишиною, нежели рѣшиться на толь низкій и свойственный одному доносителю Сибирякову, и ему подобнымъ, поступокъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Изъ всего вышедонесеннаго Высочайше усмотрѣть соизволите, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ здѣсь каждый начальникъ при отправленіи множества другихъ дѣлъ по разнымъ частямъ, здѣшней обширной губерніи встрѣчающихся, преходить Высочайше ввѣренную должность, когда своевольство, грубость и невѣжество, не повинуясь законамъ, не уважая поставленное начальство, дерзаетъ несправедливо предъ Высокомонаршимъ

Digitized by Google

престоломъ обносить разными противными здравому разсудку оклеветаніями.

Проходя постепенно безъ всякаго пороку 50-ти-лѣтнюю службу мою, достигнувъ трудомъ и ранами носимое мною званіе, украшенъ будучи Всемилостивѣйше дарованными знаками отличія, могъ ли бы я помышлять Всеавгустѣйшій Монархъ! о каковыхъ либо пристрастіяхъ, которыя закономъ и Высочайшей волей Вашей противны—и обращать во зло сдѣланную мнѣ отъ премудраго и милосердаго Государя довѣренность, когда уже доживая остатки дней моей старости, готовлюсь предстать предъ судъ самого Бога, а потому не обинуясь осмѣливаюсь увѣрить священнѣйшую особу Вашу, что когда показанный доноситель Сибиряковъ и его сообщники, разстраивающіе общество при каждомъ начальникѣ, оставаться будутъ здѣсь безъ должнаго по законамъ взысканія, такъ какъ и за прежніе свои поступки получилъ онъ прощеніе силою токмо Всемилостивѣйшихъ манифестовъ: то никогда нельзя ожидать устройства въ обществѣ, и законнаго повиновенія, кромѣ единаго безпокойства и высшему начальству затрудненія.

Тоже справедливо.

Мая 24 дня
1802 года.

Digitized by Google

М. В. Д.

2-я ЭКСПЕДИЦІЯ

Отвѣтная № 1386.

Съ представленіемъ обстоятельствъ, всеподданнѣйшую просьбу Иркутскаго градскаго главы Мыльникова сопровождавшихъ, о повинностяхъ Иркутскими жителями отправляемыхъ.

От Сибирскаго Генералъ Губернатора.

31 Мая 1805 года.

Въ Иркутскѣ № 2835.

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Имѣвъ честь получить нынѣ почтеннѣйшее отношеніе в. с. отъ 28 марта, съ препровожденіемъ въ спискѣ всеподданнѣйшаго прошенія Иркутскаго градскаго главы Мыльникова отъ 8 декабря 1804 года, будто бы отъ лица всего общества градскаго посланнаго, объ отдачѣ въ пользу города виннаго откупа, состоящаго за коммерцъ-совѣтникомъ Передовшиковымъ, во уваженіе стѣсненнаго состоянія города отъ множества лежащихъ на немъ обязанностей, — я сперва приведенъ въ удивленіе таковымъ отважнымъ предпріятіемъ здѣшняго купечества; но не имѣвъ до сихъ самыхъ поръ никакого даже слуху о семъ, и считая невозможнымъ быть такъ скрыту дѣлу цѣлымъ обществомъ предпринятому, — я принужденнымъ нашелъ вывести наружу мое сомнѣніе, чтобъ таковая всеподданнѣйшая просьба не была подложная.

Вслѣдствіе того по собраннымъ справкамъ открылось:

1) Что городское общество не только не участвовало въ составленіи оной просьбы, но также никто, а паче ни одинъ изъ первѣйшихъ здѣшнихъ гражданъ не зналъ, и предположеніе о томъ — и они теперь въ сильномъ неудовольствіи по двумъ причинамъ; во первыхъ, что не приглашены къ такому важному предпріятію; а во вторыхъ, что замѣшаны мимо знанія ихъ въ неосновательное дѣло.

2) Что Мыльниковъ не былъ еще тогда градскимъ главою, когда послалъ отъ себя всеподданнѣйшее прошеніе: назначеніе только его съ прочими кончилось 7-го ч. декабря прошлаго года, а представленіе ко мнѣ на утвержденіе не одного его, но съ другими выбираемыми кандидатами сдѣлано 15-го, утвержденъ онъ 18-го ч. декабря, въ исправленіе же должности вступилъ уже съ началомъ нынѣшняго года, и

Digitized by Google

3) Что онъ, Мыльниковъ, при всемъ своемъ расположеніи къ таковымъ затѣямъ, не могъ бы произвести оныхъ въ дѣйствіе по своему малознанію письма, и по ненадежности въ томъ на самого себя; но съ нимъ соединялся *купецъ Сибиряковъ, дерзкій и безпокойный человѣкъ*, слишкомъ возмечтавшій о своемъ знаніи въ производствѣ письменныхъ дѣлъ, *который не одинъ уже разъ судимъ былъ за дерзости и пустые доносы*—и объ которомъ имѣются дѣла и въ Правительствующемъ Сенатѣ. Онъ-то составлялъ и сіе подложное прошеніе—и вмѣстѣ съ Мыльниковымъ вовлекли въ согласіе на то еще третьяго купца Баснина, бывшаго прежде содержателемъ винной продажи города Иркутска; болѣе же ихъ тропхъ, никто о томъ и не зналъ.

Кромѣ сего съ перваго разсмотрѣнія моего просьбы, замѣтилъ я, что чрезвычайно уже увеличены городскія повинности, а о городскихъ доходахъ не упомянуто ни слова, хотя по свидѣтельству здѣшнихъ гражданъ столько достаточно оныхъ, что могли бы даже безнужно удовлетвориться ими и всѣ тѣ, хотя съ прибавкою выведенныя нужды. О семъ я давно уже собираю подробныя свѣдѣнія—и теперь не упущу настоять о скорѣйшемъ полученіи онихъ; тогда сдѣлаю по предмету сему сообразное заключеніе и донесу в. с-ству.

Надѣясь, что в. с-ство не оставите таковой обнаруженной дерзости безъ вниманія, я приличнымъ нахожу предупредить еще притомъ васъ, м. г., что оная тѣмъ болѣе непростительна, что ни градской глава Мыльниковъ, ни совмѣстники его, купцы Сибиряковъ и Баснинъ, не имѣли ни малѣйшей причины къ такому отважному риску. Они изъявляютъ неудовольствіе въ отдачѣ питейной продажи иногородному Передовшикову; но для чего же они сами допустили до того?—само по себѣ, что они были первые вступившіе въ торги и можно ли вообразить до чего уже было дошли они въ надеждѣ, что безъ нихъ обойтиться нельзя: они не показывали почти ни на что своей рѣшимости, до самыхъ послѣднихъ и окончательныхъ сроковъ къ торгамъ; а тогда упорствовали въ закоснѣломъ уже своемъ настояніи, дабы соглашено было на саможелаемыя ими кондиціи,—и на ту цѣну, кою сами они по собственнымъ разсчетамъ поставятъ. Казенная палата, по слабости своей, уже считала себя въ необходимости согласиться на все предполагаемое ими въ очевидное неумѣренное отягощеніе казны, приняла отъ нихъ кондиціи и испрашивала отъ меня согласія на заключеніе съ ними договоровъ. Много бы было изъяснять здѣсь всѣ тѣ безпокойствія, кои я имѣлъ по сему откупу. Я подробно объ нихъ увѣдомлялъ г. министра финансовъ гр. Алексѣя Ивановича Васильева, для сужденія же в. с-ства о томъ, и какія побужденія и выгоды казенныя имѣлъ я въ виду, при утвержденіи онаго за коммерцъ-совѣтникомъ Передовшиковымъ, представляю при семъ на благоусмотрѣніе ваше списокъ, съ послѣдняго по тому случаю отношенія моего къ нему. Впрочемъ, в. с-ству не меньше извѣ-

Digitized by Google

стно по бывшимъ здѣсь подрядамъ на развозку солей, каковы здѣшніе купцы!

Въ таковомъ-то, чрезвычайномъ видѣ, донося в. с-ству о безмѣрной дерзости градскаго главы Мыльникова обще съ купцами Сибиряковымъ и Басниным, отважившихся утруждать Государя Императора ложными представленіями, будто отъ лица всего общества, которое вовсе не знало о томъ, да и прежде бытности еще Мыльникова градскимъ главою составленнымъ, я предаю благоразсужденію вашему— чего не могутъ позволить себя таковые неблагомыслящіе люди, если оставить сіе безъ строгаго взысканія законами опредѣленнаго. А посему я всепокорнѣйше испрашиваю у в. с-ства предписанія, какія принять средства къ обузданію таковаго непозволеннаго своевольства.

Генералъ-губернаторъ (на подлинномъ подписалъ)

Иванъ Селифонтовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JAN ~ - 1955

Digitized by Google

Digitized by Google